

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ВЕДЬМИНА ДОРОГА

ПОПУТЧИКИ

НАТАЛЬЯ АВЕРБУХ

Не так-то легко маленькому человеку выжить на фоне большой политики. Бароны перекраивают страну, орден братьев-заступников рвётся к власти, наёмные убийцы предают свои идеалы... Честность оказывается ложью, дружба предательством... а что остаётся? Остаться собой и держать данное когда-то слово?..

Наталья Авербух

Попутчики

Посвящается батраку Гийому из несуществующей деревни Монсильван, с которым все эти события вполне могли бы произойти.

Предыстория

Братья Камня

Кружилась метель. Он с трудом брёл домой. Брат ордена Камня. Брат Камня. Человек, поклявшийся служить Заступнику. Человек, поклявшийся помогать людям. Холодно. Трудно вырывать ноги из земли. К коленям норовил прижаться Паулус — его новый пёс. Трудно... надо поправлять волокушу с её страшным грузом. Душу терзали страдания. Он не справился. Не сумел. Пришёл слишком поздно.

Паулусу не хватало опыта, он был, говоря по правде, ещё совсем молодым псом. Это могло бы быть оправданием, но брат ордена Камня не нуждался в оправданиях. Никто не мог обвинить его сильнее, чем он винил сам себя.

Он мог взять Альваха, пса, с которым обычно ходил брат Кипп. Но нет. Он предпочёл взять своего.

Паулусу надо было учиться.

Но... такой ценой?!

Он не успел.

Человек погиб.

Он не смог его спасти.

Как мог путник отважиться идти через перевал в такую погоду?

Зачем он пошёл?

При нём было очень мало денег и никаких драгоценностей. Он даже не успел принять последнее благословение.

...его душа не обретёт покоя...

Брат ордена Камня нашёл при несчастном пачку писем, спрятанных так тщательно, как будто бы путник опасался грабителей. Грабителей, искавших эти письма? В их глухих местах, где нет укрытия иного, чем стены монастыря?

Это было странно.

...отец приор, быть может, сумеет понять, что это значит...

Было холодно... каждый шаг давался с трудом, ветер лез под одежду, ерошил шерсть пса, засыпал привязанного к волокушам покойника.

Монах с трудом отодвинул тяжёлую дверь монастыря, пропуская пса с волокушей. Ему предстояло позаботиться о собаке, передать тело несчастного братьям и рассказать о случившемся отцу приору.

...до отца приора монах добрался перед самой заутреней...

Коротко, не виня себя и не оправдываясь, рассказал о произошедшем.

...такое уже случалось с ними. Такое случалось не раз.

... но каждый раз ломал что-то в душе.

Монах протянул приору найденный при несчастном свёрток. Может быть, там написано его имя... Приор отечески кивнул, не откладывая, развернул бумаги, взгляделся... и переменился в лице.

— Ты не заглядывал в них? — подозрительно спросил приор.

Душу сковало ужасное предчувствие, он застонал...

И проснулся. Было темно, тесно и твердо. И холодно. Совсем не похоже на его келью в родном монастыре. Что ему снилось?.. Снег... Зима, метель, чья-то смерть...

Он умер?! Это гроб?!

Монах проснулся окончательно.

Рядом горячо дышал Руфус, его старый пёс. Он проснулся одновременно с любимым хозяином и тут же полез его вылизывать. Монах привычно увернулся от капающих слюней.

— Тихо, рует^[1], тихо, — прошептал он.

Память потихоньку возвращалась.

Лето подходило к концу. Он — у старого и надёжного друга, делит с ним кров и постель, как заповедовал Заступник. Он... Сбежал. Бросил монастырь, братьев, бросил свой долг.

...Отец Наркис, приор их монастыря, пришёл в его келью глубокой ночью. Монах не спал, он молился Заступнику, умоляя просветить его разум, вернуть спокойствие в душу.

— Ты не спишь, брат Полди, — сказал отец Наркис, притворив за собой дверь. — Тем лучше.

Монаху, измученному бессонной ночью и страхом, приход отца приора показался ответом на его молитвы. Отец Наркис был человек умный, в отличие от брата Полди, успевшим повидать мир, прежде чем принять постриг. Он пришёл из святых земель с письмом от тамошнего магистра. Настоятель встретил его настороженно, но отец Наркис удовольствовался должностью приора, по правде сказать, сняв этим с отца настоятеля немалый груз. С тех пор дела в монастыре пошли на лад. Брат Полди не имел иных послушаний, кроме своего искусства и помощи путникам на перевале, поэтому общался с отцом приором меньше, чем остальные братья. Он и на перевал мог бы не ходить, но... Ему слишком нравились собаки и — быть полезным людям. Люди влекли его необычайно, несмотря на обеты, требующие отречься от мира. Отец Наркис поддерживал его. Отец Наркис видел и понимал многое, даже что творится на душе у его братьев.

Приор положил свёрток на стоящий у окна стол.

— Здесь твоя книга, — сказал он.

Монах удивлённо заморгал. Он думал, что книгу отправят иначе. Не завернутую в старые тряпки, а с почётом и сопровождающими, достойными его творения.

— Идём, — продолжал приор. — Я открою тебе заднюю калитку. Во дворе тебя ждёт сумка с припасами, которую ты должен был взять в Кертианское аббатство. Еда, одеяла... Немного денег.

— Но я думал...

— Сын мой. Ты так юн и неопытен. Всё, что ты знаешь — лишь стены нашего монастыря и свои книги. Но ты должен понять. Ты помнишь путника, который погиб зимой?

Это Полди помнил очень хорошо и понурил голову.

— Нет, нет, ты не должен себя винить! — с жаром возразил приор мыслям монаха. — Его смерть... не иначе как рука Заступника... Впрочем, нет. Нам не дано постигнуть Его волю. Слушай. Бумаги, которые были при нём... орден братьев-заступников хочет слишком много. Не только тебя и Книгу, которую ты создал, не только славу величайшего творения. Они замышляют зло против нас, зло против Ордена Камня и...

Приор понизил голос и придвинулся к брату Полди.

— Я не вправе тебе открыть всего, но уверен, они замышляют зло и против Святого престола.

Монах охнул.

— Отец, но как же... что же... Неужели нельзя... Пошлите кого-нибудь в Терну^[2]... пошлите меня... мы должны же...

— В Терне они влиятельны куда более, чем в этой далёкой стране, — спокойно возразил приор и Полди как-то остро вспомнил, что отец Наркис пришёл издалека. Может быть, из самой Терны. Во всяком случае, он в ней бывал. Может быть, он видел Святейшего отца...

— Но что тогда?..

— Ты возьмёшь Книгу и тайно покинешь монастырь, — ответил приор так уверенно, что Полди понял: отец Наркис всё обдумал и обдумал очень хорошо. — Спрячь её и найди покупателя.

— Но она бесценна!

— Знаю. Но ты найдёшь того, кто сможет заплатить за неё деньги. Поищи руки более чистые, чем руки братьев-заступников. Нам нужна помощь светских властителей, а она, увы, только покупается, не даётся даром.

Брат Полди ошеломлённо кивнул.

Отец приор положил руку на его плечо.

— Мы не можем защитить ни тебя, ни Книгу, ни наш монастырь, ни орден, как не смог защититься магистр Эрвин, подло убитый на севере. Поэтому нам надо бежать и прятаться. Осенью под Сетором будет рыцарский турнир, туда съедутся бароны^[3] со всего Тафелона^[4]. Я найду тебя там или в нашем монастыре в Лабаниане, а до того постарайся остаться в живых, сохранить Книгу и получить за неё деньги.

Монах молча кивнул. Говорить он не мог — страх сдавил горло. Он помнил про магистра Эрвина. После его внезапной смерти монастырь на северной дороге был занят братьями-заступниками. Не находя слов, он поцеловал руку отцу приору. Тот так же молча благословил его.

Спрятав Книгу, брат Полди шёл по дороге, ведущей на север, неутомимо шагая вперёд и вперёд. Люди принимали его... немного странно. Наверное, он не умел с ними разговаривать. Недаром отец Наркис утверждал, что брату Полди не хватает знания людей и мира. Но когда они вели этот разговор... всё казалось таким мирным и безопасным... монаху казалось, что никогда ему и не понадобится — общаться с людьми. А теперь его глаза распахнулись, с них словно бы спала пелена.

Мир стоял перед ним — огромный и страшный, полный людей, благочестивых и не очень, отзывчивых и чёрствых... Разные, очень разные люди были в мире. Брат Полди помнил и то, как он молился об урожае в бедной деревеньке в Лотарине — там жили куда хуже, чем люди у них в горах, а ведь в горах хлеб едва растёт. Помнил, как ночь застигла его в дороге и он, скорчившись в канаве, слушал жуткие завывания ведьм — он по неведению прошёл у самого края Серой пустоши.

А потом посреди бела дня в светлом и приветливом лесу раздался свист, и дорогу монаху заступили два дюжих мужика, многозначительно похлопывающих по ладоням дубинками.

— Мир вам, добрые люди, — неуверенно поздоровался брат Полди.

Он успел услышать сзади залихватское уханье третьего разбойника. Потом в глазах потемнело.

История первая

Страх

Глава первая

Большеногая Врени

Она пришла в деревню во время дождя. Крепкая, в мужской одежде, закутанная в промокший насквозь плащ, она вошла в кабак и устало уселась на скамью, пристроила у ног сумку. Сдернула с головы капюшон, откинулась на стену.

Кабак был полон детей, которых дождь загнал под крышу. Прерывать игру им не хотелось, и они кинулись туда, где их всегда ждало ласковое слово и ломоть хлеба. Рамона часто присматривала за чужими детишками, пока родители были заняты в поле. Новая баронесса оказалась капризной, что ни день, то новые подати. При ней не раз вспоминали старого барона. Вернётся ли он домой?.. Этого никто не знал. Что там творится, в святых землях, далеко на востоке? Говорят, там одни язычники и у людей пёсьи головы, а у кого-то на лице растёт по два носа...

Аццо, сын нового кузнеца, подобрался поближе и уставился на гостью во все глаза. Была она чернява, с крупными чертами лица, большим острым носом, большим ртом, квадратным подбородком. Внимательные тёмные глаза были глубоко посажены. На лбу и щеках были следы от старых ссадин. Будь она мужчиной, такое лицо сочли бы выразительным. Как женщина она была уродлива.

— Хозяюшка! — окликнула она, не слишком стараясь смягчить свой грубый голос. — Подай вина! Да пожрать чего бы.

Рамона хмыкнула, но вина принесла. Гостья перехватила её взгляд.

— Не хотела грубить, — устало произнесла она. — Долго шла. Промокла.

— Снимай плащ, — предложила кабатчица, — обсушу.

Гостья покачала головой.

— Поесть дай. Наемся — и пойду.

— Да куда ты пойдёшь, в такой ливень? — заспорила Рамона. — Снимай плащ, говорю, выдумала тут! Кашу хочешь?

— Хочу, — кивнула гостья. — Да посоли погуще.

Она сунула руку за пазуху, что-то нащупала, и выложила на стол три медяка. Рамона ловко сгрэбла плату в передник и забрала плащ гостьи. Та откинула голову назад и закрыла глаза.

— Эй! — не выдержал Аццо. Другие дети тихонько подобрались поближе. — А ты кто?

— Зовут меня Врени. Большеногая Врени. Я пришла напрямик из города Карога. Отдохну здесь — да и пойду дальше.

Дети моргнули. Где находится город Карог, они не знали.

— А что ты делаешь? — не отставал Аццо.

— А у вас крыс морить не надо?

Аццо помотал головой.

— Тараканов? Клопов? Жуки, может, посевы жрут?

Дети запротестовали.

— У нас такая ведьма, что никакие жуки не страшны! Она каждую весну поля заговаривает!

— Тогда я цирюльник, — заключила Врени и в доказательство извлекла из-за пояса здоровую бритву.

Аццо подошёл ещё ближе и теперь пристально разглядывал лицо странной женщины.

— А это у тебя откуда? — спросил он, показывая на её лицо, украшенное застарелыми шрамами.

— Это? — не слишком удивилась Врени и глотнула вина. — А, это в одной деревне однажды решили, что я ведьма. Крысы-де у меня шибко быстро дохнут. А у них как раз засуха. Кто виноват? Ведьма виновата!

— Они тебя сожгли? — испугано спросил Аццо.

— Что ты! У них там был замечательный такой обрывчик. И если с него столкнуть ведьму, она обязательно полетит, кому хочется разбиться? Тут-то её из самострела прикончат.

— И ты?..

— А я не полетела, — хмыкнула Врени. Рамона поставила перед ней горшок каши и Врени с благодарным кивком запустила туда ложку.

— Ведьмы же не летают! — возмутился Аццо. — Если хотят узнать ведьму — её бросают в воду!

— Скажи это им, — посоветовала Врени. — Вот приди и скажи: я, мол, от той ведьмы, которую вы не добились в поза-ту весну. Решил рассказать, как правильно ведьм топить надо. Будут тебе они ведьму топить, когда у них засуха!

— А костёр? — ляпнул Аццо. Рамона, проходя мимо, отвесила мальчишке подзатыльник.

— Зачем тратить дрова, когда у них есть такой замечательный обрывчик? — угрюмо засмеялась Врени.

— Будет тебе детей пугать, — пробурчала Рамона и налила гостю ещё вина. Врени кивком её поблагодарила.

— А что, лечить людей у вас есть кому? — поинтересовалась гостя, делая ещё глоток.

— Знахарь у нас есть, — похвастался Аццо, кивая в угол кабака.

— Невидимый, что ли? — удивилась девушка. Стол в углу был пуст.

— Да нет! Только он там каждый вечер сидит! Приходит, доску расчерченную достаёт и предлагает сыграть кто пожелает. А то и вовсе непонятные игры приносит. Он у нас знаешь, какой? Из города прилетает жуть какой страшный злой волшебник, так он ему зубы лечит!

Врени хмыкнула.

— Злой волшебник, говоришь...

— Ну да! Его сама баронесса у себя принимает! Только это тайна!

— Вот и не болтал бы, — отвесила Рамона ещё один подзатыльник мальчишке. — Не слушай его, Врени, он выдумывает.

— А ведьма? — спросила Врени.

— Ведьма как ведьма, — пожалала плечами Рамона. — Хорошая была девка, сейчас баба тоже ничего. Прижила ребёнка незнамо с кем. Ничего так девочка, добрая. В деревню ходит, матери помогает, пирожков там принести или травки лечебные больным передать.

— Так у вас и знахарь, и ведьма? — уточнила Врени. — Богато живёте.

— Повезло, — пожалала плечами Рамона. — Так послать за знахарем? Он недалече живёт, а до ведьмы брести по лесу.

Врени задумалась и покачала головой.

— Нет. Пойду я. Принеси плащ.

— Так он не просох ещё.

Гостья промолчала. Рамона взгляделась в решительное лицо Врени и всплеснула руками.
— Куда ты пойдёшь? Холодно, дождь, да ты и больна даже! Не выдумывай! Оставайся, а я пошлю за знахарем, когда развиднеет.

— Я не больна. Не тревожься, я просто так спросила. Принеси плащ.

— Куда ты спешишь? — нахмурилась Рамона. — Гонится за тобой кто?

Врени усмехнулась, услышав в голосе кабатчицы подозрение.

— Заступником клянусь, нет. Не тревожься, я не принесла с собой зла. Только мне отдыхать не след, вот и всё.

— Свою голову не приставишь, — махнула рукой Рамона. — Иди, коли не сидится.

— Да, вот ещё, — остановилась Врени. — Дай вина на дорогу и хлеба.

Она отцепила от пояса флягу и протянула кабатчице вместе с ещё двумя медяками.

— Тут слишком много, — хмыкнула Рамона, но деньги взяла.

Врени усмехнулась уголком рта. Такую цену в деревенских кабаках платили свои, местные. Путникам всё всегда выходило дороже. Но не в этот раз. Повезло. Она забрала флягу, узелок с хлебом спрятала за пазухой, накинула на плечи не просохший плащ и вышла в дождь.

* * *

Магда сидела у котла с зельем предвидения и с ненавистью смотрела в его глубины. Зелье показывало только одно. Не какие-то картины прошлого, будущего или настоящего, а образ — того, кто занимал все её мысли. Того, кого она поклялась убить. Того, кому она была обязана жизнью.

Ведьма зачерпнула чёрной соли и посолила варево. Образ не пропал и даже не изменился. Такое бывает. Такое случается, и с ведьмами тоже. С ведьмами чаще всего. Самое сильное желание будет неисполнимым. Ей почти слышалось, как где-то там, не то в преисподней, не то за границей мира заливается хохотом Враг.

Ещё рано. Ещё слишком рано.

Но...

Заскрипела входная дверь. Магда вскочила на ноги, сжала в руке кухонный нож.

— Я сказала тебе, чтобы ты никогда — слышишь, никогда! — не переступал этого порога!

— Перепутала меня с кем, хозяйюшка? — раздался в ответ грубоватый голос. Женский. Магда облегчённо выдохнула, положила нож на стол, стыдясь своего порыва. Потом снова нащупала рукоять.

— Я тебя не знаю! — резко ответила ведьма.

— Да уж само собой.

Незнакомка прошла на кухню и поклонилась хозяйке.

— Большеногая Врени меня называют, — представилась женщина. — А ты, небось, здешняя ведьма.

— Ведьма, — признала Магда, пристально разглядывая гостью. Крепко сбитая, большие ноги оправдывали прозвище. Руки тоже большие, крепкие, не привыкшие к женской работе. — За чем пожаловала?

— Помощи ищу, — глухо отозвалась женщина. — Верю в *Освобождение*, сестра.

Магда покачала головой.

— Я больше тебе не сестра. Я отказалась от *Освобождения*.

Врени смерила её пристальным взглядом, пожала плечами, повернулась и шагнула к выходу.

— Да погоди ты! — рассердилась ведьма. — Что за дело хоть у тебя?

Врени снова смерила её взглядом.

— Да уж. Деваться мне некуда.

— Что за дело? — снова спросила ведьма.

Врени махнула рукой и вышла за дверь. Магда осталась в полном недоумении.

* * *

Она едва успела вылить зелье и помыть котёл, когда странная гостья вернулась — и не одна. На плече она тащила насквозь мокрого монашка.

— Ты... — потеряла дар речи ведьма. — Ты это что ко мне принесла?!

— Человека, — отозвалась Врени, затаскивая монашка в дом. — На дороге нашла. Избил его кто-то и напугал до полусмерти. Побой я бы и сама свела, а с испугом не знаю как справиться.

— Да ты в уме ли? Притаскивать в дом ведьмы беглого монаха! А если его ищут?!

— Вот и поможешь, — хмыкнула Врени. — Не могла же я его бросить.

— Мир есть зло, — отчеканила Магда. — Смерть есть *Освобождение*.

— Я не прошла посвящения, я не могу дать *Освобождение*, — покачала головой Врени. — Его смерть была бы напрасной. А я тебя вспомнила. Ты та ведьма, которая отвертелась от высшего посвящения. Ну, что же. Назови свою цену. У всего есть цена. Договоримся.

— Зачем тебе это нужно? — сдалась Магда, наклоняясь над монахом. Тот оказался молоденьким парнишкой, чьё тщедушное тело терялось в бесформенном балахоне. Вид у него действительно был неважный. Страх, побои — ведьма принялась его ощупывать, проверяя, не сломано ли чего, — потом ещё дождь, промочивший беднягу насквозь. — Дрова колоть умеешь? Надо его согреть.

— Отчего же не уметь? — согласилась Врени. — А до остального... не спрашивай.

— Дровяник под навесом за домом, — указала ведьма. — Ничего не сломано. Повезло пареньку. Надо сжечь его одежду, если ты его прятать собираешься.

— Сожги, — согласилась Врени и подхватила топор.

— Стой! — вдруг произнесла Магда. — Ты не прошла посвящение, так, что, собиралась?

Врени покосилась на монашка. Тот был без сознания.

— Собиралась, — призналась она. — Старший брат отказался за меня говорить. Не готова, говорит.

— А кем бы ты стала, если бы прошла?

— Я? — усмехнулась Врени. — Убийцей.

* * *

К вечеру дождь стих, а к утру подсохло настолько, что Магда пошла в лес, собрать кое-что нужное, да, может, если сердце потянет, побывать у алтаря, спросить совета. Монашка она напоила зельем, от которого он проспит два дня и две ночи, а, когда пробудится, душа его вернёт спокойствие. Это поможет — на время. Врени осталась с ним — под строгий наказ по кухне не шарить. Цирюльница только пожала плечами.

— Да уж знаю, с ведьмой не связываются, — отозвалась она.

* * *

Оказавшись в лесу, Магда не приступила к делу сразу. Знахарь бы начал искать травы. Ведьма сняла обувь, распустила волосы, развязала пояс и скользнула между деревьев. Прежде чем срывать травы, надо было почувствовать лес, уловить его дыхание... лес дышал спокойно, мирно... но что-то нарушало мирную тишину. Это как болезнь — человек ещё здоров, но опытный глаз видит, что что-то не так.

— Ну, здравствуй, Маглеин, — произнёс знакомый голос. Ведьма в ужасе распахнула глаза.

Он стоял далеко от неё — тёмная тень в лунном свете. Держал пустые руки на виду. И усмехался. Магда не видела этого, но знала, он усмехался. Виль. Виль-батрак, убийца, проклятый. Прозревший. Высший посвящённый. Человек, который спас ей жизнь. Человек, который хотел лишить её самого дорогого. После того, как она освободилась от проклятия, его заменил Виль.

— Здравствуй, Виль, — хмуро поприветствовала она. — Или мне тебя звать «Медный Паук»?

— Сама решай, — отозвался Виль и неторопливо двинулся в её сторону. Магда попятилась.

— Зачем ты пришёл? Ещё не пришло время.

— Неласково встречаешь, — засмеялся батрак. — Поговорить хочу.

— Не о чем нам разговаривать, — огрызнулась Магда, чувствуя, что теряет самообладание. — Я говорила тебе — забудь о моём существовании. Исчезни. Моя дочь тебе не достанется.

— Ай-ай-ай, Маглеин, — покачал головой батрак, подходя ближе и усаживаясь на землю. — Всё обмануть хочешь папашу Виля.

— Мне плевать. Я помню всё, что ты для меня сделал. Поэтому говорю тебе — просто уйди.

— Кого ты дома прячешь? — вместо ответа спросил Виль.

— Не твоё дело.

— Не моё так не моё, — кивнул батрак, отвязал от пояса флягу и приложился к ней. — До завтра не уберутся ли?

— Откуда я знаю? — устало вздохнула Магда.

— Тогда завтра сюда приходи.

— И не подумаю.

— Придёшь, Маглеин, придёшь. Поговорим. О девчонке твоей поговорим. О жизни. Нам с тобой есть о чём поговорить.

— Не о чем нам с тобой разговаривать, — рассердилась Магда. Но знала: придёт.

Нельзя всю жизнь провести в страхе.

* * *

В дом она вернулась, когда солнце уже перевалило через половину неба. Врени помыла пол, кинула остатки еды собаке. Пёс был старый, по пустякам не лаял, и Магда давно держала его только из жалости. Вернувшись, ведьма ничего не сказала непрошеной гостье. Не похвалила за помощь, не отругала за самоуправство.

Часть принесённых с собой трав разложила-развесила на чердаке для просушки, часть, вскипятив воду, заварила и оставила остывать. Подумав, принялась готовить обед.

— Что это с тобой? — спросила Врени, появляясь на кухне. — Ты вернулась сама не своя.

— Ты меня не знаешь, — жёстко ответила ведьма.

— Не знаю, — согласилась Врени. — Но с такими лицами просто так не возвращаются.

— Не твоё дело.

— Не моё, — снова согласилась цирюльница. — Но, может быть, я смогу помочь.

Магда повернулась к гостье и пристально посмотрела ей в глаза. Во взгляде ведьмы вспыхнула и погасла надежда.

— Ты не сможешь, — сказала Магда. — Вряд ли ты станешь убивать проклятого.

— А кого ты хочешь убить? — деловито спросила Врени. — Ведьм из общины или Медного Паука, который...

Она не договорила. Магда отшатнулась, глаза её загорелись злостью и недоверием, а пламя в очаге покраснело и взметнулось в человеческий рост, обнимая котёл с похлёбкой.

— Откуда ты знаешь? — очень тихо спросила ведьма. В доме повисла тишина. Казалось, всё вокруг замерло, ожидая, когда гнев ведьмы прольётся наружу.

— Догадалась, — беспечно отозвалась Врени. — В общине ты не бываешь. Про твоё неудачное посвящение до сих пор говорят. Ну, так ответишь? Ведьмы тебя не взволновали, да и не стали бы они являться за тобой в твой лес. Медный Паук? Чего он от тебя хочет?

Магда какое-то время колебалась. Потом протянула руку к огню. Кроваво-красный лепесток пламени скользнул в её руку, не причинив ей вреда, и весь остальной огонь приобрёл обычный свет и опал. Врени, не теряя самообладания, смотрела на ведьму и ждала. Магда повела рукой, в которой она держала лепесток пламени. Губы её шевельнулись, произнося заклинание.

— Никто не может обмануть ведьму в её собственном доме, — тихо сказала ведьма. Лицо Врени оставалось таким же спокойным, взгляд — любопытным и чуть-чуть участливым. Ложь не исказила его.

— Он хочет получить мою дочь, — призналась Магда. — Чтобы воспитать её таким же чудовищем, как он сам.

Врени нахмурилась.

— Он хочет дать ей высшее посвящение?

— Он хочет иметь помощника-колдуна, воспитанного им так, как он сочтёт нужным. Чтобы помогал ему в его мерзостях. У меня родилась девочка, но его это не остановит.

— У тебя родилась девочка с колдовским даром? — недоверчиво переспросила Врени. Колдовство — не дар, это проклятие, это знали все прозревшие. — Кто же её отец?

— У неё нет отца, — категорично ответила ведьма. — Нет, у меня родилась обычная девочка. *Обычная*. И я хочу, чтобы она выросла обычной жизнью.

— Тогда не вижу беды, — холодно отозвалась Врени. — Если он просил ребёнка с колдовским даром, а у тебя такого нет — что за беда?

— Ты не знаешь Медного Паука, если спрашиваешь об этом, — хмуро ответила Магда.

— Медный Паук, — отозвалась цирюльница таким голосом, словно зачитывала страницу в одном из старинных бестиариев. — Разбойник, убийца, высший посвящённый. Самого низкого происхождения. Ему заказывают почти одно только духовенство, чёрное, белое — не имеет значения. Ходят слухи, что он может пробраться в полную крепость врагов и выйти оттуда никем не замеченным. Ходят слухи, что ему приходилось творить добрые дела, причём бесплатно. Деньги его не интересуют, но плату он назначает большую. Ходят слухи, что он был твоим любовником. Ходят слухи, что ты наложила на него проклятие. Не доверяет ни мужчинам, ни женщинам, но за предательство жестоко мстит. Несколько раз его пытались убить, попытавшихся больше никто не видел. Много пьёт и в подпитии всегда много болтает, но ещё никому не удавалось на этом сыграть.

— Он не был моим любовником, — покачала головой Магда.

— Ты беспокоишься о своём ребёнке и отказываешься мыслить здраво.

Ведьма помолчала. Встала, заглянула в комнату, где лежал принесённый Врени монашек. Тот мирно спал. Зелья действовали как надо, его лицо постепенно расслаблялось. Врени спокойно ждала на кухне. Магда вернулась туда, пошевелила огонь в очаге.

— Я могу передать человеку дар, — тихо сказала ведьма.

Врени подняла брови.

— Разве он знает об этом?

Магда пожала плечами. Она сказала неправду. Дочь ведьмы не могла бы вырасти обычной жизнью. Кто бы ей позволил?.. Уметь лучше, чем не уметь. Знать лучше, чем не знать. Ведьме нужна ученица. Земле нужна ведьма. Она могла бы передать свой дар дочери в любое мгновение... но тогда она её лишалась.

— Ты хочешь, чтобы я убила его? — уточнила Врени. — Твои проклятия не работают?

— Я его не проклинала, — снова покачала головой ведьма. И снова слукавила. Проклинала, конечно. Пыталась закрыть ему пути. Ничего не помогало. Может быть, решишь она на по-настоящему чёрное колдовство... нож мог бы выпасть у него из руки или повернуться и вонзиться в его сердце. Может быть... Ей приходилось решаться на злое колдовство. Первый раз её заставили. Потом... потом... приходилось... Если не останется другого выхода... если.

— Я откажусь, — предупредила Врени. — Не люблю браться за невыполнимые задачи. Он не подпустит меня с моим ядом, а ножом я действовать не люблю.

Магда махнула рукой.

— Возьми мазь с той полки и иди к своему монашку. Его надо натереть с ног до головы. Справишься?

— А то!

Врени шагнула к двери, но вдруг остановилась.

— А взрослому человеку ты можешь дар передать?

Магда усмехнулась.

— Кому угодно.

Ей было двенадцать лет, когда она открыла в себе дар. И тринадцать — когда она впервые убила человека.

До двенадцати лет её жизнь складывалась... обычно. Большая семья. Много работы и мало хлеба. Дети рано начинали помогать родителям. Это их не смущало: в их деревне так жили все. Земля плохо родила, поборы города были огромны. Из города сюзерен посуровее, чем из какого-нибудь графа, ведь граф один, а у города господ много. Одежда была ветхая, еды не хватало, мясо даже по праздникам не видели, вина и подавно, многие болели. Рослую девку отдали в кабак — скрести полы, таскать воду, мыть котлы. Тоже обычное дело. Врени считала, что ей повезло: иногда можно было отскрести пригоревшую кашу и набить пустой желудок.

А потом и это закончилось.

Сначала появился дар. Странный дар, который Врени потом всю жизнь держала в тайне. Просто однажды она удрала на речку купаться. А когда вернулась, кабатчица, злая сварливая бабка, бывшая с Врени в дальнем родстве (как и все в деревне) заперла девочку в чулан. А в чулане полно тараканов. Врени всегда боялась тараканов. Что произошло — она сама не знала. Только очень-очень захотела, чтобы они исчезли. Так бывает в детстве со всеми. Но не со всеми бывает, что тараканыдохнут. Без яда, простодохнут отмысленногоприказа.

Потом пришёл казначей. Из города. Он пришёл отобрать у людей последнее — и вся деревня гудела, обсуждая, как бы его извести. Врени, конечно, никто не спрашивал. Но она внимательно слушала. Она всегда внимательно слушала, что говорят взрослые. И всегда молчала. Промолчала и на этот раз.

Сначала она пыталась убить его так, как убивала тараканов, клопов, мышей, крыс и прочую вредную живность. Но... дар молчал. Это ей было не дано и в глубине души девочка вздохнула с облегчением. Было бы страшно жить, умея такое.

Но казначей!

И тогда Врени решилась попробовать. Ей казалось, ничего не будет — для неё. Кто узнает?

Казначей умер.

Вот только дураков в деревне не было.

Одно дело — по ночам, заперев двери и ставни, тихонько шептаться, мол, вот помер бы казначей...

А другое дело — когда он в самом деле помирает. Посреди деревни, поев в ней горелой каши (другой кабатчица не готовила).

Врени обвинили сразу. Видели, как она подсыпала что-то в кашу, пока несла обед дорогому гостю. Ей было тогда тринадцать лет. Она не думала, что от неё все отрекутся.

Кашу её заставили съесть всю. Она даже не пыталась сопротивляться. Поняла уже, что жизни ей не будет.

Но толчённые тараканы, отравленные её волей, не принесли неудачливой убийце никакого вреда. Её бы даже отпустили... вот только городу нужно было выдать убийцу.

...кто открыл окошко — слишком узкое для взрослого человека, в которое не по летам рослая Врени протиснулась с трудом, изодрав в клочья ветхую одежду?.. Врени не знала. Ей хотелось думать, что это была мать. Как бы то ни было, она сбежала.

Все проклятые с этого начинают: они теряют то, что у них было. Дом, семью, детей или родителей... все проклятые проходят этот путь. Врени добралась до ближайшего

города и затерялась в толпе. Домой она больше не возвращалась.

Врени отогнала воспоминания и принялась за дело. Цирюльница, она не смущалась при виде человеческого тела. Как того требовало ремесло, она могла подстричь, побрить, вскрыть нарыв, вырвать зуб, сложить сломанную руку, выпустить дурную кровь. Могла бы, не дрогнув, той же бритвой перерезать горло, но делала это редко. Если руки привыкнут к убийству, как ей будут доверяться почтенные горожане? Вид уродливой девки с остро заточенной бритвой и так пугает, и многие дрожали в её руках. Цирюльников всегда не любят. Боятся и не любят. Хотя не так, как боятся и не любят крысодавов, а Врени это делала мастерски и никому не открывала секретов мастерства. А ещё из убитых ею насекомых получался отличный яд. Яд, который не сможет распознать даже самый опытный знахарь. Потому что нет его в природе, такого яда. Очень удобно.

Насвистывая под нос в меру похабную песенку, Врени принялась обмазывать монашка лечебной мазью. Паренёк ей нравился. Ей вообще нравились люди, о которых приходилось заботиться. Конечно, это не принесёт ей высшего посвящения, но есть в жизни и другие радости...

* * *

Магда со страхом шагнула в лес. Прошло семь лет. Они не были спокойными, эти семь лет, но они были. Многие изменилось. Кроме одного. Неизменен её долг — и чудовище, которое не даст себя обмануть.

О, она могла бы сбежать! Сбежать и всю жизнь прятаться, бояться собственной тени. Но в том-то и беда, что земле нужна ведьма. А ведьме нужна ученица. И земля. Своя земля, которая приняла, которая спасала и укрывала. Только эта и никакая другая.

— Здравствуй, Маглейн, — раздалось у неё за спиной. — Что, не ушли твои гости?

— Здравствуй, Виль, — устало вздохнула ведьма. — Нет, не ушли. Чего тебе надо? Говори — и разойдёмся. Срок ещё не вышел, а унижаться перед тобой — в другой раз, знаешь ли.

— Неласково встречаешь, Маглейн, — засмеялся батрак. — Не приветила, не накормила...

— Сам же ко мне в дом не пошёл, — слегка усмехнулась Магда.

— Незачем твоим гостям меня видеть, — отмахнулся батрак. — Я к дому-то подошёл, да раздумал стучать. Откуда ты Большеногую знаешь?

— Сама пришла, — проворчала ведьма. — Все вы сами приходите... житья от вас нет... А ты её знаешь?

— Как не знать? Она недавно от высшего посвящения отказалась. Дура девка и гордая слишком.

— Ты, что ли, был её старшим братом? — заинтересовалась Магда.

— Избави Освободитель! Только такой сестры мне не хватало! Говорю же, дура девка.

— Так а в чём дело-то? — спросила заинтригованная ведьма.

— Да... Слышал я, как Ржаной Пень перед общими старшими братьями отчитывался за такую сестрёнку. Сказали ей младенца зарезать, а она заартачилась.

— Младенца? — удивилась Магда. — С каких это пор *прозревшие* воюют с

младенцами?

— Вот и она так сказала. У рыцаря цур Ортвина младший сын родился, он старшего решил наследства лишить. Тот же был приятелем твоего этого... хмыря, который себя Дюком^[5] звал. Если бы у цур Ортвина был другой наследник, этого бы — на порог и пинком. Старшенький и решил подсуетиться. Нашёл кого надо, весточку послал. Ржаной Пень и решил взяться.

— Младенца?!

— Баба, — сплюнул батрак. — И Большеногая твоя — тоже баба. Высшее посвящение — не для таких, как она. Кто своим умом думает, старшего брата не слушает, кто решает — тут могу, там не могу. Если ты отрекаешься от мира — какая разница, кого и когда?

— Тебе, небось, не младенца зарезать велели, — ядовито отозвалась ведьма.

— Я здоровый мужик, — хмыкнул батрак. — Я могу и посерьёзней дело взять.

— А она — нет?

— А она детей слишком любит, — засмеялся батрак. — Дура девка. Раскричалась, мол, Ржаной Пень — продажная шкура и у уличной девки чести побольше будет. Что из-за него прозревшие станут наёмниками, чьими руками всякая шваль свои делишки грязные обдывает.

— И он это стерпел? — удивилась Магда.

— Стерпел — не стерпел, а только на щеке у него шрам остался, аккурат от бритвы. И рукой он как-то плохо двигает.

Магда засмеялась.

— Говорю — дура, — повторил батрак и отцепил от пояса фляжку. Глотнул, протянул ведьме, но она покачала головой. — Если уж взялась своей железкой размахивать, то зачем живым отпустила?

— Может, он быстрее бегаёт, — хмыкнула Магда. — Ладно, Виль. Говори, зачем пришёл.

— Где девчонка твоя? — вместо ответа спросил батрак.

Магда подобралась, готовая защищать своего ребёнка.

— Где бы ни была, это не твоё дело!

— Прячешь, значит. От папаши Виля прячешь. Ай-ай-ай. Всё хитришь, Маглейн, всё изворачиваешься.

— Слушай меня, «папаша»! Первое — ещё не пришло твоё время. Второе — девочка лишена дара, это не дар, это проклятье, он не передаётся, он не просыпается у детей колдунов! Условие не выполнено, она не твоя! И третье — в семь лет или позже, с даром или без — ты её не получишь! Слышишь?! Ты никогда её не получишь, ты...

— Уймись, Маглейн, — прервал её батрак и сделал ещё глоток. — Всё это я уже слышал. Всё хитришь.

— Ты...

— Уймись.

Магда прислонилась к дереву и скрестила руки на груди.

— Тебе что-то нужно, — спокойно сказала она. — Иначе ты разговаривал бы по-другому.

— Умница, Маглейн. Догадливая.

— Говори, что надо, и проваливай!

Виль усмехнулся и глотнул ещё вина. Поболтал фляжкой, прислушиваясь к бульканью.

Смерил стоящую перед ним ведьму изучающим взглядом.

— Кто-то меня очень не любит, — наконец произнёс он.

— С чего бы это, а, Виль? — засмеялась Магда.

— Мне перестали доверять, — пояснил Виль, не обращая внимания на реакцию Магды. — Меньше рассказывают. Реже дают задания. Два раза... нет, три... кто-то убрал святошу, на которого я нацелился, прежде меня. И после этого *общие старшие братья* высказали мне... неудовольствие.

— И что ты от меня хочешь? — нахмурилась ведьма. — Я больше не верю в *Освобождение*, я не имею отношения к вашим делам.

— Но ты сохранила дар. Он мне нужен. Я не могу ждать, пока подрастёт твоя девчонка.

— Ты хочешь, чтобы я отыскала твоего врага? — уточнила Магда.

Виль взглянул в её лицо. Она протянула руку и он передал ведьме свою флягу. Магда сделала большой глоток. Вино было так себе.

— Да, — просто ответил батрак.

Глава вторая

Разговоры

И Врени, и Виль отнеслись к предложению Магды с многообещающей солидарностью. Магда рассказала свою идею утром, когда Виль, наконец, согласился зайти к ней в дом и позавтракать как человек, а не как собака. И вот теперь, накормив обоих проклятых, Магда объяснила, что советует им сделать.

— Нет, — спокойно произнесла Врени и скрестила руки на груди.

— Ты совсем с ума сошла, Маглейн, — поддержал её Виль. — Подумать, что я соглашусь стать старшим братом для этой дурноватой девицы, которая...

— Подумать, что я соглашусь стать сестрой этого выродка, который... — подхватила Врени.

— ...не слушает старших и не способна выполнить простейшее задание, — закончил свою мысль батрак. — Да от неё толку меньше, чем от твоей собаки.

Врени немедленно взвилась, но тут же взяла себя в руки.

— То задание было подлостью, — холодно процедила она, — Ржаной Пень специально дал мне его, чтобы отказать в посвящении.

— Младенца прирезать — наша трудность! — парировал батрак. — У тебя духу не хватило, так и скажи. Какая же ты после этого прозревшая?

— А у тебя бы — хватило? — прямо спросила Врени. — И рука бы не дрогнула?

— А то! — хмыкнул Виль.

Врени вдруг усмехнулась, недобро и мрачно.

— Возможно... — медленно произнесла она. — Каждому проклятому — своё задание, так ведь? Хочешь, я назову то, что ты бы не мог сделать?

— Не хочу, — отрезал батрак.

— Виль, послушай... — заговорила Магда, не слишком уже надеясь примирить спорщиков.

— Ладно, валяй, Большеногая. С чем бы это таким я не справился?

— Однажды ты напился на *встрече*, — всё так же медленно заговорила женщина, — и, как всегда, принялся трепать языком. Кому-то из твоих собутыльников это показалось забавным... И они тоже молчать не стали...

— Как интересно... — издевательски ухмыльнулся батрак.

— У тебя есть брат, — закончила свою мысль Врени. — Найди и убей его. А после суди меня. Что ж ты сидишь? Ведь кровные узы — это оковы мира.

Виль протянул руку, взял ломоть хлеба и густо посолил. Откусил кусок, посолил ещё гуще.

— Ты знаешь больше, чем это полезно для здоровья, *Большеухая* Врени, — сообщил он спокойно. Магда забеспокоилась. Она слишком хорошо знала батрака, знала и его повадки. Ещё пара слов — и он возьмётся за нож.

— Виль, ты в моём доме, — напомнила она.

— Ну и что? — хмыкнул батрак и глотнул вина. — Подружки твоей нет здесь, которая крови боялась. Кстати, куда она делась?

— В замок, — ответила Магда. — Вир теперь шателен^[6] Ордулы.

— А барон чего же? — удивился батрак. — Что ж он свой замок Серому-то отдал?

Магда вскинула на него глаза и опустила взгляд. Он не знал.

— Барон уехал. В священный поход. Три года как. Он чуть не погиб в сражении. Как только оправился — на коня и умчался. Вестей нет. Теперь у нас баронесса, Нора. Она уехала в Барберг и велела построить ей замок там. А пока живёт в Тамне.

— Ну, эта нами направит, — покачал головой Виль, на мгновение становясь тем, кем он когда-то был — батраком, выросшим в Латгавальде, деревне близ старого замка барона цур Фирмина.

— Она повысила подати, — ровным голосом произнесла Магда. — А в Ордуле жить не пожелала. Сказала, не хочет вспоминать.

Виль усмехнулся, Магда вернула ему улыбку. Батрак был тем самым человеком, который вынес Нору, тогда глупенькую молоденькую девушку, из замка её отца, захваченного негодьями. Но баронесса этого не помнила — вампирша Вейма изменила ей память.

— Всего семь годков тут не был, — произнёс батрак. — А как всё изменилось-то...

Он перевёл взгляд на Врени, которая молча слушала их разговор.

— Сядь, — хлопнул он по лавке, — не стой над душой.

Женщина не ответила. Виль отцепил от пояса флягу и сделал глоток. Потом посмотрел на цирюльницу.

— Может, и дрогнула бы, — признал он. — Я бы тоже не взялся. Противно.

Врени села рядом с ним и поставила на стол свою флягу.

— Я понял тебя, — сказал батрак ведьме. — Твоя болтливая приятельница может быть полезной. Но мне нужно не это. Мне нужен твой дар.

— Мне действительно нужно высшее посвящение, — отозвалась Врени, не давая Магде ответить, — но не настолько, чтобы подставлять свою шкуру ради неизвестно чего.

— Боишься? — поддел её батрак.

— Мне лень, — прямо ответила женщина.

— Врени, — заговорила Магда, — ты со мной ещё не расплатилась. Жизнь за жизнь, человека за человека.

— Он ведь не должен был умереть, — возразила Врени.

— Так ведь и ты не умрёшь, — усмехнулась Магда.

— О каком человеке речь? — как бы невзначай поинтересовался Виль.

— Врени принесла, — кивнула Магда. — Монашек. Здесь такие не ходят. Братья Камня так одеваются, у нас их почти нет.

Братьями Камня называли орден, взявший на себя заботу о паломниках, идущих в священные земли и, реже — о паломниках, отправляющихся на поклон к другим реликвиям.

Медный Паук присвистнул.

— Откуда ты про них знаешь, а, Маглеин?

— Видела, — глухо ответила ведьма. — Когда барон в священный поход собирался.

— И зачем тебе этот святоша? — не отставал батрак.

— Спроси Врени, — устало вздохнула Магда. — Мне она ничего не пожелала объяснить.

— А ты и рада стараться.

— Он нуждался в помощи. Не выбрасывать же его под дождь.

— Я бы выбросил, — пожал плечами Виль. — Давай, Большеногая, рассказывай.

— Не твоего ума дело, — непреклонно отозвалась цирюльница.

— Моего, моего. Надо же мне знать, кого ты к моей сестрёнке притащила.

— Врени твоя сестра, — покачала головой Магда. — Я к вам давно отношения не имею.

— Это уж мне решать, — отмахнулся батрак. — Говори, Врени.

Цирюльница закатила глаза.

— Есть люди, которые его очень не любят, — безразлично ответила она. — И другие люди, которые хотят видеть его живым.

— А ты и рада стараться, — хмыкнул батрак. — Хоть одного человека ручками своими нежными убила?

Врени неприятно улыбнулась.

— Про епископа Хейна из Анша знаешь?

Виль скривился.

— Ещё бы не знать. Помер за два дня до того, как я до него добрался. Ох, и разозлился я тогда!

— Моя работа, — усмехнулась цирюльница.

— Его не тебе поручили, — нахмурился батрак.

Магда буквально кожей почувствовала, как убийца подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Не мне, — кивнула Врени. — У него дом был в городе. Женщина там прибиралась. У той дочка была. Я к ним заглянула как-то. Тараканов развелось.

— Не ахти она прибиралась, — неприятно засмеялся батрак.

— Ну, и узнала, — так же безразлично продолжала Врени. — Ждать тебя, уж прости, времени не было.

— А ты добрая, — заухмылялся Виль. — Таким нечего среди *прозревших* делать.

— Не тебе решать, — отрубил цирюльница.

— Как не мне? — картинно удивился батрак. — Ты же ко мне в сёстры просишься.

Магда закатила глаза.

— Шли бы вы отсюда оба, — посоветовала она. — У меня дел по горло.

— А с монашком что будешь делать? — деловито поинтересовался батрак.

— На ноги поставлю да и выставлю за порог. Дороги назад ко мне он не сыщет, что здесь было — не вспомнит.

Врени нахмурилась.

— Далёко он уйдёт.

— Тут сама думай. Можешь сесть на опушке и караулить. Мне он без надобности.

— Ты бы его выслушала, прежде чем прогонять, — посоветовала Врени.

Батрак расхохотался. Магда удивлённо подняла брови.

— Врени, он монах! Что же ты думаешь, очнувшись, он скажет: спасибо, добрая ведьма, за лечение и приют? Радуйся, что вообще...

— Спасибо, добрая ведьма, за лечение и приют, — эхом откликнулся незнакомый мужской голос. Магда ахнула и схватилась за нож. В очаге вновь взметнулось пламя, освещая стоящую в дверях тщедушную фигуру монашка. Был он в одних портках, ведь перемотанный повязками и перемазанный целебной мазью и с трудом стоял, держась за косяк.

— Что же ты оплошала, Маглеин? — спокойно произнёс батрак, поднимаясь и отступая в тень. В руке у него будто бы сам собой вырос нож. Врени скрестила руки на груди, пристально рассматривая своего подопечного. — А говорила, два дня проспип.

Магда развела руками. Такие люди бывают. Слабые телом, но слишком сильные духом.

На них плохо действует дурман, вернее бить по голове, чем опаивать. Такие люди бывают. К счастью для всех — они встречаются редко.

— Много услышал? — хмуро спросила она, откладывая нож.

— Я понял, где я оказался, — слабым голосом ответил монашек. Но глаза его смотрели твёрдо и ясно. — Вы — проклятые. Зачем я вам?

— Сами себя спрашиваем, — из темноты засмеялся батрак.

— Лучше скажи, как ты здесь оказался, — покачала головой Магда. — Тебя нашли избитого и без сознания. Кто на тебя напал? Зачем?

Монашек пожал плечами и покачнулся.

— Какая вам разница?

— Не хочешь говорить? — с интересом спросил батрак. — Маглейн, давай я с ним побеседую?

— Не нужно, — твёрдо ответила ведьма. Батрак снова засмеялся. — Нам не нужны его тайны. Он поправится и уйдёт. И всё.

Монашек, казалось, что-то обдумывал.

— Я сбежал, — признался он. Ведьма пожалала плечами. — Меня послали в Кертианское аббатство, работать над часословом, который орден братьев-заступников готовил в дар кому-то из баронов. Я не хотел.

— Какая тебе разница? — спросил Виль, всё так же не выходя из тени. — Что там святоши, что там.

— Мной хотели откупиться, — пояснил монах.

— А ты такая важная птица? — хмыкнул Виль. — Не похоже что-то.

— Про проклятую священную книгу знаете? — спокойно спросил монах.

Женщины пожалали плечами.

— Слышал что-то такое, — отозвался батрак. — Будто бы один монах взялся написать да изукрасить священную книгу за ночь, да не справился и позвал на помощь Врага, а тот, мол, и рад стараться. И теперь, мол, никто не может заглянуть внутрь, не сойдя с ума. Рассказни!

— Её сделал я, — пояснил монах.

Виль присвистнул.

— И ты правда нарисовал в ней Врага? И как он вблизи? Сколько лет его прославляю, а никогда такой чести не удостоивался.

— Я писал её семь лет, — сказал юноша. — Начал ещё мальчишкой, но уже тогда я знал все секреты своего ремесла. Никто не поверил... кроме братьев нашего монастыря, которые видели меня за работой. Никто не может повторить мой труд, а если и сможет, я создам другой, лучше.

— Это прекрасно, — нетерпеливо ответила Магда, — Но что нам за дело? Сегодня отлежись, а завтра убирайся. Мне не нужен ни ты, ни твои тайны. Вижу, ты поправляешься.

— Я её украл, — вдруг сказал монашек. Магда закатила глаза.

— Это твоё дело.

— Да погоди ты, Маглейн, — хмыкнул батрак. — Пусть доскажет, убить мы его всегда успеем.

— Ты. Никого. Не убьёшь. В моём доме, — отчеканила Магда.

— Больно надо! Я и за порогом дождусь.

— Не обращай внимания, — посоветовала ведьма. Юноша хорошо держался, но Магда

видела, с каким трудом он стоит. — И немедленно вернись в постель!

— Да брось, Маглейн. Рассказывай, парень. Зачем украл-то?

— Хотел продать, — просто ответил юноша. — Вдруг найдётся дурак, готовый заплатить за легенду?

Врени тихонько засмеялась.

— Такой дурак, похоже, нашёлся. Только заплатили не тебе. Это книгу у тебя отобрали разбойники?

— Они её искали, — уклончиво ответил монах.

— А ты припрятал? — догадался Виль.

Монах кивнул и покачнулся.

— Врени! — потребовала Магда. Цирюльница понятиливо потащила ослабевшего монашка в постель.

— Как звать-то тебя? — в спину им просил Виль.

— Полди, — слабо отозвался монашек. — Брат Полди.

Уложив подопечного в постель и напоив его двойной дозой сонного зелья, Врени вернулась на кухню. Магда сидела молча, вглядываясь в языки пламени и цирюльница не решилась спросить, что ведьма там видит. Батрак чинил расшатавшуюся скамейку, отпуская оскорбительные замечания по поводу того, чем ведьма на ней занималась. Магда ему не отвечала.

Врени помедлила и протянула ведьме изодранную рясу.

— Я осмотрела её, — тихо сказала цирюльница. — Ничего нет. Сожги.

— У меня в чулане старый мешок валяется, — отозвалась Магда. — Из него сделаем новую, будет брат Полди нищенствующим монахом. Мирянина из него всё равно не получится.

— Дайте-ка сюда, — вмешался Виль. — Дуры-бабы, вам бы только жечь да выбрасывать.

Магда безучастно смотрела, как опытные пальцы разбойника ощупали грубую ткань рясы. Швы, капюшон, рукава... и всё же пропустила момент, когда Виль что-то обнаружил.

— Вот теперь — убирайте, — хмыкнул батрак. — Письмецо монашек нёс. Ну-ка, посмотрим.

Ни Врени, ни Магда даже не подумали его остановить.

— Печать с гербом, — проговорил Виль. — Ну-ка... что это за зверёк такой интересный... огнём пыхает... аж из ушей лезет... Ну-ка, Маглейн, не нашего ли барона письмо?

Ведьма насторожилась, но ничего не успела сказать, когда батрак сломал печать и развернул короткое письмо.

— Ого! Маглейн, смотри-ка, это тебе!

Магда не глядя, протянула руку. В груди гулко стучало сердце. Батрак беспрекословно отдал ей письмо, но встал у ведьмы за спиной. Врени осталась стоять в дверях. Начало и конец письма было написано почерком самого барона, середина — рукой его доверенного секретаря.

Из военного лагеря под Ааком — в баронство Фирмин.

От милостью Заступника барона цур Фирмина — Магде, милостью барона проживающей на его землях.

Магда!

Это письмо — одно из многих одинаковых писем, которые будут посланы с братьями ордена Камня. Дела обстоят так непросто, что из двадцати посланных писем доходит только одно, поэтому мы придумали посылать одно и то же много раз в надежде, что хоть какое-то дойдёт.

(далее рукой секретаря).

Это письмо может быть тебе доставлено одним из многих братьев ордена Камня или даже несколькими из них. Со мной всё благополучно и с людьми, которых вверил мне Заступник, тоже. Дело наше движется медленно, но Заступник с нами и мы продвигаемся к святому граду. Я бы не стал писать, если бы не встреча, наполнившая моё сердце тревогой. Среди вольных рыцарей я встретил человека, который называл себя когда-то Дюком. Ты достаточно хорошо его описала, к тому же с ним был старший сын рыцаря цур Ортвина, лишённый отцом наследства. Я понимаю, почему они присоединились к священному походу: совет баронов и церковь обещали прощение всех грехов и преступлений тому, кто будет храбро сражаться за нашу святую реликвию. К тому же он не из тех, кто мог бы жить в мире и покое, а святое дело ничем не хуже любого другого. Здесь немало людей самого разного пошиба. Некоторые из них настроены грабить и нескольких пришлось повесить в назидание прочим.

Алард покуда ведёт себя примерно. Он отважный рыцарь, не понаслышке знающий о чести и мужестве. Но я слишком поздно заметил, что он крутится возле моих людей и расспрашивает их о жизни в Фирмине. Он спрашивал также и о тебе, хотя говорить о ведовстве в святом походе кажется недопустимым. Боюсь я, что Алард проведал о рождении твоей дочери. Я заметил его ухищрения слишком поздно. Собирался пресечь, но он ушёл и сам и больше в наш лагерь не заходит. Я не знаю, зачем ему понадобились сведения о тебе и твоей дочери. Он не может ни дать ей своё имя, ведь у него нет имени, ни позаботиться о том, чтобы девочка ни в чём не нуждалась, ведь такие, как он, неспособны к заботе, что он и выказал своим поведением по отношению к тебе. Пишу тебе, чтобы ты была настороже. Алард не покидает общий лагерь и ни он, ни старший сын цур Ортвина не отправляли писем. Я постараюсь известить тебя, если это изменится.

Магда мельком глянула приписку, написанную рукой барона и, как она ни крепилась, у неё вырвался такой протяжный всхлип, что в комнате застонал и заворочался опоенный монашек, а Врени вздрогнула.

Виль протянул руку и отогнул край письма.

Не проходит ни дня, когда я не жалею, что тебя нет с нами, и ни одной ночи, когда я не радуюсь, что ты осталась в безопасности дома.

Алмарик цур Фирмин

Батрак протяжно присвистнул.

— Интересные письма тебе наш барон пишет, Маглейн... С чего бы вдруг, а?

— Не твоё дело, — отрезала Магда.

— Скучает по тебе... — не отставал Виль. — Чем это ты его выхаживала после раны?

— Что?! — рассердилась ведьма. — Да, барон был моим любовником! Почему бы и нет?!

Врени подняла брови. «Он был любовником», а не Магда была любовницей. Батрака заинтересовало другое.

— «Был», а, Маглейн? Кто кого бросил?

— Никто, — глухо ответила Магда. — Он уехал. Я осталась.

— А чем тебя парнишка тот не устроил? Волчонок Арле, кажется?

Магда слабо улыбнулась.

— Арне. Он стал миннезингером.

— Песенки о любви слагает? Самое то по нему. А ты слушать не захотела?

— Я дала ему отворотное зелье, — пояснила Магда.

Больше она говорить ничего не стала. Арне хотел любви. Хотел того волшебства, которое рождается между двумя душами. Она больше ничего не могла чувствовать. Барону... барону хватало уважения. Они сошлись, когда она выходила его после той раны, полученный в короткой и страшной Северной войне. Сошлись случайно, ничего не ожидая и не требуя друг от друга. Магде казалось, что барон к такому не привык. Ей же... ей было всё равно. Пока он не сказал, что уходит.

Врени внезапно открыла рот, словно хотела что-то спросить или сказать, но бросила короткий тревожный взгляд на разбойника и промолчала. У Магды сжались губы. Виль перевёл взгляд с одной женщины на другую и тоже, кажется, что-то понял.

— Не твоё дело, Виль, — грубо произнесла Магда. — Тебя моя жизнь не касается.

— Да спи ты с кем хочешь, на здоровье, — отмахнулся батрак. — Свою голову не приставишь. Как тебя баронесса-то наша, не обижает?

— Она не знает, — пожала плечами ведьма. — Никто не знал.

— Таились, видать.

— Видать, таились, — согласилась ведьма.

* * *

Магда ушла в деревню, оставив проклятых одних. Грозить, чтобы лишнее не шарились по кухне, она не стала. Врени и так не станет, Виль и так не удержится. Неважно. В её доме не было ничего, что он мог бы найти. А красть зелья батрак не станет. Зачем ему, если ведьма и так поделится?

Врени, подумав, вымыла посуду после завтрака и пошла во двор колоть дрова. Виль посмотрел на это, пожал плечами, отобрал у женщины топор и принялся за работу сам.

— Пошла бы, рясу своему святоше пошила, — предложил он. — У Маглейн, поди, и другие дела есть.

— Я не умею, — коротко ответила женщина. Батрак неприятно засмеялся.

— Не тому училась, значит, а, Большеногая?

— Значит, не тому, — согласилась она.

Виль наколот дрова и пошёл править забор. Он давно покосился и держался только из страха перед ведьмой.

— Не ходи за мной, — бросил Виль через плечо. — Не люблю.

Врени смерила его задумчивым взглядом.

— Я могу поспрашивать кое-кого, — предложила она. — Глядишь, что и узнаю.

— С чего бы это, а, Большеногая?

— А ты не об этом просил?

— Не тебя. Маглейн.

— А она просила меня.

— Небось и про девчонку свою рассказала, а?

— Не без этого, — в тон ему отвечала женщина.

— А где её прячет — ничего не сказала?

Врени усмехнулась.

— Ничего, Медный Паук.

— А если скажет — расскажешь папаше Вилю? Ради посвящения, а?

— Я передумала, — отозвалась цирюльница.

— Вот как, — неприятно удивился проклятый. — От *Освобождения* отрекаешься, значит?

— К *нему* ведут разные пути. Твой мне не подходит.

— А, тогда живи, Большеногая. Глядишь, и *приблизись*. К кровососам подашься?

— Нет, — коротко ответила Врени.

— Небось, думаешь, Маглеин тебя своей ученицей сделает, а?

Цирюльница не ответила.

Виль отложил топор, которым заострял колья, и, повернувшись, тяжело посмотрел на женщину.

— Ну и дура. Маглеин никогда не возьмётся тебя учить.

— Почему это? — лениво спросила цирюльница, стараясь не показывать, что слова батрака задели её за живое.

— Она думает, папаша Виль глухой, слепой и тупой, — сплюнул батрак. — Будто я не знаю, что она девку свою хочет обучить. Потому и от меня прячет.

— А тебе так приспичило — маленькую девочку отнять у матери? — враждебно спросила Врени. Виль снова сплюнул.

— Дуры бабы! — рассердился он. — Заладили своё! Договор есть договор и сделка есть сделка. Моя девчонка и никуда она от меня не денется. А Маглеин ей же хуже сделает своей заботушкой.

Он схватил топор и вернулся к работе.

— «Отнять у матери»! — передразнил он. — А сейчас она, скажешь, с матерью?

Врени промолчала.

— Ничего. Время ещё есть, — сам себя утешил батрак. — Как её называли хоть, не знаешь?

Врени развела руками.

* * *

Магда вернулась домой поздно, уставшая, и сразу заговорила с Вилем, который раздувал огонь в очаге: ночь была холодная.

— Я сварю тебе провидческое зелье. Время пришло. Но что мы там увидим... я не знаю.

— И на том спасибо, — проворчал батрак.

Магда достала из сумки краюху хлеба и разломилась на три части.

— Это нам до завтра, — сказала она. Нельзя готовить на очаге, где варилось провидческое зелье. А брат Полди пока спит.

— Сказала бы, я бы живо добыл, — буркнул Виль, но хлеб взял.

Магда повернулась к Врени.

— Про тебя спрашивали в деревне. Я сказала, что ты пришла купить у меня трав для

лечебных снадобий, да загостилась. Про монашка твоего ничего не слышали и ты не говори.

Врени молча кивнула.

— Завтра его уведёшь, до света ещё. Завяжешь ему глаза, так надёжнее. Да скажи, пусть забудет обо всём, если хочет покоя.

— Зря ты так, Маглейн, — вмешался батрак. — Расспросить бы его...

— Мне ни к чему его тайны, — равнодушно отозвалась ведьма. — Что он украл и откуда сбежал... неважно. Пусть уходит.

— Какая ты нелюбопытная, Маглейн, — засмеялся батрак.

— Мне не нравится, чем пахнет в лесу, — пояснила ведьма. — От тебя смердит, от Полди смердит ещё больше. Его я могу прогнать, ты... ты уйдёшь сам. Я сварю тебе зелье — и убирайся.

— Ох, Маглейн, — укоризненно произнёс батрак. — Неласково ты с папашей Вилем.

— Трав дам, если хочешь, — продолжала Магда. — Дорогу зашепчу. Только убирайся.

Виль подбросил поленце в огонь. Тот вспыхнул и тут же опал.

— Как её зовут хоть?

— Не твоё дело!

— Маглейн... Ты что, думаешь, я на неё порчу буду наводить? Не глупи.

— Эрна, — нехотя ответила ведьма и лицо её против воли осветилось нежностью.

— Эрлейн, — протянул Виль, внимательно наблюдавший за ведьмой.

— Эрлейн, — согласилась Магда. Руки заныли от тоски по маленькому телу, доверчиво прижимающемуся к матери. Она повернулась к батраку с нескрываемой злостью, но тот обескураживающе улыбался.

— Доброй ведьмой будет, а, Маглейн? — спросил он. — В мать небось пошла?

Магда покачала головой.

— Я такой не была, — откровенно ответила она. — Младшая дочь и... отец не хотел меня. А мать его во всём слушалась. Эрна... у неё всё иначе.

— Как цветок небось растёт, — продолжал батрак. — Мамина радость. Глазки голубенькие, волосы светленькие...

Врени предусмотрительно отступила в комнату. Огонь погас, как будто его залили водой. Повалил густой чёрный дым. Во мраке выделялась как будто светящаяся фигура ведьмы — в светлом платье со светлыми волосами, она одна не скрывалась клубами дыма. В комнате слабо закашлялся брат Полди. Виль хотел ухмыльнуться, но тоже разразился надсадным кашлем.

— Вот к чему были твои вопросы, Медный Паук! — прошипела Магда. — Ты её видел? Отвечай мне! Ну же!

— Кха-кха-кха! — отозвался батрак. Кажется, это было ругательство.

Магда повела рукой. Дым втянулся в очаг, в нём снова запылал огонь. И, конечно, её фигура не светилась.

— Вот баба спятившая! — сердито буркнул Виль. — Не видел я твоей девчонки. Совсем одурела! Уж и пошутить нельзя. Какой же ей ещё быть, коли вы с тем твоим хмырём оба светловолосые да светлоглазые?!

Магда пожала плечами. В своём доме она могла бы и убить, если была бы нужна.

— А ты сильна, — с уважением протянул Виль. — Тогда хороша была, а сейчас ещё сильнее стала. На пользу тебе эти семь лет пошли.

Он косо взглянул на Врени.

— Отправишь их — потолкуем. Зелье твоё посмотрим. Да и вообще разговор есть. И с тебе. И о девчонке твоей. Дай только дожить.

Он зло покосился на женщин и вдруг спросил:

— Кровлю-то давно перекрывала? Крыша не протекает?

Кровлю перекрывали последний раз года три назад, по приказу барона.

— Займусь завтра, — заключил батрак. — Не привык я без дела сидеть.

Глава третья

Загадки ордена

Они ушли на рассвете — Врени и покачивающийся от дурманящего зелья брат Полди. По настоянию Магды монаху завязали глаза со строгим наказом развязать не раньше опушки. Они шли в сторону Корбина, туда, где проще затеряться. Магда запретила Врени говорить Полди о том, где он получил приют и помощь, но не слишком верила в то, что та сдержит обещание. Ведьма уже не знала, кому верить.

Виль за день перекрыл кровлю, починил всё, что нуждалось в точилке и к вечеру сидел на кухне и точил ножи. Магда принесла из деревни хлеба и сыра и поделила их с батраком. Подумала, достала баклагу.

— Не *хорошее* вино, но лучшее из того, что Йаган делает, — пояснила она. — А твоим пойлом только крыс травить.

— Какое достал, — буркнул Виль, но вино взял. Ведьма же едва притронулась к еде и питью.

— Воды натаскай, — попросила она.

— Уже, — отозвался Виль.

Магда хмыкнула.

— Ишь ты!

Она вылила воду в котёл и принялась помешивать. Сначала — пустую воду.

— Не мешай мне, — бросила ведьма через плечо и щёлкнула пальцами. С ближайшей полки сами собой полетели к ней лечебные травы. И принялись медленно высыпаться в котёл. — Как скажу — встанешь рядом. Да смотри, не касайся ни воды, ни меня. Понял?

— Не учи учёного, — отозвался батрак, наблюдая, как ведьма помешивает волшебный напиток, добавляя туда то безобидные травы, а то что-то тошнотворное, вроде кишок лягушки.

Огонь почти погас, когда зелье, наконец, сварилось.

— Встань напротив меня, — приказала ведьма. — Положи руки на край. Будет больно — терпи.

Котёл был обжигающе... холодный, хотя варево в нём кипело и бурлилось.

— Подумай о том, что хочешь узнать, — продолжала ведьма. — А после плюнь в самый центр. И ни в коем случае не отпускай котёл. Ну же!

От плевка зелье вскипело. По поверхности пошли волны, едва не касаясь рук, держащих край котла. Потом варево опало и поверхность стала зеркально-чёрной.

— Плохо дело, — проговорила Магда и, протянув руку, коснулась центра. От пальца пошли круги, темнота посветлела... и сменилась полумраком, в котором еле угадывались человеческие фигуры.

— Лучше уже не станет, — пояснила Магда.

— В темноте они, что ли, сидят?

Ведьма покачала головой.

— Нет, темнота зелью не помеха. Там сидят люди, которые искренне верят в Заступника. Вера ограждает их от моего взгляда. Другая ведьма бы ничего не разглядела, но я отказалась от *Освобождения*, сохранив при этом дар.

— Как мне повезло-то, — ухмыльнулся батрак.

— Тихо! — приказала Магда. — Второй раз даже я не вытяну.

Темнота ещё немного посветлела. Стало видно, что люди сидят в круглой комнате, но лиц разглядеть было невозможно.

— Это второй святой поход, — настойчиво говорил чей-то голос. — Первый, явный, мы уступили мирянам. Второй, кроме нас, совершить некому.

— Брат наш, — ележно подхватил другой голос, — орден оценит твою жертву. Когда ты исполнишь свой долг, молитвами нашими и покаянием ты будешь отчищен от всякого греха.

— Но магистр Эрвин... — неуверенно ответил третий голос.

— Это необходимая жертва! — перебил первый голос.

— Магистр Эрвин погряз в гордыне, — мягко добавил елейный. — Наш долг перед ним, нашим братом, спасти его прежде, чем Заступник отвернётся от него и закроет врата своих чертогов.

— Ты уверен, что справишься один? — нетерпеливо спросил четвёртый. — Может, тебе нужны помощники?

— Я должен всё сделать сам, — уже уверенно ответил третий. — Старшие братья знают способы проверять искренность посвящённых.

— У тебя всё готово? — спросил первый.

Третий не ответил, но, видимо, кивнул.

— Вы наладили связь? — спросил четвёртый. — Без этого все труды насмарку!

— Этим занимается брат...

Имя прозвучало неразборчиво.

— Ржавый Нож согласился принять последнее милосердие Заступника, — с явным удовлетворением отозвался пятый голос.

Последним милосердием Заступника назывался договор между судьями и обвинённым в ереси. Жертву избавляли от сжигания заживо, но взамен несчастный должен был рассказать всё, что пытался скрыть, и принести покаяние. Если его рассказ не нравился братьям-заступникам, еретика продолжали пытаться.

— Хорошо... — довольно отозвался первый голос.

— Мы оставили заказ в дупле, на которое он указал, — продолжил пятый. — На следующий день записка исчезла.

— Тогда пора, — решил первый голос.

— Брат... — имя второй голос опять прозвучало неразборчиво, — зайди ко мне за благословением после утренней молитвы — и отправляйся с помощью Заступника.

Тот, видимо, опять кивнул.

Зелье посветлело, исчезли неясные тени.

— Это было прошлое, — задумчиво произнесла Магда и с интересом взглянула на лицо Виля. Тот стиснул кулаки.

— Магистр Эрвин, — прошипел батрак. — Магистр ордена Камня, возглавлял монастырь на северной дороге.

Магда кивнула. На севере был знаменитый храм, в котором хранились мощи святого, по преданию остановившего дракона. Туда стекались паломники из двух стран, орден Камня охранял их по пути, давал приют страждущим. После смерти магистра разразилась война, на которой был ранен барон цур Фирмин. Впрочем, магистр не был не только причиной, но и даже поводом. Просто северные соседи решили воспользоваться моментом. Орден Камня не

вмешивался в мирские дела, но был категорически против вторжений что с севера на юг, что с юга на север: они мешали паломникам. А без магистра они не сумели собраться.

— Дурацкий заказ, — продолжал Виль, — но я взял его. Магистр Эрвин ничем нам не мешал. Братья Камня вообще ничем, кроме своих паломников, не интересуются. Братья говорили — только ты сможешь войти в укреплённый замок и выйти с головой *слепого*. Но он был мёртв, когда я пришёл. Мне не сказали — кто. Но это был один из нас. Кто-то и после перебежал мне дорогу.

Магда хмыкнула.

— Чего они хотят? — задумчиво произнесла она. — Не похоже, чтобы ты их интересовал сам по себе. А вот братья Камня... Или проклятые?

— Прозревшие, Маглейн, — назидательно поправил батрак.

— А ты стал обидчивым, — засмеялась ведьма. — Ну? Ты узнал, что хотел?

— Не терпится меня выставить, а, Маглейн? Я же говорил, нам надо поговорить.

— Нам не надо разговаривать, — отрезала Магда. — Тебе надо убраться из моей жизни подобру-поздорову. Я ничего не хочу знать ни о твоих тайнах, ни о тайнах проклятых.

— Ты скрываешь что-то от папаши Виля, — продолжал батрак. — Расскажи, а?

— Отвяжись от меня, — вздохнула ведьма. — У нас разные дороги. Я тебе больше не сестра.

Виль сунул руку за пазуху, а, когда достал, в ней лежала искусно вырезанная детская игрушка. Лошадка на колёсиках.

— Зачем это тебе, а, Маглейн?

Магда подняла брови.

— Ты спрашиваешь меня, зачем мне детская игрушка? — удивилась она. — Ты совсем помешался.

— Эта новенькая. Не выросла ли твоя девочка из таких игрушек?

Магда закатила глаза.

— Не туда метишь, — усмехнулась она, отбирая лошадку. — Проваливай, Виль.

Батрак смерил её оценивающим взглядом, но больше спорить не стал.

— Бывай, Маглейн. Ещё свидимся.

Он шагнул за порог, но Магда вдруг его удержала.

— Возьми, — сказала она и сунула батраку перекрученный корешок.

— Это ещё что? — подозрительно спросил Виль. Магда зло засмеялась.

— Будет туго — брось в огонь.

— И что будет? — дотошно уточнил батрак. — Я исчезну в клубах дыма?

— Догадливый, — отозвалась ведьма. — Он даст дыма как целый костёр, в который бросили охапку мокрой травы. А как исчезнуть — сам придумаешь.

Виль испытующе взгляделся в лицо ведьмы, но подарок взял. Шаг за порог, хлопнула дверь... шагов ведьма уже не слышала. Виль умел ходить бесшумно.

* * *

Ведьма с трудом дождалась следующего утра. Едва рассвело, она заторопилась в замок барона. Она не ходила туда вот уже... три... четыре дня? Ей они показались вечностью. Но она не могла, не смела пойти туда до того, как уйдут все её нежелательные гости. Теперь

путь был свободен. Ведьма привычно заметала следы, хотя, конечно, никто не мешал тому же Виллю дожидаться её у замка... Но он не стал.

Не догадался.

Пока не догадался.

Она вошла в замок, привычно поднялась на второй этаж и отправилась в покои, в которых когда-то томилась тяготящаяся отцовской властью Нора. Теперь там жил шателен Ордулы со своей семьёй.

Хлопнула тяжёлая дверь.

— Леон! — позвала она.

— Мама! — отозвался детский голос, к ведьме прибежал двухлетний мальчишка и бросился в её объятия.

Ведьма прижала его к себе, потом отстранила и взъерошила волосы.

— Я скучала, Львёнок, — призналась она.

Мальчишка напыжился и отстранился.

— Папа Вир посадил меня на лошадь! — важно сообщил он.

— Да ты у нас настоящий рыцарь! — рассмеялась ведьма.

Вир и Вейма усыновили ребёнка. Магда была им благодарна. Её ненужный ребёнок. В этом не было ничего плохого. Не наследник. Не колдун. Никому не обещанный. Она поставила барону условие — их ребёнок не будет наследовать титул. Он не вырастет под гнётом долга, который испортил отношения цур Фирмина со своими старшими детьми. Барон согласился, но настоял, чтобы ребёнок был воспитан как полагает рыцарскому сыну и будущему рыцарю. Ведьма не стала спорить.

Проклятые считали, что Вир усыновил мальчишку, чтобы скрыть бесплодие своей жены. Им было понятно, почему ребёнок не оборотень: кто бы из стаи пожертвовал своего сына? Но кто его настоящие родители, проклятых не интересовало. *Слепые... слепые* не знали. Вейма скрыла беременность подруги и своё бесплодие. Никто не удивлялся, что ведьма навещала подругу и её маленького сына. Ребёнок, конечно, знал. За ним следили, чтобы он не проболтался, но Львёнок был на удивление разумным мальчишкой.

— Ты не слушаешь! — рассердился мальчик. — Я хочу лошадку! Ты принесла лошадку?

— Конечно, — засмеялась ведьма и протянула игрушку сыну.

Потом вдруг прижала ребёнка к себе. Сын и наследник шателена, пусть и приёмный, Леон рос самым защищённым мальчишкой во всём Фирмине. Но всё же... никто не должен знать.

Шагов слышно не было, но Леон вдруг высвободился из материнских объятий. Ведьма подняла голову. Перед ней стояли Вейма и обнимающий жену за плечи Вир. Вампирша принюхалась и поморщилась.

— Приходил? — коротко спросила она. Вир, который тоже чуял знакомый запах проклятого, не стал ничего уточнять. Магда кивнула.

— Мне не нравится, чем от тебя пахнет, — покачала головой вампирша.

— Кто эти люди? — спокойно спросил Вир.

— Папа Вир! — вмешался Львёнок. — А мама мне лошадку подарила, гляди!

Оборотень внимательно осмотрел игрушку. Как и на все изделия, которые делала Магда, на эту были нанесены особые насечки. Лошадка была оберегом. Замок просто ломился от оберегов, сделанных, сшитых, сплетённых, собранных, зашёптанных ведьмой.

— Прекрасная лошадка! — похвалил Вир. Оборотень, он предпочитал сражаться

пешим, но умел и верхом, как и всякий порядочный рыцарь.

— Поиграй с лошадкой, Львёнок, — ласково предложила Вейма. — Мы поговорим с твоей мамой и она с тобой поиграет.

Леон надулся, но, перехватив строгий взгляд «мамы Веймы», тряхнул светлыми волосами и убежал играть.

Магда протянула друзьям письмо.

— Где находится Аак? — спросила она.

Вейма подумала и повела подругу в таблиний^[7] барона. Там рядом со старым столом, на котором под крышкой скрывалась карта Тафелона, был второй, новый, с картой святых земель. Вир по знаку жены поднял крышку.

— Смотри, — показала Вейма.

Магда заморгала, уставившись на город на самом берегу моря — и на другой, подкрашенный красной краской, который прятался в горах. Город, который барон поклялся освободить от армии язычников.

— Вот так продвигается, — ахнула она.

Вир успокоительно похлопал ведьму по плечу.

— Его милость не стал бы лгать. Если он говорит, что он продвигается к святому граду — значит, он продвигается. Не ломай себе голову.

Он понюхал письмо и передал жене.

— Это письмо написано было недавно, — сказала вампирша. — В пути оно провело... не многим дольше, чем если бы его везли лично тебе. Как ты его получила?

Магда рассказала. Подумав, она рассказала и о том, что увидела в провидческом зелье. Вампирша покачала головой.

— Орден Камня, — произнесла она задумчиво.

После замужества Вейма стала не такой нервной и порывистой, какой была прежде. И часто думала больше, чем говорила вслух.

— Ни от кого не секрет, что братья-заступники хотят их подвинуть, — пожал плечами Вир. — Сначала святые земли, потом реликвии в нашей стране... не успеем оглянуться, по дорогам нельзя будет проехать, не заплатив ордену Камня пошлину. И есть будем в их приютах, и спать там, и лошади все будут у них, и даже телеги. Конечно, братья-заступники забеспокоились.

— Они давно начали, — добавила Вейма. — Магистр Эрвин умер четыре года назад.

— И монастырь их как-то сам собой перешёл под руку к братьям-заступникам, — дополнил Вир.

Магда пожала плечами.

— Меня это не интересует, — отозвалась она. — Есть наша земля — остальное неважно.

Вейма укоризненно покачала головой. Ведьма отвернулась.

Да.

Конечно.

Она не забыла.

Она помнит.

Как тут забыть о том, что барон, едва узнал, что ведьма носит его сына, сел на коня и уехал в ставку рыцарей, собирающихся в священный поход. О чём он договаривался с братьями-заступниками, которые собирали людей, благословляли их, обещали всяческую

помощь и отпущение всех грехов — он не рассказал. Но клялся всеми святыми, своей землёй, властью барона и головой нерождённого ещё сына, что отныне и впредь никто из братьев-заступников не сунется на его земли. Если он возглавит отряд, посылаемый Тафелоном. Он, лучший военачальник в стране — это признавали даже враги.

Бесполезно прятаться от мира.

Мир придёт к тебе сам и отберёт всё, что пожелает.

Он не хотел ехать. Сначала — не хотел. Не приехал, когда его звали. Но вскочил на коня, едва узнал, что ведьма ждёт его ребёнка. И уехал. Чтобы их защитить.

Магда не была этому рада.

Она не была даже благодарна.

Жертва, которую принёс им мужчина, ставший отцом её второго ребёнка, казалась ей чрезмерной.

И жертва, которую принесла она...

— Меня не интересуют тайны священников, — упрямо повторила ведьма.

Вейма махнула рукой.

— Что Эрлейн? — спросила она.

Лицо ведьмы посветлело.

— Пишет, — улыбнулась она. — Уже научилась... Здорова. Скучает, птичка моя.

— Мы тоже скучаем, — мягко проговорила Вейма.

Ведьма тяжело вздохнула.

— Мне надо было его убить, — выговорила она.

Вир пожал плечами. Он понимал Магду как никто другой. За своего волчонка он перегрыз бы глотку любому. И за свою жену и, уж конечно, за приёмного сына. Но Медный Паук был слишком удачливым разбойником, чтобы убивать его, не попытавшись договориться. Он даже пробовал... один раз они мирно разошлись и даже неплохо выпили вместе. Два раза только скорость оборотня спасла Вира от смерти или увечья и ещё один раз он чуть не загрыз батрака, но в последний момент умудрился сдержаться. Больше он разговор о Магде и её дочери не заводил.

Может быть, он попробует ещё раз.

Когда у него будет что-нибудь, очень для Виля нужное.

* * *

Брат Полди оправился от влитого в него насильно дурмана и обнаружил, что идёт по дороге в одежде нищенствующего монаха. Рядом с ним размашистым шагом шла уродливая плечистая баба, одетая как мужчина.

— Я — Большеногая Врени, — пояснила женщина, когда убедилась, что подопечный способен шагать сам и даже неплохо соображает. — Нашла тебя в канаве у дороге. Тебя избили и ограбили...

Она придиричиво оглядела его новые лохмотья и поправилась:

— Просто избили. Но ты, конечно, в своём смирении не станешь жаловаться. Им воздастся в ином мире.

Брат Полди не сразу понял, что это не рассказ, а инструкция.

— Что с моей одеждой? — спросил он.

— Сожгли, — пожалала плечами женщина. — Уж больно приметная. Если хочешь что рассказать али спросить — поторопись. Скоро мы выйдем на людную дорогу, там лишнее не поболтаешь.

Полди провёл руками вдоль одежды и махнул рукой. Письмо, которое ему дали в родном ордене, не было важным, оно не было даже единственным отправленным. Не донёс он — донесёт другой брат. Ему и дали-то это письмо просто потому, что Кертнанское аббатство уж точно ближе к Фирмину, чем город Сюдос, под которым стоял его монастырь.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он.

— Что я хочу? — удивилась цирюльница. — Мил-человек, ты меня с кем-то перепутал. Это тебе нужна помощь, а я только выполняю заповеди Заступника нашего и помогаю тому, кто следует Его путями.

Монах поморщился.

— Зачем ты притворяешься? — тихо спросил он. — Такие, как ты, ничего не делают просто так.

Врени засмеялась.

— Я просто нашла человека, которому нужна помощь, — ответила она. — Доведу тебя куда скажешь, и распрощаемся.

— Я не знаю, куда идти, — признался монах.

— Ах да, ты же сбежал, — кивнула цирюльница. — Ну, а о чём ты думал, когда дал дёру?

— Ни о чём, — покачал головой брат Полди. — Я просто испугался.

— Чего?

Брат Полди развёл руками.

— Наш монастырь совсем маленький, в нём нет воинствующих братьев. Мы живём трудом и миром. Сами возделываем землю, сами заботимся об огороде, пасём скот. Приют путникам мы даём не чаще, чем бедный крестьянин, у которого нет лишней краюхи хлеба.

Врени хмыкнула. Братья Камня любили приbedняться. Она не удивилась бы, если бы узнала, что у них в подвалах оседало немало сокровищ ордена.

— Единственное, что даёт нам славу — это наши переписчики, — продолжал брат Полди голосом до того жалостливым, что его захотелось стукнуть.

— И ты — один из них? — уточнила Врени.

— Я лучший, — без тени гордости или самодовольства отозвался монах. — Меня освободили ото всех обязанностей, чтобы я мог посвятить себя совершенствованию в своём искусстве. Поговаривали о том, что мне надо взять ученика, но я ещё слишком молод...

— А потом вам написали братья-заступники?

— Письмо содержало немало намёков, — с горечью ответил монах. Врени покачала головой. Юноша действительно был ещё очень молод. — Там писали про гордыню... про служение... про общее дело Заступника... Говорят, магистр Эрвин тоже получал намёки на гордыню. И где он теперь? Где теперь их монастырь? А ведь его братья были воинами! А мы? Нам нечем себя защитить!

Врени пожалала плечами. Она плохо разбиралась в магистрах и орденах.

— Они сказали, что хотят лучшего переписчика. Отправили меня.

— И ты сбежал.

— Я написал Книгу Врага, — напомнил монах. — Я не хочу знать, что для меня приутоновили братья-заступники. Они тоже могут заинтересоваться, как я уговорил Врага

мне позировать.

— А ты не думал о том, чтобы выбрать *Освобождение*? — закинула удочку Врени.

— Что? — споткнулся монах. — А. Я понял тебя. Нет. Я слишком люблю этот мир, чтобы сойти с ума и поверить, что в нём есть что-то плохое. И потом...

— Да?.. — заинтересовалась цирюльница.

— *Вам* тоже могут понадобиться мои услуги, — еле слышно произнёс монах.

— А чего ты хотел? — удивилась женщина. — Ты же лучший.

— Я не хочу, — решительно ответил Полди. — С меня хватит. Ни о чём так не мечтаю, как о тихой жизни и покое.

— И ты украл свою книгу? — хмыкнула Врени. — Дорогушую книгу с бесценными картинками? Чтобы продать как можно дороже?

Брат Полди смутился.

— У меня не очень хорошо получалось в огороде, — признался он.

Врени рассмеялась.

— Могу помочь. Где ты спрятал своё сокровище?

Брат Полди покосился на неё и покачал головой.

— Спасибо, но мне ничего не надо, — отозвался он.

— Брось, парень, — рассердилась цирюльница. — Тебе же нужен посредник!

— Не ты, — коротко отозвался монах.

— Эй! — возмутилась задетая за живое женщина. — Да тебя, видно, крепко по башке-то приложили! Куда ты пойдёшь, кого ты найдёшь, а? Посмотри на себя! Кто тебя на порог пустит?

Брат Полди осторожно попятился.

— Я пройду именем Заступника, — твёрдо ответил он.

— Тебя зарежут на пороге, — презрительно бросила цирюльница.

— Добрая женщина, — вздохнул монах. — Ты оказала мне помощь и я тебе благодарен.

Но позволь мне оставить свои мысли при себе.

Врени ещё никто не называл доброй женщиной и это обращение ей не понравилось.

— Блаженный дурак, — презрительно бросила она.

Разойтись им, однако, было некуда: дорога нигде не разветвлялась, к тому же она собиралась в Раног, где думала кое-кого встретить.

Брат Полди осенил её благословляющим знаком Заступника, чем оскорбил ещё больше, и зашагал по дороге, всем своим видом показывая, что хочет остаться один. Врени задумалась.

Книга Врага может стоить немалых денег, а этот дурачок просто напрашивается на то, чтобы его ограбили... но выпытывать из него тайны, похоже, бесполезно. Те разбойники не были, конечно, большими умельцами в этом деле, но Магда говорила, что монах слишком силен духом... убить проще, чем заставить. И этот человек рассказывает, как испугался братьев-заступников? Полно, что они могут ему сделать? Такой переписчик самим нужен.

Худшее — заперли бы где-то и заставили бы работать... но разве не этим он занимался всю свою жизнь?..

Врени покачала головой. Откуда он пришёл? Надо бы узнать, где у ордена Камня есть маленький и никому не нужный монастырь. Если с Полди передали письмо, не находится ли монастырь на пути на восток? Какие письма проходят через них?

Проще проследить за ним, чем пытаться выпытывать. Плохо, что он её уже знает.

Врени раздосадовано хмыкнула.

Этого она не ожидала. Казалось бы, дело верное. Она и правда помогла бы любому, кого нашла вот так, избитым и брошенным в канаве... но, положим, рассчитывала на благодарность. И на доверие. Монашек не так-то уж прост. Совсем не прост... Какой дорогой он шёл и куда мог спрятать Книгу Врага?

И надо ли ей отвлекаться на Книгу Врага, если её задание — защита этой никчёмной жизни? Покоя он хочет!

Глава четвёртая

Дети ведьмы

По улицам Раного проскакал всадник на чёрном коне. У почтенного горожанина Лонгина, чья жена каждый день творила немного добра для жителей Раного, был, с точки зрения других почтенных горожан, только один недостаток. Горячая любовь к бешеной скачке на своём чудовищном коне. Целыми днями Лонгин сидел дома, но в любой момент мог выскочить на улицу и помчаться. То за городские ворота, а то просто носился по городу. В городе шёпотом говорили, что он ссорится с женой, осуждает её не знающее границ милосердие, а быстрая езда позволяет ему утишить гнев.

В каком-то смысле так оно и было.

Лонгин доскакал до своего дома, соскочил и бросил поводья подоспевшему конюху. В своё время человек этот был придирчиво выбран из прочих за сочетание крайней тупости с отличным знанием лошадей. Лонгин зыркнул на конюха, угрожающе приказал коню:

— Пойдёшь с ним и без фокусов!

Жеребец его мог иногда поднимать бунт, а сегодня Лонгину не хотелось тратить силы на усмирение неблагодарной скотины.

Но, вроде, обошлось. Конь немного погарцевал, пофыркал, но смирился и покорно пошёл за слугой.

Лонгин вошёл в дом. Там было всё по-прежнему: и половички, и зеркало, и прялка. У окна сидела белокурая девочка и при свете дня разбирала по складам потрёпанную книжку. Услышав шаги волшебника, девочка подняла голову.

— Дядя Лонгин! — обрадовалась она. — Смотри, как я умею!

— Показывай, — без улыбки согласился маг. Девочка принялась зачитывать слова из книжки, торопясь и проскакывая отдельные слоги. В комнате ощутимо потемнело. — Э-э-э... нет, не так. Медленнее, пожалуйста, и с выражением.

Девочка повторила ещё раз. Последнее слово ей пришлось читать по памяти: комнату обняла тьма.

— Вот и умница, — рассеянно потрепал маг девочку по головке. Потом спохватился. — Чем ты сегодня занималась? Ты занималась логикой?

— Сил-логиз-мы, — с трудом выговорила девочка, — такие скучные!

— Я не это спрашивал, — мягко заметил маг.

— Занималась! — сердито ответила девочка.

— Умница. А теперь то же самое, задом наперёд.

— Но я не помню! — запротестовала девочка.

Маг вздохнул. Коснулся книги и её страницы посветлели.

— Ну-ка. Без запинок, иначе мы провалимся в преисподнюю.

Очень медленно и старательно девочка прочитала страницу задом наперёд.

В комнате снова стало светло.

— Здорово! — просияла девочка.

Лонгин кивнул. Это был простой фокус, его умели все ученики Чёрной башни.

— А мы маме напишем? — тут же потребовала девочка.

— Давай, пиши, — согласился маг. Девочка живо обернулась, достала из сундучка под окном пергамент, с полки над прялкой — огниво, трут и чернильницу с пером. Закусив губу,

она принялась высекать искры и поджигать пергамент. Огонь неохотно выпускал коготки, но всё же потихоньку распробовал предложенную пищу. Торопясь и роняя кляксы, девочка принялась выводить кривые буквы.

ДАРАГАЯ МАМОЧКА! У МЕНЯ ВСЁ ХАРАШО. ВСЕ ЗДОРОВЫ. Я ТОЖЕ. ОЧИ СКУЧАЮ. Н...

— Убирай руки! — приказал маг, пристально следящий за девочкой. Она послушалась и пергамент охватило пламя, которое не давало ни дыма, ни пепла и ничего больше не поджигало. Девочка радостно улыбалась. Когда мама разведёт огонь, она увидит в нём эти буквы.

— Ты не учил бы ребёнка магии, — озабочено произнесла Виринея, открывая дверь в комнату. — Идите оба ужинать.

— Брось, — неуверенно отмахнулся волшебник. — Это простенький фокус.

— Магда за такие фокусы нам спасибо не скажет.

— А мы ей не будем рассказывать, — по-мальчишески предложил волшебник. Девочка радостно засмеялась.

— Ох, Эрлейн, — обняла её женщина. — Не к добру это.

— Скажешь, у меня плохо получается? — надулась девочка и, вырвавшись из объятий, пошла на кухню.

— Отлично получается, золотко, — согласилась волшебница.

Лонгин пропустил девочку вперёд и уселся за стол напротив неё. Волшебница быстро поставила на стол тарелки и наполнила их ароматным супом. Девочка схватилась за ложку, Лонгин вопросительно посмотрел на жену. Её настроения он угадывал как никто другой.

— Смотрю я на неё... — вздохнула женщина. — Всего месяц у нас живёт, а столько радости... Почему мы своих-то не завели?

Лонгин удивлённо поднял брови и тоже взялся за ложку. Были у них какие-то разговоры. Не то безопасность, не то какой дар ещё ребёнок унаследует, не то он боялся, что ребёнок помешает его занятиям. А теперь вон, бегает. И вроде бы даже и не мешает.

— Сам не понимаю, — пожал плечами волшебник. — Дурак был.

— Тётя Виринея! — вмешалась девочка. — А мы посмотрим на братика?

— Доешь и посмотрим, — пообещала волшебница. — Э, нет, так дело не пойдёт. Ты же давишься. Давай-ка похвали еду: ешь медленно.

Под внимательными взглядами обоих волшебников Эрна спорить не решилась и только нетерпеливо ёрзала, хлебая суп. Едва доев, она отбросила ложку и вскочила на ноги.

— Посмотреть на братика! — закричала она, пританцовывая вокруг волшебницы.

Виринея крепко взяла девочку за руку и повела в комнату к зеркалу.

— А на маму мы посмотрим? — приплясывала Эрна.

— Нет, — решительно ответила Виринея. — Мама уже большая. За ней подглядывать некрасиво.

— А за братиком красиво?

— Он пока маленький. Вот подрастёт — и некрасиво будет.

— А дядя Лонгин мог бы подглядеть?

— Дядя Лонгин не умеет, — улыбнулась волшебница. — Это белая магия.

— А мама умеет?

— Мама делает это иначе. Она варит зелья.

— А я научусь? Тётя Виринея?

— Не знаю, золотко.

— Тогда давай смотреть братика!

Виринея коснулась зеркала кончиками пальцев. Поверхность помутнела, а потом стала проясняться. Эрна легонько побарабанила по стеклу ладошками.

— Братика! Братика! Покажи братика!

— Золотко, не надо... — забеспокоилась волшебница, но тут отражение комнаты сменилось коридором замка, по которому маленький мальчик катил деревянную лошадку на колёсиках.

— Смотри, я тоже умею! — обрадовалась девочка.

— Эрна, хорошая моя, не надо трогать волшебное зеркало руками.

— А лошадку мама сделала! Смотри! Она тоже волшебная!

Прежде, чем волшебница успела вмешаться, детский пальчик ткнул прямо в игрушку. Зеркало немедленно почернело. Эрна пискнула и спряталась за волшебницу.

— Я нечаянно! Я не хотела!

— Тш-ш, солнышко, — успокоила девочку женщина и наклонилась, вглядываясь в черноту стекла. Поверхность как будто пошла рябью, помутнела и принялась медленно светлеть.

— Прошое, — моргнула волшебница, прижимая к себе нахохлившуюся девочку. — Смотри, мы сейчас увидим прошое.

Случившееся ей не понравилось. Совпадение, конечно. Просто зеркало уже было настроено.

Совпадение.

Конечно.

— Оно всегда такое... — задумалась Эрна, выглядывая из-за волшебницы, — грязное?

— Мутное, — поправила Виринея. — Ясно мы видим только то, что происходит сейчас.

— А будущее?

— А будущее мы не видим. Только то, что может произойти. Тш-ш, смотри. Твоя мама.

Они увидели Магду вместе с каким-то неприятным человеком, лицо которого пряталось в тени. Оба они вглядывались в котёл, где, как в зеркале, отражалась комната с круглым столом и людьми, сидящими вокруг в глубоких креслах.

— А чего это они? — вылезла девочка, но волшебница оттащила её от зеркала.

— Тш-ш, золотко, не мешай. Лонгин! Лонгин, иди сюда!

Чёрный волшебник встал рядом с женой и тоже принялся вслушиваться в разговор. При его появлении зеркало чуть замутилось, но чары белой магии это выдержали.

— Магистр Эрвин... — задумчиво произнёс он. — Как любопытно.

— Мне это не нравится, — нахмурилась Виринея. — Что это за тип рядом с Магдой?

— Я знаю! — вылезла у неё из-под руки Эрна. — Это дядя, которому меня мама отдавать не хочет.

Взрослые переглянулись.

— Деточка... — осторожно начала Виринея. — Кто тебе это сказал?

— Я уже не маленькая! — надулась Эрна. — Я сама слышала! Вы с мамой разговаривали.

— А что ты ещё слышала? — подумав, уточнил Лонгин.

— Что мама меня из-за него учить не хочет, — пуще прежнего надулась Эрна. — И вы всё время расстраиваетесь, когда у меня что-то получается. А ему ведьма нужна, потому

что... потому что... нужна, в общем. Он её учить хочет. То есть меня.

— А ты хочешь у него учиться?.. — уточнила Вириная.

— Конечно, нет! Я к маме хочу! А он меня у мамы забрать хочет! Он плохой, страшный и мама из-за него плачет!

* * *

Наигравшись с сыном, Магда пошла по замку, где в её помощи нуждались не меньше, чем в деревне. Дети, когда-то привезённые бароном из Барберга, болели какой-то неприятной заразой и ведьма ломала голову, что это могло бы быть и не перекинется ли это на других детей. Покуда её травы помогали, но полностью вылечить их не удавалось.

Она переловила по очереди всех детей, пощупала, постучала, посмотрела глаза, носы и горла и, в общем, осталась довольна. Она как раз уговаривала старшего мальчишку и его мать дать себя осмотреть, когда к ней подбежал Уво-длинноногий, сын фенриха [8] Менно и сказал:

— Там на лугу какой-то дядька с Львёнком играет, а нас прогнал. Почему прогнал?

— Какой дядька? — вздрогнула Магда и побежала к воротам.

Картина, которая ей там представилась, была мирной до умиления... и сердце ведьмы защемило мучительной болью. Виль-батрак, который так и никуда не ушёл, весело подбрасывал в воздух её сына. Мальчик заливисто смеялся и просил ещё.

— А, — поприветствовал её батрак, не прекращая играть с ребёнком, — Маглейн.

Затеяла секреты хранить от папаши Виля, а? Думаешь, я совсем ничего не понимаю?

— Оставь ребёнка, — потребовал выскочивший из ворот следом за ведьмой оборотень.

— Стой где стоишь, Серый, — посоветовал батрак. — Ты меня знаешь.

— Виль... — нежно выдохнула Вейма, которая медленно подкрадывалась к проклятому. — Посмотри на меня.

— Э, нет, — засмеялся батрак. — Второй раз не обманешь. Серый, скажи своей бабе, чтобы не двигалась. А то, сам понимаешь, неловко может выйти.

Он ещё раз подбросил ребёнка, который почуял недоброе и уже не смеялся. Бережно поставил мальчика на землю.

— Ну, беги, малец, к матери.

Львёнок опрометью кинулся к Магде. Она упала на колени, затормошила сына, осматривая, ощупывая чуть только не облизывая со всех сторон, но не нашла ни синяка, ни царапины, ни отметины — ничего плохого. Лёон разразился оглушительным рёвом. Вейма шагнула к подруге и подняла мальчика на руки. Легонько покачала, успокаивая его. Осторожно втянула воздух.

— С ним всё в порядке, — удивлённо произнесла она.

Батрак ухмылялся.

— Что ты затеял?! — вскинулась ведьма.

— *Теперь* ты поговоришь со мной, Маглейн?

— Чего ты хочешь? — нахмурилась Магда.

— Говорил же, разговор есть. Да не смотри на меня так. За кого вы меня все принимаете? Уже и поиграть с ребёнком нельзя.

Вир покачал головой, взял у жены мальчика и понёс его в замок.

— Ещё раз такое выкинешь — перегрызу глотку, — бросил он через плечо. — И проваливай из наших земель. Тебя приказано повесить на первом же дереве.

— Грози-грози, — хмыкнул батрак. — И не такие грозились.

— Оставь моих детей в покое, — потребовала ведьма.

— Окстись, Маглейн. Прекрати от меня шарахаться. Тебе от меня никуда не деться.

Он хлопнул её по плечу и повернулся к лесу.

— Успокойся и приходи. На этот раз мы всё-таки поговорим.

* * *

Магда провела вечер и ночь в замке. Успокаивала сына, страшила детей, чтобы в следующий раз от незнакомых дядек шарахались, а не требовали с ними поиграть. На десять раз обсуждала с друзьями произошедшее. Вир считал, что ещё одна такая выходка — и пора будет забыть, чем они все обязаны батраку, а Вейма — что его давно нужно удавить, только, пожалуйста, не при ней. Утром ведьма вернулась к себе домой. И уже не удивилась, когда нашла наколотые дрова, принесённую воду и даже горшок вполне сносно сваренной каши.

— Завела бы кур, — вместо приветствия предложил ей батрак. — И коза у вас когда-то водилась... А то в деревню за едой не находишься. Почему молоко в погребе не хранишь? Ты хозяйка или кто?

Магда заморгала.

— Ты что это придумал? Какие тебе козы и куры?

— Жить я здесь собираюсь, — невозмутимо сообщил батрак. — Смотрю, нора у тебя хорошая, домишко неплохой, комната есть свободная. Ты и так на кухне спишь, не стесню.

— Ты спятил?! Только тебя мне здесь не хватало!

— Не хватало, — кивнул батрак. — За домом-то следить нужно. Неужто и попросить было некого? Вот обрушился бы тебе на голову — узнала бы.

— Небось не обрушился бы, — растерялась ведьма. — Виль, прекрати надо мной свои шутки шутить! Что ты задумал, говори и проваливай!

— Опять ты за своё, — закатил глаза разбойник. — Уймись, Маглейн. Я тут подумал... не хочешь свою девку со мной отпускать — хорошо. Понимаю. Девочка, маленькая, ей ещё с мамой расти, ей ещё учиться и учиться колдовству, секретам там маминым...

— К чему ты клонишь?!

— Так я у вас поживу, — закончил свою мысль батрак. — Ты девочку поучишь, я девочку поучу...

— Не бывать этому!

— Уймись, Маглейн. Брось, пупок надорвёшь. Я же говорю тебе — никуда ты от меня не скроешься. Сына твоего нашёл — и девку найду. Давай лучше по-хорошему.

— По-хорошему — с тобой?!

— Ну, а что плохого ты от меня видела, а?

— Да ты... — начала было ведьма и осеклась. Если говорить по совести, то ничего по-настоящему плохого она от Медного Паука не видела.

Пока он не назвал свою цену.

— Моя дочь убийцей не будет!

— Может, дашь ей самой решать? — вкрадчиво предложил батрак. — Скажешь, я тебя

плохому учил, а?

Магда вздохнула.

— Ты ведь не отвяжешься, — посетовала она.

— Мне сейчас некуда идти, — откровенно признался батрак. — Дел новых не поручают, искать самому неохота... сестра на порог не пустит, за братом до сих пор следят... а здесь и прожить можно. Опять же, клятва твоя. Не боишься беду накликать?

— Страшнее беды, чем ты, в этом лесу не водится, — в сердцах ответила ведьма и вышла во двор.

— А насчёт кур подумай, — вслед ей прокричал батрак.

* * *

Девочку привезли на третий день: Виринея категорически запретила мужу везти ребёнка на его страшном жеребце, к тому же надо было объясниться с соседями. К страшному разочарованию Эрны, которая проклятых коней не боялась, и всегда носила в мешочке у пояса кусок хлеба — на всякий случай. Жеребец Лонгина при появлении девочки смешно шлёпал губами и тянулся за подачкой. Но Виринея настояла на своём и они пересекли Корбин на пароме, проехали на дороге, а после отвели глаза спутникам и углубились в лес. К домику ведьмы их вела Эрна, перед которой, как и перед матерью, расступались кусты и разводили ветки дерева. Волшебники только головами качали, стараясь держаться поближе к девочке. Да, невозможно ведьме растить дочь так, чтобы она совсем ничего не усвоила. Вот только Магда могла сделать так, чтобы лес пропустить и её спутников, а Лонгин с Виринеей едва успевали уворачиваться от смыкающихся ветвей.

Увиденное во дворе у ведьмы не понравилось им обоим, хотя зрелище было, в общем-то, мирным. Виденный ими раньше в зеркале проклятый складывал из старых досок дровяной сарай, а Магда ворчала, что до его появления она прекрасно обходилась и так.

— Я тебя знаю! — испуганно попятилась к ногам взрослых девочка. — Из-за тебя моя мама плачет!

— Магда, что всё это значит? — скрестила руки на груди белая волшебница. Она смерила обоих взглядом. — Что он с тобой сделал?

— Он поживёт здесь, — уклончиво ответила Магда. — Какое-то время. По хозяйству поможет.

Виль присел на корточки, достал из-за пазухи яблоко. Обтёр его рукавом и протянул девочке.

— А твоя мама тебе рассказывала, как мы с ней в замок тайком пробирались, спасти её рыцаря?

— Н-нет... — растерялась Эрна. Покосилась на мать. Магда обречённо кивнула и девочка подошла ближе. — А у мамы был рыцарь?

— Ещё какой! — заверил Виль.

— А тётя Виринея сказала, чтобы я, когда тебя встречу, сделала вот так!

Эрна выставила перед собой ладошки и те засветились слабеньким белёсым светом. Виль ободряюще улыбнулся. Магда взгляделась внимательней, перевела взгляд на непреклонно застывшее лицо подруги, прислушалась к очень знакомому потрескиванию... и вспомнила, о каком заклинании идёт речь. Об одном из немногих, которым в Белой башне

детей не учили не потому, что оно очень уж сложное, а потому, что у детей оно получается слишком уж хорошо. Ведьма ахнула, сорвала передник и набросила на голову батрака. Вовремя — сияние разгорелось и охватило всю фигуру девочки, сделавшись непереносимым даже для матери. У калитки с проклятиями заслонил лицо и отвернулся чёрный волшебник. Чары истинного света, заклинание простенькое, но для него нужно быть праведником... или ребёнком. Оно ослепляет всех, кто недостаточно праведен, а у тех, кто и вовсе порочен, может даже выжечь глаза.

— Здорово, правда? — довольно улыбнулась Эрна.

Магда подошла и положила руку на голову дочери. Сияние медленно погасло, а ведьма набросилась на подругу:

— Вириная, ты с ума сошла, таким вещам учить ребёнка?!

— Я думала, он её украсть попытается, — пожал плечами волшебница. — Девочка должна уметь себя защитить.

Батрак сдёрнул с головы передник.

— Здорово, — согласился он. — Только такие вещи лучше делать быстрее и без предупреждения.

— Я научусь! — пообещала Эрна и взяла протянутое яблоко.

— Подумать только, — пробормотал протирающий глаза Лонгин, — это милое дитя ещё два дня назад дулось, когда ей запретили кромсать дождевых червей, чтобы сварить «жутко страшное зелье».

— А говорила, «обычная девочка», — пробормотал Виль, поднимаясь на ноги. — Дар не унаследовала...

— Она была обычной девочкой, когда я отправляла её в город, — сердито ответила Магда, кидая на друзей недовольный взгляд.

Эрна вприпрыжку поскакала в дом.

— Пара фокусов ещё ничего не означает, — возразил Лонгин. — Усвоить их мог бы любой ребёнок, дай только повод. Это обычно проходит с возрастом. Если не развивать.

— А как сильно можешь развить? — заинтересовался батрак.

Лонгин пожал плечами.

— Пока рано говорить. Одни дети дальше пары фокусов так ничего и не могут. Другие — хоть и взрослыми начинали, достигают неплохих результатов. Мало способностей. Надо, чтобы человек принял дар. Или проклятие.

— А я тебя помню, — вместо ответа заявил батрак. — Ты мне вместо кошелька с золотом черепки подсунул.

Лонгин пожал плечами.

— А чего ты хотел? — удивился он.

Батрак сплюнул и пошёл в дом за девочкой.

— Магда, ты сошла с ума? — напустилась на ведьму белая волшебница. — Зачем ты остановила девочку?

— Это ты сошла с ума! — рассердилась ведьма. — Я тебя просила её учить?! Устроили тут... балаган. Что можно и что нельзя ему показали.

— Что он от тебя хочет? — не отставала волшебница. — Хочешь, я избавлю тебя от этого человека?

— Дамы, — вмешался Лонгин, обнимая жену за плечи, — вы бы подумали, что «этот человек» там один с девочкой.

Магда подхватила передник с земли и бросилась в дом.

* * *

Эрна, оседлав лавку на кухне, пыталась скакать на ней верхом и очень ругалась, что лавка больше не шатается и играть стало не интересно.

Виль сулил сколотить качающуюся лошадку и требовал оставить «полезную вещь» в покое.

— И тележку! — обрадовалась Эрна. — Мне знаешь как тележка нужна? Я буду с ней маме помогать!

— В доверие втирается, — прокомментировал вошедший вслед за Магдой Лонгин. — Очень умно.

Эрна покосилась на воспитателя и ткнула пальцем в батрака.

— И всё равно я с тобой никуда не пойду!

Магда закатила глаза и прижала к себе дочь.

— Не ходи, — согласился батрак. — Я пока у вас поживу.

— Магистр Эрвин, — задумчиво произнёс Лонгин. — Значит, братья-заступники задумали подмять под себя и прозревших, и орден Камня одним ударом...

Виль недобро покосился на Магду.

— Болтушка ты, Маглейн. Не ожидал.

Лонгин покачал головой.

— Скажи им спасибо, — кивнул он на жену и девочку. — Подозреваю, мы всё видели яснее, чем вы с Магдой.

— Ай-ай-ай, какая способная девочка, — заухмылялся батрак. — Маглейн, а ты говорила, ничего не умеет.

— Это белая магия, — раздражённо ответила ведьма.

— Да хоть бурая в крапинку, — отмахнулся Виль. — Главное, у неё получается.

— Если она увидела в зеркале то, что тебе показывало зелье, — проговорила Виринея, неприязненно косясь на батрака, — значит, с этим связана её судьба. Магда, ты бы поберегла девочку.

— Я могу предупредить кого надо на *встрече*, — предложил Лонгин.

— Совсем за своими книжками ума лишился, — рассердился батрак. — Ты хоть знаешь, кто это был? С кем он связан?

— С кем связан — тут ты прав, — признал волшебник. — А кто это был — видел, конечно. Что, Магда, зелье вам лиц не показало?

— Ну, и кто это был? — заинтересовался батрак.

— Монах какой-то, — пожал плечами чёрный волшебник. — Высокий, на щеке шрам. На *встречах* его не видел, но я там редко бываю, а он, небось, не посвящённый.

— Шрам, говоришь... — задумался батрак. — Не посвящённый, говоришь...

Глава пятая

Брат Полди

Брат Полди дошёл до самого Раного, что вполне устраивало Врени. Пропустив его вперёд, она, едва миновала ворота, свернула в знакомый переулок и пронзительно свистнула.

— Эй, Гоззо! — крикнула она. Из подворотни выскочил тощенький долговязый мальчик. Врени поймала его за ухо и подтащила к себе. — Дело есть.

— Отстань! — заверещал мальчишка. — Ты за прошлый раз не расплатилась!

— Вдвое заплачу. Заткнись и слушай.

Она отпустила мальчика, тот хихикнул и устоял на цирюльницу.

— Сюда в город монашек зашёл весь побитый.

— Тю, — разочаровался Гоззо. — У таких ничего не вытащишь.

— Да ты дослушай! Я тут увидела, как два монашка подрались, а потом кто-то из них у меня кошелёк свистнул. Вот теперь думаю — этот или другой. Проследить за ним надо.

— У тебя? Свистнул? Смеёшься, что ли?

— И на старуху бывает проруха, — хладнокровно сообщила Врени. — Берёшься или нет?

— А зачем следить? — набычился мальчишка. — Давай я его пощупаю. Если тот, кошелёк — мой. Вот ты за два раза и расплатишься.

Он довольно засмеялся.

— А если не тот, может, ему помощь нужна, — заявила Врени, отвесив мальчишке подзатыльник.

— А ты у нас добрая, — вредно захихикал Гоззо.

Врени одной поймала его за ухо и больно вывернула. Мальчик разразился пронзительным визгом. Второй рукой цирюльница полезла за пазуху и достала монету.

— Держи, — протянула она, отпуская Гоззо. — Пока я добрая. Это за прошлый раз.

Гоззо придирчиво осмотрел монету, укусил, остался доволен и убрал за щеку.

— Вдвое получишь, — напомнила Врени. — Ну? Чего стоишь?

— Монашек? Битый, значит? Сейчас в ворота вошёл?

— Мелкий такой, — пояснила Врени. — Щуплый. Беги давай. Близо не подходи, посмотри, куда ходить будет. Найдёшь меня где всегда, понял?

Гоззо сорвался с места и помчался по улице.

* * *

Врени проводила мальчишку взглядом и пошла в любимый кабак, где по временам собирались школяры — те, которым вечно не хватало ни еды, ни денег — и всяческое отребье. Села в углу, привычно откинулась на стену. Шум вокруг был успокаивающим. Она знала, что никто не станет присаживаться рядом с ней. Может быть, позже, когда она откроет глаза, откинет капюшон с лица, кто-то из завсегдаев решится поставить перед ней кружку сидра или бокал вина. Она её примет... или нет. Если примет, это будет значить, что Большеногая в хорошем настроении и с ней можно поговорить о деле. Школяры, конечно, редко травят крыс. Но иногда они куда-нибудь да нанимаются... Всякое бывает в весёлом

городе Раноге.

Она напряжённо думала. Проклятый монах пока под присмотром. Гоззо, конечно, тот ещё паршивец. Но дело знает. Надо — ночь спать не будет, а выследит. Куда монах пошёл? Зачем? Сколько у неё времени на свои дела? Не мешало бы подзаработать. Кое-что у неё есть, но Гоззо захочет и денег, и пожрать... Да и ходить за монахом, если дело выйдет, тоже на какие-то деньги надо. По всему выходило, нужна работа, да только монах этот... а ну как он куда соберётся, лови его потом...

Как бы к нему ещё подобраться...

Врени откинула капюшон. Перед ней тут же оказалась здоровая кружка сидра. Цирюльница принялась. Дрянь, но пить можно. С тем вином, которое наливали в той деревушке... как она называется?.. Как-то на вальд... С тем вином и сравнить нельзя. В Раноге ходили слухи про деревню, где виноградарь продал душу Врагу и с тех пор варит самое сладкое вино во всём Тафелоне. Говорили даже, что у него есть лоза, с которой всё до капли идёт лично на стол Врагу и такого, мол, никакая знать даже не нюхала.

В это охотно верилось.

Цирюльница сграбастала кружку и сделала глоток. Потом подняла взгляд.

— А. Это ты, Одо, — кивнула она. Одо был мелкий воришка, которому нравилось называть себя школяром, но чему он учился, не признавался даже в подпитии. — Чего надо?

— Дело есть, — ответил воришка, пристраиваясь рядом.

Врени хмыкнула.

— У тебя появился дом? И ты успел развести там тараканов? Кого ограбил для этого?

Одо заёрзал на лавке и потянулся приобнять Врени за плечи. Цирюльница сердито на него покосилась и Одо отодвинулся.

— Да ты послушай! Дельце-то плёвое. Я сейчас к одной богатой вдове нанялся...

— Твои делишки меня не интересуют, — покривила душой Врени. Ей уже приходилось пересекаться с Одо по... делам. Бывало это и к добру и к худу, причём поровну.

— Я сказал ей, что лучше тебя никто клопов не вытравит.

— Ты, что же, ждал меня? — нахмурилась Врени. Одо ухмыльнулся.

— Слушок прошёл, что тебя надо снова в наши края ждать.

— Сами по себе слухи не ходят. Говори, кто тебе и что сказал?

— Сепп сказал, — ответил Одо, слегка надувшись. — А ему — Ханк. А кто с Ханком говорил, про это его сама спрашивай. Только его тут нет.

— Да? — подняла брови цирюльница. Ханк был главной местной сплетницей и знал всё обо всех бродягах, нищих и воришках в Раноге. Если ему приплатить, мог рассказать и кое-что про *прозревших*... половина этого даже была довольно близка к правде. Врени собиралась с ним переговорить как-нибудь потом.

— Никто не знает, — пожал плечами Одо. — Был человек и сгинул. Может, ушёл, может, прибил кто. Он, знаешь, о каких людях болтал? Ух!

Врени как раз знала.

— Ты не спи, Большеногая! — подтолкнул её воришка. — Говорю, дело есть.

— Хочешь обнести свою вдовушку, чтобы я на стрёме постоюла?

— Нет! — оскорбился Одо.

— Как мне повезло! — дёрнула углом рта цирюльница.

— Я сам на стрёме постою! — заверил воришка. — Я сказал хозяйке, что от тебя дом будет прям весь в дохлых тараканах, так она тебя впустит и к сестре уйдёт в соседний дом,

пока служанка всё не выметет. Ты только в спальню войди, пошарься там, а я служанку отвлеку...

— Пшёл вон, — прервала его Врени и размахнулась кружкой. Воришку как ветром сдуло, но свою долю сидра его рожа всё-таки получила.

Цирюльница задумалась. Деньги на исходе, Ханк пропал... жаль. Она надеялась узнать у него что-нибудь о том, что творится у *прозревших* и кто из непосвящённых больше всех нос задирает. Врени закрыла глаза и принялась вспоминать, кого и где она может сейчас застать.

Воздух не шелохнулся. Ни скрипа, ни шороха, ни стука. Разве что как-то стало холоднее... только это не воздух, это замерзает кровь в жилах...

— Приблизим *Освобождение*, сестричка! — раздался беспечный голос.

— Проваливай.

— *Приблизим*, сестра, — настойчиво произнёс голос.

Врени открыла один глаз и покосилась на неожиданного собеседника.

— Верю в *Освобождение*, брат, — неохотно отозвалась она.

Вампир сдёрнул с головы бархатный берет и вытянул ноги. Демонстративно принюхался.

— С какими интересными людьми ты встречалась, а, Большеногая?

— Проваливай, Липп, — повторила Врени. — Мне нечего обсуждать с вашим племенем.

— Какая ты неразговорчивая, — засмеялся вампир.

— Что тебе надо?

— Расскажи, — предложил вампир. — Где была, кого видела, а?

— Проваливай, — уже с отчаянием потребовала Врени. Про этого вампира ходили скверные слухи. Вопреки всем законам и проклятых, и кровососов он имел какие-то странные дела с людьми, то и дело меняя сторону. Доверять ему можно было не больше, чем бешеной гадюке. А стоило запахнуть жареным, как он принимался предавать направо и налево... Традиционно вампиры не вмешивались в дела людей и это единственное, что как-то спасало *прозревших* от опасной власти этих существ. Врени слишком хорошо понимала, что Липпу достаточно взглянуть ей в глаза, чтобы выведать все тайны и потом выгодно продать.

— Не обижай меня, — клыкасто улыбаясь, попросил Липп.

— Верю в *Освобождение*, брат! — взмолилась Врени, крепко, как в детстве, зажмуривая глаза. — Не трогай меня!

Липп взял её за руку и бережно поднёс к губам. Врени сперва похолодела. С укусом кровосос сможет вызнать всё её тайны. Но сразу же вскипела, вырвала руку — Липп не сопротивлялся. Врени вскочила на ноги. Шум в кабаке на миг прекратился — а после начался с новой силой. Большеногая славилась своим спокойствием. У Врени как будто помутилось в глазах...

— Сейчас принесу! — испуганно подскочила подавальщица. — Уж простите, госпожа, не заметила, не успела... несущую...

Врени села на место и грязно выругалась. Липп исчез. Он был очень сильным вампиром, раз смог заморочить столько народу среди бела дня. Ходили слухи, что он часто пьёт колдовское вино, что одна ведьма с ним по своей воле поделила кровь и что он выжил под губительными для вампиров чарами белой магии. Скрыться от него нечего было и думать.

Ходили и другие слухи, что в какой-то деревне обычный знахарь придумал сбор от вампиров, который не только отпугивал этих тварей, но и не позволял им читать мысли собравшего. Но что было сейчас об этом думать? Где этого знахаря искать? А Липп здесь и он не отстанет.

* * *

Врени осталась в кабаке, вяло помешивая ту остывшую жижу, которую здесь считали кашей, и запивала её пойлом, которое здесь подавали как вино. Дело было плохо. Скоро кабак закроется. А там, на улице, наверняка поджидает вампир. А ночью от него никуда не деться. А...

В кабак вбежал Гоззо. Непривычно испуганный, непривычно серьёзный. Он огляделся по сторонам и бросился к Врени. За ним вошёл... брат Полди. Монашек был бледен, держался за священный знак^[9], висевший поверх рясы. Взгляд его, однако, был всё так же твёрд и ясен.

— Интересные у тебя знакомства, Большеногая, — промурлыкал Липп у Врени над ухом. — Милый мальчик. Два милых мальчика. Небось, и вкусные тоже...

Брат Полди огляделся и, к удивлению Врени, первым заметил Липпа. Без колебаний шагнул к столу, за которым развалился вампир.

— Куда ты меня привёл? — спокойно спросил он. Потом перевёл взгляд на Врени.

— А, это ты. Значит, и мальчик твой? Зачем ты его за мной послала?

— Как ты его заметил? — недовольно спросила цирюльница, успокоительно хлопая перепуганного Гоззо по плечу.

— Я помог, сестричка, — довольно сообщил вампир.

— Оставь его, — хмуро попросила Врени. Нащупала за пазухой кошелек, достала горсть серебряных монет и сунула в руки мальчику. — Двигай отсюда, Гоззо. Дальше я сама.

Мальчика и след простыл. Липп проводил его голодным взглядом и вздохнул.

— Присаживайся, — вздохнула Врени. Липп приглашающе взмахнул рукой и Полди уселся, одинаково приветливо кивнув обоим проклятым.

— Как ты с ним связался? — спросила цирюльница.

— Я попросил этого доброго юношу указать мне дорогу к человеку достаточно богатому, благочестивому и уважаемому, — ответил брат Полди. — По его одежде я решил, что он относится к школярскому братству и, верно, знает здешних людей. А он указал, что за мной следят и вызвался помочь.

— Ты хоть замечаешь, что перед тобой вампир? — тихо, чтобы не услышали люди, уточнила Врени.

— Все мы дети Создателя, — невозмутимо отозвался монах и осенил себя священным знаком^[10]. Липп зашипел и отпрыгнул подальше. Врени удивлённо моргнула.

— Ты что же — это серьёзно?! — ахнула цирюльница.

— Ты спрашиваешь меня, монаха, упорен ли я в вере? — в свою очередь удивился Полди.

Проклятые переглянулись.

— Ты же сбежал, — напомнила Врени.

— От неправедных служителей, — хладнокровно парировал монах.

Врени быстро соображала. Этот дурачок верит настолько сильно, что может своей верой отпугивать вампира. Она широко улыбнулась и похлопала по лавке рядом с собой.

— Садись сюда, добрый монах, — предложила она. — Ты, верно, голоден?

Она только сейчас сообразила, что Магда не давала монаху есть, пока он лежал в беспмятстве, а в дорогу у ведьмы для них нашлось только по куску хлеба. И этот человек прошагал от парома до Раного?! Избитый, испуганный и умирающий от голода?!

— Кажется, да, — пожал плечами брат Полди. — Монаху в моей прежней рясе неохотно подавали. К тому же мне не хватало опыта.

— Выпей вина, — вкрадчиво предложил Липп, который так и не рискнул подсесть поближе.

— Не пей, — тут же вмешалась Врени, — иначе тебя никакой Заступник не спасёт от вампира.

— По обету я пью только воду, — пожал плечами монах. — Но, добрая женщина, ты напрасно обо мне беспокоишься.

Он повернулся к Липпу.

— Добрый юноша, ты подшутил надо мной?

— Я привёл тебя туда, где можно поговорить, — пожал плечами Липп. — Зачем тебе благочестивые жители города?

— Не говори, — тут же предупредила Врени. — Ты с ума сошёл? Это вампир. Он тебя обманет и предаст. Если ты начнёшь говорить, он увидит в твоей голове все твои тайны и обкрадёт тебя. Он и спрашивает-то потому, что не может читать твои мысли.

— Сестричка, так нечестно! — запротестовал Липп. — Я же не рассказываю, кто ты такая!

— Я человек, — холодно ответила цирюльница.

— Знаешь, скольких она убила? — с вызовом спросил Липп.

— Все мы дети Создателя, — напомнил монах. Проклятые поражённо переглянулись.

— Ты меня вообще не боишься? — с детской обидой спросил Липп.

Врени засмеялась и окликнула подавальщицу. Ей пришлось показать кулак и потратить монету, чтобы монах получил не совсем уж отбросы.

— Добрый юноша, — вежливо произнёс монах, всю наворачивая принесённую кашу. — Жизнь и смерть человека — в руках Создателя, мы же — песчинки в его жерновах. Милостью Заступника мне открылся свет истины. Вы же пребываете во мраке и это, без сомнения, печально. Но дело моё не касается ни одного из вас. Так ты ответишь на мой вопрос?

— Видала? — повернулся Липп к Врени. — Где ты его нашла, такого интересного?

— В канаве, — пожал плечами Врени. Липп притворяется или действительно случайно вышел на монаха, уловив его запах в её мыслях?.. — Его ограбили.

— А ты у нас добренькая, да? Было что грабить?

— Тощий кошель, — отозвался доедающий кашу монах. — Я переписчик, ищу работу в миру. Покуда у меня нет ничего, кроме рясы и священного знака.

— А как же твоя вера? — хмыкнул вампир.

— Мирянам проповедь нужна боле, чем монахам, — отозвался брат Полди.

Врени смотрела на спасённого ей человека и давалась диву. Она не так много знала брата Полди, но прежде монах не был таким смиренно-елейным. Притворяется? Но вампир действительно не рискует к нему приближаться. Оба притворяются? Полно, зачем?

— Ты боишься, — вдруг прошипел вампир. — Посмотри мне в глаза и попробуй соврать, что это не так.

— Не смотри ему в глаза! — вскинулась Врени.

Полди, однако, проигнорировал её совет. Он поднял взгляд и бестрепетно взглянул в злые глаза вампира.

— Я не боюсь, — твёрдо сказал монах. — Тело моё боится, а я не боюсь.

— Зачем ты его отговариваешь? — обиделся Липп. — Я, может, по-хорошему хочу помочь.

— Это не про тебя рассказывают историю про скорпиона? — уточнила Врени. — Ты жалишь потому, что такова твоя природа.

Липп расплылся в клыкастой ухмылке.

— Спроси свою подружку Магду, — отозвался он. — Я же чую, ты с ней знакома.

— А, так это ты её принёс на *встречу*? — поняла Врени.

— Как она поживает? — вместо ответа спросил Липп. — Я бы её навестил, да боюсь, Виль меня за это прирежет. С него станется.

Виль. Не Медный Паук.

— Ты его знаешь? — заинтересовалась цирюльница.

— Я жил как-то в их деревне. Подделывался под сына кузнеца. То-то смеху было, когда они всё поняли! Видела бы ты их лица! И с Вилем знаком, и с братцем его и напивался, и его тоже на вкус пробовал.

— Виля?!

— Да нет, дура! Брата его. А Виль — мужик тупой. Никакой тонкости. Как-то после *встречи* остановил, траву вонючую, которую их знахарь против меня собрал, под нос сунул. Знаешь, какая гадость?! Я глаза тру, голова трещит, кости ломит, а он ухмыляется! Сказал, чтобы я брата его в покое оставил и возле ведьмы не крутился. Больно надо! Всего-то один раз ведьмочку покусал, так она сама предложила!

Врени замутило. Она дала себе торжественную клятву, что когда-нибудь придёт в ту деревню, найдёт там знахаря и возьмёт у него волшебную траву. И если Липп после встречи с ней уйдёт живым, то, значит, она не Большеногая Врени.

— Хорошо Магда поживает, — вслух ответила Врени. — Колдует потихоньку.

— А Виль?

— И Виль хорошо.

— Где ты его видела?

— Пока этому, — кивнула она на монаха, — помогала.

Липп принялся, но тут же сморщил нос.

— Святостью смердит, — прошипел он сквозь зубы. — Врёшь ты всё, Большеногая. Не может Виль хорошо поживать. Ему *старшие братья* не верят. Стареет наш Виль. Хватку теряет. Ходят слухи, ему, что не поручи, всё провалит.

— А кто говорит-то? — лениво поинтересовалась Врени. — Может, врут всё?

— Ржаной Пень говорит, — язвительно ухмыльнулся вампир.

— Это не посвящённый, это шлюха, — отмахнулась Врени. — Шкура продажная. Врёт он всё.

— Ну, а что ты скажешь о Глиняном Лбе? — загорячился вампир.

— Одно слово — Глиняный Лоб, — засмеялась цирюльница. — Дурак редкостный. Если и знает что, то всё перепутал.

— Ну, а Кривой Пёс?

— Собака лает, ветер носит.

— А Земляная Тыква?

— А что она говорит?

— А то она говорит, что дружок твой никуда не годится и доверия больше не достоин.

— А ты, небось, сам слышал, — подначила Врени.

Посвящённые обычно не выносили вампиров, хоть по обычаям прозревших и те, и те считались равно приближенными к Освободителю.

— Я умею слушать, — парировал Липп.

— Да уж не сомневаюсь.

Липп покосился на монаха.

— Ты что-то украл, — жёстко проговорил вампир. — И хочешь продать. Не разыгрывай передо мной святошу.

— Я взял то, что принадлежит лишь мне — и Заступнику, — ответил брат Полди. — Это не грех.

— Отстань от него, — посоветовала Врени. — На кой тебе священная книга? Ты её даже коснуться не сможешь.

— А тебе зачем? — хмыкнул вампир.

— А мне и незачем. Меня больше интересует, кто хотел ограбить бедного монаха.

— Кто-то, кому понадобилась священная книга, — расхохотался вампир.

Он хлопнул своих собеседников по плечам и исчез.

Брат Полди оглянулся по сторонам.

— Где он? — тихо спросил монах.

— Не знаю. Наверное, отправился охотиться. А, может, отвёл глаза и подслушивает.

Брат Полди осенил себя священным знаком и забормотал слова молитвы. Врени задумчиво смотрела на юношу.

— Ты это всё серьёзно нёс? — недоверчиво осведомилась она.

— Не совсем, — признался брат Полди. — Но мы все действительно дети Создателя.

— Вера помогает против вампиров, — проговорила Врени.

Брат Полди поднялся на ноги.

— Мне пора идти, добрая женщина, — заявил он. — Да пребудет над тобой милость Заступника за твою заботу.

— Как?! — поразилась цирюльница. — Ты бросишь меня одну в этом кишашем вампирами городе?!

Теперь пришла очередь Полди удивлённо моргать.

— Ты же с ними одной веры.

— Это значит только то, что у меня нет никакой от них защиты, — раздражённо призналась цирюльница. — А Липп теперь зол на меня.

Брат Полди вздохнул.

— Хорошо, идём со мной. Но Заступником тебя прошу...

— Врени, — подсказала цирюльница. — Друзья и враги называют меня Большоногая.

— Врени. Пожалуйста, не надо никого убивать, пока ты ходишь со мной.

— А крыс?! — возмутилась Врени. — Клопов, тараканов, мышей? Их тоже прикажешь помиловать?

Вместо ответа брат Полди осенил её священным знаком.

В ночлежке для самых пропащих нищих их пустили в дальний угол. Там не смотрели ни на лица, ни на сословие. Было там тесно, душно и полно клопов. Врени брезгливо прислонилась к стене и закрыла глаза. В полумраке брат Полди не видел её лица. Когда открыла глаза, опустилась на грязную солому.

— Гадость, — тихонько признала она. — Но вампиры сюда не сунутся. Слишком противно. И клопы нам сегодня не страшны.

Брат Полди опустился на колени в ту же солому и принялся читать молитву. Врени отвернулась.

— Кто эти люди? — еле слышно спросил монах, окончив молиться и подсев поближе к цирюльнице. — О которых вы говорили с тем добрым юношей?

— Убийцы, — пожалала плечами Врени. — Забудь о них.

— А... тот человек? С которым ты спорила в доме у ведьмы?

— Тоже убийца. О нём тоже забудь. Ты узнал слишком много.

— А... ты?

— Не такая удачливая, — зло засмеялась Врени.

— Как они убивают? — не отставал монах.

— Быстро. Незаметно. Надёжно. Ты что же это, святоша, нанять их решил? А как же вера в Заступника?

— Нет, не нанять, — покачал головой монах.

Врени сердито отвернулась и, не стесняясь мужчины, вытянулась на соломе. Прикрыла глаза и впала в чуткое забытие.

Рядом в соломе возился монашек.

— Врени... — тихо позвал он.

— А? — недовольно открыла один глаз цирюльница.

— А если бы я хотел их нанять, что мне делать?

— Шепнуть кому надо, — проворчала Врени. — Что это ты задумал, а?

— А если я никого не знаю? — настаивал Полди.

Врени рывком села и ухватила монаха за руку.

— Тогда всё. Если ты никого не знаешь, значит, тебе никто не нужен.

— Но как к вам приходят новые люди?

— Нам не нужны новые люди, — отрезала цирюльница. — Ты за кого нас принимаешь?! Думаешь, мы наёмники?!

— А как вы выбираете... — монах замялся, — с кем иметь дело?

— Тебя не касается, — жёстко ответила Врени.

Монах немного помолчал и снова заговорил:

— А почему ты решила мне помогать?

— За что мне это?! — простонала Врени. — Монах, ты собираешься спать?!

— Врени, пожалуйста, ответь мне.

— Ад и преисподняя! — еле слышно выругалась цирюльница. — Хорошо, слушай. Я не знаю. Мы не спрашиваем. Мне передали. У нас есть способы. Тебе лучше не знать.

Она помедлила.

— Те люди к этому отношения не имеют. Это другие... способы. Я шла и мне сказали,

где тебя искать. Доволен?

— А... как меня описали? — спросил брат Полди.

Врени закатила глаза, но в полумраке этот жест остался без внимания.

— Тощий. Мелкий. Избитый. В рясе. О том, что ты такая заноза, мне не рассказывали.

— Вас таких много?

— Каких? — прорычала цирюльница.

— Таких, как ты. Которых могли нанять такими способами.

— Много, — сквозь зубы прошипела Врени. — Монах, ты дашь мне поспать?!

— А кому бы ты продала мою Книгу?

— Завтра, — отрезала Врени, вытянулась на соломе и демонстративно завернулась в плащ с головой.

* * *

Брат Полди страдал и духовно, и телесно. У себя в монастыре он привык к простой жизни, но там всегда было тихо и у него была отдельная келья. Здесь же... грязь, вонь, храп... он запоздало испугался насекомых, но пока никаких укусов не чувствовал. Он покосился в темноту, где мерно дышала Врени. Как у неё получалось так спокойно спать, он не понимал. Полди прислонился спиной к стене и принялся молиться, надеясь, что Заступник просветит его разум... или хотя бы поможет скоротать эту страшную ночь. Так он и задремал.

Он проспал утро, когда в узкие щели под потолком ночлежку неохотно залил утренний свет. Проспал пробуждение бродяг и нищих, не слышал, как они зевали, плевались, ссорились и расходились. Врени всё так же спокойно лежала рядом и спала. Проснувшись она от того, что к ней шагнула хозяйка ночлежки. Цирюльница сбросила плащ и села. Толкнула в бок монаха.

— Чего тебе, Имма? — неприветливо спросила она.

— Давай, поднимайся, — потребовала хозяйка, жуткая бабища, которая показалась брату Полди чуть ли не родной сестрой цирюльницы. — Мне ещё убираться надо.

— Вот я и гляжу, ты спину наломала, чистоту тут наводя, — пнула грязную солому Врени.

— Много вас таких ходит, — неприязненно ответила Имма. — Хахаля ко мне ещё привела. Где ты его только нашла? Что, справный мужик на тебя не клюнул? Много ли проку от монаха?

Брат Полди удивлённо поднял глаза на женщину.

— Да благословит тебя Заступник, добрая женщина, — произнёс он и осенил её священным знаком. Та даже попятилась.

— Блаженный, что ли?

— Вроде того, — подтвердила Врени. — Святой человек. Так что придержи язык.

— А ты в монашки подалась, а, Большеногая?

— Душу не мешает от грехов отчистить, — усмехнулась цирюльница.

— Ты что — серьёзно?

— Серьёзной некуда. Ты дашь нам поговорить?

— Шашни свои будешь в другом месте крутить, — непреклонно скрестила руки Имма.

— И тебя туда же, — ухмыльнулась Врени.

— В чулан идите, — махнула рукой Имма. — Там на милуетесь.

Врени легко поднялась на ноги и протянула руку брату Полди. Он с трудом встал и только присутствие женщин помещало ему ухватиться за затёкшую поясницу.

— Пошли, — толкнула его в плечо Врени.

— Жратвы не дам, — прокричала им вслед Имма.

— Она назвала тебя Большоной, она одна из твоих врагов? — уточнил брат Полди, когда Врени впихнула его в чулан. — Почему она нас пустила ночью?

— Кто, Имма? — удивилась цирюльница. — Нет, Имма как раз из друзей.

— А почему вы?..

— А, не бери в голову. Мало ли. Не с той ноги встала. Пустила бы она нас, если бы мы не дружили.

— О чём ты хотела поговорить?

Врени хмыкнула.

— Ты мне скажи, святой человек, зачем ты вчера искал человека «богатого, благочестивого и уважаемого»? Хотел ему свою книжку загнать?

— Я надеялся найти ценителя... — начал было монах, но Врени ответ не требовался.

— Если человек родился дураком, то умного из него не состряпаешь, — заявила она. — Растяпа! Что же, ты думал разжиревшие горожане будут с такой опасной вещью связываться?

Брат Полди нахмурился.

— Говори, что думаешь, — попросил он.

— Ты же в Раногe, городе знаний, дурья твоя башка! Вот и иди в университет! Там люди знают толк в разных хороших книжках, а уж от твоей раздуются как жабы по весне. Потом, заметь — братьям-заступникам университет неподсуден. Приятно, а? Кстати, не думал сюда переписчиком пристроиться?

Полди покачал головой.

— Нет... пока нет.

— Ну, что же.

Врени критически оглядела монаха.

— Вот что, — ткнула она его пальцем, — твой священный знак нужно продать.

— Я лучше умру, — немедленно ответил монах.

— А взамен купи в церкви попроще, — закончила свою мысль цирюльница.

— Мне дали этот знак, принимая в орден! — возмутился брат Полди.

— Вот-вот. Какой же из тебя нищий монах с такой дорогой цацкой?

Врени шевельнулась, размяла затёкшие плечи и Полди вжался в стену чулана, чтобы его не коснулась женская грудь.

— Спрячь хоть, дурья башка, — уже мягче предложила Врени. — И носи попроще.

— Я... ты права.

— Уж конечно. Так ты приди в университет и скажи, мол, у тебя на руках умер твой брат в Заступнике, тоже монах, и в бреду поведал тебе, где хранится реликвия, которую он... ну, скажем, спрятал от нечистых рук. Ты, мол, подумал и пришёл сюда. Чтобы почтить известные по всей стране учёность и благочестие университета. Понял?

— Но это же ложь!

— Ты же не хочешь прийти и сознаться в краже, а, монах?

— Н-нет.

— Тогда считай, что это... иносказание, так это называется?

Брат Полди кивнул.

— Брат Камня умер, родился нищенствующий брат. Так что — умер. И поведал.

Монах нахмурился.

— Зачем тебе это?

— Ах, да, — ухмыльнулась Врени. — И вот когда ты всё это скажешь и заверишь, что сможешь найти реликвию по приметам, ты сострой жалобную рожицу и добавь, мол, в миру у тебя осталась сестра. Вдова. С пятью детьми. И дом сгорел. И вот не можешь ты теперь спокойно жить, потому что всем им спать — ну, совсем негде! И потом на все вопросы отвечай только одно. Как ты за сестрицу тревожишься. А вот домик бы ей справить новый, да коровку прикупить... и тогда тебе больше ничего не надо.

— Но у меня нет никакой сестры!

— Да? Какая незадача? Тогда она на нас не обидится, если мы коровку ей не купим, а?

Брат Полди покачал головой.

— Ты погрязла в грехах и суетности.

— А ты погряз в глупости, — парировала Врени. — Это куда хуже. Сам же хотел спокойной жизни. На что ты её покупать собрался, такой честный?

— Я... Всё должно быть не так!

— Тогда валяй! — сделала широкий жест Врени. — Давай, иди, сделай как должно! Когда ты книжку свою крал, ты думал, дальше всё будет по-честному?

Брат Полди вздохнул.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я уже говорила, — огрызнулась Врени. — Решай! Делаем по-моему или ты так и будешь топтаться?

Монах вздохнул ещё горше.

— Пусть будет по-твоему, — обречённо ответил он.

Врени хлопнула его по плечу и вытолкала из чулана. Когда они выходили из ночлежки, вслед им неслись такие откровенные предположения Иммы о том, чем они вдвоём занимались, что брат Полди предпочитал смотреть в землю и мечтал сквозь неё провалиться.

Глава шестая

Средство против вампиров

Они разделились у церкви. Врени осталась снаружи, а брат Полди зашёл внутрь — помолиться и выпросить, а если не выйдет, то купить (на деньги Врени) новый священный знак. Прислонившись плечом к стене, цирюльница лениво разглядывала улицу. Ей надо было подумать.

— Какой у тебя забавный монашек, — промурлыкал над её ухом Липп. — Что тебе от него надо?

— Денег хочу, как всегда, — лениво отозвалась Врени. Проклятый вампир не успокоился.

— Деньги всем нравятся, — подхватил Липп. — Поделишься со мной, а?

— Липп, отстань, — стараясь, чтобы голос не дрожал, ответила цирюльница. — Иначе тебе или придётся убить меня или я на следующей *встрече* расскажу кому надо о твоих домогательствах.

— А мне эта мысль нравится, — отозвался вампир и ледяные пальцы сомкнулись у женщины на горле. Шею обожгло ледяное дыхание. Мимо всё так же шли люди. Шумела улица. Светило солнце. Никто ничего не замечал, только облезлый подзаборный кот сердито шипел на пустое место.

Врени спас Полди. Выйдя из церкви, он увидел происходящее и, не раздумывая, издали осенил цирюльницу священным знаком. За спиной Врени раздалось раздражённое шипение, а после женщина поняла, что снова может дышать. Колени подгибались, но Врени заставила себя идти ровно.

— Что ему было надо? — спросил монах, когда цирюльница подбежала к нему и крепко взяла за руку.

— Поразвлекся решил, — передёрнула плечами Врени. Голос противно дрожал. — Надо же, не думала, что на меня на старости лет хоть кто-то польстит.

— Ты не выглядишь старой, — удивился брат Полди. — Сколько тебе лет?

— Сколько есть, все мои, — грубо ответила Врени. Она просто не знала, как не знала она и дня, в который родилась. Одно только было ясно: это было зимой. В её деревне летние дети не выживали: у родителей не оставалось времени присматривать за младенцами. — Пойдём отсюда.

* * *

— Иди! — втолкнула Врени монаха в ворота университета. — И помни: когда реликвию свою распишешь, тверди о сестрице. Они про место спросят, а ты — о том, что о сестре жалеешь. Только на прямой вопрос отвечай, мол, знаешь, помнишь. А подробностей не говори. Про сестру говори. Всё понял?

— Я понял, — отозвался монах.

Он как-то подобрался, стал увереннее и твёрже.

— Именем Заступника, брат мой, — сказал он привратнику, — позволь мне войти.

— Нищим не подаём, — неприязненно отозвался привратник.

— Я пришёл не просить милостыню, а вершить дело, порученное мне моим Создателем, — с достоинством ответил монах.

Привратник с сомнением смерил его взглядом, но одухотворённое лицо брата Полди сделало своё дело и монах вошёл внутрь.

— А тебе чего надо? — перевёл взгляд на Врени привратник.

— Брось, Большой Горст, — засмеялась цирюльница. — Пусти добром, дай заработать бедной девушке. Давно зубы не болели?

— Тебя пусти, а с меня потом спросят, — заворчал привратник, но Врени пропустил.

Цирюльница расположилась прямо посреди двора, достала из-за пазухи бритву, отстегнула конец ремня и принялась бритву точить.

Пока Полди, робея, входил сбоку в здание, в котором, его заверили, сидит «большое начальство», ему вслед нёсся весёлый голос цирюльницы:

— Стрижка, бритьё, а вот кому кровь отворить? Эй, красавчик, поцелуй меня, зуб даром вырву! А ты что хромаешь? Мозоли не надо резать? Эй, борода, бриться не пора?

Врени продолжала балагурить, не умолкая ни на мгновение. С приговором она вскрывала нарывы, вырывала мозоли и брила прямо в университетском дворе. К ней три раза подбегали посланные преподавателями школяры, которые требовали немедленно прекратить шум, но она не унималась. Цирюльнице казалось, что, если она будет молчать, вампир убьёт её у всех на глазах, а никто даже не поймёт, почему она неподвижно сидит. Её бы выкинули за ворота, но посланные школяры немедленно заинтересовывались её услугами и мирно вставали в очередь. Когда Врени уже немного охрипла, показался Полди.

— О, монашек! — неподдельно образовалась она. — Иди к нам! Лысину подновить не надо ли?

Брат Полди без улыбки подошёл к ней и встал за спиной. Она тихонько выдохнула и слегка расслабилась. Проклятый монах! И проклятый вампир! Они сделали её вялой как студень!

Надо было вставать и уходить, но она не успела. Брат Полди близоруко огляделся.

— Почему среди вас нет женщин? — спросил он школяров.

Все расхохотались.

— А кто их сюда пустит? — ответил один из них.

— Но я слышал...

— Факультет для девочек? — ответил школяр, у которого Врени только что вскрыла нарыв.

— Свободные искусства, — пояснил кто-то. — Сюда их не пускают.

— Но я слышал... женщина... сюда должна приехать женщина... Доктор богословия... и права...

— А! — сплюнул кто-то.

— *Эта.*

— Её муж пристроил, шателен у барона цур Фирмина.

— Жуткая баба! — с чувством пробурчал школяр, которому Врени только что выдернула зуб.

— Как глянет... — простонал тот, кому срезали мозоли на ногах.

— Нам пора, — прервала их изливания Врени. — Идём, монах.

Бедному брату Полди пришлось выслушать новый залп шуточек на тему того, что его связывает с цирюльницей, но на сей раз он едва обратил на это внимание. Едва они

миновали университетские ворота, Врени крепко взяла монаха за руку.

— Держись ко мне поближе, — не то приказала, не то попросила она. — И молись.

— О чём? — споткнулся монах.

— О душе, — процедила цирюльница. — Неважно, главное, молись, монах.

Полди послушно молился, искоса поглядывая на свою странную спутницу. Она цеплялась за его руку как ребёнок за юбку матери и поминутно оглядывалась по сторонам.

— Ты так его боишься? — спросил он, едва прозвучало заключающее молитву слово.

Врени споткнулась.

— Я его ненавижу, — прошипела она. — Вампиры... они могут позвать тебя туда, где им удобно тебя съесть! Могут учуять то, что ты скрываешь. Просто оказавшись рядом! Могут прочитать твои мысли, просто вывернуть тебя наизнанку, посмотрев в глаза! Думаешь, как он нашёл тебя и мальчишку? Уверена, от меня несло вами! Нашими разговорами, моими мыслями... он чуял это. Проклятье! Теперь он от меня не отвяжется. Я просто не хотела смотреть ему в глаза. Просто не хотела делиться! И теперь всё. Он подкрадётся к нам так, что мы даже не увидим! Не почувствуем, пока не будет слишком поздно! Молись, монах! Слышишь! Молись!

— Ты же не веришь в Заступника, — мягко напомнил монах, понизив голос.

— Я верю в то, что твоя молитва защищает, — отрезала цирюльница. — Этого хватает.

— Хватает, — согласился монах. — У каждого свой путь к Заступнику.

Врени заскрежетала зубами.

— Молись, монах, — повторила она.

Брат Полди начал следующую молитву. Если предыдущая обращала мысли к Заступнику, эта призывала осветить душу против тьмы и Врага. То, что нужно. Привычно произнося священные слова, он рассеянно думал о раногском университете. Тот, конечно, отличался от всех остальных. Раног — город знаний и, если в других преподаватели читали свои лекции у себя дома, в церквях, на улице или даже в кабаке, то здесь университет имел собственное здание, где огромные залы, заполненные рядами скамеек, чередовались с уютными маленькими комнатами, где доктора и магистры могли принимать своих учеников лично. Раногский университет славился также тем, что не имел ограничений на получение степени. В других местах, как смутно знал брат Полди, если ты не проучился дюжину лет, не видать тебе докторской мантии, хоть бы ты прочёл все книги и мог переговорить на диспуте всех наставников, вместе или по отдельности. Здесь смотрели на суть. Это было неудивительно: раногский университет основан школярами и до сих пор содержался на средства города — и тех людей, которые, не стремясь к получению учёной степени, желали слушать лекции.

А вот скрипторий^[11] в университете был не слишком хороший. Лучшие переписчики работали по монастырям, а в городе жили только простые ремесленники, способные переписать текст, но не создать книгу, украшенную виньетками, заставками и причудливыми зверями на полях, не говоря уже о подлинных миниатюрах. Это брату Полди рассказал какой-то начальственный чин, к которому монаха в итоге отправили. Чин приbedнялся и хвастался как крестьянин, который приехал просить о требах, но надеется улизнуть от уплаты десятины.

Потом мысли свернули в сторону.

— Ах, да, — сказал монах, свободной рукой залез за пазуху и достал увесистый кошель. — Возьми.

Врени отшатнулась.

— Что это?!

— Ты же хотела денег, — удивился Полди. Цирюльница вздрогнула так, как будто он её ударил.

— Забери, дурак!

— Ты хочешь больше? — уточнил монах.

— Не твоего ума дела, — огрызнулась Врени. — Лучше молись. Что тебе сказали в университете? Причём тут женщина?!

— Сказали, что у них нет людей, чтобы послать их на поиски Книги. Я хотел уйти, но меня удержали и сказали, что скоро приедет какая-то женщина, которая живёт в Фирмине. Её муж — рыцарь, который сражался рядом с бароном цур Фирмином и может отправиться за реликвией и найти её.

— Погоди... — насторожилась цирюльница. — Ты говоришь, жена шателена Ордулы? Замка барона цур Фирмина?

— Ну да. Мне так сказали. Только замок называли другой.

— Не Гандула?

— Да! — обрадовался монах. — Гандула.

Врени застонала. Как и все проклятые, она хорошо знала, какой такой был шателен у Гандулы и кто его жена.

— Когда, тебе сказали, она приедет?

— Через несколько дней... Мне сказали, что она судит испытания на получение звания бакалавра и что прочитает лекции... какой-то очень интересный предмет... о искусстве диспута... как-то... о том, как оно может спасти жизнь... Я плохо понял.

— Прекрасно, — прошипела цирюльница. — Монах, завтра в полдень мы уходим отсюда.

— Что? — споткнулся монах.

— Ты оглох?! Где ты был весь сегодняшний день?! За нами охотится вампир! Сколько времени ты продержишься, читая молитвы?!

— Я могу молиться трое суток, прерываясь только на то, чтобы испить воды, — скромно ответил монах.

— И справить нужду, — грубо дополнила Врени. — Ты плохо слушал! В баронстве Фирмин есть знахарь, который собрал травы, отгоняющие этих кровососов! Мы можем получить там защиту!

— Но эта женщина пойдёт сюда... мы можем разминуться...

«И слава Освободителю!» — подумала Врени. Оказаться под вниманием сразу двух вампиров ей вовсе не улыбалось.

— Не всё в жизни меряется деньгами, — отрубил цирюльница. — Монах, проводи меня до этого знахаря и, когда я получу травы, можешь идти на все четыре стороны.

Вампириша, конечно, учует, с кем он общался, но, быть может, не захочет её преследовать. Ходили слухи, что жена шателена Гандулы не пила крови, даже животной, и за это была изгнана братьями.

— Но, Врени, ты же хотела денег...

— Больше не хочу. Только помоги мне!

— Воля твоя, но ты нужна мне. Может быть, я смогу уговорить тебя провожать меня и дальше?

— Что?! Зачем я тебе сдалась?!

— Ты много знаешь, умна и опытна. Я бы не нашёл сам слов для разговора с тем человеком из университета.

Что-то в его голосе звучало... неправильно, но Врени была слишком напугана, чтобы это различить.

— Прекрати, — отмахнулась цирюльница. — Таких ещё десятков найдёшь.

— Но я встретил тебя. Врени, пожалуйста. Пойдём к твоему знахарю, я помогу тебе, а потом ты поможешь мне.

— Ох... — простонала Врени.

— Трое суток, — напомнил Полди. — Я могу молиться три дня.

— Трое суток и не надо, — вздохнула Врени. Ладно, будь по-твоему.

* * *

Они шли день и ночь и всю дорогу брат Полди непрерывно молился. Он ни разу не сбился, не допустил сомнений, не отвлёкся ни на что и Врени постепенно успокаивалась рядом с ним. Темноты она не боялась, только выломала посох, чтобы помогал нащупывать дорогу. Им сказочно повезло — они вышли не на жилище ведьмы, а на стоящий на отшибе деревни дом знахаря. Дом этот узнавался по едкой смеси запахов, которые издавала били в нос. В окнах горел свет. Врени, поколебавшись немного, постучала. В доме что-то звякнуло, но никто не отозвался. Врени постучала сильнее.

— Проваливайте! — прозвучал резкий голос.

— Мир тебе, добрый человек! — вмешался монах. — Отвори ради Заступника!

— Тут не кабак и не постоялый двор, — так же резко крикнул знахарь.

— Добрый человек, молва о тебе...

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял располневший на крестьянских подношениях красивый человек в заляпанной травами одежде.

— Чего надо? Говорите и проваливайте!

Врени вздохнула.

— Нам сказали, ты знаешь средство от вампиров.

— От вампиров? — хмыкнул знахарь. — А от клопов вам не надо?

— Добрый человек, наш интерес не праздный, — снова вмешался монах. — Нас преследует вампир...

— Мне-то что за дело?

Врени немного подумала.

— Пошли отсюда, монах. Разве не видишь, что мы не туда попали?

— А вот этого не надо, — нахмурился знахарь. — Не люблю. Что за вампир?

— Липп, — нехотя ответила Врени. — Возможно, ты его знаешь.

— А, Липп! — невесть чему обрадовался знахарь. — Как он поживает?

— Неплохо поживает, — буркнула цирюльница, невольно потирая шею.

— Вот мерзавец! — засмеялся знахарь. Врени была с ним согласна. Хотя и не видела в этом ничего смешного. Но дальше знахарь её удивил. — Мы с ним как-то на спор носки вязали^[12], так он в три раза быстрее закончил! Если бы я знал, что он вампир, я бы на снадобья не отвлекался.

— Я думала, он вас обманывал, всю деревню, — не выдержала Врени.

— Ну да. Но мои травы ему не понравились.

Знахарь чему-то засмеялся.

— Я хотел проверить, как они на него действуют, но он сначала не признался, а потом сбежал. Встретишь его, скажи, пусть приходит. Мне интересно.

— Скажу, — пообещала цирюльница. Отчего не пообещать?.. — Ты отдашь нам травы?

Знахарь смерил их пристальным взглядом.

— Приходите завтра в кабак. На тавлею^[13] кости кидать умеете? Сыграем. Выиграете — ваше счастье.

Он захлопнул дверь. Монах и цирюльница переглянулись.

— Пойдём в кабак, — пожалала плечами Врени. — Может, нас туда пустят. Не ночевать же под открытым небом.

— А ты найдёшь дорогу?

— Сюда нашла. Туда найду. Я, Полди, как кошка. Всегда найду дорогу и всегда падаю на ноги.

Они дошли до кабака и постучались. Потом ещё. Потом обошли кабак и постучали с другой стороны.

— Кто там? — окликнул мужской голос.

— Добрый человек! — отозвался брат Полди. — Мы мирные путники и просим приюта. Пусти нас Заступника ради!

— Ночью разбойники ходят, — ответил мужской голос.

— Вот именно! — нашла Врени. — Мы их боимся.

— Отопри им, Куно, — вмешалась женщина. Врени узнала голос.

— Хозяюшка! — обрадовалась она. — Я Большеногая Врени! Пусти нас!

— Открой, — приказала кабатчица.

* * *

— Вернуться вздумала? — спросила ещё сонная кабатчица. Врени устало вытянула ноги. Куно — высокий парень с красивым лицом, которое слегка портили юношеские прыщи — развёл огонь в очаге. Брат Полди, отвернувшись ото всех, молился.

— А это кто с тобой? — не отставала Рамона.

— На меня напал вампир, — пояснила Врени.

— Это?!

— Этот святой человек спас меня своими молитвами, — продолжила цирюльница. Кабатчица слегка смутилась. — Мы слышали, что когда-то в вашей деревне придумали травы, защищающие от вампиров, и пришли сюда. По дороге он непрерывно молился.

— В горле, поди, пересохло, — покачала головой кабатчица. — Сейчас принесу вина.

— Он не пьёт вина, — покачала головой Врени.

— Во искуплении, — не очень понятно объяснил монах, закончив свою молитву и усаживаясь рядом с Врени. Осенил священным знаком сперва себя, потом Врени, а после кабатчицу. — Да придёт милость Заступника над всеми нами.

— Да придёт, — отозвалась Рамона. — Вы тут ночуйте, а я спать пойду.

Она загасила светильник и ушла на кухню.

Врени скрипела зубами от злости.

Проклятый знахарь явился в кабак вскоре после завтрака и честно принёс с собой отвратительно пахнущий мешочек с травами. Положил на стол рядом с собой, из мешка побольше достал тавлею и фишки. Брат Полди покачал головой и сказал, что обеты мешают ему испытывать удачу.

В кабаке никто не остался, только Рамона скребла свободные столы. Здешние люди не раз видели, как их знахарь играет.

Врени уселась напротив знахаря и послушно встряхнула кости.

И проиграла.

Они расставили фишки снова.

И Врени снова проиграла.

Знахарь ухмылялся. На третий раз он начал давать советы и требовал, чтобы Врени меняла заведомо проигрышные ходы.

Это не помогло.

Знахарь убрал тавлею и разложил причудливую карту. Врени внимательно выслушала пояснения, о том, как ходит по волшебной стране Чёрный Рыцарь, что будет, если оказаться в Болоте Сновидений и зачем являться в Башню Черепов. Голова трещала. Она устала. Устала от ночи, проведённой в пути, устала от прошлой ночи, проведённой в страхе и молитвах.

Эту игру она тоже проиграла.

Потом была игра с какими-то шариками.

Потом — фишки, из которых надо было составлять фигуру.

Потом — что-то вроде строительства игрушечной башни.

Затем — перекладывание камешков из одной чашки в другую.

Проиграв и эту игру, Врени оценивающе оглядела знахаря. Если ударить его под челюсть и быстро схватить мешок... Брат Полди за ней не успеет. Ну и пёс с ним. Взяв травы, она не будет в нём нуждаться.

— Не советую, — мягко сказал знахарь, но в его голосе звенела сталь.

— Что?

— Далеко ты не уйдёшь, — предупредил знахарь.

Цирюльница передёрнула плечами.

— Не понимаю, о чём ты, — холодно ответила она.

— Думаешь, я не знаю, как выглядит человек перед тем, как ударить? — решил внести ясность знахарь и снова достал тавлею. Цирюльница застонала.

— Послушай, знахарь, неужели ты не принимаешь другую плату? Чего ты хочешь? Я дам тебе много денег.

Знахарь, не отвечая, достал из своего мешка причудливые фигурки и принялся расставлять их по тавлее.

Брат Полди, о котором Врени почти забыла, внезапно подошёл к столу.

— Битва двух воинств? — заинтересовался он.

— Ты знаешь эту игру? — поднял брови знахарь.

— Да, мы в мо... с моими братьями часто играли в неё. Её привезли паломники из

святых земель.

— Прошу, — подвинул знахарь к нему тавлею.

Монах привычно расставил фигуры и сделал первый ход. Врени отсела. Когда монах проиграет, может быть, не поздно ещё ударить знахаря по голове... или даже... нет, до дверей слишком далеко. Если она убьёт человека, ей не дадут уйти. А если ударит?..

— Твой правитель под угрозой, — прервал её размышления монах.

— Как интересно... — почти пропел знахарь и что-то сдвинул. — А теперь твой.

Полди усмехнулся и передвинул свою фигуру. Врени заинтересовалась и подошла ближе, но ничего не поняла. Мужчины передвигали фигуры, изредка обмениваясь замечаниями.

— Ты победил, — признал знахарь.

Брат Полди спокойно взял мешочек и перебросил его цирюльнице, после чего снова принялся расставлять фигуры.

— Что поставишь на кон? — деловито спросил он.

Знахарь задумался.

— Не хочешь снадобье от почечуя?^[14]

Полди чуть покраснел и покачал головой.

— Я совершенно здоров, — ответил он.

— Сколько дней вы тут пробудете? — спросил знахарь.

Полди оглянулся на Врени. Та тоже задумалась. Нужно переждать какое-то время, чтобы жена здешнего шателена уехала в Раног, побыла там и вернулась сюда так, чтобы они с ней снова разминулись. Почему в одной и той же деревне живут как вампиры, так и создатели чудодейственного сбора от вампиров?! Сбор, кстати, омерзительно пах. Надо будет разобраться, что это за травки такие.

— Пару дней задержимся, — отозвалась цирюльница. — Мы устали.

— Тогда я свяжу тебе носки, — пообещал знахарь. — Если выиграешь.

Глава седьмая

Разбирательство

Ночной полёт вампира почти невозможно заметить, даже если на вас не действуют вампирские чары. Просто чёрная тень проносится над лесом, неотличимая от тени облаков, от сумрачной игры лунного света. Вы просто не успеете ничего заметить. Не успеете защититься. Слишком быстро и слишком тихо летит вампир.

Вейма неслась над лесом, торопясь к подруге. Она была переполнена тревогой и страхом и даже не стала принимать к запахам из домика ведьмы. Её оглушало беспокойство, которое она принесла домой. Вампирше не требовалось приглашение. Едва долетев, она струйкой тумана проскользнула на кухню, склонилась над спящей на лавке ведьмой.

— Магда, просыпайся! Проснись скорее.

Шорох. Вампирша насторожилась и наконец-то принялась. *Этот* запах она знала, он был таким знакомым, таким естественным именно здесь... Ведь Вейма знала, что он тут бывал...

— Не подходи! — предупредила вампирша. — Магда, Магда, проснись!

— А, — отозвался из темноты батрак. — Это ты. Что стряслось? Толкни Маглейн посильнее, она вчера умаялась, не сразу проснётся.

— Что стряслось?! — прошипела вампирша. — Что ты здесь делаешь?! Что ты с ней сделал?!

— Живу я здесь, — неприятно засмеялся Виль. — Не шипи, девчонку разбудишь. Маглейн вчера за полночь вернулась. Роды принимала у мельничихи.

— Магда!

Ведьма, наконец, проснулась и сразу села.

— Вейма? Что случилось? Леон?!

Вампирша всхлипнула.

— У него *та* болезнь. Я ночью почуяла.

— Она ж бессмертная, — вмешался батрак, уже успевший наслушаться от Магды, чем там болеют дети в замке. Женщины пронзили его гневными взглядами.

— Ему хуже, чем им. Он горячий, хрипит страшно! Магда, надо торопиться.

— Ясно, — коротко бросила ведьма. Этот болезнью болели только дети, но чем младше, тем хуже они себя чувствовали. Пока она действительно была бессмертна, но такие маленькие ещё не заболели.

Она откинула плащ, которым укрывалась, встала и, не стесняясь батрака, потянулась за платьем.

— Кто с ним остался?

— Вир, — всхлипнула Вейма. — И служанки.

— Полно реветь, — снова вмешался батрак. Ему никто не ответил.

— Зажги светильник, — приказала Магда батраку. Тот хмыкнул, но послушался.

— Что он тут делает? — нервно спросила Вейма, но ведьма отвечать не стала. Едва на кухне немного посветлело, она достала свою сумку, придирчиво перетряхнула содержимое и полезла на полки за другими снадобьями.

— Разбуди Эрну, — кинула ведьма через плечо. — Отнесёшь её в деревню, Рамона не

откажется приютить и спрашивать ни о чём не будет.

— Надо спешить! — вскинулась вампирша.

— Зачем вам девчонку куда-то тащить среди ночи? — недружелюбно вмешался батрак.

— Не могу взять с собой, — коротко бросила ведьма. — Не хватало ещё ей заболеть.

Давай, буди. Как жить будет с таким крепким сном...

— Вся в мамашу, — засмеялся батрак. — Дома оставь. Совсем спятила.

— На тебя?! Не смешно.

Виль закатил глаза.

— Брось, Маглейн. Куда я её потащу по-твоему?

— Не знаю и знать не хочу.

— Брось. Иди скорей, пусть тебя подружка твоя дотащит. Ничего с твоей девчонкой не сделается за день.

Магда задумалась. Вейма взгляделась в батрака и подозрительно принялась.

— Вроде не врёт, — неуверенно сказала вампирша.

— Давай-давай, проваливай.

— Ладно, — решила ведьма. — Со двора не выходить, слышишь?! Я тут поколдую, один шаг за забор — и травы тебя задушат, понял?

— Ой, страшно, ой, запугала!

Магда топнула ногой.

— Да понял я, понял, — раздражённо ответил Виль. — Дура ты, Маглейн. Зачем мне куда-то твою девчонку тащить, когда ты её учить даже не начала? На кой мне ради пары фокусов стараться?

— Со двора не ходить. Кашу утром сварить, молоком напои. Приду, проверю. И не вздумай её ничему учить, слышишь?! Научили уже такие.

— Да понял я всё, понял. Уймись уже.

— Да, заплетёшь ей косу с утра.

Она придиричиво оглядела батрака.

— Умеешь хоть?

— Лошадям заплетал, — пожал плечами Виль. — Зачем это?

— Ведьма распускает волосы только когда колдует, — пояснила Магда. — Даже маленькая. Даже будущая.

Батрак что-то пробурчал о всяких там хитрых, которые думали его обмануть, но Магда его не слушала, она наклонилась над крепко спящей девочкой.

— Эрна! Эрлейн, золотко!

— Ещё немножечко... — взмолилась девочка.

— Шла бы так, — буркнул батрак.

— Отстань. Эрна, хорошая моя! Проснись!

Девочка открыла глаза. Оглядела кухню, сонно уставилась на встревоженное лицо матери.

— Братик? — догадалась она.

— Умница! Золотко, маме надо спешить. Братик очень болен. Ты остаёшься за старшую. Кашу сварь, посуду помой. Стол отскреби. Травки, помнишь, на чердаке сушатся, переверни. Мусор вымети. Справишься, родная?

— Я хочу с тобой! — запротестовала девочка.

— Нельзя, милая. Вдруг ты заболеешь?

— Ты говорила, к ведьмам зараза не липнет!

— Да, милая, но ты ещё маленькая.

— Мама, я хочу быть ведьмой!

— Станешь, милая, непременно станешь. А пока нельзя. Я могу на тебя дом оставить?

— А дядя Виль?

— Он тут тоже будет, поможет, если понадобится. Со двора с ним не ходи, слышишь?

Учить чему будет, не слушай.

— Маглейн! — запротестовал батрак.

— А ножички кидать? — заныла девочка. — Он мне обещал!

Магда вздохнула.

— Ножички можно. Пригодится. Но смотри, узнаю, что вы в птичек там или в зверушек ножами кидали, тебя вицей вытяну, а его со двора прогоню, поняла?

— Да не буду я! — обиделась девочка. — Зачем мне! В птичек!

— Делать мне нечего, в зверушек кидаться, — оскорблённо пробурчал батрак.

— Ну, будет-будет, милая. Прости, дорогая. Ты всё поняла?

— А Виля так оскорблять можно, — под нос себе проворчал убийца.

— Поняла, мамочка. Ты иди к братику.

— Да, слушай. Придут знакомые, дядя пусть спрячется. Ты со двора ни с кем не ходи, а травки, какие я обещала, отдай. Но не должны вроде прийти. От незнакомых спрячьтесь оба. Если в дом будут ломиться, через окошко тихонько выбирайся и беги лесом в *то* место, помнишь? Лесу скажи, как я тебя учила, пусть пропустит.

— Да кто сюда явится? — пробормотала Вейма.

— Пускай дойдут сначала, — фыркнул батрак.

— Она должна знать, — ответила Магда. Она огляделась, пытаясь сообразить, всё ли она учла.

— Иди, Маглейн, — подтолкнул её к выходу батрак. — Спешу к мальцу своему.

Магда схватила сумку и выбежала на улицу. Вейма метнулась туда. Она завизжала. Эрна зажала уши. Визг становился всё громче и громче, вампирша вскинула руки, завертелась. Эрна смотрела во все глаза, но всё-таки пропустила момент превращения. Огромная летучая мысль подхватила когтями её мать и скрылась в ночи. Девочка зевнула.

— Они ведь успеют? — спросила она батрака.

— Успеют, — пожал плечами Виль.

— А зачем тётя Вейма визжала?

— Дёрганная очень, вот и визжала.

— А ты знаешь, что она на лету тоже визжит? Тоненько так?

— Не знал. Иди спать, Эрлейн.

— А ты мне сказку расскажешь?

* * *

Вейма с утра злилась. Вчера ей принесли потрясающее в своих противоречиях письмо из раногского университета. Монах, который не то знает что-то, не то знает, не то мошенник, не то блаженный... всё юлил, всё врал, чушь какую-то нёс. И только когда его уже решили выставить за порог, признался. И в чём признался!

Конечно, ему не поверили.

Но нашлись краски, хоть скрипторий в университете был — одно название. Пока искали, пока несли, пока всё собрали в одной комнате, пока пришли университетские переписчики, монах терпеливо ждал и молился. А после поразил всех своим искусством. Ему дали денег — не очень много — и предложили прийти ещё раз.

А внизу приписка того лучше — про какую-то цирюльницу, которая устроила шум во дворе университета, а после ушла с монахом. По мнению брата-ключаря, это свидетельствовало о том, что дело здесь нечисто и госпожу доктора богословия и права приглашали разобратся — а также с пятёркой школяров, которые опять подрались с мясниками и теперь ввали, будто бы никогда не носили длинных ножей, а что из мясников пятеро ранены и двое чуть ли не при смерти — так это школяры защищались и оружие добыли с боя. Надо было ехать в Раног, надо было выяснять, надо было разговаривать со школярами, с мясниками, с людьми, которые уверяли, будто присутствовали при драке (кто их знает, может, и впрямь присутствовали), что до монаха... Если он тот, за кого себя выдаёт... А ведь похоже, что тот. Вейма помнила, что Магда рассказывала ей о такой парочке. Надо же, они спелись. По словам ведьмы, сперва они ничем не были связаны... может, и ввали.

Надо, надо, надо... до того ли ей?

Леон свалился к ночи, как-то очень внезапно и страшно. *Сейчас* всё было уже хорошо и Вейма не хотела вспоминать, какой ценой ей это досталось. Мальчик спит. Спит и его мать, она провела всю ночь у колыбельки. Глупо! После *этого* Львёнку уже ничего не грозило. Вейма...

После *этого* её трясло. Она проделала *это* третий раз в жизни. Болезнь распространялась и могло стать, что не в последний.

— *Я — смерть... — звенели в ушах собственные слова. — ... что ты отдашь, чтобы выкупить его жизнь и душу?*

Это было ужасно. Её трясло, она рыдала. Это — как предательство.

Тогда она была не собой. Чем-то другим, древним и страшным. Отвратительным.

Вир увёл её, напоил горячим молоком. Обнял и прижал к себе.

И ещё до рассвета уехал из замка!

Осень — время охоты. Он примет участие в охоте, которую устраивает *стая* (ради него они не станут охотиться на людей, ради него и Арне), а после вернётся в Фирмин, где вассалы барона уже всё подготовят к загону оленей.

И он уехал, уехал, заявив, что он не может отказаться, что дела стай нельзя отложить и что жизнь мальчика уже вне опасности!

Уехал, когда он был ей так нужен!

Вейма злилась.

В отсутствие мужа все донесения из деревни приносили ей. Даже когда он был дома, она требовала, чтобы ей докладывали. Отчасти — из принципа. Отчасти — чтобы скрыть то, что она может издали почуять, что происходит в её владениях.

Её владения.

Эти владения принадлежали ей как вампиру. Хотя её и изгнали из *клана*, она сохранила права на территорию. Ради её мужа, который умудрялся влиять на политику людей так, как это было выгодно проклятым.

А ещё...

Она была женой шателена Ордулы, а это значит управление не только замком, но и ближайшей к нему деревней. Ещё до отъезда барон постепенно передал управление верному вассалу. А теперь...

Если барон не вернётся, Ордула и Латгавальд, ближайшая к замку деревня, останутся Виру и его наследникам. Это было частью той сделки, которую они заключили с Норой. По забавной иронии, наследник Виры был родным сыном барона. Вейму это устраивало. Главное — здесь будет их власть. Её и Виры. Надолго.

... может быть, барон и не вернётся...

Вампирша отогнала недобрые мысли.

Это всё усталость. Усталость и злость.

Она не поехала в Раног.

Как она могла оставить сына, не убедившись, что он поправился? Не убедившись, что болезнь взята под контроль и ей не придётся проводить тот страшный чёрный ритуал, который позволял вампирше посупить с жизнью ребёнка по своему усмотрению?

Что они будут делать, если заболеют взрослые?..

Долго университет будет сдерживать мясников? Как и во многих городах это была самая влиятельная гильдия и обижать их лишней раз не следовало. Но и уступать горожанам университет не мог себе позволить. Сегодня ты наказываешь школяров из-за мясников, а завтра твоих профессоров колотят мусорщики.

Надо было вмешаться, надо было отвлечь мясников...

Вейма поиграла с мыслью послать *кого надо* в Раног и устроить драку между мясниками и, скажем, кожевниками, желательнее такую, чтобы им всем быстро стало не до университета.

Нет.

Не стоит лишней раз прибегать к таким мерам.

В конце концов, это подло.

... не самый хороший аргумент...

А к середине дня до замка дошли слухи про странную парочку — монаха и цирюльницу, которые взялись играть с Исваром-знахарем и монах выиграл у него лекарство в полотняном мешочке, пару носков, какую-то особую настойку (которую тут же выпила женщина) и рукавицы.

Дело становилось ещё более странным.

Она должна была быть в Раног. Если бы Львёнок не заболел, она бы выехала утром и не встретила бы этих людей. Что же они? Нарочно выманивали её из замка? Зачем? Женщина — конечно, Врени, проклятая. Убийца, на счету которой не одна человеческая жизнь. Другое дело, что унесённые ею жизни было совершенно не жалко.

В университете Вейму уважали и уважали не зря. Вампир, она замечала малейшую неполадку, клочок ткани, зацепившийся за гвоздь, криво закрытый ящик — и это помогло ей разоблачить трёх нечистых на руку метельщиков и даже одного декана, после чего факультет Свободных Искусств возглавил другой человек. Кроме этого Вейма чуяла ложь, чуяла и окутывающие человека чувства и обстоятельства... никто, конечно, не знал этого, но вампирша могла так посмотреть и так спросить, так ткнуть лжеца в малейшую несостыковку его вранья, что правда выходила наружу. Драчуны признавались в том, что носили длинные ножи — недопустимое преступление для школяра — воры в кражах, а те, кто пытался выехать на экзаменационных испытаниях за чужой счёт — в своём полном незнании

предмета.

В университете Вейму не любили. Особенно школяры. Трудно хорошо относиться к женщине, которая сверлит тебя злым взглядом и равнодушно вытаскивает на свет все твои плутни и хитрости.

Но именно поэтому Вейме надо было туда приехать.

Надо.

Но зачем эти люди, монах и цирюльница, пытались выманить её из замка?

Надеялись повторить подвиг Виля и проникнуть внутрь?

Чтобы что?

Что они хотели украсть?

А, может, не украсть?

Отравить, убить, узнать какую-нибудь тайну?

Вампирша отворила окно и крикнула во двор:

— Менно! Эй! Менно!

Теперь кто-нибудь найдёт фенриха и скажет, что его звала госпожа.

А Вейма погрузилась в свои мысли, которые так и прыгали.

Львёнок... мальчик, которого Вейма назвала своим сыном. Именно поэтому она так нуждалась в подруге — настоящей матери — чтобы провести свой страшный ритуал. Вир не подходил, его связь с ребёнком была меньше, чем у приёмной матери и он просто не имел права выкупать у неё сына. Магда хотела, чтобы сын прожил обычную жизнь. Обычную жизнь обычного человека. Вейма говорила ей — опомнись. Вейма говорила — разумней или сбежать или скинуть плод, но не пытаться торговаться с властителем земли о судьбе его сына. Барон разочаровался в старших детях, он *мог* захотеть, чтобы сын унаследовал его титул и землю. В конце концов, он имел на это право — не только как властитель, но и как отец. Но Магда упёрлась. Она не хотела лгать, не хотела скрываться и тем более отказываться от ребёнка. Ведьмы всё видят как-то... не по-человечески. Для ведьмы дитя принадлежит матери. Это понятно, это древнее право, древнее, как сама земля, как лес, которому они поклонялись.

Но люди уже давно от него отказались.

Кем Магда была для барона? Служанкой, женщиной, живущей на его земле? Нечистой и проклятой ведьмой? Дочерью рыцаря? Равной, союзником?

Вейма не знала. Вряд ли дочерью рыцаря — барон ни разу не назвал ведьму настоящим именем. Но и не служанкой, о, нет. После несостоявшегося высшего посвящения Магда как будто нашла в себе что-то лишнее и безжалостно это выломала. Она стала сильнее. Сильная ведьма — это очень хорошо для земли. А что хорошо для земли, то хорошо и для людей. Она не раз и не два приводила людей в *то место* и поила там *хорошим* вином, смешанным с кровью козлёнка. Иногда чёрного, а иногда и белого. И лес защищал людей. Волки не трогали скот. Медведи не подходили к деревне. Даже дикие кабаны умудрялись пробежать мимо, не замечая ни грибников, ни пришедших по ягоды девок, ни даже охотников. Рыба ловилась, урожаю не угрожала ни засуха, ни град, ни затяжные дожди. Деревня процветала. В ней даже по-настоящему серьёзных болезней не случалось.

До недавнего времени.

Не приходилось удивляться.

Когда-нибудь это должно было произойти.

Барона не приглашали в лес. Для него Магда изобрела, вспомнила, а, может, у кого-то

узнала другой ритуал.

Вейма мало знала о нём, только то, что ритуал проходил на старом перекрёстке с западной дорогой, ведущей в Корбиниан, к Гандуле, давным-давно разрушенному замку Старого Дюка. Магда передавала барону власть над его землёй — не ту, которую он получил по праву рождения, а ту, которую может дать только сама земля. Добровольно. Это был очень старый ритуал и утверждать своё владение землёй требовалось каждый год.

Вейма не хотела знать, что творилось на этом ритуале. Особенно под конец, когда Магда с бароном стали любовниками...

... может быть, именно это и творилось...

Что бы это ни было, люди Латгавальда были под защитой и неба и земли.

Были.

Пока барон не уехал в святую землю.

Магда была против.

Магда была в ярости.

Барон, как ни странно, согласился.

Он был рад сыну, но не хотел нарушать свои планы. Его дочь была принята советом баронов как наследница, но появление сына может смутить тех, кто не хочет подчиняться женщине, а другие, напротив, решат, что пашенок ведьмы — верный признак договора с Врагом и вовсе решат, что роду барона цур Фирмина нечего делать во главе союза. И они вместе придумали отдать ребёнка Виру и Вейме. Вампирша навела чары, беременность ведьмы никто не успел заметить, и всем казалось, что ребёнка ждёт жена шателена. Всё было хорошо.

А потом барон объявил, что идёт в святые земли.

Магда была в ярости.

Ведьмы не имеют дела с такими вещами. Святые места, реликвии, паломники... для ведьмы всё это — вредный и бессмысленный шум.

А ещё ведьмы никогда не отдают то, что считают своим.

Магда не стала его удерживать. О, нет, только не она!

Молча выслушала всё, что он мог сказать.

О том, что братья-заступники и без того поглядывают на него косо и всё надеются отыграться. Что рано или поздно кто-то да узнает правду — поэтому нужно защитить и ребёнка, и баронство от их происков. Что пора примириться со старыми врагами. Что теперь мальчик (а Магда с самого начала знала, что родится мальчик) будет в безопасности. Что он лучший и только он может привести людей Тафелона к победе.

Потом сказала только «Барон, ты нужен своей земле». И больше не желала ничего обсуждать.

Да и зачем?

Всё было решено.

Барон всегда был вежлив со своими вассалами и особенно с теми, кого он привлёк на свою службу. Это, а ещё непреклонная воля сюзерена, приводила к тому, что ему служили предано и безоглядно. Когда-то он заставил Магду пожертвовать собой ради его дочери. Теперь он жертвовал собой ради общего сына. Собой — и её любовью, потому что ведьма ушла и вернулась только чтобы тайно зашептать барону дорогу.

Потому что барон нужен своей земле.

И только.

Вейма тогда едва могла находиться рядом с подругой — так пахло от неё скрытым гневом и горечью. Но Магда ничего не желала обсуждать. От этого было ещё больнее.

А Леон унаследует Ордулу. И Латгавальд — тоже. Не совсем то, чего желала Магда, когда говорила, что он должен вырасти обычным человеком. Но всё же барону не удастся сломать душу своего последнего ребёнка так, как он сломал старших.

Особенно если он не вернётся.

Нет.

Барон нужен своей земле.

В том-то и дело, что землёй должен править человек. Обычный человек, не проклятый, не посвящённый и не оборотень.

* * *

В комнату, небрежно кланяясь, вошёл фенрих Менно.

Фенрих Вейму не любил. Иногда вампирше казалось, что он её на дух не переносит. Раньше этого не было. Раньше она была для него чем-то вроде ведьмы, воспитательницей дочери барона и просто испуганной девчонкой — тогда Менно относился к Вейме... спокойно. Но не тогда, когда настырная девица вдруг стала почти что хозяйкой замка — женой его хранителя. Это Вейма потребовала, чтобы кто-то из замка всегда заглядывал в деревню и после докладывал ей. Вернее, она сказала «его милости барону или шателену», но мужчины хором заявили, что у них есть дела поважнее, чем узнавать о всех случившихся в деревне мелочах. Вампирша лукавила. Пока Вир был дома, она чужла всё, что происходит в округе. Пока он был рядом с ней. Чтобы не объяснять свои внезапные прозрения, она придумала это.

Хорошая идея.

Менно даже пришлось с ней согласиться — когда благодаря затее Веймы они поймали разбойников, напавших на мельницу. Согласиться. Но лучше он относиться к госпоже не стал.

А ещё у неё злые глаза и она подмечает каждую мелочь.

...не та черта, за которую будут любить...

— В деревню пришли монах и женщина, — сказала она фенриху.

— Да, госпожа, — кивнул Менно, пряча за вежливостью раздражение. Ещё бы, он сам послал к хозяйке замка мальчишку с донесением.

— Здесь, — помахала вампирша письмом, — говорится о двух мошенниках, которых видели в Раногге. Монах и женщина. Возможно, это те же люди.

— Да, госпожа.

— Я хочу их видеть.

— Как прикажете, госпожа.

Вейма усмехнулась.

— Пошли людей. Пусть их приведут. Сейчас же.

— Да, госпожа.

Вейма поиграла с мыслью потребовать, чтобы у посланных были самострелы.

Наверное, самострелы — это уже чересчур...

...зато надёжно...

— Если это мошенники, они постараются сбежать, — сообщила она фенриху.

— Да, госпожа, — непробиваемо ответил Менно, глядя в пол перед собой.

— Прикажи, чтобы их задержали, — потребовала вампирша. — Если это те мошенники,

они могут быть опасны. Особенно женщина.

Менно вскинул брови, но промолчал.

Вампирша усмехнулась.

— Если это те, о ком я думаю, то опасность из них представляет именно женщина, — заверила она фенриха. — А если нет... кто знает?

— Да, госпожа.

— Тогда приведи их. Скажи, что я нуждаюсь в беседе со святым человеком.

— Да, госпожа, — кивнул фенрих и повернулся, чтобы идти.

— Менно, — окликнула его вампирша, когда он уже одной ногой шагнул за порог (фенрих не без основания полагал, что она делает это нарочно). — Если эти люди сюда не придут, я буду *очень* огорчена. Уверена, Вир тоже огорчится.

Спина фенриха напряглась, но он ухитрился сдержаться.

— Да, госпожа, — процедил Менно и ушёл, пока она не придумала ещё что-нибудь.

Вейма довольно улыбнулась.

Раньше такой разговор довёл бы её до слёз. От Менно буквально разило гневом, раздражением, презрением, негодованием...

Теперь вампирша скорее получала удовольствия, зная, что этот человек в её полной власти. Он вынужден подчиняться ей, быть вежливой с женой своего шателена (которого тоже не очень любил, но, по крайней мере, уважал и даже был предан — по-своему). Вынужден терпеть её нелепые выходки (особенно после того, как она самым наглým образом оказалась права). Даже не будь Вейма вампиром, способным подчинять себе людей, она всё равно обладала бы над ним властью.

А ещё она была вампиром.

Такие как Менно были лёгкой добычей. Само его негодование открывало путь в его душу. Не то чтобы Вейма часто этим пользовалась. Но она *знала*, что может. И что Менно — *не знает*.

Узнай он, был бы в ярости.

О, Освободитель, в какой он был бы ярости!

Это грело душу.

* * *

Менно быстро справился со своим заданием и, когда «гости» были ещё во дворе, Вейма поняла, что тяжело ошиблась.

От парочки разило проклятым зельем, которое изобрёл «деревенский алхимик», знахарь Исвар. Он даже порывался рассказать, что он туда намешал, но вампиршу расстраивала одна мысль об отвратительном зелье. И теперь они несли его сюда!

— Менно! — крикнула вампирша в открытое окно. — Прикажи, чтобы они все вещи и оружие оставили в зале и только потом поднимались наверх.

Женщина — крупная уродливая женщина с тяжёлой нижней челюстью — вскинула голову и встретила взглядом с начавшими слезиться глазами вампирши.

Она знала.

Вейма не стала говорить фенриху, что он ведёт сюда проклятую и убийцу. Ей, пусть и отвергнутой *кланом*, даже не пришло в голову подставлять другую проклятую.

Без необходимости.

Вейма попыталась установить контроль над сознанием женщины, чтобы вынудить расстаться с опасным зельем, но она вцепилась в руку монаха, а тот, словно получил тайный сигнал, немедленно забормотал молитву.

Вейма усмехнулась — разочарованно и насмешливо.

Молитвы на неё не действовали.

Она не творила зла.

А вот зелье знахаря — действовало, и ещё как! Оно защищало даже мысли потенциальной жертвы.

Его надо было убить уже тогда.

...нет.

Да.

...нет, это невозможно.

Женщина чуть усмехнулась и отвела взгляд.

— Мы не причиним зла, госпожа, — сказала она хриплым голосом.

Вейма в раздражении отошла от окна.

* * *

...когда они вошли в комнату на втором этаже, где обычно сидела Вейма, трав при них не было. Правда, запах остался, но Вейма могла это терпеть.

Вампирша встретила их, стоя посреди комнаты. Глаза почти перестали слезиться.

Повезло, что они пришли сюда в день, когда заболел Леон. Когда слёзы так легко списать на переживания по поводу мальчика.

...повезло...

Нет. Так нельзя думать.

— Так-так-так, — зло процедила хозяйка замка. — Монах. И женщина. Каким ветром занесло вас в наши края?

Монах вскинул голову (вампирша была его выше), но женщина дёрнула его за рукав и прошипела «Не смотри ей в глаза!». У Веймы зло дёрнулся уголок рта.

— Здесь, — помахала она письмом из университета, — мне пишут о двух мошенниках. О монахе, который задурил брата ключаря, выудил у него кошель и ушёл в сопровождении женщины, никогда ранее благочестием не отличавшейся.

Вейма протянула руку и монах понятиливо полез за пазуху и достал кошель. Женщина разочаровано застонала.

Врени не была жадной, но смотреть на то, как Полди отдаёт то небольшое, что у него было! И теперь ей опять придётся платить за двоих!

Вейма прикинула кошель на ладони. Криво усмехнулась. А брат-ключарь не такой уж дурак. Распустив завязки, она демонстративно перевернула кошель и высыпала всё содержимое на пол перед собой. Кошель был доверху набит самой мелкой медной монеткой. Когда весёлый звон утих, вампирша демонстративно бросила поверх опустевший кожаный

мешочек.

— Монах этот оказался великим мастером, которому нет разных не только в нашей стране, но и во всём мире, — заявила вампирша. — И не только мастером, но и вором.

— Добрая госпожа, — запротестовал монах. Вейма подняла руку и он замолкл.

— Выманив меня в Раног рассказом о краденной реликвии, вы направились сюда, — обвиняюще продолжила вампирша. — Меня интересует, какое преступление вы задумали во владениях барона цур Фирмина?

— Добрая госпожа! — снова вскинулся монах. На этот раз он не отвёл взгляда. Женщина рядом с ним застонала.

Вейма улыбнулась — широко, показывая... совершенно обычные человеческие зубы. Клыки у вампиров появляются только перед укусом или дракой. Женщина удивлённо моргнула.

— Добрая госпожа! — настойчиво повторил монах. — Мы не хотели ничего дурного. В Раног мы узнали, что у вас было создано зелье против вампиров и...

Рукав рясы затрепал, так сильно за него потянула Врени.

Вейма негромко засмеялась.

— Так, значит, вы собираетесь охотиться на вампиров? — хмыкнула она.

— О, нет, добрая госпожа! — замотал головой монах. — Мы только хотели...

— О, да! — быстро перебила его вампирша, которой наскучило играть. — Я всё знаю. Беглый монах, укравший из монастыря Проклятую Книгу, и разбойница, присоединившаяся к нему ради наживы! И вы хотели сбыть эту Книгу — краденую! — университету?

— Всё не так, добрая госпожа! — простонал монах. Врени молча смотрела в пол и, кажется, старалась вообще ни о чём не думать. Она была вся пропитана страхом. Страхом перед вампирами, страхом перед их силой, страхом, что они выведают её тайны... она боялась так сильно, что в комнате становилось душно.

И было ещё кое-что.

Вейма еле заметно повела носом.

Липп. Надо же! Сколько лет о нём ничего не слышали — и вот он нашёлся!

Это может быть опасно. В Раног она беззащитна и это не её территория.

— Лучшее, что я могу сделать — это приказать выгнать вас за пределы Фирмина, перед этим всыпав вам плетей за обман и дерзость, — продолжила вампирша.

Монах вздрогнул и провёл рукой по выбритому затылку^[15]. Врени закаменела.

— Поэтому, — вкрадчиво продолжала вампирша, — самое время сказать правду.

Врени взвилась как ужаленая.

— Правду?! — со злостью отчаяния переспросила она. — Я могу сказать правду, но готова ли ты её услышать... *сестра?*

Вампирша довольно улыбнулась — как и в прошлый раз, скрывая клыки.

Для этих двоих безопасней было бы согласиться на изгнание. Даже плети не так опасны, как продолжение спора с разъярённым вампиром. Быть может, им бы стоило понуть, пожаловаться на злую судьбу... в надежде, что их отпустят непобитыми. Но нет. Что удержало Большеногую? Гордость? Страх? Она в жизни переживала и не такое. О, нет, тут что-то другое.

Вейма перехватила взгляд монаха. Повела рукой и он застыл, невидяще глядя перед собой.

— Что ты с ним сделала?! — с нескрываемым отчаянием и злостью завопила

цирюльница.

Как интересно...

— Говори, Большеногая, — предложила вампирша. — Говори свою правду. Ты же веришь в *Освобождение*, а?

— А ты?! — бросила ей в лицо проклятая.

Как забавно... страх за этого юношу погасил её ужас перед вампирами.

Вампирша покачала головой.

— Я вас не трону, — вдруг пообещала она. — Не бойся. Я только ненадолго его... усыпила, если тебе так понятней. Не надо ему слышать наш разговор.

— Освободи его, — скрестив руки на груди, потребовала Врени.

— Позже, Большеногая, позже. Я хочу знать, кто он для тебя. Не любовник — я это вижу. Но и не поделщик. Ты не взяла его деньги. Кстати, подними, мне чужого не надо.

Она перехватила взгляд женщины. Так собираются перед ударом.

— Не советую. Успокойся и рассказывай. Потом я его освобожу и послушаю его рассказ.

— Усыпив меня? — криво усмехнулась цирюльница.

— Разве что у него есть от тебя тайны. А они наверняка есть, а, Большеногая? Рассказывай, пока я добрая.

Цирюльница вздохнула.

— Я могу прочесть твои мысли, — напомнила вампирша. — Мне это будет неприятно, но я могу. Решайся скорее. Когда мне неприятно, я становлюсь... не очень доброй. Ну же!

— Ладно, будь по-твоему, — ещё сильнее вздохнула Врени. — Слушай. Когда я... поссорилась с Ржаным Пнём, ко мне на *встрече* подошёл... человек.

— Кто такой? — отрывисто спросила Вейма.

Врени покачала головой.

— Я не видела его лица и он не назвал имени. Он сказал, что прозревшие зашли в тупик. Что они погрязли в житейских дрязгах. Что превращаются в оружие богатых и сильных. И что это надо менять. Мы... мы верим в *Освобождение*, но... иначе. Мы считаем, что Создатель послал нас сюда... в наказание. Если мы будем творить зло, то он будет возвращать нас сюда снова и снова, пока мы не поймём. *Освободитель* не может требовать от нас... *этого*. Если мир есть зло, то мы должны его исправить.

Цирюльница говорила быстро, выплёскивая давно и трудно передуманные мысли. Вейма молча кивала.

Как интересно...

— Он сказал мне тайные знаки, по которым я могу узнать других *освобождённых*. Некоторые знают все. Но на них необязательно откликаться. Другие — только он и его ученики. Я согласилась. Я дала обет никогда не извлекать корысти из смерти, зарабатывать на жизнь честным трудом и всегда защищать тех, кто не может защитить себя сам.

— Как благородно, — засмеялась вампирша. — Как по-рыцарски.

— Смейся, — пожалала плечами Врени. — Я не проповедница.

— И кого вы принимаете к себе? — против воли заинтересовалась Вейма.

— Людей, — ответила цирюльница, глядя вампирше прямо в глаза. — Тех, для кого *Освобождение* — не оправдание своим порокам. Ты не сможешь от меня узнать о моих товарищах, я знаю только немногих и мне неизвестны их имена. Мы не знаем ни нашего общего старшего брата, ни других. Мы получаем распоряжения и выполняем их.

— Вас можно распознать по мягкотелости, — хмыкнула Вейма. — Раз вы такие добренькие.

— Мы не хвастаемся своими делами, — коротко ответила цирюльница.

— Это прекрасно, — раздражённо отозвалась Вейма. — При чём тут монах? Он тоже один из вас?

Врени заколебалась.

— Отвечай! — прикрикнула Вейма. Врени невольно посмотрела на неё... на мгновение женщина потеряла способность двигаться. — Да. Я могу заставить тебя отвечать. Лучше не зли меня.

— Я не знаю. Ко мне подошёл один из нас, показал знак и сказал, что разбойники напали на этого человека. Он смог их прогнать, но помогать раненому не умел. Это должна была сделать я.

— Помочь ему — и всё?

— Нет.

Врени и не хотела говорить, но чёрные глаза словно вытягивали из неё слова.

— Он что-то украл, — призналась она. — Не Книгу. Что-то другое. У разбойников этого не было, как и Книги. Там, где мы его нашли и вокруг него — тоже. Надо это найти.

— Вас нанял его монастырь? Или братья-заступники?

— Я не знаю.

— Откуда разбойники знали о книге?

— Я не знаю.

— Хм... как интересно...

Она снова повела рукой. Врени застыла, как и монах, невидяще глядя перед собой.

* * *

Брат Полди парил в полной темноте. Не было ничего. Ничего не звучало. Он казался себе духом в предвечном ничто. Было пусто и он принялся молиться.

Потом появился голос. Чистый и ясный, он звучал как голос небесного посланца.

— Полди! Брат Полди! — звал он.

Голос как будто источал свет и монах двинулся следом, не переставая шептать молитвы.

Свет превратился в дневной и внезапно Полди обрёл тело. Он снова видел, слышал, осязал. Рядом с ним застыла его спутница. Она смотрела перед собой и, кажется, ничего не осознавала. А перед ним, скрестив руки на груди, стояла хозяйка замка.

— Что с ней? — заволновался монах.

— Надо же, — дёрнула уголок рта хозяйка. — Как трогательно. Значит, ты беспокоишься за неё?

— Она спасла меня. Конечно, я о ней беспокоюсь. Это ты с ней так сделала? Освободи её.

Хозяйка покачала головой.

— Не сейчас. Сперва отвечай мне — честно и без утайки. Ты украл Книгу в монастыре. Где стоит твой монастырь?

— Под Сюдосом, — ответил монах. Вейма на мгновение прикрыла глаза, вспоминая карту. Сюдос... мелкий городок на юго-востоке... почти деревня... но в последнее время он

на слуху... через него шла дорога в святые земли. Не все шли там... крупные армии проходили южнее... но говорили... да, говорили, что через Сюдос проходили некоторые бумаги Ордена Камня — вместе с паломниками.

— Зачем ты украл Проклятую Книгу?

— Она моя, — с вызовом ответил монах. Вейма вскинула брови. — Я испугался, что братья-заступники её уничтожат. Они особо требовали, чтобы я пришёл к ним вместе с ней.

Вампирша усмехнулась.

— Магистр Эрвин... — задумчиво произнесла она. Монах вскинулся, а после рванулся к ней всем телом.

— Ты что-то знаешь о нём, добрая госпожа?! Прощу тебя, открой мне!

Вейма поморщилась. Самое отвратительное, он был непрошибаемо искренен, хотя и не говорил всего. Магда говорила, что от монаха смердит тем, что он принёс с собой в её лес. Но покачала головой.

— Откровенность за откровенность, монах. Говори.

— Я хочу знать, — угрюмо ответил брат Полди, уставившись на носки своих ветхих сандалий. — Наш орден хотят уничтожить и я должен понять, кто и почему.

— Как похвально, — ухмыльнулась вампирша. — А Книгу ты хочешь продать?

— Я хочу отдать её тем, кто будет её хранить, — упрямо ответил брат Полди. — Когда Врени предложила университет, я обрадовался. Добрая госпожа! Прощу, поверь мне! Это не кража! Я могу выбрать сам хозяев Книги! Клянусь, в этом не будет греха!

— Вот как, — неприятным голосом отозвалась Вейма. — Хочешь сказать, твой настоятель благословил тебя на эту... кражу?

— Нет, — сник монах. — Не хочу.

— Но я права? — вкрадчиво спросила вампирша.

— Добрая госпожа...

Вейма хлопнула в ладоши и Врени заморгала глазами.

— Возвращайтесь в деревню, — приказала Вейма. — Не вздумайте сбежать. Я подумаю, что с вами делать.

— А как же плети и изгнание? — язвительно спросила Врени, которой было столь же противно от того, какую власть над ней имела вампирша, сколь и стыдно своей недавней откровенности.

— В другой раз, — пообещала Вейма. — У меня сейчас нет настроения.

Глава восьмая

Решение

Магда сидела за столом, тупо глядя на огонь в очаге. На этот раз она ничего в нём не видела. Просто огонь.

Шателен «за спасение сына» пожаловал ей кур и сразу двух коз. Вейма вышла проводить подругу, не позволив помочь никому из немногочисленной челяди замка, поэтому до леса Магде пришлось нести в руках две здоровенные корзины. В одной сидели две нахохлившиеся курицы, в другой — здоровенный петух. Жёну шателена считали странной, поэтому её желание лично проводить ведьму никого не удивило. В лесу вампирша отняла у подруги тяжёлые корзины. Курицы спали, усыпленные вампирскими чарами, козы послушно бежали за двумя женщинами. Подруги почти не разговаривали. Вейма была отчего-то раздражена, Магда — просто устала. Она бы не брала подарок, но Вир резонно заметил, что на крестьянские подношения, рассчитанные на женщину с ребёнком, они втроем с батраком не прокормятся, а брать припасы из замка нельзя. Замковый ключарь был удивительно нудный и аккуратный человек, который переписывал, кажется, каждую соломинку. Пропажу он непременно бы заметил.

Подарку обрадовался батрак, который небрежно кивнул Вейме и пошёл заниматься животными. Магда обречённо подумала, что в скором времени у неё во дворе будет стоять хлев и курятник. Вот не было печали... Эрна вдоволь наобнималась с матерью, выпросила всё о братике и убежала играть с козочками. Вейма ушла.

Магда осталась смотреть на огонь.

Вир заговорил о том, о чём следовало заговорить уже давно.

Сразу же.

Как она собирается скрывать Виля? Кровля, забор, подправленная лавка, дровяной сарай, куча всего перечисленного в доме... Это не скроешь, не спишешь на чары. Это значит только одно. В доме есть кто-то, кто делает мужскую работу. Кто-то, кого ведьма скрывает. Кто бы это мог быть, а?

Только любовник.

Что она скажет, когда всё вскрыется?

Что на неё напал разбойник и насильно поправил кровлю?

Что разбойник силой добился права воспитывать её дочь?

Что он спас ей жизнь и рука не поднимается ни убить, ни выдать на смерть и пытку?

А уж что скажет барон, когда вернётся домой...

Он был умным человеком. Умным и... понимающим, может быть. Это качество заменяло ему доброту. Но никакого понимания не хватит, если ему скажут, что его любовница привела к себе — из всех мужчин на земле! — разбойника и висельника по кличке Медный Паук.

Она не обещала его ждать.

Да, но это не значит, что барон простит ей измену.

Да ещё такую.

Будет ли он слушать её? Поверит ли, что измены не было? Станет ли она оправдываться?

Только сумасшедшая будет верить мужчинам.

Только безумная станет доверять баронам.

Когда барон вернётся — он повесит её и её дочь. И Виля — если поймают.

Может быть, он повесит даже собственного сына...

И будет в своём праве.

А если он не вернётся?

Нет.

Так нельзя думать.

Барон нужен своей земле.

Виль когда-то сказал, что она всё делает через задницу.

Идея связать барона и его землю, древний обряд, который давал вождю удачу, а его владениям силу... Это казалось разумным. Естественным. *Правильным.*

И вот теперь барон тратит полученную силу в святой земле, истощая собственные владения.

Он должен вернуться.

Должен.

Даже если погибнет она сама.

А если умрёт не она?

Если умрёт Виль?

Убить его — и не надо ни перед кем оправдываться.

Убить его — и Эрна будет спасена. Над ней перестанет висеть чёрная тень жуткого ремесла, которое навязывает ей этот человек.

Так просто...

Виль, конечно, её к себе не подпустит. У неё будет только одна попытка и действовать надо наверняка.

Отрава?

Нет, он есть и пьёт с ними за одним столом, из одной миски.

Тогда нож. Его нож, заговоренный когда-то ведьмой... но как?

Усыпить.

Мысли рождались легко.

Нет, не то зелье, которым она избавилась от него тогда, в лесу, семь лет назад.

Он узнает запах.

Нет, есть и другие.

Конечно, им всем придётся принять его. Эрна поспит. Это не очень хорошо, с её-то крепким сном, но один раз придётся рискнуть. А Магде надо будет принять противоядие. Есть, есть у неё корешок — страшно горький, такой, который добровольно никто не станет жевать. А Виль уснёт. Уснёт, а проснуться ему уже не придётся.

Ножом.

Прямо в сердце.

...это лучшее всего сделать на алтаре...

Нет, до алтаря его не дотащить, а сам он не пойдёт. Придётся резать здесь, в доме.

Нет.

Да.

Нет, это осквернит её дом.

Это спасёт её, а, значит, и дом тоже.

Нет, этот человек просил её приюта.

Да, он вторгся сюда как враг, он угрожал ей.

Нет.

Да.

Не...

Стукнула дверь, на кухню вошёл Виль. Привычно взял висящий над кадушкой ковш, зачерпнул и выпил. В кадушке настаивался сладковато-кислый настой на травах, которым Магда любила утолять жажду.

Ведьма невидяще уставилась на своего страшного жильца.

Так просто...

Его даже не придётся уговаривать выпить...

— Чего ты, Маглейн? — засмеялся батрак. — Смотришь на меня, будто думаешь, как половчей кишки выпустить папаше Вилю.

Нет.

Она молча встала и вышла во двор. Обняла подбежавшую дочь, прижала к себе.

Один удар — и девочка будет свободна.

— Собирайся, доченька, — тихо сказала она, — я отведу тебя в деревню, к Рамоне.

— Ну, мааам! — заныла девочка. — Ты же только пришла! Я хочу с тобой остаться!

— Куда ты девчонку тащишь? — немедленно заворчал вышедший следом за ведьмой батрак.

Магда сердито на него посмотрела.

— Перестань принимать её сторону в спорах со мной! — потребовала она. — Ты что же, нарочно это делаешь, чтобы нас поссорить?

— Я нарочно это делаю, потому что нечего девочку туда-сюда таскать, — насупился батрак.

Магда потрепала прикишную к ней дочь по светлым волосам. Косу батрак сплёл вполне пристойную.

— Я собираюсь варить провидческое зелье, — пояснила она. — Нельзя на одном огне варить это зелье и еду. Мы перебьёмся, а ребёнку надо есть горячее. Эрн...

— Мааам! Я тоже!..

Виль посмотрел на ведьму как на сумасшедшую.

— Умишком своим пораскинь, Маглейн, — язвительно посоветовал он, — огонь можно и во дворе развести, не догадывалась?

— Мне некогда будет готовить, — раздражённо бросила ведьма.

Взгляд Вили преисполнился брезгливой жалости.

— Стотовлю я нам поесть. Совсем ум баба потеряла.

— Не смей так с мамой! — вмешалась девочка.

Ведьма прижала её к себе. Батрак хозяйственно оглядел двор.

— Вон там тебе очаг сделаю, а опосля и навес сооружу. Поможешь дяде, а, Эрлейн?

Обрадованная девочка козлёнком запрыгала вокруг него.

— Ты нарочно это делаешь, да? — тихо спросила Магда.

— Что делаю, а, Маглейн? — удивился батрак, но Магде его удивление показалось наигранным.

— *Это,* — с нажимом произнесла ведьма, кивая на починенный забор, на дровяной сарай и на лошадку-качалку, которую батрак действительно сколотил для её дочери. — Ты бы ещё сходил в кабак и там прокричал, что теперь живёшь у меня!

— Да ладно тебе, Маглейн, — засмеялся Виль, — а ты надеялась, что от меня будет просто избавиться? Нет, теперь ты никуда не денешься. Ты ведь принимала помощь, а? И охотно.

— Скотина, — с чувством произнесла Магда.

Виль отвесил ей шутовской поклон.

— Убила бы, — в сердцах вырвалось у ведьмы.

Батрак внезапно стал серьёзен.

— Ну так убей, — спокойно предложил он.

Эрна остановилась и уставилась на взрослых широко открытыми глазами. Магда поманила её и девочка послушно спряталась за спину матери. Виль достал нож и протянул женщине. Магда не сдвинулась с места. Виль насильно пихнул ей в руку нож, отступил на шаг и развёл руки.

— Ну же! — приказал он. — Убей! Ты ведь давно хотела?

— Мама... — жалобно протянула Эрна.

Магда стояла, не двигаясь.

Так просто...

— Боишься, что я нападу? — «догадался» батрак. — Так скажи своей девчонке меня ослепить. Она ведь умеет. Ну, Эрлейн, помоги матери!

— Эрна, не смей! — резко крикнула ведьма. Девочка прижалась к ней и зарылась лицом в юбку матери. — Брось свои игры, Виль, и забери нож. Другую дуру ищи — нападать на тебя!

Виль засмеялся и забрал нож.

— Тогда не болтай попусту, — наставительно произнёс он. — Слышишь, Эрлейн? Никогда не обещай убить, если не готова. А то получится как у твоей мамы.

Эрна робко выглянула из-за матери.

— Вы ведь шутили, да? — робко спросила она.

— Нет, — резко ответила ведьма. — Мы не шутили.

Виль снова засмеялся.

— Мааам, — протянула девочка, — а почему ты его не убила? Он же плохой, ты сама говорила! Он тебе не нравится!

— Ведьмы не убивают людей только потому, что они плохие, — резко ответила Магда. — И тем более за то, что кто-то им не нравится.

— Этим занимаюсь я, — пояснил Виль. — Убиваю тех, кто мне не нравится... и ещё кое-кому.

— Но ты плохой? — настойчиво спросила девочка.

— Очень, — с чувством ответил батрак. — Маглейн, где у тебя нормальная лопата?

— Я должна буду тебя убить? — не отставала девочка.

— А это ты сама решай, — очень серьёзно ответил Виль. — Маглейн, так где?

— В сарае поищи, — неохотно отозвалась ведьма. — И прекрати морочить ребёнку голову.

— Ну, мааам!

Магда поймала девочку за плечи и развернула спиной к себе, лицом к проклятому.

— Смотри, золотко, — приказала она. — Вот — Виль. Он убийца, его никто не любит, у него нет ни друзей, ни родных, ни крыши над головой. Он всегда готов убивать и всегда готов умереть. Смотри на него внимательней!

— Смотри-смотри, — подхватил Виль, вытаскивая из сваленной в самой глубине сарая груды инструментов лопату. — Глядишь, умней вырастешь, не будешь, как старый Виль, по чужим дворам-то околачиваться. Маглейн, ты когда здесь последний раз порядок наводила? Кто так с вещами обращается?

— Ты же *прозревший*, Виль, — рассердилась ведьма, — какое тебе до вещей дело?

— Обычное дело, — рассердился в ответ батрак. — Ты инструмент запустила, а мне копать!

— Не мои они, — махнула рукой Магда. — Риг принёс и сюда свалил, когда я ему снадобье от почечуя приготовила. У Исвара-то он так и не выиграл. А мне такая лопата без надобности, ей корни не выкопаешь.

— Хозяйка называется, — заворчал батрак. — Во что двор превратила — сказать стыдно! И ещё ругается — Виль, не то делаешь, Виль, зачем дому развалиться не дал, Виль, зачем порядок навёл?.. Стараешься тут, стараешься...

— А зачем ты стараешься? — заинтересовалась Эрна, которая успела немного успокоиться, слушая мирную перебранку матери с Вилем.

— Чтобы порядок был, — солидно объяснил батрак. — Чтобы тут жить можно было.

— А зачем? Мы и так жили?

— Да тут всё на соплях держалось! — снова рассердился Виль.

— Не развалилось же, — холодно отозвалась ведьма.

— Небось, поколдовала, — поддел её батрак, — потому и не развалилось.

— А если и так?

— Тьфу ты! Сама не умеешь, так позвала бы кого! Рухнул бы тебе домишко на голову!

— Нечего тут чужим делать! — заворчала Магда.

— Тогда меня терпи, — отрезал Виль. — Эрлейн, поможешь дяде? Мамка-то твоя ворожить будет, ей не до нас.

Девочка с недоверием поглядела на батрака.

— Иди-иди, — «подбодрил» её Виль. — Не бойся. Хотел бы убить, ты бы даже пикнуть не успела.

— Прекрати запугивать девочку!

— А ты разве не этого хотела? — «удивился» разбойник. — Сейчас твою девчонку запугаю, вот она со мной никуда и не пойдёт, а?

— Чтоб ты провалился, — с чувством произнесла ведьма и ушла в дом.

* * *

Магда смотрела на огонь и думала. Нет. Она не сможет убить человека. И не сможет убить именно Вилия.

Однажды она огреет его чем-нибудь потяжелее...

Надо было смешивать травы, надо было варить зелье.

Но чтобы задать вопрос, надо его знать...

Она не сможет убить. Но жить так, как она живёт — невозможно.

Сбежать?

Забрать девочку, забрать осколок камня с алтаря, уйти куда-нибудь, где её никто не знает... Эрну переодеть мальчиком, отвести людям глаза... да, это будет не её земля, но она

сделает её своей, она может!

Сбежать — подальше и от Виля с его помощью и планами, и от барона, который рано или поздно вернётся и потребует ответа...

Но Виль найдёт её даже там...

Если бы он не стал её искать...

Если бы он забыл...

Забыл...

Если бы он забыл о ней...

Вейма может заставить человека забыть о чём угодно, но Виль больше не станет смотреть ей в глаза...

А если...

Если...

Магда смешала травы и поставила котелок на огонь. Едва вода закипела, ведьма начала помешивать её и засыпать травы.

Два круга посолонь, два противосолонь...

* * *

Скрипнула дверь.

— Мааам, — нерешительно потянула Эрна.

— Не мешай ей, — одёрнул её батрак. — Видишь, колдует.

И тут же сам себя опроверг:

— Маглейн? Ты с ума сошла, весь день в своё зелье пялишься!

— А? — с опозданием отозвалась ведьма. — А, это вы...

Она дунула на почти остывший огонь в очаге и пламя разгорелось дальше.

— Мамочка, а дядя Виль кашу сварил! Ты будешь кашу есть?

— Буду, деточка, — отозвалась Магда. Она шагнула назад, пошатнулась, ухватилась за стол и ошупью уселась на лавку.

— Хорошо поколдовала, а, Маглейн? — спросил батрак, внося в дом наполовину полный котелок. Эрна захлопотала вокруг матери. — Что ты искала? Как болезнь остановить?

— Болезнь? — непонимающе переспросила Магда. — Какую... а... болезнь... А чего её останавливать, сама пройдёт. В деревне только Аццо и ребёнок мельника, может, ещё заболеют.

— А о чём ты ворожила? — не отставал батрак.

— О себе. Об Эрне.

Она благодарно взяла ложку и принялась хлебать кашу, не чувствуя вкуса.

— Золотце, пора, я думаю. Сегодня пойдём.

— Куда пойдёте? — насторожился батрак.

Магда невидяще посмотрела на него, потом моргнула, будто пытаясь узнать.

— Тебя это не касается, Медный Паук, — отрезала она.

— Сбежать вздумала? — не отставал Виль.

— Сбежать? — не поняла ведьма. — Ах, да. Нет, Виль, не сбежать.

Она обняла девочку и принялась распускать её светлые волосы.

— Ты же хотел, чтобы она дар приняла.

— Сегодня?! — задохнулась от счастья Эрна.

— А тебе не надо ждать полнолуния? — недоверчиво спросил батрак.

— Не надо, — отрезала ведьма. — Полнолуние — для тех, кто не понимает землю. Она не нуждается в свете луны.

— Врёшь небось, — пробормотал батрак.

— А, вот почему ты Эрну от себя не отпускаешь! — догадалась ведьма. — Боишься, что я побег подготавливаю?

— Я боюсь, что ты меня без неё зарежешь, — засмеялся Виль. — При дочке-то не станешь.

— Ты же не боишься, — недоверчиво уставилась на него Эрна.

— Дурак пусть твою мамку не боится, — отозвался батрак. — Ты смотри, Эрлейн, вот пока твоя мамка кричит, ругается, она нестрашная. А когда она вот так вот замолкает — ух, какая она опасная!

— Дурак ты, Виль, — вздохнула ведьма. — Никуда мы сегодня не сбежим, не бойся. А тебе с нами нельзя. И вслед нам не смотри, понял?

— А то что?

— Ты не захочешь узнать, что тогда будет, — в упор посмотрела на него Магда. Виль пожал плечами.

— Ладно, Маглеин, иди куда хочешь, — махнул рукой батрак.

* * *

Магда шла босиком, в одной сорочке, и босиком вела дочь. Было холодно, осень не позволяла так раздеваться, но этот путь можно было проделать только так. Впрочем, она прихватила с собой тёплый плащ.

Пригодится.

Всё необходимое было приготовлено заранее, хотя Магда и не знала, что оно понадобится. Просто на всякий случай.

Магда шла и старалась слить свои мысли с лесом. Старалась обратить разум к предстоящему.

Болезнь её и правда не волновала. Всё было просто. Наверное, были какие-то... обыденные причины. Эти дети плохо питались в детстве, а Леон слишком много с ними играл. Но дело-то не в этом. Просто они чужие этой земле. Она ещё не приняла их и потому не защищала. Леон же... против Львёнка было то, что он был сыном барона. Непризнанным сыном барона. Это отнимало у него положенную защиту. Это ставило его под удар. Это у него отнимало удачу барон, когда подставлялся под мечи и стрелы в святой земле.

Но Львёнок уже вне опасности. Остальные... их Магда тоже сумеет защитить — если понадобится.

Это было неважно.

А важным было то, что Магда собиралась сделать.

Она никогда такого ещё не делала...

Она даже не знала, что такое возможно.

Но...

Это возможно.

Провидческое зелье смешало для Магды прошлое, настоящее и будущее. Ведьма на время потеряла представление о том, где и когда она находится. Она варила новое зелье, выдумывала его и уже давно использовала. Это было что-то... очень простое. Надо было только дать жертве выпить некий напиток, а потом допить за ним остатки. Это позволяло прочесть мысли, при должном умении — увидеть нужные воспоминания. Это-то было несложно. Магда слышала о таком колдовстве. Ей придётся самой вырезать чашу — так надёжней, но не это было трудным.

Трудным было — сварить суп, в который надо вылить остатки напитка и омыть чашу. Это было долгое и сложное колдовство, но в конце... в конце него ведьма должна была получить власть над любыми воспоминаниями. Можно их изменить, да так, что человек никогда не поймёт, в чём дело. Забрать. Добавить новые. Можно было сделать всё. А после вылить суп в яму и никогда не давать над ней ничему прорасти.

Это было долгое, трудное колдовство.

Но его не обязательно было делать сразу.

А если не чашу? Если флягу? Тогда допить остатки можно и после, не привлекая ничьего внимания.

Виль и раньше пил с ней из одной фляги и никогда не спрашивал, что она туда налила.

Правда, у зелья очень странный вкус...

Но его можно разбавить вином.

Это будет непросто. Но Виль забудет о них и уйдёт.

Или убьёт их, не вспомнив, что их связывало. Просто чтобы не оставлять лишних свидетелей.

Тогда надо, чтобы он забыл, как это делается. Забыл, что был убийцей. Что он — прозревший и высший посвящённый. Пусть он останется... останется просто... батраком. Обычным невезучим человеком. Пусть маска прирастёт к лицу.

Это будет трудно.

Но только так Магда сможет почувствовать себя в безопасности.

Для Виля это будет горше смерти.

Но это она сможет сделать, а убить — нет.

Тогда можно будет его и не прогонять...

Магда успела привыкнуть к тому, что теперь ей... есть на кого положиться?

Нет. Это опасно.

Ведьмы никогда не отдают то, что считают своим.

Нет. Пусть он забудет всё. Уйдёт, забудет о том, где родился и вырос. Забудет её, девочку, забудет не только своё ремесло. Всё. И уйдёт. Лес пропустит его, если она попросит, и он никогда не найдёт дорогу назад. Просто человек без прошлого. У него изменится взгляд, голос, он научится жить честным трудом, никто не узнает в нём висельника Медного Паука.

Так будет лучше.

Для всех.

Если он исчезнет, она сможет внушить людям, что дом починила магия.

В каком-то смысле так оно и было, ведь правда?

Люди будут сомневаться, судить да рядить, но в конце концов поверят в легенду. Людям нравится думать, что их ведьма может то, чего не могут другие.

Если он исчезнет, всё забудется само собой.

И он не умрёт. Её руки будут чисты.

Почему на душе так паршиво? Почему во рту горечь смерти и предательства?

Она не убьёт его. Её руки чисты.

Но для него эта участь хуже смерти.

Он даже не поймёт, что случилось.

Но это останется предательством.

Она ничего ему не обещала.

Он спас ей жизнь.

Нет.

Да.

Нет...

* * *

Было и ещё кое-что, что надо было сделать.

Говорят, что сначала дети пожирают своих родителей, а после родители пожирают своих детей.

Ребёнок ещё до рождения питается матерью.

Это не красивые слова.

Это не шутки.

Это — то, что древнее и магии, и договоров, и заклятий.

Это — основа всего.

И поэтому у Магды получится то, что она задумала.

* * *

Они дошли до алтаря. Кусты, ветки и травы, расступающиеся при их появлении, сомкнулись. Никто не смог бы сейчас найти дорогу сюда. Никто — даже Исвар, которого лес пускал почти всюду. Не сейчас. Сейчас это место принадлежит только им.

Над алтарём за клубился туман. Магда не видела, но словно кожей чувствовала, как расширяются глаза дочери и раскрывается в удивлении рот.

— Ничего не говори, — тихо шепнула ведьма. — Садись вот сюда...

Она постелила плащ прямо на алтарь и, усадив девочку, сбросила сорочку.

— Мааам, а зачем?..

— Тш-ш!

Сначала танец. Танец, в котором ведьма раскрывается лесу. Танец, в котором она сливается со своей землёй. Потом... потом будет самое сложное.

Она никогда этого не делала.

Но она попробует.

Справится.

Сделает.

Она должна.

Ради будущего.

Ради земли и своей девочки.

* * *

Виль не верил ни в сон, ни в чох, но ему было беспокойно. Если бы он привык задаваться такими вопросами, он бы сказал, что волнуется, какое колдовство затеяла ведьма, но он никогда не волновался заранее и никогда не задумывался.

И всё-таки ему было тревожно. Словно что-то мешало спать, мешало сидеть на месте. Беспокойство началось не сразу. Не тогда, когда ушли женщины. А после, когда до рассвета оставалось всего ничего.

Батрак пожал плечами и вышел во двор. Беспокойство отступило и накатило снова. Он вышел за калитку. Было темно, но тропинка немного виднелась и вела куда-то в сторону, куда-то не туда, куда он привык. Виль сделал несколько шагов, потом шорох заставил его оглянуться. Позади тропы не было.

— Маглеин? — раздражённо позвал он. — Твои шуточки?

Лес равнодушно шумел. Никто не отзывался, только ветер задувал всё сильнее и сильнее.

Батрак выругался и хотел уже сесть на землю, чтобы дождаться рассвета, который уж наверное прекратит это наваждение. Но не успел. Сквозь вой ветра послышался топот детских ног, шум раздвигаемых ветвей. Виль поймал Эрну, которая мчалась, не разбирая дороги и не замечая, как лес спешит убраться с её пути.

— Пусти! — закричала она и изо всех сил пнула неожиданного врага. Виль крепко держал девочку на вытянутых руках. Потом встряхнул её.

— Эрлейн! — резко окликнул он.

Девочка подняла на него зарёванное лицо, уже видимое в предрассветных сумерках.

— Пусти! — завизжала она. — Мне в замок надо!

— Зачем?

— Мне надо! Там мама! Пусти! Она сказала Вейму позвать! И Вира! Пусти!

Виль ещё раз встряхнул девочку.

— Уймись, Эрлейн. Никуда ты не побежишь. Рассказывай.

— Там мама! Она лежит! Ей плохо! Пусти же!

Виль развернул девочку туда, откуда она примчалась, и подтолкнул в спину.

— Веди.

— Она сказала не тебя звать, — насупилась девочка. — Она сказала Вейму звать. Она сказала, что ей самой не встать.

— Не добежишь ты до замка, вон, запыхалась уже. Веди, пока я добрый. И рассказывай.

— Но ты ей поможешь? Ты же плохой! Ты честно поможешь?

— Сказал, помогу. Больше слушай свою мамашу. Наколдовала опять...

— Она не нарочно!

— Знаю я твою мамашу.

— Она сказала мне сесть на камушек. Я села. Она сняла сорочку. А зачем она голая танцевала?

— Надо, значит. А дальше что?

— Я уснула, — захлопала глазами девочка. — Это колдовство, да?

— Наверное, — пожал плечами батрак.

— А когда проснулась, — всхлипнула девочка, — там... там...

— Не реви! — резко оборвал её Виль. Девочка сердито засопела носом, но слёзы сдержала. Она уверено, как по нитке, шла по лесу, даже не замечая, как идёт. Если раньше лес пропускал только её саму, то теперь он расступался и перед её спутником.

— Она рядом лежала. И на животе у неё пирог пёкся! Она возле алтаря жаровню прятала. Ей больно было! А она мне и говорит, чтобы я не визжала, а съела всё до крошечки. Я не хотела, а она сказала, что так надо!

— И ты съела? — уточнил батрак.

— Так же мама велела!

— И как?

— Я съела, мама жаровню в сторону поставила, хотела встать, и не смогла. Лежит там! Я испугалась, а она велела Вейму звать! Я и бежать! А тут ты! А ты плохой!

— Очень плохой, — проворчал Виль. Он и раньше замечал, что от успешного колдовства ведьма на время слабела. Что же она такое вытворяла сегодня, что теперь позвала на помощь?

* * *

Вопреки рассказу девочки, ничего особенно интересного их на поляне не ждало. Ведьма сумела кое-как натянуть сорочку и даже закутаться в плащ и теперь лежала на алтаре вся какая-то перекошенная, как кукла уличного жонглёра [\[16\]](#), у которой обрезали нити. Услышав шаги, она с трудом приподняла голову.

— Пришёл, — зло произнесла она.

— Mamочка! — подбежала к ней девочка. — Ты прости, я не успела, а он там стоял, а я бежала, а он сказал, что поможет, а я хотела. А он всё равно не отпустил, а я подумала, что нельзя же, а он сказал, что поможет, мамочка, ты прости, я не...

— Цыц! — прикрикнул на неё батрак. Подошёл к алтарю и присел на корточки, заглядывая ведьме в лицо. — Лежишь, Маглейн?

— Не... надейся... — с трудом не то прошептала, не то прошипела Магда. — Не... в этот раз... не попрошу... лучше сдохнуть...

— Мама! — отчаянно закричала Эрна. — Мама, мамочка, не надо, пожалуйста, не умирай, мамочка!

— Цыц, я сказал!

Эрна замолчала, заливаясь слезами. На востоке сквозь лес пробивались первые солнечные лучи.

— Не помрёт твоя мамаша, — заверил батрак.

— Откуда ты знаешь? — сквозь слёзы спросила Эрна.

— Да уж знаю.

Магда молчала. Она лежала, закрыв глаза и, казалось, не дышала. Батрак тронул жилку на шее ведьмы, лоя биение сердца.

— Жива, — проворчал он. — Вечно она так. Намудрит чего, а Виль потом разгребай. Что стоишь? Прибери тут и пошли. Давай, дорогу к дому показывай.

Он, крикнув, подхватил бесчувственную ведьму на руки. Эрна утёрла слёзы и шагнула к краю поляны. Ветер задул сильнее. Девочка шагнула к кустам и они послушно расступились.

* * *

Когда Магда проснулась, день уже клонился к вечеру. За окном было темно, завывал ветер и хлестал дождь. Когда Виль принёс ведьму домой, он сгрузил её на лавку как была, закутанную в плащ, а Эрна подсунула под голову матери подушку и укрыла одеялом.

Ведьма попыталась приподняться. Голова была тяжёлая и с трудом отрывалась от подушки. У очага сидел Виль, который казался зловещим в алых отсветах огня, и чинил сапог.

— Очнулась? — неприветливо спросил он.

Магда попыталась оглядеться, но не хватило сил.

— Да здесь твоя девчонка, спит, — сжалился над ней батрак. — Уревелась, умаялась и уснула.

Прислушавшись, ведьма уловила спокойное детское дыхание и немного успокоилась.

— Воды подай, — надтреснутым голосом велела она.

Виль встал и, ворча, поднёс ей ковшик с ледяной водой. Собравшись с силами, ведьма сумела сесть.

— Ничего рассказать не хочешь?

— Отстань, — буркнула Магда. — Хватит, наиздевался. Надоело.

— Угу, — поддакнул батрак. — Как что-то надо, Виль туда, Виль, сюда, подай, принеси, почини, спаси, достань... А как не надо, так — пошёл прочь, батрак.

— Я тебя здесь не держу, — огрызнулась Магда. Обеими руками поднеся ко рту ковшик, она пила и пила воду большими жадными глотками. Силы постепенно прибавлялись. — Проваливай, если что не нравится.

— Я бы ушёл, ты бы так и осталась в лесу лежать.

— Я Эрну не за тобой посылала.

— Не добежала бы твоя девчонка до замка. Даже если бы дорогу нашла.

— Не нашла бы, значит, я зря старалась, — отрезала Магда.

— А, так у вас получилось? — оживился батрак.

Магда помолчала, глядя на огонь и слушая, как дождь хлещет по крыше.

— Получилось, — признала она. — Вот так у неё детство и закончилось.

— Непохоже. Малявкой была, малявкой осталась.

— Увидишь, — посулила Магда.

Она снова замолчала.

Говорить было трудно, сидеть было трудно, болел обожжённый живот. Надо было вставать, надо было будить дочь, учить её как нанести лечебные мази, наложить повязку, зашептать рану... Надо было выгнать Виля... хотя бы из кухни. Вместо этого она сидела и смотрела на огонь. Думать о том, что она сегодня сделала, не хотелось. Как и о том, что предстояло дальше.

— Что она может? — не отставал от неё батрак.

— Ничего, — пожала плечами Магда. — Сквозь лес ходить. Травы подбирать. Зашептать может что надо... Этому я быстро научу. Другому... другому учить долго.

Другому, Виль, жизнь учит, а она злой учитель.

— Мудришь, Маглейн.

— Ведьма — это выбор. Это граница. Ворота. Ось. Каждый свои выборы делает сам. И жизнь свою живёт тоже сам. Я открыла ей путь. А пройти его только она сама может. Или ты про фокусы, которым её Лонгин с Виринеей научили? Я такому учить не стану. Хочешь — иди в Серую пустошь. Там на всякое натаскивают.

Она хмыкнула, вспоминая пропитанное колдовством болото, ночные полёты над дорогой, нападения на обозы, в которых принимала участие без зазрения совести... битвы белых магов с охранявшими ведьм и колдунов чёрными магами... как мало из этого ей пригодилось...

— Мудришь, — повторил батрак.

Ведьма пожала плечами.

— Не жди благодарности, — сказала она, возвращая ему ковш. — Я тебя ни о чём не просила. Помирать буду — больше не попрошу.

— Злопамятная ты, Маглейн, — засмеялся батрак.

— Подай ещё.

Виль зачерпнул воду в бочонке у дверей и сел рядом, не выпуская ковш из рук.

— Рассказывай, Маглейн. Что ты натворила?

— Или воды не дашь? — хрипло рассмеялась ведьма. — Пытать вздумал?

— Брось, Маглейн, ты настоящих пыток не видела.

— Ну, да, *тогда* меня только пугали, — согласилась Магда.

— Если бы не папаша Виль, ты бы сейчас здесь не шутила, — напомнил батрак.

— А где угрозы? — делано удивилась Магда и потянулась за ковшом. Батрак отвёл руку. — Где «давай, рассказывай, иначе зарежу»?

— Брось.

— Дай воды! — разозлилась Магда.

Виль молча сунул ей в руки ковш. Вода возвращала силы, но вместе с силами всё прибывала и прибывала боль. Прогнать бы этого паскудного батрака, заняться, наконец, раной...

— Мне надо было кое-что понять, — медленно проговорила она. — Найти. Есть вещи, которые приходят на грани. Мне надо было выйти на грань. Я видела в зелье, как Эрна становится ведьмой. Сегодня была хорошая ночь: луна растёт. Вместе с ней будут прибывать её силы, пока не укоренятся.

— А говорила, полнолуние не нужно, — хмыкнул Виль.

— Разве я обманула? — в тон ему ответила ведьма.

— На что ты отдала силы? — снова спросил батрак.

— Не твоего ума дело, — огрызнулась Магда.

— Ты могла умереть, — не то сказал, не то спросил батрак.

— Могла, — пожала плечами Магда. — Чего ты хочешь, а, Виль? Сейчас я больше не ведьма. Снова. Как *тогда*, помнишь? До самого полнолуния силы ко мне не вернутся, они ушли к Эрне все, без остатка. Только когда луна постареет, я снова смогу колдовать. Я больше не ведьма, ты сильнее. Этого признания ты хотел? Давай, попробуй забрать Эрну, ты же хотел. Я не смогу тебе помешать.

— Дура ты, Маглейн, — рассердился батрак. Забрал у неё опустевший ковш, повесил на место и ушёл в свою комнату, хлопнув дверью.

Ведьма глубоко вздохнула и вздох перешёл в протяжный стон. Боль сделалась уже нестерпимой.

Надо было сразу его выгнать...

— Эрна, золотко, проснись, — позвала она, стараясь, чтобы боль не слишком искажала голос.

* * *

Врени пробиралась по лесу. Жена шателена велела им ждать в деревне — и они послушно ждали. В общем-то, этому способствовали кнехты^[17] барона, которые непринуждённо прогуливались по деревне и не слишком старательно делали вид, что их совершенно не интересует, не собираются ли пришлые сбежать. Но в конце концов терпение цирюльницы лопнуло и она скрылась в лесу. Сбежать она, положим, не собиралась, но надеялась, что ничего с братом Полди без неё не случится. Когда она уходила, он вовсю играл со знахарем, осваивал какую-то игру с шариками, где не требовалось бросать кости. Обмануть кнехтов было несложно: они знали, что пришлые пришли вдвоём. Врени не первый раз уходила от слежки. Конечно, она рисковала. Сумасшедшая вампирша могла бы найти её быстрее, чем собака, и страшно подумать, что ей взбрёт в голову. Врени долго думала, брать ли с собой волшебные травы, но в конце концов решила этого не делать — как знак мирных намерений. Брат Полди остался там, а в милосердие кровососов цирюльница не верила.

Обычно она легко находила дорогу — хоть в темноте, хоть в тумане, хоть как, но на этот раз ей всё время приходилось останавливаться и вспоминать, как она шла в прошлый раз. Как будто что-то пыталось ей помешать, не пропустить через лес — но не слишком сильно старалось. Потом дорога и вовсе сошла на нет и Врени пришлось пробираться между деревьями — а они как будто переползали с места на место, загораживая ей дорогу. Цирюльница пожалела, что не взяла с собой монаха. Кто знает, может, его молитва здесь бы помогла...

А, может, и нет.

Наваждение закончилось неожиданно. Вдруг перед женщиной вырос забор — так внезапно, что она едва не разбила лоб. Прислушалась. Из-за забора не доносилось ни единого звука. Врени пошла вдоль забора, отыскивая щель... или калитку.

* * *

Виль достраивал навес над очагом во дворе, Эрна вертелась рядом с ним, послушно подавая инструменты.

— Дядя Виль! А ты ёжика мне поймаешь?

— Новое дело! — заворчал батрак. — Теперь уже ёжики ей понадобились. Пошла бы лучше коз покормила. Доить поучись. Только и умеешь, что у тебя козы смирно стоят, а за соски тянешь, как в колокола звонишь.

— Но я хочу ёжика! — пропустила его воркотню мимо ушей девочка. — Поймай, а?

— Зачем тебе ежи понадобились?

— Они забавные! Я ёжику норку вырою, он будет у нас во дворе жить! А потом мы с ним ёж-траву искать пойдём. Она знаешь какая полезная?

— Что за ёж-трава ещё?

— Её только ёжики найти могут!

— Ну и пусть её ежи и жрут.

— Ёжики не едят траву! — искренне удивилась Эрна. — Мне она самой нужна. Мама сказала, если её на железо бросить, оно затупится, и замки откроются и оковы сорвутся! Ёж-трава очень нужна.

— А! Слышал. А знаешь, как её носят?

— Нееет.

— Руку вот так надрезают, — показал батрак, проведя черту поперёк ладони, — и в ранку эту твою траву вкладывают. Потом дают зажить — и трава всегда с тобой, никто не найдёт и не отберёт. Хочешь — замки ломай, хочешь, оковы отмыкай.

Эрна скривилась.

— Фу! А мама сказала, что научит меня так свистеть, чтобы верёвки разрезать! А зачем? Можно же ножиком!

Батрак хмыкнул.

— Ножик не всегда под рукой есть.

— А вы с мамой поссорились, да? А почему?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— А мама говорит — ведьма и должна много знать!

— Тогда у мамыши своей спрашивай.

— Она тебя обидела, да? А зачем ты ей помог?

— Дурак потому что.

— А за что она на тебя злится?

— Дура она.

— Не говори так про мою маму!

— Тогда не спрашивай.

— А ты мне сказку расскажешь?

Скрипнула калитку. Медленно, с трудом опираясь на палку, вырезанную для неё Вилем, во двор вошла Магда. Она казалась растолстевшей из-за повязки, наложенной на живот под платьем. Ожог болел, но меньше, чем мог бы, если бы Эрна вчера не зашептала рану. Несмотря на уговоры дочери и ворчание Виля, ведьма отправилась в лес. Для того, что она собиралась сделать сегодня, магическая сила была не нужна, даже мешала бы.

Как удачно всё складывалось...

Последние слова она услышала.

— Ещё одна такая сказка — ночевать будешь во дворе, — пригрозила она.

Батрак ухмыльнулся.

— Ладно тебе, Маглейн, разве я плохие сказки рассказываю?

— Особенно та, про чудовище, которое пожирало людей какого-то древнего вождя, — сердито бросила ведьма, — а потом ему оторвали лапу.

— Они ему спать не давали! — вмешалась девочка. — Шумели по ночам рядом с его домом!

Она неожиданно всхлипнула.

— А его убили и маму его убили! Так нечестно!

— Они были чудовища, — напомнила Магда.

— А чудовищам спать не надо? — засмеялся батрак. — Там ещё продолжение будет, про дракона.

— Его тоже убили? — насупилась девочка.

— А как же! Для этого ведь и нужны герои, так ведь? Они убивают чудовищ.

Магда собиралась что-то сказать, но тут девочка насторожилась и посмотрела куда-то ей за спину. Магда медленно обернулась.

* * *

Врени не нашла щелей в заборе и не дошла до калитки, но обнаружила место, где колья были немного пониже и у неё получилось заглянуть во двор.

Картина, которую она застала, была до омерзения мирная... и тревожащая.

Уставшая, какая-то постаревшая и растолстевшая ведьма. Медный Паук, мирно сооружающий что-то во дворе. Маленькая девочка, доверчиво спрашивающая о какой-то ерунде. Цирюльница прислушалась к разговору — когда она смогла заглянуть во двор, она смогла и услышать, что там происходит, а до того звуки как будто не вылетали за пределы круга. Но тут её заметили.

Девочка широко раскрыла глаза и попятилась, отступая за спину взрослых. Медный Паук отложил инструменты и выпрямился, нехорошо глядя на цирюльницу. Магда держалась спокойно, но в её глазах застыла тревога.

Это неприятно задело Врени. Когда она была здесь в прошлый раз, она была гостьей — не самой, может быть, желанной, но гостьей, по доброй воле впущенной в дом. А Медный Паук был врагом, коварным и подлым захватчиком, который собирался отобрать у ведьмы самое дорогое.

А сейчас они все смотрят на неё так, как будто она враг, а они если и не друзья, то хотя бы сообщники.

— Здравствуй, Большеногая, — приветствовал её Медный Паук. — С чем пожаловала?

Врени тихонько выдохнула. Не очень хорошая идея — незваной приходить в дом ведьмы и совсем плохая идея — наткнуться на этого сумасшедшего убийцу там, где он не ждал встречи.

— Да вот, шла мимо, думаю, дай заверну, проведу Магду, — небрежно ответила женщина.

— Я велела тебе убираться вместе с твоим монахом, — нахмурилась ведьма.

— Мы и убралась, — заверила цирюльница. — А потом вернулись.

— Понравилось? — хмыкнул батрак, возвращаясь к работе.

— За лекарством от вампиров пришли, — отозвалась цирюльница, решив, что здесь врать — себе дороже. — В Раног к нам Липп привязался. Вас вспоминал, кстати.

— Замечательно, — проворчала Магда.

— А я думаю, чем от тебя воняет, — засмеялся Медный Паук.

— Никто не знает, что я сюда пошла, — добавила Врени.

— Вот и хорошо, — зло обрадовался Медный Паук. — Меньше работы.

— Виль! — строго произнесла ведьма.

Батрак рассердился.

— Опять?! — рывкнул он.

— Она никому не скажет, — заверила ведьма, пристально глядя на цирюльницу. Та кивнула, не очень понимая, что они пытаются скрыть.

— Я видела твоего сына, — произнесла Врени. Магда пожала плечами. Она ещё в тот разговор поняла, что цирюльница догадалась, чьим ребёнком был усыновлённый Веймой и Виром мальчик. Знала и промолчала, не желая выдавать эту тайну Вилю. Но тот не дурак и догадался сам.

Виль не дурак.

Сделать с ним что-то будет непросто...

Для него это будет хуже смерти...

Он догадается. Он настороже.

У неё будет только одна попытка.

— Видела — и помалкивай, — проворчал Медный Паук.

— Я кое-что узнала, — проговорила Врени, пристально глядя на убийцу. — Для тебя. Интересно?

Виль покосился на Магду и девочку.

— Идите в дом, — коротко приказал он.

Девочка насупилась.

Магда помедлила, смерила взглядом проклятых, пожала плечами и увела девочку за собой. В глазах у неё что-то мелькнуло. Не то жалость, не то стыд, не то грусть... к кому это относилось, Врени понять не смогла.

— Мааам, а кто это? — донеслось до Врени. Ответа она не услышала. — Мааам, а она хорошая или плохая? А зачем она пришла?

— Верю в *Освобождение*, брат, — проговорила проклятая.

Батарк усмехнулся и подошёл к забору.

— Жду *Освобождение*, сестра, — лениво отозвался он.

— Хорошая девочка. Чья она?

— Слепла, Большеногая? Мамашу не заметила?

— А кто отец?

— В капусте наши, — пожал плечами батрак. — Нечего тебе тут выспрашивать. А пойдёшь языком трепать — пожалеешь.

Врени пожала плечами.

— Что узнала-то?

Врени назвала имена, которые ей перечислил Липп.

— Ржаной Пень — пустой человек, — пояснила она. — Глиняный Лоб — дурак. Кривой Пёс — болтун. Им сказали, они и подхватили. А вот Земляная Тыква — может, она и знает. Говорят, у неё один из *общих старших братьев* в любовниках ходит.

Медный Паук ничего не ответил. Он задумчиво поглядывал на Врени и под его взглядом цирюльнице сделалось совсем уж нехорошо.

— Ржавого Ножа знаешь? — спросил проклятый.

Врени поморщилась.

— Та ещё крыса.

— Рассказывай.

— Крыса, — с чувством повторила Врени. — Мелкий и гаденький человечешко. Монахом иногда притворялся, пока его в какой-то деревне не отлупили. Девку соблазнил

или похуже чего. Тогда перестал. Говорят, недавно снова начал. Лицо-то ему подправили тогда. Теперь под капюшоном прячет. Сначала не мешало, теперь мешает. Вроде за ум взялся, к *посвящению* готовится. А кто его *старший брат* — не знаю.

Медный Паук хмыкнул.

— Бывай тогда, Большеногая. Не ищи меня здесь больше, слышишь? И из деревни поскорее проваливай.

Врени поспешила воспользоваться этим предложением. Стоило ей отойти от забора, как она увидела тропинку, прямую и широкую, которая вела прямо к деревне.

* * *

Виль вернулся в дом. Магда помешивала суп, попутно объясняя дочери, как надо кидать в зелье травы, чтобы прочувствовать момент, не поторопиться и не опоздать.

— Когда, говоришь, к тебе силы вернутся, а, Маглей? — спросил батрак.

Магда напряглась, прижала к себе девочку.

— В полнолуние, — ровным голосом ответила она.

— Вот и славно. Тогда-то я от вас и отправлюсь.

Ведьма изумлённо заморгала. Эрна смешно сморщила нос.

— Ты уходишь? — спросила девочка. — А почему?

— Дела есть, — коротко ответил батрак. — Не смотри на меня так, Маглейн, я ещё вернусь, ты и соскучиться не успеешь.

История вторая
Рыцарский турнир

Глава первая

Просьба о помощи

Лил дождь. Магда сидела дома с веретеном и терпеливо учила дочь прясть. Девочка капризничала, отвлекалась, нитка рвалась и дело не ладилось. Магда вздыхала. *До того*, как она пустила в дом этого паршивого батрака, у неё не возникало таких трудностей. Коз надо было кормить, поить, доить, ещё и хлев за ними чистить. Куры тоже требовали внимания. Ещё больше внимания требовала разболтавшаяся от общения с разными добрыми дядями и тётями девочка. Магда начала уставать и раздражаться. Проклятый батрак! Это из-за него появились и козы, и куры и все связанные с ними проблемы. Сначала это почти не мешало: он прекрасно со всем справлялся. А теперь он ушёл. А животные остались.

Магда никогда особенно не умела возиться с животными. Она, положим, могла зашептать их с Веймой козу так, чтобы та не просто оставалась живой, но и постоянно давала молоко, но вампирша выдаивала животное досуха. И возилась с козой тоже Вейма. Она не особенно любила эту работу, но полагала справедливым, в конце концов, это же её еда. На предложение так же выдаивать хотя бы одну из дарёных коз подруга ответила категорическим отказом. Зачем ей, у неё возле замка целое стадо пасётся. Раньше, когда Леон был совсем маленьким, вампирша не стеснялась даже время от времени выдаивать его кормилицу. Мальчика тайком кормила настоящая мать, и надо было как-то обмануть женщину, взятую для отвода глаз. Магде это казалось чем-то сравнимым с людоедством, на что Вейма обычно отвечала, что, во-первых, вампиры и должны есть людей, а во-вторых, кое в каких рецептах используется женское молоко и никого это не смущает. Ведьму смущало другое: вместе с молоком несчастная кормилица теряла и силы, как теряли их доимые вампиршей козы. Но Вейма пожимала плечами. Она вполне освоилась в роли хозяйки замка и считала, что небольшая подать людей не так уж обременит. К тому же кормилице щедро платят. К тому же Магда её лечила. К тому же...

Ведьме было проще махнуть рукой.

Нитка опять порвалась. Эрна заныла, что хочет играть с ёжиком и так обиженно уставилась на мать, как будто та назло ей вызвала дождь.

Магда снова вздохнула.

Одно дело — встать до рассвета, чтобы босиком войти в лес и там в тишине познать ещё одну колдовскую тайну. И совсем другое — брести в хлев и доить этих паскудных коз. Кормить кур. Потом выводить коз и привязывать их за забором, позволяя животным объедать всё вокруг. Она пару раз «случайно» забывала закрепить верёвку, но старательная девочка обнаруживала это прежде, чем козы успевали уйти. Магда подозревала, что Эрна коз немного приворожила. Она вообще как-то очень легко сходилась с животными, но одно дело ладить, а другое дело — уметь всё делать. Виль потихоньку начал её учить, но не довёл дело до конца.

Если не извести этих проклятых коз с курами, жизни тут не будет.

Вейма навела на дом подруги морок, скрывающий сделанные Вилем постройки. Постепенно — очень медленно — морок сходил, так что все изменения можно было бы списать на неких случайных прохожих, расплатившихся с ведьмой работой. Конечно, у них уже давно не принято было привечать чужаков без доклада в замок, но, во-первых, ведьме никто не указ, а во-вторых, Вейма же вроде как в курсе?..

Магда снова вздохнула.

Кто бы знал, что этот паршивец окажется таким полезным?

Мало того, что он делал всю работу, какая была и даже ту, какой не было. Он ещё и знал бы, что делать с разными неприятностями, которые на неё всё время сваливались. Когда в курятник пробрался хорёк и передушил всех цыплят. Визгу было! Когда коза забралась на дерево и её надо было снимать. Когда околел старый пёс и снова было много визгу, а потом пса ещё надо было закапывать. Виль бы справился бы с этим. Он бы закопал животное, цыкнул бы на девочку, а потом придумал, чем её отвлечь. А теперь надо было справляться самой. Пёс, кажется, был первой смертью, которую Эрна вообще увидела... не считая, наверное, цыплят. Но пёс умер сам. Есть вещи, о которых говорить не хочется. Например, о том, что никто не вечен. И что недостаточно дружить со всякими добрыми плохими дядями, чтобы быть в безопасности. И что безопасности вообще не бывает. Ни для кого. И для ведьмы тоже. Особенно для ведьмы. И что жизнь вообще удивительно мало похожа на игру...

Виль бы справился лучше...

Виль бы такого наговорил, что потом за сто лет не расхлебаешь.

Самое паскудное, что, отыскивая лопату, Магда наткнулась в сарае на кусок дерюги, которой там точно делать было нечего. А под дерюгой не было ничего. Совсем. Была яма, в которую мог бы влезть один человек... один крупный человек или два... не очень крупных.

Например, щуплый с виду батрак с маленькой девочкой...

Неприятно заинтересовавшаяся этим открытием, Магда обнаружила в стене сарая выломанную и вставленную обратно доску. Она заинтересовалась ещё больше и нашла несколько мест в заборе, через которые вполне можно пролезть наружу.

О своём открытии она никому не сказала. Пожалуй, даже успокоилась.

На Виля, оказывается, можно было положиться, во всяком случае, есть надежда, что в её доме его не поймают.

Пусть его.

— Эрна, золотко, — позвала она, — смотри, надо распушить концы вот так, а потом...

Эрна насупилась.

— Мааам! А когда ты мне колдовство покажешь?

Магда начала учить прясть дочь ещё до ухода батрака и в первый раз уставшая девочка заныла о том, что она-де ведьма, а не крестьянка, к чему ей возиться с куделью?.. Ведьма была глубоко оскорблена. Кто успел внушить это девочке? Ни в одной уважающей себя семье не приветствовалось безделье девочки. Дочери рыцарей ткали и пряли не меньше, а, пожалуй, даже больше крестьянских дочерей. Им же не надо было отвлекаться на другую работу!

Виль тогда как раз зашёл в дом и, услышав нытьё Эрны, удивился не меньше ведьмы.

— Ах, прости, твоё дюкское высочество, — отвесил он издевательский поклон, — не признали.

Девочка насупилась ещё больше, а батрак вышел, ворча что-то о белоручках, от которой никакой пользы не дождёшься.

И после этого Эрна послушно просидела рядом с матерью до самого вечера.

Магда снова вздохнула.

Быть матерью и учить — это разные вещи. Она была хорошей матерью, но учить дочь становиться ведьмой было не так-то просто. Обычно ведьмы вообще редко этим занимались,

отдавая своих детей или в Бурую башню или к наставникам.

Наставник. Или наставница. Если отдать им Эрну, Виль её, может, и не найдёт.

Но кто?

В Бурую башню ход заказан. Там девочку заставят принять проклятие.

Нет, нужно найти ведьму, которая, как старая Верена, живёт на своей земле.

Но все ведьмы связаны с Бурой башней.

Не может быть, чтобы больше никто не порвал с общиной.

Их надо просто найти.

Ведьма выдернула волос из косы и показала его дочери.

— Смотри, солнышко...

Её пальцы ловко впряли волос в нить.

— Что ты видишь?

— Нитку, — насторожено ответила девочка.

Ведьма покрутила пряжу перед носом дочери.

— Обычная нитка, ведь правда? Волос совсем незаметен. Но если ты сделаешь несколько стежков на одежде другого человека, он никогда тебя не забудет.

— Правда, мам?! — вспыхнула от восторга девочка.

— Правда, доченька.

Это было самое простое приворотное средство. Оно не вызывало любовь, только память.

Может, не стоило показывать его девочка так рано...

Эрна выдернула у себя целый пучок волос и принялась крутить веретено. Магда засмеялась и отняла волосы.

— Сначала научись нитку прясть, — непреклонно сказала она. — Сперва простое, потом сложное. А я тебя поучу, что при этом говорить, чтобы сбылось загаданное.

Эрна опять насупилась, но на этот раз спорить не стала. За окном уныло шумел дождь, в очаге потрескивал очаг.

Надо найти наставника. Хоть совета спросить, чему Эрну учить сначала, а чему потом.

* * *

Врени стояла, перетаптываясь, за спиной брата Полди.

Перед ними на лёгком изящном кресле сидела хозяйка замка. В прошлый раз она была одета в мужскую одежду и не стеснялась своих коротко стриженных волос, сейчас она была в рыцарском платье [\[18\]](#) цветов своего сюзерена — чёрном с серебристыми полосами. Голову Веймы скрывало тёмное покрывало, поверх которого высился эннен [\[19\]](#). С эннена свисало тонкое полотно, которое непривычному к роскоши монаху казалось сотканным из паутины. Из чёрной паутины и «добрая госпожа» казалась посланницей тьмы. За креслом стоял одетый в кожаные штаны и куртку мужчина, при взгляде на которого у Врени застывала кровь в жилах. Оборотень. Оборотни хороши на *встречах*, где все пьют со всеми, хвастаются, как напугали глупых людишек... и многое такое же в этом духе, о чём позже, днём, не всегда хочется и вспоминать. Но тут! Вампир и оборотень, рядом с ними, в комнате, лицом к лицу! Цирюльнице казалось, что она слышит глухое рычание каждый раз,

когда переносит вес с ноги на ногу.

— Итак, — проговорила вампирша, когда гости достаточно промучались ожиданием. —

Книга. Ты по-прежнему хочешь её продать университету?

— Добрая госпожа...

— Вижу, хочешь. Сколько ты просишь за это сокровище?

— Добрая госпожа, у меня и в мыслях...

— Я наводила справки. Если ты не солгал, за твою книгу можно отдать весь этот замок.

Ты хочешь получить замок, монах?

— Добрая госпожа...

— Я не добрая и я не твоя госпожа, — оборвала его вампирша. — Ты понимаешь, что никто не отдаст тебе столько, сколько стоит твоя Книга? Она бесценна. Но не менее ценен и ты сам, ты, который утверждает, что может и лучше. Так чего ты хочешь? У каждого есть цена.

Она дёрнула уголком рта.

— Во всяком случае, себя ты выставил на продажу.

Монах глубоко вздохнул. Оглянулся на Врени. Та пожала плечами.

— Добрая госпожа, деньги мне нужны не для себя... Я маленький человек и нуждаюсь только в защите и помощи...

— Кто-то хочет убить тебя, монах? — презрительно фыркнула Вейма. — Кому ты нужен?

— Для моего ордена, — закончил Полди.

— А у тебя губа не дура, — отозвалась вампирша. — Ах, да... магистр Эрвин... Ты хочешь знать, кто его убил? Я скажу тебе. Его убили братья-заступники. Но, к сожалению, я не могу тебе дать доказательств. И чего ты хочешь? Чтобы я защитила тебя от них? Или университет? Ты представляешь себе, кто мог бы с ними поспорить?

— Терна, — ответил монах. — Власть Святого престола. Сам Святейший отец.

Вампирша присвистнула.

— Так что же, монах, дать тебе провожатых в Терну? Ты об этом просишь? Или вызвать сюда самого папу и он придёт, чтобы спасти тебя, а?

Брат Полди, казалось, не замечал насмешки.

— Добрая госпожа, — отозвался он вежливо. — Я должен прибыть в Лабаниан, там большой монастырь нашего ордена. И я хотел бы там получить деньги. Я оскорбил бы вас, если бы попросил меньше, чем Книга стоит на самом деле.

Вейма подняла брови.

— И что ты тогда забыл в Раногге на севере, когда тебе надо в Лабаниан на запад?

— Я искал покупателя для Книги, — твёрдо ответил монах.

— И ты считаешь, что нашёл? — хмыкнула вампирша.

— Это уж тебе виднее, добрая госпожа. Я знаю, найти такие деньги непросто, но университет, без сомнения, мог бы это сделать...

— Хорошо, — пожала плечами Вейма. — Отдавай Книгу, я что-нибудь придумаю, чтобы тебе помочь.

— Но у меня нет Книги, — вежливо напомнил брат Полди. — Я её спрятал, потому что боялся, что не смогу пронести её в целости через страну. И не зря: недалеко от Фирмина на меня напали разбойники.

— То есть ты хочешь, — принялась загибать пальцы вампирша, — чтобы я дала тебе

проводящих до твоего тайника, потом проводящих до Лабаниана, а там ещё и потребуешь денег... на домик и коровку... А?

— Добрая госпожа, я не прошу ничего, что бы ни было...

Вейма подняла руку и монах умолк.

Лабаниан. То графство, где Вейму чуть не убили... она была ещё слишком молода и плохо умела притворяться человеком. А учитель смотрел и улыбался. Он вмешался в самый последний момент...

...но вряд ли её узнают в её новом облике, если встретят...

— Мне стоило бы выставить тебя вместе с твоей краденой Книгой, — медленно произнесла хозяйка замка. — Но меня просили разобраться и, в конце концов, такие сокровища нельзя выкинуть на дорогу. Было бы честно отсыпать тебе денег на пороге университета и выставить вон, чтобы ты сам отбивался от воров и грабителей. Но ты просишь ещё и помощи... Эта помощь тебе обойдётся не только в Книгу. Нам нужен ты, монах. Что скажешь?

Брат Полди смертельно побледнел, но казался решительным.

— Добрая госпожа, если ты поможешь мне... располагай мной до самой смерти!

Вейма подняла брови.

Брат Полди был искренним, но... казалось, он немного... нет, не притворялся... но как будто играл. Будто боялся, что иначе она ему не поверит...

— Ты проведёшь в университете немного меньше. Напишешь для нас три книги — и можешь быть свободен.

Брат Полди тихонько охнул. Врени припомнила, что Книгу Врага он писал семь лет. Сколько ему сейчас? Двадцать? Двадцать пять? Вряд ли многим больше. Вампирша предлагала ему провести вдали от родного монастыря столько же, сколько он вообще прожил на свете. В юности это кажется страшным.

— Я согласен, добрая госпожа. Ты дашь мне проводящих?

— Хуже, — мрачно ответила Вейма. — Я дам тебе своего мужа. Он много лет... помогал разным людям. Но тебе нет необходимости идти с ним. Расскажи, где спрятал Книгу — и он сам заберёт твою Книгу и отправит её в университет.

— Но, добрая госпожа, — покачал головой монах, — я должен пойти сам. Только я смогу найти место, куда...

— Посмотри на меня, — перебила его вампирша таким певучим голосом, что все вздрогнули. Монах повиновался и застыл, глядя Вейме в глаза. Врени охнула. Проклятая вампирша снова взялась за свои шуточки!

Вейма отвела взгляд и покосилась на своего мужа. Тот поморщился, но застыл точно так же, как перед тем монах. А потом решительно покачал головой. Вейма пожала плечами.

— Что ж... В таком случае, вы пойдёте вместе.

Она покосилась на цирюльницу.

— И, конечно, ты пойдёшь с ними. Вир, я всё ещё не думаю...

— Мне всё равно придётся открыться, — возразил Вир.

Вейма пожала плечами.

— Как знаешь.

Шателен выступил вперёд, обстоятельно огляделся по сторонам, подпрыгнул и перекувырнулся в воздухе с такой ловкостью, что Врени потрясённо охнула. Следом за ней охнул монах — когда на каменный пол вместо мужчины приземлился здоровенный волк.

— Какой красавец! — вырвалось у брата Полди.

Он присел на корточки так, что его голова оказалась чуть ли не ниже, чем у волка, и протянул руку ладонью вверх. Волк подошёл и понюхал сначала руку, а потом обнюхал человека. Врени попятилась, отчаянно жалея, что здесь некуда спрятаться. Она не была чересчур пугливой, но оказаться в небольшой комнате со здоровенным зверем, которого никто и не думает удерживать — испытание не из лёгких.

Полди оглядел волка глазами, сияющими от восторга — крепкие лапы, пышную гриву, густую шерсть, пушистый хвост...

— Обожаю собак, — заявил он и вдруг вздохнул. — Дома у меня была собака почти такая же крупная, как и ты, добрый господин.

Волк забавно встряхнул головой, взвился в воздух и кувыркнулся обратно. Врени облегчённо выдохнула, снова увидев человека. Она понимала, что опасность никуда не делась, но всё-таки оборотень в человеческом облике внушал меньше ужаса, чем в волчьем.

— Зачем тебе собака? — грубо спросила она. — Вы же бедный монастырь, пасёте скот и пашете на огороде. Или ты сам за стадами ходил?

Брат Полди взглянул на неё с упрёком.

— У нас рядом горы. Как бы мы помогли путникам, которых застала врасплох лавина, если бы нам не помогли наши младшие братья?

— А! — прояснилось лицо у Веймы. — Конечно! Сюдос! Как я забыла? Знаменитый перевал? Так это вы с собаками спасаете попавших в беду путников?

— А говорил — только переписчиками и славитесь, — пробормотала Врени.

Полди покачал головой.

— Тому, кто служит Заступнику, не пристало хвастаться добрыми делами, — пояснил он. Лицо его внезапно омрачилось. Вейма принюхалась.

— Ха! Рассказывай, монах! Кто умер у тебя на руках? Кого ты не смог спасти? Не отворачивайся. Я-то вижу, как ты помрачнел. Ну же!

Она посмотрела так строго, что брат Полди поёжился и опустил голову ещё ниже.

— Я не знаю, добрая госпожа, — глухо пробормотал он. — Он... я не знаю его имени. Он умер. Я нашёл при нём... отец приор сказал, что это может быть важно.

— Бумаги, — медленно произнесла Вейма. — Прекрасно. Теперь появляются ещё и бумаги. Украденные у мёртвого.

— Госпожа, я клянусь тебе, в моих действиях нет ничего дурного. Добрая госпожа, молю, поверь мне! То, что я нашёл... это предательство братьев-заступников! Это секрет, который...

— Замолчи, — тихо произнесла Вейма. — И убирайся. Завтра на рассвете вы уйдёте отсюда...

Она помолчала и, глядя на бледное лицо монаха, добавила:

— Вир пойдёт с вами. Он отнесёт книгу в университет, а ты отправишься в город Сетор. Там будет проходить рыцарский турнир, на котором соберётся весь Тафелон.

— Но я не...

— Сетор находится у самых границ Лабаниана, — пояснила вампирша. — Там я смогу передать тебе деньги и помочь добраться туда, куда тебе нужно.

Она помолчала, с сомнением на монаха.

Его стоило бы прогнать...

...он бесценен...

То, что он несёт, может навредить братьям-заступникам.

...это прекрасно...

* * *

Брат Полди дождался, когда они останутся одни с Врени на дороге в деревню и тихо спросил:

— Он оборотень?

— Как ты догадался? — издевательски ответила цирюльница. — Кто бы это ещё мог быть?

— Все мы дети Создателя, — со своей обычной кротостью отозвался монах.

— Он проклятый, — зло напомнила Врени. Брат Полди пожал плечами.

— Святой Батсо, основатель ордена нищенствующих монахов, проповедовал перед волками, — сказал он. Я иногда думаю, не были ли это оборотнями. Ведь волки не понимают человеческой речи.

— Да ну? — недоверчиво отозвалась цирюльница.

— Я бы проповедовал перед собаками, — вздохнул монах.

* * *

— Я не хочу ехать в Сетор, — тихо сказала вампирша, когда они с мужем остались одни.

Вир обнял её за плечи и притянул к себе.

— Я кое с кем поговорил, — ответил он. — На время турнира Сетор объявят местом сбора *клана*. Любой вампир может приехать туда и на него не будут нападать его сородичи.

— Сетор! — вывернулась из объятий вампирша. — Нас с учителем там чуть не убили!

— Ну... — со смешком притянул её обратно к себе оборотень, — прежний хозяин Сетора был старомоден...

— Старомоден?! Да он бросался на любого вампира, которого видел!

— Ты ведь никогда не общалась с братьями по клану? — спросил Вир. — Ты знала только своего учителя, который не знакомил тебя с другими вампирами, и немного Липпа.

— Ну и что? — нахмурилась Вейма.

— Они все такие, — пояснил оборотень. — Совершенно не терпят себе подобных, тем более близких им по силе. Да и ты тоже. Ты же даже имени Липпа слышать не хочешь.

— Я не хочу слышать его имя потому, что он сильнее меня и едва не погубил Магду, — надулась вампирша.

— Не бойся, — крепче обнял её оборотень. — Твоему пугалу в Сеторе давно брошен вызов. Сейчас у Сетора другой хозяин, более... сдержанный. Не советовал бы тебе ехать туда одной, но на турнир он тебя пропустит. Как и других.

Вейма передёрнула плечами — насколько это позволяла крепкая хватка мужа. Пустит, ага! Похоже, в Сетор явится много вампиров, конечно, хозяину города выгоднее делать вид, что он их гостеприимно принимает, чем принять безнадежный бой сразу со всеми.

— Но я-то не дочь *клана*! — напомнила она.

— О тебе я договорился, — успокоил её Вир.

Вейма вздохнула.

Для клана она не была ни вампиром, ни женой Вира. Она была его рабыней, наградой, которой он потребовал у проклятых за свою помощь с Гандулой — развалинами замка старого Дюка, где проходили *встречи*. Он сумел сохранить эти развалины... развалинами. Союз баронов так и решился ничего строить на этом месте. И когда он потребовал отдать ему её — вампиршу, не пьющую крови, женщину, сбежавшую от него, проклятую, нарушившую его территорию, её просто... отдали. Как вещь. Как нечто ненужное. Кто-то хотел, чтобы её убили. Кто-то считал, что отдавать оборотням детей клана, пусть и провинившихся — неверно. Но в конце концов её швырнули к его ногам — забирай, пёс. И теперь он договаривался, чтобы вампиры... сделали вид, что её нет.

Она жива только пока он просит за неё.

— Я не хочу, — устало уткнулась она лбом в её плечо.

— Ты должна сопровождать свою госпожу, — напомнил оборотень. — Ты — её советница. Она и так отпускает тебя жить здесь, со мной, не требует, чтобы ты всё время была подле неё.

Вейма скривилась, но промолчала.

Некоторые вещи невозможно исправить.

Если ты больше не доверяешь человеку... бесполезно притворяться, что это не так.

Виру прощё.

Он предан барону — и точка. Он умел быть преданным.

Вейма... не умела.

— Она была молода и напугана, — мягко произнёс Вир.

Вейма промолчала. Когда она была молода и напугана, её обратили в вампира и вскоре бросили скитаться одну, необученную, неспособную себя защитить. Она боялась всего и больше всего — саму себя, то чудовище, которое в ней жило после обращения. То чудовище, которым она стала. Вампир, который теряет сознание при виде крови — вот чего она добилась своими попытками отторгнуть новую сущность! Вир как-то не собирался извинять её слабость, её страх, её молодость. Он спас ей жизнь, а после угрозами и хитростью заставил остаться с ним.

Глава вторая

Оборотни

Врени быстро шагала по дороге, но едва поспевала за размашистым шагом оборотня. Он вроде бы и не торопился, но легко оставлял спутников позади. Брат Полди упрямо ковылял последним. Он был упорным и, даже смертельно устав, упорно шёл вперёд. Врени подозревала, что он с непривычки сбил себе ноги.

— Монах, — угрюмо произнесла цирюльница. — Так ты никуда не дойдёшь. Сядь.

Вир прошёл немного вперёд и остановился, пережидая, пока цирюльница перевяжет монаху ноги.

— Зря ты отправился в путь, монах, — сухо сказал оборотень.

Полди поднял на него отчаянный взгляд. В бледно-карих глазах монаха плескалась боль.

— Это мой долг, — ответил он. — Я дойду.

Врени пожалала плечами. Они шли уже пятый день. Когда Вир чуял людей, он уводил монаха и цирюльницу в лес. Это замедляло путь, но давало монаху возможность отдохнуть. Полди не жаловался и не просил пощады. Врени подозревала, что он там бы и шёл, не останавливаясь, пока не свалился бы. Она ещё подозревала, что оборотень предпочёл бы пробежать через лес на четырёх ногах, но ради спутников шёл на двоих и по дороге. Деревни они тоже обходили. Вечерами оборотень оставлял их одних и воровал в деревнях еду. Брат Полди пытался отказываться, но цирюльница пригрозила накормить его насильно. Ей было плевать на такие вещи. Пусть этот грех будет на совести оборотня, ей дела нет. Хуже всего было ночевать в лесу. Из предосторожности они не разводили костров и осенью было уже слишком холодно. Приходилось жаться друг к другу. Брат Полди дрожал от стыда и смущения, но возражать не осмеливался. Вир менял облик и убегал в лес что-то разведать, но к середине ночи возвращался и прямо в волчьем облике приваливался к ним. Тогда брат Полди расслаблялся, согревался и мог уснуть. А вот Врени, напротив, принималась мелко дрожать от страха, ненавидя и себя, и оборотня за то, что может промолчать, но не может скрыть от него свой ужас.

Впереди высились горы. Врени очень надеялась, что им не придётся туда карабкаться. В горах не так много дорог, чтобы они могли затеряться, а, если придётся идти до самого монастыря... хуже всего, что через лес по краю человек ещё пройти может, там, где лес не слишком густой. А вот по горам пройдёшь не везде.

— Долго ещё идти-то? — хмуро спросила она.

Брат Полди рассеянно огляделся по сторонам.

— Я думаю... к вечеру дойдём.

— Хотелось бы, — буркнула цирюльница. Вир промолчал.

* * *

— Деревня, — вечером сказал оборотень задолго до того, как Врени что-то услышала и даже увидела. — Там, за поворотом дороги.

— Нам надо туда, — подал голос монах.

Он немного подумал и добавил:

— Но, наверное, лучше дожидаться ночи...

— Ты спрятал книгу в деревне? — подняла брови Врени, следом за оборотнем сходя с дороги в лес. Она давно изодрала плащ о ветки, на рясу монаха смотреть было страшно, а Виру, разумеется, хоть бы хны.

— У меня там друг, — пояснил монах.

— Я думала, ты всю жизнь провёл в монастыре, — удивилась Врени.

— Да, — коротко ответил брат Полди.

Вир рыкнул, напоминая людям, чтобы они замолчали. По его мнению, они поднимали слишком много шума. По его мнению, люди вообще слишком много шумели, суетились и пахло от них тоже слишком сильно.

* * *

— Нам надо выйти к окраине, — шёпотом сказал Полди, когда вслепую шёл за оборотнем ночью. Вир что-то прорычал.

— Ты сможешь найти нужный дом? — спросила Врени.

Полди покачал головой, потом понял, что его не видят и ответил:

— Нет, не могу. Надо просто обойти деревню.

— И что? — разозлилась цирюльница. — Твой друг сам нас найдёт?!

— Да, — просто сказал монах.

Он шёл, стараясь не шуметь, обходя окружающие дома. По мнению Вира, у него получалось очень плохо, по мнению Врени... тоже не очень. Монах в темноте натёкался на все корни, то и дело спотыкался. Если бы не Вир, он бы ещё и падал. Вдруг послышался лай.

Брат Полди сказал какое-то слово на непонятном Врени языке. Виру показалось, что что-то такое он слышал от знавшей древний язык жены, но точно он не был уверен. Лай сделался громче. Полди сказал что-то ещё и лай смолк. А потом над забором взвилась огромная тень...

Оказавшаяся здоровым, ростом чуть ли не с медведя, как показалось Врени, псом. Вир презрительно попятился, а пёс метнулся к Полди и подмял его под себя. Дёрнувшуюся на помощь цирюльницу задержал оборотень.

— Оставь, — коротко сказал Вир.

Врени прислушалась. Из-под мохнатого тела доносилось что-то очень похожее на любовное воркование, только на непонятном ей языке.

— Это — твой друг?! — потрясённо спросила она.

Монах что-то невнятно ответил.

— Мы слишком шумим, — раздражённо сказал Вир. — Монах!

Полди с трудом отпихнул пса и сел, погрузив пальцы в густую шерсть.

— Это мой друг, — сказал он. — Руфус. Он помогал нам, пока не состарился, а теперь живёт на попечение доброго человека...

Он слегка замялся.

— Этот человек... ему щедро заплатили за то, чтобы он ухаживал за Руфусом. Но он, кажется, думает, что Руфус сторожевая собака.

Монах коротко рассмеялся.

— Я постучался к нему, просил о приюте, но он закричал, что спустит на меня собаку. Я

говорил ему о Заступнике, а он свистнул Руфуса... я побежал в лес, Руфус, конечно, за мной... потом он вернулся, а я пришёл следом.

— Добрый человек, — хмыкнула Врени.

Брат Полди встал. От недавней его усталости не осталось и следа.

— Прекрасный мой, — сказал он собаке на древнем языке, — сильный, красивый, умный. Красавец. Спаситель.

Собака тыкалась в него носом, напрашиваясь на ласку.

— К сожалению, я не могу предложить вам разделить гостеприимство моего друга, — с явным сожалением произнёс монах, — его жилище слишком тесно. Мы встретимся на рассвете.

Он подтолкнул собаку и та перескочила через ограду назад, а сам Полди нащупал дыру в заборе и с трудом протиснулся туда.

Проклятые остались стоять.

— Жилище?! — переспросила Врени.

— Наверное, конура, — предположил Вир.

— Прекрасно, — процедила цирюльница. — Он будет ночевать в конуре, а мы где?!

Она почувствовала, как устала от постоянных ночёвок в лесу, от ощущения занемевшего и озябшего тела, от запаха волчьей шерсти...

— Я могу предложить тебе разделить гостеприимство моего друга, — с еле заметной усмешкой произнёс Вир. — Если ты не побрезгуешь переночевать в доме оборотня.

* * *

Они снова шли через лес. Проклятый оборотень плутал и даже, кажется, ходил кругами. Двигался он совершенно бесшумно и Врени приходилось держаться за его пояс. Куда он её вёл, она запуталась уже давно и женщине внезапно стало страшно. Дура она, дура. Идёт неизвестно куда, в темноте, в лес... С оборотнем.

— Верю в *Освобождение*, брат, — тихонько сказала она.

— А? — не понял оборотень. — Ах, это. Брось. Хотел бы тебя съесть, далеко ходить не надо было.

— Верю в *Освобождение*, брат, — настойчиво повторила Врени.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — раздражённо отозвался оборотень и вдруг завыл — протяжно и жутко.

Врени похолодела, но тут раздался ответный вой и она вынуждено придвинулась ближе к своему жуткому провожатому. А после в темноте перед ними что-то заскрипело.

— Серый? — раздалось ворчание, в котором человеческая речь смешивалась с волчьим рычанием. — Заходи.

— Иди за мной, — приказал Вир.

Врени кое-как разглядела в темноте перед ними стену. Подошла, коснулась рукой. Каменная. Оборотень ухватился за что-то и легко перемахнул через стену. Внутри раздалось ворчание и Врени ударило что-то по голове.

— Не стой там, — приказал Вир. — Залезай.

Цирюльница разобралась, что ей скинули верёвочную лестницу. В таких делах она была не мастерица, но кое-как смогла забраться внутрь. В за стеной стоял каменный дом и в

окнах его горел свет. В раскрытых дверях стоял незнакомый оборотень.

— Заходи, — пригласил он. — Я Хлольф.

— Верю в *Освобождение*, брат, — поспешно сказала Врени.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — хмуро ответил оборотень.

Врени вошла в дом. Там было... обычно. Очаг посреди единственной комнаты, немудрящая мебель, пара сундуков. Вкусно пахло выделанной кожей. Горел огонь. У самого очага сидела хрупкая женщина в плаще светлых волос поверх обычной одежды и шила что-то из кожи.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — сказала ей Врени. Женщина подняла на неё ничего не выражающий взгляд голубых глаз и ничего не ответила.

— Илса тебя не понимает, — раздалось откуда-то сверху. — Она волчица.

Врени подняла взгляд, ругая себя на рассеянность.

В доме не было потолка и под самой крышей на балке сидела ещё одна женщина — в сером платье, отороченном мелкими чёрными пёрышками. В неровно обрезанных тёмных волосах тоже торчали перья.

— Я ворона, — представилась женщина.

— Это моя сестра Марила, — хмуро сказал Хрольф. — Она человек.

— Я ворона! — настойчиво повторила Марила.

— Будете ужинать? — спросила женщина у очага.

— Будем, — за двоих ответил Вир.

— Я тоже хочу, — закричала сверху Марила. — Сейчас...

Она заёрзала и тут женщина у очага поспешно вскочила, схватила стоящую у стены тяжёлую лестницу и легко приставила её к балке.

— Я бы и так слетела, — заявила женщина, но всё же спустилась по лестнице. — А ты кто?

— Я Врени, — сказала цирюльница.

— А кто ты?

— Эээ... цирюльница, — отозвалась проклятая.

— Так ты лечить умеешь? Здорово! Я давно ищу лекаря!

— Ты хочешь лечиться?.. — с сомнением спросила Врени.

— Да! У меня крылья слабые. Машу ими, машу, а в воздух не поднимаюсь!

И она захлопала рукавами. Врени почувствовала, как сама сходит с ума.

— Она устала, Марила, — сказала Илса.

На гостью она смотрела хмуро и не спешила подходить ближе. На Марилу — со смесью любви и сожаления.

— Это моя жена, — запоздало представил Хрольф.

— Хрольф нашёл её в лесу! — тут же пояснила Марила. — Она волчица.

— Ужинай и спать ложись, Большеногая, — приказал Вир. — Не бойся, никто тебя до утра не съест.

Оборотни переглянулись и засмеялись неприятным лающим смехом.

Илса кинула в угол шкуру и указала на неё цирюльнице. Женщина поспешно кивнула и взяла у волчицы миску с кашей.

— Благодарю, хозяйюшка, за приют и ласку, — проговорила она.

— Не за что, — неприветливо отозвалась Илса.

— Она людей не любит, — пояснила Марила. — А я ворона. Я раньше на мельнице

жила.

— А потом люди мельницу сожгли, — подхватила волчица. — Будет ляды точить.

Врени поспешно занялась едой. Ей казалось, что Илса в любой момент может перекинуться и наброситься на неё. Да и мужчины доверия не внушали. Впрочем, они давно занялись своим разговором.

— Вот таких самострелов смогу шпук десять до турнира тебе отдать. Мечи готовы. Остальное только после турнира. Заказ большой взял.

— Опять ты со своими заказами, — раздражённо отозвался Вир. — Мы же договаривались, что ты всё закончишь в срок!

— Заплатили больше, — пожал плечами Хрольф. — Будут тебе самострелы. Я знаешь какой там ворот поставил? Доспех пробивает!

Вир что-то невнятно прорычал. Врени доела кашу и Илса непреклонно указала ей на шкуру.

— Я тоже спать буду, — заявила Марила, но Илса поспешно ухватила лестницу и прислонила её к стене. Безумная подскочила к лестнице и попыталась сдвинуть её к балке. Лестница даже не шелохнулась.

— Ну, Илса! — надулась сумасшедшая.

Илса указала ей на покрытый тюфяком сундук. Марила пожала плечами, но больше спорить не стала.

— Завтра я всё объясню, — посулила Марила гостье и отправилась спать на сундук.

* * *

Вир разбудил Врени ещё до рассвета, когда небо только-только начало светлеет. Марила сладко спала и оборотни заспорили — зловещим шёпотом, то и дело переходя на вой и короткое волчье влзлаивание, — надо ли завязывать женщине глаза. Илса утверждала, что гостья свалится и сломает шею, Вир — что она никому не скажет, а Хрольф — что людей не жалко. С этим Илса согласилась, а Вир не стал спорить и Врени завязали глаза ещё до того, как выпустили из дома. Цирюльницу обвязали под мышками и Вир перетащил её через стену. Вернул верёвку хозяевам и повёл по лесу, так и не развязывая глаза.

— Почему мы не вышли через ворота? — спросила цирюльница.

— Ворота там никому не нужны, — отозвался Вир.

— А что такое Марила говорила об Илсе? Что значит — волчица?

— То и значит. Не все оборотни растут людьми. Некоторые — волками. Медленней, чем обычные, конечно. Она перекинулась в человека переярком^[20]. Такое бывает, хотя и редко.

— А... Марила?

— А Марила увидела, как брат перекидывается, и сошла с ума. Ворон-то волки не трогают. Раньше жила с людьми, потом они её в лес забрали.

— А...

— Тихо.

Впереди показался забор. Гавкнул пёс. Вир что-то взлаял в ответ. Собака заскулила.

— Монах, — тихо позвал оборотень.

Скулёж усилился. Потом из дыры в заборе показался брат Полди, прижимающий к себе

какой-то здоровый свёрток.

— Всё взял? — уточнил оборотень. Полди кивнул.

— Уходим отсюда, — приказал Вир.

Они вернулись в лес. Вслед им скулила собака.

— Здесь всё, — просто сказал Полди, вручая оборотню свёрток.

— Что это, одеяла? — удивилась Врени.

— Завернул, чтобы Руфус не растрепал, — пояснил Полди. Он у меня, конечно, послушный, но кто знает... но он ждал меня и охранял.

Вир тем временем снял сумку, положил в неё свёрток, повозился с пряжками и подпрыгнул в воздух. На землю приземлился волк, который просунул в ремни морду и лапы. Сумка удобно пристроилась у него на спине. Волк встряхнулся и скрылся в лесу.

— Он, что, насовсем ушёл? — ошарашено спросил Полди.

— Похоже на то, — отозвалась не менее ошарашенная Врени. — Ты же просил книгу доставить, а не тебя.

— А нам куда?

Врени пожала плечами.

— Подальше отсюда.

— Через лес?

— На дороге нас заметят.

— А ты знаешь как пройти через лес?

Врени пожала плечами.

— Туда, — ткнула она на северо-запад.

Полди с сомнением посмотрел на в ту сторону. Подлесок рос так густо, что им пришлось бы прорубать дорогу.

— Может, выйдем на дорогу? — всё-таки предложил монах.

Врени задумалась. Возможно, стоило выйти на дорогу. Она предпочла бы выйти подальше отсюда, там, где их никто не мог бы связать с монастырём монаха. Но через лес ей не прорубиться — с одной-то бритвой. И потом, здесь могут водиться не только оборотни.

Пока она думала, что-то свистнуло, чавкнуло и цирюльница с монахом как зачарованные уставились на вонзившуюся в дерево стрелу. Врени посмотрела туда, откуда она прилетела. Из-за деревьев неторопливо выходил Хрольф, держа в руках здоровенный самострел. При свете дня Врени увидела, что у него такие же серые волосы, как и у Вира, а вот глаза голубые. Двигался он сторожко и одновременно размашисто.

— Хороший самострел? — спросил он вместо приветствия. — Не хочешь купить? Это ваш монашек? Собаками несёт. Эй, монах, посмотри. Такого самострела тебе никто не продаст.

— Данные мной обеты... — начал брат Полди.

— У нас нет денег, — оборвала его Врени. — Верю в *Освобождение*, брат.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — неохотно отозвался оборотень. — Ты подумай. А, может, меч хочешь? Кинжал? Топор?

— Нам ничего не нужно, — решительно отозвался монах. — Мы — мирные путники.

Он помедлил и всё-таки добавил:

— Но, добрый человек, если ты покажешь нам дорогу к Сетору...

Хрольф не ответил. Он повернулся в ту сторону, откуда пришёл. Врени посмотрела туда же и снова прокляла себя за невнимательность. Между деревьев стояла сумасшедшая сестра

оборотня.

— Вы идёте в Сетор? — обрадовалась безумица. — На турнир? Я иду с вами!

— Я провожу вас до Дитлина, — пояснил оборотень. — Короткой дорогой через лес. А дальше присоединитесь к чьему-нибудь обозу.

— Она с нами?! — ахнула Врени. — Но...

— Если он, — оскорблённо кивнула сумасшедшая на брата, — может притвориться человеком, то и я смогу!

Хрольф повернулся к сестре.

— Ты обещала...

— Я ни слова больше не скажу! — торжественно поклялась Марила и хихикнула. — Люди такие смешные. Они не видят ворону, даже когда я стою у них перед носом! А кто этот смешной человечек?

— Это брат Полди, — пояснила Врени.

— Твой брат? — обрадовалась безумица.

— Нет! Он монах.

— Монах? — захлопала глазами Марила. — Ах, это которые бреют головы, плохо едят и боятся женщин?

Брат Полди покраснел и не нашёлся с ответом. Сумасшедшая подошла к нему — она была с ним одного роста и отнюдь не дурна собой, несмотря на сажу на лице и перья на одежде и в волосах. Монах попятился. Марила похлопала его по плечу.

— Не бойся меня, — снисходительно сказала она. — Я не женщина, я ворона.

— Марила... — укоризненно произнёс её брат.

— Но он же должен знать! — возмутилась сумасшедшая. — Иначе он будет бояться всю дорогу.

— Пусть боится, — отозвался Хрольф. — Слушай, монах. Моя сестра хочет повидать мир. Ей тяжело с нами сидеть в лесу. Ты её проводишь до Сетора и позаботишься, чтобы её никто не обидел.

— Но я сам слаб и беспомощен... — удивился монах. — Разве ей не безопасней будет с тобой?

Хрольф только рыкнул.

— Марила привлекает слишком много внимания, — пояснила Врени. — И не может быстро скрываться, если вдруг придётся туго. Так, Хрольф?

— Так, — рыкнул оборотень. — Вы скажете...

— Я скажу, что мы идём поклониться мощам святого Герарда, — нашёлся брат Полди. — Он исцеляет больных и просвещает заблудших.

— Мощам? — подняла брови цирюльница.

— Ты что же, думаешь, — обиделась Марила, — если я ворона, то меня и в церковь не пускали?

Врени опять почувствовала, что сходит с ума.

— И ты за это дашь нам самострел? — скептически уточнила она.

— Я за это оставлю вас в живых, — неприятно усмехнулся оборотень. — И покажу дорогу через лес. По-моему, достаточно.

Он повернулся и пошёл прочь. Марила дёрнула за руки монаха и цирюльницу.

— Пойдём же! — закричала она.

Она пошла следом за братом, потом повернулась к своим будущим товарищам.

— Вы не бойтесь, — сказала она, — он людей не ест.

По лицу сумасшедшей прошла странная тень, но потом она снова просияла.

— Он вообще добрый, — заверила Марила.

Полди и Врени переглянулись. Делать было нечего.

Глава третья

В дороге

— Мы будем в Сеторе через неделю, — заявила Нора. Как и Вейма, она была одета в чёрное серебром, только вместо простого полотна на ней было бархатное платье с длинным шлейфом. Голова её была прикрыта серебристой вуалью.

— Да, ваша милость, — кивнула вампирша. Они сидели в баронском доме в Тамне. Отсюда верхом было около трёх-четырёх дней до Сетора, но будущая баронесса должна была ехать с помпой.

— Мне не нравится, что Вир с тобой не едет, — проворчала Нора.

— Он присоединится к нам в Сеторе, — ответила вампирша. Нора пристально взгляделась в советницу.

— Вы что-то затеяли, — подозрительно сказала она. — Мне не нравится твой отчёт о Латгавальде. Ты говоришь, что деревня процветает, а привезла так мало. Чем вы занимаетесь? Где подати?

— Мы привезли всё, что могли, — ровным голосом ответила Вейма.

— Ты обещала послать работников в Барберг, — напомнила Нора.

— Пришлю, когда закончится страда, — так же ответила вампирша.

— Отец раньше вернётся из похода, чем мне построят замок! — рассердилась дочь барона. — Ты могла бы помочь.

— Да, ваша милость, — кивнула Вейма. — Я найду мастеров. Но они захотят денег.

— Ты же можешь их заставить! — возмутилась Нора.

— Нет, ваша милость. Люди не забывают такие вещи. Это привлекло бы к вам слишком много внимания.

Нора передёрнула плечами.

— Никакого прока от тебя нет!

— Да, ваша милость.

— Перестань! — вспыхнула Нора.

Вампирша промолчала. Она втайне ненавидела свою госпожу. За тот день, когда та воспользовалась слабостью наставницы, за ту капельку крови, из-за которой Вейма потеряла сознание и не смогла удержать подопечную от побега. За взятый без боя замок барона, защитники которого открыли ворота перед захватчиками, привезшими под стены связанную дочь властителя. За Магду, которую чуть не сожгли, потому что братья-заступники поймали её в ещё недавно безопасном замке. За всё.

Но больше всего Вейма ненавидела Нору за то, что та захотела обрести власть, недоступную обычным людям, — и обрела её.

— А учитель собирается на турнир? — спросила баронская дочь.

— Мастер Лонгин писал, что там будет, — кивнула Вейма.

— А... его жена? — опасливо спросила Нора.

Женщины обменялись понимающими взглядами. Виринею они не любили обе. Вейма на дух не переносила окутывающий белую волшебницу гибельный для вампиров свет, а Виринея уверяла, что в последнее время Вейма сделалась злой и жестокой. Что касается Норы, то та не выносила жену наставника за то, что волшебница была категорически против её обучения.

Вообще-то чёрные волшебники редко брались учить кого бы то ни было вне Чёрной башни с её раз и навсегда установленными правилами. И тем более неохотно они связывались с феодалами. Они считали, что занятия серьёзной магией несовместимы с управлением людьми, к тому же бароны всегда на виду и скрыть принадлежность к волшебникам будет трудно. А до чего додумаются люди, если узнают, что их правитель занимается чёрной магией, можно себе представить. Братья-заступники только и ждут, когда им представится случай похозяйничать на чужой земле.

Но в этот раз Лонгин согласился.

Было заключено соглашение между Норой и проклятыми. Лонгину ничего особенно не было нужно — кроме денег и кое-каких возможностей для кое-каких испытаний в безлюдном месте. Но он согласился поторговаться и за других.

— Ты была в Кордуле? — неохотно спросила Нора.

— Да, ваша милость, — покорно ответила Вейма.

Нора помялась. Во исполнение соглашения между нею и проклятыми, она давала клятву, подтверждённую письменно, что Ордула и Латгавальд перейдут к Виру и его наследникам, кровным или усыновлённым, не важно, с правом управления и проживания, хотя Нора и останется госпожой как всего Фирмина, так и этих земель и будет получать свою долю с оброка.

— И... — ещё более неохотно спросила наследница барона. — Как... *они*?

Кроме прочего Нора обязывалась родить наследников «если муж не будет ей слишком противен» и не вмешиваться в их воспитание. Нора к тому моменту уже успела увидеть возмужавшего Клоса, одного из многочисленных младших сыновей графа цур Вилтина и юноша вовсе не был ей противен. Они сходились несколько раз и сейчас у наследницы Фирмина было трое сыновей, которые были отданы на воспитание отцу, едва для матери было прилично от них отказаться. Старший должен был унаследовать баронство, едва ему минет семнадцать лет, остальные скорее всего войдут в свиту сперва своего деда, а после дяди, пока ещё молодого рыцаря Бернда. Клос же почти постоянно жил в графстве отца, получая не слишком щедрое содержание от тестя. Содержание он целиком спускал на пирушки и девок, которыми окружал себя. Арне, самый старший брат, отказавшийся от наследства отца из-за того, что стал оборотнем, вежливо говорил, что у Клоса слишком много жизнелюбия.

Вейма по распоряжению Норы иногда навещала графство Вилтин и смотрела, как растут дети. Перед тем, как явиться к Норе, Вейма отвезла туда своего приёмного сына. Няньки графства Вилтин могли присмотреть за ещё одним ребёнком.

— Алтман получил первый меч, — доложила Вейма. — Брунса впервые посадили на коня. Вилберт здоров и весел на руках кормилицы.

Мальчики были здоровыми и сильными, дед растил их вместе со своими многочисленными внуками и младшими сыновьями. О матери с ними почти никто никогда не говорил, хотя Вейма обязательно привозила им «подарки от вашей почтенной матушки», которые для мальчиков придирчиво выбирал Вир. Все подарки очень нравились мальчикам. Хотели ли они видеть мать? Вейме казалось, что не особенно. Дед окружал их заботой, няньками младших, дядькой старшего. Они не страдали от пренебрежения.

— Очень хорошо, — кивнула Нора, не желая дальше обсуждать своих сыновей.

Все условия Лонгину продиктовала Магда, которая, в свою очередь, внимательно выслушала советы Вира. Что заставило волшебника согласиться с ведьмой, Вейме было

непонятно. Кажется, ему было всё равно, что просить, лишь бы условий было так много, чтобы ученица сама отказалась. А, может, он действительно хотел помочь приятельнице.

Во всяком случае, Нора теперь была личной ученицей чёрного волшебника. Училась она, как и прежде, неохотно, а Лонгин был не из терпеливых учителей. Но всё же у наследницы барона постепенно начинали получаться первые иллюзии и смешиваться кое-какие особенно вредные составы.

— Завтра выезжаем, — сухо сказала наследница барона.

— Да, ваша милость, — кивнула Вейма. Она не очень любила города. Тут было трудновато охотиться, хотя коз, конечно, тоже держали, но попробуй ещё пробраться в городской дом! И она никогда не знала, нет ли поблизости другого вампира. Если он окажется рядом, она просто не успеет сбежать, ведь обычно вампиры сильнее и быстрее неё, пьющей кровь вместо молока.

Нора помедлила, но всё же спросила:

— Скажи, а Клос собирается в Сетор?

— Да, ваша милость, — опять кивнула вампирша. Она пристально вглядывалась в свою госпожу, но так и не смогла понять, что та чувствует.

Вейме казалось, что, при внешней беспечности, Клос в свою очередь был уязвлён тем, что жена отказывается жить с ним под одной крышей, однако вслух юноша ничего не говорил. Отец то и дело требовал, чтобы рыцарь отвлекался от своих пирушек и осваивал военное дело, не только бой, но и стратегию и тактику. Как муж будущей баронессы цур Фирмин, Клос должен был возглавить войска Тафелона, если дойдёт до серьёзной войны. Пока юноша, по мнению Веймы, обещал не слишком много и оставалось надеяться, что ему не придётся показывать свои способности на деле. Вир, впрочем, был настроен на лучшее и даже время от времени уезжал поднатаскать мужа своей будущей госпожи.

* * *

Идти с Марилой было одно мучение. Как и брат Полди, она не привыкла далеко ходить, но не обладала его упорством и стойкостью. В первый же день после того, как они расстались с её братом, сумасшедшая сбила ноги и плакала от боли как ребёнок. Врени предложила вскрыть мозоли и перевязать ноги лечебными повязками, но Марила забилась в истерику, крича, что она точно знает: будет больно. К тому же она боится железа. Одним словом, она не позволит себя резать, а если Врени будет настаивать, она пожалуется брату и тот их съест! Пришлось обойтись перевязкой и ждать, не проедет ли кто по дороге. Им удалось напроситься в телегу, в которой крестьяне везли оброк графу цур Дитлину. Вернее, туда пустили воющую от боли сумасшедшую, а Врени и брат Полди пошли пешком. Цирюльница очень боялась, что Марила проникнется доверием к крестьянам и расскажет им что-нибудь о своём брате, а нет, так рассердится и пригрозит его зубами. Но Марила держала слово и старательно «притворялась человеком». Разве что заладила время от времени поворачиваться к своим спутникам и то подмигивать, а то прикладывать палец к губам: молчите, мол. Полди на ходу повторял молитвы, а Врени разговаривалась с крестьянами об оброках, вредителях, видах на урожай (не оправдавшихся из-за осенних дождей) и о том, что, какие бы ни были урожаю, графу всё мало. Бароны не могли ему простить участия в мятеже самозванного Дюка семь лет назад и своё графство Дитлин

сохранил только благодаря щедрому выкупу, который продолжал выплачивать и по сей день.

Доверием Марила прониклась к цирюльнице и разговорилась, когда они остались одни на сеновале на постоялом дворе. Под крышу дома их никто не думал пускать: перед турниром все дороги были заполнены путниками. Монах, не оставляющий надежды, что Заступник «просветит тёмный разум несчастной», присоединился к ним.

— Папаша наш был колдун, — рассказывала сумасшедшая. — Всё хотел открыть, как человеку можно зверем стать. И открыл. И на брате проверил. Я всё видела! Зубищи — во! Лапищи — во! Глазищи!.. Завыл и в лес убежал. А я вороной стала и улетела на мельнице жить. Мельник добрый был, пустил меня на чердак.

— А почему ты оттуда ушла? — мягко спросил монах. Сумасшедшая непонимающе на него уставилась.

— А, ты не знаешь... Так сожгли мою мельницу. Люди... Люди говорили, что колесо моему мельнику Враг крутит... А там болезнь к нам пришла. Люди меня винили...

Она помолчала и вдруг крикнула каким-то чужим, не своим голосом:

— Ворона на хвосте принесла!

— И ты ушла?

— Куда там! Дверь люди подпёрли, а меня крылья не носят. Болею, что ли?.. Не пойму... Братец еле успел. Сам чуть не обгорел тогда. Хорошо, он кузнец и жара не боится. А мельница так и сгорела.

Брат Полди ошеломлённо молчал. Врени пожалала плечами. Обычная история.

— Ты спроси, что потом с деревней стало, — посоветовала цирюльница, отлично знавшая, чем заканчиваются такие истории. Обратни очень не любили, когда люди начинали преследовать колдовство, и совсем они не любили, когда нападали на кого-то из них. Для расправы они могли собраться со всей страны — и те, кто жил, скрываясь, среди людей, и те, кто, по слухам, поселился где-то за Серой пустошью, подальше от человеческого жилья. Марила зябко передёрнула плечами и не ответила.

Воцарилось долгое молчание, которое снова нарушила сумасшедшая.

— Ты не думай, Илса очень добрая. Правда, никак не может поверить, что я ворона. Когда... Когда мы среди людей жили, она всё сердилась, если меня так звали. Говорила, дескать, это сестра наша, Марила, у неё имя есть! А зачем спорить? Если я ворона!

— Ты ведь обещала притворяться человеком, — мягко напомнил брат Полди.

Врени с благодарностью на него покосилась. Сама она могла и не сдержаться и стукнуть упрямую юродивую.

— Но сейчас-то можно не притворяться! — искренне удивилась безумица. — Вы же никому не скажете!

— А вдруг нас подслушают, — мрачно буркнула Врени.

— Чтобы хорошо притворяться, надо притворяться даже наедине с самим собой, не только с друзьями, — так уверенно сказал брат Полди, что Врени вздрогнула и потом ещё долго на него подозрительно косилась.

* * *

Дальше пошло полегче. Им повезло найти не только обоз, идущий в замок Дитлина, но и напроситься всем троим в пустые телеги, едущие оттуда до самой границы графства, а

затем найти купца, который вёз через все баронства и графства нарядные шлемы, украшенные геральдическими фигурками. В отличие от крестьян, купец был не так сердоболен и брату Полди пришлось долго его уламывать, обещая помощь Заступника на небесах и на земле за маленькое место, крошечное место на телеге для бедной несчастной сумасшедшей, которая жаждет исцеления, а купец, разумеется, за это будет спасён здесь и на небесах... Врени только глаза закатывала, но в конце концов красноречие монаха победило подозрительность купца.

Марила взгромоздилась на переднюю телегу и тут же, воровато замирая, когда на неё кто-то смотрел, принялась ковырять тряпки, которыми были переложены шлемы. Врени слегка успокоилась. Купец путешествовал солидно — двумя телегами, на вторую были нагружены праздничные кубки и блюда, с оравой сыновей и подмастерий и даже с двумя вооружёнными до зубов рыцарями, которых отправила к нему баронесса цур Кертиан. Сыновья и подмастерья, впрочем, тоже смотрелись весьма успокаивающе — крепкие парни с дубинками на плечах и, как углядела намётанным глазом Врени, кое-чем в рукавах и за сапогами.

Дело пошло на лад. Им даже дали переночевать в замке баронессы цур Кертиан, пристроив их на конюшне. Рыцари остались при дворе своей госпожи, но их место заместили люди графа цур Ладвина, которые ни в чём им не уступали.

В Ладвин не было прямой дороги, надо было выехать к тракту, ведущему из Тамна. И вот тут-то всё и случилось.

Сначала у телеги слетела ось.

Марила пробормотала себе под нос: «Ворона накаркала». Хотя сумасшедшую никто и не думал винить, она спряталась за Врени.

— Пойдём отсюда, — прошептала Марила. — Пойдём, я тебе говорю.

— Мы подождём, пока починят телегу, и поедем дальше, — предложил брат Полди. Врени скептически хмыкнула. Если Марила почти излечилась, то ноги монаха были в ужасном состоянии. Црюльница каждый вечер вскрывала нарывы, промывала отварами из трав и по утрам перевязывала ноги брата Полди, но пока ничего не помогало. Однако лицо монаха не теряло своей безмятежности и он был всё так же полон решимости идти вперёд и заботился только о своих спутниках, но уж никак не о себе.

— Пойдём отсюда! — настойчиво потребовала сумасшедшая.

Врени не выдержала.

— Мы никуда не пойдём! — сердито прошипела она и схватила Марилу за руку.

— Я и одна пойду! — возмутилась безумица. — И не смей меня трогать! Я всё брату скажу!

Прежде, чем цирюльница успела её схватить, сумасшедшая увернулась, отпрыгнула и решительно зашагала по дороге. Врени с монахом переглянулись.

— Идём за ней, — предложил брат Полди. — Одна она попадёт в беду.

— Будто с нами не попадёт, — фыркнула цирюльница, но делать было нечего.

Её дурные предчувствия быстро оправдались.

Сначала Марила сбила ноги. Поначалу она плакать не стала, а упрямо ковыляла, пока боль не стала совсем уж нестерпимой. После этого ноги у сумасшедшей подкосились, она села прямо посреди дороги и зарыдала.

Врени подхватила Марилу под мышки и, не ставя на ноги, оттащила с дороги.

— Держи её, — приказала цирюльница брату Полди, — я вскрыю нарывы.

— Нет! — забились сумасшедшая. — Нет, ты не будешь! Я не дамся! Нет! Не смей! Я брату пожелаю!

— Твой брат мне спасибо скажет, — отрезала разъярённая Врени.

— Неправда! Он хороший! Ты плохая! Я не дамся! Не смей!

Брат Полди не имел привычки удерживать больных, тем более сопротивляющихся, тем более женщин. Марила увернулась от него и от цирюльницы и бросилась прямо по дороге. С перепугу она бежала так быстро, что Врени за ней не успевала, и сумасшедшая выскочила прямо на тракт, ведущий из Тамна в графство Ладвин.

По тракту скакала кавалькада, возглавляемая двумя дамами в чёрных с серебром одеяниях. Марила выскочила прямо им под копыта. Врени с ужасом смотрела на неминуемую гибель несчастной безумицы... остановить коней было нечего и думать, а оттащить Марила она не успевала... Врени всё-таки выскочила следом за ней...

И ничего не произошло.

Кони хрипели, осажённые рукой одной из всадниц — высокой тощей дамы со злым выражением лица. Та спрыгнула на землю и легко удерживала лошадей под уздцы. Врени так и обмерла, узнав в спасительнице хозяйку Ордулы, вампиршу Вейму. Рядом с ней ехала, без сомнения, её госпожа, будущая баронесса цур Фирмин. Лицо знатной дамы не предвещало ничего доброго. Она подняла хлыст, но в сомнении смотрела на свою спутницу. Марила, забыв и о страхе и о пережитой опасности, открыв рот, смотрела на разряженных в рыцарские платья дам.

— Кто вы? — холодно спросила будущая баронесса.

Она покосилась на Вейму и наполовину вопросительно произнесла:

— Дать им плетей?.. Я чуть не убила из-за этих смердов. Или лучше дотащить их до Ладвина, пусть граф повесит, чтобы неповадно было кидаться на дорогу перед знатными людьми.

— Ваша милость! — бухнулась на колени Врени.

Марила, кажется, даже не поняла, что ей угрожает. Она продолжала пялиться прямо в лицо баронской наследницы. Спутники дам подъехали поближе, но не вмешивались, предоставляя госпоже самой решать судьбу простолудинок.

— Какая красивая! — протянула безумная. Губы будущей баронессы тронула слабая улыбка.

— Ваша милость! — взмолилась Врени. — Пощадите! Это бедная безумица, порученная моим заботам её несчастными родными. Она не ведала, что творила! Мы...

— Мы вели её поклониться мощам святого Герарда, — сказал подошедший брат Полди и осенил дам благословляющим жестом. — Он возвращает разум и утешает заблудших.

— Сумасшедшая... — брезгливо протянула баронская дочка. — Сумасшедших надо держать на привязи.

Врени склонила голову. Марила всё ещё рассматривала знатных дам, глаза её сияли, как у ребёнка, увидевшего игрушку.

— Прееекраасная госпожаааа, — блёющим голосом завела сумасшедшая, — сжааальтеееь над бееедняжкооой. Пееешком шиии, нооожкиии отбилииии. Мооочиии неееет, нооожеенъкииии нееее деержааат.

В подтверждении своих слов она плюхнулась прямо на землю.

Наследница барона цур Фирмина тронула поводья. Её конь переступил ногами.

— А бегаёт как здоровая, — пробормотала она. Гнев Норы уже прошёл, расправляться с

жалкой безумицей стало противно.

— Кто вы? — повторила она свой первый вопрос. — Что вы умеете?

— Я цирюльница, ваша милость, — представилась Врени. — Я могу подстричь, побрить, вырвать больной зуб, вскрыть нарыв, сложить сломанную руку или ногу, приложить компресс или пустить кровь.

— Я бедный монах, — сказал брат Полди. — Я знаю только свои молитвы и могу молиться три дня кряду, прерываясь только затем, чтобы утолить жажду.

— А я Марила! — объявила сумасшедшая. — Я могу смеяться весь день напролёт, ничего не делать неделю за неделей, спать, есть, пить и петь дурацкие песни.

— Дурацкие песни? — смеясь, переспросила баронская дочь.

— Дурацкие! — подтвердила Марила и вдруг затянула нечто невообразимое:

— Жила была одна кобыыыла,
Которую земля носиила
С большим трудом.
Ее хозяйка не любииила,
Гнала дубьем.
И раз пошла сия кобыыыла
Испить прозраачнейшей воды.
Когда воды она испииила,
Ушла невееедомо куды.^[21]

— Ты на что это намекаешь?! — внезапно возмутилась наследница барона цур Фирмина.

— Оставьте её, ваша милость, — вздохнула Вейма и вернулась в седло. — Эй, цирюльница, убери свою сумасшедшую с дороги.

Марила увернулась от протянутой руки цирюльницы.

— А ещё я могу поймать любой предмет ртом! — заявила она торжествующе. — И промолчать целый день от рассвета до заката и никто не заставит меня открыть рот!

— Это самое ценное, — пробормотала Нора, у которой хриплый голос сумасшедшей уже звенел в ушах. Баронская наследница отвязала от пояса увесистый кошелёк и швырнула в воздух. — Ну-ка, покажи своё искусство.

Сумасшедшая прыгнула как собака. Ап! — и от кошелька не осталось и следа. Врени, перепуганная, кинулась к ней.

— Неужели проглотила? — ахнула цирюльница.

Марила торжествующе открыла рот, показала пустые руки.

— Эй! — не выдержала баронская наследница. — А где кошелёк? Эй, общите её!

Кто-то из её свиты соскочил на землю и, не слушая протесты Врени, грубо обыскал сумасшедшую. Марила только хихикала. Баронская дочка махнула рукой и на землю соскочило ещё несколько человек, которые принялись обыскивать всё вокруг.

— И этих! — велела госпожа. — Вдруг она им что-то передала.

— Ваша милость, — тихо сказала Вейма. — Не пристало вам...

— Замолчи! — рассердилась Нора.

Врени сжала зубы и выдержала обыск, сделав вид, что не замечает, что обыскивающий

её кнехт шарит руками совсем не там, куда пристало девать руки добропорядочному человеку.

— Ничего нет, ваша милость! — заявил тот, кто её обыскивал. К нему присоединились остальные.

— Проклятье, — процедила наследница барона. — Как ты это сделала?! Ты колдунья?! Сумасшедшая только хихикала.

— Эй, кто-нибудь!..

— Ваша милость, — снова вмешалась Вейма.

— Возьмите меня с собой, не пожалеете, — предложила Марила неожиданно разумным голосом. Дамы переглянулись.

— На пиру в Ладвине она сможет развлечь многих, — с сомнением произнесла Вейма.

— Отдашь кошелёк — возьму, — предложила Нора, не готовая смириться с потерей денег.

Марила насупилась и Врени боялась, что она выкинет ещё что-то невообразимое.

— Да что там, — пробурчала сумасшедшая. — Он у вас под ногами.

Кто-то ахнул. Один из кнехтов бросился проверять — и торжествующе поднял из пыли увесистый кошелёк. Почтительно подал госпоже, та, не глядя, перебросила его Вейме. Вампирша подкинула кошелёк на ладони и вернула Норе.

— Монеты не хватает, — был вердикт вампирши. Нора удивлённо коснулась завязок. Те были за месте и узел крепкий. Кто-то засмеялся, но Нора покосилась назад и смех оборвался.

— Хитра, — покачала головой наследница барона. — Эй, Куно Большой! Возьми её в седло, да смотри! Чтобы никаких обид не чинил! Знаю я вас!

Марила завизжала от восторга.

— А вы догоняйте как можете, — перевела взгляд наследница барона на цирюльницу и монаха. Вам оставят место среди моих людей... если вы так искусны, как утверждаете...

Врени почтительно поклонилась. Марила в седле баронского кнехта заливисто смеялась и норовила врезать воину локтем под дых.

— Что у меня украдёшь — повешу, — посулила Нора и причмокнула, погоняя коня. Врени и брат Полди еле успели отскочить. Следом за своей госпожой тронулась вся кавалькада. Цирюльница и монах остались кашлять в клубах пыли.

Глава четвёртая

В дороге (продолжение)

Врени и брат Полди вернулись к купцу. Тот успел послать в ближайшую деревню за двумя телегами — крестьянские были хлипче, чем его, специально снаряженная для дальней поездки, — и сейчас как раз переключивали товар. На цирюльницу и монаха недобро покосились и Врени поспешила предложить свою помощь в общей работе.

К замку графа цур Ладвина они добрались только к ночи и не собирались проситься на ночлег среди людей Фирмина. Врени предпочла бы заночевать подальше, ведь в замке собрались все люди графа цур Ладвина, отряд баронессы цур Кертиана и, конечно, люди из Фирмина. Столько вооружённых людей за раз, по мнению цирюльницы, было точно не к добру.

Но их отыскала Вейма, которая сухо потребовала, чтобы цирюльница шла за ней. Брат Полди встревоженно присоединился к женщинам. Вампирша сделала вид, что не обратила на них внимания.

— Тебя зовёт твоя сумасшедшая, — заявила вампирша. — Очень громко зовёт. Где вы её взяли? Умно. Ты смогла напроситься в свиту баронессы проще, чем это сделала бы я.

— Уверю тебя, я не думала...

— Это неважно, — отмахнулась вампирша. — Она сумела рассмешить баронессу цур Кертиан и задеть графа цур Ладвина, но он ни за что не признается, что его оскорбила чужая дура. Присматривай за ней, иначе однажды утром можешь не найти на месте.

Врени сглотнула.

— Послушай, госпожа, я вовсе не хотела...

— Никого не интересует, что ты хотела. Откуда ты её взяла? Чему подучила?

— Это сестра оборотня, который живёт в днях двух до Сюдоса, — проворчала цирюльница. — Твой муж ведёт с ним какие-то дела... с самострелами.

— Да? — удивилась вампирша. — Как интересно...

Больше ничего Вейма говорить не стала, но новости ей не понравились. Она совершенно точно знала, что отряд Фирмина не вооружается самострелами и что никаких переговоров о новом вооружении ни с кем не велось. Какой-то оборотень... какие-то самострелы... ещё и эта сумасшедшая...

— Он просил её взять в мир, — пояснила Врени, слегка встревоженная воцарившимся молчанием. — Мы не могли...

— Оборотень недалеко от Сюдоса... — медленно проговорила Вейма. — Известно ли тебе, что оборотни последнее время редко селятся среди людей и тем более редко занимаются человеческими делами? По их мнению, мы слишком сильно пахнем.

— Да? Я не знала, — пожалала плечами цирюльница.

— Эта женщина тоже оборотень? — уточнила Вейма. Она чувала, что это не так, да и одета безумица была иначе, чем обычно одеваются оборотни. Но копаться в голове у сумасшедшей вампирам самим грозило безумием.

— Нет, — вздохнула Врени. — Она просто больна.

— Отвечаешь за неё головой, — заявила Вейма.

Врени снова вздохнула.

Они прошли через внутренний двор, который был частично замощён камнем, и Вейма

кивнула цирюльнице на наскоро возведённый шатёр.

— Наши люди ночуют здесь. Её милость велела, чтобы сумасшедшая оставалась под присмотром, она обещала, что та будет развлекать людей на завтрашнем пиру. Послезавтра мы едем дальше. Если она позабавит господ — вы поедете с нами. Если разозлит — останетесь без головы.

Вампирша поморщилась.

— Так приказала её милость, — пояснила она почти что извиняющимся тоном. — Идите к ней. Большой Куно сказал, что придушит паршивую девку, если она не прекратит орать. Я уже сказала ему, что тогда он разозлит её милость, но предпочла бы не рисковать.

Врени, не прощаясь, вошла в шатёр, брат Полди последовал за ней, а Вейма вернулась в главный дом замка, туда, где, на втором этаже её бывшая воспитанница собиралась поразить общество пением и требовала, чтобы советница ей аккомпанировала.

* * *

— Правда, здорово? — заявила Марила, едва увидела Врени. — Я знаешь как всем тут понравилась? А вот тот красавчик с меня глаз не сводит!

Она подмигнула Большому Куно, который весь перекосясь под громкий хохот своих товарищей.

— Ложись спать, — вместо ответа потребовала цирюльница. — Уже поздно.

Марила надулась.

— Илса бы хотела, чтобы ты как следует выспалась, — напомнил брат Полди.

— Но Илса дома осталась! — запротестовала Марила. — Она не узнает!

— Ещё как узнает, — пригрозила Врени. — Я ей расскажу.

— Нет!

— Если ты ляжешь спать, я ничего ей не скажу, — «уступила» Врени.

Марила с ворчанием повиновалась.

* * *

На пиру затея будущей баронессы цур Фирмин всем понравилась. Мариле предложили колпак, похожий на петушину голову, и сумасшедшая носила его с гордостью, как корону. Она наотрез отказалась менять свой наряд, но с благодарностью украсила его разноцветными петушиными перьями. Кто-то вручил сумасшедшей шутовской жезл — палку, к которой привязали набитый горохом бычий пузырь. Марила была счастлива. Она пела дурацкие песни своим ужасным хриплым голосом, сочинила хвалу про всех, кто ей чем-то понравился — этих было большинство и в их число вошли и Нора, и баронесса цур Кертан, — и хулу про всех, кто не удостоился такой чести. Графу цур Ладвину повезло: про него сумасшедшая не вспомнила вовсе. Потом Марила похвасталась своим чудным умением ловить предметы ртом, и в неё полетели монеты, кольца и даже целые кошельки. Кошельки Марила возвращала, умудряясь как-то облегчать каждый ровно на одну монету. Все остальные предметы сумасшедшая не возвращала, хотя её обыскивали несколько раз за вечер и кто-то даже предлагал раздеть её донага. Один рыцарь даже запустил в сумасшедшую

кинжалом — правда, в ножнах, — и Марила умудрилась поймать его ртом за рукоять.

Наконец, уставшая, она упала в дальнем углу залы, у самого края стола. Кто-то со смехом предложил ей кубок вина и кусок жаркого. Марила с удовольствием принялась насыщаться.

— Где ты так наострилась? — подошла к ней Врени. Она успела предложить свои услуги многим в отряде Фирмина, и сейчас её встречали вполне дружелюбно.

— Брата моего видела? — пробурчала сумасшедшая, зубами отрывая кусок жёсткого мяса. — С ним наостришься. Знаешь, сколько у него блестящих штучек в кузне? Думаешь, он ими делится? Только найду, сразу отбирает.

— Брат у неё кузнец, — на всякий случай пояснила Врени.

К ним подошёл Большой Куно. Лицо его выражало отвращение.

— Её милость говорит, что ты поедешь с нами, — сказал он. — Тебе дадут место в обозе.

Он скривился и добавил:

— Твоим спутникам тоже.

Вместо того, чтобы обрадоваться, Марила неподдельно огорчилась.

— Как — в обозе?! Ты не возьмёшь меня к себе?! Я тебе не нравлюсь?!

Все расхохотались.

Куно сплюнул и попытался уйти, но Марила вскочила, опрокинув кубок с вином, и завопила:

— Люди добрые! Посмотрите на него! Вскружил голову бедной девушке, а сам — в кусты?! Он меня бросил! Люди добрые!

— Пошла прочь, дура! — отскочил под общий гогот кнехт. — Я тебе ничего не обещал!

— Как?! — ещё громче заорала сумасшедшая, намертво вцепившись мужчине в рукав. — А кто меня в седле вёз?! А кто меня тискал?!

— Да не тискал я её! — завопил Куно.

Он размахнулся и отбросил сумасшедшую, но она, как кошка, приземлилась на ноги.

— Убери *это* от меня, — процедил Большой Куно, обращаясь к Врени, — пока я не разбил ей голову.

Рядом с ними появилась Вейма.

— Куно, — сердито сказала она, — её милость будет недовольна, если ты покалечишь её дуру. Госпожа баронесса Нора только что сказала баронессе цур Кертиан, что Марила будет веселить нас на пиру в Ерсине и развлечёт всех перед турниром в Сеторе.

Она повернулась к сумасшедшей и протянула ей начищенный медный медальон. Марила, взвизгнув как ребёнок, схватила подарок.

— Это дарит тебе баронесса цур Кертиан, — сказала вампирша. — Она изволила сказать, что с мужчинами так и надо обходиться.

Большой Куно поспешил сбежать.

— Но если ты не оставишь кнехтов её милости баронессы цур Фирмин в покое, я лично прослежу, чтобы подарки тебе не понадобились, — добавила вампирша и пошла успокаивать Большого Куно.

Вечером, когда все уже расходились, Врени вдруг спохватилась, что уже какое-то время не слышала криков своей подопечной. У цирюльницы упало сердце. Сначала оборотень, который, небось, рано или поздно спросит, куда Врени девала его сестрицу. Хотя сейчас Врени задумывалась, не отослал ли Хрольф Марилу потому, что больше не мог терпеть её выходки?

Теперь ещё и вампирша с её милостью, чтоб их обоих Враг в преисподней... встретил.

Как уследить за спятившей... вороной, которая так и норовит во что-нибудь вляпаться?

— О чём ты задумалась? — подсел к ней брат Полди. Почти весь пир он провёл один, в молитвах, и успел заслужить у людей Фирмина уважение пополам с жалостью.

— Марила куда-то делась, — раздражённо отозвалась Врени. — Где прикажешь её искать?

— А зачем её искать? — удивился монах. — Нет, не сердись. Вот она, спит в углу.

— Я её сама убью, — прорычала Врени. — Что стоишь, монах, помогай тащить.

Она подхватила Марилу под мышки и кивнула брату Полди на ноги сумасшедшей, но монах покраснел и отшатнулся. Врени закатила глаза.

* * *

Магда отправила дочь в город, к Лонгину и Виринее. Она настрого запретила друзьям учить девочку магии, но не слишком надеялась, что они сдержат слово.

Это значит, что у неё очень мало времени...

Ведьма не должна учиться магии, не должна усваивать быстрое и противное природе волшебство, которому учили в Белой и Чёрной Башнях. Заклинания позволяют творить чудеса. Менять саму суть вещей. Калечить этот мир. Ни чёрные, ни белые маги не задумываются о цене, которую платят за их могущество другие.

Ведьма так не делает. Колдовство ведьмы — понимание, проникновение, мягкое вползание, может быть. Колдовство ведьмы — долгий путь, у которого нет конца. В Серой пустоши или там, где проводятся *встречи* проклятых, или в доме, где ведьма много раз колдовала — там колдовство бывает похожим на магию. Там мир становится союзником ведьмы, там оживают вещи, там всё делается быстро и ярко.

На самом деле... так не бывает.

Игра огня и света, иллюзии, гром и молнии, голоса, раздающиеся с неба, расступившаяся или разлившаяся река — это магия волшебников. Это не для ведьмы. И ведьма не должна приучать себя к этому. Слишком просто. Слишком ярко. Слишком поздно ты понимаешь, какая у всего этого цена. А ведьма платит сразу. Не откладывая, не прячась от неприятной правды. Она — или тот, кто к ней обратился. Плата за то, что в своём доме, в своём лесу, получается всё, что задумала ведьма — хватило бы сил — в том, что колдуньи не покидают выбранной ими земли.

Это всё равно что для улитки покинуть свой домик. В своём лесу Магда не только знала все тропинки, но и открывала новые — для себя. В своём доме она могла бы задушить обидчика одним движением... если бы чувствовала себя правой. В своём доме она была почти что всесильна.

Почти...

Вне его...

Вне своего леса...

Она была...

Чуть удачливей, чем обычная женщина.

Могла найти дорогу через чужой лес. Не заставить разойтись кусты и деревья, а найти тропинку, которую протоптал кто-то другой. Могла почуять опасность... не всякую, конечно. Могла очертить колдовской круг и уснуть внутри него... нет, это только у себя дома, в своём лесу.

Могла, не глядя, сунуть руку в свою сумку и достать нужные травы.

Могла выйти туда, где растёт плакун, сон-трава или что другое для снадобий.

— Идёшь, идёшь, споткнёшься раз — нет ничего, споткнёшься два — нет ничего, вдруг упадёшь, лоб разобьёшь, коленки обдерёшь, глянь — вот они, голубчики! — так, бывало, говорила старая Верена.

Но чтобы сотворить настоящее колдовство, ей нужно было приглашение. Разрешение от тех, чья земля была по праву.

И две ведьмы на одном месте не становились сильнее, чем по одиночке, разве что одна из них старела и слабела и нуждалась в ученице. Эрна... Эрна ещё ребёнок. Она не отберёт у матери много. Потом... потом она будет расти. Магде придётся отдать ей всю силу, чтобы девочка могла защищать землю так, как сейчас это делала её мать. Две ведьмы — это никогда не лучше, чем одна, разве что в Пустоши или на месте *встречи*, там, где земля впитывала зелья из года в год, а воздух впитывал ведьминское колдовство.

И поэтому Эрне нужна наставница.

Кто-то, кто научит, как поступать с нарождающимися силами.

Кто-то, кто умеет это делать.

...но для этого Эрне нужна защита...

Защита от того, кто собирается отобрать девочку. Превратить её в такое же изуродованное существо, каким был сам.

Там, в Корбиниане, в разорённых землях старого Дюка, где осталось всего несколько деревень на месте когда-то процветающего края, жила рыжая ведьма, о которой говорили, что она выводила к людям рогатого духа леса. О таком колдовстве Магда даже и не слышала. Рыжая ведьма могла сотворить оборотня по обещанию, но это теперь умела и сама Магда. И поэтому она надеялась, что та ведьма её выслушает.

А ещё она могла не показаться ей на глаза. Могла прогнать. Могла не пропустить через лес. Могла натравить на неё крестьян. Вейму хотели сжечь как раз в Корбиниане, когда жители деревни, где она остановилась, догадались, почему пропадает молоко у их коров. Конечно, они не поняли, что Вейма вампир, они решили, что переодетая в мужское платье девушка — пришлая ведьма. Ни сила, ни скорость, ничего не помогает, если ты падаешь в обморок при виде крови.

Вейме повезло... Её спас Вир...

Или не повезло, это как посмотреть...

Люди не любили чужих ведьм. Чужих, не принятых землёй, не принятых уже проверенной ведьмой. Чужая ведьма могла наслать порчу. Могла внести разлад, ради выгоды варя приворотные и отворотные зелья тем, кого своя колдунья прогнала бы поганой метлой. Чужая ведьма могла сгноить посевы.

А ещё чужая ведьма могла попасться...

Магда слышала, что когда-то в Лабаниан пришёл молодой колдун, который ещё не успел укорениться на новой земле, но уже решил, что может решать за других людей. Обычно так не делают. Ни колдуны, ни ведьмы не указывают людям как жить. Они поселяются в стороне от жилья, помогают незримо и ждут, когда то один, то другой человек поймёт — теперь им есть куда идти за помощью.

Ни ведьмы, ни колдуны не ставят людям условий.

А этот поставил.

Этот попробовал.

Граф цур Лабаниан — говорят, ещё отец нынешнего — тогда ввёл новые подати. На что — людская память не сохранила. Граф цур Лабаниан забыл, что его крестьяне — свободные люди. Он обращался с ними как с рабами.

И когда туда пришёл колдун, он решил положить конец бесчинствам феодала.

В Бурой башне этому не учат.

Ни в одной из башен не учат вмешиваться в людские дела.

Или магия — или власть.

Ты не можешь владеть и тем, и другим.

Граф цур Лабаниан умер.

Говорят, это была не самая приятная смерть.

А его сын уехал.

Бросил графство победителям.

Чтобы потом вернуться с конным отрядом братьев-заступников.

Он не так много выиграл, молодой — тогда молодой — граф.

Братья-заступники построили свой монастырь и одна из деревень платит подати только ему, а монахи вмешиваются во все дела Лабаниана.

Но он остался графом.

А колдуна того сожгли.

Он не захотел каяться в содеянном. Не захотел приносить покаяния.

* * *

Магда пробиралась по лесу. За день она дойдёт до границы Фирмина. На следующий день дойдёт до Корбиниана. Ей не надо идти, как в прошлый раз, до развалин Гандулы. Достаточно будет поколдовать в чужих владениях — и её заметят. А дальше... остаётся только ждать.

...может быть, она не вернётся из этого странствия...

Она слышала — когда-то давно, от одной из учениц, вернувшихся в Бурю башню... — что ведьмы знают, как найти друг друга... что есть тайные отметки, знаки... что можно найти место в чужих владениях, где ты оставишь знак, может, просто лоскуток, прядь волос, клочок шерсти... и тебя найдут. И помогут. Может быть.

Но девочку прогнали прежде, чем она успела рассказать подробности. В Бурой башне считали — незачем это. Если ученицам что-то нужно, пусть возвращаются домой, в Пустошь, пусть просят совета у наставниц. Заодно покажут свои *книги*, в чужом колдовстве всегда полезно разобраться. А старая Верена не торопилась раскрывать ученице тайны.

Магда ведь ещё не привязалась к земле, могла уйти и поискать другую наставницу. Магда ведь пришла в первую же деревню от Серой пустоши. Почему-то другие молоденькие ведьмы Латгавальд обходили стороной, а Магда осталась. Конечно, Верена не хотела рисковать. Она ведь не собиралась передавать землю ученице, она хотела выпить силы молоденькой ведьмы, да не успела.

Колдовать на чужой земле — это опасно. Это вызов. Если ведьма по-настоящему сильна, она почует чужое колдовство, как человек слышит навязчивый писк комара.

Можно так не делать. Можно войти в деревню и попытаться разузнать, что да как. Виль когда-то говорил, что рыжая ведьма жила возле озера. Вейма говорила, что деревня, где её поселил Вир, стояла недалеко от озера, но никакой ведьмы она там не видела. Или не обратила внимания?..

Можно пройти прямо на запад, в ту деревню, куда её принесли в тот раз, когда она лишилась своей колдовской силы. Там могли что-то знать... но что же ей? Приходить и спрашивать всех?

Стоило войти в деревню с юга, из Вилтина, ведь люди могли знать, что в Фирмине есть своя ведьма, и отказаться с ней разговаривать. Да, войти со стороны Вилтина и спросить... спросить... ну, скажем, о том, как дочку вылечить. Мол, слышала она, что есть в этих краях ведьма. А там... может, кто что и скажет...

Надо было находить место для ночлега. Разводить костёр... она ещё была в своих владениях и, потом, ей же не надо прятаться...

Что-то изменилось на дороге. Как будто тень легла... или...

Перед Магдой стоял, вздыбив шерсть на загривке, здоровенный волк со светлой шкурой.

Ведьма попятилась.

— Арне? — наудачу произнесла она.

Волк приник к земле и зарычал.

— Арне! — строже окликнула ведьма. Вир как-то говорил ей, что мальчик... не доучился. Оборотно после превращения надо побегать со стаей, привыкнуть подчиняться вожаку, занять своё место на охоте... У Арне не было на это времени и временами он... как будто забывал о том, кто он такой. В волчьем обличи забывал о том, что он человек, а в человеческом — что он волк.

А, может, дело в том, что для юного рыцаря было неприемлемо стать лесной тварью.

Или Магда плохо его заколдовала...

Волк поднял на неё пустые глаза и как-то нервно облизнулся.

— Арне! — в отчаянии позвала Магда. — Арне, очнись! Вспомни меня! Луной заклинаю! Лесом!

Она была слишком близко к границе своих владений...

Волк тоненько завыл. В его глазах что-то мелькнуло. Он спрятал хвост и на брюхе пополз к ведьме. Магда сглотнула. Волк дополз и ткнулся ей в ноги. Ведьма наклонилась и потрепала его за холку.

— Ты чего? — спросила ведьма ласково. Волк тоненько заскулил и перевернулся брюхом кверху.

Магда его приласкала. Волк совсем размяк.

— Милый ты мой, — вздохнула Магда. — Что же нам с тобой делать?

Арне перевернулся на живот и снова ткнулся ведьме в ноги, подставляя голову. Магда послушно принялась его начёсывать.

— Хватит, — сказала ведьма, оттолкнув волчью голову. — Превращайся обратно, Арне.

Я не хочу просидеть здесь до утра.

Волк поджал хвост и заскулил ещё жалобней, чем прежде.

— Арне! — строго произнесла ведьма.

Волк отвернул голову, открывая шею, но превращаться не стал.

Магда села на колени, обхватила шею Арне и вгляделась в волчьи глаза. Арне скулил и норовил лизнуть в ведьму в нос.

— Ума ни приложу, что нам с тобой делать, — вздохнула ведьма.

Волк жарко задыхался ей в лицо и принялся вылизывать — глаза, щёки, нос, шею...

— Арне! Прекрати!

Волк толкнул её носом и отбежал. Увидев, что ведьма не торопится за ним идти, снова ткнул её носом, отбежал и бочком вернулся.

— Милый мой, — засмеялась ведьма. — Хороший. Я не могу с тобой играть. Мне надо найти, знаешь, может, рыжую ведьму, которая живёт в Корбиниане.

Кто его знает, что и как понимают оборотни в превращённом состоянии, но только Арне как-то коротко взлаял, ткнул ведьму носом, пробежал по дороге на запад, потом вернулся, обежал вокруг ведьмы и, остановившись, подставил ей спину.

Не хвались, что на мне ездил... — вдруг вспомнилось Магде. Слова из сказочки. Она вспомнила их давным-давно, когда Вир предложил ей оседлать его, чтобы доставить домой. Чтобы ему встретиться со своей женой.

Магда осторожно, держась за холку, присела волку на спину. Он ободряюще тьякнул. Магда устроилась поудобней. Волк взвился и бросился бежать. Магда крепче вцепилась в его светлую шерсть.

* * *

Волки бегают быстро, а оборотни ещё быстрее. Осенние ночи длинные и ещё только-только светлело на востоке, когда Арне, проплутав по лесу, остановился у частокола, во многом похожего на тот, который окружал дом самой Магды. Ведьма слезла. Волк вывалил язык и коротко взвыл.

— Опять?! — донёсся из дома сонный женский голос. — За курами, небось, явился?! Вот как палкой-то поперёк хребта вытяну — дорогу-то и забудешь!

— Это здесь? — шёпотом спросила Магда.

Волк сел и по-человечески кивнул.

— Хозяюшка! — позвала Магда. — Ты прости нас, что явились незваными...

Хлопнула дверь. К Магде вышла, на ходу заплетая рыжую косу, женщина, одетая в залатанное деревенское платье. Обычная женщина. А потом Магда увидела её глаза. Обычные глаза, но в глубине их как будто таился свет.

— И что разбудили, — недовольно подхватила женщина и перевела взгляд на волка. — Ты зачем пришёл?! Я тебе что сказала — убирайся отсюда! А ты что сделал?!

Волк спрятался за Магду.

— Хозяюшка... — робко позвала Магда. — Не сердись на него. Он... я не знаю, в чём он виноват, но он...

— А! — поняла женщина. — Я тебя знаю! Это твой, да?

— Мой! — с вызовом ответила Магда.

— Ты сделала его оборотнем, — произнесла рыжая и снова заговорила с волком. — Я тебе сказала — беги и ищи свою стаю! А ты что? Спрятался за мамкиной юбкой?!

— Он решил помочь мне, — снова вмешалась в разговор Магда. — Я искала тебя.

— Да? — ничуть не обрадовалась рыжая. — Ну, что же, проходи. Я Денна. Ты, верно, Магда, ведьма из Латгавальда. А ты, мальчик, посиди во дворе. И если ты опять полезешь в курятник...

Арне смешно спрятал морду между лапами и прикрыл глаза. Денна хмыкнула и кивнула Магде на порог.

— Ты зачем пришла? — спросила Денна, протягивая Магде краюху хлеба, густо посыпанную солью.

— Я... — растерялась Магда. — Я слышала о тебе...

— И продолжала бы слушать, — отрезала рыжая. Взглянула на обескураженное лицо Магды и чуть смягчилась. — Не в укор говорю. Если бы не мальчишка, нипочём бы меня не нашла.

— Почему он не превращается обратно? — спросила Магда.

— А нечего было у меня кур таскать, — отозвалась Денна. — Да нет, ты не подумай. Это не наказание. В наказание я бы его палкой отходила, да в человеческом облике бы вожжами добавила. Сразу бы за ум взялся. Только не за что ему братья. Плоховато он у тебя получился.

Магда покраснела.

— Первый он у тебя, да? — продолжала рыжая. — Виров брат? Вот Вир — хорош. Не потому что мой говорю. Я брала для него кровь вожака, матёрого волчища. А ты взяла кровь вчерашнего человека.

— У меня не было выбора! — не выдержала Магда. — Он умирал! И Вир сам предложил!

Она осеклась.

Оправдание звучало по-детски.

Если ты оправдываешься, значит, ты виновата...

— Оборотень, который лазит на птичий двор — курам на смех, — сказала Денна.

Магда слабо улыбнулась.

— Ну, вот что, — отвернулась от неё рыжая. — У меня дел полно, а ты с дороги устала. Пошли, натаскаем тебе воды, помоешься, да и ляжешь спать. А ночью сходим с тобой кое-куда. Справишься, сделаешь всё как надо — тогда и поговорим. Про Арне поговорим. Про твоё дело тоже.

Они в четыре руки натаскали воды в большую бадью в сарае и вылили туда чугунок кипятка, который согрела рыжая ведьма. Помывшись, вылив всю воду и вернувшись в дом, Магда не нашла в доме хозяйки, только постеленный на лавке тулуп. Она послушно улеглась на него и уснула — может быть, даже слаще, чем спалось под собственной крышей. Сны ей не снились.

* * *

Пир в Ерсине немногим отличался от пира в Ладвине, разве что Большой Куно сбежал

оттуда под каким-то предлогом, и Марила так понравилась всем собравшимся сеньорам, что её оставили ночевать в господском доме, а Врени и брат Полди должны были спать вместе с остальными людьми Фирмина в расставленном для них шатре.

Врени, когда не работала, сторонилась людей и ушла проветриться после душного зала. Брат Полди увязался за ней. Врени не возражала. Она привыкла к обществу монаха, его молчание действовало успокаивающе, его беседы не раздражали, а молитвы... когда молитвы — единственное, что стоит между тобой и прокушенным горлом, ты будешь рада любым молитвам. Врени и была рада.

— Врени, я давно хочу тебя спросить, — осторожно начал монах, когда они отошли подальше от других людей. Цирюльнице не мешала ночная темнота, а брат Полди привычно держался поближе к ней. Если он спотыкался, Врени так же привычно не давала ему упасть.

— Спрашивай, — равнодушно бросила цирюльница.

— Почему ты стала проклятой? — тихо произнёс монах. Врени споткнулась и с трудом удержалась на ногах.

— Тихо, ты! — зашипела она.

— Рядом с нами никого нет. Так почему?

— Я не проклятая, — яростным шёпотом возразила Врени.

Брат Полди удивлённо моргнул.

— Но ты говорила...

— *Так нас зовут слепые.* Те, кто не хочет поверить... понять... Я прозревшая. Я верю в *Освобождение*.

— Освобождение — от чего? — тихо спросил монах.

— От мира, где нас запер Создатель, — тихо и зло выплюнула Врени.

— Чем тебе не нравится этот мир? — мягко спросил монах.

— Чем?! — вскинулась проклятая, но тут же взяла себя в руки. — Отвяжись, монах.

— Врени, пожалуйста, — настойчиво произнёс брат Полди.

Цирюльница вздохнула.

— А ты сам посмотри, — посоветовала она. — Вон, на Марилу. Чего хорошего она в этом мире видела? Она чуть не сгорела только потому, что отличается от других людей.оборотни целые деревни жрут. Вампиры где попало летают. Колдуны... житья от них нет. Война, вон, недавно была. А помнишь, мы были в графстве Дитлин? Граф поддерживал самозванца и что ему с этого было? Кто платит? Люди его платят. Самозванец тот...

— Но вампиры, колдуны и оборотни — сами проклятые, — напомнил брат Полди. — Зачем же ты с ними заодно?

— Я сама... — начала Врени и махнула рукой.

— Врени, послушай...

— Что — послушай?! — всё так же шёпотом вспыхнула цирюльница. — Что ты мне можешь сказать? Все мы дети Создателя, да? Только одни детки кушают яблоки в меду, да дичь, да спят на перинах, а над головой у них — крыша их замка, да под седлом породистой конь ходит. А другие — ноги по дорогам сбивают и под кустом ночуют! С одних деток пылинки сдувают, с ложечки их кормят! А другим с малых лет — инструмент в руки и работай, работай, дома ты лишний рот! Тебя никогда не травили собаками, а, монах? Так, чтобы всерьёз и свора заливалась за спиной? Тебя не били батогами? Тебя не бросали в подвал? Не разбивали в кровь лицо? Ты не знаешь жизни, монах! Ты сбежал как только запахло жареным! Ты один раз столкнулся с опасностью — так с тобой чуть родимчик не

случился! Ты не дрался, защищая свою жизнь. Ты не убивал, чтобы спасти себя, спасти другого человека. Ты не видел епископа, который, крихтя, залезает на молоденькую девочку! Ты...

— Врени, всё это зло творят люди, а не Создатель, — прервал её монах. — Люди, которые отвергли заповеди Заступника...

— Или пользуются ими для своих прихотей, — перебила Врени. — Оставь это, монах, тебе меня не убедить.

— Позволь мне хотя бы попытаться.

— Нет.

— Врени, прошу тебя. Вспомни: мои молитвы отгоняют вампиров. Разве это не доказательство того, что Заступник действительно защищает своих последователей?

Врени передёрнула плечами.

— А ты видел, как на тебя при этом смотрят? — парировала она. — Как на блаженного. Как на Марилу. Только она каркает, а ты молишься!

— Послушай, Врени. Создатель сотворил нас, чтобы мы стремились к лучшему.

— О, да! И мы и стремимся. Только одни стремятся к лучшему под кустом или в канаве, а другие начинают в шелках. И продолжают стремиться к лучшему. Есть на золоте лучше, чем на дереве, глине и меди, а?

— Нет, Врени, всё не так. Мы должны становиться лучше сами — и помогать другим людям.

— Ах, вот чем ты занимаешься! Оставь меня в покое, монах, избавь от своих поучений.

— Врени, я тебя очень прошу.

— О... — цирюльница проглотила грубое ругательство. — Ты не отстанешь. Валяй, монах, проповедуй.

— Все мы дети Создателя, — напомнил брат Полди. — Он сотворил нас из собственного света, как сотворил и мир, в котором мы живём.

— Из света, — хмыкнула Врени. — Уж конечно. Тогда откуда в мире столько всякой... сволочи? Откуда они взялись?

— Быть... — монах замялся, пытаясь найти неругательное определение, но быстро сдался, — быть сволочью — это выбор каждого человека. Создатель дал нам волю, которой обладал и сам. Его выбор — творить добро, но люди для себя решают и по-другому. Не Он творит зло, Врени. Зло творят люди.

— Которые дети Создателя? — насмешливо переспросила цирюльница. Всё это она уже слышала. Единственное, что отличало эту проповедь от всех остальных — искренняя вера монаха.

— Дети. Но ведь ребёнок может по недомыслию... разбить чашку, порвать свою одежду, выкинуть пищу... он не творит зла, он просто ещё слишком мал, чтобы понимать.

— И поэтому получает хворостиной, — дополнила цирюльница. — А у тех, кто победнее и попроще — может и поленом схлопотать. Особенно если сломает что-то нужное.

— Создатель нас не наказывает, мы сами наказываем себя — и друг друга.

— А Создатель позволяет.

— Но эта наша воля. Мы не могли бы ничему научиться, если бы Он решал за нас.

— А чему мы учимся, монах? Скажи мне? Вот чему научилась я? Чему научился ты, а? Или ты думаешь, на том свете кому-то понадобится рисовать твои картинки?

— Чтобы ответить на твой вопрос, надо умереть, — спокойно ответил брат Полди. —

пока мы живы, мы должны жить. И учиться.

— Чему учиться?!

— Выбирать. Между добром и злом. Между праведным и неправедным.

— Вот ты, похоже, умеешь, монах. Так зачем тебе жить? Не лучше ли вернуться к Создателю и доложить, так, мол, и так, я всё постиг, давай мне теперь тёплое местечко?

— Думать так — гордыня, — мягко возразил брат Полди. — Никто не знает, что ему суждено, и не должен приближать своего часа. Быть может, завтра я смогу спасти чью-то жизнь... или душу. Быть может, погибну. А, может, создам ещё одну книгу, которая обратит души к Заступнику.

— Гладко у тебя выходит, — проворчала цирюльница. — Ну, хорошо, а как же Освободитель? Тот, который пришёл рассказать нам, что когда-то наши души были не связаны плотью? Тот, которого вы называете Врагом? Вы ведь думаете, что всё зло от него? Он, небось, нашёптывает «убей», «соблазни девчонку», «отбери овцу у соседа»? А?

Монах покачал головой, потом спохватился, что Врени этого не видит.

— Нет, Врени. Враг является туда, куда его приглашают. Души... слишком слабые... которым не хватило мужества... или веры... находят простой путь — проклясть этот мир... и тогда начинают ему поклоняться. Или отступают от заветов Заступника, а там уже и Враг рядом.

— Но откуда они? — не выдержала Врени. — И Враг, и Заступник? Почему Создатель отступился от созданного им мира?

— Потому что как в человеке есть дурное и доброе, так и в Создателе. И с проявлениями этого мы и сталкиваемся.

— То есть он дурен хотя бы наполовину? — торжествующе подытожила цирюльница.

— Нет, потому творение — это добро.

— Даже злых людей?

— Зла самого по себе не существует, зло — в нас самих. Мы должны победить его, отвернуть голос Врага, принять Заступника. Тогда Создатель сможет создать мир, в котором тебе не придётся задавать эти вопросы. Мир, в котором не будет ни боли, ни зла.

— Ни вампиров, — закончила за него цирюльница.

— Я уверен, они останутся, только избавятся от своей пагубной страсти.

— А я не думаю, что они захотят жить без этого, — пожала плечами Врени. — Идём спать, монах. Завтра мы опять выдвинемся на рассвете.

Глава пятая

Выбор

Денна растолкала Магду на закате, без лишних слов накормила кашей на козьем молоке и кивнула на дверь. У калитки вручила ведьме старую, выдавшую виды метлу, сама взяла другую, чуть поновее. Магда заморгала. Простые люди любили рассказывать, мол, видели, как ведьма оседлала метлу или лопату или скамейку, да и взвилась на ней в небо, но Магда-то точно знала — это всё неправда. А эта...

— Остальное я там припрятала, — вместо пояснений сказала рыжая. — Пошли, что ли, путь неблизкий, дела много.

Они вышли за калитку и к ним подбежал, радостно поскуливая, светлый волк.

— И ты с нами иди, — пригласила рыжая. — Успеешь ещё к своим податься.

Она зашагала вперёд. Магда отстала. Поведение Арне начинало её беспокоить. Да полно, Арне ли это?

— Арне? — позвала она. Волк ткнулся ей в ноги. — Что с тобой, милый?

Волк запрыгал вокруг, как будто бы чем-то она его осчастливила.

— Арне, послушай... что ты сделал, когда нашёл меня тогда, в развалинах? Семь лет назад? Ты помнишь?

Волк тоненько заскулил, замотал мордой, а после, как собака, кинулся к ней, встал на задние лапы и передние сложил ей на плечи. Магда рухнула на землю. Волк виновато отскочил, но тут же прыгнул к ней и попытался улечься сверху. Магда, смеясь, оттолкнула его.

— Поняла, поняла! Показывать-то не надо.

— Да он это, он, — тихо сказала Денна, воротившись к ним. — Вставай, некогда разлёживаться.

— Но что с ним? Почему он ведёт себя так... так... Он же раньше всё понимал!

— Он и сейчас понимает, — пожала плечами Денна. — Не спеши. Сказала, дело есть. Сделаем — тогда и поговорим. И пойдём.

* * *

Она привела Магду к развалинам Гандулы. Догорал закат и старая крепость казалась огромным разбитым горшком на фоне темнеющего неба.

— Гляди, — повела рукой рыжая ведьма. — Нравится?

Она шагнула вперёд, подобрала что-то с земли, ударила кремнем по кресалу и зажгла факел, который укрепила на торчащую из земли подпорку. Потом другой, третий... и перед Магдой во всей красе предстала картина полного разгрома.

— Пока Вир-то шателеном был, он уж следил, — пояснила рыжая. — Приходил сюда, порядок-то наводил. А теперь, смотри. Как мальчишке-то всё передал, так смотреть противно. Фу! Щенок-то твой, барчук, ручки запачкать боится. Шателен если, так следи за своим замком! Ишь, загадили! Прозревшие-то. Им бы только ломать.

На склонах холма валялись какие-то тряпки, черепки, обломки и осколки всего, чего можно. Был безжалостно вырублены подступающие к замку деревья, земля усыпана

щепками. Кое-где заметны были подсохшие уже кучки испражнений, лужи рвоты. Валялась ткань, которой проклятые отделяли место, где проходил суд, от места, где веселились вампиры или ведьмы. Поваленные шесты, столбы... разбитые бочки. Хлам, мусор, отбросы.

— Что стоишь? — удивилась рыжая. — Делом займись. Раз щенок твой, так тебе за него и отвечать. Вон, я тут лопаты припрятала, вилы даже принесла. Метла у тебя в руках. Справишься? Али помочь надо?

Магда пожала плечами.

Зрелище, конечно, было гадкое.

Она поднялась на самую вершину холма и огляделась. Работы здесь было... Свернула и отложила в сторону ткань. Её позже можно будет постирать, а после припрятать, скажем, вон в том сарае, который, на удивление, сохранился целым. Брать что-то после проклятых — себе дороже, да и припомнят они наверняка. Мусор — это просто. Магда сгребла всё в одну кучу, а после принялась сортировать. Остатки костей, разгрызенных зверьём — это закопать. Черепки — просто свалить в кучу. Тряпки, деревяшки какие-то, рваные бурдюки, остатки бочек — сжечь. Обручи, гвозди, о, вон, подкова валяется — это, наверное, отдать Денне, пусть сама решает, как поступить с железом. Не выкидывать же.

Дерь... всякую гадость — присыпать золой и закопать.

Это не сложно. Просто долго и местами противно.

Денна прошла по развалинам, зажигая и устанавливая факелы, а после взяла метлу и присоединилась к товарке. Арне рыскал поблизости, пока рыжая не окликнула его и не велела выкопать воон там яму, да поглубже. Да чтобы глаза не пялил. Лапами пусть копает, лапами. Чтобы волк, да копать не умел, а тем паче оборотень.

Арне подскочил к Магде, ища утешения, она взлохматил его роскошную шубу и шёпотом, на ухо, попросила не упрячиться. Работы и так до утра, если не до обеда, так неужто он не поможет?.. Арне обиженно фыркнул и убежал.

Рыжая засмеялась. Они быстро отчистили самый верхний уровень и принялись спускаться вниз. Денна тихонько запела — старую-старую песню про ярмарку, пряности и невыполнимое задание для любимой. Магде всегда казалось, что надо быть ведьмой, чтобы сделать всё так, как пелось в этой песне. Она подхватила припев и дальше они пели уже вместе. Из-за осколка крепостной стены выглянул Арне. Что-то провыл, удивительно попав с ведьмами в такт, и принялся копать яму.

Когда закончилась эта песня, Магда завела другую, колыбельную, в которой ведьма обещает своей ученице красоту, любовь, могущество... и вечную опасность от других людей. Рыжая подхватила, не дожидаясь припева.

* * *

Ведьмы управились с работой, когда не по-осеннему тёплое солнце уже достигло зенита и стало припекать. Осталась самая малость — оттащить ткань к озеру и отстирать, но Денна заявила, что пусть прозревшие сами возьмётся со своим тряпьем, а ей работы и так хватает. Они потушили уже почти догоревшие факелы и спустились к озеру, где Арне было строго-настрого велено отбежать от озера подальше и, если будет подглядывать, останется без ушей и хвоста. Волк обиженно взвыл и убежал.

— Вот дурень-то, — беззлобно сказала рыжая ведьма, когда они сохли на берегу в одних

рубашках, расстелив рядом постиранные платья. — Взрослый уже, а ума так и не нажил.

— Ты обещала объяснить, — напомнила Магда, расчёсывая мокрые волосы гребнем, который ей протянула рыжая. — За что ты с ним так?

— Дурень потому что, — охотно ответила Денна. — Не доглядел с ним Вир, а я исправляй. Молодому оборотню хоть месяц со стаей бы побегать. Особенно такому, который не родился со второй шкуркой. А этот чего? Всё боялся, как бы папенька не узнал. В стаю носа не показывал, Вир его всему учил. А один разве научит? Да Вир и сам не рождённый. С ним проще было. Как оправился — живо на четыре лапы и в лес. И пока всю науку не постиг, домой не возвращался. А вы чего? Так жил, жил, а ума не нажил. Не выросел он у тебя, потому что щенком не набегался. Вот потому и по курятникам промышлять и повадился. Щенок, как есть щенок. Людей не боится, охотиться не умеет. Он бы ещё подождал, вовсе с ума бы сошёл. Или бы в человечесем облике завыл бы, на людей бросаться бы стал, или в волчьем на задних лапах бы в замок вошёл, да сел бы на лавку. Вот я его и поймала. Нечего на моей-то земле такому дурню бегать. Ишь! Шателен нашёлся! А сам даже прибраться в замке не может. Велела своих искать. Примет стая — его счастье. Живо дурь-то выбьют. Побегает на свободе, повоет с ними, да поохотится, глядишь, и поумнеет. А он чего? К тебе бросился. Расколдуй, мол. Ну, расколдовала бы ты его, а дальше что? Свою голову-то не приставишь.

— Он не бросился, я сама сюда шла, — возразила Магда.

— И шла бы, — засмеялась рыжая. — Нашла бы ты меня, если бы не он. За что их племя не люблю — не спрячешься от них, чарами-зельями не обманешь. Всегда найдут, всегда учуют. А этот ещё дорожку запомнил. Нет, к тебе он бежал. Повезло тебе, что сама навстречу ему вышла. Слышала, дочка у тебя? Так он одичал бы, пока до тебя добрался. Выбирал бы потом, то ли дочкой твоей закусить, то ли курицей. Страха-то нет у него, одно слово, дурень. Тебя бы не тронул, помнил бы, а вот насчёт девочки не уверена.

Магда вспомнила дикие глаза выскочившего перед ней на дорогу волка и поёжилась.

— Девочка в городе, — сказала она больше для себя, чем для Денны.

— А ты зачем ко мне шла-то? — спросила рыжая ведьма. — Ежели дочку-то отослала, так, небось, давно собиралась? Рассказывай. Эй, как тебя там, Арне!

Волк высунул морду из прибрежных кустов.

— Помог, молодец. Теперь бери... лапы в лапы — и вперёд. Ищи свою стаю. Говорят, на востоке они, за Пустошью-то. Трудно тебе будет, но ты проберёшься, чай, волк, не кто-нибудь. И чтоб от людей подальше держался, слышишь? Иди вот, с мамашей своей попрощайся — и беги.

Арне кинулся к Магде и ткнулся носом в её руки. Повизгивая, подставлялся под её ласку, вылизывал лицо и тихо, жалобно, подвывал. У ведьмы разрывалось сердце.

— Ну, будет, будет, — вмешалась Денна, когда Магда уже была готова взмолиться, чтобы рыжая сняла своё заклятие. — Не со зла говорю, а для твоей пользы. Беги, серый. И пока не научишься между зверем и человеком выбирать-то, чтобы я тебя тут не видела!

Она хлопнула волка по пушистому боку, тот обиженно взвыл, отскочил — только они его и видели.

— Жадная ты, — осуждающе сказала Денна. — Своё отдавать не любишь. Знаешь, почему ты жива осталась? Тогда, семь лет назад. Слышала я про тебя. Ведьмы-то из башни, они тоже жадные. Им бы убить тебя, а они — нет. Пожадничали. Вот ты от них и сбежала. И сама тоже жадная стала.

— А ты — нет? — в упор спросила Магда. — Не жадная?

— Жадная, — рассмеялась рыжая. — Очень жадная. Только есть жадность, когда хочешь больше, а есть — когда своё отдавать не любишь. Вот ты — очень не любишь, а так нельзя жить. Ничего не отдавать — всё потерять, не знаешь разве?

— А почему ты назвала меня его мамашей?

— Мамаша и есть. Ты ж его оборотнем сделала. Вторую жизнь ему подарила. Кто ты, если не мамаша? А что он влюблён в тебя, так это человеческая блажь. Глядишь, перерастёт-то её. А, может, и нет.

— Я дала ему отворотное зелье, — тихо сказала Магда.

Рыжая засмеялась.

— Всеми тебя учить надо! Какое ж отворотное зелье, ежели он оборотень? Перекинулся туда-сюда — и нет никакого зелья. На них же ничего долго не действует, две-то шкуры у них, куда с ними справиться?

— Но ты же как-то сумела...

— Так я ему, почитай, бабкой прихожусь. Конечно, сумела. Бабку-то слушаться надо! Да и не колдовала я над ним, а просто подтолкнула маленько.

Они поели хлеба и варёных яиц, припасённых Денной, запили вином, которое принесла с собой Магда, поднялись и пошли вдоль берега Корбина к дому рыжей ведьмы.

— Рассказывай, — снова велела Денна по дороге. — Зачем ты меня искала?

Магда пожала плечами и принялась рассказывать. О себе. О своём проклятии. О бароне, о его дочери, о своём любовнике и о том, как потеряла силу. О том, как попала в руки братьев-заступников и как убийца, проклятый, её спас. О страшном условии, которое он ей поставил — за спасение сперва Норы, потом Арне. О том, как пыталась отказаться, даже не зная, что ей будет, что отдавать. О долгих, долгих годах борьбы и отчаяния. О том, как сдалась... и о том, как не сдалась. О дочери своей, как та привязалась к «доброму дяде» и как без ведома и согласия матери проявила талант, который Магда думала, она вовсе никогда не проявит. Ведь колдовской дар — это проклятие, а девочку некому было проклинать. Рыжая ведьма слушала очень внимательно. Она казалась обычной женщиной, бедно одетой в стоптанных башмаках, одно только — по её лицу, стати, волосам никак нельзя было понять возраста, а ведь она была полна колдовских сил, когда Вир ещё был юным мальчиком. Она была обычной женщиной и вела себя тоже... обычно.

Эта женщина смогла закрепить оборотня в зверином облике...

— Ой, наворотила ты, — покачала головой Денна, когда Магда рассказала всё и уже успела охрипнуть. — Ой, наворотила... В дом проходи. Ты всё рассказала, я теперь думать буду. Спать-то не хочешь? Нет? Тогда, сделай милость, в огороде помоги?.. Грядки там перекопать-то надо, потом кур покормишь, козам корму задашь... Сама посмотри ещё, что тут переделать-то надо.

Магда пожала плечами.

— Как скажешь, хозяйюшка. Где у тебя лопата?

* * *

Эрна ухватила со стола кусок хлеба с вареньем и выбежала на улицу. Ух, и весёлый был город Раног! Столько народу — да дома она бы и к старости столько не перевидала,

сколько за один день. А вон там, гляди-ка, толпа в ярких рубашках ведёт на цепи живого медведя! Бедняга! Кто ж его так поймал, несчастного?

А тут! Женщина в алом платье, да и чудном каком-то, широком, с разрезами, таких нигде и не увидишь даже, а на плече у неё птица сидит... когти! А перья-то! Ни у одного петуха таких не увидишь! А клюв-то, клюв! А птица ещё и кричит человеческим голосом! Скворец тоже может за человеком повторять, да где ему до той птицы! Вот бы себе такую!

Или вон! Мальчишка! Взрослый почти! А за ним... вот диво-дивное! Зверёк какой-то... вместо передних лап — руки и вместо задних лап — тоже руки! В курточке! Заметил, что Эрна на него смотрит, рожу скорчил! Эрна ему в ответ язык показала, вот смеху-то!

Когда она в прошлый раз у тёти гостила, та её на улицу и не выпускала даже. Берегла, мама говорит. А тут — чего бояться? Дядя Виль совсем нестрашный, хоть и плохой, но на самом деле он ведь добрый, правда? А тётя Вириная ворчит и губы поджимает. Заладила — плохой да плохой. А когда Эрна на яблоню залезла, упала и коленку расшибла, кто её перевязал и сказал, что маме не скажет, чтобы не ругалась? Откуда тёте Вириноее знать? А когда дядя ушёл, мама уставать стала. Всё ворчит и ругается, да дядю поминает. Он бы сделал, да он бы помог. И про коз что-то. А козы же забавные! Только тот зверёк ещё лучше. Вот бы себе такого! А если маму попросить, она разрешит? А дядя достанет? А где такие зверьки водятся? У кого бы спросить?

Эрна уже почти решила бежать за мальчишкой (хотя тётя строго-настрога запретила уходить далеко от дома), как кто-то сзади тронул её за плечо. Девочка резко обернулась.

Ух ты!

Это ещё получше зверька будет!

Рыцарь — такого красивого она и не видела даже и не знала, что люди такие бывают!

Как в сказке... ну, не в такой, как дядя Виль рассказывал, он про рыцарей вообще мало упоминал, а герои у него все какие-то нехорошие получались, мама даже ругалась. Он просто такой человек... а рыцари — они у барона служат или сами по себе... только они обычно какие-то... ну... не такие... как-то попроще, что ли?.. Под тонким плащом на незнакомце была — ой, мамочки! — рубашка, расшитая золотом, и на поясе висел меч в драгоценных ножнах, и волосы его золотились на солнце, а глаза были ярче неба...

— Здравствуй, девочка, — приветливо улыбнулся незнакомый рыцарь. — Я тут в первый раз, ты не скажешь, здесь ли живёт госпожа Вириная?

— Здесь, здесь! — торопливо закивала Эрна. Вот ей повезло-то! — А вы заболели?

Она с сомнением оглядела ладную фигуру рыцаря. Выглядел он совершенно здоровым.

— Нет, я здоров, — подмигнул ей рыцарь.

— А если вы погадать, то тётя Вириная на любовь не гадает, — надулась девочка. — Она говорит, нечего ерундой заниматься. Она только тогда гадает, когда кто-то в беде большой. А вы вон здоровый.

— Она твоя тётя? — заинтересовался незнакомец. — Ты у неё живёшь?

— Я живу у себя дома, а тётя Вириная подруга моей мамы, а мама говорит, нечего с посторонними людьми разговаривать, а зачем вы спрашиваете?

— А маму твою как зовут? — не отставал незнакомец. Девочка почувствовала недоброе и попятилась, готовясь задать стрекача. — Не бойся! Я угадаю, хочешь?

— Ты же не здешний? — удивилась девочка.

— Не здешний, а маму твою зовут Магда и она ведьма в Фирмине, верно?

— Ух ты! — пришла в восторг девочка. — А где мы живём, знаешь?

— А живёте вы в старом охотничьем домике в лесу в Фирмине.

— А вот и неправда! Маме этот дом барон отдал, ещё когда я не родилась, и грамоту пожаловал!

— Этого я не знал, — как-то грустно улыбнулся незнакомец и Эрне сразу захотелось его порадовать.

— А откуда ты про нас столько знаешь?

— Видишь ли... Я думаю, что я твой папа.

— Ух ты! Настоящий?!

У Эрны никогда не было папы. Вот у братика сразу два папы, правда, про одного нельзя говорить никому-никому, это секрет, но вот у него есть, а у Эрны ни одного. Она спрашивала у мамы, почему так, но она сказала, что папы нету и всё тут. Эрна даже у дяди Вилья спрашивала, а он вообще не ответил, только глянул так... сразу спрашивать расхотелось. Эрна даже на всякий случай спросила маму, может, дядя Виль её папа, а мама сначала охнула и долго держалась за сердце, потом сказала, что никогда такого не было и быть не может. А потом ещё дольше смеялась и велела не выдумывать.

А тут! И куда лучше, чем дядя Виль! Вон какой красивый, статный! Дядя Виль, правду сказать, был человек неказистый. Мелкий какой-то и... ну, не такой красивый, как папа.

— Самый настоящий, — заверил рыцарь.

— Вот здорово! А как тебя зовут?

— Алард. Меня зовут рыцарь Алард.

— А меня Эрна. Меня так мама назвала. А дядя зовёт Эрлейн. А ты как меня будешь звать?

— Ты моя старшая дочь, поэтому я буду называть тебя Атала.^[22] Хочешь?

— Хочу! А ты точно мой папа? А как вы с мамой познакомились?

— Точно, — улыбнулся Алард. — Я шёл через лес и хотел переночевать в охотничьем домике. Дверь открыла твоя мама... её окружал свет... глаза её сияли... она сразу узнала меня и сказала, что давно ждёт... я вошёл и она дала мне напиток...

Эрна как замороженная его слушала. Было так здорово услышать про маму! Дядя Виль тоже рассказывал, только у него мама выходила какая-то... глупенькая. Всё-то дядя лучше неё знает. А Алард... папа так красиво рассказывает.

— А ты в маму сразу влюбился?

— Как в такую не влюбиться? — по-доброму засмеялся Алард. Девочка просияла.

— А ты нарочно меня искал, да?

— Конечно, нарочно.

Эрна задумалась. Что-то было неправильно, но что — от неё ускользнуло.

— А почему ты от нас ушёл? — строго спросила она. — Почему ты с нами не живёшь?

— Ну, доченька, ты ещё маленькая, ты не поймёшь...

— Я всё пойму! Мама сказала, что ведьма всё знает! Вы с мамой поссорились, да? Она тебя прогнала? Она может. Она и с дядей всё время ссорится.

— А... что за дядя? — напряжённо спросил Алард.

— Просто дядя, — надулась девочка. — Может быть у меня дядя?

— Твоя мама его любит? — прямо спросил рыцарь.

— Нет! — засмеялась девочка. — Мама никого не любит. Она говорит, только дураки время на любовь тратят. А дядя ушёл. Они поругались и он ушёл. Но мама его не любит, ты не думай! А ты маму любишь?

— Очень люблю.

— А она, наверное, из-за тебя так думает, да? Ты её сильно обидел?

— Сильно, — погрустнел рыцарь.

— Так а ты извинись! Помиритесь! Я, знаешь, как делаю? Подхожу и говорю: «Мамочка-прости-меня-пожалуйста-я-больше-так-не-буду-я-очень-тебя-люблю!». И она всегда прощает. А ты так можешь?

— Я попробую, — заверил рыцарь.

— Ты же придёшь к маме? — потянула его за рукав Эрна. — А, хочешь, я тебя с тётёй познакомлю? Она добрая! Она всех сразу насквозь видит! А что сразу не видит, в зеркале может посмотреть! Хочешь, она посмотрит, как вам с мамой помиритесь? Ты ей сразу понравиться!

— Не надо, — торопливо отказался Алард. — Я... мне надо кое-что устроить, а потом я к вам обязательно приду. Ты только жди, хорошо? А тётё ты не говори. Когда... когда взрослые люди вот так ссорятся, как мы с твоей мамой, им надо вдвоём поговорить, понимаешь? А если кто-то знать будет, они ей советов надают и она уже не так меня встретит. А я очень хочу с ней помириться!

— Тётя может, — согласилась Эрна. — Она маме про дядю всё время говорит... ты не думай только! Это мой дядя! Не мамин! Он меня всему учит, вот! А тётя Вириная маме про него гадости говорит. И мне тоже. Волнуется очень за нас. А дядя хороший!

— Конечно, хороший, — заверил рыцарь. — Раз тебе нравится, значит, хороший. А я тебе нравлюсь?

— Очень нравишься! А ты рад, что у тебя дочка есть?

— Как не радоваться? Ты у меня красавица такая, а я и не знал.

— Так ты придёшь? А как ты через лес пройдёшь? Он же заколдованный!

— А как в сказках через лес проходят? — подмигнул ей Алард. — Ты меня очень ждать будешь — и я приду.

— Верно! — просияла девочка. — Вот, держи!

Она быстро-быстро расплела косичку и ножиком, который ей перед уходом подарил дядя Виль (не его ножик, про который мама говорила, что он заговоренный, а другой, поменьше, но ничуть не хуже) отрезала прядь волос. Спрясть её на улице девочка не смогла, но сплела косичку и протянула отцу.

— Руку протяни! — велела девочка и повязала косичку на руку. — Вот... теперь ты меня никогда не забудешь, правда?

— Я тебя и так не забуду, — искренне сказал Алард. — Ты только никому не говори, даже маме. Это будет наш секрет. А потом я приду к вам и сам всё расскажу. Ты только жди, хорошо?

— Эрна! — донеслось из окна. — Эрна, иди домой, детка.

— Мне пора, — заторопился Алард. — Никому не говори, будь умницей. Я обязательно к вам приду.

— Честно-честно?

— Честно-честно. Дождись, Аталейн.

— А имя — это тоже секрет?

— Конечно!

— Атала. Очень красиво.

— Красивой девочке — красивое имя, — заулыбался Алард.

— Эрна! Пора домой!

* * *

Когда работаешь у себя дома — устаёшь почему-то больше, чем в гостях. Магда без труда справилась со всем хозяйством Денны, которое, правду сказать, не слишком отличалось от её собственного.

К вечеру ведьма переделала все дела, а рыжая вернулась домой и предложила ужинать. Была у неё всё та же каша, только Денна принесла к ней круг колбасы да каравай хлеба, от которых отрезала щедрой рукой.

— О чём думаешь? — спросила рыжая. Когда они допивали вино, принесённое Магдой с собой из Фирмина.

— Про Арне думаю, — призналась ведьма.

— Забудь, — махнула рукой Денна. — Ему пора своим умом жить.

— Да нет... я думаю о том, как вовремя он меня нашёл...

— А, это. Так ты же ведьма. С ведьмами всегда что-нибудь да случается. То хорошее, то плохое. Всё к нам притягивается. И нужные встречи чаще случаются, и от ненужных не спасёшься. Так что берегись. Того и глядишь, кого не хочешь, встретишь.

Магда махнула рукой и они замолчали.

— Думала я о твоём деле, думала, — сказала рыжая, когда всё было съедено, крошки сметены в очаг и даже выскоблен стол. — А чего ты хочешь-то? От меня? Сама сделать чего собираешься?

Магда вздохнула и принялась рассказывать заново. О том, что видела в зелье. О том, какой провела обряд — об этом говорила только вскользь, потому что некоторые вещи нельзя обсуждать. Кому надо, сами знают, а кому не надо, тот пусть не слышит. О том, какое зелье она придумала и как увидела все травы, которые надо сорвать, но только от чего-то сил, как ни пытается, на такое колдовство не хватает. О дочке, которую надо учить и которая всё время капризничает. О том, что ей не хватает сил и знаний...

— И думать забудь, — прервала её рыжая ведьма. — Раньше, чем она дюжину лет проживёт, не возьму. Да и тогда, если толк будет. А не будет толку — так и учить незачем. Маленькая она у тебя-то. Такая сегодня одного хочет, завтра другого. Вот подрастёт — тогда посмотрим.

Магда взглянула ей в глаза и поспешно ответила:

— Как скажешь.

— Не сердись, — тронула её за руку рыжая. — Не со зла говорю.

Магда молча кивнула. В таких вещах нельзя торопить, нельзя требовать. Рыжая была с ней вежлива, даже приветлива, но это ничего не означало. Она могла прогнать гостью, могла отказаться с ней разговаривать. Могла даже порчу навести, если бы ей показалось, что Магда слишком многого хочет.

— А про другое что... наворотила ты, ох, наворотила... подумай ещё, надо ли тебе это? Ради своей-то прихоти, да в чужую жизнь вмешаться.

— Я не ради прихоти, — упрямо возразила Магда. — Я ради Эрны.

— Ты очень жадная. Почему бы тебе не убить его?

Магда растерялась.

— Я... я не могу...

— А ты знаешь, что чужая память прорастёт, как ты её не закапывай?

— Значит, буду выпалывать, — пожала плечами ведьма.

— Ой, не дело ты затеяла, ой, не дело...

Магда пожала плечами и поднялась на ноги.

— Спасибо, хозяйюшка, за хлеб, за ласку...

— За колбасу, — подхватила рыжая и весело рассмеялась. — Сядь.

Магда немедленно опустилась на лавку.

— Ты не дело затеяла, но это твоя жизнь. Всё будет как будет. Одно скажу — брось зелья-то варить, брось в будущее заглядывать. Обманут они тебя.

— Зелья же не лгут, — растерялась ведьма.

— Не лгать-то не лгут, да только не то показывают, что тебе надо, а то показывают, что может сбыться, а может и не случиться с тобой. Зачем ты девчонку свою ведьмой сделала? Смогла, молодец, сильна ты. Не всякая так сможет. Да только зачем? Учить её не умеешь и радости тебе с этого никакой. Учи теперь сама, раз сумела. А зелье-то своё больше не вари, слышишь? Умирать будешь — не вари. Доваришься не то. Поняла меня?

— Поняла, как не понять, — проворчала Магда.

Рыжая покачала головой.

— Так сильно хочешь от этого батрака своего избавиться? Сказку знаешь? Про злых духов, которые у ведьмы работу требуют?

— Знаю, — буркнула Магда. — А если ты не найдёшь работу, он тебя замучает.

— Так нашла бы работу ему. Чем мешает?

— Не он мешает, — терпеливо разъяснила ведьма. — А то, что найдут его у меня — нас обоих убьют, глядишь, и Эрну не пощадят.

— Найдут-не найдут, — рассердилась рыжая. — Его ещё только могут найти-то, а ты хочешь наверняка его с ума свести! Зачем — ты думала?

Магда отвернулась.

— Гляди-ка, обиделась. Ну, вот что, слушай. Как зелье варить, ты и сама знаешь. И как его поднести. Дело твоё. Ты силы просила — вот и скажи, много ли отдашь за неё?

Сердце у Магды заныло. Разговор, наконец, перешёл к делу.

— А... что надо отдать? — тихо спросила она.

— Ну, не дочку же, — хмыкнула рыжая. — Лес свой отдашь. И не мне.

Магда ждала.

— Слышала, небось, обо мне. Не зря же ты искать меня явилась.

Магда кивнула.

В памяти всплыл старый разговор — тогда, семь лет назад, когда они с Вилем сидели у костра на дороге в Кординиан...

— *Плохая идея — вывести к людям мужика с рогами, — сказал тогда батрак. — Да ещё назвать его хранителем здешних мест. Святоши этого не любят.*

— Твой лес хорош, — со странным, жадным выражением потянула Денна. — Очень хорош... он живой... но у него нет своей души. Ты дашь ему душу. И тогда... тогда я дам тебе силы. А силы тебе пригодятся...

— А... где... — сглотнула ведьма, — где ты возьмёшь эту душу?..

Рыжая торжествующе улыбнулась.

— Там, где ты никогда не догадывалась посмотреть! Я предлагаю тебе обратиться к

тем, кто правил этой землёй задолго до того, как сюда пришла ложь о Заступнике и Освободителе! К тем, кому поклонялись на этих землях задолго до того, как сюда пришли церковники с их ложью!

— Но это... язычество, — ахнула Магда.

Рыжая засмеялась.

— Это важно для тебя? Во что ты веришь, ведьма Магда? Дочь рыцаря Бертильда? Чему тебя учили? Ты хочешь всю жизнь колебаться между двумя лжецами, которых даже не существует? А тот, о ком говорю я — ты увидишь его.

Она протянула руку.

— Идём. Ты всё увидишь своими глазами.

Магда взяла предложенную руку. Сердце отчаянно колотилось. Денна предлагала привести в её лес — кого?

* * *

Когда идёшь с ведьмой по её лесу, ты не можешь запомнить дорогу. Так Магда водила людей по своему лесу. Так теперь вели её саму. С каждым шагом — ты как будто пересекаешь границу миров. С каждым шагом — ты как будто оказываешься... где?

— Ты должна сама сделать выбор, — тихо говорила Денна и дорога расстилалась под её ногами. — Приняв его, ты откроешь ему дорогу в свою душу. Совершив обряды — тыпустишь его в свой лес. Позже... позже ты приведёшь к нему и других. Шаг за шагом мы восстановим древние обычаи. Приняв его, ты станешь сильнее. Тебе откроется мудрость, которой ты лишена.

— Но я...

— Ты сама решишь, — напомнила рыжая ведьма. — Никто не может принять решение, кроме тебя. Ты хочешь силы, защиты... Ты хочешь разорвать навязанные узы. Решайся. Я не могу тебе дать этого. Никто не может. А он — сможет. Только он.

— Но цена...

— Мы всегда платим цену, — прервала её рыжая. — Ты пытаешься отвертеться от платы, но сделать это можно только заплатив кому-то, кто ещё сильнее.

— Что я должна сделать?

— Потом. Позже. Сначала ты должна ему открыться. Если он примет тебя... если ты примешь его... тогда... тогда...

Она вывела Магду на поляну. Там, как и у Магды, клубился туман и в самом центре темнел большой плоский камень. А за камнем возвышалось что-то вроде грубой статуи, украшенной настоящими козлиными рогами.

Перед алтарём было кострище, в котором заранее были приготовлены дрова. Рыжая ведьма встала на колени и быстро и умело развела костёр.

— Смотри на него, — кивнула на статую рыжая. — Смотри и жди...

Магда послушно взгляделась в статую сквозь разгорающийся костёр. Она тоже так умела. В огне всё кажется нечётким и если долго в него всматриваться, то может показаться, что статуя движется. А статуи не движутся. Это просто обман зрения и игра воображения, которая его подкрепляет.

Где-то в стороне раздалось тихое пение, зазвенели серебряные колокольчики. Краем

глаза Магда увидела рыжую ведьму, танцующую вокруг алтаря и статуи. Это было... было...

Статуя зашевелилась. Дым от костра потемнел, повалил прямо на ведьму и стал разъедать глаза. Магда сморгнула. Она думала, что ей показалось... почудилось...

С трудом, словно устав от неподвижной позы, он распрямлялся, поднимался, вставал на мохнатые козлиные ноги и поднимал к небу гордую голову, украшенную рогами как короной.

Он был вовсе не похож на свою статую. Огромный, *он* перешагнул через алтарь, перешагнул и через костёр и склонился над Магдой. В стороне... кажется, что отовсюду слышалось тихое пение и рыжая ведьма по-прежнему извивалась вокруг в танце, но это стало неважным... Ей кажется? Или она спит? *Он* протянул руку... кажется, уменьшился, став только немного выше Магды... ведьма вложила свои руки в его. Кем *он* был? Видением? Сном? Древним божеством? Духом-хранителем этих мест? Глаза его сияли как звёзды, как пламя костра... он был совсем близко от Магды... дыхание её прервалось и...

В мысли ворвалось разъярённое рычание. Откуда-то из темноты выскочил волк со светлой шкурой и с яростью вцепился в ногу божества. Так в лесу хищники охотятся на загнанного оленя... Вот только волк был один. Арне?.. Откуда он здесь взялся?.. Лесной хранитель издал пронзительный звук, что-то, похожее одновременно на оленин крик и на козлиное блеяние. Волк только рычал сквозь сомкнутые зубы. И тогда хранитель стал расти, расти, расти... Арне разжал челюсти, отпрыгнул, но снова с рычанием набросился на божество. Магда растерялась. Из темноты вынырнула рыжая ведьма.

— Что стоишь? — спросила она требовательно. — Помогай.

Денна вручила Магде огромную кривую корягу, на конце которой тлел огонь, и отступила в тень. У лесного хранителя в руках появилась такая же коряга. Он медленно, всё ещё с усилием, занёс её над головой... волк покосился наверх, но продолжал отчаянно сжимать зубы, а хранитель, казалось, не чувствовал боли и всё поднимал и поднимал своё оружие...

Сердце пропустило удар.

Арне.

Её мальчик. Её рыцарь.

Тот, за жизнь которого она когда-то обещала такую страшную цену.

Магда рванулась вперёд, подставляясь под удар чужой коряги, которая стремительно полетела вниз. Палка ударилась о палку. Откуда силы взялись? Магда сама не знала, что сделала. Только страшно болели руки, да стоящее перед ней чудовище потеряло своё оружие. Оно отступало, уменьшаясь в размерах. Волк с рычанием рванулся за ним.

— Хватит, — произнесла рыжая, снова выступая из тени. Она повела рукой — и Магда застыла на месте, выронив корягу в костёр. К небу взлетел сноп искр. Волк замер рядом. — Ты сделала выбор. Вы оба сделали выбор. Вы могли бы обрести могущество... но вы отказались.

Она повернулась к Арне.

— Я же велела тебе уйти! Забудь эту ведьму, сказала я, возвращайся к своим сородичам! Ты должен был стать тем, кем тебе предназначено — лесным зверем! Я сказала тебе — приведи её ко мне и убирайся!

— Приведи её? — переспросила Магда, пристально глядя на оборотня. Тот выдержал её взгляд. — Арне? Что это значит?

— А разве ты не хотела меня найти? — вместо Арне ответила рыжая ведьма. — Твой

рыцарь обратился ко мне... за советом. Но я не помогаю в детских прихотях.

— Так что же... — не укладывалось в голове у Магды. — Ты лгала мне?

Этого попросту не могло быть. Ведьмы редко лгали друг другу, особенно в делах, связанных с могуществом. Могли хитрить, изворачиваться, не договаривать, но лгать...

— Зачем? — усмехнулась Денна. — Ты не нашла бы меня, если бы не он. И я давала ему возможность выбрать — как дала её и тебе. Твой волчонок взял на себя обязанности, которых не исполнял. Я дала ему возможность повзрослеть. Но ему не хватило духу расстаться с тобой.

Магда почувствовала, что вся дрожит. Осенние ночи холодные... Она хотела закутаться в плащ, но обнаружила, что на ней только сорочка — тонкая, не здешней выделки, ей подарил её барон, давно, ещё тогда, когда...

От ночного ветра сорочка не защищала.

Как это произошло? Где её одежда? Магде стало страшно. Что же с ней случилось? Была ли она околдована или обманута, сбита с толку? Огонь. Дым. Что туда могло быть подмешано? Что здесь успело произойти, пока Магда таращилась в пламя?

Начиналось всё... *правильно*. Рыжая испытывала её, предлагая работу. Соглашаясь, Магда принимала её главенство. А потом? Что случилось потом?

Как она допустила, чтобы с ней случилось... *такое*?

Рядом раздался вздох и ведьма увидела у своих ног вместо волка коленапреклонного рыцаря. Арне был полностью обнажён, значит, превращение в волка застало его врасплох. То ли ночь была виновата, то ли он привык уже быть оборотнем, но нагота его ничуть не смущала.

— Он узнал кое-что о тебе, — пояснила рыжая ведьма. — Это разбило ему сердце и он захотел... забыть. Он пришёл ко мне и попросил помочь ему в этом. Я сделала его таким, каким он и должен быть, но он никак не хотел убегать туда, куда я велела. Всё крутился поблизости, выл, пытался что-то сказать... Охотился на моих кур. И тогда я послала его за тобой. Я сказала, что лучше ему бежать на восток, за Пустошь. Но если он не хочет... Пусть приведёт тебя. Я обещала дать тебе выбор — и я дала его тебе. Тебе и ему.

Магда вся дрожала от холода. Страх не было, но не было и надежды, что Денна их отпустит. Она показала им божество, хранителя леса, которому поклонялась, а они отвергли его, они подняли на него руку... и зубы. Такое не прощают.

— Прости, — сказал рыцарь, не поднимая глаз. — Я подвёл тебя.

— Что ты такое узнал обо мне, милый? — ласково спросила Магда, касаясь его светлых волос. Она почувствовала, как под её рукой юноша вздрогнул всем телом. От него словно исходил жар. Жар молодости, жар силы, жар оборотня. Жар мужского тела. Ведьма против воли почувствовала, что её тянет придвинуться поближе к его теплу.

Осенние ночи холодные...

— Я видел сына Вира, — объяснил Арне, по-прежнему не поднимая взгляда. — Приёмьша. Его и Веймы. Я почуял в нём твою кровь. Твою и... твоего барона. От тебя и сейчас им пахнет. Почему?! Почему ты отказала мне?

— Я говорила тебе. Я не могу тебя любить. Я никого не могу любить. Больше нет. Прости.

— А барона?!

— А барон никогда ничего не просил и не ждал.

Она ласково коснулась его плеча — и тут же об этом пожалела. Арне содрогнулся и

перехватил её руку. Поднёс к губам и так и застыл, не в силах отпустить и не осмеливаясь просить о большем. Он, кажется, забыл, что им угрожает.

— Я отпускаю тебя, — откровенно усмехаясь, сказала рыжая ведьма. — Не ищи меня больше — никогда, если не хочешь беды. А когда твоей дочери минует полторы дюжины — пусть придёт сюда...

— Нет!

— Пусть придёт сюда и сделает свой выбор, — спокойно закончила Денна.

Она шагнула ближе и принялась расти, как это делало призванное ею божество.

— Ты очень жадная, — прогремел с вышины её голос. — Смотри, как бы тебе не пожалеть об этом.

Рыжая ведьма доросла до верхушек деревьев и спокойно шагнула в костёр. К небу взвились искры, повалил густой дым... Когда он рассеялся, на поляне не было ни костра, ни ведьмы, только камень, грубо сделанная статуя с рогами, да клубился вокруг белый туман. Небо на востоке начинало светлеть.

Арне прижался ртом к руке Магды и поднял на неё взгляд, полный любви и желания. Второй рукой медленно, робко коснулся подола её сорочки.

Магда снова коснулась его волос. Ласково провела по волосам. А после резко толкнула.

— Арне! Арне, очнись! — потребовала она.

— Я люблю тебя...

— Вот наказание! — вздохнула ведьма. — Арне! Ты хоть понимаешь, что происходит? Дым! Понимаешь? Ты надышался!

— Я всегда любил тебя, — упрямо возразил рыцарь. — Прошу тебя... хотя бы на миг...

Магда покачала головой.

— Арне, — строго произнесла она. — Приди в себя!

— Я давно не мальчик, Бертильда, я мужчина.

— Тогда ты должен понимать, когда женщина тебя не любит.

— Бертильда...

— Прости, мой хороший, — вздохнула Магда и отвесила рыцарю такую оплеуху, что у неё заболела рука.

Арне вспыхнул и отшатнулся. Вскочил на ноги.

— Как ты...

— Очнись, — холодно потребовала Магда. — Я хочу уйти отсюда.

— Ты ударила меня по лицу...

— Арне, — медленно, терпеливо проговорила ведьма. — Мы в тайном месте Корбиниана, там, где никто не должен появляться без разрешения. Мы только что оскорбили хранителя здешних мест. Начинается утро, а на нас нет одежды и я не знаю, куда исчезла моя. Мне холодно!

— Бертильда...

— Арне, рыцарь ты или нет — я хочу уйти отсюда, пока жива и не замёрзла насмерть!

Арне густо покраснел и Магде стало его жалко.

— Она подбросила что-то в костёр, — пояснила Магда. — Я тоже так умею, но этого снадобья не знаю. Ты... это как опьянение.

Рыцарь молча отвернулся. Магда вздохнула.

— Пойдём отсюда. Вейма говорила, у Вира здесь где-то был дом.

— Да, дом шателена, — спохватился Арне. — Теперь в нём живу я.

— Далеко до него идти?

Арне что-то прикинул, повернув нос по ветру.

— Мы дойдём к середине дня. Только...

Магда закатила глаза.

— Найди лопухи, — нетерпеливо сказала она. — Идём же!

Глава шестая

Возвращение домой

Дорогу через лес Магда запомнила надолго. Арне вывел её из тайного места леса, где никто не мог их увидеть, а потом они крались между деревьев и бедолага Арне то и дело останавливался и приносивался. Несколько раз он поспешно хватал её за руку и утаскивал подальше в лес — чтобы не столкнуться со своими же крестьянами, которые искали грибы, валежник или проверяли силки на зайцев. Ведьминская сила здесь не могла помочь — Магда была на чужой земле и не хотела злить хозяйку, а превращаться Арне боялся. Но вот они вышли к дому шателена. Магда увидела добротный дом — не господский, но и не такой, в каких живут крестьяне. Два этажа, высокое крыльцо, хозяйственные пристройки... вокруг суетились люди.

— Ты замёрзла? — виновато покосился на неё Арне и тут же, мучительно покраснев, отвёл взгляд.

— Я уже умерла от холода, — процедила ведьма. Рыцарь покраснел ещё мучительней.

— Я отдал бы тебе свой плащ...

— Но ты голый, — безжалостно закончила Магда. — Слушай. Ничего не поделаешь. Ты должен к ним выйти.

— Но я...

— Выйди к ним. Скажи... что угодно скажи. Скажи, что тебя заколдовала ведьма. В конце концов, это правда!

— Но как же...

— Скажи, что ты сражался с демоном, который хотел похитить твою душу, — ещё нетерпеливей потребовала ведьма.

Рыцарь замотал головой, как ребёнок. Он был готов умереть, но не опозориться перед всеми.

Магда задумалась.

Надо было что-то сделать... надо было что-то...

Виль бы придумал... он знал, что делать в таких случаях...

Когда-то давно... семь лет назад...

Они ждали в лесу у самой дороги, на которой гарцевали всадники, пришедшие ловить висельника по прозвищу Медный Паук. Мимо них из леса на дорогу вышел наполовину обезумевший знахарь — человек, который мог бы стать zdeшним колдуном, если бы в Латгавальде уже не было ведьмы.

— Сейчас они на него отвлекутся, — предсказал батрак, наблюдая, как знахарь отказывается остановиться, как он разыгрывает перед всадниками целое представление. Они один за другим подъезжали поближе, чтобы разобраться, что делать с пляшущим с факелом человеком.

— Теперь, — решил Виль, хватая Магду за руку. Они перебежали дорогу за спинами всадников и углубились в лес с западной стороны.

— Умение ждать, — позже объяснял батрак, очень довольный тем, как они избавились от погони, — это главное в нашем деле.

Магда, всё ещё бледная от страха, молча кивнула. Она никогда не решилась бы

перебежать дорогу, не укрытая ни лесом, ни магией, ни даже тенью. А если бы кто-то из всадников повернулся?!

— *Не надо суетиться, — продолжал убийца. — Ты выбираешь нужное место, подгадываешь время, а дальше ждёшь. Тех, кто бегают и кричат, убивают первыми. Сиди молча и жди.*

— *А если путь закрыт? — уточнила ведьма, просто чтобы поддержать разговор. — Они же могли бы не отвлекаться.*

— *Но они отвлеклись. В этом всё дело.*

— Хорошо, — процедила Магда. — Прокрадись в другую сторону и завой.

— Как? — заморгал рыцарь.

— Страшно! Ты совсем поглупел от этого дыма! Страшно завой. Они или кинутся туда, откуда слышали звук, или убегут прочь. Ты сможешь войти в дом и взять свою одежду.

— А ты?

— Было бы странно, если бы я появилась у тебя внутри дома, верно? Забери свою одежду и принеси свой плащ. Мы выйдем к людям вместе. Скажешь, что нашёл меня в лесу. И спас от чудовища.

— Но я рыцарь, я не могу лгать своим людям!

— Ты не солжёшь! Ты скажешь правду!

Она поперхнулась и с трудом подавила кашель. Долго шептать было очень больно.

Ей надо оказаться дома... надо заварить травы... нужно выпить подогретого вина...

Арне кивнул и исчез. Спустя мгновение у самого дома раздался такой леденящий душу вой, что Вир мог бы гордиться своим воспитанником. Люди зашептались. Вой повторился. Кто-то пустился бежать, но большинство бросились в дом шателена, чтобы укрыться в его стенах.

Арне вернулся к Магде, весьма обескураженный результатом своих действий.

— Прекрасно, — прошипела ведьма сорванным голосом. — Ты же оборотень! Ты ловчее, чем обычные люди, а тут и человек справится. Заберись в свою комнату и забери свою одежду. Они закрыли ставни и тебя не увидят, если ты будешь осторожен.

Арне покраснел ещё сильнее, чем прежде. Вой повторился, прошло немного времени и рыцарь вернулся, наскоро одетый в штаны, сапоги и рубашку. В руках он держал плащ, который поспешил набросить на плечи ведьмы.

— Умница, — просипела Магда. — А вот теперь мы можем выйти... да не здесь, балда! Надо выйти на дорогу, чтобы нас видели издалека... Кстати, а где твой меч?

Арне кивнул и снова скрылся.

* * *

Они пробрались подальше от дома и вышли на дорогу, вернее, широкую лесную тропинку. Вышли к дому, не зная наверняка, видит ли их кто-нибудь. Наверное, всё же видели, потому что, когда они шагнули во двор, из дома стали осторожно выглядывать люди.

— Господин Арне? — робко спросил какой-то крестьянин. — Вы вернулись...

— Да, Гоззо, — приветливо кивнул ему рыцарь. — Это — Бертильда, дочь рыцаря Криппа. На неё напало чудовище, она насилу спаслась. Я... я помог ей.

Лицо рыцаря залила краска.

— Чудовище? — вскинулась какая-то женщина. По тому, как она придвинулась к Гоззо,

Магда поняла: жена. — Что за чудовище?

Ведьма быстро соображала. Вой доносился поблизости, но следов нет.

— Крылатое, — закашлялась она. — Огромное. С когтями. Поймало меня... я... мы выехали... ехали через Вилтин... на привале.... я... отошла...

Люди понимающе закивали.

Отряд встал на ночлег посреди леса. Так редко делали, предпочитали добираться до жилья, но иногда всё-таки выбирали не тратиться на постой. Женщина отошла по нужде. Богатая, видать, судя по сорочке. Небось, шатёр поставили, перину приготовили, она и разделась перед сном, да вот — приспичило. Тут-то её чудище и схватило.

— А где остальные? — раздался резонный вопрос.

Магда изобразила на лице беспокойство и развела руками.

— Сожрало, видать, — прошептал в толпе кто-то.

— Разбежались? — трезво предположил Гоззо.

— Ищут госпожу Бертильду в Вилтине? — предположила его жена.

— Надо разузнать, — решительно заявил всё ещё красный от стыда Арне.

— Послать людей? — спросил Гоззо. Все испуганно попятнулись.

— Нет, — покачал головой рыцарь. — Я сам. Съезжу к отцу...

— Как бы вас самого, господин, не слопали, — опасливо произнесла какая-то старая бабка.

Арне похлопал по мечу.

— Но, господин! — спохватилась жена Гоззо. — Чудовище где-то рядом! Мы слышали, как оно воет!

Рыцарь не удержался и бросил на ведьму растерянный взгляд.

Магда хотела застонать, но вместо этого закашлялась.

— Госпоже Бертильде нужен отдых, — спохватилась жена Гоззо.

— Да, Лота, — благодарно подхватил Арне. — Ты позаботишься о ней?

Женщина поклонилась и взяла ослабевшую уже Магду под руку.

— А мы поищем чудовище! — воодушевился Гоззо. — Возьмём факелы... и с нами господин Арне! Он ведь уже отогнал чудовище от госпожи Бертильды!

Арне тихонько вздохнул. Магда бы ему посочувствовала... если бы у неё были силы.

— Обязательно поищем, — обречённо согласился оборотень.

Магда позволила женщинам увести себя. Они всю хлопотали, дали ей новую одежду, пусть и из грубого полотна, но зато тёплую, накормили, дали подогретого вина и уложили спать. Ведьма пообещала Лоте, что обязательно расскажет ей всё-всё про чудовище — какие у него крылья, какие когти и, разумеется, как у него воняет из пасти. И, конечно, о господине Арне, который был великолепен, когда бросился к чудовищу, вытаскивая меч и рубанул прямо по ядовитому хвосту...

Договаривала ведьма уже с закрытыми глазами. Усталость, тепло и вино сделали своё дело.

Виринея встревоженно приглядывалась к Эрне. Та сделалась какая-то странная. Отказывалась учиться и под любым предлогом убегала на улицу. Оттуда возвращалась неохотно, то счастливая, то расстроенная, а на все вопросы отвечала уклончиво и не смотрела в глаза. Волшебница пыталась за ней проследить, но ничего особенного не углядела, да и где ей было угнаться за девочкой. Пыталась разглядеть происходящее с Эрной в зеркале, но, то ли не везло ей так, то ли что, но и там ничего не увидела. Девочка просто бегала по улицам и, казалось, кого-то высматривала. Кого? Виринея попыталась заглянуть в прошлое, но зеркала, не в пример ведьминским зельям, были плохими в этом помощниками. Тогда волшебница посмотрела в будущее. Это тоже было ой как непросто. В прозрачной глади серебряной пластины Виринея увидела сперва картины мирной жизни. Вот Эрна прядёт, ухаживает за огородиком, помогает матери по дому... в лесу... а потом видения стали сменять друг друга так часто, что у волшебницы зарябило в глазах. Это означало — выбор. Это означало, что с Эрной может случиться всё, что угодно.

Даже очень плохое...

— Солнышко, — перехватила девочку волшебница, — хочешь, посмотрим на братика? Или на маму?

— Неа, — отмахнулась Эрна. — Мама сказала, ещё раз буду подглядывать, она меня вицей проучит, а дядя Виль сказал, что скоро в нужник нельзя будет без лишних глаз сходить.

Дядя Виль.

Дядя.

— Он так у вас и живёт? — настороженно спросила Виринея.

— Нет. Они с мамой поругались и он ушёл. Сказал, что потом вернётся. А он тебе не нравится, да?

— Эрна, золотко, — обняла девочку волшебница, — он очень, очень плохой человек.

— Ага, — охотно подтвердила Эрна. — Он так и говорит, что он плохой. А что это значит? Он маме помог! А ещё маму когда-то спас. Это же хорошо, да?

— Конечно, хорошо, детка. — Но, видишь ли, он помог твоей маме не просто так.

— Я знаю, — так же безмятежно подтвердила девочка. — Он хотел, чтобы я ему помогала, когда вырасту. Но он сказал, только если я захочу.

— Ты же понимаешь, в чём ему нужна помощь? Он убийца. Он убивает людей.

— Ага. Я знаю, тётя Виринея. Он очень плохой. Только он помогает, понимаешь? Маме никто никогда не помогал. Даже дядя Алмарик. Мама и сама не хотела. Она говорит, что ведьме не нужно, чтобы рядом другие люди крутились.

— Какой дядя Алмарик? — не поняла волшебница.

— Папа моего братика, — широко распахнула глаза девочка. — Настоящий, не дядя Вир. Ты же знаешь! Только он к нам никогда не приходил. Он людей присылал помочь чего надо. Только мама так не любит.

— А дядю Виля любит? — нахмурилась Виринея.

— Неа. Они всё время ругаются. Мама всё ворчит, а дядя Виль говорит, что за работу слова доброго не слышит. Только он помогает. Понимаешь? Он полезный! И добрый.

— Он плохой, — повторила волшебница.

— Ага.

— О чём он с тобой разговаривает? — не отставала Виринея.

— О разном, — растерялась Эрна. — Сказки рассказывает. Про маму говорит. Советы

всякие даёт. С ним интересно!

— Какие советы? Чему он тебя учит?

— Да всякому, — ещё больше растерялась Эрна. — Ножики кидать научил. Правда, здорово?!

— В кого это вы кидали ножики?!

— Мама сказала, если будем в птичек и зверюшек кидать, она нам всыпет, — надулась Эрна, — а дядя Виль сказал, больно надо. Ни в кого мы не кидали. Он сказал, у меня хорошо получается!

Виринея глубоко вздохнула. «Добрый дядя» совсем заморочил девочке голову.

Ещё несколько лет и она будет верить его словам больше, чем самому Заступнику.

— Пойдём-ка, милая, — обняла она Эрну за плечи. — Я покажу тебе, чем на самом деле занимается твой дядя.

— Он будет ругаться, — неуверенно запротестовала девочка. — Он говорит, за людьми нехорошо подглядывать.

— Ничего, — заверила её волшебница. — Зато ты узнаешь, в чём ему помощь нужна.

— А это очень страшно?

— Но ты же не боишься? Ты ведь большая девочка?

* * *

Им пришлось провести в Корбиниане ещё один день. Пока Арне искал «чудовище», пока они с мужчинами судили и рядили, куда оно делось и почему утащило именно Магду. Тощий прыщавый паренёк, который помогал мельницу засыпать зерно, предположил, что чудовище в темноте перепутало «госпожу Бертильду» с прекрасной девой, на которых они, ясное дело, особенно падки. Она же благородная! Его предположение сперва высмеяли, но после местный бондарь высказал общее мнение, что на месте чудовища тоже предпочёл бы такую вот бабу в самом соку юной деве, будь она сколько угодно прекрасная и благородная. Арне, ещё не утративший юношеской привычки краснеть, потребовал прекратить такие речи и отнестись к благородной даме со всем уважением.

Гоззо осторожно отвёл его в сторону.

— Вы, господин Арне, не сердчайте, а только было ли чудище, а? Мало ли от кого она ушла? Бывает, припекает так, что и в сорочке сбежишь, а то и вовсе в чём мать родила. Лота говорит, сорочка рваная, так что через лес госпожа шла — это было, а вот чтоб от когтей следов — того не углядела.

Арне хотел возмутиться, потом передёрнул плечами.

— Я чудовище не видел, — «признался» он, мысленно обещая себе зайти в церковь и отмолить эту ложь. — Прибежал на крики... может, ей привиделось, а только она была напугана.

— Не нашего ума дело, — заключил Гоззо, — а только вы бы её домой отвезли, а? Пущай с ней её граф разбирается или откуда она там? Нехорошее с ней дело.

Арне кивнул. Гоззо был старым другом Вира и, пусть не знал, что бывший и нынешний шателены оборотни, понимал многое. Например, догадывался, что они исчезают из Корбиниана не просто так и не всегда по делам, о которых могли бы рассказать перед союзом баронов.

— Высплюсь — и отвезу, — пообещал Арне и выразительно покосился на второй этаж своего дома. — Скажи, чтобы Минна принесла мне поесть, когда проснусь.

Минной звали крестьянку, жену бортника, которая готовила и убиралась в господском доме. В отличие от Вира, Арне сам себя обиходить не умел, не тому его учили.

— Скажу, господин. И в дорогу еды соберёт.

— Лошадь пусть для госпожи найдут. И моего коня пусть подготовят.

— Сделаем, господин.

* * *

В Фирмин Магда возвращалась верхом. Ехать было... непривычно. Когда-то давным-давно, когда она была дочерью рыцаря, её, конечно, учили ездить верхом. По-мужски, потому что дамского седла у них в замке не водилось. Но выучили едва-едва: лишних лошадей, которые не были бы заняты на более важных работах, в Лотарине не было. Позже... не приходилось. Потом, когда она... сошлась с бароном... он пытался вернуть Магду в рыцарское сословие. Ещё раньше, после её помощи Норе, он, в благодарность за помощь, отправил людей в Лотарин и добился от рыцаря Криппа грамот, в которых он признавал обеих своих дочерей и их потомство — хотя и не обещал им наследства. Тогда же он подарил Магде рыцарское платье в цветах её отца, голубое, в цвет верности сюзерену, с белым поясом, цвета чистоты и честности. А потом, после — он приглашал ведьму в замок и настаивал, чтобы она одевалась как полагается. Звал и на конные прогулки, и на охоту. Дарил одежду и даже украшения. Всегда понимающий, тут он не хотел видеть, как чужды его любовнице все эти рыцарские символы и занятия.

Словом, ездить верхом она умела. Но, как всякая ведьма, не любила, доверяя только ногам. Арне, оправившись и от ночных страхов, и от стыда, ничего не желал слушать. Она дочь рыцаря. Он сам рыцарь. Он обещал проводить её домой и он проводит. Это его долг и его право. Магде пришлось подчиниться. Они доехали до Вилтина — чтобы не вызывать вопросов, почему они свернули в сторону, — и заночевали в той самой деревне, которую когда-то грабил Увар по приказу Вира. Увар был зять Магды, муж её старшей сестры Агнеты — и главарь банды наёмников, которая подчинялась Виру.

Арне там почитали как бывшего наследника графа и в историю о женщине, спасённой между Вилтином и Корбинианом, поверили легко. Правда, ему пришлось пообещать, что возьмёт у отца людей, чтобы прочесать все окрестности, чтобы отыскать чудовище или разбойников или кто там напал на госпожу Бертильду. Но это потом, а сейчас им надо следовать в Тамн.

Выехав из деревни, они немного проследовали на юг, но, наконец, свернули на дорогу в Фирмин и въехали в Латгавальд к вечеру — к немалому изумлению всего народа. Прибежали Аццо, сын кузнеца, Уво-длинноногий из замка, Куно из кабака и его тёзка Куно-маленький, сын Креба, которому удалось всё-таки жениться, и все остальные дети, носившееся по деревне. Приезжий рыцарь был и силён, и статен, и пригож, а уж увидеть свою ведьму верхом — это ни в какие ворота.

Магда хотела идти к себе — она устала от людей, устала от людского внимания. Устала врать, но в дверях кабака тут показалась Рамона и решительно кивнула ведьме внутрь.

— Не спрашивай, — взмолилась Магда, усаживаясь за стол. Кабатчица поставила перед

ней дымящуюся похлёбку, в которой плавали кусочки мяса.

— Всё так плохо? — усмехнулась Рамона.

— Не спрашивай, — повторила ведьма и принялась за еду. Голос её хрипел, руки дрожали.

— Подлечиться бы тебе, — покачала головой Рамона.

— До дома доберусь — и подлечусь, — пообещала Магда и устало прислонилась к стене.

— Ты ешь, ешь. Устала поди. Не зря хоть ходила?

Магда покачала головой.

— Зря, — призналась она. — Лучше бы я осталась дома.

— Ну, что же, нельзя, чтобы всё время везло.

— Твоя правда, — со вздохом согласилась ведьма.

— А знаешь, что о тебе в деревне говорят? — спросила Рамона.

— Откуда? — хмыкнула Магда, доедая похлёбку.

— Спорят, ты лесных духов уговорила или дом свой заколдовала. Люди заглядывали, ждали, когда ты вернёшься. Внутрь не пошли, а только видели, как день ото дня забор крепче, посреди двора навес появляется... как это ты умудрилась? Людей никого не видно, а двор чинится.

Ведьма криво улыбнулась, подбирая хлебом похлёбку. Вейма наводила на её дом морок... вернее, на людей, живущих поблизости. Вампиру это несложно — внушить ночью то, что люди увидят днём. Так действовал Липп, когда притворялся сыном бобыля-кузнеца. Вейма была даже сильнее Липпа в наведении таких вот обманок. Но она уехала. Чарь спадали. Вышло... даже забавно.

В кабаке заглянул Арне, которого осаждали мальчишки, упрашивая, чтобы он рассказал им, где нашёл их ведьму, почему привёз её верхом и правда ли, что он победил чудовище.

— Хозяюшка, — спросил рыцарь, вертя в пальцах золотую монету. — Кому бы у вас лошадь доверить, а? Госпоже Бе... Магде не помешала бы лошадка.

— Какая лошадь? — просипела ведьма, слишком усталая, чтобы протестовать.

— Твоя, — отрезал рыцарь. — На которой ты приехала.

— Это же твоих людей лошадь, — не поняла Магда.

— Я её купил, — нетерпеливо ответил Арне. — Для тебя.

— Мне не нужна лошадь!

— Нужна. Случись что, тебе каждый раз пешком ходить?

— Да что со мной может случиться? — вяло ответила ведьма.

Арне отвернулся.

— Хозяюшка?..

— Да вот, у нас оставьте. Куно, сын мой, присмотрит, он привык за лошадьми-то ходить. К нам же разные люди заглядывают.

Арне протянул монету.

— Этого на год хватит, — отметила кабатчица.

— Хватит, — подтвердил рыцарь. — Я после ещё заплачу.

— Ты не должен, — снова начала ведьма, но рыцарь её не слушал. Самое неприятное, что Рамона была с ним полностью согласна. Она вообще считала, что их ведьма могла бы побольше о себе заботиться и в своих колдовских делах слишком уж забывала о земном.

— Я провожу тебя до дома, — пообещал Арне. Магда утомлённо кивнула.

— Это шателен Гандулы, — запоздало представила она. — Арне цур Вилтин.

— Я так и поняла, — улыбнулась Рамона. — Господин Вир приглашал его в Ордулу, вся деревня видела.

* * *

Они оставили коней в деревне на попечении Куно и прошли через лес к домику ведьмы. Для Магды было огромным облегчением почувствовать, наконец... нет, не власть, но родство с природой. Ощутить, как сердце бьётся в одном ритме с лесом. Свернуть в кусты и пройти напрямик, не выискивая тропинок. Арне как-то нервно принюхивался и прислушивался непонятно к чему, пока они не дошли до подновлённого Вилем забора. Арне зарычал — глухо и страшно.

— Что с тобой? — испугалась ведьма. *Таким* она своего рыцаря ещё не видела.

— Бертильда... — медленно, как будто с трудом подбирая слова, начал оборотень. — Что здесь делал *тот* человек?

— Кто?

— Не притворяйся! Тот человек! Который меня убил! Ты знаешь! Я почувствовал ещё раньше! Но здесь... его запах повсюду! На каждом предмете! Здесь провоняло им! Что он здесь делал?!

Магда разозлилась.

— Что он здесь делал?! — переспросила она, упирая руки в бока. — Он здесь жил! Потому что ему обещана моя дочь, господин рыцарь Арне! Потому что такой выкуп он потребовал за то, чтобы спасти твою жизнь! Вот что он делает здесь! Потому что без его помощи я никогда не пробралась бы в замок! И никогда не уговорила бы тебя!

— Но он убил меня!

— Он не тронул бы тебя, если бы ты не помешал ему спасти Нору!

— Но ты велела ему уходить... — растерялся рыцарь. — Тогда... семь лет назад...

— Он и ушёл, — утомлённо ответила ведьма. — И вернулся. Ты ведь пробовал его остановить — ну, как, получилось?

— Но ты же ведьма...

Магда вздохнула.

— Получая силу, ведьма получает и проклятие. Проклятье ведьмы — невозможность исполнить самое заветное желание. Я не могу его прогнать. Я не могу от него избавиться. Я пыталась найти средство. Ты видел, куда меня это привело.

Арне сник.

— Бертильда, но он же убийца, разбойник... он вне закона...

— Я знаю.

— Ты должна просить защиты... в замке... неужели Вир ничего не может сделать?

— Не в этом случае, — сухо ответила ведьма. Вир считал батрака... полезным. Опасным, вредным, неприятным типом, но полезным. При необходимости он даже мог найти с ним общий язык.

— Но если его найдут тут... в твоём дом... ты разве не понимаешь?..

— Его не найдут, — отрезала Магда. — Его невозможно найти. Он... заколдован.

— Бертильда, ты устала... ты не понимаешь опасности.

— Я всё понимаю.

— Он собирается вернуться сюда? — уточнил Арне.

— Не знаю. Наверное. Что ты задумал?

— Я избавлю тебя от него.

— И думать забудь! — всполошилась ведьма.

— Я не боюсь, — оскорблённо выпрямился Арне.

— Зато я боюсь! Не глупи, Арне, он один раз чуть не убил тебя... он даже Вира чуть не убил однажды. Ты не знаешь его, он...

Она всмотрелась в непреклонное лицо рыцаря и поняла, что говорит не то, что нужно.

— Ты не можешь ждать его здесь, — заявила ведьма уже спокойно. — Ты ведь не хочешь навлечь позор на меня и мой дом?

— Позор? — изумлённо моргнул оборотень.

Для ведьмы драка между её гостями или если кто-то, кто ей доверился, будет схвачен, или если она будет как-то замешена в дела правосудия, было несмываемым позором. Ведьмы от всего держатся в стороне. У ведьмы любой может найти приют и помощь. Даже её враг.

— Да, в самом деле, — после недолгого раздумья кивнул Арне. — Твоё имя не должны связывать с этим человеком.

Он вошёл во двор и принялся принюхиваться. Прошёлся вдоль забора.

— Бертильда, ты знаешь, что в твоём заборе доски вынимаются? — спросил он уже совершенно спокойно.

— Да, вон там, — рассеянно указала совсем в другую сторону ведьма.

Потом подошла к оборотню. Оказалось, что из двора ведьмы можно было незаметно выскользнуть в нескольких разных местах.

Или проникнуть в него...

Оборотень повёл носом и пошёл рыскать по двору.

— Смотри... вот тут деньги... золото... не очень чистое... меняла две такие монеты за одну хорошую даст... вот тут... железки какие-то... ими с железом работают... инструменты... серебро... а здесь медные монеты... нож...

Зашёл в дом. Фыркая, обнюхал кухню и жилую комнату. Там не было ничего подозрительного, если не считая тайника с ещё одним запасным ножом за кадушкой, но оборотню что-то не давало покоя и он полез на чердак.

— Он припрятал у тебя деньги за стрехой, — доложил Арне, возвращаясь в кухню, — одежду и съестные припасы, их подвесил на крюк к балке. Среди твоих трав.

Он сморщил нос и смешно чихнул.

— Ты не понимаешь, что это значит? Этот разбойник в любую минуту был готов бежать — и приготовился. В лесу тоже им пахло. Готов спорить, он зарыл там свой разбойничий клад.

— Ну и что? — пожала плечами ведьма. — Хорошо, что готов бежать. Значит, у меня его не поймают.

— Ты не понимаешь? — взмолился Арне. — Прогони его! Он опасен!

— Это ты не понимаешь! — снова рассердилась ведьма.

Кричать уже не было сил. Как бы не начался жар — после всего, что случилось. Она принялась разводиться огонь (Виль всегда говорил, что она слишком долго с ним возится). Надо принести воды из колодца (возле которого Виль, оказывается, зарыл золото)... Арне,

конечно, помогать не приставишь, только знает, как приказывать...

Хорошо, Рамона накормила.

Надо отправить Арне в деревню. Они приехали вдвоём, на виду у всех. Что люди подумают, если он останется тут ночевать? Что они подумают из-за того, что он так задержался?

Надо его выставить.

Надо остаться одной.

Наконец-то — одной.

— Ладно, — решил Арне и шагнул к двери.

— Куда ты отправишься? — обессиленно спросила ведьма.

— К отцу, — ответил рыцарь. — А от него — в Тамн. Там собирается тот отряд, который ловит разбойников. Я присоединюсь к нему. Если этого разбойника не может поймать человек — его поймаю я, пока он сюда не вернулся. Ты же помнишь, Денна говорила, на нас ваше колдовство не действует.

Магда ничего не ответила. Было ясно, что Арне невозможно отговорить от его намерения.

В этом он весь...

Глава седьмая

Город Сетор

Врени почти успокоилась. С каждым днём их всё охотней принимали в свите молодой баронессы. Её острый язык и умение вскрывать нарывы пришлось по вкусу людям Фирмина, а искренняя вера брата Полди снискали ему уважение — пусть и пополам с жалостью. Марила же быстро стала любимицей баронов, которых забавляли её нелепые ужимки.

Всё было хорошо.

Полди был в безопасности. Кто его узнает? Один из многих странствующих монахов. Последнее время его даже звали к баронам, чтобы он поговорил с ними о вере. Это было прекрасно. Множество глаз, множество вооружённых людей. Конечно, на них нельзя полностью полагаться, но подобраться к нему будет непросто.

Всё было хорошо.

Пока они не остановились под Аншем, за ночь до прибытия в Сетор. Врени отошла от остальных, и, пробираясь обратно в шатёр людей Фирмина, заметила... ничего она не заметила. Просто колыхнулась матерчатая стенка и знакомый голос лениво сказал:

— Ты, знаешь, Большеногая, заказ мне тут подкинули... дурацкий какой-то заказ... светошу очередного прирезать.

Врени наклонилась и принялась поправлять башмак.

— Ну и что? — тихо спросила она. — Тебе всё время дают такие заказы, Медный Паук. Стенка снова заколыхалась.

— Да вот, знаешь... не такие... Этого прикончить — ну, что котёнка... мне того святошу подробно описали... мелкий... беглый... при нём может быть книжка такая занятная... знакомо, а?

— Чего ты хочешь? — напряглась Врени, нащупывая за пазухой бритву.

За стенкой раздался тихий смешок.

— Брось, Большеногая. Ты даже дёрнуться не успеешь. Не взял я этот заказ. Я младенцев не режу. Только, знаешь, странность какая... Такого прирезать — медяка два, не больше. А обещали пять золотых, смекаешь? Кто ж его так любит, ты подумай? Я ведь не один у нас такой, есть и другие. Ржаной Пень, сама знаешь, шлюха та ещё. Пока только я знаю, где твой святоша. А вот в Сеторе... народу там много собирается... нашего тоже... имя вы ему не сменили... лысину тоже старую оставили. Смотри за ним, Большеногая. Заказ — ну, совсем плёвый. Смешно даже.

Врени выпрямилась, шагнула туда, откуда доносился голос Медного Паука... но там, конечно, никого не было. Искать его она не стала.

* * *

Конечно, не всё было так уж безоблачно. Например, когда однажды на пиру Марила стала обходить одного за другим людей баронессы, пока не дошла до высокого сухого старика со строгим лицом, будто бы списанным с ликов святых. Она каждого спрашивала, что он умеет и каким подарком её одарит. Иные отшучивались, иные огрызались, иные отдаривались. Старика сумасшедшая спросить о подарке не успела.

— Я палач, моя милая, — ответил он с суховатой улыбкой. Врени только тогда поняла напряжённое ожидание, которое воцарилось среди людей баронессы, когда Марила подошла к нему со своими шуточками. — Я могу заставить человека говорить — или замолчать. Могу помочь ему пожалеть о том, что он сказал или сделал... могу...

Марила зажала уши руками и замотала головой.

— Не надо! — взмолилась она. — От тебя пахнет смертью и болью!

Она ушла в дальний угол и долго сидела там, молча раскачиваясь из стороны в сторону. Если к ней кто-то пытался подойти, она мотала головой и каркала со слезами на глазах.

Врени попыталась её расшевелить, плюнула и вернулась на своё место.

Кто-то подошёл к ней, протянул полную кружку сладкого вина. Цирюльница подняла взгляд — и увидела давешнего старика.

— Меня зовут Клеменс, — сказал палач. — А ты — Врени, цирюльница? Я всегда считал, что наши ремёсла родные друг другу, только вам нельзя людей привязывать... зато нас они не благодарят, когда мы заканчиваем.

Врени немного подумала и приняла кружку.

* * *

В Сеторе госпожа баронесса изволила распорядиться, чтобы всех троих поселили при ней — в большом доме, больше похожем на замок, с внутренним двором, галереями вдоль каждого этажа во дворе и толстыми внешними стенами. Пока слуги поспешно наводили порядок, все остальные собрались во дворе. Норе принесли кресло, Вейма пристроилась на скамеечку у её ног, остальным предложили пока позаботиться о себе самим. Для старика Клеменса по настоянию Веймы сняли отдельный дом в соседнем квартале. Вампирша не любила об этом распространяться, но в присутствии палача её всегда мутило, ему даже в Ордуле пришлось переселиться к самой крепостной стене, чтобы не попадаться на глаза госпоже жене шателена.

К креслу баронессы своей подпрыгивающей походкой подобралась Марила.

— Здравствуй, сестрица! — дурашливо поклонилась шутиха.

— И ты, — благосклонно кивнула молодая баронесса. — Развеселишь меня?

— А чего тебя веселить? — беспечно отмахнулась сумасшедшая. — Уж я тебя веселила-веселила, все шутки истратила. Отпусти за новыми, сделай милость?

— Как же я тебя отпущу? — засмеялась Нора. — А кто меня развлекать будет?

— Да неужто у тебя своих дураков мало? — округлила глаза Марила. — Так ты бы на кухню зашла, посмотрела, как тебе неошипанных каплунов жарят — вот бы посмеялась!

Нора изменилась в лице и хлопнула в ладоши. Один из её слуг немедленно подбежал к Вейме, выслушал быстрый приказ и умчался на кухню. Пока его ждали, Марила успела пропрыгать два круга вокруг кресла баронессы на одной ноге и три на другой, при этом всё время она подбрасывала и ловила свой шутовской жезл. Слуга вернулся и так же тихо доложил Вейме, та приподнялась и шепнула что-то своей госпоже. Нора кивнула и слуга поспешно ушёл.

— Откуда ты знала? — удивлённо спросила баронесса.

— Ой, а ты не знаешь, как жжённые перья пахнут? — покрутила носом сумасшедшая. — Небось, и на кухню никогда не заглядывала, а, сестрица?

— Ладно, говори, чего хотела, — прервала её баронесса.

— Так я и говорю — умная я с тобой становлюсь — спасу нет! Отпусти глупостей насобирать!

— Да куда ты их собирать будешь? — рассмеялась Нора.

— Да хоть бы и в подол! — нашлась Марила. — Были бы глупости, а куда собрать всегда найдётся!

— С кем ты пойдёшь? — уточнила Нора.

— А вот с ними, — кивнула сумасшедшая на своих товарищей. — Они меня знаешь как любят? Тебе и не снилось!

Нора покосилась на кислое лицо Врени, отрешённое брата Полди.

— Может, послать с ней кого? — с сомнением спросила она Вейму.

— Да! — захлопала в ладоши Марила. — Большой Куно, Большой Куно! Пусть он с тобой прогуляется!

— Нет! — резко возразила Вейма. — Только не Большой Куно!

Сумасшедшая надулась, но тут же просияла.

— Тогда другого пошли! У вас красавчиков много!

Нора и Вейма переглянулись.

— После того, что она устроила Большому Куно, вряд ли найдётся мужчина, который согласится её сопровождать, — покачала головой Вейма.

— Может, двоих? — задумчиво спросила Нора, но безумица так радостно запрыгала, что эту идею пришлось отбросить.

— Ладно, идите, — решила Нора, — только держитесь людных мест. Когда вернётесь, кто-нибудь вас накормит.

* * *

Врени предпочла бы отсидеться в доме. Сетор был маленьким тесным городом, слишком мелким для того количества народу, которое съехалось к турниру. Марила как замороженная, вертела головой. Брат Полди шёл, то шевеля губами и глядя себе под ноги, то вглядываясь в каждого встречного. Врени слишком устала, чтобы кого-то искать, к тому же отчаянно боялась за брата Полди. Она не была уверена, что сможет его защитить, решилась кто напасть. Защита не была её сильной стороной.

— Ты тоже их высматриваешь? — тихо спросила Марила.

— Кого? — почти испугалась Врени.

...она знает...

— Братьев моего брата, — загадкой ответила сумасшедшая.

— Откуда им здесь взяться? — отмахнулась цирюльница, поняв, что речь идёт об оборотнях.

— Как это — откуда? — поразились Марила. — Живут они здесь! Они везде есть! Вон тот медник, например, или тот булочник.

— Но... — оторопела Врени. — Все знают, их по одежде можно узнать.

— Ой, да зачем? — отмахнулась Марила. — Они как все люди одеваются! Ты вот, когда тебе страшно, не вздыхаешь же всякий раз, что хотела бы перекинуться? Так и братья обходятся. Чай, не глупее тебя!

— Но госпожа Вейма говорила, им мешают наши запахи...

— Глупость она сказала! И ничего не мешают! Вон, через нашу деревню как-то проходил купец с большой охраной, так они все, и купец, и охрана, и даже стряпуха были оборотнями. А знаешь, что везли? Пряности с востока! И ничего, нюх не помешал. Через Пустошь спокойно ходят. А если разбойники нападут, ну, что же, кому-то одеждой придётся пожертвовать. Разбойники всё равно ничего никому не скажут, от них и костей не осталось.

— Они людоеды?! — в ужасе спросила Врени.

— Ай, ты думаешь, разбойники с ними о Заступнике собирались побеседовать? — досадливо отмахнулась Марила. — Ты не думай. Кто с ними торгует, тех они не едят. Люди вообще не очень-то вкусные, особенно мужчины. Ну так и ты ведь лучше козу зарежешь, чем козла, верно? А женщины редко нападают...

Она вдруг замолчала и уставилась в толпу перед собой невидящим взглядом.

— Тсс! — прошипела она таинственным голосом. — *Слышишь?!*

Врени так и не узнала, что напугало Марилу. Дальнейшее произошло быстро. Какой-то оборванец, который шёл за ними, качнулся в их сторону. Спьяну или не успел остановиться, когда сумасшедшая застыла на месте посреди улицы. Марила завизжала и с силой толкнула монаха так, что он упал на цирюльницу, та еле успела его подхватить. Качнувшийся чуть не потерял равновесие и замахнулся на Марилу. Она заверещала ещё громче. Между людьми скользнула большая серая собака, которая вцепилась пьяному в ногу. Сумасшедшая принялась хлопать руками как крыльями и хрипло каркать. Сквозь толпу к ним начала пробираться стража.

Цирюльница глубоко вздохнула и повернулась к ним. На рукавах стражники носили красные повязки, а, значит, подчинялись союзу баронов, а не Сетору.

— Эта женщина, — ткнула она пальцем в Марилу, — придворная дура при госпоже баронессе Норе цур Фирмин.

— Я не дура! — возмутилась сумасшедшая. — Я — дурочка!

Стражники заухмылялись.

— А вы кто такие?

— Несчастные родные этой бедной сумасшедшей попросили меня проводить её на поклонение мощам святого Герарда, — без запинки отозвалась Врени. — Добрый брат взялся наставлять нас в пути. По дороге мы встретились с госпожой баронессой и она изволила приблизить Марилу к себе.

Стражники переглянулись. Собаки в толпе уже не было, но оборванец ещё сидел на земле. История казалась плёвой, не стоящей внимания.

— А это кто? Вы его знаете?

— Он напал на нас! — выкрикнула сумасшедшая. — У него удавка в рукаве!

Ближайший стражник шагнул к оборванцу, наклонился, чтобы поднять его на ноги, но тот боднул стражника головой в живот и помчался сквозь толпу — быстро, хоть и припадая на прокушенную ногу. За ним тут же кинулась погоня, но главный из стражников остался на месте — как и тот, кого боднули, он ещё пытался отдышаться после удара.

— Тут ещё была собака, — услужливо подсказали из толпы.

— Это волкодав из своры её милости! — заявила Марила. — Он увязался за нами из дома Фирмина.

Врени только заморгала. Она могла поклясться, что в свите баронессы никаких собак не было, тем паче волкодавов.

— А сейчас он где? — подозрительно спросил стражник.

— Убежал домой, — терпеливо, как ребёнку, объяснила сумасшедшая. — Он очень умный! Ты не бойся, он не кусается! Он просто *этого* испугался!

Стражник махнул рукой и принялся проталкиваться сквозь толпу вслед за сбежавшим оборванцем. А Марила подпрыгнула, опираясь на плечо Врени, и закричала. Размахивая руками:

— Большой Куно!!! Милый! Иди к нам — поцелую! Да Большой Куно!

— Оставь его в покое, — хмуро посоветовала Врени. — Это уже не смешно.

— Позови его сама, — неожиданно разумным голосом потребовала Марила и, прижавшись к цирюльнице, шепнула: — Пусть посторожит монаха. А ты иди за мной, слышишь?

— Что? — не поверила своим ушам цирюльница.

— Большой Куно! — продолжила прыгать сумасшедшая. — Люди добрые! Вон мой милый ходит, нос воротит! Помогите, люди добрые! Уйдёт же!

Народ хохотал. Мальчишки свистели, кто-то кинул в Марилу грязью, но Врени успела поймать его за ухо и так выкрутить, что тот завизжал поросёнком и насилу вырвался. Красный как рак Куно пытался ретироваться, но его подталкивали к сумасшедшей.

— Если ты её не заткнёшь, я проломлю ей голову! — взбешённо заявил он цирюльнице.

— Заткну, — пообещала Врени. Марила перестала кричать и принялась прыгать на одной ножке, хлопая в ладоши. — А ты мне за то помоги, пожалуйста.

— Чего тебе надо? — неприязненно спросил баронский кнехт.

Врени кивнула на брата Полди, который глазел по сторонам с восторженным видом впервые взятого в город ребёнка.

— Видишь? Его убить хотят. Только что напал какой-то оборванец. А нам отойти надо, да без него. Присмотришь?

— Так бы сразу и говорила, — проворчал Большой Куно и кивнул подошедшим товарищам. — Брату Полди отчего не помочь?

— Никого не подпускай к нему, понимаешь? — настойчиво продолжала цирюльница. — Кто шаг к нему сделает, сначала бей, потом спрашивай, понимаешь?

Большой Куно пристально взгляделся во встревоженное лицо женщины.

— Секреты какие-то развела.

— Это не моя тайна, — пожалала плечами Врени. — Но на нас только что напал кто-то, убёг потом. Марила, вон, удавку у него углядела.

— Эта углядит, — проворчал Большой Куно.

— Я правду говорю! — обиделась Марила и схватила его за руку. — А ты сам дурак, слышишь! Если с Полди случится что, я... я... я тебя так расцелую, что ты обо всём на свете забудешь!

Большой Куно вырвал у неё руку под хохот товарищей.

— Иди отсюда, дура! И чтоб ко мне не подходила!

— Нужен ты мне больно! Я себе другого дружка найду, получше, чем ты! А Полди сбереги, слышишь?!

— Да я и без вас его сберегу, — рассердился кнехт.

Народ вокруг хохотал и принялся давать скабрзные советы — кто Куно, а кто Мариле.

— Кабак не знаешь тут? — спросил Кривой Ланзо, один из кнехтов Фирмина.

Врени огляделась по сторонам.

— Знаю, как не знать? — пожалала она плечами. — Пошли, проведу.

Кабаки она знала по всему Тафелону. Много где приходилось побывать. За углом был неплохой, назывался Варёная Селёдка, и, пожалуй, мог выдержать посещение десятка баронских кнехтов.

— Пойдём, — задёргала её за рукав Марила, когда они попрощались с людьми Фирмина. Врени запоздало задумалась, почему так беспрекословно подчинилась сумасшедшей и так легко отложила своё главное задание. Но Марила была совершенно уверена и, что реже бывает — разумна.

Сумасшедшая шла так, как будто знала дорогу. Она то и дело втягивала цирюльницу в переулки настолько узкие, что там едва можно было пройти вдвоём. Какое-то время за ними ещё бежали мальчишки и парочка досужих прохожих, но повторять петляния безумной всем быстро надоело. А Марила всё шла, шла и шла...

— Всё! — торжественно заявила сумасшедшая и встала как вкопанная посреди глухого переулка, куда не выходили окна. — Вот теперь мы заблудились! Правда, здорово?!

— Что?! — вскипела Врени. — Ты зачем меня за собой потащила?!

— А зачем ты шла? — пожалала плечами Марила. — Я ведь дура, забыла?

Врени выругалась. Настолько хорошо она этот город не знала. Марила расхохоталась.

— Испугала я тебя? Ничего, сейчас ещё страшнее будет. Вон там братец идёт!

Врени оглянулась по сторонам, но всё-таки пропустила тот момент, когда возле них оказался оборотень.

— Я сказал тебе присматривать за ней, — рыкнул Хрольф, — а вместо этого она за тобой присматривает.

Врени промолчала.

Хорошо, что он не знает, как она с баронессой познакомилась...

— А у меня что-то есть! — радостно заявила Марила. — Показать, братец?

— Пошли, — кивнул оборотень, — покажешь.

Он пошёл вперёд, скрылся за углом... когда женщины пришли туда, оборотня нигде не было видно.

— Что чего стоишь, головой крутишь? — удивилась Марила. — Идём.

Врени только диву давалась. Сумасшедшая шла так уверено, как будто ей кто-то показывал дорогу.

— Ты думаешь, я тебя разыграла, — почти извиняющимся тоном сказала Марила. — А я не нарочно. Как ты его найдёшь-то? Он знает как прятаться умеет? А вот он нас легко найдёт. Я специально, ты не думай.

— А сейчас что?

— Так он следы оставляет! — округлила глаза сумасшедшая.

Врени не стала спорить. Что бы там ни видела Марила, она завела цирюльницу к какой-то двери, как будто даже заколоченной, которая резко отворилась, едва они к ней подошли.

— Мы его поймали, — пояснил оборотень, пропуская женщин внутрь, и добавил для Врени: — Тут подвал.

— Ты тут живёшь? — разочарованно спросила Марила.

— Нет, — отмахнулся оборотень. — Здесь удобно.

Они спустились в подвал, освещаемый лишь тусклым масляным светильником. Врени поморгала, привыкая к полумраку. За спиной хрипло закаркала Марила. В глубине лежал связанный по рукам и ногам оборванец с мешком на голове, на которого рычала волчица.

Услышав карканье невестки, она глухо взлаяла, крутанулась волчком и превратилась в женщину в мужской кожаной одежде, скроенной, однако, по фигуре. Илса.

Сумасшедшая тут же перестала каркать.

— Надо было его сразу убить, — сказала Илса Хрольфу и толкнула оборванца ногой.

— Успеем, — сказал оборотень.

— Ему надо перевязать ногу, — привычно заметила Врени. — Если вообще не потеряет её после волчих зубов.

— Он замахнулся на Марилу, — пожала плечами Илса. — Я его ещё пожалела. Надо было целить в горло.

— Не мешает расспросить его, — предложил Хрольф и рывком поднял оборванца на ноги.

Врени подняла мешок. По лицу бедолаги лились слёзы, он до боли закусил губу. Марила, сильно побледнев, отошла в сторону и села рядом с Илсой, отвернувшись к стене.

— Я его знаю, — мрачно улыбнулась Врени, возвращая мешок на место. — Это Резаный Медяк^[23], его Ржаной Пень в ученики взял, когда я ушла.

— Ржаной Пень тебе покажет, Большоногая! — простонал проклятый.

Врени расхохоталась.

— Ты совсем мозгов лишился, а, Медяк? Сколько ты за Ржаным Пнём ходишь? А всё не посвящённый. А теперь и вовсе без посвящения помрёшь. И правильно, таким, как ты, вторая попытка нужна, с первой-то ума набраться не получается.

— Болтай-болтай, — сквозь зубы пригрозил оборванец.

— Больно надо. Зря ты на учителя надеешься. Вот уж кому до учеников дела никогда не было.

— Режь на куски — ничего не скажу!

— Больно надо, — повторила цирюльница и принялась копаться в своей сумке. Достала жаровню, угли, небольшой котелок и связку резко пахнувших трав. — Бедный ты, несчастный. Ногу пора спасать. Куда ты с такой-то раной убивать людей будешь?

— Что собираешься делать? — спросил Хрольф.

— Как — что? — удивилась цирюльница. — Сейчас с раной посмотрю, что можно сделать. А потом Медяк нам всё-всё расскажет. По дружбе. Правда, Медяк?

Она некстати вспомнила палача Клеменса. Старик бы сейчас пригодился. Разговаривать с ним было... странно. Не то чтобы проклятую шокировало его ремесло, но не оставляла мысль, что однажды он может применить своё умение на ней самой... Клеменс, впрочем, не слишком вдавался в подробности своего ремесла, ему интересней было говорить о том, как перевязать рану, как избежать воспаления... и просто вспомнить многое, чему он был свидетелем со времён своей молодости.

Лицо цирюльницы перекосила недобрая улыбка.

Проклятый попытался отползти, но Илса ногой толкнула его обратно.

— Обычно я вру, что будет небольно, — сообщила Врени, разводя огонь на жаровне. — Но тебе, моему брату по прозрению, я скажу правду. Будет очень, очень больно. Есть где-нибудь вода, а? Нет? Обойдёмся вином. Правда, это больнее...

— Не трогай меня! — завопил проклятый. Оборотни поморщились.

— Поразительно, как люди не любят цирюльников, — покачала головой Врени, выливая в котелок вино из фляжки. — И это я ещё тебе зубы лечить не стала.

— Отстань от меня!

Врени достала нож и разрежала верёвку. Проклятый дёрнулся, но Хрольф предупреждающе рыкнул и Медяк затих, сжавшись на полу. Врени распорола штанину и покачала головой.

— Ай-ай-ай. Надо же тебе так вляпаться, а, Медяк? Что же ты это так подставился?

— Да не собирался я никого убивать! — застонал Медяк. — Пень сказал — уволови этого блаженного, а ты к нему как приклеилась!

— Ай, как интересно. Вино уже вскипело, осталось кое-чего засыпать... Сейчас больно будет, потерпи, милый.

— Не трогай меня!

— А куда ты его оттащить собирался, а, Медяк?

— Не знаю!

— Ой-ой-ой, так я тебе и поверила!

Врени достала из мешка не слишком грязную тряпку и опустила её в кипящее вино.

— Ты же ему ногу обваришь, — напряжённо сказала обернувшаяся Марила.

— Рану надо не обваривать, а прижигать, — поучительно заявила цирюльница.

Проклятый заорал.

— Держите его, — деловито приказала Врени.

Хрольф, хмыкнув, прижал Медяка к полу.

— Я покажу! Я покажу! — закричал Медяк. — Это возле восточных ворот! Там ещё рядом дом с синей дверью!

— Вот видишь, какой ты хороший мальчик, — сказала Врени и принялась протирать рану ещё тёплой тряпкой. Проклятый визжал и пытался извиваться.

* * *

Когда Врени закончила, Марила была белее мела и сидела, зажав уши. Обратни напряжённо облизывались. По лицу Медяка текли слёзы вперемешку с потом, он был почти что без сознания, а на его ноге красовалась свежая повязка.

— Ну, вот и всё, — бодрым лекарским голосом подвела итог Врени. — Какой ты хороший мальчик. И стоило так бояться?.. недельку полежи, милый, потом ещё неделю ногу береги... трав бы тебе дала, но у самой мало... ну да найдёшь кого-нибудь, кто тебе повязку сменит. И не дёргайся, а то, глядишь, швы разойдутся, я заново шить не буду. Как рана зарубцуется, ногу будешь разрабатывать. Тебе ж жилы [\[24\]](#) порвали, глядишь, на всю жизнь хромым окажешься.

Она поднялась на ноги и легонько пнула проклятого. Хрольф поправил мешок на голове Медяка и поднял его на ноги.

— Отведу его, — хмыкнул он и скрылся за дверью.

— Убить его надо, — рыкнула Илса.

— Без нас найдётся кому это сделать, — пожала плечами Врени. — Как вы нас нашли?

Волчица не то засмеялась, не то разразилась отрывистым волчьим влаиванием.

— Им нас и искать не нужно, — объяснила Марила. — Илса, смотри, что у меня есть!

И снова Врени не поняла, как сумасшедшая это сделала. Только что её руки были пустыми — и вдруг она раскладывает перед невесткой с десятком позолоченных нашлемных фигурок.

— Откуда ты это взяла?! — ахнула цирюльница.

— Отковыряла, — пожалала плечами Марила. — Пока ехала. Я же говорила, что нам надо от них подальше уйти. А ну как обнаружили бы?

Врени попробовала представить, каково это — отодрать такую фигурку от шлема, — и не смогла. А Илса, посмеиваясь, принялась разглядывать добычу Марила.

— Но ты...

— Я ворона, — обиженно напомнила сумасшедшая. — А они блестят и такие красивые, правда, сестрица?

— Красивые, — подтвердила Илса.

— Ты Хрольфу скажи, пусть он тебе ожерелье сделает, — предложила Марила. — А мне пусть браслеты подарит медные, я давно хочу, а никто не дарит!

— Скажу, — пообещала Илса, взяв в руку искусно сделанную фигурку лошади.

Хрольф скоро вернулся.

— Прыткий попался, — сказал он, вылизывая ладонь, — у самых восточных ворот цапнул меня и убежал.

— А я слышала, люди говорят, — торжественно возгласила Марила, — кого оборотень укусит, тот сам станет оборотнем.

— А кого дурак укусит, кем станет? — засмеялся Хрольф. — Надо уходить отсюда.

— Зачем ты его отпустил? — недовольно спросила Илса. — Он всё расскажет своим друзьям. Учителю этому своему.

— Расскажет, ага, — неспешно кивнул Хрольф. — Как от оборотней на одной ноге убежал да как ему тут рану лечили. Пропала твоя работа, Большеногая. Не дожить ему до смены повязки.

— Я своё дело сделала, — пожалала плечами Врени.

Услышанное от Медяка ей не понравилось. В Сетор приехало сразу несколько прозревших, даже высших посвящённых, с учениками. Зачем? Вряд ли они так уж интересовались турниром. Говорят, вороны летят за войском, ожидая поживы. Чего ждут эти падальщики? Неужели все они собрались, чтобы похитить брата Полди? В самом деле, его убить — два медяка, украсть — три, ну, может, пять. Будут ли уважаемые люди о такого мараться? Неет, он нужен был для чего-то очень важного... И что-то затевается ещё, но Медяку этого уже не сказали.

Может, повидаться с учителем?..

Можно повиниться... не поверит, но захочет поиграть. Поиграет-поиграет... что-нибудь да сболтнёт. Можно и проще. Поймать его в кабаке... если один пить не будет, то по нужде-то отойдёт. И закончить начатое. Пожалела она его *тогда*, ой, пожалела. Прибить надо было гадину. Но *тогда* Врени ещё верила прозревшим. Она не имела права, она, не прошедшая испытания, не могла убить посвящённого, а вот он её — мог и имел права, ведь руки его даруют *Освобождение*. Но какая разница? Он уже получил это своё *Освобождение*, став высшим посвящённым, вот и надо отправить его туда, за пределы мира, чтобы он не страдал от злого мира, где всякие непослушные ученицы в ярости размахивают бритвой и ругаются последними словами.

Убить его надо.

И узнать, что он затеял.

У Врени чесались руки исправить свою старую ошибку.

Она не сможет.

Когда она его увидит — она не сможет сдержаться.

Прибить ядовитую гадину.

Он близко.

Он почти у неё в руках.

Она не сможет сыграть.

Первое, что она сделает — ударит.

Только так.

Руками, а не ядом.

Ударит и увидит, как мерзкая улыбочка сползает с его поганого лица.

...как давно она об этом мечтала...

Иногда он снился ей по ночам.

Одного удара будет довольно.

Убить.

Убить и закончить с этим.

— А ты жестока, — вдруг сказала Марила, касаясь руки цирюльницы. Это прогнало наваждение.

— Люди хотят совершать ошибки и чтобы им за это ничего не было, — холодно ответила Врени, отдёргивая руку. — Исцеления без боли не бывает. Его никто не заставлял похищать брата Полди или замахиваться на тебя. А если бы я не вмешалась, он потерял бы ногу.

— Но теперь он потеряет жизнь, — неожиданно грустно сказала сумасшедшая.

— Это будет не мой выбор, — пожалала плечами Врени.

— Но тебе случалось убивать? — не отставала Марила.

Врени холодно усмехнулась и принялась подниматься из подвала на улицу.

* * *

Хрольф довёл Врени и Марилу до какого-то тупика, после чего развернулся и быстро скрылся. Марила завертела головой и потянула Врени за рукав.

— Отсюда мы быстро выйдем! — бодро заявила она. Врени не спорила и в самом деле скоро оказалась перед вывеской знакомого кабака. Сумасшедшая толкнула дверь и остановилась, удивлённо глядя на остриё меча.

— Толстый Уво, это мы! — поспешно сказала Врени. Кнехт кивнул женщинам проходить внутрь и закрыл дверь. Цирюльница огляделась.

Большой Куно выставил из кабака всех, кроме хозяина и его слуг. Сейчас здесь были только кнехты барона цур Фирмина и монах. Кнехты ели, пили и веселились, а перед ними на столе сидел брат Полди и что-то рассказывал. Врени прислушалась.

— И тогда жаба его укусила, — сказал монах, — он долго болел, да тем дело и закончилось.

— Расскажи ещё! — послышалось со всех сторон. Монах смущённо улыбнулся. Кто-то поднёс ему кубок, из которого Полди без всякого смущения отпил, словно забыв о своих обетах.

— Сам я этого не видел, — начал он следующий рассказ^[25], - но знаю монаха, который видел доподлинно монаха, который принимал исповедь у своего брата по вере, с которым

это и случилось. Жил в одной стране епископ, известный своими грехами, и однажды его постельничий^[26] ехал через лес, но остановился, услышав грозные крики. Он увидел демонов, гарцующих на конях, которые тоже были демонами, и как они стоваривались достать из тела душу епископа, чтобы отнести её Врагу. Монах поспешил вернуться домой и рассказал об увиденном, но епископ не поверил монаху. Тот долго болел, а епископ умер.

— Расскажи что-нибудь повеселее, — попросил Кривой Ланзо.

— Охотно, — кивнул брат Полди, — жил в одной стране человек, которому удавалось всё, за что он ни брался. И вот однажды...

Врени, не веря ушам, вместе со всеми слушала историю, полную удач и разочарований, несчастной любви, колдовства и вещей столь отвратительных, что она даже не могла представить, чтобы выросший в монастыре монах знал о подобных мерзостях. Не иначе как вычитал их в своих книгах. Когда рождённая от мёртвой женщины голова упокоилась в морских волнах, в кабаке повисла тишина.

— Вот это веселье, — проворчал хозяин кабака. — от таких историй спать не будешь. Заткните своего монаха!

— Цыц! — прикрикнул Большой Куно. — Монах нас учит о душе заботиться, а тебе лишь бы карманы набить! Тащи ещё вина!

— Да, был мальчик, который думал о своей душе больше, чем иные монахи, — поддержал разговор разгорячённый вином и вниманием монах.

Врени поняла, что больше она не выдержит.

— Куда ты? — остановила её у двери Марила.

— Надо, — мрачно буркнула Врени. — Остайся здесь. И не приставай к Большому Куно. Я ему обещала.

— Ты же за себя обещала, — пожала плечами сумасшедшая. — Вот ты и не приставай.

— Марила...

— Я иду с тобой!

— Нет.

— Ну, пожалуйста!

— Тебе там не понравится, — посулила Врени.

— А ты без меня дорогу не сыщешь!

— Если спросят, скажи всем, что у меня живот прихватило, — попросила Врени. — И не приставай к Большому Куно.

— Да забирай себе этого красавчика, — досадливо отмахнулась сумасшедшая. — Я себе лучше найду! — Пойду поищу, кстати.

— Нет, сиди здесь. Мы потом с тобой прогуляемся.

— Обещаешь?

— Клянусь Заступником, — легко ответила цирюльница. Марила ответила бессмысленным смехом.

* * *

Отделавшись от всех своих спутников, Врени шла по городу, наслаждаясь свободой. Она ещё раньше заметила особые метки, которые оставляли прозревшие, и теперь ей не терпелось пройти по ним.

Метки вели в восточную часть города, но не к воротам, а немного южнее от них. Искать тот дом, рядом с которым синяя дверь она не стала. Пробираясь незаметно, как Медный Паук, она не умела. Зато вполне могла по меткам найти кабак, в котором можно было, потратив немного денег, получить немного полезных сведений. Кабак ничем не отличался от остальных, такая же грубо расписанная вывеска с дымящейся похлёбкой, такая же замызганная дверь... Врени обошла кабак и постучалась с заднего входа.

— Верю в *Освобождение*, — шепнула она, услышав шаги. Дверь отворилась. За ней был зал, который отличался от обычных кабацких залов только меньшими размерами.

Врени вошла туда, села за стол, покатила по столу серебряную монету. Монета сделала круг и вернулась в руки цирюльницы. Ничего не произошло и Врени покатила по столу две монеты. Когда монеты стало четыре, их прихлопнула чья-то рука. Врени подняла взгляд.

— Паук, — устало произнесла она. — Ты теперь здесь за подавальщицу?

— Поиздержался в работе, решил подзаработать, — беспечно отозвался проклятый. — Не жди, еда закончилась. В большом зале гуляют стражники. Они теперь по всему Сетору гуляют. И вино разведённое. А ты зачем пришла?

— Не твоё дело, — неприязненно отозвалась цирюльница.

— Ай-ай-ай, как невежливо, — засмеялся убийца. — А сама в чужие дела нос совать любишь. Не ищи его, не надо.

— Кого? — сделала непонимающие глаза Врени.

— Дурочку-то не строй. Учителя своего не ищи. Не твоего он ума дела. С монахом своим возись, коли нравится, а Пня оставь в покое.

— Ты мне не указ.

В руке Медного Паука появился нож.

— С чего бы это, а, Большеногая? По дружбе тебе говорю — оставь Пня в покое.

— Твоя дружба... — выругалась цирюльница и встала. — Ты теперь всюду за мной ходить будешь?

— Освободитель с тобой! Это я куда не сунусь, твою харю вижу. Сюда пришёл — и сюда ты добралась. Спасу от тебя нет. Катись подобру-поздорову.

Врени пожала плечами и шагнула к двери.

— Эй, а деньги? — спохватилась она.

— Деньги препятствуют *Освобождению*, — назидательно заявил Паук. — Давай, проваливай, Большеногая, пока я добрый.

Цирюльница выругалась и ушла.

* * *

Слуги первым делом прибрались в личных покоях баронессы и Вейма с Норой ушли туда. Туда же госпоже жене шателена принесли и письма из университета. Вампирша, касаясь их кончиками пальцев, разложила письма по времени и принялась читать сначала.

Первое было из университета, отправлено ещё в замок, а оттуда его переслали в Сетор. Вейма тогда написала, что сама займётся переписчиком, и отдавала распоряжение написать всем попечителям и благотворителям, чтобы собрать цену, которую стоила книга. В том же письме она извинялась и, отговариваясь турниром, говорила, что не сможет приехать в университет до самой зимы. И вот теперь ответ. Ничего особенного в нём не было. Госпожу

доктора богословия и права благодарили за помощь и сообщали, что ссора между мясниками и школярами сама собой уладилась, «как бы это ни было бы необычно». Вейма пожалала плечами. Это была загадка, к которой у неё не было ключа.

Следующее письмо было отправлено сразу в Сетор и было куда как менее благостным. В университет пришли люди от братьев-заступников и, рассуждая о преподавании, о ближайшем открытом диспуте и даже о погоде, между делом обмолвились, мол, есть тут один монах, сбежавший из своего монастыря и нарушивший обеты, а, кто знает, может, и к душегубству причастный... Взял на душу грех кражи, а брэнное тело своё обременил бесценной книгой. Из университета писали, что отвечали братьям-заступникам, мол, нет у них ни монаха, ни книги, но весьма этим встревожены.

Третье письмо сообщало о том, что господин Вир доставил книгу и что в университете ума не приложат, как с ней быть, ведь деньги уже собираются, а монаха след простыл, а братья-заступники бывают очень уж нетерпеливы.

Четвёртое письмо было ещё более удивительным. Опять из университета. Явился известный всем гуляка, дебошир и бездельник, школяр по имени Липп, который никак не может получить мантию солиднее бакалаврской, и посулил помощь во всех затруднениях, кою окажет им покровитель означенного школяра. Далее брат-ключарь пускался в рассуждения, что покровитель означенному школяру весьма надобен, ведь юноша этот и вовсе не юноша даже, не так уж молод, а всё проживает и проматывает, в учёбе не усерден и с чего живёт — про то никому не ведомо. Принёс школяр с собой деньги — не побоялся принести тяжёлый кошель с золотом, а также расписки Братства Помощи, известного по всему Тафелону, а братство это, как знает госпожа доктор, ссужает всех нуждающихся. И принёс сей бездельник даже больше, чем запросил монах. Поэтому они решились не ждать ответа, а передать школяру бесценную книгу, а себе взяли деньги и уже передали сумму, о которой писала госпожа доктор, тому же Братству Помощи и сейчас, уж наверное, в их лавке в Сеторе можно получить сколько надобно и расплатиться с монахом, если только не схватят его прежде братья-заступники.

Нора взяла у советницы отложенное письмо и пробежала его глазами.

— Скажи мне... — медленно спросила баронесса, — почему ты покровительствуешь университету, а я нет?

— Потому что я там преподаю. А ваша милость, когда у неё просили помочь, оплатить починку лестницы в старом здании, ответила, что деньги самой нужны.

— Так у меня нет денег! — всплеснула руками баронесса. — Я прошу, я приказываю, а ты никак не можешь подати собрать!

Вейма пожалала плечами.

— Как вашей милости будет угодно.

Нора криво улыбнулась.

— Раньше ты говорила мне «ты».

— Раньше вы не были вашей милостью.

— Раньше ты меня больше уважала.

— Вот как? Я прошу прощения, ваша милость. Я отношусь к вам со всем почтением и...

— Брось. Ты всё ещё сердишься?

— Я ваша подданная, ваша милость, я не могу сердиться на вас.

— Перестань!

— Как будет угодно вашей милости.

Нора медленно выдохнула.

— Тут пишут про братьев-заступников, ты не знаешь... там не было... ну... ты знаешь...

— Да, ваша милость, — отозвалась вампирша. — Нет, про вашего брата ничего не слышно вот уже семь лет.

— Ты думаешь... он мог умереть?

— Нет, ваша милость. Думаю, он жив и здоров.

— Почему?!

— Потому что, ваша милость, такие, как он, не исчезают просто так. Скорее всего, он спрятан от мира где-нибудь в их монастыре. В наказание и для защиты.

Нора вздохнула.

— Вели позвать Вира. У меня есть новости.

* * *

Когда Врени дошла до Варёной Селёдки, уже смеркалось. Цирюльница устало толкнула дверь, переждала приступ подозрительности у стражника и вытерпела радостные вопли Марилы.

— А смотри, что у меня есть! — похвасталась сумасшедшая, оттащив цирюльницу в дальний угол кабака. На руке Марилы сверкал долгожданный медный браслет, украшенный недорогими, но красивыми самоцветами.

— Хрольф заходил? — уточнила Врени, усаживаясь на скамью. Всё складывалось исключительно по-дурацки, давно такой невезухи не было. Как будто ворожил кто-то или порчу навёл.

— Нее, — затрясла головой сумасшедшая. — Будет он сюда соваться! Это мне такой смешной человечек дал. Просто так, представляешь?

— Какой смешной человечек? — насторожилась Врени. — Что он тут делал? Кто его сюда пустил?

— Никто не пускал, — пожалала плечами безумица. — Вошёл вон оттуда, откуда слуги выходят, прошёл в угол и стал столы разбирать. Его и не заметил никто.

Врени кивнула. Столы в кабаке были такие же, как почти везде, особенно в небогатых домах — поставленные на козлы длинные доски. Когда они были не нужны, их разбирали и ставили у стены.

— А потом что?

— Он меня заметил, увидел, что я на него смотрю, и поманил к себе. Спросил, чего я хочу. Я и сказала.

— А какой он был?

— Смешной, — уверенно ответила Марила. Врени махнула рукой. Смешными сумасшедшая называла самых разных людей, например, повара её милости, который не позволил вылить мёд в мясную похлёбку.

— Он подарил тебе браслет? — не отставала цирюльница.

— Не-не-не! У него при себе не было! Он спросил, я и ответила. Сказала, что браслет ищу и что дружка ищу. А он про тебя спросил.

— А ты что?!

— А я сказала, что хочу браслет, — уставилась сумасшедшая невинными глазами на

цирюльницу.

Врени застонала.

— Он принёс браслет, — радостно продолжила Марила. — Правда, красивый?!

— Очень красивый, — вздохнула Врени. Сердиться на сумасшедшую было бесполезно. — Что ты ему рассказала? О чём он тебя расспрашивал?

— А он не расспрашивал. Он всё сам рассказал, я только чуть-чуть его поправила. Он сказал, что я умница!

— О чём он рассказал?

— Как — о чём? О том, что ты у того медяка вызнала. Он сказал, что ты добрая! Это хорошо, правда?!

Врени застонала ещё сильнее. Добрая. Сказал кто-то из прозревших. Кто-то, кто знает, как к ней подобраться. Кто-то, кто знает, как разговорить Марилу. Как найти к ней подход. Хорошо. Просто замечательно.

— А ещё он сказал, где мне дружка найти! Правда, здорово?!

— Правда. И где же?

— Не скажу! — внезапно надулась Марила. — Чтобы ты там же не искала! И тебе браслет не понравился!

Глава восьмая

Турнир

— А мы правда турнир увидим? — как девочка, волновалась Марила.

— Правда, — кивнула Нора. Они сидели в её ложе на трибуне вокруг ристалища. Нора, её советница по правую руку, её дура по левую, а все остальные приближённые — за спиной госпожи. Где-то среди них были и оттеснённые подальше Врени с братом Полди. Монах пытался отказаться от лицемерия турнира, утверждая, что это противоречит его обетам, но Большой Куно, равно впечатлённый его историями и благодарный за избавление от Марины, положил руку ему на плечо и душевно попросил составить компанию.

— И рыцарей тоже увидим?

— Не сегодня, — отозвалась Вейма. — Сегодня будет состязание в стрельбе.

— А дам красивых? Хоть вполовину таких, как моя сестрица её баронская милость?

Нора польщёно улыбнулась.

— Увидишь. Вон, посмотри, они на трибунах рассаживаются.

Марила скривилась.

— Не! Они и осьмушки её не стоят! А можно, я пока отойду? Я ненадолго?

— Куда это ты собралась? — нахмурилась Вейма.

Нора лениво махнула рукой.

— Иди. Но чтоб ненадолго.

Она многозначительно кивнула Вейме и та пожала плечами. После турнира она сама собиралась отлучиться и уже спросила разрешения у госпожи. Не то чтобы это было так важно, скорее противно. Книга Врага ушла из университета, а Вейме предстояло выполнить роль простого посредника, только лишь передав монаху деньги. Но деваться было некуда.

Настроение у вампирши было не праздничное. Письмо, которое показала ей госпожа, было от барона. Написано оно было позже письма, отправленного Магде, и в нём его милость сообщал дочери, что они успешно взяли Аак, но потратили на него столько сил, что дальше пока не пошли. Это понравилось не всем. Часть святого воинства тронулась в путь и попыталась сама, не дожидаясь командиров, дойти до святого града. Эти погибли. Часть упрекнули благоразумных в предательстве и собирались плыть домой. Оставшиеся продолжали готовить поход на святой град, но их раздирали раздоры.

«Я не могу доверить письму всех своих опасений, но, мнится мне, в ловушку заведёт нас излишнее доверие к тем, кто прикрывается именем, на которое не имеет права» — говорилось в письме. Вейма и так, и сяк крутила пергамент, нюхала и даже лизала загадочную фразу, и, наконец, заявила, что по всему это выходят братья-заступники и речь идёт об их предательстве. Это заставило и Нору, и Вира с Веймой чувствовать себя весьма неудобно.

Марила отсутствовала и впрямь недолго. Она вернулась, сияя восторгом, и требовала от охранника ложи пропустить «её дружочка». Норе пришлось отдать прямой приказ и очень недовольный Тоший Аццо пропустил сумасшедшую с её спутником.

— Смотри, сестрица, какой у меня дружочек! — похвасталась она, выталкивая перед собой полноватого юношу в полосатых одеждах, которые выдавали в нём нагбарца, с бледным лицом типичного северянина. Среди кнехтов её милости началось недовольное ворчание. Недавняя война с Нагбарией ещё была свежа в памяти и многие на ней были

ранены или потеряли товарища.

— Где ты его взяла? — нахмурилась баронесса.

— Как — где?! — поразилась сумасшедшая. — Вон в той ложе... как зовут твоего господина, дружок?

— Сайолтакк, великий тан Каолина, — с сильным северным акцентом отозвался юноша.

Нора подняла брови. Сай-как-его-там был заложником, которого Нагбария передала Тафелону для подтверждения своих мирных намерений. Говорили, что он хвастался, решишь-де он участвовать в турнире, победил бы всех рыцарей Тафелона, но, поскольку он пленник, считает это несовместимым со своей честью.

— А кем ты ему приходишься? — спросила Нора. Северянин непонимающе уставился на неё.

Марила отвесила ему тычок в спину.

— Ты б хоть поклонился! Это же баронесса цур Фирмин, она тут главная самая! Изволит тебя спрашивать, а ты молчишь. Ай-ай-ай, никакого почтения.

Нагбарец разразился чередой хриплых каркающих звуков на своём языке. Сумасшедшая с умилением посмотрела на него.

— Видали! Вот какой у меня дружок!

— Ты меня не понимаешь? — нахмурилась Нора.

— Он говорит, что не подчиняется нашим баронам, — пожалала плечами Марила. — Дружок, ты в Тафелоне, не в Нагбарии.

— А ты не такая уж дура, — покачала головой баронесса. — Аццо, выкини этого человека отсюда.

Марила вцепилась в нагбарца обеими руками и громко завопила.

— Не надо! Это мой дружок! Он хороший!

Аццо с сомнением покосился на госпожу.

— Отвечай! — резко приказала баронесса.

— Моя... Мюр... Мюр из Айли. Моя... я... ношу... моя оруженосец рыцаря Френга что... что защищает славного Сайолтакка, великого тана Каолина, что в Нагбарии.

— Мюрлейн^[27], - радостно подытожила Марила. — Правда, хорошенький?!

— Как ты его сюда привела? — спросила Вейма. От сумасшедшей странно пахло. Надо было раньше обратить внимание.

— Пришла туда, — кивнула Марила на выделенную северянам ложу. — Мне человек говорил, что там будет весело! Я им покаркала, они мне покаркали. Они же каркают! Вы сами слышали! Был другой, но мне этот понравился. Я его обняла, спросила, хочет ли быть моим дружочком? А он и спорить не стал. Он хороший! И забавный! Знаете, как он вас называет? Тюфяками! Так и говорит — тюфяки из Тафелона! Правда, смешно?

Понимавший с пятое на десятое нагбарец сообразил по изменившимся лицам стражников, что дело худо, и гордо задрал курносый нос.

— Оставьте его, — резко приказала Нора. — Что с дурака спрашивать. Марила, скажи ему идти к своим.

— Нечестно, сестрица! Он мой дружок!

— Вот и гуляй с ним подальше, — проворчал Большой Куно, — дура да нагбарец — хорошая пара!

Марила надулась и приготовилась зареветь.

— Сейчас начнётся состязание, — сказала Нора. — Уведи его, пока мои люди с ним не расправились.

— Так нечестно! Я так искала себе дружочка. А вы его прогоняете! Нельзя, сестрица, нельзя! Это мой дружочек!

Нора зажала уши.

— Тихо! — прикрикнула она. — Садитесь туда, подальше в угол, и если твой дружочек нарвётся на драку — я велю его вышвырнуть, слышишь меня?!

— Вот спасибочки, сестрица! Не пожалеешь! Не нарвётся! Он хороший, правда!

Она подхватила нагбарца под руку и потащила его к Врени и Полди. Мюр даже не пытался вырваться, покорно шёл следом за ней.

— Хороший у меня дружочек, правда?! А у тебя такого нет!

— Все мы дети Создателя, — произнёс монах. Врени хмыкнула.

— Дай я с ним поговорю, — предложила она.

— Не дам! Это мой дружочек!

— Нужен он мне больно, — нахмурилась цирюльница. — Но твой брат спросит, с кем это ты гуляешь. Что я ему скажу?

— Ну ладно, — надулась сумасшедшая. — Но чтобы ни-ни!

— Ни-ни, — серьёзно заверила её Врени.

Мюр с тревогой переводил взгляд с одной женщины на другую.

— Послушай-ка, — медленно, чтобы иноземец её понимал, произнесла она. — Ты сам-то что? Дурак или подлец? Ты видишь, что с ней?

— Тссс! — зашипела на неё Марила. — Я же притворяюсь! Я хорошо притворяюсь!

— Конечно, — терпеливо ответила ей Врени и повернулась к нагбарцу.

— Не понимать, — хрипло прокаркал Мюр. — Не так? Добрая бойрен... женщина.

— Притворяешься?! — разъярилась Врени.

— Добрая, — упрямо повторил нагбарец. — Ваши женщины злые. Не... не... не подходят. Смеются. Зачем они смеются?! Эта добрая.

Марила вдруг расхохоталась.

— Врени тоже женщина, балбес!

— Почему балбес? — обиделся нагбарец и оглядел цирюльницу с ног до головы. — Нехорошо... Наши женщины не так. Плохо носить мужскую одежду. Ты не женщина! Ты...

Он перешёл на нагбарский и это было очень предусмотрительно с его стороны.

Марила хлопнула его по спине.

— Не смей так говорить! Врени хорошая, слышишь?!

Нагбарец беспомощно улыбнулся.

— В Нагбарии так не ходят. Только курейд. Это... когда женщина... с оружием... редко. Нехорошо.

— Тебя не спросили, — процедила Врени.

— Ты злая, — ткнул в неё пальцем Мюр, — она добрая.

Марила расхохоталась и одарила «дружочка» таким смачным поцелуем, что Полди мучительно покраснел и отвернулся. Нагбарец грубо обнял её в ответ, скорее даже схватил в охапку, но сумасшедшая только захихикала.

— Слушай, — нашла Врени. — Брат этой женщины — кузнец. Сильный и злой человек. Руками гнёт мечи и подковы. Обидишь её — открутит голову.

...и мне — за то, что не уследила...

— Не обижать. Зачем? Хорошая.

— Эй, смотрите! — окликнул их Ланзо. — Что вы спорите, смотрите, какой выстрел! Какой стрелок! Какой самострел! Что за мастер делал!

Они посмотрели на ристалище. Мишени представляли собой плетённые круги, в центре каждого из которых была нарисована яркая птичка с расправленными крыльями. Марила, бросив нагбарца, шепнула на ухо Врени:

— Я знаю, самострел братец делал! Смотри! Он говорил — втрое дальше пролетит! Гляди, какой хороший!

— Тюфяки, — процедил Мюр. — Вы все в Тафелоне тюфяки! Стрелять из-за угла! Найти хвастаться! Мы в Нагбарии начинать турниры метать топоры!

Он с вызовом расправил свои не слишком широкие плечи.

— Я слышал, — мягко произнёс брат Полди, — от одного человека, который шёл в святые земли замаливать свои грехи на недавней войне, что самострелы причинили немало бед на полях сражений и что у нагбарцев не было от них ни защиты, ни помощи.

— Труссы! — возмущённо зафыркал нагбарец и принялся каркать на своём языке.

— Если ты не заткнёшься, — шепнула ему на ухо Врени, — тебя найдётся кому заткнуть.

— Мы состязаться метать топоры! А потом славные оруженосцы биться на дубинках, — зачем-то добавил нагбарец. — Я трижды биться!

Он потёр голову, явно что-то вспоминая. Марила залиvisto расхохоталась.

— Это всё объясняет, — проворчала Врени.

— Заткнитесь! — потребовал Ланзо. — Вон там господин Вир стреляет. У него похожий самострел. Спорим, он лучше выстрелит?

Врени равнодушно проследила, как оборотень выходит вперёд, взводит самострел и прицеливается. Стрела попала нарисованной птичке в крыло. Чем этот выстрел лучше предыдущего, цирюльница не знала, но на трибунах восторженно закричали.

— Бедная птица, — вздохнула Марила. — Как она теперь летать будет?..

— Что это вы говорили? — повернулся к ним Ланзо. — Ты знаешь, кто такие делает, а, дура?

Марила состроила непонимающую рожицу и на всякий случай закаркала.

— Она ничего не знает, — вступилась за неё Врени.

— Жаль, — разочаровано протянул Ланзо. — В этом городе полно ростовщиков. Я бы всё заложил, но купил бы себе такой.

Врени решила.

— Я знаю одного человека, он знает другого человека, а тот слышал, где найти мастера, — сказала она.

Ланзо поднял брови.

— Сколько за это хочешь? — прямо спросил он.

Цены на самострелы Врени не знала.

— Мне известен только человек, который... — мягко начала она.

— Который знает, которого знают, — перебил её кнехт. — Слышали мы эти сказочки! Завтра сможешь сказать?

— Завтра, — кивнула Врени, — послезавтра или третьего дня, идёт?

За это время она наверняка найдёт оборотня и предложит ему выгодную сделку. Не будет же Хрольф до того мелочным, чтобы ничего не отсыпать посреднице?.. На добрых

делах долго не проживёшь.

Ланзо кивнул и снова уставился на ристалище. Вскоре оттуда послышался сперва спор, а затем хохот, который постепенно подхватывали и на трибунах. Нагбарец явно занервничал, а Марила обиделась.

— Над кем они смеются?! — вскинулась она. — Я же здесь!

— Да ты посмотри на этого шута! — предложил Ланзо.

Врени посмотрела на поле. Там стоял бедно одетый юноша с самострелом, вокруг него хохотали другие стрелки и судьи.

— Ну и что? — не поняла цирюльница. — Стрелок как стрелок. Или тебе его наряд не нравится?

— Враг с ним, с нарядом, — махнул рукой кнехт. — Вы не слышали? Этот дуралей явился со старым самострелом.

— Ну и что?

— А, чего с бабой разговаривать! — махнул рукой Ланзо.

— Старый, — внезапно встрял нагбарец, — лук сухой. Не натянется. Не взвести. Раз! — и развалится.

— А, то есть ты понимаешь в самострелах? — повернулась к нему Врени.

— Нет, — немедленно отказался Мюр. — Оружие трусов. Издалека. Плохо.

— Молчал бы лучше, — прикрикнул на него Ланзо.

Хохот прервался.

Вир сделал несколько шагов к бедному стрелку, взял у него из рук самострел, провёл рукой по луку, что-то прикинул и протянул юноше свой.

— Нет-нет-нет, — запротестовал тот судья, который громче всех потешался. — Это против правил! Один стрелок — один самострел. Вы не можете иметь общий.

Вир посмотрел на него долгим пристальным взглядом.

— Это его самострел, — кивнул он на тот, с которым пришёл. — Вот мой.

Он показал всем старый, с которым пришёл юноша.

Судьи заспорили. Вокруг восхищались и возмущались стрелки.

— Тогда вы должны стрелять заново, — сказал судья. — Вы должны пройти весь турнир с одним самострелом.

Вир пожал плечами. Подручные установили мишень. Оборотень взвёл самострел и повторил выстрел. Стрела попала птичке точно в голову. Все ахнули. Вир кивнул бедно одетому юноше и предложил ему занять своё место.

— Самострел стать целым нет! — заволновался нагбарец. — Такой самострел развалиться!

— Но он целый, — медленно произнесла Врени. Она следила за Виром, а не за юношей и видела, как тот задумчиво оглаживает лук самострела. Зачем? Проверяет? Не колдует же в самом деле.

— Ставка... — закаркал нагбарец, — ставить серебряный против медь... медного... самострел развалиться! До конец состязаний!

Ланзо оглянулся и хлопнул Мюра по ладони.

— Идёт! — живо отозвался кнехт. — Господин Вир не ошибается, если взял эту развалюху, значит, справится.

Марила с важным видом закивала.

— Вир умный, — согласилась она. — У тебя много денег, дружочек?

— Зачем спрашивать? — насторожился нагбарец.

— Так проиграешься, дурень!

Нагбарец разразился речью, мешая разные языки. Врени с трудом разобралась в сути сказанного. Денег у Мюра было немного. Великий тан Сайолтакк был послан в Тафелон королём Нагбарии в качестве заложника. Тана приняли по-королевски, впрочем, он и был каким-то там родственником короля. Наследника тот не прислал, отговорившись малым возрастом и болезненностью, и бароны не стали настаивать. Того и гляди, принц помрёт, что же им, из-за такой малости, как полудохлый ребёнок, заново начинать войну? Хоть Тафелон и победил, это не было так уж легко и просто, особенно для севера страны, куда нагбарцы успели вторгнуться.

Свита великого тана пленниками не была и полагалась ему для чести и всяческой помощи. А потом что-то пошло не так. Мюр так усилено не вдавался в подробности, так славил правдолюбие своего господина (вернее, господина своего господина), что Врени заподозрила: шуточка с тюфяками была придумана самим Сайолтакком. Как бы то ни было, если сперва нагбарцам было положено щедрое содержание, их принимали у себя самые богатые бароны, а в городах для них обставляли самые богатые дома, то постепенно денег стало меньше, развлечения откладывались, дома оказывались ветхие и грязные и вообще заложники терпели всяческое бесчестие.

— Теперь благородный Грайогэйр, сеом... ка... камерарий двора великий тан, не выйти на три день турнир, — сокрушался Мюр. — Как он выйти? Он победить! Снять шлем? О нет! Нет цирюльник! Нет честь! Не язычник! Нет! Не выйти! Нет цирюльник! Не хотеть Злые! Злые! За что?

Врени и Марила переглянулись.

— Хочешь сказать, у вас нет цирюльника? — сообразила Врени.

— Злые! — посетовал Мюр и провёл рукой по своему лицу. Было оно и правда небрито, но, в силу юного ещё возраста, не очень уж и заросло, тем более, что так ходили многие, кто не мог себе позволить бриться у цирюльника каждый день. Но уважающие себя рыцари обычно ходили чисто выбритыми: считалось, что бороды отпускают одни язычники.

— Ну да! — оживилась Марила. — Они там все заросли — чисто медведи! Кабаны! Особенно один страшный — рябой такой, косолапый, брр!

Она сопровождала свой рассказ такой выразительной пантомимой, что её понял даже Мюр.

— Добрый Ичэнн, — строго сказал нагбарец, — оруженосец славный Грайогэйр. Мы уважать Ичэнн! Почитать Грайогэйр!

— Человечек говорил мне, что этот кабанище хороший, — сказала Марила цирюльнице. — Но я как погляжу! А он на меня как зыркнет! Брр!

Нагбарец заволновался и обнял Марилу, сильно прижав её под рёбрами.

— Нет смотри на Ичэнн. Ичэнн хороший. Ты нет смотри на него. Он драться мне — я проиграть.

Марила расхохоталась и обняла его в ответ.

— Не нужен мне твой Ичэнн! Мне с тобой хорошо!

Нагбарец прижал её к себе так крепко, что сумасшедшая едва не задохнулась.

— Мой женщина! — довольно сказал он. — Хороший женщина. Добрый. Моя драться на дубинках с кем скажи.

Марила кое-как высвободилась и каким-то неожиданно материнским движением

жалостливо погладила его по взлохмаченным волосам.

— Не дерись, — посоветовала она. — Ты, небось, невкусный, а я ещё не нацеловалась.

— Почему вкусный нет? Зачем ты меня кусать?

Марила расхохоталась и объяснять ничего не стала.

— Вон, Врени цирюльница, — кивнула она на проклятую. — Денег нет, так, может, блестяшки дашь? Она со мной поделится!

— Добрый цирюльник! — обрадовался нагбарец. — Весь город говорить нет! Мы всего неделя не плати! А они обижаются! Ты добрый, а? Мы заплатить! Тан писать король, король прислать деньги. Скоро прислать, честь клянусь! А они не хотеть! Хотеть вдвое! Втрое! Все деньги хотеть! Мы нет плати! А они — не любить мы!

Врени сглотнула.

Всё стало ясно.

Нагбарцы отказались платить цирюльникам, а своих, видно, не было. Ремесленники в Тафелоне, как и повсюду, очень не любили, когда им кто-то не платит. Они подняли цену, а нагбарцы упёрлись. Теперь все цирюльники Сетора не будут приходить к нагбарцам, пока те не расплатятся за долги и за нанесённую обиду. Она — чужая, но, если она будет без спросу стричь на чужой территории...

— Я тоже хочу денег, — сообщила она.

— Мы заплатить! Хочешь — денег? После турнира заплатить! Хочешь — кольца? Есть кольца! На пальцы, на руки, в уши, на шею — всё дадим! Ты приходи! Втрое нет! Дадим много!

Врени покачала головой.

— Хоть славный Грайогэйр! — взмолился Мюр. — Перед турнир!

— Не печалься, дружок, — «утешила» его Марила, — может, твой Грейяграй проиграет и ему не придётся снимать при всех шлем, а?

— Славный Грайогэйр! — строго поправил нагбарец. — Он победить!

— Так какая разница, с бородой он или бритый, если он победил? — заспорила с ним Марила.

— Глупый женщина! Нельзя с бородой! Позор! Добрая цирюльница! Помогать! Мы плати! Проси! Прось... просим!

— Да побрей ты его, — вмешался Ланзо. — Будет потом кричать, что только из-за бороды не выиграл. — А так мы ему живо...

Он покосился на Марилу и не стал заканчивать мысль.

— Откуда у него деньги? — засмеялся Большой Куно, который, наглядевшись на то, как сумасшедшая милуется с нагбарцем, успокоился и подобрался поближе. — Зря наша Врени с ними провозится!

— Неправда! Король посылать! — обиделся нагбарец.

— Ничего король не посылать, — передразнил его Куно.

— Зачем так говорить? — протестовал нагбарец.

— А давайте мы за него заплатим, — предложил Ланзо. Все расхохотались и принялись рыться в кошелях и за пазухой.

— Зачем так говорить? — всё обижался нагбарец. — Мы сами плати. Король посылать!

— Цыц! — прикрикнул на него Ланзо. — Не мешай людям развлекаться. Заплатите — так, значит, повезёт нашей Врени, а нет — так она не зря на вас время потратит, олухи.

— Нет обижать! — надулся Мюр и повернулся к Врени. — Ты приходить завтра нет,

день после.

— Послезавтра, — подсказала ему Марила.

— Да, день после, перед турнир. Славный Грайогэйр не дерись в толпа. Дерись один. Третий день турнир. Ты приходишь рано-рано. Брить его. Он плати! Честно плати. Эти пусть за себя плати! Ты приходишь. Честно приходишь?

— Приду я, приду, — неохотно пообещала Врени, принимая от развеселившихся кнехтов приятную тяжесть кошель. Что-то ей не нравилось.

Человечек. Смешной человек, который сказал Мариле, где найти дружка. Который указал ей на оруженосца этого самого Грай... Грей... как его... камерария, словом. А камерарий — это очень важный человек при дворе. Самый важный, может быть. Зачем проклятому — какому?! Вилю?! Но как он успел сбежать и туда, и сюда? Хотя... она шла, петляя. Он мог успеть напрямик. Но... зачем??? Зачем кому-то, чтобы Марила подобралась поближе — к кому? К человеку, который будет выступать на турнире от Нагбарии? Что за бред? Если бы не браслет, Врени бы думала, что человек сумасшедшей привиделся. Мало ли что она может себе придумать?.. но браслет был настоящий. Может, Марила украла его у кого-то раньше?..

...может, и украла...

Стрелки закончили первую часть состязания и сейчас собирались выйти на простор, туда, где их не будут ограничивать трибуны. Вир был среди тех, кого допустили к следующей части, был среди них и ошарашенный своим везением бедно одетый юноша. А вот кто-то из тех, кто над ним потешался, не прошёл первой части испытания.

— Мы пойти туда? — с надеждой спросил нагбарец.

— Ты, — ткнул в него пальцем Ланзо, — иди к своим. Пустят их, пойдёте, а нет, так не взыщи.

Марила захотела было запротестовать, даже вскочила на ноги, но Врени её усадила обратно на скамью и сумасшедшая, подумав, промолчала.

Нагбарец запечатлел на щеке своей возлюбленной смачный поцелуй и с сожалением пошёл к выходу из трибуны.

— Я тебя потом найти. Ты не ходишь одна к мы. Мы там много. Ты мой. Хорошо?

— Твоя, твоя! — заверила Марила.

— Мой! — гордо задрал нос нагбарец и ушёл.

Кнехты переглянулись.

— Он что — правда не понимает? — спросил Большой Куно.

— Он-то меня понимает! — надулась Марила.

* * *

Турнир закончился победой Вира, которую Врени, впрочем, вполне ожидала. Её не слишком всё это интересовало, а вот кнехты Фирмина были в восторге. Когда отгремели восторженные возгласы, поздравления и шуточные расспросы, что Вир будет делать с призовой тушей быка, к оборотню подошёл Мюр и указал на самострел.

— Твоя нечестно победить! — заявил он. — Сухой самострел! Дальше летит! Хитрил!

Вир улыбнулся и протянул оружие нагбарцу.

— Проверь, — предложил он. — Мишень ещё не убрали.

— Не уметь! — отпрянул Мюр, но самострел взял. — Для трус! Моя не трус! Моя не уметь такой!

Он, тем не менее, попытался взвести лук и самострел сломался с громким треском.

— Я не делать! — взвыл Мюр. — Моя не при чём! Ты нарочно!

Вир ухмыльнулся и хлопнул его по плечу.

— Стрелок — это не только самострел, это ещё и умение с ним справиться, — пояснил он. — А ты чего, с нашей Марилой гуляешь?

— Она сама прийти! — поспешил заверить Мюр. — Добрый женщина!

Оборотень снова хлопнул его по плечу.

— Обидишь — худо будет. Гуляй, если нравится.

Мюр поспешил удрать, всё ещё сжимая в руках остатки сломанного самострела.

Вир повернулся и пошёл искать баронессу.

— Ваша милость, — безукоризненно вежливо поклонился он, — отошлите ваших людей. — Вас зовут на вторую часть сегодняшних состязаний. Вас будет охранять отряд аллгеймайнов^[28], он напрямую подчиняется союзу баронов.

— Почему я слышу об том только сейчас? — нахмурилась Нора.

— Это тайна, — просто ответил Вир.

— Что за тайна? — одними губами спросила Вейма. Вир в ответ так же беззвучно ответил:

— Мастера будут состязаться в стрельбе из стенобитных орудий.

— Но... такое не скроешь!

— Ничего, — усмехнулся оборотень. — Главное, чтобы близко никто не подходил.

Он перевёл взгляд на свою госпожу.

— Это знали только те, кто занимался подготовкой. Зато теперь всё готово. Прошу вас, идёмте.

— Я пойду к своему дружочку! — немедленно нашлась Марила.

Нора закатила глаза.

— Врени, — вспомнила она имя цирюльницы. — Пойди с ней. Чтобы до заката обе были дома!

— Зачем?! — возмутилась Марила. — Я одна хочу гулять! Она всё испортит!!!

— Или ты идёшь с ней или не идёшь, — холодно ответила Нора. Подумав, она повернулась к Виру и пояснила: — Похоже, нагбарцы вовсе ошалели. Как бы у них дуру нашу не обидели. Разбирайся с ними ещё.

Вейма подняла брови. Оказывается, её милость умудрилась ещё услышать и разобрать разговоры, которые велись в углу трибуны.

— Мюрлейн хороший! — ещё громче закричала Марила.

Нора пожалала плечами.

— Я остальных не видела. Ты моя дура. Ты не пойдёшь туда одна. Что надо сказать?

Марила набрала воздуха, чтобы высказать всё, что думает по поводу неожиданной опеки, но перехватила холодный взгляд оборотня и сникла.

— Да, сестрица, твоя милость, — пробормотала она.

— Молодец, — милостиво кивнула ей баронесса.

— Ваша милость, — окликнула её Вейма, — я могу вас покинуть?

Нора бросила взгляд на Вира.

— Только сами бароны и их супруги, — сказал он, разводя руками. И кое-кто, кто всё

устраивает.

Оборотень отвесил дамам преувеличенный поклон.

— Иди, — согласилась баронесса.

— Куда ты пойдёшь? — спросил Вир.

Вейма кивнула на брата Полди.

— Университет должен ему деньги. Я собираюсь заглянуть в лавку Братства Помощи, они этим занимаются. Он пойдёт со мной.

— Ты с ума сошла! — возмутился оборотень. — Возьми охрану!

Вейма закатила глаза.

— Ваша милость! — взмолился Вир.

Нора засмеялась.

— Куно, Аццо, Ланзо! — позвала она. — Возьмите ещё двоих и охраняйте госпожу Вейму.

Она перевела взгляд на советницу и строго добавила:

— Это приказ.

Вампирша передёрнула плечами, но спорить не стала. Нора слишком много о себе воображает, ей не мешает преподать урок, но это потом, а сейчас...

— Идём, монах, — позвала она.

Глава девятая

Между состязаниями

Лавка Братства Помощи была... обычной. Просто лавка, только не разложен по столам и не развешен по стенам товар, а сидит неприметный человек за столом, перед ним книга, чернильница, да стоят скамьи для посетителей попроще и пара хороших кресел для публики почище. Вейма отослала охрану в ближайший кабак и толкнула тяжёлую дверь.

Неприметный человечек скользнул по ней равнодушным взглядом. Вампирша представилась, представила своего спутника и в двух словах рассказала о деле, которое их сюда привело.

— А, — кивнул человечек. Он порылся в ящиках стоящего рядом с ним шкафа и выудил два свитка. — Здесь. Подписи.

— А... — оторопел монах. — Как же деньги?

Человечек хмыкнул и кивнул на дверь за своей спиной.

— Туда, — велел он.

Подумал и предложил даме:

— Вы можете подождать здесь или уходить.

Вейма оскорблённо выхватила у него из рук свитки, пробежала взглядом. Ничего особенного там не было. Университет признавал полученными пересланные через Братство деньги и уполномочивал Братство передать их монаху ордена Камня по имени брат Полди. Брат Полди расписывался, что все деньги получил сполна.

Вейма расписалась в своём свитке и после, под напряжённым взглядом человечка, в подсунутой им книге. Монаху она свиток так и не отдала.

— Сначала он получит деньги, потом подпишет, — сказала она.

— Воля ваша, — пожал плечами человечек. — Вам сюда.

Монах прошёл в дверь, Вейме пришлось нагнуться. Они оказались в небольшой тесной комнате, в которой спиной к ним, лицом к узенькому окну стоял человек в монашеской рясе.

Вейма чуть не задохнулась от нахлынувших на брата Полди чувств.

— Отец Наркис! — кинулся он вперёд. — О, Заступник, вы — здесь?! Вы живы?!

Незнакомый монах обернулся. Был он, как и Полди, невысок ростом, худ и даже невзрачен. Вернее, это у себя на родине он был бы невзрачен, а в Тафелоне он явно выделялся нездешними чертами лица, глубоко посаженными глазами и желтовато-смуглой кожей. А ещё во взгляде его светился ум. Ум и проницательность. И то, как он посмотрел на вампиршу...

Вейма принялась, ругая себя за то, что, поглощённая эмоциями брата Полди, не сделала это раньше.

Принялась и попятилась назад, выставив перед собой скрюченные пальцы с острыми, как когти, ногтями, и оскаливая зубы.

— Липп, — выплюнула она. — Я его чувствую! Это он послал тебя, монах?!

В тёмных умных глазах монаха мелькнуло недоумение, которое быстро сменилось на понимание.

— Да, — кивнул он, ничуть не обескураженный и, чуть прихрамывая, шагнул вперёд. — Он предупреждал, что ты будешь так... бояться.

— Я не боюсь, — не очень убедительно возразила Вейма. Она не могла найти в себе

силы успокоиться, спрятать клыки и разогнуть скрюченные пальцы. От монаха пахло не только Липпом. От него пахло длительным и доверительным общением с этим вампиром.

— Так, значит, ты — Вейма? — уточнил отец Наркис с интересом. — Тот самый вампир, который не пьёт человеческой крови?

— Тебе какое дело, монах?!

— Добрая госпожа! — взмолился обескураженный брат Полди. — Прошу тебя! Это приор нашего монастыря, отец Наркис. Клянусь тебе, он человек почтенный и благочестивый и...

— Ну-ну, брат Полди, — отечески успокоил его приор. — Госпожа Вейма не знает меня. Естественно, что она не чувствует ко мне доверия.

Он повернулся к вампирше.

— Я говорил с Липпом достаточно, чтобы знать его как своего духовного сына.

— Как своего — кого?! — не поверила ушам вампирша. — Ты с ума сошёл, монах?! Ты, что же?! Принимал исповедь у вампира?! Ты считаешь, его грехи можно отпустить?!

— Ты сама вампир, — напомнил ей отец Наркис.

— Я не пью человеческой крови, — оскорблённо напомнила Вейма. — И не предаю людей, которые мне доверились.

— Ты сама вампир, — невозмутимо продолжал приор, — и знаешь, как это тяжело — идти против течения.

— Но я как-то справилась!

— Да, — признал это приор. — Но у Липпа нет твоей силы воли.

— У него — что?! — ахнула Вейма.

Впервые в жизни её сравнили с другим вампиром в её пользу.

— Не вини его, — спокойно продолжал отец Наркис. — Он сдался, столкнувшись с испытанием своей воли, а ты выдержала. Но разве сильные не должны протянуть руку более слабым?

— Ты сошёл с ума, монах, — повторила Вейма. — Липп — подлый, бесчувственный... скорпион. Он не сдался! Он наслаждался каждым мгном своего существования! Он...

— Что плохого он сделал именно тебе? — перебил её приор. — Уверен, не так-то много.

— В самом деле! — вскипела вампирша. — Только то, что он охотился на *моей* территории и из-за него нас чуть не убили! И то, что он принёс мою подругу умирать и её чуть не убили — этот слизняк боялся за свою шкуру! Трус, подлец, предатель!

— Он не убил и не попытался убить тебя и никого из твоих друзей, — подытожил монах. — Он пытался спасти свою жизнь теми способами, которые знал.

— Он... — в который раз начала вампирша, но внезапно успокоилась. Липпа тут не было. Зачем она спорит? — Так, значит, ты думаешь, что ты его обратил, а? Заставил уверовать в Заступника? И что же, он теперь не боится молитв?

Отец Наркис чуть заметно улыбнулся.

— Не всё сразу, госпожа Вейма. Я уверен, что вампир способен преодолеть своё отвращение к святости, если уверует всем сердцем. Липп подаёт большие надежды.

Вейма дёрнула углом рта, но промолчала. Сама-то она не боялась ни святого знака, ни молитв, ни церквей, ни монахов. Пару лет назад она даже не выдержала и, когда немного придурковатый сын священника, заменявший приболевшего отца, в очередной раз спутал слова молитв, решила вмешаться. Она ворвалась в его разум и впечатала в память и

правильные слова, и нужное произношение и всё, что должен знать священник. Корбл не имел права подменять отца, но в деревенских церквях так часто делали. Вейма же была доктором богословия и её слух резало и неверное произношение, и запинки, и нарушение чина. После её вмешательства Корбл немного тронулся умом — теперь он уверял, что ему явился небесный посланник и даже продолжает подсказывать темы для проповедей. Однако он набирал популярность и послушать его иной раз приходили даже из Раного, хотя, казалось бы, уж там-то слышали всяких священников.

Одним словом, быть вампиром не означало бояться молитв.

Но...

У Веймы мелькнула чудовищная мысль: что, если для таких, как она, ещё не всё потеряно? Вот если бы найти священника, который может принять её полную исповедь... ведь она не творит никакого зла!

Отец Наркис наблюдал за ней с таким пониманием, будто не она, а он был вампиром.

Нет. Он человек.

Вейма уставилась ему в глаза. Отец Наркис чуть кивнул, заставив скрипнуть зубами. Он впускал её — вампира! — в свой разум! Он приглашал её! Он не был жертвой, он был тем, кто сам решил, что позволить, а что нет.

Ясное сознание, ничуть не спутанное сомнением или искушениями. Вейма двинулась вглубь, в прошлое. Там было... многое. Вампирша скользила, не входя в суть его воспоминаний. О, этому человеку знакомы были искушения! Женщины, лошади, вино, деньги, кости, битвы... Он знал многое. И... во всём раскаялся и спрятал былое в своей памяти. Не забыл, а просто...

Раскаялся.

Покаялся и принял искупление.

Так бывает?!

Вейма попробовала потянуть за эти воспоминания. Не может быть, чтобы ничего не осталось!

Искушения плоти лучше не трогать. Да — проще. Да — больше... по-вампирски. Но так делать можно только если ты намерена выпить кровь жертвы или разделить с ним ложе.

Вир учует это даже на расстоянии.

...о чём ты думаешь?..

Она ухватила за другое. Деньги. Деньги — это прекрасно. Чем больше денег, тем больше...

... тем больше пользы ты сможешь принести вере?!

Вампирша с проклятием вывалилась из чужого сознания. Отец Наркис всё с тем же доброжелательным, но отстранённым интересом смотрел на неё.

— Я убедил вас в своей искренности?

— Чего вы хотите? — спросила Вейма и снова выругалась про себя. С этого вопроса нужно было начать.

— Денег, — как человек, только что удачно пошутивший, улыбнулся приор. — Денег, который брат Полди должен был передать мне.

— Зачем они вам?!

Отец приор развёл руками и повернулся к Полди.

— Сын мой, мужайся, — сказал он с искренней, но отчего-то сдержанной печалью. — Наш добрый отец Зотикус...

Полди прижал руки к груди и смертельно побледней.

— Нет... — прошептал он.

— Он умер, — закончил приор. — Наш настоятель предательски убит.

— Братья-заступники?!

— Да.

Вейма нащупала стул и уселась.

— Как интересно, — холодно и равнодушно произнесла она.

— Монастырь захвачен их орденом, — продолжал теперь уже бывший приор. — Она назначили настоятелем брата Менелоса и оставили при нём своих людей. Как они сказали — для совета и поддержки. С ними — не менее десятка воинствующих братьев. Я еле успел скрыться.

Брат Полди уронил лицо в ладони и, не скрываясь, разрыдался. Приор положил руку ему на плечо. Вейма приняхалась.

— Я правильно понимаю, что отец Менелос — дубина, не способная управлять даже таким маленьким монастырём? — поинтересовалась она.

Отец Наркис кивнул.

— Ты права, дочь моя.

Вейма кивнула ему в ответ.

— Так, значит, братья-заступники хотят себе ваш орден? Зачем?

— Деньги, — пожал плечами приор. — Влияние. Власть.

Вейма приняхалась с возрастающим интересом.

Самое противное, что он был неизменно искренен... хотя что-то пока предпочитал придержать.

— Сын мой, — потерев приор за плечо брата Полди, — ты должен взять себя в руки. Отец настоятель мёртв, но ничего ещё не закончилось. Ты вырос в мирном монастыре, но приходит такое время, когда каждый из нас должен сражаться — словом, оружием, делом — чем может.

Брат Полди, не стесняясь, утёрся рукавом и посмотрел на приора.

— Располагайте мной, отец.

Приор кивнул.

— Сейчас твоя помощь в том, чтобы привлечь к себе внимание, — серьёзно произнёс он. — Ходить, быть на виду... выйти отсюда так, будто деньги всё ещё у тебя. Это опасная роль, но мне некому больше её поручить.

— Ты спятил?! — перебила Вейма. — Его же убьют!

— Всё в руках Заступника, — уклончиво ответил приор.

Его взгляд сказал больше и вампирша взбесилась.

Он думает, она будет пасти это недоразумение?!

А ведь будет.

Просто не сможет оставить его на растерзание.

— Это ненадолго, — пообещал приор. — Братья-заступники обращают на себя всё больше внимания — и здесь, и в Терне. Потому и важно, чтобы они не поменяли свои планы. Ты понимаешь?

— Нет, — честно признался всё ещё всхлипывающий монах. — Но я сделаю всё, что вы скажете.

— Просто будь на виду, — сказал отец Наркис. — И не рассказывай о нашей встрече.

Вейма вздёрнула бровь. Её приор ни о чём просить не стал. Поверил? Проверял?

А отец Наркис достал из-за пазухи свиток и протянул брату Полди.

— Возьми. Подпишешь там, — кивнул он за дверь. — Они ничего не выдадут. Деньги заберу я. Тебе дадут кошель...

— Мне ничего не надо!

— Тебе дадут кошель, — терпеливо повторил приор. — Будешь тратить его при необходимости. Это создаст видимость, что деньги получил ты. Ничему не верь. Позже я расскажу всё, что ты должен знать.

Брат Полди поцеловал руку приору. Это выглядело... искренним жестом почитания. Отец Наркис медленно его благословил.

Вейму уже тошнило от их искренности.

Кто эти люди — святые или сумасшедшие?!

* * *

Когда они вышли из лавки, было уже темно. Брат Полди нервничал и оглядывался по сторонам. Полученный кошель обременял его душу.

— Ты не боишься? — по-детски просто спросил он вампиршу. Потом спохватился. — Вы, добрая госпожа.

— Перестань, — рассеянно отозвалась вампирша, нюхая вечерний воздух. Вот-вот... скоро... солнце уже почти зашло... — Держись поближе ко мне. Если что — молись... или убегай.

— Если что?!

— Угу, — кивнула Вейма. — Ага, вот сейчас. Молись, монах.

Им преградили путь. До кабака было рукой подать, но всё же он был не вплотную к лавке. А улочка узенькая, всадник с копьём поперёк седла здесь не проехал бы, застрял. Закат не был виден, он только чувствовался, и темноту едва разгонял тусклый свет из окон.

— Что вам надо? — холодно спросила Вейма.

Их было четверо. Двое спереди, двое сзади. Короткие дубинки, кистени. Оружие разбойников.

— Тихо, дамочка, — слащаво причмокнул один из них. — Будешь молчать — будет небольно.

Негодяи переглянулись и разразились противным смехом.

— Сначала монах, — напомнил, отсмеявшись, другой грабитель. Они снова расхохотались.

— Я спрашиваю последний раз — что вам нужно? — холодно спросила Вейма.

— Она сама напросилась — махнул в её сторону дубинкой третий грабитель и сделал шаг вперёд.

Что сказал бы ей четвёртый, вампирша так и не узнала.

Солнце зашло. Она почувствовала всем телом.

Это было...

Как наваждение, как страсть, как блаженство...

Только наоборот.

Неправда, что блаженству противоположно страдание.

Нет.

Это. Только оно, то тёмное, вязкое чувство, которое дано испытать одним вампирам.

Вейма медленно — медленно для вампира — закрыла глаза и открыла их.

Да. Только так.

Как она устала от этой глупой... человечности.

Это почти больно.

Это как таскать оковы.

А сейчас — как освободиться.

Как взлететь в небеса.

Не просто закат.

Не просто войти в полную силу, в которую вампир входит только ночью.

Нет.

Позволить себе быть — собой.

Ощутить всю власть, которая положена тебе от твоего второго рождения...

Она хищно улыбнулась. Блеснули клыки, но грабители этого уже не заметили. Они потеряли сознание ещё когда она закрыла глаза.

— Как всё просто, — прошептала вампирша, наклоняясь к распростёртому телу. Её мутило от непривычного чувства голода. Именно сейчас, когда её сила проявила себя так... ясно? Так темно? Именно сейчас она почуяла настоящее желание отведать человеческой крови. Сладость победы. Единственная пища, которую она может есть. Её право. Естественное право.

Она коснулась головы ближайшего грабителя. Надо было сдержаться. Надо было узнать, кто он и что задумал.

Из крови это узнать намного проще...

— Нет, сестра, — послышался ненавистный голос. Вейма обернулась и оскалила клыки. Перед ней стоял Липп. Всё в той же одежде, в которой она его видела семь лет назад, правда, какой-то слегка потрёпанной, словно он с тех пор не покупал ничего нового.

И не крал.

— Явился? — неприятливо спросила вампирша. — Я так и знала, что не утерпишь. Зачем ты послал ко мне этого своего приора?

Липп обезоруживающе улыбнулся, не показывая клыков.

— Это он меня посылает, — признался он.

— Да?! А старый Ватар это знает?!

— Он знает то, что ему нужно знать, — пожал плечами Липп.

Вейма устало вздохнула. В висках ещё билась жажда крови, зубы сводило от желания вцепиться в собрата и драться до последнего. Вот только она слишком хорошо знала, кто выигрывает, дойди дело до драки...

Если только...

— Посмотри на меня, — резко приказала вампирша.

Липп засмеялся и поднял взгляд.

Светло-карие глаза.

Такие... обычные.

Почти человеческие.

Только на дне злорадия и подлость скорпиона.

Вейма как будто провалилась в них.

Этому Ватар не учил.

Считал — ещё успеется.

Вампиры так не дрались, предпочитали по-звериному чувствовать, как рвут на куски противника.

Но Вейма не могла драться.

Как все — не могла.

Но могла — так.

Светлые глаза против тёмных. Водовороты крови. Боль, ненависть, жажда. Страх — и уже нельзя понять, чей. Трусость, предательство, слабость.

Сила и жажда власти.

Снова кровь.

Боль.

Власть.

Сила.

— Добрая госпожа, — откуда-то из другого мира позвал брат Полди. Не получив ответа, забормотал слова молитвы.

Вампиры одновременно прикрыли глаза, вылетая из своего странного поединка.

— Хватит, — тяжело дыша, предложил Липп. Коротко глянул на зашевелившихся грабителей — и они снова уснули. — Уходи, сестра. Эти люди — не твоё дело. Я займусь ими сам.

Вейма передёрнула плечами. Кружилась голова. Она не выиграла и не проиграла, но второй раз подобное могла и не повторить.

— Идём, монах, — резко приказала она.

* * *

Врени сидела в кабаке и мрачно напивалась. Было... противно. Мерзко. Подло. Ей было не в чем себя упрекнуть, но гнетущее ощущение не проходило. Поодаль за столом сидели Марила со своим нагбарским «дружочком». Сумасшедшую трясло и Мюр почти насильно поил её сидром, который как-то сумел выпросить у кабатчика.

— Моя говорить — не ходи искать я! — тоскливо напоминал юноша.

Марила не отвечала, только смотрела перед собой пустыми глазами да время от времени начинала всхлипывать.

Врени слишком поздно догадалась, почему Мюр не понимал их вопросов и предостережений. Он попросту не видел безумия своей долгожданной подружки. Понимая чужой язык с пятого на десятое, он видел главное: она пришла к нему, она хочет с ним гулять. Это одно делало женщину в его глазах прекрасной. Её же безумные повадки он принимал за добродушные шутки, не более. К тому же при нём она почти не каркала. Это Врени тоже подметила: Марила начинала каркать, если рядом оказывались оборотни в волчьем облике. А тут... у вороны не могло быть «дружочка», у человеческой женщины — мог.

Только вот другие нагбарцы тоже не могли увидеть её безумия. А вот женщину, которая охотно с ними заигрывает, они разглядели, и ещё как!

Врени вроде и отошла-то ненадолго. Но шkodливая безумица успела найти «друзей»

своего дружочка» и привязаться к ним с вопросом, куда он подевался. Слово за слово — и вот её уже хватают за руки и просят — пока ещё просят — погулять с ними.

Другая бы, может, отиутилась. Или отовралась. Притворно согласилась бы, чтобы усыпить внимание.

А сумасшедшая поджала ноги и завотила.

Раздосадованные нагбарцы, уже предвкушавшие удовольствие, принялись заламывать ей руки, затыкать рот...

Врени вернулась как раз вовремя. Вовремя появился и Мюр.

Врени со стуком поставила стакан на стол. Взмахнула рукой, мол, кабатчик, плесни ещё!

— Ты злая, — покосился на неё Мюр. — Нечестно пинайся! Можно нет так!

— А выкручивать руки девчонке — честно? — огрызнулась Врени.

Против кинжалов — ведь мечей оруженосцам не положено — у неё было очень, очень мало шансов. Но кое-кто познакомился с бритвой цирюльника раньше своего «славного Грей-как-его-там» — и притом бесплатно. А ещё кому-то хватило и пинков.

Марила протяжно всхлипнула и Мюр поспешил поднести ей новый стакан сидра. Сам он почти не пил и только расстроено гладил свою женщину по плечам.

Как оказалось, он не зря обещал драться за неё с кем угодно. На крик Марилы он прибежал чуть позже, чем надо, зато с большой дубинкой наперевес. Теперь у него была здоровая шишка на голове и синяк на боку.

— Ты нет говорить об этот, — просительно посмотрел на Врени нагбарец. — Нас нет любви тогда!

Врени невесело хмыкнула.

— Это тебе не у меня надо просить, — резко ответила она. — У неё. Или ты поэтому так с ней сейчас возишься?

Марила была не так уж беспомощна, просто их было больше и они были сильнее. Одному она прокусила руку, в ногу второго вонзила сапожное ишло, которое до того невесть где прятала. После этого нагбарцы, кажется, уже расстались с мыслью приятно провести время и просто захотели побить строптивую бабу. А, может, и нет. Одно другому не мешает.

Врени выругалась и осушила стакан.

— Не понимать, — покачал головой нагбарец. — Ты нет говори. Прошу! Нас нет любви! Совсем не любви тогда!

— Вас и так «не любви», — огрызнулась цирюльница.

Вообще, она его понимала. Небось, сеторские продажные девки отказались с ними иметь дело, как отказались и цирюльники. Дело-то было не в этом.

Как в Нагбарии — она не знала, а вот в Тафелоне с такими шалостями было строго. Честь женщины принадлежала её мужчине — мужу, брату, отцу, сыну... любому родственнику, если он был рядом. Кстати, интересно, почему не примчался Хрольф?..

Врени мельком задумалась, не потому ли, что мог участвовать в том тайном и шумном состязании, на которое никого не пускали. Говорил же он Виру, что у него есть большой заказ...

Не став развивать эту мысль, она снова махнула рукой.

Тогда он не примчался, но рано или поздно Хрольф узнает, что она не уследила за его сестрицей...

И вот угадайте, кому первому откусят голову?

— Я умолять. Ты хочешь — я на колени вставать, — настаивал Мюр.

Врени отмахнулась.

Не того он боялся.

Хотя...

Если за женщину не вступался родственник, её защита ложилась на плечи сюзерена. Или того, кому присягала её семья, или того, на чьей земле была нанесена обида. *Или того, кто подобрал её у дороги...*

Обидчика ждал суд и суд весьма суровый.

А нагбарцам не повезло вдвойне. Если Хрольф не объявится — а даже если и объявится, пожалуй, — сумасшедшая входила в свиту баронессы. Обида, нанесённая ей, марала саму госпожу. Нагбарцев будут судить как если бы они напали на её светлость Нору. Ничего хорошего их не ждало. А ведь Марила к тому же была сумасшедшая... но сумасшедшая, которая пользовалась личным покровительством опять-таки баронессы... Это было единственным преступлением, законы и судью по которому выбирал не обвиняемый, а его жертва. Или её покровители.

Врени не очень помнила, что полагается за такое. Она предпочитала наказывать за это сама.

— Умолять, — не отставал Мюр.

— Иди ты!.. — выругалась Врени.

А ещё нагбарцев в самом деле не любили. Могли побить, не дожидаясь суда и не разбираясь, кто там был виноват.

— Она не скажет, — удивительно разумным — и трезвым! — голосом сказала Марила. — Правда, Врени?

Цирюльница выдохнула.

Произошедшее всё ещё прыгало перед глазами. Крик, Марила, нагбарцы... подбежать, пнуть, ударить. Увернуться... потом увернуться от дубинки Мюра, бестолково пущенной в ход.

Она видывала и похуже.

Душило бешенство и — страх.

Если Хрольф узнает...

— Отстань.

Дождаться подмоги она не стала. Сумасшедшая забрела туда, где никого, кроме нагбарцев, не было. Врени схватила Марила за руку и потащила подальше от чужаков. Если и набегут местные, то в драке может достаться всем. Мюр ещё пару раз взмахнул своей дубинкой и припустил за ними.

— Не бойся, — всё так же разумно попросила Марила. — Он тебе ничего не сделает.

Сумасшедшая повернулась к своему «дружочку», сочувственно погладила его по плечу.

— Как ты теперь будешь, друг ты мой милый? Если со своими поругался?

— А, — махнул рукой нагбарец. — Моя говорить Френг. Френг моя господин. Он говорить славный Грайогэйр. Славный Грайогэйр говорить всем. Моя прав. Они нет. Он наказать. Они подчиняться. Они плох... неправ. Наш закон не так говори! Нельзя бей женщина! Плох, очень плох! Я говорить Френг.

— Ты здесь сидишь, они за твоей спиной что угодна наплетут — и твоему Френгу и твоему славному Грейограю, — отмахнулась Врени.

— Славный Грайогэйр! — поправил Мюр. — Я говорить Френг уже.

— Когда успел? — ахнула наконец понявшая его Врени.

— Я идти за ты. Потом отставать. Видеть Френг. Говорить он. Ему знать моя. Я говорить он раньше. Мой женщина! Только мой! Я он быстро-быстро сказать. Я прав. Они нет правы. Он верить. Я битый. Защищать Марил! Он видеть. Верить моей.

Он повернулся к Мариле.

— Твоя ждать. Потом приходите. Больше не один. С ней приходите. Наша извиняться. Платить за обида. Кольца плати. Ты прощать. Просить. Я просить. Мы просить. Ты прощать. Их наказать славный Грайогэйр.

Врени только рукой махнула.

Марила обняла Мюра и принялась что-то каркать ему на ухо. Цирюльница слегка успокоилась.

Дело, в общем-то, не в том, что сумасшедшая так неприятно вляпалась. И даже не в том, что её пришлось защищать, а Врени очень не любила драться. Куда проще отступить, а потом подсыпать в кашу толчёных тараканов. Проще. И надёжнее.

Она устала.

Устала с кем-то возиться, всегда кто-то рядом, всегда нужно быть начеку... Вот сейчас.

Встать и уйти.

Никого больше не защищать.

Она успеет уйти, скрыться...

Она даже может надеть женское платье. Оно мало кого обманет, но все расскажут не об уродливой бабе, а о том, как и куда шёл подозрительный переодетый мужик. Ну, и пусть рассказывают.

Кому она нужна — искать её?

Кто-то присел за стол рядом с ней. Цирюльница насторожилась, но не стала поднимать взгляд.

— Других столов не нашлось? — хмуро спросила она.

Подсевший не ответил, только бросил на стол монету — и она покатила, описывая по столу неровный круг.

Врени прихлопнула её ладонью и посмотрела на соседа. Тот был в плаще с капюшоном, глубоко надвинутом на глаза.

— Добрые дела, — тихо сказал он, — осветят тёмную дорогу лучше факела.

— И согреют лучше костра, — кивнула цирюльница. — Что тебе надо?

Он сказал условленную фразу.

Ну, хорошо, она знала, в какой кабак тащит перепуганную сестру оборотней.

— Почему ты привела их сюда?

— Куда ж ещё? — пожала плечами Врени. — На неё напали...

— Нагбарцы, — подхватил *освобождённый*. — Я знаю. Но ты не её должна защищать.

— *Тот* сейчас с ней, — туманно ответила Врени.

— *Охотникам* доверять нельзя, — покачал головой *освобождённый*.

Охотники означало — вампиры. Оборотней называли *звери* и, реже — *собаки*.

— Сам попробуй отбери у них человека, — оскорблённо возразила Врени. — Ничего она *тому* не сделает.

Она катнула монету обратно. Серебряный кружок описал круг, но *освобождённый* не стал его касаться. Это значило — заказ всё ещё на ней. Врени с досадой снова прихлопнула

монету.

— Ладно. Слушай новости. Потом расскажешь про *тёмную* и её двор.

— Про кого?! — ахнула цирюльница.

Её собеседник предостерегающе поднял руку.

— Тихо. Всё узнаешь.

Глава десятая

Турнир (продолжение)

Назавтра все они снова собрались на трибунах вокруг ристалища. Врени была задумчива. То, что рассказал ей *освобождённый*, было... неожиданно. Её милость баронесса, оказывается, балуется чёрной магией. Ну, надо же. Кто бы мог подумать?.. Много ли из тайн прозревших ей известно? Сама Врени послушно рассказала наставнику всё, что успела подметить за время следования за молодой баронессой. Тайны церковников её не интересовали, но наставник открыл ей, что защита брата Полди не просто милосердие к слабому и беспомощному монаху, но ещё и часть пути к свержению братьев-заступников. Это было... неплохо. Братья-заступники слишком много хотели.

Была задумчива и Нора. После того, как ей показали с десятков разных орудий — там были и баллисты^[29], и катапульты, и требуше, и ещё что-то, названия чему она даже и не знала, — их повели по узким улочкам Сетора. В маленькую лавку за невзрачной дверью весь совет баронов вместился с трудом. Она ещё успела послать за Веймой, прежде чем щуплый человечек, такой же невзрачный, как и дверь, о котором сказали, что он представитель Братства Помощи, разложил перед ними книги, расписки и списки истраченного. Тут-то и оказалось, что турнир, оказывается, требует немалых денег и эти деньги должен платить не кто-нибудь, а союз баронов, поскольку город Сетор, как и другие города Тафелона, подчиняется именно ему.

Сено, конюшни, задаток многочисленным съехавшимся в Сетор ремесленникам, одежда, еда, питьё, жильё и слуги для герольдов и судей, возмещение местным крестьянам затрат, дома, приготовленные к приезду знати...

Конечно, были и взносы участников, и предполагался налог на торговлю, который заплатят ремесленники и крестьяне. Но всё это нужно было учесть, предвидеть и рассчитать и быть готовыми расплатиться с Братством Помощи, щедро оплатившим первые этапы подготовки турнира.

Нора тогда едва не задохнулась — от духоты, от свалившихся на неё цифр, от споров насчёт провианта, фуража и «нужно ли для чести герольдам новое платье?!». А Вейма ничего. Держалась. Она пришла чуть позже, чем надо бы, притащила с собой монаха, которому что-то тихо сказала и он скрылся в глубине лавки, и быстро вошла во все дела, которые так некстати свалились на будущую баронессу. Говорила же Вейма, что при обращении вампиры приобретают особый талант к расчётам. Насколько мудро поступил барон цур Фирмин, когда приблизил её к своей дочери вместо того, чтобы попытаться избавиться от опасной твари.

Уважение Норе к бывшей наставнице изрядно выросло, особенно после того, как Вейма каким-то образом умудрилась доказать всем, что Фирмин вовсе никому ничего не должен и с ней согласился даже тот невзрачный человечек, представитель Братства Помощи.

Но не это заставило тяжелее всего задуматься. Неприятно было осознавать, что все их земли, доходы, люди... всё, что составляет богатство баронов, с безжалостной точностью учтено такими вот незаметными людьми из Братства Помощи, которые пересылают деньги, ссужают, помогают... а иногда отбирают последнее. Если барон цур Фирмин чурался таких людей и не заложил ничего из своих земель, то остальные были не так осторожны. Позже Вейма объяснила Норе, что Братство Помощи раскинуло свои сети по всему миру, торгуя со

всеми тем, в чём у людей была наибольшая нужда — деньгами. Впрочем, при необходимости они могли перевезти и зерно, и оружие, и дерево.

Вейма сидела, рассеянно смотрела перед собой и хмурилась. Рядом с ней сидел Вир — на этот раз он не участвовал в турнире, оборотни вообще не слишком любили выставлять свои особые таланты перед толпой, а вдруг там кто-то найдётся умный?.. Вир тайком держал её за руку и успокаивающе поглаживал пальцы своей жены. Вейма была недовольна собой. Заступник, что с ней вчера творилось?! Не иначе, Враг попутал. Это всё он, во всём виноват этот пронырливый приор. Что-то такое было в его душе, что... Подтолкнуло её? Сняло запреты? Заступник, она собиралась выпить кровь этих людей! Они заслужили и худшее, но... дело не в том, что сделали другие. Дело в том, что готов совершить ты сам. Она едва не шагнула за грань, которую давным-давно запретила себе переступить.

Ей тоже было о чём подумать. Монах, приор... Липп. Когда вампирша вернулась к лавке, там не было ни вампира, ни людей, напавших на неё и брата Полди. Монах ушёл куда-то в глубину лавки, видимо, чтобы наговориться со своим драгоценным приором. Потом, когда все разговоры закончились, вернулся и выглядел умиротворённым. Что за игру вёл отец Наркис? Много ли он узнал о делах баронов? Зачем?

Что касается долгов Фирмина — вернее, их отсутствия, — то тут всё было просто. Отправляясь в священный поход, барон добился, чтобы союз баронов не только оплатил сборы в дорогу самого барона и небольшого личного отряда, но и взялся покрывать все траты баронства на общие нужды союза. Он мог этого требовать, ведь он возглавлял объединённое войско Тафелона. Норе следовало бы помнить о таких вещах.

На ристалище прохаживались отряды бойцов. На второй день турнира обещали общие схватки. Отряды выставлялись феодалами, выставлялись наёмниками, даже воинствующие ордена выставляли своих братьев. Участие в турнире церковью считалось зазорным, но... воинствующие ордена предполагали немислимым, что воины Заступника не выступят в его славу наравне с остальными бойцами.

Герольды называли отряды по одному, трубили трубы, воины сходились и расходились — покуда мирно, — на ветру трепетали знамёна, звучали воинственные кличи, сверкали доспехи и гербы. Баронство Фирмин тоже выставило свой отряд и теперь Нора с благосклонным видом махала им белым платочком.

Последний раз пронзительно запели трубы и герольды возгласили:

— Если есть среди вас кто-то, кому люди сии нанесли обиду или известно вам о совершённом преступлении, — говорите ибо не может преступник выходить на поле с честными воинами!

Этот клич повторился трижды и герольды уже собирались объявлять первое сражение, как с невысокой трибуны послышался слабый голос человека, не привыкшего кричать:

— Стойте! Я!.. Я хочу обвинить братьев-заступников! Стойте! Я утверждаю! Преступление! Во имя Заступника! Они не имеют права! Они!..

Все посмотрели туда. Суетливо. Прихрамывая и путаясь в рясе, со зрительской трибуны для простолудинов спускался человек в рясе братьев Камня. Вейма узнала вчерашнего приора. Он, наконец, добрался до герольдов и уже более внятно сообщил:

— Перед создателем и Заступником! Перед благородными баронами! Перед городом Сетором! Перед честными людьми Тафелона! Я обвиняю братьев-заступников в подлом убийстве! Они убили отца Зотикуса, настоятеля монастыря нашего ордена, что в окрестностях Сюдоса! Они захватили наш монастырь! Они убили и магистра Эрвина в

нашем монастыре на северной дороге! Люди, убивающие своих братьев в вере, не могут сражаться во имя Заступника!

На трибунах притихли, прислушиваясь к этому слабому голосу. Братья-заступники зашептались между собой, но ничего не сказали и откуда-то из числа зрителей выступил человек в облачении комтура^[30].

— Мне известен этот человек, — заявил комтур. — Он сбежал из монастыря до того, как стало известно о смерти настоятеля, доброго отца Зотикуса. Мы явились туда, чтобы помочь нашим братьям, взявшим на себя непосильную ношу. И мы не захватывали их монастырь, только обеспечили его охрану. Человек же этот — вор и убийца, ибо я утверждаю, что им или по его приказу был убит настоятель! Я обвиняю также беглого монаха брата Полди, который вызвался явиться в кертианское аббатство, чтобы переписать в нём священную книгу, но пропал по дороге, унеся с собой важную реликвию, которую мы с благоговением ждали в нашем ордене. Уверен, эти люди в сговоре. Я требую их ареста и препровождения на суд в ближайший монастырь нашего ордена.

Брат Полди, сидевший на трибуне баронства Фирмин, вжал голову в плечи и постарался сделаться незаметным.

Вейма приняхалась. Приор по-прежнему раздражал её, но...

— Ваша милость, — повернулась она к баронессе, — я клянусь вам, этот человек никого не убивал... по крайней мере с момента пострижения.

— Отец Наркис пришёл из Рикании, — пояснил подошедший к ним брат Полди. Монах был страшно бледен. — До того, как услышать зов Заступника, он был рыцарем и, наверное, ему приходилось убивать на полях сражений. Он говорил... он говорил, что рана в ногу была причиной, по которой у него появилось время задуматься о своей душе. Но я клянусь своей надеждой на вечное спасение...

Голос монаха прервался.

Нора презрительно хмыкнула, потом перевела взгляд на братьев-заступников и лицо её приняло жестокое выражение. Она подозвала своего фенриха и отдала команду. Над трибуной Фирмина закачалось знамя в знак того, что баронесса желает высказаться.

— Бароны, — ясным голосом заявила Нора, — я не ослышалась? С каких пор люди духовные требуют нашего вмешательства в свои дразги? Или мы их вассалы, чтобы они отдавали нам приказы?! Этот человек — духовное лицо и, значит, судить его имеет право другое духовное лицо...

Вейма, сидящая рядом с ней, прошептала несколько слов.

— ... принадлежащее к тому же ордену, что и он сам, — без запинки закончила мысль Нора. — Мы не обязаны вмешиваться, а братья-заступники — не имеют права. Или они в самом деле захватили уже орден братьев Камня, чтобы судить его людей?

— Что ты предлагаешь? — спросил Нору граф цур Вилтин.

Нора покосилась на Вейму, но та покачала головой.

Нет. Мы не можем так нагло перебежать дорогу братьям-заступникам.

— Продолжать состязания, — улыбнулась Нора. — Обвинение этого человека — всего лишь слова, но и то, чем ему ответили — не более. Я думаю, что братьям-заступникам лучше не трогать этого монаха. Они имеют не больше прав, чем мы, чтобы судить его.

Бароны по трибунам отдали приказы своим фенрихам и те показали знамёнами, что их господа согласны с этим предложением.

Ничего не изменилось...

Комтур выглядел раздосадованным, но спорить не рискнул.
Герольды затрубили начало состязаний.

* * *

Вейма сидела, закрыв глаза и стиснув зубы. Она, кажется, впервые сталкивалась с таким скоплением людей... если не считать тех давних событий, когда её с учителем не так уж далеко отсюда преследовала толпа. И тогда было то же самое... люди... много людей... все возбуждены, кричат... оружие... злость... азарт...

Вир сжал её запястье и вампирша потихоньку выдохнула.

Это другое.

Сейчас — другое.

Это просто турнир.

Ничего больше.

Она зритель.

Она в свите баронессы.

Всё хорошо.

Вейма попыталась отвлечься от того, что творилось вокруг. В их ложе всё было... как обычно. Нагбарец не появился. Марила что-то о нём с восторгом рассказывала с утра. Вроде как к нему подошёл вожак одного из отрядов и пригласил к себе. Рыцарь Френг с неохотой, но разрешил и теперь Мюр со своей дубинкой прохаживался вместе со всеми и щеголял новенькой нашивкой на рукаве. С Марилой вчера, конечно, нехорошо вышло. Норе докладывать не стали — избитый, но очень гордый собой нагбарец умолял не поднимать шума. Но вот люди Фирмина откуда-то проведали и даже подобрили к хвастливому чужаку.

А ещё...

От Марины и... м-м-м... от Врени пахло неприятно знакомо. Вот как. Какой... пронырливый человек этот Виль. Как его там... Медный Паук?.. От Марины-то почему?

Разбираться в мыслях сумасшедшей было ничуть не проще, чем в мыслях фанатика, только у фанатиков всё пронизывается ослепляющей верой, а у безумных просто мысли скачут как... ну да, как сумасшедшие. Их не поймать, не приручить и не прочесть. Врени — понятно, мало ли где прозревшая может встретить другого прозревшего? Потащила за собой сумасшедшую?..

Вейма огляделась, но искать Виля в толпе людей было бесполезно. Колдовство, которое навела на него Магда, отводило от него внимание людей, собак и... вампиров. Только оборотни не поддавались лесному колдовству. А вампиры — самые проклятые из всех и всё, что связано с природой, с жизнью им неподвластно. Но вот учуять тот след, который общение с тем или иным человеком оставляет на его собеседнике, вампир может, даже если этот человек заколдован.

— Ты чуешь Виля? — неразлично для человеческого уха шепнула она. — Ну, того...

— Его здесь нет, — ответил Вир, едва шевеля губами.

— Но ты чувствуешь? Врени и Марила с ним разговаривали!

Оборотень тоже принялся.

— А. Не обратил внимания.

— Что?! — всё так же неслышно для людей воскликнула Вейма. — Этот человек —

убийца, а ты не обратил внимания...

— Этот человек — прозревший, такой же как ты и как я. Высший посвящённый. Это он решает, где и когда ему быть.

— Значит, не такой, как ты и как я, — ехидно возразила Вейма.

Оборотень пожал плечами.

— Почему бы ему не поговорить с Врени? Если они знакомы.

— Он не стал бы с ней разговаривать просто так.

— Он не станет вмешиваться в чужие дела, — отрезал Вир. — Особенно если и мы в его дела не полезем.

— Он уже полез в наши дела! Тогда, с Львёнком!

— Да, но он ничего не сделал.

— Только напугал...

— Это его право.

— Издеваться?!

— Если бы он причинил Львёнку вред, я бы его убил, — заверил Вир, как Вейма чувствовала — не вполне искренне. — Но пока он никого не тронул, он в своём праве.

— А Марила?!

— Марила — сестра Хрольфа. Если Виль причинит ей вред, отвечать будет перед Хрольфом.

— Но...

— Виль это знает.

— Откуда?! Ты ему сказал?! Ты с ним говорил?! Видел его?!

Оборотень ухмыльнулся.

— Ты бы сразу почувяла. Нет, но Хрольф известен и тот случай с его сестрой тоже все знают, кому надо. Догадаться, кто такая Марила, несложно. Посвящённые, кстати, просили *общих старших братьев* запретить нам мстить за своих.

Вейма передёрнула плечами и отвернулась. Она знала, как оборотни мстят за своих — или за ведьм, сожжённых в деревнях.

Вир воспользовался этим, чтобы вернуть своё внимание к ристалищу.

Вейма проследила за его взглядом. Она видела лишь скопление людей, размахивающих зачем-то своим оружием. Вир, она чувствовала, видел там что-то осмысленное.

Как и все вокруг.

...кроме неё...

Врени, впрочем, тоже не была довольна. Она бы и вовсе не пошла, но Полди зазвали Большой Куно и Ланзо — посмотреть на их подвиги на ристалище. Оставлять монаха без присмотра цирюльница не хотела — особенно после нагоняя *старшего брата*. Турниры цирюльницу не интересовали. Ей уже приходилось на них работать, бинтуя раны и складывая переломанные конечности. Вроде бы и дело прибыльное, а уж больно суматошное. Не успеешь одного вылечить, второго под нос суют или, того хуже, с другого конца поля орут «Лекаря, лекаря!», да так заполошно, что поневоле помчишься. Сейчас она сидела в ложе знатной дамы, но, была уверена, это ненадолго. Того и гляди, крик подымет.

— Смотри, — с гордостью кивнул Вир на поле. — Это люди Увара.

Вейма послушно взгляделась в отряд наёмников с новенькими небесно-синими нашивками.

— А, — узнала она. — Это зять Магды? С кем это они... О, правда?

На их противниках были чёрно-белые повязки отряда братьев-заступников.

— Я попросил распорядителя, — признался Вир, на этот раз не слишком стараясь понизить голос.

— Зачем?!

— Им полезно, — коротко ответил оборотень.

— Кому? — хмыкнула Вейма, лишь наполовину в шутку.

Конечно, полезно! Когда ещё будет возможность столкнуться с братья-заступниками так, чтобы никто не поднял крика, мол, оскорбили самый святой из всех святых орденов?

— Мне, — отозвался Вир.

Вейма пригляделась ещё внимательнее.

— Погоди, они, что, проигрывают?!

— Конечно, — с лёгким раздражением отозвался Вир.

— Что, нарочно?!

— Тшш!

— Но зачем?

— Сама подумай. Зачем мне привлекать к ним внимание?

— Кстати, о внимании, — понизила голос вампирша. — Что это за история про партию самострелов, которые не привозили в Фирмин?

— А, — оглянулся Вир. — Врени рассказала?

— Если ты не хотел, чтобы я знала, не надо было показывать ей. Ты их для Увара покупал?

Вир пожал плечами.

— В Фирмине свой кузнец. И неплохой.

— Но Хрольф лучше? — наполовину спросила, наполовину заявила вампирша.

— Хрольф лучший мастер в Тафелон, — пояснил оборотень. — А барон про Увара знает. И всегда знал.

— А... она? — одними губами спросила вампирша, исподтишка кивая на Нору, которую полностью захватило происходящее на ристалище.

— Может, позже... — неопределённо отозвался Вир. — Ты дашь мне досмотреть бой?!

Вампирша фыркнула.

Братья-заступники уверенно теснили отряд наёмников и со стороны казалось, что более умелые воины справляются с менее умелыми. Даже очень опытному глазу было незаметно, что люди Увара придерживают руки и не отбивают все удары, которые могли бы, не говоря уже о том, чтобы наносить самим. Они, однако, «держались» вполне решительно и не так-то легко отдали братьям-заступникам победу. Вир задумчиво пощипывал подбородок, что-то соображая. Оборотня ничуть не расстраивало, что его люди лишаются права участвовать в дальнейших состязаниях.

На ристалище сходились другие отряды. Несколько раз в самом деле позвали лекаря и Врени с решительным видом скрестила руки на груди. Глядя на неё, Вейма не могла сдержать смеха. Цирюльница так тщательно делала вид, что её тут нет! К счастью, и без неё нашлись лекари. Врени только фыркнула. Марила всё это время прыгала у самого

ограждения ложи, подавая знаки неизвестно кому.

Трубы снова затрубили. Герольды во всеуслышание объявили вторую часть состязания.

— Сейчас будут столкновения в строю, — пояснил Вир. — Победившие отряды выставят своих лучших бойцов.

— И кто будет определять лучших? — хмыкнула Вейма.

— Они сами, — пожал плечами оборотень. — В первом состязании требуются другие качества. Смотри сама.

Вейма пожалала плечами. Сейчас бойцы стояли плечом к плечу и отмахивались от противников. Если теснили кого-то одного из них, товарищи старались его поддержать — или отступали вместе с ним. Чёрно-белые нашивки схватились с сине-красными, пурпурно-синие — с зелёно-жёлтыми... одни сменяли других. Вейма так и не смогла понять, как судьи определяли победителя. Просто одни наступали, другие отступали, потом наоборот...

Вампирша в сотый раз поклялась себе, что ни муж, ни госпожа никогда больше её ни на какие турниры не заманят, как вдруг поднялся крик. Отряд с пурпурно-синими нашивками, вроде как успевший победить своих противников, схватился с братьями-заступниками и сейчас уверенно теснил их к краю ристалища. Как Вейма поняла, кто наступал, кто отступал, ещё не определяло победителя, и чёрно-белые старательно держали строй, больше ни на что не обращая внимания. Им кричали, им махали руками, но ни они, ни их противники ничего не замечали, кроме боя. С ближайшей трибуны кричали громче всего, но было поздно. Закованные в тяжёлую броню бойцы врезались спинами в трибуну, раздался треск, грохот, вопли удивления и боли... Трибуна вперемешку со зрителями обрушилась на бойцов. К треску и воплям прибавился хохот тех, кто не пострадал.

И над всем этим через всё ристалище прозвучал истошный зов: «Лекарей, лекарей!».

Врени вздохнула и поднялась со своего места. Нора, подавив невольный смешок, раздражённо повернулась к Вейме.

— Ты сейчас же пойдёшь в Братство Помощи и спросишь их, кто строил эту трибуну, — приказала баронесса. — Аццо! Возьми двоих человек, пойдёшь с ней.

* * *

Вечером был пир, организованный Братством Помощи (баронам ещё предстояло за него расплатиться) в шатре, раскинутом прямо на ристалище.

Своими трудами Врени заслужила приглашение на пир вместе с братом Полди, которого её милость баронесса предпочла держать поближе к себе — после обвинений, публично высказанных братьями-заступниками. Кстати, те тоже были в числе приглашённых, причём, как раздражённо заметила Вейма, они-то как раз не платили за приготовленные яства. Орден братьев-заступников считался бедным и они ожидали, что миряне будут их кормить даром — во имя спасения души. Конечно, на пиру была и Марила — в новеньком колпаке, украсившая своё платье яркими перьями. Некоторые из этих перьев, как обратила внимание Врени, были явно утащены у торговца диковинами с ярмарки, раскинувшей на соседнем с ристалищем поле.

Цирюльница была не сильно довольна этим приглашением — вернее, милостивым разрешением. Конечно, следовало радоваться, что она может присматривать за братом Полди, но ей всё это надоело. Хотелось уйти, быть одной, не зависеть от прихотей господ, не

ждать не пойми какой опасности. Нельзя. Цирюльница налила себе здоровую кружку вина и мрачно задумалась, поможет ли сегодняшнее смирение её *Освобождению*. С этим злосчастным монахом ей откровенно приходилось отрекаться от того немногого, что её в мире хоть немного радовало.

Полди сидел рядом с ней. Люди Фирмина снова умудрились его напоить и сейчас монах, не останавливаясь, рассказывал о своём родном монастыре. О прекрасных собаках, которых они выводят. О их доброте, силе, чудесной мохнатой шерсти, нюхе и снова о доброте. О чудовищных метелях, которые царят на ближайшем перевале. О том, как ветер может сбросить путника в пропасть. О труде каждого из братьев, обязательном выходе к перевалу, что в спокойное время, что в бурю, в бурю, пожалуй, даже важнее, ведь всегда найдётся несчастный дурак, который не угадает погоды. О страшном грузе, который приходится взваливать на волокуши. О радости спасения. О том, как они ищут — чаще тщетно — родных несчастных погибших, чтобы сообщить им печальную новость. По одежде, по вещам, по письмам... некоторые письма иногда так искусно запрятаны... Произнеся это, Полди уткнулся в свою кружку и надолго замолчал. Врени как раз тогда подняла взгляд от своей и оглянулась. Человек, который будто невзначай прошёл мимо, был в обычной одежде не очень состоятельного горожанина, но его выдавала лысина посреди темени.

Брат-заступник.

Кажется, услышав про письма, он как-то заторопился прочь...

Марила, посмешив госпожу парой довольно незамысловатых шуток, тем временем подбиралась к комтуру братьев-заступников.

— Отец... — с почти натуральной робостью обратилась она, комкая в руках колпак, — я ужасная грешница. Прими мою исповедь!

— Поди прочь, — раздражённо отозвался комтур.

Сумасшедшая подбоченилась и подошла ближе.

— Нет, ты прими! Я хочу покаяться! Прямо сейчас! — продолжала настаивать Марила и даже раскаркалась от полноты чувств.

— Дочь моя, — с притворной мягкостью, которая не слишком маскировала его раздражение, отозвался брат-заступник, — таинство исповеди не свершается посреди пира. Приходи завтра в церковь и там...

— Нет, я хочу покаяться при всех! — уже кричала сумасшедшая. Многие в шатре умолкли и стали прислушиваться. — Я ужасная грешница! Сегодня на кухне я украла тухлую селёдку!

Она взмахнула рукой и потрясла неизвестно откуда взятой вонючей рыбиной.

— Поди прочь! — уже всерьёз рассердился комтур. — Не морочь мне голову. Тухлая селёдка ничего не значит.

— Совсем-совсем ничего? — непритворно расстроилась Марила.

— Ничего! Проваливай!

— А в вине она тоже ничего не значит? — не отставала сумасшедшая.

— Проваливай!

— Вот выпей своего вина и узнаешь, — вкрадчиво предложила Марила.

Комтур перевёл взгляд на бокал вина, который он всё это время держал в руках. Из бокала торчал хвост протухшей селёдки. Как он там очутился, не видел никто.

— Ах ты!..

Комтур замахнулся на сумасшедшую, но та отскочила, прыгнула и встала на руки.

Ближайшие к ней свидетели этой сцены при виде прыжка замерли в ожидании, но Марила, видно, как-то подшила платье и на голову оно не задралось, только осело, обнажая обмотанные разноцветными тряпками икры. Сумасшедшая поболтала ими в воздухе и прыжком очутилась на ногах. Разъярённый комтур двинулся за ней.

— Ведьма!

Марила высоко подпрыгнула, как-то вроде как извернулась в воздухе, приземлившись, отгородилась от брата-заступника тяжёлым столом.

А комтуру дорогу заступил Мюр, который, вместе с немногими нагбарцами тоже был приглашён на пир.

— Твоя не трогать Марил, — категорично заявил нагбарец. — Твоя идти к своя. К своя друзья.

— Прочь с дороги! — потребовал всё ещё разъярённый брат-заступник. — Эта женщина — ведьма.

— Твоя врать. Твоя не знать. Твоя дурак!

— Ты говоришь с комтуром ордена братьев-заступников, — немного взял себя в руки комтур. — Мы знаем всё о ведьмах, сын мой.

— Моя не знать твоя ордена. Твоя монах? Твоя не так одет!

— Я воинствующий брат нашего ордена.

— Пфу! — пренебрежительно фыркнул нагбарец. — В ваша страна всё не так. Воин тюфяки, монахи в не такая одежда. У вашей неправильная монах! Монах мирные. Молись, читай, пиши. Нет оружие.

— Наш орден подчиняется только святейшему отцу, а не мирским правителям.

— Моя предка молись Заступник, когда твоя ветка да камня поклоняйся. В наша страна монах правильная. Твоя неправильная. Ты врать.

Мюр покосился назад. Марила уже стояла возле Норы и показывала свои фокусы. Собравшиеся вокруг Норы бароны пожелали увидеть, как сумасшедшей удаётся незаметно подбросить что-нибудь в бокал.

Нагбарец победно заявил:

— Твоя враль, а не монах. Идти к своя.

Врени проследила взглядом за комтуром. Он ничуть не успокоился, видно, порядочно выпил перед этим. Брат-заступник пошёл не к своим, а к великому тану нагбарцев, как его там, Сайлтаку, что ли?.. Комтур говорил негромко, но зло. Тан отвечал на весь шатёр.

— Моя не понимать... что твоя говорить?.. Девка? Какой девка? Среди мы нет никакой девка! Девка все ваша. Не понимать! Ты говорить, наша женщины девка? Что? Наша воин не девка! Каркать?! Твоя говорить, наша каркать?! Ваша каша жевать, а наша не каркать! Наша воины не девка!

Он поднялся во весь свой внушительный рост и выдернул из-за пояса перчатку.

— Моя пленник тут. Моя не моги сражаться на турнир. Но после турнир моя сражайся с твоя. Боевой оружие. Нет мирный. Твоя оскорбить Нагбария. Что? Ты не моги?! Твоя моги! Твоя воин! Твоя сражайся! Твоя сразись со мной!

Он бросил перчатку в лицо комтуру.

Глава одиннадцатая

Убийство

Назавтра все только и говорили, что о брошенном брату-заступнике вызове. Даже самый последний мусорщик знал о случившемся на пиру. Все гадали, состоится поединок или комтура и северного заложника смогут помирить бароны. А если состоится, решатся ли биться до смерти.

Врени с Марилой ещё на рассвете высвистал Мюр, который, приплясывая от нетерпения, позвал женщин в трибуну нагбарцев. Врени — чтобы она исполнила своё обещание и побрила «славный Грайогэйр», а Марилу — чтобы ей принесли извинения за недавнюю выходку его соотечественников. Нора в это время ещё спала и поэтому некому было отдать приказ, чтобы женщин кто-то сопровождал. Врени прикинула, не стоит ли об этом попросить, но Мюр так трогательно клялся, что с ними ничего не случится, а ей самой так надоела опека, что цирюльница, решительно кивнув сама себе, растолкала сумасшедшую и вышла с чёрного входа.

И оказалась права.

С ними ничего не случилось, ни по дороге, ни в ложе нагбарцев. Врени распорядилась, их челядь нагрела воду и цирюльница смогла приступить к привычной работе. Побрила «славный Грайогэйр», великого тана, как его... Сайлтака, потом перешла к остальным. Марила в это время то крутилась рядом, то где-то пряталась и мерзко хихикала из углов.

Врени выполнила свои обязанности, отказав только тем нагбарцам, у которых увидела на лице свою отметину — и их приятелю, который ей смутно запомнился. После чего спокойно потребовала плату.

— Плата? — неприятно удивился великий тан. — Какой плата?

— За бритьё, ваше высочество, — ответила Врени, догадываясь, что люди Фирмина были правы, когда скинулись вместо нагбарцев. — За бритьё мне и за бесчестье ей, которую оскорбили ваши люди.

— Какой бесчестье? — ещё более неприятно удивился нагбарец. — Кто бесчестье?

— Ваши люди напали на неё, ваше высочество, — пояснила цирюльница, непреклонно складывая руки на груди.

— Моя не знать, — отрезал тан.

Врени подняла брови.

— Я работала. Где мои деньги?

Цирюльница уже думала поднять крик, на который, без сомнения, найдётся кому сбежаться, но тут её подёргал за рукав Мюр.

— Твоя не тревожить великий тан, — умоляюще прошептал он. — Твоя идти за мной.

Врени пожалала плечами и пошла за юношей. Он вывел её наружу.

— Великий тан думать, твоя прислать... твою прислать... тебя прислать союз барон... баронов, — объяснил Мюр. — Великий тан не знать про Марил. Моя не говорить... никто не говорить... не тревожить великий тан. Твоя говорить со славный Грайогэйр.

Камерарий танского двора действительно скоро подошёл к цирюльнице и неодобрительно оглядел сначала её, потом крутившуюся поблизости сумасшедшую.

— Держать твоя, — сказал «славный Грайогэйр» и протянул ей ворох колец, браслетов, серёг и нашейных украшений. Почти все они были сработаны из меди и украшены дешёвыми

самоцветами. Впрочем, попадались и серебряные. — Твоя поработать и получать. Наша держать слова.

— Вот уж спасибочки, — иронично поклонилась цирюльница, сгребая ворох украшений в сумку. Теперь ещё возиться с продажей...

Марила издала разочарованный стон.

— А мне?! — возмутилась она.

— За что твоей плата? — удивился камерарий.

— Это ей — плата! А мне — извинения! Чур браслетиками!

Мюр подошёл к камерарию и что-то ему тихо прошептал.

— А! — сообразил «славный Грайогэйр». — Моя не забыть. Ты тот женщин, перед которым наш воины виноват. Наша просит прощений. Наша дарит возмещений.

Он снял с руки дорогой браслет — из серебра куда более чистого, чем то, которое получила Врени, украшенный более ценными камнями. Протянул сумасшедшей и та издала ликующий вопль.

— Твоя забывать этот случай? Теперь наша не оскорблять твою?

— Не оскорблять, не оскорблять, — заверила Марила и поспешила куда-то спрятать подарок.

— Наша держать слов, — важно сказал камерарий.

Он ушёл, а Марила поманила к себе Мюра.

— Ты не сердись, дружок, — немного виновато сказала она. — Ты... проверь сбрую своего Грейгая, а?

— Славный Грайогэйр! — поправил её нагбарец. — Марил?! Твоя порезать сбрую Грайогэйра?!

— Но я же сказала! — возмутилась сумасшедшая. — Я ж думала, вы жадины!

— Марил, твоя не должен так шутить со славный Грайогэйр!

— Моя так больше не будет, — передразнила безумная.

— Ох, Марил, Марил... — вздохнул нагбарец.

Несмотря на огорчение, он обнял возлюбленную по-прежнему так крепко, что она едва не задохнулась, смачно поцеловал, и ушёл. Видимо, как-то улаживать вопрос со сбруей.

— Пойдём! — запрыгала вокруг Врени Марила. — Пока они не догадались...

— До чего? — подозрительно спросила цирюльница.

— Секрет! Нечего было с тобой так разговаривать! Пойдём! Пойдём! Пойдём!

* * *

В ложу баронессы их совершенно неожиданно не пустили. Вход охранял незнакомый кнехт и с ним фенрих её милости, кажется, его звали Менно.

— Как — нельзя?! — возмутилась Марила. — Мне точно можно! Пустите! Я кричать буду!

— Не надо, — поспешно попросил Менно и отвёл Врени в сторону. — Послушай-ка, ты, кажется, разумная женщина. К её милости приехал супруг. Он будет участвовать в турнире, а пока прошёл к ней. Вон — один из его кнехтов. Так её милость просила, чтобы Марила...

Он кашлянул, косясь на подкравшуюся к нему сумасшедшую.

— Не шутила с господином Клосом, — тихо сказал фенрих.

— А чем этот твой Клос лучше других? — подбоченилась Марила, у которой, много лет прожившей вместе с оборотнями, был прекрасный слух. — Подумаешь, какая цаца! Ещё и не шути с ним!

Фенрих с надеждой посмотрел на Врени. Цирюльница пожала плечами.

— Ладно, Марила, ты ведь чего-то хочешь, да?

— Браслетик! — немедленно откликнулась сумасшедшая.

— А если получишь браслет, не тронешь этого господина Клоса?

— Вот ещё! — задрала нос Марила.

— А что ещё хочешь?

— Два браслетика!

Цирюльница махнула рукой.

— Пошли человека за тем нагбарцем, как его... Мюром из Алти...

— Айли! — вылезла с поправкой Марила.

— Оруженосцем рыцаря Френга, — закончила мысль Врени.

Фенрих поморщился. Врени предостерегающе нахмурилась.

— И ты дашь мне браслетик! — запрыгала вокруг цирюльницы сумасшедшая.

— Вот ещё, — хмыкнула Врени.

— А не дашь, я тогда, тогда!..

— Перестань, — поморщилась цирюльница. — Будешь себя хорошо вести, я подумаю.

Марила показала ей язык.

* * *

Мюр пришёл в не самом радужном настроении, немедленно ухватил приплясывающую от нетерпения Марилу за локоть и оттащил в сторону.

— Марил! — сердито начал он. Сумасшедшая радостно засмеялась. — Зачем твоя сунул дохлый крыса под кресло великий тан?!

Марила захлопала в ладоши.

— Моя сразу знать, что это твоя! Зачем?!

— Это смешно! Твой тан дурак!

— Великий тан очень ругаться, — сокрушённо проговорил нагбарец. — Его потребовать другая ложа. Он думать, крыса подбросить враг. Он думать, его не любить.

— Он не ошибается, — сухо проговорила подошедшая Врени. — И как, вам дали другую ложу?

Нагбарец нахмурился.

— Наша не понимать распорядитель. Распорядитель вилять. Его давать трибун для простой зритель. Говорить, все ложа занят. Тан хотеть отказаться, но крыса очень вонять. Простой зритель ругаться. Они не любить нас. Говорить гадость. Великий тан не трус! Великий тан сесть в первый ряд! Он ничего не бояться.

Он вздохнул.

— Марил, твоя не должен класть крыса под кресла. Это не смешной!

Сумасшедшая скорчила рожу.

— С тобой скучно.

— Марил, моя просить тебя очень. Наша могла тебя поймать. Они бы ругаться на твой,

на мой. Марил, очень просить.

— А ты меня поцелуешь? — кокетливо спросила сумасшедшая.

Вместо ответа нагбарец сграбастал возлюбленную в охапку и смачно поцеловал в самые губы.

— Ух! — воскликнула Марила, когда он её отпустил. — Какой ты хороший, дружок! Ну, хорошо... больше никаких крыс... Если Врени даст мне два браслетика! У неё много, я знаю!

Цирюльница вздохнула. Не то чтобы ей так нужны были эти цацки. Но, похоже, вся плата нагбарцев уйдёт на покупку хорошего поведения Марилы.

— Один браслет и одну серьгу, — мрачно сказала Врени.

Марила запрыгала вокруг неё на одной ножке.

— Две, две! И ещё брошь!

— Одну. А брошку после турнира.

— Ладно, одну, — надулась сумасшедшая и повисла на шее нагбарца.

Врени кивнула фенриху.

— Она теперь весь турнир с ним ворковать будет. А если что...

Менно понимающе кивнул. А если что, у Врени теперь есть много «браслетиков».

* * *

Вейма сидела чуть в стороне от своей госпожи, которая неспешно вела разговор с супругом. Клос держался независимо, даже нагло, всем своим видом давая понять, что ему нет никакого дела до того положения, которое его жена занимает в Тафелоне. Нос он задирает не меньше, чем нагбарцы, которым из-за какого-то скандала пришлось пересест на трибуну для простых зрителей.

Нора тихонько злилась. Она знала о девках, с которыми развлекался Клос, и искренне желала, чтобы с ним случилось что-нибудь особенно неприятное в их обществе. Иногда она даже смаковала эти мысли, в подробностях представляя, как и что случится с её «уважаемым супругом». Осуществить это не так уж сложно — всего-то зачаровать что-нибудь ядовитое на проявления страсти. Жаль только, учитель упорно не желает рассказать, как это делается. Сегодня Клос, весь в новеньких, с иголки, одеждах, который собирался вот-вот уйти облачаться в турнирный доспех, выглядел особенно привлекательно — и тем самым особенно злил жену.

Надо было пригласить его в свой дом.

Надо было спросить, не хочет ли он разделить с ней ужин.

Враг бы его побрал, Нора не хотела прямо спрашивать собственного мужа, собирается ли он разделить с ней ложе — или предпочтёт искать продажной любви, а то и, того хуже, соблазнит какую-нибудь горожанку своей рыцарской статью.

Нора поклялась себе, что непременно упросит Лонгина научить её чему-нибудь, что по-настоящему *подействует*. Враг бы побрал эту магию, любая ведьма может сварить приворотное зелье, а волшебница, видите ли, должна начинать «с чего-нибудь попроще»!

Клос снисходительно похлопал жену по руке. Нору бросило в жар и она заскрипела зубами от бессильной злости. Он нарочно издевается!

Вейма мысленно засмеялась и отвернулась от госпожи. От Марилы опять разило

тем человеком. А ещё... Забавно... Вампирша встала и подошла к воркующей со своим нагбарцем сумасшедшей.

— Марила, — окликнула вампирша, — откуда ты взяла крысу?

Безумица неохотно оторвалась от своего «дружочка» и раздражённо повернулась к вампирше.

— Мне дал крысу человек! Смешной очень!

— А что в нём было смешного, Марила?

Сумасшедшая пожала плечами.

— Всё!

— А что он тебе сказал?

— На, держи крысу, сказал. И ещё он сказал, что этот их... нагбарец главный, дурак!

— Марил! — вскинулся Мюр. — Твоя не должна так говорить про Сайолтакк!

— Я так и не говорила, — заверила сумасшедшая. — Это всё человек, правда!

Человек, значит. Дал Мариле крысу и натравил на заложника.

Надо сказать Виру. Посвящённый Виль или не посвящённый, зачем-то он выманил нагбарцев из их трибуны...

Она вернулась к своей госпоже. Клос как раз прощался и отвечивал жене самый, наверное, небрежный поклон, который вообще мог изобразить. Вейма разозлилась. Она понимала, что испытывает не столько свою злость, сколько переживает то же, что и прямо-таки пышущая негодованием Нора, но это дело не меняло. Вампирша посмотрела рыцарю прямо в глаза и сказала, обращаясь к Норе:

— Ваша милость, если позволите, я провожу господина Клоса. Мне надо обсудить с ним вопрос... его содержания.

Нора очень удивилась.

— Ваша милость... — с деланной почтительностью повторила вампирша.

— А? Ну, иди, коли надо.

Вейма поклонилась и кивнула Клосу на выход с трибуны.

Рыцарь поплёлся за ней, внезапно потеряв по меньшей мере половину своего блеска.

Снаружи он остановился и с вызовом посмотрел на советницу своей жены. Сделал своему кнехту знак не подходить.

— Я вас слушаю, — ледяным голосом произнёс Клос. Вейма дёрнула уголком рта. Клос не любил её и побаивался — с тех ещё пор, когда его, безусого мальчишку, только прочили в мужья Норе, и Вейма с мужем приезжала в графство Вилтин поучаствовать в его воспитании.

— Ты, мальчик, кажется, забыл, за что барон цур Фирмин выделил тебе содержание, — строго сказала вампирша.

Клос аж задохнулся от возмущения и от невозможности бросить в лицо собеседнице все те слова, которые он подумал.

— Барон меня не купил! — с трудом прошипел рыцарь.

— Нет, не купил, — скрестила руки на груди Вейма. — Он взял тебя в семью. В семью, понимаешь это слово?

Клос пренебрежительно фыркнул.

— Я хочу, чтобы ты вёл себя прилично, разговаривая со своей женой. Разве твой батюшка так говорит с твоей матушкой?

— Моя матушка никогда не обращалась так с отцом, как будто он... он... он...

— Клос, — с притворной мягкостью положила ему руку на плечо вампирша и почувствовала, как напряглись мускулы рыцаря. — Ты ещё молод. Нора тоже. Прояви немного терпения.

— Я дал ей сыновей. Чего вы ещё от меня хотите?!

— Когда-нибудь, — тихо и прочувственно произнесла советница баронессы, — её милость не только унаследует титул отца, но и встанет во главе Тафелона. Она не мужчина и кто-то должен будет взять на себя военные дела. Ты рыцарь, Клос. Ты муж будущей правительницы Тафелона. Ты понимаешь, что это значит?

— В гробу я видал...

— Клос, я тебя ни к чему не принуждаю, — по-прежнему мягко произнесла вампирша. Её чёрные глаза, казалось, смотрели в самую душу рыцаря. — Я только прошу, ты это понимаешь? Немного терпения... ты так молод... и Нора так молода... Она всё ещё любит тебя... не кривись, любит, просто не умеет этого сказать.

Клос растерянно кивнул. Вейма подавила неуместную улыбку. Если сказать такому хвастливому рыцарю то, что ему приятно будет услышать, он поверит вам и пойдёт хоть на край света, лишь бы не разочаровываться.

— Поэтому, — добавила она в голос убедительности, — ты попросишь — вежливо попросишь, Клос! — права навестить её милость этим вечером. И если ты не дурак, — а ты не дурак, а, Клос? — ты останешься в её доме и будешь вести себя как подобает супругу.

Неожиданно она улыбнулась.

— Ты зря считаешь, что тебя тут держат за комнатную собачку. Перестань хвастаться, не думай, что тебя здесь унижают, веди себя как мужчина, а не мальчишка. Не пытайся приказывать, не жди и не подчиняйся приказаниям. Я думаю, ты останешься доволен... своей семьёй... господин рыцарь.

Она хлопнула Клоса по плечу и ушла. Не то, чтобы он ей до конца поверил. Но, когда разговариваешь с вампиром... ты сделаешь то, что тебе приказывает вампир. Даже если не знаешь, кто перед тобой.

* * *

Турнир шёл своим чередом. По ристалищу гарцевали рыцари. Герб Клоса был белого цвета и разделён пополам красным поясом. На одной стороне красовался красный конь — герб Вилтина, а на другом — чёрная огнедышащая пантера, герб его жены. Проезжая мимо ложи Фирмина, Клос почтительно склонил голову и отсалютовал жене копьём. Нора покраснела, а Вейма одобрительно подмигнула юноше.

Мюр неподалёку рассказывал Мариле «про славный Грайогэйр». Гербом Нагбарии был золотой олень на пурпурном поле, увенчанный алой короной, которая переплеталась с его рогами, а личным гербом Грайогэйра был точно такой же олень, но белый на зелёном фоне. Это означало, что камерарий тана находится в отдалённом родстве с королевской семьёй Нагбарии — настолько отдалённом, что трон и корона не достались бы ему, даже если бы все остальные родственники умерли бы.

— В наша страна, — объяснял Мюр, — когда... если отец носить корона, только тогда твоя стать король. Если отец не носи корона, то только если отец умри раньше дед, который носить корона. А если, как два век назад, все сын король... сыновья... все умри, то

собираться все барон и выбирать новый король. Совсем не родственник! Если Заступник не заступаться за семья король, не надо любви его кровь. Твоя понимать?

— Понимать, понимать, — смеялась, закивала Марила. — А твой славный Греляграй — он хороший рыцарь?

— Нагбарцы — самый лучший рыцарь в мир! Мы сильный, смелый, храбрый! Не знать страх! А славный Грайогэйр — он лучший в Нагбария! Твоя увидеть!

— Эй, Аццо! — позвала Марила. — А кто у нас хороший рыцарь?

— Это смотря по чему смотреть, — отозвался вместо него Ланзо. — В седле лучше всего держится господин Мертен, на мечях лучше всего сражается господин Герарт, с булавами тебе лучше господина Берхарда не найти. А можно ещё назвать Тедерика, цур Ортвина, Рикерта...

— Полно рыцарей, да? — прервала его смеющаяся Марила. — И все они здесь?

— Да уж почти все. Кто не мог раньше, сейчас подъехали. Теперь все собрались.

Звенели трубы, рыцари проезжались по полю и касались щитов друг друга копьями. Это означало вызов на бой.

Вейма заскучала.

Вир где-то бегал, утрясал какие-то организационные вопросы. Кому-то, кажется, разрезали сбрую, пришлось менять, у какого-то рыцаря заболели слуги-помощники, которые должны были подавать ему оружие, третьему не хватало каких-то деталей доспехов...

Нора была полностью поглощена событиями на ристалище. Она, не отрываясь, следила за Клосом и даже бормотала себе под нос какие-то заклинания, выпрошенные ею у Лонгина. Если Клос с кем-то заговаривал, Нора не успокаивалась, пока муж не уходил от этого человека, а если касался чьего-то щита или его щита кто-то касался, то будущий противник удостаивался не менее пристального интереса.

— Ваша милость, — неслышно позвала Вейма. Нора даже не оглянулась. — Ваша милость, вмешиваться в турнир при помощи чёрной магии не разрешается.

Нора вспыхнула от злости. Вейма усмехнулась и шагнула чуть глубже в память своей госпожи, освежая одно не очень приятное воспоминание.

— Нет, ваша милость, — Лонгин был непреклонен. — Вам следует осваивать более простую магию, прежде чем переходить к натурным испытаниям. Вы прочли трактат о сопряжении углов в пространстве, который я вам давал?

— Как вы мне надоели с этими углами! Почему вы не учите меня действительно интересным вещам?!

— Потому что вы не способны с ними справиться. Ваш разум не охватывает всех пластов мироздания, которые вы хотите затронуть своими заклинаниями.

— Но ведь в вашей башне обучают с детства! Неужели ничему... полезному не учат?!

— Но вы не ребёнок, ваша милость, — не сдавался чёрный маг.

Разговор шёл в доме Фирмина в Тамне, в маленькой светлой комнатке, вовсе не предназначенной для занятий чёрной магии. Волшебник, одетый как обычный горожанин, в тускло-серые одежды, отороченные беличьим мехом, подошёл к окну и посмотрел на шумную улицу.

— Основа чёрной магии, ваша милость, — сухо произнёс он, — злость, которую волшебник испытывает по отношению к окружающим. Вы должны погрузиться в это чувство, позволить ему овладеть вами... и оседлать, чтобы оно несло вас к своей цели. Ни

один чёрный волшебник не позволит сиюминутной прихоти взять над собой верх. Чёрный волшебник не использует свою магию, чтобы мстить обидчикам. Ведь, если вы это сделаете, вы ослабеете. Вы уже не ребёнок и обиды у вас не детские, но вы молоды и импульсивны. Мы перейдём к практике не раньше, чем вы освоите теорию. И не раньше, чем вы научитесь обуздывать свои желания.

— Я только хотела разглядеть, что там происходит, — огрызнулась Нора, еле шевеля губами, чтобы её слышала только советница.

Воспоминание продлилось дольше, чем казалось Вейме. Когда они обе вернулись в действительность, уже начались бои. Вампирша равнодушно скользнула взглядом по щитам сошедшихся рыцарей. Они не были ей знакомы. Один выиграл, другой проиграл. К упавшему подскочили его слуги, подняли на ноги. Пострадавший вполне мог идти сам, а в честь победителя запели трубы. Второй бой был таким же, третий... в четвёртом бою Клос сходил с немолодым уже рыцарем цур Ортвином, но и тот, и другой остались в седле, что засчитывалось как ничья.

— Смотрите, смотрите, славный Грайогэйр! — закричал Мюр.

Нагбарец, красуясь, пустил своего коня вскачь. В Тафелоне не были приняты бои с барьерами, поэтому никто не мог обещать безопасности упавшему рыцарю. То, как нёсся Грайогэйр... раздался громкий треск... его противник, молодой парнишка с драконом на щите, покатился под копыта... трибуны замерли в ужасе...

И тут из ложи набарцев раздался крик. Ужаса — подумали сначала. Боли и предсмертных мук — почуяла Вейма. Её ноздри уловили отвратительный запах крови... вампирша вдохнула его и потеряла сознание.

Она не увидела, как трибуна нагбарцев заволакивается дымом, как мечутся в испуге и гневе люди, не услышала, как обрывается крик, как где-то ржёт чья-то лошадь, пущенная галопом. Не чуяла того, что принёс ей ветер вместе с удушающим запахом смерти.

Раздался чей-то крик на нагбарском, который подхватил и перевёл Мюр:

— Великий тан! Тан убит! Предатели! Копьё! Под трибуна предатель! Пожар! Великий тан убит!

Высший посвящённый. Это он решает, где и когда ему быть.

...так вот зачем он приходил...

— Крыса... — прошептала Вейма в забытьи. — Крыса в ложе...

Марила рыдала и билась в истерике в объятьях своего возлюбленного.

Откуда-то сбоку на ристалище выскочил давешний приор. Он был всклокочен, растрёпан и выглядел вовсе не так, как подобает служителю Заступника.

— Это они! — закричал он и указал на трибуну, на которой сидели братья-заступники. — Убийцы! Предатели!

История третья
Расследование

Глава первая

Девочка

Он пришёл посреди бела дня, ни от кого особенно не таясь. Прошёл по знакомой тропинке, толкнул калитку. Магда была дома, работала в своём огороде, на котором отродясь не росло ничего съедобного. Что-то она перекапывала, что-то разрыхляла, обычная картина, вот только было в ней что-то странное.

Эрны нигде не было видно.

Когда калитка скрипнула, ведьма с усилием разогнулась и медленно, очень медленно повернулась на звук.

— А, — небрежно кивнула она. — Это ты. Явился.

— Неласково встречаешь, Маглейн, — засмеялся Виль.

— А как мне тебя встречать — после того, что ты натворил?

— А что я натворил? — удивился батрак.

С ведьмой творилось что-то неладное. Как-то она как будто посерела, осунулась, глаза покраснели и, что было заметней всего, — голос. Голос и повадки человека, которому уже всё равно, что случится дальше.

— А то сам не знаешь, — махнула рукой Магда. — Лучше проваливай.

— А то что?

— Мамочка, кто это? — донёсся из дома дрожащий голос девочки.

— Никого, доченька! — откликнулась ведьма и замахала руками батраку, мол, уходи скорее.

— Вы чего? — ещё больше удивился Виль. — Что ты ей про меня наговорила?

— Я слышу! — донёсся из дома пронзительный голос. — Это он! Мамочка, прогони его! Мамочка, прогони его! Не пускай его! Пожалуйста, мамочка! Не пускай его! Прогони! Мамочка, прогони! Пожалуйста!

— Уходи, — устало попросила ведьма. — Ты видишь — ничего нельзя сделать.

— Мамочка, прогони его! — продолжала верещать Эрна.

— Даже не думай к ней подойти, — предостерегла Магда. — Эти... они научили Эрну магии, теперь она путает чёрную и белую и кидается какими-то чарами, я сама боюсь приближаться, когда она так кричит.

— И давно она так? — покачал головой батрак.

— Да уж достаточно. Руки бы им повыдёргивала. Надо ж додуматься — учить ведьму магии!

Злость её была такой же тусклой, как и голос.

— Мамочка, прогони его! Мамочка, пожалуйста! Пусть он уйдёт! Мамочка, прошу тебя! Мамочка, прогони его! Пусть он уйдёт! Пожалуйста! Пусть его не будет! Прочу тебя! Пусть его не станет! Пусть...

— Уходи, — громко, чтобы дочь услышала, сказала Магда.

Батрак пожал плечами и отвернулся. Ведьма тихо прошептала:

— Ночью приходи, если хочешь объяснений. Полюбуешься.

— А есть на что полюбоваться? — оживился батрак.

— Вон! — повысила голос Магда. Виль скрылся. — Вот видишь, доченька, он ушёл, мамочка сказала ему уйти — и он ушёл. Спускайся с чердака, милая!

— Не буду! — отозвалась девочка. Магде показалось, что она тихо заплакала, но подниматься наверх ведьма не стала.

* * *

— Не шуми, — приказала Магда, когда он пришёл ночью. — Сейчас сам всё увидишь. Девочка спала в своём углу, иногда тихо похныкивая сквозь сон.

— Да что у вас случилось-то? — спросил батрак.

— Глупость у нас случилась, — махнула рукой ведьма, усаживаясь за стол. — Отправила девочку в город. Говорила им — нельзя её магии учить. А они что?

— Это ты про друзей своих рассказываешь? Тот чёрный зануда и его жена, которая на меня как на кучку дерьма смотрела? А зачем ты к ним Эрлейн отправила?

— Дело было, — призналась ведьма, отводя взгляд.

— Э, нет, Маглейн, так не пойдёт. Рассказывай по порядку. Что за дело у тебя было и чем тебе девчонка мешала?

— В Корбиниане, — пояснила Магда. — Рыжую ведьму искала, помнишь, ты о ней рассказывал?

— Помню, помню, ты не отвлекайся. Зачем тебе эта рыжая понадобилась?

Ведьма снова махнула рукой.

— От тебя избавиться хотела, — равнодушно сказала она.

— Вот те на! Так надоел папаша Виль, а? И как, получилось?

— Да где уж там. Еле ноги унесла. Как вспомню...

— Отказала она тебе, значит?

— Да уж не помогла. Я зелье придумала, но чтобы сварить его, у меня сил не хватало. Думала, она что откроет.

— Кишка тонка оказалась?

— Называй как знаешь. Всё вижу, а этого — не вижу. Не на своё колдовство замахнулась.

Магда говорила спокойным ровным тоном. Потом голос её сбился и она покачнулась.

— Э, Маглейн, да ты падаешь! Это тебя рыжая так околдовала?

— Отстань, — нахмурилась ведьма.

Пошарила у себя за спиной, сняла со стены ковшик и зачерпнула из кадушки, которая стояла у стены. Отпила, скривилась и отпила снова.

— Горькое, — пояснила она. — Помогает не спать. Которую ночь пью. Уже не действует. Надо покрепче сварить, да боюсь перебрать.

— А зачем тебе не спать-то?

— А вот увидишь сам, — посулила Магда. — За девочкой в Раног приезжаю — ты б её видел! Ревёт вся, трясётся. А всё ты виноват! Ты бы хоть думал, чем занимаешься!

Виль помолчал, что-то соображая.

— Ясно, — спокойно сказал он. — Твоя добрая подружка показала Эрлейн папашу Виля за работой. У неё самой с головой всё в порядке — такое ребёнку показывать?

— Умный какой, — скривилась Магда и сделала ещё один глоток. — Про свои планы можешь забыть. Эрна и видеть тебя не может. Сейчас посмотришь, что вы с ней сотворили — и проваливай.

— «Мы сотворили»? — обиделся Виль.

— Ай, не важно, — отмахнулась ведьма.

Виль тряхнул её за плечо.

— Ай-ай-ай, Маглейн. Ты хотела предать папашу Виля, думаешь, это тебе с рук сойдёт, а?

— Мне всё равно, — равнодушно отозвалась Магда.

Виль достал нож и мерзко ухмыльнулся.

— О, это тебе сейчас так кажется.

— Иди ты... — грубо выругалась ведьма. — Посиди сам с ребёнком, я на тебя посмотрю, что тебе ещё покажется.

— Не переживай, без сна оставить — это только начало, — посулил батрак, но тут ведьма схватила его за руку.

— Тихо! Начинается!

Эрна зашевелилась, застонала во сне, а потом...

Ночь разорвал вопль. Мужской вопль, почти лишённый всякой человечности.

— Ого! — оценил Виль. — Ржавый Нож так орал.

— Он и орёт, — пояснила Магда. — Эрне снятся кошмары... про твою «работу». Вот, полюбуйся, на что похоже.

Вопль сменился невнятным бормотанием, которое перемежалось со скулежом и стонами. Потом последовал ещё один вопль, громче прежнего.

— И так каждую ночь? — уточнил Виль.

— А то! А днём плачет по углам. Ну, как, нравится?

— А что ты на меня киваешь, Маглейн? Я, что ли, её к подружке отправил?

— Представляю себе твоих подружек, — съязвила Магда.

— Заткнись.

Крики не прекращались. В доме потемнело, потускнел и огонь в очаге и стоящий на столе светильник, а потом они загорелись красным, как будто бы кухню освещало пламя преисподней. Кровать девочки тоже осветилась багровым светом и над ней в темноте проявилось лицо.

— Видал, какая у тебя рожа паскудная? — кивнула Магда.

Лицо гнусно ухмылялось и шевелило губами.

— Видать, хорошо запомнился, — усмехнулся батрак.

— Крики даже в лесу слышны, мне Исвар говорил. Скоро до деревни достанет. Что людям тогда скажу?.. А там и до рожи твоей дело дойдёт. Вот тогда нам с тобой очень весело будет. Как я людям объясню, почему твоя рожа в воздухе висит?

Парящее в воздухе демоническое лицо (в котором хорошо узнавался сам батрак) отодвинулось в сторону и вверх и над детской кроваткой появились скрюченные болью руки. Магда отвернулась, но это не слишком помогало. Иллюзия создавалась так, что её видно было *всем*. Хоть ты отворачивайся, хоть ты глаза закрывай, всё равно. Не заткнуть уши, не проспать, всё равно будешь слышать вопли боли и ужаса.

— Как она это делает? — заинтересовался батрак.

Магда поспешно отпила своего горького зелья. Её тошнило.

— Магия, — пояснила она, стараясь, чтобы голос не слишком дрожал. — Магия, которой она не может управлять. Чёрные волшебники... чтобы они могли колдовать, они должны быть очень обижены. На других, на себя, на весь мир... Здесь... я плохо это

понимаю. Лонгин пытался объяснить, но я не хотела слушать.

— А зря, — наставительно произнёс батрак.

Магда пожала плечами.

— Я бы посмотрела на тебя, что бы ты сказал, если бы оставлял здоровую весёлую девочку, а получил рыдающую тень.

— Так посмотри, — предложил Виль. — Оставлял здоровую весёлую девочку, прихожу — а она меня и видеть не желает. Что там с магией, говори, что поняла?

— Да ничего я не поняла. Вот ведьмам сила даётся, чтобы они могли выполнить своё заветное желание, но именно его они и не могут выполнить. Но если всё-таки оно сбудется, ведьма теряет силу. А чёрным магам сила даётся, чтобы покарать обидчиков. Только они правда могут. Поэтому их учат... сдерживаться. А то одному отомстил, второму отомстил — и всё, колдовать не можешь. Лонгин говорил... То, что случилось с Эрной... для неё чересчур. Поэтому ей снятся кошмары, но и во сне она ничего не может изменить. Поэтому её силы растут. Силы чёрной волшебницы и только во сне.

— Здорово же, — оценил батрак. — Теперь её бы научить наяву такие фокусы выделывать.

Ведьма покачала головой.

— Она слишком маленькая. Она... теряет очень много сил от этой магии. К тому же она всё-таки ведьма, просто колдовство ей не помогает, вот оно и вырывается в магию.

— Ну, ведьма, ну, и что?

Магда обнаружила, что, если смотреть прямо на Виля, то наносимые Ржавому Ножу раны не так лезут в глаза. А если прислушиваться к разговору, то и вопли не так уж слышны. Было ли это связано с присутствием живого человека или с тем, что именно он — герой кошмаров её девочки, Магда не знала. Знала только, что не может которую ночь смотреть на эти издевательства. Она ругала себя за слабость, бедная Эрнэ не может вот так отвернуться, но... ведьма чувствовала, что сходит с ума.

— Мы не можем заниматься магией, — пояснила она. — Она противна самой сути того, как мы общаемся с миром. С силами природы. Магия калечит. Колдовство — помогает.

— Очень оно тебе помогает, — хмыкнул батрак.

— Не мне. Миру.

— Мир — это зло, — напомнил Виль.

— Я отказалась от *Посвящения*, — ответила Магда.

— Оно не отказалось от тебя, — возразил убийца.

Ведьма махнула рукой.

— Радуешься небось, Маглеин? — внезапно засмеялся батрак. — Ты ведь так хотела прогнать папашу Виля... а теперь и повод такой. И ты сама ручек не запачкала. Ты ж не любишь ручки пачкать.

Магда стукнула кружкой по столу.

— Нет! — с тихой яростью ответила ведьма. — Нет, я не радуюсь. Это моя дочь и только я решаю, кому и как её воспитывать! То, что сотворила Вирина — это...

— Не ори, Маглеин, ребёнка разбудишь, — лениво отозвался батрак. — Кстати, будить-то не пробовала?

— Пробовала, — пробурчала ведьма. — Она только хуже сны видит после этого. Вот если сама проснётся, тогда всё хорошо.

Внезапно всё стихло.

Эрна шевельнулась. Ведьма вскочила на ноги.

— Мааам... — потянула девочка сквозь сон.

— Да, моя маленькая, — заворковала ведьма, склоняясь над кроваткой. — Мама здесь, мамочка рядом...

Она быстро обернулась, что-то зачерпнула и поднесла чашку ко рту девочки.

— Выпей, моя хорошая. Выпей, золотко.

— Мамочка...

— Мамочка здесь, — повторила Магда. — Спи, золотко. Мамочка рядом.

Она стояла над кроваткой, пока девочка не уснула.

— Доволен? — сухо спросила она и снова отпила своего горького зелья. — Теперь проваливай.

— Что ты ей дала? — не двинулся с места батрак.

— Зелье, — сухо ответила ведьма. — Чтобы крепче спать.

— Куда уж крепче, — хмыкнул батрак.

— Не твоё дело.

— Сначала «смотри, что ты наделал», а теперь «не твоё дело», — заворчал Виль.

— Отстань.

Батрак встал. Посмотрел на входную дверь, на Магду, на спящую девочку.

— Вот что, Маглейн, иди-ка ты спать.

— Отвяжись, — мрачно ответила Магда и глотнула ещё своего зелья. — Я теперь по ночам никогда не сплю. Она может второй раз за ночь проснуться.

— Иди-иди. На тебя смотреть страшно. Была здоровая баба, а теперь...

— Проваливай, — процедила ведьма.

— Иди спать, — повторил батрак. — Сам посижу с твоей девчонкой. Да не смотри на меня так, Маглейн. За дурака меня держишь? Думаешь, я её схвачу в охапку и в окно выскочу? Сама рассуди, куда я её потащу? А хотел бы — так ты меня не остановишь.

— Зря ты так думаешь... — начала было ведьма, но Виль её не слушал.

— Брысь спать. Если надо, разбужу.

— Утром визгу будет, — предупредила Магда.

— Это уж моё дело.

Ведьма тоже встала.

Надо было отказаться. Надо было выставить этого проходимца. Надо...

Она споткнулась. Потом ещё раз. Виль поддержал её под локоть, потом толкнул в сторону комнаты.

— Ляжешь там. Я с утра кашу сварю. Могу поспорить, ты даже не готовила.

— Иди ты... — вяло отозвалась ведьма.

Дальше была безоглядная тьма. Ведьма только смутно помнила, что до кровати она всё-таки дошла.

* * *

Эрна проснулась, когда день был в самом разгаре. Во дворе чирикали воробьи. Солнце светило в окно. А позавчера шёл дождь и вчера тоже то и дело накрапывало. А сегодня светило так ясно, что ночь с её мрачными видениями казалась сном. Она и была сном.

Мутным, тяжёлым... пугающим. Сном, который преследовал Эрну уже давно.

Девочка сладко потянулась.

— Мамочка? Мааам!

Никто не ответил. Эрне стало страшно. Мама всегда откликалась. Девочка протёрла глаза.

— Мамочка!

Мамы не было. У очага стоял... *он*. Точно такой же, как во сне. Стоят и смотрел на неё.

А в руке он держал... держал...

Большую ложку, которой помешивал бурлящее в котле варево.

Эрна захлопала глазами. Она так удивилась, что даже забыла закричать.

— Проснулась? — хмуро спросил Виль. — Каша сейчас готова будет. Живо умывайся — и за стол.

Девочка сглотнула.

— А где мама?!

— Я её убил и съел, — буркнул Виль. Потом покосился на онемевшую от ужаса девочку. — Да шучу, дурочка. Спит твоя мамаша. В комнате. Она уже с ног валилась. Вставать будешь, твоё дюкское высочество?

Он сердился. Он всегда называл её «дюкское высочество», когда сердился.

Эрна вскочила и бросилась к двери в комнату. Виль даже не пошевелился, чтобы ей помешать. Мама лежала на кровати и крепко спала. Эрна на цыпочках подкралась ближе. Прислушалась. Магда спокойно дышала. Лицо её было очень, вот просто очень уставшим.

— Мааам, — осторожно потрясла её за плечо девочка.

— А кто уставшую мать разбудит, получит ремня! — из кухни прокричал батрак.

Эрна проскользнула к входной двери. Виль по-прежнему не пытался ей помешать. Он взял любимую плошку Эрны, зачерпнул кашу и поставил на стол.

— Иди завтракать, твоё дюкское высочество.

Это почему-то успокоило девочку. Виль был... обычный. Не такой, как *там*. В зеркале. Там он был... страшный. Ядовитый какой-то. И говорил как-то жутко. Так терпеливо и ласково... а сам человека... бррр...

Дядя Виль *никогда* не был ни терпеливым, ни ласковым. Всё время ворчал и сердился.

Девочка осторожно подобралась к столу.

— А ты мне ничего не сделаешь? — на всякий случай спросила она.

— Ничего, — пообещал батрак.

— Совсем-совсем ничего?

Виль демонстративно задумался.

— Совсем ничего. Вот я тебе тележку обещал — и не сделаю. Хотел удочку подарить — тоже не сделаю. А ещё...

Рот Эрны округлился.

— Так нечестно! — выпалила она. — Я же не об этом спрашивала!

— А о чём? — «удивился» батрак. — Что я ещё должен тебе сделать?

— Ты же плохой!

— Значит, удочку не получишь, — подвёл итог батрак.

— Так нечестно!

— Ну, если нечестно, тогда конечно, — без тени улыбки подтвердил Виль и подтолкнул плошку. — Ешь давай, пока не остыло. Мамаша твоя вовсе не готовила, а?

— Неа, — неохотно призналась девочка и всё-таки села за стол. — Нам тётя Рамона с Куно еду присылала. Через день. Вчера приходил. Мама... она всё время...

Эрна наморщила лоб, пытаясь вспомнить, чем целыми днями занималась её мама. Не помнила. Она сама всё время плакала, потом кричала, потом снова плакала... а что мама делала? Утешала. Ещё ругалась на кого-то. Что-то она ещё делала, но сама Эрна в это время плакала на чердаке, а дом под ней ходил ходуном. А мама потом ругалась на всяких там, которые без спросу учат ребёнка магии.

— Что большая, что малая, обе дуры, — проворчал батрак, наложил себе тоже каши и сел за стол напротив девочки.

— Перестань!

— Ешь давай. Пока я добрый.

— Но ты же злой!

— Очень злой, ага. Если позже меня кашу доешь, я тебе...

— А если раньше? Сделаешь удочку?

— Посмотрим, — проворчал батрак и взялся за ложку. Медлить было нельзя и девочка принялась уплетать кашу. — Да не давись ты, торопыга!

Эрна быстро уплела кашу и гордо продемонстрировала батраку начисто вылизанную тарелку.

— Всё равно я у тебя ничему учиться не буду! — заявила она.

— Не учишь, — опять не стал спорить Виль и девочка насторожилась. — Вот я тебя хотел на рыбалку взять...

— Я же не об этом! — сердито топнула ногой Эрна.

— А о чём? — «не понял» батрак. — Чему ты такому у меня учиться собиралась?

Эрна потупилась.

— Ты знаешь, — прошептала девочка. — Я... я видела...

— Опять подглядывала? — «догадался» Виль. — А что я тебе про зеркала всякие волшебные говорил, а?

— Это не я! Это тётя Виринея! Она сказала, что ты плохой!

— А то ты не знала.

— Она сказала, что я должна сама увидеть и понять!

— И как? — уточнил Виль. — Поняла?

— Я так не буду!

— Да на здоровье.

— Но ты же хотел, чтобы я этому научилась.

— Но ты ведь не хочешь.

— А ты меня ничему *такому* учить не будешь, да? — насторожено спросила девочка.

— Какому? — безжалостно спросил батрак.

— Я не буду мучить людей!

— Да кто тебя заставляет-то? Я тебя рыбу зову ловить.

— А зачем?

— Мамаше отдашь, пусть нажарит...

Виль подумал, с сомнением покосился в сторону комнаты, где спала ведьма.

— Или я тебя жарить рыбу научу. И чистить тоже.

— А когда?

— Вот мамаша твоя проснётся, и пойдём.

— А почему не сейчас?

— Потому что твоя мамаша решит, что я тебя украл.

— А ты же меня не украдёшь?

— Делать мне больше нечего. Иди лучше тарелки помои.

— А ты на маму очень сердишься?

— Ужасно сержусь. Ты всё ещё бездельничаешь?

— А ты ей ничего не сделаешь?

— А что ей нужно? — немедленно заинтересовался батрак. — Где, кстати, ваша живность?

— Пёс сдох, — охотно откликнулась девочка. — Мама его сама закапывала и очень на тебя ругалась.

— На меня-то почему?

— А она говорила, будь ты дома, ты бы закопал.

— Узнаю нашу Маглеин! — «обрадовался» батрак. — Как что-то надо, так сразу «Виль!». А коз вы съели?

— Нет, мама их в деревню отвела, к тёте Рамоне. И кур туда же. Когда меня в Раног отвезла. А потом возвращать не стала. Сказала, только ей коз и не хватает! Она вообще коз очень не любит. И на тебя ругается.

— Дай угадаю. Будь я, было бы кому доить?

— Ага. А ещё у нас ворот сломался колодезный.

— Уговорила! Ничего ей не сделаю. Пусть своим колдовством вёдра тянет.

— Так нечестно!

— А чего ты хотела?

Эрна топнула ногой и Виль рассмеялся.

— Вот и мамаша твоя на меня так же топала в молодости. Да успокойся ты. Она сама себя вон как наказала. Да и ты молодец. О мамаше-то своей подумала? Ладно, ночью. А днём? Сказала бы, поспи, мол, мамочка, я за тебя поработаю. А ты чего?

Эрна смутилась.

— Посуду пойдешь вымой, — приказал Виль, глядя на её расстроенное лицо. — Потом стол выскреби. Пол выметешь. Вы с твоей мамашей совсем обленились. А я пока тебе тележку сделаю.

— Правда? Обещаешь?!

— Сказал же, сделаю. Всё, живо за работу!

* * *

Магда проснулась, когда уже стемнело. Прошедшие дни вспоминались мутным тёмным пятном. Она поднялась с кровати, не очень помня, как она на ней оказалась и её ли это вообще дом, пошла к двери... и ещё не толкнув её, услышала доносящийся с кухни такой знакомый голос:

— Ты как нож держишь, бестолочь?!

Ведьма рванулась на кухню.

Там было...

Мирно.

Эрна с ногами забралась на лавку и увлечённо резала морковь. На очаге булькал котёл. Пахло довольно вкусно. А Виль, конечно, ругался.

— Ты что хочешь в суп порезать — морковь или свои пальцы? А, Маглейн. Проснулась, наконец. Кашу мы доели, но похлёбка скоро будет.

— Mamочка! — кинулась к ней дочь. — Ты проснулась! Как ты себя чувствуешь, мамочка?

Магда обняла дочь и прижала к себе. Соображала она по-прежнему плохо. Не будь она ведьмой, решила бы, что Виль околдовал её девочку.

— Всё хорошо, золотце.

— А дядя Виль сказал, что ты устала!

— Немного, моя хорошая, немного устала.

— А он научил меня как котёл вымыть!

— Да? Вот и молодец.

— А ещё он сказал, что я белоручка! Это как?

— А сейчас скажет, что ты болтушка! — ответил вместо Магды батрак. — Полно на матери висеть, иди работать. Проголодалась, поди, Маглейн?

Эрна высвободилась из материнских объятий и вернулась к столу. Её ужасного состояния как ни бывало, но ведьма заметила, что батрака девочка как будто немного сторонится. Раньше она на нём чуть ли не висела, а теперь держится хоть чуть-чуть, да в стороне.

— Садись, — пригласил Виль. — В ногах правды нет.

Магда послушалась. Виль отобрал у девочки нарезанную морковь, высыпал в котёл и с деловитым видом помешал похлёбку.

— Вот как-то так, — непонятно о чём сказал батрак.

— Что теперь? — устало спросила ведьма.

— А что теперь? — удивился Виль. — Поживу тут у вас. С утра сходишь в деревню, позовёшь этого дурня малолетнего Куно в помощники, пригоните с ним коз домой.

— А ты?

— А мы с утра на рыбалку пойдём.

— А ты обещал, когда мама проснётся, — заныла Эрна.

— Кто ж знал, что она до ночи проспит?

— А ты обещал!

— А будешь ныть, никуда не пойдёшь.

Эрна прижалась к Магде и принялась буравить Виль сердитым взглядом. Магда погладила её по волосам и рассмеялась. Когда она засыпала, её дочь была взлохмаченным чудовищем, вздрагивающим от малейшего шороха и, чуть что, излучающим враждебную магию. Сейчас это был умытый ребёнок с аккуратно заплетённой косичкой и блестящими глазами. Если это не чудо, то Магда не знала, как это назвать.

* * *

— А вот теперь поговорим, — предложил Виль, когда девочка была уложена спать.

— Вчера поговорили, — буркнула Магда.

— Вчера ты с ног валилась.

Ведьма отвернулась. Она чувствовала себя... странно. Когда она жила дома... нет, когда она жила дома, такого с ней никогда не было. Вот в Бурой Башне... не то, чтобы им там что-нибудь особенно запрещали. Конечно, ведьме нельзя делать добрые дела, но попробуй-ка их сделать, когда вокруг нет никого, только волшебники и редкие путники. А путникам добрые дела делать не очень хотелось, очень уж рьяно их защищали белые маги. А кроме этого... они творили всё, что хотели, и их только поощряли. Но вот когда кто-то залез в комнату... как же её звали, ту наставницу?.. Что-то ей в постель подсунули... А это что-то варила Магда... ну, в том числе Магда. Ох, им тогда попало!

Вот тогда, наверное, с ней так разговаривали. И она так же себя чувствовала. Набедокурившей девчонкой.

— Чего ты хочешь?

— Я много чего хочу, Маглейн, но это неважно. Давай рассказывай сначала.

— Что рассказывать?

— Ты дурочку-то не строй. Говори, пока я добрый.

— Ты? Добрый? Очень смешно.

Виль взял ведьму за плечо и с силой тряхнул.

— Не тяни время, Маглейн. Тебе тут некуда бежать и тебе никто не поможет. Давай, выкладывай, что ты успела натворить. И чтобы больше никаких «это не твоё дело». Раз я спрашиваю, значит, моё.

— А то что? — вскинулась ведьма и тут же испугалась. Уж больно нехорошая ухмылка перекосила лицо её собеседника.

Он молчал, всё так же вцепившись в её плечо и оценивающе разглядывая свою жертву.

— Дура ты, — наконец, сказал он, разжимая руку. — И зачем я на такую бестолочь время трачу? Что, что. Да вот уйду сейчас, будешь в следующий раз сама свою малявку успокаивать. Хоть бы спасибо сказала.

В другое время Магда бы нашла, что ответить. Очень многое и не слишком доброжелательное. Но сейчас...

— Извини, — опустила она голову. — Спасибо.

— Вот молодец. А теперь выпей вина и рассказывай папаше Виллю всё по порядку. Ну? Что ты тогда делала в лесу? Когда я тебя на алтаре нашёл?

— Тогда я сварила провидческое зелье, — послушно принялась рассказывать ведьма, — и увидела там... Многое.

Голос её споткнулся и она отвела взгляд.

— Так не пойдёт, Маглейн. Говори, что увидела.

— Тебя увидела, — огрызнулась Магда. — В цепях, в клетке на какой-то телеге.

— Надо же, какой мне почёт оказали! — как будто даже обрадовался батрак. — Так, Маглейн, только очень важных преступников перевозят. Ну, что ещё?

— Аларда увидела. Ну, помнишь...

— Хмыря своего, значит. И что он делал?

— Просто стоял, — пожала плечами Магда.

— Ну и что? Стоял и стоял.

— Он стоял здесь. В этом доме, Виль. Я... Я испугалась.

— Ладно, а ещё что?

— Эрну видела... Ты не поймёшь...

— А ты попробуй. Я догадливый.

— Она... Я сразу почувствовала... В том видении она была ведьмой.

— И ты решила, что надо, чтобы твоё видение поскорее сбылось?

Магда покачала головой.

— Нет. Но в другом видении она была волшебницей.

— Ведьма, волшебница... Какая разница?

Магда вздохнула.

— Это разные... Пути... Или ты то, или другое. Что-то очень нехорошее должно было случиться, чтобы эти видения сбылись. Оба этих видения.

— погоди, ты сделала её ведьмой, чтобы она не стала ведьмой, так, что ли?

— Да, — просто ответила Магда. — Чтобы её не сделали ведьмой другие.

— Ладно, это твоё дело. Дальше что? В лесу.

— В лесу я искала способ от тебя избавиться. Я придумала зелье, но...

— погоди, Маглеин. Я ж человек, не кровосос какой-нибудь. У тебя, что, ни одного яда не было, что тебе вот так колдовать пришлось?

Ведьма отвела взгляд.

— Я... Мне не хотелось тебя убивать.

Батрак расхохотался.

— Дура ты, Маглеин. Как есть дура. Ну, ладно, рассказывай дальше.

— Да нечего рассказывать, — огрызнулась Магда.

— Ты зубки-то не показывай. Не я попался, а ты.

— Я надеялась, что смогу его придумать, — пояснила Магда. — Отдала все свои силы за знание. Что-то удалось увидеть, а потом силы закончились.

— А почему так, знаешь?

— Да уж догадываюсь, — отвернулась ведьма. Проклятье таких, как она — невозможность выполнить самое заветное желание.

Батрак ободряюще похлопал её по плечу. Как будто даже утешающе. Ну, да, что ему. Он же победил.

— Больше ничего мне не хочешь сказать, а?

Магда колебалась. Если он узнает... А если не узнает?.. А если сам бы никогда не узнал?..

Виль уловил её сомнения.

— Говори. Облегчи душу. Смотри, Маглеин. Сам узнаю — хуже будет.

— Арне встал на твой след, — вздохнула ведьма.

— Волчонок этот? А чем я ему не угодил?

— Он... Я встретила его у той рыжей ведьмы, а потом он меня проводил. Учужал тебя...

И испугался.

— Трусливые рыцари нынче пошли, — заметил Виль.

— Он за меня испугался! — рассердилась Магда.

— Да-да-да, я так и понял, — глумливо усмехнулся батрак. — Ну, что ж, найдёт — ему же хуже будет. А что у вас с рыжей вышло?

Магда рассказала и это, опуская только самые... личные подробности. Виль только кивал и улыбался такой гнусной улыбочкой, что было ясно: о чём он сам не догадается, то с удовольствием додумает.

— Это всё? — спросил батрак, когда ведьма закончила. Дождался её кивка, налил в стакан вина и подвинул к ней. — На-ка, выпей. А теперь слушай, Маглеин, я повторять не

буду. Ещё раз такое выкинешь — так легко не отделаешься. Поняла? Чтоб без спросу даже не думала колдовать. И по ведьмам знакомым ходить перестань. А про то, чтобы избавиться от папаша Виля — даже не заикайся. Ты пей, пей.

Магда послушно выпила. Это, кажется, было лучшее вино в её доме. И как Виль его нашёл?..

— Теперь вот что. В город девчонку больше не отправляй.

— И не собиралась, — проворчала ведьма.

— Вот и умница. Можешь же.

— Я не...

— Брось, Маглейн, ничего умного ты не скажешь. Иди-ка спать. А завтра с утра за козами. И чтобы без глупостей.

— А то что? — устало спросила ведьма. Батрак снова хлопнул её по плечу.

— Не могу же я каждый раз тебя спасти, а, Маглейн? Пора бы своим умишком обзаводиться.

* * *

Конечно, всё не так-то просто закончилось. Ночью ведьма проснулась от нового вопля. Дрожа, она поднялась со своей лавки и успела увидеть, как Виль, который, похоже, вовсе не ложился, склонился над освещённой алым заревом кроваткой девочки.

— Всё, — веско произнёс он. — Всё уже, всё. Закончилось. Больше ничего не будет. Всё.

Мужской голос протяжно всхлипнул и этот всхлип перешёл в сонное хныканье девочки. Батрак кивнул ведьме. Та подошла ближе, но Эрна так и не проснулась, только заворочалась, устраиваясь поудобнее. Магда подоткнула ей одеяло. Алое зарево постепенно гасло.

— Всё хорошо, — прошептала Магда. — Мапочка рядом.

Эрна окончательно расслабилась. Дыхание её сделалось спокойным и ровным.

Магда посмотрела на Виля поверх детской кроватки. В тусклом свете очага было не очень-то видно, но она и так знала, что батрак ухмыляется. И было чему. Она и близко не представляла, чем может расплатиться за то, что он для неё сделал. Эрна ещё не скоро успокоится, не скоро сможет доверять «доброму дяде Вилю», как доверяла прежде. Но он, конечно, придумает, что с этим делать. А она? Она, Магда? Когда он за один день вернул её дочери здоровье и рассудок?

— Иди спать, — приказал батрак, разрывая молчание. — Я ещё посижу. Что ж ты про колодезный ворот молчала, дурында?

Магда не ответила.

— Ты его убил? — спросила она, когда тишина сделалась нестерпимой.

— Кого? — не сразу понял Виль. — А, сморчка этого! Нет, не убил. Я его старшим братьям оттащил, пусть дальше сами с этой крысой разбираются.

— Но ты убил кого-то, — уверено сказала Магда. Есть вещи, которые ведьма просто чувствует. Виль пришёл к ним с кровью на руках после свежего убийства. Пришёл, едва только убедился, что по его следу никто не идёт. Только тогда ей было не до того, чтобы присматриваться.

— Я много кого убил, Маглейн. Тебе лучше не знать. Ты и половины этого, — кивнул

он на воздух над кроватью, где ещё недавно мерцали жуткие видения, — не выдержишь. Нечего тебе про мои дела спрашивать. Чего не слышала, про то не расскажешь.

— Или не прокричишь, — съязвила ведьма. На душе было паскудно.

— Или не прокричишь, — согласно кивнул батрак. — Спать. Живо.

Глава вторая

Расследование

Суматоха в Сеторе улеглась нескоро. Нагбарцы перестали интересоваться турниром и немедленно покинули город. Все, даже Мюр, камерарий двора, тот самый славный Грайогэйр, оставшийся старшим, послал сказать баронам (но получилось почему-то Братству Помощи), что после смерти великого тана они не связаны с Тафелоном никакими обязательствами, а посему отправляются домой, где всенепременно расскажут о подлом предательстве.

После этого представитель Братства Помощи лично сходили к ним в сопровождении какого-то оборванного монаха, долго разговаривал, что-то сулил и в итоге нагбарцы встали лагерем под Сетором, а к своему королю отправили гонца.

Турнир, разумеется, был прекращён.

Бароны каждый день собирались в доме Нора и обсуждали случившееся.

Первым делом разобрались, что же всё-таки произошло в ложе и на трибуне нагбарцев. Распорядителя даже не пришлось запугивать, чтобы он признался, что некий человек, которого он особенно не запомнил, попросил отправить нагбарцев именно на эту трибуну. Ничего не объяснил, но дал много золота. Это золото после допроса отобрали в пользу союза баронов и отпустили распорядителя. Нора подумала, посоветовалась с Веймой, та посоветовалась с Виром и в Сеторе было объявлено, что всякий, кому некий человек дал какое-нибудь поручение относительно нагбарцев, может рассказать об этом, не боясь наказания. А если их рассказ будет полезен, они получают награду. Никакую награду никому не дали, но несколько простолюдинов, которых ради нагбарцев выгнали с трибуны, признались, что к ним подходил какой-то человек, дал золота и предложил высказаться насчёт трусости нагбарцев и особенно их великого тана. Вейма лично заглядывала всем в глаза и убедилась, что они не врут. Им позволили оставить при себе полученное золото, но новое давать отказались. Что было странно, никто из них не помнил лица и даже сословия человека, который с ними разговаривал. Вейма, конечно, знала, кто это сделал. Знал и Вир. Догадывалась Врени. Но что они могли сделать? Прозревшие не выдают друг друга, тем более — высшего посвящённого. Они могли помогать разобраться в том, что произошло. Но говорить о том, что знают потому, что они прозревшие... Этого они сказать не могли.

Потом в совет баронов была вызвана Марила, о чьей шуточке с крысой шептались ещё до начала турнира. Сумасшедшая то смеялась, то рыдала, а то и вовсе принималась каркать. Нора была очень терпелива.

— Расскажи, что произошло в тот день, — мягко предложила она.

— А ты мне дашь браслетик, сестричка? — перестала рыдать и каркать Марила.

— Нет, — всё так же терпеливо ответила Нора.

— Фу-ты-ну-ты. Тогда не скажу.

— Я дам тебе браслет, — сказал граф цур Вилтин. — Рассказывай.

— Мы пришли, — без предисловий начала сумасшедшая. — А там эти! Надутые! И каркали! Жадные и совсем, ну, ни чуточки не смешные! Я и решила уходить! А там — человек! Смешной такой! И крысу протягивает. Сказал, это будет смешно. А вышло совсем не смешно! Он обманул меня!

Сумасшедшая села прямо на пол и навзрыд зарыдала.

Потом отняла руки от зарёванного лица и сказала:

— А где браслетик? Я больше ничего не знаю!

— Ты ясно видела того человека?

— Ты что, думаешь, я слепая?! — обиделась сумасшедшая.

— Отвечай!

— Ясно, ясно, — проворчала Марила. — Вот как тебя вижу.

— Ты его разглядела?

— Конечно!

— Как он выглядел?

— Он был смешной!

— Марила, что значит «смешной»?

— То и значит, — рассердилась сумасшедшая. — Смешной такой. С крысой.

— Ты знаешь его имя?

— Неа.

— Какого он был сословия?

— Откуда мне знать?! — изумилась Марила. — Мы ж про крысу говорили, а не про его папу с мамой!

— Он был нагбарец?

— Нет!

— Какого он был роста?

— Обычного.

— Марила, какой рост для тебя обычный?

— Не великан, значит, и не козявка. Какая ты скучная сегодня, сестрица! Хочешь, я у тебя брошку из уха вытащу?

— Марила, не время шутить.

— Как?! Шутить всегда есть время!

— Ты видела его раньше?

— Ага!

— Где?

— Он мне браслетик подарил, а вы не дарите, жадины!

— Что он тебе передавал?

— Браслетик. И крысу!

— Марила, я дам тебе два браслета. Что ты о нём можешь сказать?

Сумасшедшая всерьёз задумалась.

— Не из богачей он, это точно. И не из господ. И умный очень. А ещё, он не жадный! Смешной. И с крысой!

Нора закатила глаза, но тут вмешалась Вейма.

— Марила, скажи, а здесь сколько смешных людей?

Сумасшедшая скользнула по ней равнодушным взглядом.

— Да почти все. Только вы сейчас скучные.

— А что ты делаешь, когда кто-то не смешной?

— Хочешь, покажу? — загорелась Марила.

— Третий браслет! — поспешно отозвалась Вейма. Сумасшедшая надулась.

— Так неинтересно!

— Марила, отвечай!

— Что, что, — ещё сильнее рассердилась сумасшедшая. — Делаю, чтобы было смешно. Вот мне человек крысу-то и дал. Только не смешно вышло. Браслетики-то давайте. Четыре! А то знаю я вас!

* * *

Следующей вызвали Врени. Цирюльница страшно нервничала, хотя именно сейчас была ни в чём не виновата, но баронам она не верила ни на медяк.

— Ты Врени по прозвищу Большеногая? — спросила Нора так, как будто видела её первый раз.

— Да, ваша милость, — призналась Врени, с надеждой глядя поверх плеча баронессы, прямо в глаза вампирше. Та гадко улыбнулась и цирюльнице стало совсем тоскливо.

— Ты цирюльница?

— Да, ваша милость, — покорно ответила Врени.

— Ты была в день убийства в ложе нагбарцев?

— Да, ваша милость.

— Что ты там делала?

— Брила нагбарцев, ваша милость.

— Кто тебя об этом попросил?

— Нагбарцы... Мюр попросил... это оруженосец... рыцаря какого-то...

— О чём он тебя просил?

— Он сказал, что здешние цирюльники отказались их брить и их камер... рыцарь какой-то... Грей... грай... не сможет участвовать в турнире. Мюр очень просил им помочь. Обещал заплатить.

— Тебе заплатили?

— Да. Этот... Грайягрей... А их главный ничего не знал.

— Откуда Мюр знал, что ты цирюльница?

— Ему сказала Марила.

— Откуда он знает Марилу?

— Она пришла в их ложу.

— Зачем?

Врени пожала плечами.

— Она сумасшедшая.

Говорить, что Марилу натравил на нагбарцев Медный Паук, Врени не решилась. Кто его, убийцу, знает, сбежал он или крутится поблизости.

— Ты видела крысу, которую подкинула Марила?

— Нет, ваша милость.

— Ты видела человека, который дал ей крысу?

— Нет, ваша милость.

— Очень хорошо. Ты можешь идти. Если ты попробуешь покинуть Сетор, ты будешь обвиняться в помощи убийце.

— За что, ваша милость?! — взвыла цирюльница.

— Поди вон.

Цирюльница вышла, бормоча про себя проклятья.

— В самом деле, за что? — спросил Нору барон цур Ерсин. Она передёрнула плечами и объяснила:

— Подозрительная она. Всё время ходит с Марилой, когда надо и когда не надо.

— Но это ведь твоя дура.

Нора пожала плечами.

— Она меня развлекает.

— Ты считаешь, девушка не при чём? — с интересом уточнил граф цур Вилтин.

— Можно позвать священника, чтобы он сказал, действительно ли Создатель лишил её разума или она притворяется, — предложил граф цур Лабаниан.

— Согласна, — кивнула Нора, — если он будет не из ордена братьев-заступников.

— Братья-заступники лучше всех разбираются в таких вопросах!

— Братья-заступники напали на Фирмин семь лет назад! — возмутилась Нора.

— Тише, тише, не надо ссориться, — вмешалась баронесса цур Кертиан. — Найдём мы священника.

Двери распахнулись. В зал, где проходило совещание, вошёл представитель Братства Помощи. Закрыв за собой дверь и утомлённо прислонился к косяку. Следом за ним проскользнул худощавый юноша в чёрной рыцарской рубашке с красной оторочкой.

— Приветствую вас, бароны Тафелона, — немного небрежно поклонился он. В речи юноши слышался явственный акцент, он словно смягчал и выпевал каждый звук. — Я рыцарь Вивьен из Энли. Добрые рыцари Нагбарии попросили меня передать вам рассказ с том, что произошло с их великим таном.

Бароны переглянулись. Нора широко раскрытыми глазами уставилась на Вейму. Та сглотнула. Рыцарь Вивьен, как бы не так!

— Рассказывай, — ответил граф цур Вилтин.

— Они говорят, — без предисловий заговорил рыцарь Вивьен, — что в тот момент, когда славный Грайогэйр сбил своего противника с коня, великий тан Сайолтакк закричал. Его пронзило копьё.

— Какое копьё? — не понял граф цур Дитлин. — Откуда?

Представитель Братства Помощи что-то прошептал на ухо рыцарю.

— Из-под трибуны, — пояснил Вивьен. — Его пронзило копьё, которое держал кто-то снизу. И сразу же повалил дым.

— Они не врут? — подозрительно спросил барон цур Тиллиан.

— Дым видели многие, — лаконично ответил рыцарь, снова прислушавшись к советам представителя Братства Помощи. — Кровь тоже. И копьё. И тело, им пронзённое.

— Они могли сами его убить? — заинтересовался барон цур Абеларин.

Представитель Братства Помощи что-то шепнул и рыцарь пожал плечами.

— Если кто-то из них залез под трибуну.

— А трибуна сгорела? — вдруг спросила Вейма.

Рыцарь Вивьен улыбнулся. Вейма могла бы поклясться, что только она увидела блеснувшие клыки этого... рыцаря.

— Нет и даже не обуглилась.

Вампирша кивнула.

— Магия... — задумался граф цур Лабаниан. — Я предлагаю позвать братьев-заступников, они разберутся.

— Мы не позовём братьев-заступников, — отчеканила Нора. — Они подлецы и

предатели.

— Ах ты маленькая... — зарычал граф цур Лабаниан.

— Да как вы сметете... — вскинулась Нора.

— ...еретичка! — сквозь зубы закончил граф цур Лабаниан.

— Граф! Баронесса! Не ссорьтесь! — потребовала баронесса цур Кертиан.

— Давайте позовём белых магов, — предложил барон цур Ерсин. — Разве они не утверждают, что способны видеть прошлое и будущее?

— Они шарлатаны и обманщики! — настаивал граф цур Лабаниан.

— Но они разбираются в магии, — задумчиво проговорил граф цур Вилтин. —

Полагаю, мы могли бы их... испытать?..

Граф цур Лабаниан усмехнулся.

— Вы хотите, чтобы они предсказали вашу судьбу?

— Этот вопрос можно обсудить позднее, — отмахнулся барон цур Ерсин.

Представитель Братства Помощи нервно потёр руки. Рыцарь оглянулся на него и кивнул. И посланец, и его спутник всем своим видом выражали, что больше им рассказать нечего. Бароны переглянулись.

— Мы тебя поняли, достойный рыцарь, — от лица всех взял слово граф цур Вилтин. Нагбарцы просили передать нам какие-либо пожелания или требования?

— Они скорбят, — коротко ответил Вивьен. — Полны негодования и горя. Они требуют найти виновных и передать им, чтобы они могли отвезти их в Нагбаррию вместе с телом покойного тана и там предать суду и казни. И, разумеется, они хотят выкупа за жизнь королевского родственника.

Он оглянулся на представителя Братства Помощи.

— Как я понимаю, такая возможность у вас будет, — одними губами улыбнулся рыцарь. Вейме снова почудились клыки. Вивьен поймал её взгляд и незаметно для людей качнул головой.

Не сейчас.

Вейма лихорадочно соображала. Она кое-что понимала в праве, но уж никак не в политике. Однако барон назначил её советницей своей дочери... вампирша тихонько зашептала.

— Мы ищем тех, кто это сделал, — заверила рыцаря Нора, едва выслушав советницу. — Если нагбарцы пожелают, мы могли бы пригласить их представителя участвовать в расследовании вместе с нами. Но что до выдачи убийц...

— Совет не может обещать этого, — подхватила баронесса цур Кертиан. — Мы не знаем, кто именно виновен и какими привилегиями обладают или не обладают виновные. Они будут сурово наказаны, они не будут укрыты, их не будут выгораживать. Убийство великого тана — измена. Те, кто это совершили, будут объявлены вне закона по всему Тафелону. Но нагбарцы не могут не понимать, что одно наказание пристало простолюдину, другое знатному барону, третье служителю церкви. Как только мы узнаем, кто это сделал, совет примет решение, но с уважением учтет требование нагбарцев.

— Передай им также, — подхватил граф цур Вилтин, — что мы скорбим вместе с ними. Передай, что совет официально заявляет о своей непричастности к этому злодейству. Передай, что все, что им нужно, будет оплачено советом, включая почетное погребение, если они сочтут правильным похоронить великого тана в Тафелоне. Если же они хотят отправить его тело на родину — передай, что мы просим не делать этого немедленно: до тех

пор, пока неясно, кто именно виновен в убийстве, мы не можем гарантировать безопасность процессии. Однако мы с уважением примем любое решение нагбарцев и предоставим им вооруженную охрану, если они решат увезти тело, и услуги опытных бальзамирщиков, если согласятся повременить.

— Я пере... — начал было рыцарь, но потом как будто вздрогнул, будто представитель Братства толкнул его в бок.

— О, ваши слова будут переданы в точности, — поправился рыцарь. — Теперь я должен откланяться, чтобы незамедлительно рассказать обо всём добрым рыцарям Нагбарии. Мое почтение, благородные бароны.

Он отвесил поклон, приличный скорее в танце, чем в совете, открыл дверь и в неё выскользнул представитель Братства Помощи. Рыцарь последовал за ним.

— Кто он такой? — прозвучал вопрос графа цур Дитлина, едва дверь за ними закрылась. — Где они откопали этого шута? Где это Энли находится? Откуда он взялся и почему?

Все переглянулись. Никто не знал.

— Если позволите, ваша милость, я узнаю, — вызвалась Вейма. Нора взглянула на неё с благодарностью.

— Да, сходи, пожалуйста, и возвращайся.

Вампирша отвесила поклон всему собранию и покинула зал.

* * *

Рыцарь Вивьен ждал её в нескольких шагах от дверей. Вейма так и впилась в него глазами, но вслух сказала вежливо:

— Почтенный рыцарь, остановитесь! Мне надо с вами поговорить.

— К вашим услугам, госпожа! — отвесил рыцарь откровенно издевательский поклон.

Вампирша огляделась, убедилась, что их никто не видит, по-свойски ухватила рыцаря за рукав и потянула за собой. Когда они оказались в тесном закутке, где на них никто не мог бы случайно наткнуться, Вейма отпустила рыцаря и зашипела:

— Липп! Ты с ума сошёл?!

— Здравствуй, сестричка, — клыкасто улыбнулся вампир, уже не пытаясь изображать чужой акцент.

— Что это за выдумки?! — продолжала кипятиться Вейма, от злости даже забыв про обычный страх перед сородичами. — Что это за Энли такое?

— Стыдись, сестричка! — засмеялся Липп. — Энли — милый такой городок в Хларии.

Хларией называлась соседняя страна, начинавшаяся на сразу за Лейдом, на западе.

— На самом берегу моря, — мечтательно добавил вампир. — Я там как-то жил... когда меня выгнали из университета в Хларии.

— С каких пор ты стал рыцарем?!

— На себя посмотри, ты, школяр Эб из Анша, — отрезал вампир, не прекращая ухмыляться.

— Я не присваивала титула! — возмутилась вампирша, которая семь лет назад действительно использовала все свои силы, чтобы изобразить школяра перед жителями Латгавальда и монахом из ордена братьев-заступников. Липп в это время валялся

неподалёку в хижине пастуха и помогал «сестричке» поддерживать иллюзию.

— То есть назваться мужчиной можно, а рыцарем нельзя? — заинтересовался вампир.

— На кой ты сюда вообще заявился?! — вместе ответа спросила Вейма. — Тоже мне, нашёлся посредник.

— Сестричка, не переживай, — засмеялся «рыцарь Вивьен». — Никому никакого вреда не будет. С нагбарцами разговаривал отец Сергиус, а сюда послал меня, вот и всё.

— Отец — кто?! — не поверила своим ушам вампирша. — Липп! Ты связался с ещё одним святошей?!

— О, это один очень умный человек, которого скоро будет бояться весь Тафелон, — уклончиво ответил вампир и засмеялся. — Кстати, если тебя спросят, скажи, что я приехал сюда из Хларии, прослышав про турнир, да вот припозднился. Проигрался вдрызг в дороге.

— Старый Ватар знает про твоих «отцов»?!

— Знает, сестричка, знает, — заверил вампир и засмеялся ещё веселее. — Отец Сергиус отдал за меня достаточно золота, чтобы Ватар его запомнил.

— Он тебя купил?! — ахнула Вейма. — Как раба? Как вещь?!

— Выкупил, — посерьёзнев, поправил вампир. — Как сына или брата. Выкупил из рабства, сестричка.

— О чём ты? — непонимающе спросила Вейма. Она по привычке принялась, но прочесть мысли вампира было невозможно.

— Ты знаешь, — холодно ответил Липп. — Сестричка, многие ли ученики Ватара тебе известны? Кроме меня и тебя?

Вейма помотала головой.

— Старый Ватар специально находил людей, слишком слабых для вечной жизни, учил их очень небрежно, а потом бросал. Никто, кроме нас, не выжил, сестричка.

— Зачем?

— Чтобы люди думали, что с вампирами легко справиться, сестричка, — грустно ответил Липп.

— Ты... ты лжёшь!

Вейма вскинула руки, как бы пытаясь защититься от его слов. То, что говорил Липп... Это было очень похоже на правду... вот только это говорил Липп. Тот, кто предал Магду, чтобы спасти свою никчёмную шкуру. Трус, подлец, раздолбай и предатель. Брат.

— Не хочешь — не верь, — пожал плечами вампир.

Он критически оглядел свою рубашку и добавил:

— А рыцарем я когда-нибудь стану. В нашем ордене никто не будет спрашивать происхождение.

— В каком ещё ордене?!

— Почему бы мне не вступить в какой-нибудь орден? — ухмыльнулся Липп. — Может, и цвета такие буду носить. В честь смирения и крови, проливаемой во имя веры.

— Чьей крови? — проворчала вампирша.

— А это уж как придётся, — серьёзно заверил вампир. — Мне пора. Свидимся ещё, сестричка.

— Погоди! — спохватилась вампирша. — Зачем ты вмешался в это дело? Ты же вампир! Мы не имеем права...

— Мы не имеем права вмешиваться в дела людей, сестричка, и выдавать тайны прозревших, — подхватил Липп и снова улыбнулся. — Поэтому мы, конечно, никому не

скажем, что этого несчастного хвостуна нагбарца зарезал старина Виль. А так... мало ли кем мы притворяемся? Ты вон как высоко залетела. Советница правительницы Тафелона! Передай, пожалуйста, Норе, что она меня не знает и не видела никогда. И вообще, отговори её от занятий чёрной магии. Нехорошо для правительницы.

— Откуда ты знаешь?..

— Оттуда. Мне пора, сестричка. Ты знаешь, о чём говорить.

Он одарил вампиршу братским поцелуем, снова издевательски поклонился и ушёл.

* * *

Вейма покачала головой и пошла обратно в зал, где проходил совет. Ещё издалека её чуткий слух уловил звуки разворачивающегося скандала:

— Я не стану прислушиваться к мнению избалованной девчонки! — почти кричал граф цур Дитлин.

— Вы упустили возможность мне приказывать, граф, — ядовито ответила Нора, — когда отказались на мне жениться... семь лет назад. Платить будут все.

— Мои крестьяне уже мрут с голоду! Мой замок трижды заложен!

— Продайте, — холодно предложила Нора. — Вы зря думаете, что семи лет достаточно, чтобы все забыли...

— Ты мерзкая безродная пигалица!

Молчание. Казалось, зал накрыли огромной подушкой, заглушившей все звуки.

— Если бы здесь был мой отец, — дрожащим голосом произнесла в наступившей тишине Нора, — мне не пришлось бы выслушивать подобные оскорбления.

— Если бы здесь был твой отец, нам бы не пришлось терпеть тебя...

— Граф! — резко воскликнул цур Вилтин.

— Баронесса! — поддержала его баронесса цур Кертиан.

Вейма закрыла глаза. Так поступать не следует... ой, не следует... но тратить время не хочется... он должен быть где-то здесь... так... нет... нет... ага!

Для вампира не так сложно нащупать сознание нужного человека, особенно если они знакомы, особенно, если вампир уже смотрел ему в глаза...

...но не стоило, право, не стоило использовать свои способности для решения человеческих проблем.

Не стоило.

«Клос!»

Муж баронессы отозвался не сразу. Слишком был занят, приставая к кухарке собственной жены, которая стеснялась огреть такого благородного рыцаря половником.

«Клос! Поди сюда!»

Рыцарь отвернулся от кухарки, ощутив, что ему почему-то захотелось прогуляться по дому. В самом деле, ну её, эту упряму, потом ещё нажалуется, шуму будет... может, лучше выйти в город?..

К своему неудовольствию Клос слишком быстро наткнулся на придворную даму своей жены, которая нетерпеливо ждала его с очень неприятным выражением на лице.

— Ты-то мне и нужен! — без всякого почтения обрадовалась она. — Пойдём. Будешь присутствовать на совете.

— Зачем? — чуть не взвыл рыцарь. Вот уж чего ему не хотелось, так это сидеть со всяким старичьём и выслушивать их нудные рассуждения.

— Затем, — отрезала Вейма, уцепив мужа своей госпожи за рукав и едва ли не силой увлекая за собой. — Пока ты тут развлекаешься, Нору оскорбляет граф цур Дитлин.

Клос слегка оживился.

— И учти, — заявила вампирша. — Если я узнаю о тебе что-то неподобающее, Нора услышит об этом первая.

Клос сник.

Вейма, не обращая на него внимания, толкнула тяжёлую дверь зала, за которым проходил совет. Клос вошёл как раз тогда, когда граф цур Дитлин говорил опасно побледневшей Норе:

— Я не намерен дальше терпеть этот балаган, это подобие совета, и притворяться, что безродная дочь безродной матери, которую сторонится собственный муж, может хоть что-то...

Клос сориентировался мгновенно, Вейме даже не пришлось его подталкивать. Он выхватил заткнутую за пояс перчатку и, шагнув к графу, швырнул ему прямо в лицо.

— Граф, — юношеским баском, который пока не придавал значительности его словам, сказал рыцарь, — вы оскорбили мою жену. Я докажу вам, что вы трус и подлец, который оскорбляет женщин потому, что не может ответить за свои слова в бою.

Вейма мрачно ухмылялась. Она холодно оценивала и рост Клоса, и статью, и ширину его плеч. Если Арне, старший сын графа цур Вилтина, так и остался худощавым и гибким юношей, Клос, ростом едва не сравнявшись со старшим братом, был куда крепче и мускулистей его. А граф цур Дитлин был не так уж молод ещё семь лет назад, когда ему предлагали руку дочери барона цур Фирмина.

Клос оглядел всех присутствующих. Перспектива сразиться с графом его очень обрадовала. Из-за убийства нагбарского заложника он так и не успел выступить на турнире.

— Я надеюсь, — всё тем же баском продолжил рыцарь, — что благородные бароны не разделяют этого позорного мнения.

Весь его вид выражал надежду на обратное.

— Мы будем драться боевым оружием, — процедил граф цур Дитлин.

— Граф! — запротестовал барон цур Ерсин. — Мы все погорячились. Вам не следует...

— Он должен ответить за свои слова, — возразил граф цур Вилтин, глядя на сына с большим одобрением.

— На боевом оружии... — вдруг задумчиво произнесла баронесса цур Кертиан. — Вы помните?.. Этот... Сайлтак... он должен был драться с комтуром братьев-заступников после турнира.

— Вы же не думаете, что нелепое обвинение того нищего монаха может оказаться правдой, — поморщился граф цур Лабаниан.

— Почему бы и нет? — из чувства противоречия заявила Нора. — Они способны на всё.

— После того урока, который их орден получил семь лет назад... — осторожно начал барон цур Абеларин, который семь лет назад сам поддерживал самозванца и орден братьев-заступников и, как и граф цур Дитлин, до сих пор платил выкуп за ту свою давнюю измену.

— Через семь лет они могли бы попробовать снова, — задумчиво вставил обычно молчаливый граф цур Ладвин.

— Но зачем это им? — не понял барон цур Ерсин, который вообще отличался несколько

прямолинейным нравом.

Нора пожала плечами.

— Когда удастся доказать их причастность, тогда и узнаем, — жёстко сказала она.

Граф цур Лабаниан от этих слов изменился в лице, но, покосившись на Клоса, умудрился сдержаться.

— Баронесса, — напряжённо сказал он, — вы пристрастны. Нет никаких причин предполагать...

— В самом деле, — нахмурилась баронесса цур Кертиан, — ты не должна так говорить. Мы ничего про них не знаем.

— Вот именно, — настаивала Нора. Баронесса цур Кертиан махнула рукой.

Клос тем временем прошёл через зал и встал за спиной своей жены, угрожающе поглядывая по сторонам. Вейма склонилась перед собравшимся в запоздалом поклоне.

— А, да, — сообразила Нора. — Что ты узнала об этом рыцаре?

— Он прибыл сюда из Хларии, — объяснила Вейма. — Энли — это город на побережье. Сказал, что не успел на турнир. Из бедного рыцарского рода. Как я поняла, он проигрался в дороге, и ему предложили выступать от лица нагбарцев.

— Он действительно рыцарь? — поморщился барон цур Абеларин. — Эти его манеры...

— Он из Хралии, — пожал плечами граф цур Ладвин. — Они там все... танцоры.

Бароны и графы покосились на графа цур Лабаниана, чьи земли граничили с Хларией.

— Не замечал, — проворчал граф, всё ещё сердящийся на Нору и то, что её дикое предположение о виновности братьев-заступников восприняли с интересом.

— Это неважно, — нетерпеливо отмахнулась баронесса цур Кертиан. — Важнее другое. Что нам делать с нагбарцами?

— Пусть убираются, — предложил барон цур Ерсин. — Мало мы их били. Ещё раз побьём!

— Вы с ума сошли! — возмутился барон цур Абеларин. — Совсем разорить меня решили?! Ваши земли на юге, а у меня нагбарцы две деревни сожгли!

Вейма подошла к своей госпоже и тихо прошептала ей на ухо пару слов.

— У нас торговля с нагбарцами, — «вспомнила» Нора. — Корбиниан отправляет туда олово, серебро и шерсть, а они отправляют к нам железо.

Корбиниан находился в совместном управлении союза баронов.

— Повоевать мы успеем, — заявила баронесса Кертин. — Кто-то ведь убил этого нагбарца.

— Я бы и сам его убил, — ухмыльнулся барон цур Ерсин. — Так и тянуло проучить этого хвастуна.

— Я давно думал, — поддержал барон цур Тиллиан, — что они нарочно к нам его отправили, чтобы избавиться чужими руками. Не может быть, чтобы он дома никому не обрыдл.

— Это неважно, — отмахнулся граф цур Вилтин. — Мы должны были его защитить, а, раз не смогли, должны найти убийцу.

Вейма прошептала Норе ещё несколько слов.

— Не только убийцу, — заявила юная баронесса Фирмир, — но и того, кто распорядился совершить это убийство.

— Мы можем выдать убийцу нагбарцам, — предложил граф цур Вилтин, — и заказчика тоже.

— Мы должны заплатить им цену крови, — задумчиво произнесла баронесса цур Кертиан. — Если кто-то заплатил убийце, возможно, эти деньги мы можем взять у него — хотя бы часть. В противном случае...

— Нет у меня ничего! — снова загорячился граф цур Дитлин.

— Может, нам найти белых волшебников? — прервал его барон цур Тиллиан. — Возможно, они укажут нам на убийцу. Где они живут?

— Они сами находят тех, кто нуждается в их помощи, — припомнил граф цур Вилтин. — Однажды мой сын поранил ногу. Рана нагноилась. Наш знахарь уже думал, что ногу придётся отнять, но пришёл очень милый юноша, который вылечил мальчика. Сейчас только шрам напоминает.

— На меня как-то напал вампир, — вдруг вспомнил барон цур Тиллиан. — Белый маг убил его волшебным светом, от которого вампир рассыпался пеплом.

— А кто вам сказал, что это не обман? — рассердился граф цур Лабаниан. — В моём графстве братья-заступники прогнали двух вампиров священными словами без всякой магии!

— Мы не можем сидеть и ждать, пока они сами догадаются, что нам нужны, — перебила его баронесса цур Кертиан. — В самом деле, где они живут? Хотя бы один?

— В Серой пустоши, — мстительно ответил граф цур Дитлин. — Они живут именно там, в Белой башне.

Всем стало неуютно. Даже дети в Тафелоне знали, что по Серой пустоши летают сумасшедшие ведьмы, которые нападают на всех путников. Вряд ли кто-нибудь сможет дойти туда. Чтобы позвать кого-то из белых волшебников на помощь совету.

— Я знаю белую волшебницу из Ранога, — неожиданно для себя сказала Нора. — Она известна добрым нравом и славится своими делами.

— Я тоже о ней слышал, — поддержал барон цур Абеларин.

— Напишите ей, — предложила баронесса цур Кертиан, — и мы её испытаем.

Глава третья

Переговоры

Выйдя из зала, в котором заседал совет, Врени отправилась на улицу. Запрет покидать Сетор её страшно разозлил. Ни о чём другом она так не мечтала, как покинуть этот проклятый город, отвязаться от графов, баронов, оборотней, сумасшедших и убийц вместе со святошами. Уйти и остаться одной. Бродить, не оглядываясь по сторонам. Быть свободной. Цирюльница шла по узким улицам Сетора, не глядя по сторонам, и не сразу заметила, что за ней следят.

— Марила! — разозлилась Врени. — Зачем ты за мной идёшь?

— Захотелось, — пожала плечами сумасшедшая. — А ты так задумалась, что даже не замечаешь, что тебя хотят побить.

— Кто?!

— Да вооон те добрые люди. Здравствуйте, дяденьки!

«Дяденьки» были мрачные люди в фартуках цирюльников, которые в самом деле шли за Врени по пятам.

— Вы, что ли, нагбарцев брили? — хмуро спросил женщин седой человек с эмблемой цеха цирюльников на рукаве.

— Ну, я брила, — повернулась к ним Врени. — А вам какое дело?

— А кто тебе разрешил?

— Я сама себе разрешаю, — пожала плечами женщина.

Сеторские цирюльники переглянулись.

— Цех постановил их не брить. Ты нарушила запрет. Плати теперь штраф.

— Сколько?

Когда главарь цирюльников назвал цену, Марила присвистнула. За эти деньги можно было побрить весь Сетор.

Врени ответила конкретнее, скрутив из пальцев оскорбительную фигуру.

— Чего с ней разговаривать, — пробормотал самый тощий из них.

— Эй! — заговорила Марила. — Дяденьки! А у меня знаете, кто брат?

— Иди отсюда, — занервничала Врени. Только не хватало, чтобы сумасшедшая проболталась.

— Кузнец! — не слушая её, сделала большие глаза безумица. — И я буду кричать!

— Проваливай, — процедил седой цирюльник.

Марила запрокинула голову и завопила так, что Врени чуть не оглохла. Потом ещё и ещё раз.

— Да она сумасшедшая, — догадался самый молодой. — Это та дура, которая нагбарцам крысу подбросила.

— Убери её сама, — потребовал седой цирюльник.

Марила замолчала и уставилась ему за спину. Цирюльник занервничал и оглянулся. Остальные последовали его примеру. Марила схватила Врени за руку.

— Бежим! — шепнула она.

Как оказалось, сумасшедшая могла бегать очень быстро. А ещё она знала город. Или не знала. Но умудрилась затащить цирюльницу в какой-то угол, мимо которого преследователи пробежали, даже не подумав туда заглянуть. Женщины прислушивались к затихающему

вдали топоту.

— Кажется, ушли, — шепнула Марила.

— Наверное... Ты хоть знаешь, как отсюда выйти?

— Найду, — неуверенно пообещала Марила. — А что теперь? Ну, с этими? Они так и будут за тобой бегать?

— Надоест, — отрезала Врени. — Думаешь, первый раз такое? Побегают-побегают и отстанут.

Она вздохнула.

— Придётся мне пока в доме у её милости отсиживаться.

— Ой, — вдруг сказала Марила. — Ой.

— Ты чего? — насторожилась Врени, но тут поняла и она.

Выход из закутка, куда они забились, перекрывал Ржаной Пень собственной персоной. Врени толкнула сумасшедшую за спину, молясь и Заступнику, и Освободителю, чтобы та чего-нибудь не учудила. Вот и свиделись.

— Вот и свиделись, — озвучил её мысли бывший учитель.

Врени аж перекошило от его издевательского тона, от снисходительной улыбочки и ненавистной физиономии проклятого. Не дослушав, она ударила его, целя в горло, тот защитился и ударил в ответ. Врени еле успела закрыться.

— Дура! — прошипел Ржаной Пень. — Так ничему и не научилась.

— Нечему мне у тебя учиться, ты, мразь, — выплюнула Врени.

— Думаешь, твои новые друзья тебе помогут? — издевательски спросил проклятый. — Спелась со *слепыми*, со святошами. Ничего, им всем недолго осталось. А вот ты проживёшь долго. Я прослежу за этим. Долго и очень больно.

— Мразь, — с ненавистью повторила Врени. — Продажная шкура. Ты до этого не доживёшь, ублюдок.

Ржаной Пень засмеялся.

— Раз ругаешься, значит, хочешь жить. Я же тебя знаю, ученица. Хочешь — тебя назад приму, а? Отработаешь мою доброту... а там посмотрим. Глядишь, до посвящения дойдёшь. Если перестанешь упрямиться. Но для начала — ты будешь жить. А, Большеногая?

Врени плюнула прямо ему под ноги. Марила забилась в самую глубину угла и пока молчала. Долго ли это продлится, цирюльница не знала.

— Вот и успокоилась. Брось, Большеногая, я тебя знаю. Приведи ко мне своего монашка, с которым ты везде таскаешься — и мы поговорим о твоей жизни.

— Так тебе нужен Полди... — протянула Врени. Она действительно успокоилась и лихорадочно соображала, что ей делать.

— Ты слишком долго думаешь, Большеногая, — поторопил её бывший учитель.

— Да уж конечно, — медленно улыбнулась Врени. — Тут есть о чём подумать. Стоит ли делиться с таким подонком, как ты. Ты дурак, Ржаной Пень. Жадный дурак. Сколько тебе заплатили за смерть монаха? Думаешь, я одна его защищаю? Там люди посерьёзней меня, да и тебя, Ржаной Пень. Ты с такими людьми и не разговаривал даже.

— Потроха у всех одинаковые, — нехорошо засмеялся убийца.

Врени равнодушно пожала плечами.

— Воля твоя. Говорю же — дурак. Они могли бы тебе заплатить намного больше, чем ты даже можешь себе представить.

— Нашла богатеньких дураков, а, Большеногая?

— Богатеньких, да. Но не дураков. Это они меня нашли. И не меня одну.

— Много от тебя толку! — презрительно хмыкнул Ржаной Пень.

— Думаешь, от тебя больше будет? Шепнуть за тебя словечко? — легко предложила

Врени.

Убийца заколебался.

— Врёшь ты всё, Большеногая.

— А ты проверь, — предложила цирюльница.

— Братец! — закричала у неё из-за спины Марила.

Ржаной Пень повернулся так, чтобы увидеть то, что у него за спиной, но и не терять женщин из виду. На этот раз Марила не обманула. Неподалёку действительно стоял Хрольф и очень выразительно усмехался.

— Видал? — кивнула на него Врени во внезапном порыве вдохновения. — И это ещё малая часть. Решай, Ржаной Пень, пока я предлагаю.

— Иначе твоя собачка меня загрызёт? — засмеялся высший посвящённый. Вид у него, однако, был задумчивый.

— Иначе не получишь деньги, — пожала плечами цирюльница. — Столько денег, сколько тебе и не снилось. И не приснится, раз ты отказываешься.

Эта угроза возымела действие.

— Врёшь ты всё, Большеногая, — повторил Ржаной Пень.

— Я всегда знала, что ты упрямый дурак, — с досадой бросила Врени. — Завтра тебе такого не предложат.

— А если я соглашусь?

— Тогда предложат, — пообещала цирюльница. — А ты пока подумай, чем ты можешь быть полезен.

— Завтра. Сюда. В это время. Одна, — приказал Ржаной Пень. — И принеси задаток.

— За дуру меня держишь? — подняла брови Врени.

— Тогда пусть твой пёсик принесёт, — предложил проклятый.

— Ещё я на побегушках у людей не был, — вмешался в разговор оборотень. — Не дождётесь, поноску таскать не буду.

— А он у тебя капризный, — засмеялся Ржаной Пень.

— Не у меня, — тихо сказала Врени. — В том-то и дело. Не у меня.

— Ладно, — решил проклятый. — Приходи с кем хочешь. Если приведёшь стражу или баронских людей — умрёшь первая.

— А ты не запугивай, — усмехнулась цирюльница. — Ты навёл на меня гильдию?

— А если и я? — засмеялся Ржаной Пень.

— Дурак.

— Ты не ругайся, Большеногая. Я тебя всё равно найду.

— Не утруждайся. Я буду здесь.

Проклятый ушёл. Оборотень спокойно пропустил его, а потом подошёл к женщинам.

— Братец! — бросилась ему на шею сумасшедшая. Хрольф обнял её, тяжело глядя на Врени.

— Я приказал тебе её защищать, — напомнил он. — Почему она защищает тебя?

— Знаешь, что?! — разозлилась Врени. — Забирай свою сестрицу и проваливайте оба вместе со своими монахами, баронами и прочими...

Марила высвободилась из объятий брата и удивлённо посмотрела на цирюльницу.

— Ты чего? — не поняла она. — Что я тебе сделала?

— Что ты сделала?! — поразилась Врени. Хрольф негромко рыкнул, но больше на цирюльницу подействовали широко раскрытые глаза сумасшедшей. — Ничего. Ничего не сделала. Всё хорошо. Пошли отсюда.

Марила погладила Врени по плечу.

— Ты такая храбрая! — примирительно сказала сумасшедшая.

— Скорее, соображает быстро, — поправил оборотень. — Хотя не всегда.

— Если бы не ты, мне бы досталось, — взяв себя в руки, сказала Врени. — Спасибо.

— Я вас провожу, — предложил оборотень, всё ещё недовольно косясь на цирюльницу.

Он подтолкнул Марилу к выходу из закутка и тихо шепнул Врени:

— Тебе не стоит её огорчать, Большеногая.

* * *

Оборотень уже вывел их из узких переулков на знакомые улицы, когда Врени осенило.

— Хрольф, — позвала она, — а сколько ты просишь за свои самострелы? Вроде того, с которым Вир вышел на ристалище?

— У тебя столько нет, — отозвался оборотень.

— Не мне.

— Кому надо, тот пусть и спрашивает.

— А он не знает, у кого спрашивать, — сказала цирюльница.

Хрольф хмыкнул и назвал цену. За эти деньги можно было купить небольшое стадо коров.

— А если я тебе приведу заказчика, сколько дашь?

— Парой золотых, может, и разживёшься.

— А если нескольких?

— С каждого, — пожал плечами оборотень. — Если вперёд заплатят.

— Вечером приходи, — предложила Врени. — Сведу.

Хрольф засмеялся тихим лающим смехом.

— Я-то приду, да тебе на том свете мои деньги не понадобятся. Ржаной Пень быстро догадается, что ты его обманула.

Врени пожала плечами.

— До завтра он прождёт.

— Далекое не уйдёшь, — посулил оборотень. — Вечером встретимся.

Он шагнул в сторону и быстро затерялся в толпе. Врени принялась озираться.

— Не надо, — тихо и как-то очень серьёзно сказала Марила. — Никто за нами не шёл. Они брата боялись, он бы их сразу учуял.

— И на том спасибо, — мрачно ответила Врени. Дела были — хуже некуда. Сегодня ещё так-сяк. А завтра за ней по пятам будут гнаться и проклятые, и баронские слуги. Стоило ли заговаривать с Хролфом?.. но деньги в бегах никогда не лишние... успеют ли люди Фирмина добыть нужную сумму до вечера? Это вряд ли.

Всё было плохо. Не то, чтобы это в первый раз. Но настолько...

Из двери, ведущей в дом барона цур Фирмина, на улицу ступил худошавый юноша в чёрно-красной рыцарской рубашке. Щурясь на неяркое осеннее солнце, огляделся по

сторонам...

Врени не успела отвернуться.

Светло-карие глаза, обычные человеческие глаза, вот только на дне таится мудрость и злоба скорпиона...

Один взгляд — и ты забудешь обо всём на свете, лишь бы идти за ним, лишь бы смотреть в эти глаза... ты будешь мечтать о том, чтобы он коснулся тебя... притронулся к твоей коже своими алыми губами... чтобы его белые, такие белые зубы вонзились в твою плоть... ты без сожаления расстанешься со своей кровью, лишь бы он, такой прекрасный, насытился... лишь бы он мог жить...

Ты забудешь обо всём... или всё вспомнишь... у тебя не останется тайн... вся твоя жизнь была прожита только для того, чтобы он мог читать в твоей душе... чтобы он узнал всё, что ты знаешь... чтобы...

— Ого! — хлопнул её по плечу рыцарь. — Какая ты молодец! А ну-ка, пошли за мной! Тут недалеко. Пошли, пошли.

Откуда-то из другой жизни донёсся протестующий женский возглас.

— Да? — ответил рыцарь. — И ты с нами, красавица. Я дам тебе ожерелье с камушками.

— Они будут сверкать на солнце? — требовательно спросила Марила.

— Разумеется, — заверил рыцарь. Врени проморгалась. Всё было... как обычно. Один из последних тёплых осенних дней, светит солнце, мимо снуют какие-то люди. Рядом стоит ряженный под рыцаря вампир Липп и многообещающе улыбается. Цирюльница шагнула к дому... попыталась шагнуть. Её ноги налились тяжестью, она не смогла шевельнуть даже пальцем.

— Я же сказал, пойдём со мной, — почти ласково произнёс вампир. — Ты не представляешь, как ты нам помогла.

— Кому? — вяло спросила цирюльница.

— Не сердись, сестричка, — засмеялся Липп. — Некогда было тебя уговаривать. Я подарю тебе жизнь, разве этого недостаточно?

— Не надо мне твоих подарков.

Вампир засмеялся ещё веселее.

— Пойдём.

* * *

Они снова ушли с широких улиц и вампир распахнул перед женщинами неказистую дверь в неприметном с виду домишке.

— Ждать здесь, — приказал он Врени. Женщина послушно вошла, встала у стены и застыла. Она чувствовала себя как во сне... страшном-страшном сне, когда боишься и знаешь, что не надо, но всё-таки идёшь...

— Эй! — запротестовала Марила.

— Я иду за ожерельем, красавица, — заверил вампир. — Нужно немного подождать.

— А долго? — недовольно протянула сумасшедшая.

— Не слишком.

Звуки пропали. Исчезло всё. Врени стояла... целую вечность. В вечности не было

ничего, кроме серой пустоты и ожидания. А потом всё закончилось само по себе. Гудела голова, как с перепоею. Затекли мышцы. Цирюльница мысленно выругалась. Она припрятала траву, отгоняющую вампиров, снаружи дома Фирмина, чтобы на неё перестала злобно коситься Вейма. У советницы баронессы есть много способов испортить жизнь простолюдинке, которую из милости взяли в дом — даже если она не может вас укусить. И вот теперь поганец её догнал. Застал врасплох как девчонку. Она ощупала шею, запястья. Кажется, вампир её не кусал.

Тогда зачем он её привёл сюда?..

В комнатке царил полумрак. За столом сидел неприметный человечек, который проглядывал какие-то книги. Рядом стоял вампир и вокруг него крутилась Марила.

— Держи, держи, — смеясь, говорил Липп. Марила визжала от восторга. Что-то сверкало в тускловатом свете свечей.

— Она перевернула чернильницу, — пожаловался человечек.

— Это было смешно, — пояснила Марила.

— Молодец какая! — восхитился вампир. — Красавица, если ты тихонько посидишь тут и ничего больше не испортишь, я дам тебе такие серёжки, каких ты ещё не видела.

— Мне скучно, — пожаловалась сумасшедшая.

— Ты сама попросилась с нами, — мягко напомнил вампир.

— Ты её обижаешь!

— Ни в коем случае, — заверил Липп. — Ну, что, посидишь? Честное слово?

— Честное слово, — надулась Марила.

— Вот и умница. Идём, сестричка.

Он втолкнул Врени в дверь, ещё более неприметную, чем наружная. Там у окна стоял давешний приор, который поднял шум тогда, на ристалище.

— Это женщина, о которой я говорил, отец, — совсем другим тоном, чем раньше, произнёс вампир.

— Что это значит? — повернулась к нему Врени. Слишком много сложностей ради обеда. — Куда ты меня привёл? Что это за святоша?

Приор смерил её взглядом и тихо произнёс:

— Добрые дела осветят тёмную дорогу лучше факела.

Врени оглянулась на Липпа и выругалась.

— Будь ты проклят!

— Зря ругаешься, сестричка, — засмеялся вампир.

— Добрые дела. — настойчиво повторил приор, — осветят тёмную дорогу. Это ты взялась охранять брата Полди?

Фраза, которую произнёс *святоша*, была паролем только на это дело. На этот заказ. Её могли знать только исполнители и заказчик. Только они. Но мог и вампир, прочитавший чужие мысли.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — проговорил вампир. — Хочешь — поклянусь? Это не обман.

— Верю в *Освобождение*, брат, — поколебавшись, ответила цирюльница. В *Освобождение* она, может, и верила. Но вот Липпу — ни на медяк.

— Расскажи мне о разговоре с тем несчастным заблудшим, — попросил приор. — Как его... хлебный пень?

— Ржаной, — хмуро поправила Врени. — Разве твой подручный не рассказал тебе?

— Я хочу послушать тебя, добрая женщина, — ответил святоша.

— Давай-давай, сестричка, — подтолкнул её вампир. — Подумай, что ты теряешь?

— Он хотел, чтобы я заманила брата Полди в ловушку, — неохотно ответила цирюльница.

Приор чем-то напоминал ей самого Полди. Тот тоже называл её доброй женщиной. И тоже так же внимательно расспрашивал. Они же, вроде, из одного ордена и даже одного монастыря... *Святоша* поощрительно кивнул.

— Угрожал, — всё так же неохотно продолжила Врени. — Не знаю, болтал попусту или правда что затеял. Не до того было. Живой бы уйти. Я ему наговорила, что в голову пришло. Денег обещала, если он своего заказчика предаст, на кого-то он ведь работает. Он и поверил. Он же жадный. Надо было его ещё тогда прирезать.

— Нет-нет, — покачал головой приор. — Ты очень правильно поступила.

Он задумчиво посмотрел на Липпа.

— Как скажешь, отец, — кивнул вампир. — Идём, сестричка.

— Нет, — неожиданно резко произнёс приор. — Она должна сама решить.

— А что там решать? — беспечно отмахнулся Липп. — Если она не придёт туда завтра, её прирежут. Куда она денется? Денег мы дадим, вот и всё. Как я удачно её встретил, отец.

— Она должна решать сама, — строго повторил приор.

Врени переводила взгляд с приора на вампира.

— Вы хотите дать этому ублюдку деньги?! — наконец, поняла она. — Но зачем?

— Надо, — отрезал Липп.

— Деньги не так важны, как возможность спасти чью-то жизнь, — мягко заметил приор.

— Да ни одна жизнь столько не стоит!

— Стоит, дочь моя, — заверил приор.

— Если они у тебя есть, — легкомысленно дополнил вампир.

— Откуда у вас столько денег?

— Милостью Заступника, — засмеялся Липп. — Тебе это не надо знать, сестричка. Ты другое думай. Сделаешь свою выдумку правдой — останешься жива. Не сделаешь... сама знаешь чего будет.

— Нет, подожди, — остановил его приор. — Пусть она узнает.

Липп пожал плечами и встал за спиной приора, скрестив руки на груди. Вид у вампира был недовольный.

— Он из Терны, — пояснил Липп. — У него куча денег.

Врени непонимающе смотрела на святошу.

— Я расследую преступления братьев-заступников, — мягко произнёс приор. — Церковь даст мне столько денег, сколько понадобится.

— И никто не спросит, куда он их потратил, — весело добавил вампир.

Приор усмехнулся.

Врени напряжённо соображала.

— Погоди... это ведь ты... наверняка ты велел Полди украсть Книгу! Он бы ведь никогда не пошёл на кражу... да он бы и молиться не смог после такого, он же честный до одури! Ты её ему отдал и приказал продать, так?

— Так, дочь моя, — кивнул приор.

— Я тебе не дочь!

— Все мы дети Создателя, — спокойно ответил приор.

Врени разъярённо посмотрела на Липпа.

— Ты! Ты, предатель! Ты служишь святоше! Как ты мог говорить со мной про *Освобождение*?!

Вампир ответил долгим взглядом, от которого у цирюльницы кровь застыла в жилах.

— О чём я могу говорить или не могу — это не твоё дело, Большеногая, — холодно произнёс Липп.

— Сын мой... — укоризненно произнёс приор и наваждение пропало.

— Ты ему подчиняешься! Но почему?!

— Ты так ничего и не поняла, Большеногая? — снисходительно ответил Липп. — Ты говоришь с человеком, серьёзней которого ты никогда не видела. Ты угадала, когда говорила с этим... Пнём, понимаешь это?

— Я беспокоился за брата Полди, — объяснил приор. — Так получилось, что я смог выйти на ваше братство и смог поручить вам его защиту.

Липп засмеялся.

— Ты бы хоть спасибо сказала, Большеногая! Без меня, думаешь, тебе бы удалось втереться в доверие к монаху? Он же от тебя шарахался!

— Сын мой, тебе не стоит так говорить, — укоризненно посмотрел на вампира приор. К огромному изумлению Врени, тот... смутился. Святоша перевёл взгляд на цирюльницу. — Ты очень нам помогла, дочь моя.

— Но... — не укладывалось в голове у Врени, — зачем?! Если у тебя столько денег, зачем было продавать Книгу?! Зачем было посылать Полди, из него торгаш, как из меня монашка!

— Чтобы братья-заступники не ломали голову, откуда у меня деньги, — пояснил приор. — Им полезней пока пребывать в неведении. Святейший Папа получил подарок, равного которому ни у кого ещё не было... жаль, что ты с ним незнакома. Он очень ценит украшенные рукописи. А братьям-заступникам придётся обходиться без Книги, что тоже приятно.

Врени показалось, что про Святейшего Папу она когда-то уже слышала... что-то ей говорил Ржаной Пень. Что-то... неясное. Какие-то намёки. Сначала должно было быть высшее посвящение. А перед ним — убийство младенца.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? — рассердилась она. — Мне нет дела до ваших тайн!

— А ты хотела бы и дальше играть вслепую? — будто даже удивился приор. — Раньше было нужно, чтобы ты не понимала, что происходит. Ты суетилась. Ошибалась... Это не вызывало ни у кого подозрений — даже у тебя самой. А уж у наших врагов...

— У нас с тобой враги разные, монах, — не выдержала цирюльница.

Приор покачал головой, словно бы и не замечая, что уважения у собеседницы заметно убавилось.

— Я же сказал: я расследую преступления братьев-заступников. А ты защитила брата Полди от тех, кого они наняли, чтобы избавиться от него. Брат же Полди отвлек внимание от меня. Всё очень удачно складывается. Так что? Я думаю, ты сможешь больше, чем морить клопов по ночлежкам.

— Ты следил за мной? — спросила Врени у Липпа.

— Немного, — развёл руками вампир. — Поначалу. Надо было убедиться, что у вас всё

сладилось.

Врени снова перевела взгляд на приора.

— Вы что, перекупаете меня?

— Как ты — Ржаного Пня? — ласково улыбнулся приор. — Нет, конечно. Я знаю как найти твоего... как вы это называете?.. Старшего брата. Ты не должна будешь мне служить, ты будешь по-прежнему подчиняться своему братству. Просто знать ты будешь больше, задания будут посложнее. И оплата повыше.

— Если доживём, — вставил вампир. Ему досталась ещё одна ласковая улыбка.

— Слово за тобой, — сказал приор цирюльнице.

— Давайте доживём сперва, — буркнула Врени. Придраться вроде было не к чему, но всё равно не верила хитрому святоше ни на медяк.

— Чтобы это получилось, ты должна в самом деле пойти завтра к этому человеку и передать ему деньги, — терпеливо объяснил приор. — Мы дадим достаточно, чтобы он поверил во что угодно.

— Я не пойду к нему! — вскинулась Врени. — Я не самоубийца! Что ему помешает прирезать меня и забрать деньги? Нашёл дурочку — идти в засаду!

— Предпочитаешь, чтобы тебя зарезали, когда ты этого не ждёшь? — холодно бросил вампир.

— Ты пойдёшь не одна, — заверил приор.

— С ним?! — кивнула Врени на Липпа.

— Посмотрим, — уклончиво ответил приор. — Но ты будешь защищена.

— Что вам мешает договориться с Ржаным Пнём без меня? Наняли бы его, денег у вас хватит.

Приор вздохнул.

— Я всё-таки не Создатель, я только один из Его служителей... Да простит меня Заступник, я готов дать этому человеку золото, много золота, если он расскажет то, что позволит спасти многих хороших людей или пойдёт на пользу делу Церкви. Но я не могу его не спасать, ни прощать, ни даже иметь с ним дело постоянно. Мне противно.

— Чистоплюй, — проворчала Врени. — Держись от меня подальше со своим спасением.

— Не ершись, Большеногая, — сказал Липп. — Ты знаешь этих людей. Ничего хорошего ни от них, ни от братьев-заступников ты не дождёшься.

— Враг с вами, — махнула рукой цирюльница. — Я согласна.

* * *

Липп вывел и цирюльницу, и сумасшедшую, на улицу и повёл обратно к дому Фирмина. Врени пыталась понять, как с ней могло случиться... *такое*.

— Ты продался святошам и продал меня, — горько сказала она вампиру. — Нас убьют на первой же *встрече*.

— Нет, — жёстко ответил вампир.

— Да уж, конечно! Твой святоша попросит за тебя и все расплачутся от умиления!

— Не кричи, — оборвал её вампир. — Тебя никто не убьёт. Я позабочусь.

— Ты?!

— Не обижай меня, сестричка, — дурашливо улыбнулся вампир. — Я ведь могу и обидеться.

— Тебе нравятся мои серёжки? — подёргала её за рукав Марила.

Врени снова почувствовала, что сходит с ума.

* * *

Вампир дошёл с ними до дома Фирмина и любезно попросил слугу позвать госпожу Вейму. У него-де есть что передать советнице баронессы по делу, которое они уже обсуждали. Марила ускакала в глубину дома, показывать новое ожерелье людям Фирмина, а Врени вампир удержал рядом с собой.

Вейма пришла довольно скоро и, увидев Липпа рядом с Врени, изменилась в лице.

Она посмотрела в глаза собрату, потом повернулась и махнула проклятым рукой, чтобы следовали за ней. Врени уже и не пыталась сопротивляться. Они поднялись по лестнице и вошли в небольшую комнату, где стоял стол и изящное кресло.

— Это таблиний, — пояснил для Врени вампир. — В таких комнатах знатные господа занимаются счетами и другими важными делами.

— Заткнись, — бросила ему вампирша, запирая дверь. — Что тебе надо, говори.

— Как ты брата встречаешь, сестрица, — засмеялся вампир. — Врени, расскажи ей, что знаешь.

— Дай я лучше посмотрю, — потребовала Вейма. Врени отвернулась.

— Нет, — сказал Липп.

— Нет?!

— Хватит с неё, — жёстко произнёс вампир. — Я уже всё посмотрел. А ты словами послушаешь.

— Ты, что же, мне приказываешь? — удивилась Вейма.

— Нет, сестричка, — усмехнулся Липп. — Рассказывай, Большеногая.

Врени послушно рассказала, что с ней произошло — начиная с гильдии и заканчивая разговором с приором. Пока она говорила, Вейма напряжённо принюхивалась и мрачнела прямо на глазах.

— Похоже, что ты не врешь, — потянула вампирша. — Какая дикая мысль — договариваться с этими отбросами. Они же продадут сразу же, как получают деньги от вас.

— Предпочитаешь быть убитой? — парировал Липп.

— Предпочитаю не иметь дела с предателями, — отрезала Вейма. — Ты всё рассказал? Теперь проваливай.

— Сестра... — мягко произнёс вампир.

— Проваливай.

— Посмотри на меня, — попросил Липп.

— Убирайся.

— Сестричка...

— Вон!

— Вейма...

Вампирша вскинула тонкие руки, заслоняясь от требовательного взгляда собрата. Врени забила в угол, опасаясь привлечь к себе внимание. Липп шагнул вперёд, крепко взял

Вейму за запястья и открыл её лицо. Глаза впились в глаза. Вампиры скрестили взгляды как мечи и застыли, крепко держась за руки.

Сестра, выслушай меня...

... ты трус и предатель.

Сестра, поверь мне...

... я не сестра тебе.

В нас течёт одна кровь...

... будь она проклята.

Один и тот же отец дал нам вечную жизнь...

... я не просила об этом.

Но ты не можешь от этого отказаться...

... тот, кто доверится тебе — умрёт.

Мы остались только вдвоём, ты и я...

... ты предатель и убийца.

Позволь мне помочь тебе...

... только сумасшедший будет тебе доверять.

Позволь мне спасти твою жизнь...

... я тебе не верю.

Позволь мне помочь тебе, сестра...

Позволь мне спасти тебя, сестра...

Позволь мне помочь тебе, сестра...

Врени наблюдала за ними, всё так же забившись в угол. Вампиры, казалось, и не дышали. Костяшки пальцев Веймы побелели, так сильно она вцепилась в собрата. Ничего не происходило. О чём они... говорили? Думали?.. сражались ли они или поверяли друг другу мысли?..

— Ты сошёл с ума! — прошипела вампирша, вырывая свои руки и снова закрывая глаза. Липп тяжело дышал, но улыбался.

— Так ты со мной, сестричка? Я познакомлю тебя с отцом Сергиусом.

Глава четвёртая

Воспитание

Жизнь постепенно входила в свою колею. Магда сходила в деревню за козой и курами, но домой вернулась только поздно вечером. Люди, их дома и скотина, всё это требовало пригляда, а ведьма забросила свои дела — сперва ходила в Корбиниан, потом выхаживала больную дочь...

Магда обошла все дома, побывала у рыжей Меты и её крикливых ребятишек, сходила на мельницу, побывала в кузне, заглянула в каждый дом, даже к священнику, чей младший сын, уже почти взрослый парнишка, повадился лазить по чужим погребам, да так неудачно убежал, что здорово рассадил ногу.

Всё не так уж плохо было в деревне, но вот скотина потихоньку сдавала. Не так чтобы очень, обычное дело по осени, но Магда успела от такого отвыкнуть. Очень уж долго Латгавальд обходили все хвори. А сейчас барон тратит всю удачу своей земли гдето далеко за морем...

В середине дня её остановила Рамона и почти насильно заманила к себе поесть. Пока ела, Магда выслушала о крысах, повадившихся таскать колбасу, посоветовала забить норы обломками кирпичей вперемешку с железной стружкой, взятой из кузни, и обещала припасти хороший яд.

Вечером ведьма попыталась забыть о проклятущих козах и курах, но Рамона всегда помнила такие вещи и снарядила Куно проводить Магду домой — заодно пусть коз пригонит, да кур принесёт.

Когда Магда толкнула калитку, во дворе было тихо, в доме темно. Сердце ведьмы защемило от предчувствия беды. Она обошла двор кругом. Никого. Казалось, тут никогда никто и не жил вовсе.

Куно завёл коз в сарай, опустил на землю корзины с курами и встревоженно взглянул в лицо женщины.

— Что случилось? — спросил юноша.

— Н-ничего... — солгала ведьма. — Ты иди домой, пожалуйста. Темнеет, твоя мама будет волноваться.

— А где Эрна? — оглянулся по сторонам Куно. — Ты говорила, она болела?

— В доме, — заверила Магда. — Спит. Поправилась она. Ты иди, пожалуйста.

— Ну, пойду. Мама просила узнать, завтра еду нести?

— Завтра я сама приду, — пообещала Магда.

— А Эрна как? Ты у нас поешь, а она чего? Давай я с утра еду занесу? Мне несложно.

— Занеси, занеси, — согласилась Магда, уж не чая, как избавиться от доброго юноши. — Иди домой, Куно, я устала.

— Так, может, тебе помочь надо? Давай я хоть огонь разведу. Воды натаскаю.

— Не надо, Куно, спасибо тебе.

— А, так к тебе правда лесные духи помогать ходят? — оживился юноша. — Магда, а покажи? Я никому не скажу, вот чтоб мне провалиться!

— Потом, Куно, потом. Иди домой.

— Покажешь? Честно покажешь?

— Я подумаю, Куно, иди домой.

— Не доверяешь, значит?

Магда не выдержала. Она хлопнула в ладоши. Ведьминские травы, оплетающие её двор, распрямились, вытянулись вверх и потянулись к сыну трактирщицы. Куно отпрыгнул, когда ближайший отросток коснулся его босой ноги, но тут сзади к нему подобрался другой. Магда хлопнула в ладоши ещё раз. Трава улеглась.

— Иди домой, Куно, — попросила ведьма. — Ты мне очень помог.

Юноша отвесил глубокий поклон, потерял при этом шапку, подхватил её и убежал со двора.

Магда устало прислонилась к забору.

Где её девочка? Где Виль, враг бы его забрал?! Куда он сбежал?..

Как она могла так забыться?!

— Мамочка! — выбежала откуда-то из-за сарая девочка. Магда со всхлипом прижала к себе дочь. — Ты где весь день пропадала?! Я так боялась! А дядя Виль запретил за тобой ходить!

— Милая моя, у ведьмы полно дел среди людей. А где?..

— Тут я, тут, Маглейн, — выступил из полумрака дома батрак. — А ты, небось, уже всякого напридумывала, да?

— А мы в прятки играли! — сообщила девочка. — А рыба не поймалась!

— А не надо было орать на берегу, — хмуро сказал Виль.

— Ты её покормил? — перебила ведьма.

— Да уж не без этого. Ты в дом-то проходи, не сиди во дворе. А я козами займусь.

— А ты в прятки умеешь играть, мамочка?

— Приходилось, — уклончиво ответила Магда. Вообще-то нет, в детстве она в прятки не играла. А вот когда стала взрослой, прятаться и красться... случалось.

— А что ты весь день делала?

— Людям помогала.

— А завтра что будешь делать?

— Людям помогать.

— А зачем?

— Чтобы им легче жилось, милая.

— А как ты людям помогаешь? Ты для них колдуешь, да? А почему не в лесу?

— А ты ужинала? — вместо ответа спросила Магда.

— Ужинала она, ужинала, — проворчал вернувшийся в дом батрак. — Совсем ты ребёнку забросила, Маглейн. Мать называется.

— А дядя Виль мне ёжика обещал поймать! — похвасталась Эрна. — Я его на тележке катать буду!

— Ну, раз ужинала, покажу тебе, как я колдую.

Виль нахмурился.

— Я говорил тебе, чтобы ты без спросу не принималась...

— А что с коровами делать, которые вес теряют, ты мне не говорил? — рассердилась Магда. — Нет? Тогда воды натаскай.

Батрак что-то проворчал и вышел во двор.

— А что ты будешь делать? — тут же спросила девочка.

— Зелье из бодреника, — объяснила ведьма. — Коровы его выпьют и все черви из них выйдут. Черви их изнутри жрут, надо помочь.

— Как выйдут? — округлила глаза девочка.

— Через бок, — щёлкнула её по носу ведьма. Глаза Эрны сделались ещё больше. Магда засмеялась. — В навозе они выйдут, доченька. Коровы их с травой съели, с водой выпили.

— Фу! — сморщила нос девочка.

Магда пожала плечами.

— А ты думала, моя милая? Хочешь, чтобы всё красиво было — иди к волшебникам. А ведьмы к земле близко, всякого навидаешься.

— У волшебников тоже навидаешься, — заметил батрак, заходя с вёдрами в дом. — В зеркалах ихних.

Эрна поёжилась.

— Маам, а ты так умеешь?

— Как, доченька?

— Ну, чтобы увидеть? Я помню, тётя Вириная показывала, как ты дяде Вилю в зеркале чёрных дядей показывала.

— Видела она, — заворчал батрак. — Я не видел, мамаша твоя не видела, ты всё видела!

— Не в зеркале, золотце, а в зелье. Зелье показывает то, что тебе надо знать, и само выбирает. А тётя Вириная в зеркале видит что хочет, но только про себя или своих друзей.

— С такими друзьями, как эта ваша Вириная, врагов не надо, — вмешался Виль. — Куда воду-то лить, Маглейн?

— Поставь большой котёл, тот, с чёрной ручкой, — рассеянно отозвалась ведьма, доставая с полки деревянный гребень — его она вырезала сама, — и принимаясь расплетать пушистые волосы своей дочери.

— Слугу нашла! — ещё сильнее рассердился батрак. — Весь день бродила, дом не метен, еду не готовила, ребёнку забросила, явилась, распоряжается!

Магда с неохотой отвернулась от дочери, но ничего не сказала: батрак, ворча, развёл огонь, водрузил над очагом самый большой котёл и принялся заполнять его водой.

Ведьма расчесала волосы девочки, пропустила сквозь пальцы тонкую кудель прядей, шепнула правильные слова и принялась заплетать ночную косу, которая должна была отогнать от головы девочки дурные мысли. Закончив, поцеловала дочь в макушку и убрала гребень на полку.

— Спать, — сказала она строго.

— Но, мааам! Я хочу посмотреть!

— Живо в кровать!

Эрна насупилась, но послушалась.

Магда посмотрела на котёл, достала с дальней полки горшок, повязанный красной тряпкой, которая порядком выцвела от времени, осторожно пересыпала несколько камешков в чёрную ступку и принялась их толочь.

— Мааам, а что это? — прошептала девочка.

— Никогда эту ступку без спроса не трогай, — приказала Магда. — И горшок этот тоже. Слышишь меня?

— Слышу. А что там, мам?

— Яд, — коротко ответила ведьма.

— Вот это дело! — одобрил батрак, помешивая огонь.

Эрна ахнула.

— Крыс морить в кабаке, — пояснила Магда.

— Жалко их! — вздохнула девочка.

— Нет, — отрезала ведьма, — не жалко. Они еду портят, заразу разносят, цыпляют души, дом грызут.

— А людям вредно не будет? Ну, от яда, а, мам?

— Будет, — пожала плечами Магда. — Поэтому даже не думай его брать. Когда ты войдёшь в силу, всегда будешь знать, сколько надо взять, чтобы крысе хватило, сколько — собаке, а сколько человеку. Сколько надо, чтобы человек только прихворнул, а сколько — чтобы умер. А пока нечего тебе с этим знаться.

— Да ладно тебе, Маглейн, — вмешался Виль. — В силу — это, конечно, хорошо, но надо ж и опыт получать. Ты бы не хотела, ты бы при малявке не стала бы яд толочь.

— Я не малявка! — обиделась Эрна.

— Кто там не спит? — нахмурилась Магда. Девочка поспешно натянула одеяло на голову, но тут же высунулась.

— Бестолочь! — махнул рукой батрак. — Кто ж так подглядывает?

— Маам, а это ведь не колдовство, а? Ты же просто знаешь, что эти камушки вредные, да?

— Почему вредные? — снова вмешался батрак. — Они очень даже полезные!

— Всё, что делает ведьма, колдовство, — отозвалась Магда. — Ты это поймёшь.

— А мы завтра ёжика поймаем!

— Да, золотце, спи.

— А ты мне покажешь как свистеть, чтобы верёвка порвалась?

— Завтра покажу.

— А ты не обманешь?

— Когда я тебя обманывала?

— Всё когда-нибудь случается, — вставил батрак.

Магда отложила ступку, достала со средней полки горшок с толчёным бодреником и принялась посолонь засыпать его в чуть тёплую воду.

Засыпав, она повернулась к кровати. У Эрны слипались глаза, но она упорно таращилась на мать. Магда провела рукой по волосам девочки и завела тихую-тихую песню про звёзды, которые смотрят с неба на кровать и помогают уснуть.

— Другое дело, — одобрил батрак, когда девочка, наконец, уснула. — Теперь на человека похожа, а то смотреть было страшно. Ты, Маглейн, по ночам-то не колдуй, отсыпайся, пока я здесь.

— Уйдёшь скоро? — тихо спросила ведьма, подсыпая в зелье яду на кончике ножа и высыпая туда же угольки из очага.

— А ты думала, я всю жизнь у тебя просижу? — засмеялся Виль.

Магда помолчала.

— Ты корешки-то мои уже истратил?

— Да уж пригодились.

— Зря, — покачала головой ведьма. — У меня других нету. Я тебе не для того их дала.

— А откуда ты знаешь, на что я их потратил?

— Я не знаю. Но не на то. Я такие вещи чую.

Виль пожал плечами.

— Обойдусь.

— Сварить тебе зелье? — предложила Магда.

— С ядом для крыс, — фыркнул батрак. — Сказал, обойдусь.

* * *

Эрна проснулась от того, что кто-то грубо тряс её за плечо. Она открыла глаза и увидела склонившееся над ней страшное лицо убийцы. Девочка хотела закричать, но его рука зажала ей рот.

— Цыц! — шепнул Виль. — Мамашу разбудишь. Вставай, выходи во двор. Быстро.

Эрна не осмелилась возражать и, дрожа от утреннего холода, в чём спала выскочила во двор следом за убийцей.

— Бестолочь! — рассердился он. Девочка босиком пританцовывала на пороге дома. — Совсем головёнкой не думаешь. Замерзнешь ведь. Живо оденься.

Когда девочка вернулась во двор, Виль ждал её у сарая с козами.

— Кто ж так собирается? — заворчал он. — Ты б ещё о котёл половником колотила. Ежли бапмаки деревянные, так нечего их в доме надевать. Надо тебе кожаные справить, а то топаешь как подкованная лошадь. Только то и повезло, что Маглеин сейчас трубами не разбудишь.

— А зачем не шуметь-то? — спросила девочка, успевшая успокоиться от этой воркотни.

— Мамаша твоя и так умаялась, — пояснил батрак, — нечего её беспокоить. Дай ей отоспаться, горе ты луковое.

— А мы куда-то идём, да? — оживилась Эрна.

— Идём, — подтвердил батрак. — Коз доить. Я уйду, кто с ними возиться будет? Мамаше твоей, видишь, недосуг. Тебе надо.

— А ты уйдёшь? — насупилась девочка.

— Уйду и приду. И снова уйду. Ты, Эрлейн, не рассчитывай, что я за тебя всю работу делать буду.

— А я не хочу!

— Ишь ты, не хочу, твоё дюкское высочество. Что же ты хочешь? Как мамаша твоя, подачками жить?

— Неправда! Мама людям помогает! Она хорошая! А ты злой!

— Приехали! Бездельничаешь ты, а злой я. Вон, у мамыши своей спроси. Люди не всегда ведём привечают. Надо уметь и своим трудом жить.

— А вот мама...

— Мамаше твоей некогда, она на других горбатится. А ты ей не помогаешь. Ещё и орёшь дурным голосом под окнами.

— И вовсе не под окнами, и вовсе не под окнами!

Виль развернул девочку за плечи и втолкнул в сарай.

— Козы не могут ждать, пока ты воспитаешься, твоё дюкское высочество.

— А зачем нам столько молока?

— Кашу сварим. Творог сделаем. Ты выпьешь. Всё лучше, чем по чужим дворам за куском хлеба побираться. Хватит спорить, Эрлейн, привыкай работать.

— Вот выучусь колдовать...

— Сперва выучись.

Когда козы были выдоены, накормлены и напоены, батрак продолжил воркотню.

— Всё-то ты хитришь, Эрлейн, без фокусов не можешь.

— Каких фокусов? — обиделась девочка.

— А таких, что нечего было в глаза козам колдовским глазом глядеть. Думала, я не заметил? Как ещё заколдованная коза теперь доиться будет...

— Так она брыкалась!

— А ты научись с ней договариваться, чтобы не брыкалась.

— С козой?! — не поверила своим ушам девочка. — Зачем?! Я же справилась!

— Ты хитрила. Сейчас ещё терплю, но чтобы больше без колдовства.

— Но почему?!

— А потому, что нечего.

— Но...

— А будешь спорить — спать пойдёшь.

Эрна зевнула. Спать очень хотелось. Но у Виля всё было с подвохом.

— А если не буду? — осторожно спросила она.

— Тогда на рыбалку пойдём.

— Сейчас?! Здорово!

— Только ты не ори, как в тот раз.

— И вовсе я не орала. Это же ты первый...

— Я сказал тебе рыбу колдовством не приманивать.

— Но почему?!

— Всё. Спать. Живо.

— Не спорю я, не спорю! — со слезами взмолилась девочка.

— То-то же. И тихо. Мамашу разбудишь.

— Так утро уже.

— Солнышко едва показалось. Дай поспать человеку.

— А...

— Спать.

— Не буду, не буду.

— То-то же.

Магда действительно очень крепко спала, сказывалось напряжение предшествующих дней. Когда она проснулась, на очаге варилась каша на козьем молоке, а Виль учил Эрну чистить рыбу — пойманных с утра окуньков, — и попутно показывал, что там у них внутри делается.

— Здорова ты спать, Маглеин, — поприветствовал её батрак.

— Мам, смотри, что мы поймали! — звонко закричала Эрна.

— Молодцы какие, — похвалила ведьма.

— Вставай, есть садись, раз уж больше ничего не умеешь, — приказал батрак.

— Не говори так про маму! — обиделась Эрна.

— Опять споришь?

Девочка надулась и сосредоточилась на рыбе.

— Ты, Маглейн, кроме своих зелий, ничего приготовить не можешь, — заявил батрак. — Пока подходящий котелок у тебя нашёл, всю кухню перевернул. Какой ни возьму, или травами воняет или каша пригорела. Что ты за хозяйка, хуже в деревне я и не видел вовсе.

Магда не ответила, только достала ложки, разложила по ним кашу, поставила на стол. Села, осторожно дую на ложку, зачерпнула. Попробовала.

— Правда, хорошая каша? — тут же спросила Эрна. — Мы так старались!

— Ага, — подтвердил батрак. — Уж мы-то так старались... Куда за ложку хватаешься, чудо ты в перьях. Поди руки вымой. Распустила тебя мамаша.

— Мааам. Мы с утра коз доили!

— Ты у меня помощница, — похвалила Магда. Эрна просияла.

— Мааам. А ты скажи, почему ты о чужой скотине заботишься, а наших коз не любишь?

— Потому что за своими всё время ходить надо, — вместо Магды ответил батрак и тоже взялся за ложку, — а это не так интересно, как вонючие травки варить.

— Неправда!

— Споришь?

К удивлению Магды, Эрна опять надулась и замолчала.

— Вот поешь, пойдём кур кормить, — сказал батрак.

Эрна кивнула и принялась быстрее орудовать ложкой. Магда удивлённо подняла брови, но промолчала.

— Маам, а ты мне покажи, как свистеть, чтобы верёвку разрезать, а?

— А работать кто будет? — заворчал батрак.

— погоди, — остановила его Магда. — Золотко, это просто.

— У тебя всё просто, лишь бы не работать, — пробурчал Виль.

Магда доела кашу, вытащила из рабочей сумки обрывок плетённого шнура, покрутила в пальцах, показывая дочери, как она свита.

— Смотри, доченька, сколько верёвочке ни виться, конец один будет, — пропела ведьма. — А теперь...

Она натянула верёвку и просвистела на тот же мотив, на который только что пела. Сначала ничего не происходило. А после под её взглядом шнурок принялся расползаться, утончаться и вдруг лопнул посередине.

— Ух ты! — закричала Эрна. — А я так смогу?

— А ты попробуй, — протянула Магда дочери обрывок верёвки.

— А куры не кормлены... — буркнул батрак.

Эрна, закусив губу, уставилась на шнурок, а потом принялась свистеть. Ничего не изменилось.

— Ты слишком торопишься, — мягко произнесла ведьма. — Надо прочувствовать верёвку, надо её понять. А потом представь...

Эрна потрогала шнурок.

— Ты не трогай, ты чувствуй, — пояснила Магда.

Эрна напряжённо уставилась на верёвку.

— Сейчас сама лопнешь, — ехидно заметил батрак.

Эрна насупилась, но вместо ответа засвистела, стараясь во всём подражать матери. Шнурок закрипел, в нём лопнуло несколько нитей. Девочка вытаращила глаза и засвистела ещё громче.

— Тише, тише, девочка. Мягче. От громкости ничего не изменится. Ну же...

Вот лопнула ещё одна нить. Вторая. Третья. У Эрны закончился воздух и она закашлялась.

— Во ведь упрямая бестолочь! — вмешался батрак. — Сколько тебе надо колдовать? Дёрни, да и порви уже.

Эрна потянула за концы шнурка и он лопнул.

— Вот вам ваше колдовство, — проворчал Виль.

Магда усадила девочку перед собой, потянулась за гребнем, расплела девочке волосы и принялась расчёсывать их, вплетая обрывки порванного Эрной шнурка — кусочек первого колдовства девочки, это очень важно.

— В следующий раз лучше получится, золотко, — пообещала она.

— Мааам, а дядя Виль мне колдовать запрещает!

— Ябеда, — фыркнул батрак.

— Он говорит, колдовство не всегда помогает, это же неправда?

— Нет, это правда, доченька, — тихо ответила ведьма.

— А как это?

— А вот когда ты силу свою колдовскую всю потеряешь, тогда меня и вспомнишь, — посулил Виль.

— Как это — потеряю? Маам, ну, скажи ему! Так же не бывает!

— Бывает, деточка. Когда... когда ведьма учится в Бурой башне — это далеко отсюда, в Серой Пустоши...

— Сразу на восток за лесом, — дополнил батрак, — день-два пути.

— Она в обмен на колдовскую силу получает проклятие. Это значит, что самое-самое её заветное желание никогда не исполнится. А если исполнится — вся её сила от неё уйдёт.

— А у тебя так было? А что ты хотела?

Магда вздохнула, привлекла к себе дочь и устроила у себя на коленях.

— Мой отец, доченька, был бедный-бедный рыцарь, такой бедный, что в страду он выходил в поле убирать хлеб вместе с крестьянами. Он очень хотел, чтобы матушка родила ему сына, а у неё родились моя сестра и я.

— А ты, когда была дочерью рыцаря, не работала, да?

— Почему не работала? — удивилась Магда. — Матушка научила меня ткать и прясть, как и всякую женщину, а дядька, который должен был воспитывать брата, показал, как режут по дереву.

— То-то ты за скотиной ходить не умеешь, — хмыкнул батрак.

— А дальше что? — поторопила мать девочка.

— А дальше — у нас родился брат и отец начал тяготиться и мной, и моей сестрой.

— Почему? — широко раскрыла Эрна глаза.

— Почему, почему, — мрачно вмешался Виль. — Сама подумай. Если он хотел сына, на что ему дочери? Лишние рты, да и только.

— А ты кого хотела, мамочка?

— Тебя, — сильнее прижала её к сердцу Магда.

— А если бы я родилась мальчиком?

— Но ты же девочка, — снова вмешался Виль.

— Мааам, ты дальше рассказывай.

— А дальше к нам в замок пришёл добрый юноша, который очень полюбился моей старшей сестре.

— И тебе, да?

— И мне, но я была девочка, а она — уже взрослая. Они полюбили друг друга.

— А он был красивый? Как в сказке.

Виль хрипло засмеялся.

— Нет, золотко, он не был красивым. Но он был добрый, сильный и ласковый. Сестра полюбила его и отец велел его избить и прогнать. А после выгнал из дома и мою сестру.

— А почему?

— Потому что он не был рыцарем, этот юноша, — объяснила Магда. — А отец был и считал, что дочь его унизила.

— Как так?

— Такой обычай у благородных, — пояснил Виль. — Они женятся и выходят замуж только за благородных. А иначе у них кровь не та.

— Как это? — не поняла девочка.

— А вот так, — отрезал Виль.

— А дальше что?

— А дальше время шло, я тосковала без сестры. А потом я выросла и отец выгнал меня из дома.

— За что?!

— Надоела, — предположил Виль и противно засмеялся.

— Неправда! — возмутилась Эрна.

— Я отказалась уходить в монастырь, — пояснила Магда, — а давать мне приданое отец не хотел. Хотел, чтобы всё досталось моему маленькому брату.

— А что такое приданое?

— Когда девушка выходит замуж, отец и мать дают ей что-нибудь с собой.

— А что?

— Смотря семья какая.

— Ну да, — поддакнул Виль. — Кому — половину королевства, кому — замок, кому — дом с коровой, а кому только клубок ниток.

— А дальше что было?

— А дальше я решила, что непременно найду свою старшую сестру. Шла я шла, шла я шла и пришла в Серую пустошь.

— А там ведьмы летают, — засмеялся Виль.

— Не перебивай! — возмутилась девочка. — Мама, почему он всё время перебивает?!

— А ты заставь замолчать, — предложил батрак.

— Никто тогда не летал. Я шла день и ночь и дошла до Бурой башни. Меня там приняли, обогрели, выслушали и сказали, что я буду сильной ведьмой.

— Во-во, выслушать они всегда могут. А потом в котле тебя каак сварят.

— Неправда!

— И я стала ведьмой, но взамен силы я потеряла сестру. Искала-искала, но никак не могла найти.

— А ты ещё спрашиваешь, почему колдовать плохо, — с многозначительным видом

добавил Виль.

— А потом нашла, да? — проигнорировала его Эрна.

— Нашла и колдовская сила от меня ушла.

Эрна повернулась в объятьях матери и крепко обняла её в ответ.

— Тебе от этого плохо было, да?

— Очень плохо, доченька.

Эрна немного подумала.

— Кур-то пойдёшь кормить? — напомнил батрак. — Всё утро лясы точим!

— Маам, — потянула девочка. — А кто был мой папа?

— Что?

— Папа. У меня ведь должен был быть папа. У всех есть.

Магда беспомощно посмотрела на Виля. Тот пожал плечами и отвернулся.

— Ты ещё такая маленькая, — неловко сказала ведьма. — Конечно, у тебя был папа...
высокий, красивый, светловолосый...

— Он был рыцарем, да?

— Ну, да, доченька, конечно, он был рыцарем.

— А он был добрый?

Магда вздохнула.

— Когда ты большая вырастешь, я тебе расскажу.

— А...

— А ты всё споришь, — напомнил Виль, — а толку нет. Корм в сарае, я тебе показывал.

Эрна надулась, сползла с коленей матери и пошла во двор.

Виль задержался.

— Тебе придётся ей сказать, — произнёс он.

Ведьма вздохнула.

— Трусишь, Маглейн.

— Трушу, — согласилась женщина.

Она пошла во двор следом за дочерью.

Виль тоже вышел из дома и направился к колодцу, посмотреть, что там приключилось с воротом.

— Магда! — донёсся от калитки юношеский голос. — Встречай гостя!

Прежде, чем ведьма успела что-то сказать, калитка открылась и во двор вошёл Куно с котелком, от которого вкусно пахло наваристой похлёбкой.

— Вот это да! — охнул юноша. Магда поспешила ему навстречу, чтобы встать между пареньком и Вилем. — А говорили, сгинул ты.

— Вот, видишь, не сгинул, — буркнул батрак, который как раз разглядывал сломанный ворот.

— А чего в деревню не пошёл?

— Дурак? — хмуро поглядел на него батрак.

— Некуда ему идти, — пояснила ведьма. — Родня к себе не пустит. Он мимо шёл, заглянул ко мне, да вон, решил помочь.

— А забор — тоже он починил? — догадался Куно.

— Нет, забор не он, — соврала Магда.

Виль отложил ворот, забрал у Куно котелок и понёс в дом.

— Ты не спрашивай, Куно, — попросила Магда, — тебе это знать не к чему. И не

рассказывай никому, что тут видел.

— Проболтается, — вернулся из дома Виль.

Магда похолодела. Батрак откровенно ухмылялся, глядя на её перепуганное лицо.

— Вы чего? — не понял Куно.

— Да так... повздорили с утра, — туманно ответил батрак. — Работу-то наша Маглейн спрашивает, а вот платить не горазда.

— Так у неё же денег нет, — удивился Куно. — Она же ведьма.

— Да? Ну, тогда извиняйте, — хмыкнул Виль. — Маглейн, тебя там в деревне скотина не ждёт?

— А мама про крыс просила напомнить, — спохватился Куно.

Магда оглянулась на дом, но уйти туда не рискнула, побоялась оставить батрака и Куно без присмотра.

— Иди-иди, бери своё зелье, — подтолкнул её ухмыляющийся Виль.

Магда беспомощно подчинилась. Когда она вернулась с корзиной, в котором были травой переложены большой горшок с зельем для скотины и маленький горшочек с крысиным ядом, Куно был заметно перепуган, а батрак всё так же ухмылялся. Паренёк взял у Магды тяжёлую корзинку, толкнул калитку и зашагал по тропинке в деревню. Магда повернулась к батраку.

— Что ты ему сказал?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Виль. — Что ты баба, конечно, хорошая, но за тобой должок. Коли за мной придут, тебе первый нож достанется. Но я надолго не задержусь, можете не волноваться.

— Ну, ты и скотина, — с чувством произнесла Магда.

— А когда иначе было? Ты иди, Маглейн. Тебя люди ждут.

* * *

— А мама говорила, дети не должны работать. Они играть должны, — заныла Эрна, когда по приказу и с помощью батрака она накормила кур, подмела пол и перемыла всю посуду.

— Ай, какая умная у тебя мамаша! — покачал головой батрак. — Ты бы посмотрела, как люди в деревне живут.

— Неправда!

— Опять споришь? А я думал, я тебя прятаться в лесу поучу...

— Ой, правда?! А мы ёжика поймаем?

— А вот как будешь себя вести...

— Пойдём, пойдём! — запрыгала вокруг него Эрна.

Виль распахнул калитку перед девочкой. Эрна шагнула из двора, но Виль удержал её за плечо.

— Ты чего? — захлопала глазами девочка.

— Опять колдуешь, — нахмурился Виль.

— Неправда!

— Колдуешь, колдуешь. Где это видано, чтобы перед человеком деревья расступались?

— Но я всегда так хожу!

— Во-во. Даже не думаешь, что люди так не умеют.

— Но я же ведьма!

— Ведьма! Сегодня ведьма. А завтра, как мамаша твоя, ничего не можешь.

— Неправда!

— Будешь колдовать, никуда не пойдём.

— Так нечестно!

— Что ж ты сразу не сказала? — притворно удивился батрак. — Нечестно так нечестно.

Он отошёл от калитки и направился в дом.

— Ты же сам хотел, — разревелась девочка. — Сам хотел, сам!

— Чего это я хотел?

— Ты хотел учить девочку, которая умеет колдовать! Мне мама говорила! И тётя Виринея!

— Я-то хотел, да ты учиться не хочешь.

— Неправда!

— А если неправда, так учись. Пока как люди со двора не выйдешь, будешь тут сидеть.

— А я без тебя в лес убегу!

— Ну и беги. Сама лови своего ёжика.

— Так нечестно! Ты же обещал!

— А я не хочу. Ты же учиться не хочешь.

— Неправда!

— Споришь много, Эрлейн. Не люблю. Хочешь учиться — так учись. Выйди со двора без колдовства, тогда и пойдём.

— Ты злой! — надулась девочка.

— Ужасно злой, — с усмешкой подтвердил батрак. — Тебе мамаша не говорила, что нельзя сердить злых дядей?

— А ты Куно ничего не сделаешь?

— Дурак я, что ли? Куда парень ушёл, вся деревня знала. Вот было б весело, если б он не вернулся, а? Учись давай.

Девочка повернулась к калитке. Простая для других людей наука — пройти по тропинке, — ей никак не давалась. Лес угадывал намерения своей будущей хозяйки и деревья расступались с её пути, отодвигали ветки, прятали под землёй узловатые корни. Хочешь — в деревню иди, хочешь, в замок, хочешь — к озеру на север, а хочешь, так и вовсе туда, на восток, куда мама велела не смотреть даже и где стояла колдовская Бурая башня. А вот уговорить лес не угадывать её желания ну, никак не получалось! Он всё равно знал, куда глядят глаза будущей ведьмы. А если?..

Эрна зажмурилась и представила, что ей надо во все стороны разом.

— Вот! — победно воскликнула она, открыв глаза. — Получилось!

Виль подошёл к ней, посмотрел на тропинку, засмеялся и отвесил девочке несильный подзатыльник.

— Хитрить научилась, молодец. А без колдовства ходить не умеешь.

— Но почему?! — взвыла Эрна.

— Дурёха ты. Думаешь, я не знаю, какая тропинка тут проходит и на что она похожа? Давай, ещё пробуй.

— У меня не получается!

— Значит, сегодня в лес не пойдём.

— Так неч...

— Цыц! Опять споришь.

— Так я до старости отсюда не выйду!

— Дурочка ты, Эрлейн. Думаешь, старый Виль не знает, что делает? Как же я тебя прятаться буду учить, если ты ни одной тропинки не видишь? Чтобы по лесу ходить, его чувствовать надо, а ты топаешь напролом. Сила-то твоя заёмная, мамашина. Сама ничего не умеешь и не знаешь. А если ты по чужому лесу пойдёшь? Там эти фокусы не получатся. Вспомнишь тогда меня, да поздно будет, я ж тебя ничему научить не сумел. Отдохни и ещё попробуй. Пока не получится. Тогда я тебя и прятаться поучу.

Эрна немного постояла у калитки, но у неё так ничего и не получилось. Батрак наблюдал за ней с непреклонным видом. Девочка надулась и ушла за сарай возить туда-сюда тележку, а Виль пошёл в дом поворачивать над очагом жарившуюся рыбу.

* * *

— А ты что про моего папу знаешь? — сунула нос на кухню девочка, когда ей надоело играть с тележкой.

— Мамашу свою расспрашивай.

— А я тебя спрашиваю!

— Мала ещё, не поймёшь.

— Неправда, я уже большая, так мама сказала!

— Да дрянь человек был твой папаша.

— Неправда!

— Я же говорил, мала ты ещё правду знать.

— А почему дрянь? Он же красивый был. И мама его любила!

— Да потому, Эрлейн, что к человеку, кроме красоты, ещё что-то прилагаться должно. Он твою мамашу предал, вот она его вспоминать и не любит.

— Как это — предал?

— Обыкновенно. Он тогда хотел замок барона нашего захватить. Только не так это просто сделать. И тогда сынок баронский...

— А вот и неправда! — радостно засмеялась девочка. — Братика тогда на свете не было, если ещё я не родилась!

— Вот что, Эрлейн, — нахмурился батрак. — Я один раз скажу и больше повторять не буду. Ты язычок свой придерживай. Зачем болтаешь? Кто я барону, друг, сват, родственник? Зачем ты мне его тайну выбалтываешь?

— Но ты же и так знаешь, — захлопала глазами девочка.

— Да? А что я такое знаю? С чего ты взяла? Кто тебе сказал?

— А... Но... Ну... Но ты же знаешь! — в отчаянии закричала Эрна.

— А тебе что за дело? Ты чужие тайны не разбалтывай, да и свои придерживай до поры. А то твои секреты всякий узнать может. Придёт к тебе святоша, из тех, что ведьм ловят и мучают, и скажет: а я всё знаю! Тут-то ты во всём и признаешься.

— А я его сразу убью, — пообещала девочка, — и ничего говорить не буду!

— Ай, молодец какая! Я её ещё ничему не учил, а она уже всё умеет.

— Но ты же научишь!

Батрак только засмеялся. Эрна обиженно насупилась.

— Дурочка ты. Его дружки будут знать, куда он пошёл, хватятся, как пропал, куда пропал, почему пропал? Ведьму ходил проверять. Почему не вернулся? А если он с охраной придёт? А если на людях тебя остановит? А ты сразу — убью. Так дела не делаются.

— А как?

— Узнаешь в своё время. А пока не болтай. Ни чужие секреты, ни свои не выдавай ни за что. Знают, не знают. Твоё дело помалкивать и виду не подавать.

— А что с папой было? — спросила Эрна.

— Да ничего не было. У барона-то нашего, его милости, старший сынок был, который в святоши подался и нашего брата ловил. Он сестрицу свою, баронессу нашу, поймал и папаше твоему отдал. Людям в замке показал, открывайте, мол, а то нехорошо с ней поступим. Им что делать? Открыли ворота. Папаша твой в замок въехал, да твою мамашу углядел. Она тогда в замке жила. Барон думал, там её никто не тронет, пока она снова колдовать не научится, пущай за стенами отсидится. И нет чтоб промолчать, папаше-то твоему. Сразу закричал, вот, дескать, я её знаю, ведьма она. Её и поймали. Силы-то у неё колдовской не было, да и не помогла бы она против такой-то толпы.

— Он, может, не подумал просто, — нахмурилась девочка.

— То-то и оно, что не подумал. А ты думай всегда.

— А ты маму спас, да?

— Да уж не бросил.

— А почему? Ты же её не любишь.

— Не пришло ей время помирать, вот и спас.

— А...

— Иди лучше, поучись со двора как люди выходить, — подтолкнул её к двери батрак. — Говорю же, и колдовать не всегда можно, и простым человеком притворяться надо уметь. А ты б ещё покричала на весь лес: «Эге-гей, ведьма идёт!».

* * *

Когда Магда вернулась домой, Эрна дулась, а Виль, вытащив из своих вещей обрывки кожи, шил ей башмаки.

— Мамочка! — бросилась к Магде девочка. — Дядя Виль меня в лес не пустил!

— А зачем тебе в лес одной? — не поняла ведьма.

— Он с собой в лес не взял!

— Ай-ай-ай, — покачала Магда головой. — Ну, так завтра со мной пойдёшь.

— А он сказал, я ходить не умею!

— Даа? Что-то я не заметила.

— По лесу не умею, мааам!

— Это как, солнышко?

— Я вот шаг делаю, — показала девочка, — а лес расступается! А он сказал, нельзя так! А почему? Он сказал, люди так не ходят! А я ж не люди! Я же ведьма! А он сказал — учись ходить! А я пыталась! А у меня не получается! Скажи ему, мам!

Ведьма засмеялась и обняла дочь.

— А он говорит, так не всегда будет! И что я ничему не научусь! Мааам, а если к тебе

святоша придёт и скажет «Ты ведьма», ты что сделаешь?

— Где таких слов набралась, — пробормотала ведьма.

— Скажи, мам!

Магда потрепала дочь по макушке.

— Я скажу ему: «Какая такая ведьма? Я не знаю никакой ведьмы».

— А он скажет... а он скажет «Я точно знаю!». А ты?!

— А я скажу, что я-то не такая умная. Я не знаю.

Виль выглянул из дома, с интересом посмотрел на ведьму.

— А если он скажет, что есть свидетели твоего колдовства, а, Маглейн?

— Пусть покажет, — холодно ответила Магда, с которой довольно много говорила Вейма о том, что может и что не может себе позволить брат-заступник при расследовании. — Что они могли видеть? Травки, варева всякие? Это не колдовство.

— Но ты же говорила... — растерялась Эрна.

— Тебе, солнышко, — улыбнулась ведьма. — Свято... братьям-заступникам, которые пытаются ловить нас, это знать необязательно.

— Твоя мамаша и почище может, — добавил Виль. — Но в этом мало кто признается.

— А если признается?

— Тогда плохо, — развёл руками батрак. — Тогда отвертеться трудно будет.

— А что тогда? Если не отвертишься?

— Мала ты ещё знать, — проворчал Виль. — Ничего хорошего. Поэтому не попадайся.

Эрна насупилась, потом затеребила мать за подол.

— Мааам, а ты скажи ему! Я же правильно хожу!

Магда вздохнула.

— Покажи ещё раз, золотко.

Эрна показала.

Магда вздохнула ещё раз.

— Хорошая моя, а ты попробуй, когда из двора шагаешь, представить, что лес — это тоже твой двор. Это ведь твой лес, золотко. Вооот. Шаг, другой. А теперь глазки закрой и скажи: «Батюшка лес, покажись мне, каким без людей бываешь!»

— Батюшка лес!.. — звонко начала девочка. Взрослые засмеялись.

— Солнышко, зачем кричишь? — покачала головой мать. — Лес и так услышит, а людям не к чему. Ты тихо-тихо говори. Главное, чтобы отсюда шло.

Она показала на сердце.

— Завтра тебя в лес возьму, покажу, попробуешь.

— Зачем это? — нахмурился батрак.

— По грибы пойдём.

— Хоть какая-то польза от тебя, — обрадовался Виль. — Вечером нажарим.

— Не стоит, — хмыкнула ведьма.

— Почему это? — вылезла Эрна.

— Мухоморы, зелёные да красные, вражьи грибы, жёлчные грибы — их есть нельзя, деточка.

— А зачем тогда?

— Опять крыс морить, — сплюнул батрак. — Никакого толка от тебя в хозяйстве, Маглейн!

— Если правильно поколдовать, то из них можно лекарство приготовить, золотко, —

пояснила Магда.

— И с голоду ноги протянуть, — добавил батрак.

Ведьма вздохнула.

— Возьму ещё корзину, соберу белых или боровиков, только замолчи.

— А давай тележку возьмём! — обрадовалась Эрна. — Дядя Виль знаешь какую тележку сделал?

Глава пятая

Замыслы

Врени меньше всего ожидала, что деньги понесёт Вейма. Вампирша шла медленно, нервно раздувая тонкие ноздри. Она не слишком-то старалась прятать увесистый мешок с деньгами, который получила в Братстве Помощи. О чём вампирша говорила с Липпом, кто этот отец Сергиус и что тот посулил Вейме, Врени не знала. Чем ей поможет вампирша? Все знают, что она не может пить кровь, не может даже видеть и за это её выгнали из клана вампиров. В драке от Веймы будет мало толку. Но Липп заверил, что так надо и добавил, мол, он узнает, если Врени попробует схитрить.

Цирюльница с трудом отыскала тот тупик, в котором они прятались с Марилой и где их нашёл Ржаной Пень. Вампирша кивнула, когда они подходили. Засады нет, всё спокойно. Врен шагнула за угол. Ржаной Пень был там.

— Явилась! — приятно удивился убийца. — А я уж подумал, что ты рванёшь из Сетора. Небось и деньги принесла?

— Принесла, — отозвалась Врени и кивнула себе за спину. Следом за ней в тупик шагнула вампирша.

— Ты спятила, Большоногая?! — переменялся в лице убийца. — Зачем ты притащила сюда эту тварь?!

— Тебе что-то не нравится? — холодно спросила цирюльница.

— Да она бешеная, мы четырёх парней посылали её прощупать, так она всех четверых там положила и высосала до капли! Мы потом трупы в разных углах города нашли, обескровленные.

Врени покосилась на вампиршу. Та скрестила руки на груди и безразлично смотрела на обоих убийц.

— Нечего было их на вампира посылать, — пробурчала цирюльница.

— Да все знают, что она пальцем человека тронуть не может! Дело было верное!

— Видать, не такое уж и верное, — проворчала Врени. — Ты сказал, чтобы я не приводила ни стражу, ни баронских людей. Я выполнила твоё условие.

— А что ж саму баронессу не притащили?

— Её пока не наняли, — нагло ответила Врени. — Сперва тебя решили позвать.

— Так она и деньги принесла?

Вейма шагнула вперёд и достала из складок плаща увесистый кошель. Подбросила на руке, распустила завязки и демонстративно высыпала содержимое прямо себе под ноги. Подцепила одну монету носком туфли, пинком подбросила в воздух, поймала и кинула Ржаному Пню.

— Без обмана, — презрительно проговорила она. — Двести золотых — и это только задаток.

На Ржаного Пня было приятно смотреть. Рот у него открылся, глаза вытаращились. На двести золотых можно было построить хороший дом или безбедно жить много лет. Ни Врени, ни её бывший учитель никогда таких денег и в глаза не видели.

— Я же говорила, — вкрадчиво произнесла Врени, — меня наняли очень серьёзные люди. — Твои заказчики смогут заплатить тебе больше? Кто они?

— Святоши... — ответил убийца, всё так же пожирая глазами деньги. — Братья-

заступники.

Он повертел монету, попробовал на зуб. Золото было настоящим.

— А я думал, врешь ты всё, Большеногая, — потеряно проговорил он.

— Скажешь, что вы задумали, получишь вдвое, — щедро посулила цирюльница.

— Да порешить вас всех, — отмахнулся убийца. — Очень уж вы хорошим людям мешаете. Сейчас ещё кой-кто в Сетор со своими ребятами приедет — начнём.

— Мёртвые денег не платят, — холодно сказала вампирша, слегка пиная монеты так, что они раскатились в разные стороны. — Ты ж не думаешь, что мы их у себя храним?

Предупредишь вовремя — получишь деньги. Если мы выживем.

— Эй! — запротестовал убийца. — А если ребята вас порешат?

— Ай-ай-ай, — покачала головой вампирша. — Тогда обойдёшься этим.

Она снова пнула монеты.

— Прекрати! — заорал Ржаной Пень, глядя, как золото закатывается в грязь.

— Ты думай, учитель, думай, — издевательски произнесла Врени. — Ещё чего полезного сделаешь, ещё денег дадим.

Она шагнула к вампирше и отступила ей за спину.

— Ещё раз золото в грязь высыпите, сделка отменяется, — проворчал Ржаной Пень и нагнулся за деньгами, косясь на стоящих рядом женщин.

— Вот и договорились, — заключила Вейма.

Она кивнула Врени и пошла прочь. Цирюльница поспешила за ней.

* * *

Когда Вейма вернулась в дом Фирмина, к ней подошёл слуга и доложил, что её милость требовала, чтобы госпожа пришла к ней как можно скорее и что господин Вир уже там. Вампирша подняла брови. Судя по всему, Нора была в ярости и нетерпении.

— Не знаю, что тебе пообещал Липп, — тихо сказала вампирша цирюльнице, — но, возможно, этот гнусный тип спасёт наши жизни.

— Если не передумает в последний момент, — пожала плечами Врени.

Вейма покачала головой.

— От него интересно пахло, — сказала она. — Кого-то они в самом деле ждут.

— Вот уж чего не знаю, — отозвалась цирюльница.

— Если ты хотела отсидеться здесь, забудь, — сказала Вейма. — Не думаю, что твой учитель станет искать тебя здесь, а я не хочу, чтобы мы остались без важных сведений только потому, что ты трусишь.

Она отвернулась от Врени и пошла вверх, к своей госпоже.

* * *

— Где тебя носит?! — почти закричала Нора, едва Вейма перешагнула порог табличия. — Я послала за тобой с самого утра.

— Простите, ваша милость, — равнодушно ответила вампирша. — Я всего лишь узнавала о том, что на нас готовится нападение. Конечно, я должна была сидеть дома и

ждать ваших приказов.

Она подошла к сидевшему в глубине табличия на сундуке с рукописями Виру и обменялась с ним приветственными поцелуями. Вир на мгновение прижал жену к себе, впитывая её запах. Оборотень нахмурился.

— Ты должна была сказать мне заранее, — сказал он. Вейма протестующе фыркнула.

— Какое нападение? — потребовала ответа Нора. — Вейма, мне надоели твои манеры! Твоя вечная таинственность, твои...

Вампирша вежливо улыбнулась, позволив клыкам принять свой настоящий вид. Нора попятилась.

— Братья-заступники, ваша милость, очень сердиты на нас, — пояснила Вейма. — Им не нравится ваше предубеждение против них, не нравится, что вы откровенно обвиняете их на совете, не нравится, что вы дочь своего отца... и что вы дали приют их врагу... я имею в виду того тихого монашка, который пришёл вместе с Марилой. И боюсь, выгонять его уже поздно.

— Кого выгонять? — не поняла Нора. — Этого дурачка блаженного? Зачем он братьям-заступникам?

— Этот блаженный дурачок, ваша милость, прославленный художник. Но его хотят убить не поэтому, а потому, что боятся.

— Его?! — поразила Нора.

— Они думают, что он знает их тайны, — пояснила вампирша.

— А он?

— А он не знает, — развела руками Вейма.

Баронесса рассмеялась.

— Так выгнать его? — спросил Вир. Нора очень сердито на него посмотрела.

— Мой отец никогда бы не стал выгонять беднягу, который...

— О, ваша милость, — нагло возразил оборотень, — стал бы, стал бы. Если бы этот человек был бы бесполезен для него, он не пошевелил бы ради него и пальцем. Другое, что он умел делать полезными себе самых разных людей.

— И что задумали братья-заступники? — прервала его Нора.

— Убить нас всех, — пожала плечами вампирша. — Они связались с бандитами, которые готовы пробраться сюда и всех перерезать.

— И ты так спокойно это говоришь!

— Ну, это будет ещё не сейчас, — заверила вампирша. — Волноваться пока не из-за чего. А о чём вы хотели со мной поговорить?

Нора растерялась.

— Как — о чём?! О совете, конечно! Ты же там была!

Вампирша кивнула. После совета Клоса с трудом уговорили отложить поединок с графом цур Дитлином. Не столько из соображений милосердия, сколько потому, что в случае гибели одного из входящих в совет баронов, заседания откладывались до тех пор, пока один из его наследников не примет титул. Конечно, юноша мог и проиграть, но рисковать не хотелось. Клос остался безутешен, да и Нора отнюдь не удовольствовалась обещанием мужа как-нибудь потом вступить за её честь.

Баронесса нервно прошла по табличию.

— Вейма, Вир. Отец велел мне слушаться ваших советов.

— Да, ваша милость, — кивнула вампирша. — О чём вы хотите посоветоваться? О

войне?

— Да Враг с ней, с войной, — отмахнулась баронесса. — Ты их слышала?! Видела?! Отец вернётся, займёт своё место, но потом? Когда я буду возглавлять совет? Меня так и будут в лицо звать соплячкой?!

— Тогда, ваша милость, вы уже будете старше, — заметила вампирша.

— А если отец не вернётся?!

— Тогда вы возглавите совет раньше, — ответил оборотень.

— Вир! — закричала баронесса.

— Ваша милость, я не волшебник, — объяснил Вир, которого этот разговор забавлял, — я не умею делать людей старше, чем они есть. У вас есть учитель, обратитесь к нему, может, он что-нибудь посоветует.

— Я не хочу становиться старше! Я хочу, чтобы они меня уважали!

— А за что? — прямо спросила Вейма, которую разговор, напротив, вовсе не забавлял. — За что им вас уважать, ваша милость? Вы моложе их, вы ничего не сделали, чтобы заслужить их уважение, а по возрасту вы всех младше.

— То есть меня можно называть соплячкой?!

— Я этого не говорила, ваша милость. Вы позвали нас, чтобы мы вас похвалили? Мы ваши вассалы, мы скажем всё, что вы велите.

— Ты смеёшься надо мной!

— Нет, ваша милость.

— Ты же вампир! Ты знаешь, чего я хочу!

— Я вампир, ваша милость, — подтвердила Вейма, — но я не могу за вас принимать решения.

Нора упала в кресло и постаралась успокоиться.

— Мне нужна власть в совете, — сказала она после недолгого раздумья. — Я хочу, чтобы они принимали мои слова, а не спорили.

Вир поднялся с сундука.

— Что ж, ваша милость... поскольку вы не владеете воинским искусством и не можете совершить подвиг, который заставит всех вами восхищаться... Я думаю, вам следует расширять свои владения.

— Как?! Я же давала клятву, что никогда этого не сделаю! Не больше деревни за всю мою жизнь!

— Да-да-да, — кивнул Вир. — Но ведь у вас есть муж, который вам не подчиняется и чьи действия нельзя вменить вам в вину.

— У моего мужа ничего нет, — сердито бросила Нора.

— У него есть руки, ноги, конь, копьё, меч и рыцарское звание, — объяснил Вир. — С хорошим отрядом, пользуясь хорошими советами... Клос мог бы взять штурмом замок графа цур Дитлина... никого не удивит, почему он выбрал его. Граф вас оскорбил, он предал союз баронов семь лет назад, он был заодно с людьми, державшими вас — жену Клоса, — в плену... наконец, он пренебрёг вашей рукой. Конечно, поднимется шум... но если снести до основания замок, то шум быстро затихнет.

— Зачем сносить замок? — с живым интересом спросила мужа вампирша, косясь на ошарашенную этим планом Нору.

— Затем, что, снеся замок, мы покажем, что не собираемся узурпировать графскую власть в Дитлине, — пояснил оборотень. — Не претендуем на его место в совете. Деревни

отойдут Клосу и его отряду. Её милость, разумеется, рассердится на мужа, он признает, что погорячился... но дело будет сделано, а в Дитлине четыре большие деревни. Сейчас они, конечно, обеднели, но при умелом управлении...

— На что мне эти деревни? — сердито спросила Нора.

— На то, ваша милость, что с них могут кормиться ваши люди.

— Какие люди? — не поняла баронесса.

— Ваша армия, — пояснил оборотень.

— Откуда у меня армия? — не поняла Нора.

— Она появится, если вы дадите людям землю... и дело, которым они могут заняться.

— Какое дело?

— Есть ещё Абеларин и Лабаниан, — пояснил Вир. — С ними будет не так просто — в Лабаниане стоит монастырь братьев-заступников, и ещё один на дороге между Перком и Абеларином... к тому же они захватили монастырь братьев Камня северней Абеларина... поэтому спешить вам, ваша милость, некуда. Однако... братьям-заступникам недолго радоваться.

— А! — оживилась Вейма. — Ты тоже говорил с отцом Сергиусом?

Оборотень усмехнулся.

— Очень интересный человек.

— Какой такой отец Сергиус? — рассердилась баронесса.

— Человек, которого скоро будет бояться весь Тафелон, — вспомнила Вейма слова Липпа. — Человек, который знает тайны братьев-заступников.

— И даст вам денег на постройку замка, — подхватил Вир, — и на то, чтобы заплатить наёмникам.

— Где вы его взяли? С чего это он даст нам деньги?

Оборотень улыбнулся.

— За то, что вы приютили того блаженного дурочка, ваша милость, — объяснил он.

Нора обхватила голову руками.

— Я ничего не понимаю, — пожаловалась она. — Какая армия, какой отец Сергиус, какие деньги?

Вейма подошла ближе и положила руку на плечо своей госпожи.

— Вы хотели добиться уважения в совете, — спокойно сказала она. — Вы хотели власти. По традиции Фирмин — самое слабое из владений баронов, поэтому вы не можете заставить себе подчиниться до тех пор, пока не докажете мудрость своих решений. Это долго, тем более, что бароны будут спорить с каждым вашим словом просто потому, что вы ещё молоды и не владеете воинским искусством. Но если вы будете самой сильной баронессой, всё изменится.

— Если Фирмин выступит против кого-то в совете, все бароны объединятся против нас, — зашпорила Нора. — Мы не можем воевать против всей страны.

— Не можем, — согласился Вир. — Но вы могли бы привлечь кого-то из них на свою сторону. В конце концов, при чём тут Фирмин? Драться будет Клос, который где-то нашёл наёмников.

— Тогда они выступят против Клоса, — возразила баронесса. — Я не хочу остаться вдовой или оказаться женой изменника!

— Они не выступят против Клоса, — терпеливо объяснил Вир, — потому что Клос просто отомстит за нанесённые вам обиды. Он молод, горяч, нетерпелив... Юности

простительно. Вы — или ваш батюшка, если он вернётся, — разумеется, скажете, что вы ничего ему не приказывали, но и осудить порыв не можете. Граф цур Вилтин, конечно, поддержит сына. Баронесса цур Кертиан выскажется в вашу пользу, если вы сумеете найти нужные слова. Что до остальных... немного денег, немного заверений, немного правильных слов... Я не хочу вам сказать, что это просто, но мы можем всё это сделать.

— А почему ты говоришь всё это мне, а не моему отцу?!

Оборотень развёл руками.

— Ваш батюшка не может быть замужем за свободным рыцарем, ваша милостью. А вы можете.

— Отец никогда не одобрит подобного... подобного... отец скажет, что это против чести!

— Ваш батюшка, разумеется, человек чести, — согласно кивнул Вир, — но он никогда не отказывался расширить свои владения или влияние.

— Ты думаешь, Клос сможет? — с сомнением спросила Вейма.

Вир пожал плечами.

— Он ещё молод. Он мог бы возглавить отряд... не уверен, что он способен принимать верные решения... но с ним могут пойти мудрые советчики.

— Он дурак, — нахмурилась Нора.

Вир засмеялся.

— Улыбайтесь ему благосклонней, ваша милость, и он поумнеет.

Нора покраснела. Клос остался в доме Фирмина и провёл ночь у своей жены. Баронесса, которая не хотела знать молодого мужа в начале своего замужества и соглашалась с ним встречаться только для того, чтобы он дал ей сыновей, столь нужных для наследования титула, со временем стала обижаться на пренебрежение с его стороны. Муж постепенно сделался ей тем более необходим, что прекрасно обходился без жены.

Сам Клос, конечно, тоже очень обижался, что молодая жена не хочет его знать и столь исполнена спеси. Вейму и Вира это всё страшно забавляло.

* * *

Назавтра двери дома Фирмина открылись, чтобы пропустить маленького юркого монашка с нездешне-смуглым лицом. Монашек был низенький, щуплый и припадал на правую ногу.

— А, это ты обвинял братьев-заступников! — узнал его охранявший вход Кривой Ланзо. — Пришёл просить милостей у нашей госпожи?

Монашек кивнул и осенил стражников священным знаком.

— И правильно, — поддержал Тощий Аццо. — Давно пора этих лицемеров прищучить! Жаль, что тебе не поверили.

— Они просто забыли, что за подарочек наши братья-заступники, — пояснил Ланзо. — Ничего, мы-то помним, и госпожа тоже.

— Нечего болтать! — прервала Вейма, спускаясь по лестнице. — Отец Наркис, идёмте за мной!

Она повернулась и пошла вверх по лестнице. Отец Наркис, прихрамывая, двинулся следом за ней. Вейма провела приора в таблиний и, немного рисуясь, распахнула перед ним

двери.

— Ваша милость, — возгласила она, подражая герольдам, — отец Сергиус!

В таблички их ждали баронесса и шателен Ордулы.

— Это?! — вырвалось у Норы, когда она оглядела гостя. Он успел переодеться и вместо изодранной рясы ордена Камня появился в облачении монаха нищенствующего ордена, которая, впрочем, никогда не выглядела новой. — Это же... как его... отец Наркис, приор монастыря в горах.

— Да, дочь моя, — признал приор, — но моё настоящее имя — отец Сергиус. Я посланник Святейшего отца.

Нора с сомнением оглядела монаха. Тот улыбнулся и полез за пазуху.

— Вот письма, которые это подтверждают, — сказал он, — от святейшего престола к правителям Тафелона. А вот это — письма вашего отца к вам, ваша милость.

— Дай сюда! — вырвалось у Норы. Она схватила отцовские письма, пробежала глазами... буквы так и прыгали... она постаралась сосредоточиться, перечитала ещё на один раз...

Протянула Вейме.

Вампирша обнюхала письмо. Да, его действительно писал барон. Читая, она почти что видела сюзерена перед собой, слышала его голос.

— Он пишет, что братья-заступники предали посланных в святые земли людей, — произнесла Вейма. — Они пытались сговориться с неверными... но отец Сергиус успел предупредить его милость. Однако... Святые земли придётся оставить. Его милость ведёт переговоры с неверными, чтобы обменять завоёванные земли на нужные нам города... и привилегии.

Вампирша протянула мужу письмо. Плечи её опустились.

— Мы проиграли, — спокойно произнесла она. — Всё напрасно.

— Ничего не бывает напрасно, дочь моя, — вмешался легат^[31].

Вир перевернул письмо.

— Его милость также пишет, что без помощи отца Сергиуса наше войско погибло бы под мечами неверных, — сказал он.

Нора недоверчиво взглянула на монаха.

— Ты же нищий приор разрушенного монастыря! — сказала она.

— Я был приором монастыря ордена Камня под Сюдосом, чтобы раскусить планы братьев-заступников, — пояснил отец Сергиус.

— Притворялся, значит? — вызывающе спросила баронесса.

— Можно сказать и так, — чуть улыбнулся легат.

Нора раздражённо взглянула на своих приближённых.

— Зачем вы его сюда привели?

— Ваша милость, — укоризненно произнесла вампирша. — Отец Сергиус прибыл с посланием от Святейшего престола.

Баронесса медленно вздохнула. Ей было сложно всерьёз воспринимать стоящего перед ней нищего монаха.

— Очень хорошо, — произнесла она. — Что нужно от нас Святейшему престолу?

— Помощь, — ответил легат. — Я расследую преступления братьев-заступников.

— Вот как, — медленно проговорила Нора. — И другого места не нашлось... отец? Только Тафелон?

— Ваша страна отличается от остальных. Братья-заступники ещё не получили признание светских правителей и не могут распоряжаться здесь, как они делают в других странах, например, на моей родине, в Рикании.

— Отец Сергиус, — с ехидцей сказала Вейма, — трижды сталкивался с братьями-заступниками ещё до пострижения в монахи. Они находили ересь в его попытках учить людей церковному языку.

Монах укоризненно посмотрел на вампиршу.

— Дочь моя, тебе необязательно рассказывать то, что ты увидела в моей памяти.

Вейма пожала плечами.

— Я служу её милости, не тебе, отец Сергиус.

Монах пригрозил ей пальцем.

— Это правда, но не имеет никакого отношения к тому делу, по которому я прибыл, — пояснил отец Сергиус, снова повернувшись к Норе. — Вторым отличием является удалённость вашей земли от Терны. Братья-заступники могли делать здесь всё, что угодно, да, они и делали. Это и участие в мятеже самозванца семь лет назад, о котором я слышал, это и убийства и захваты чужих монастырей, это и вмешательства в вашу политику, и подстрекательства к войне...

— А! — язвительно произнесла Вейма. — Магистр Эрвин. Ну, конечно!

— Какой магистр Эрвин? — нахмурилась Нора. — Почему ты мне о нём ничего не рассказывала?

— Магистр Эрвин — настоятель монастыря на северной дороге, — пояснила вампирша. — Он был большим человеком в ордене Камня, его ценили и монахи, и миряне, и паломники. После его внезапной смерти монастырь был захвачен братьями-заступниками. Я не рассказывала вам об этом, ваша милость, потому что тогда я жила в Ордуле, а вы — в Тамне. Это было перед войной, на которой нагбарцы ранили вашего батюшку.

— Монастырь охранял паломников, — пояснил отец Сергиус.

— Да, на пути в Нагбарю, в храм, где хранятся мощи святого Зераса, победителя дракона, — кивнула Нора. Она смутно помнила историю с захватом монастыря, но тогда в дела монахов не вдавалась.

— Орден Камня употреблял всё своё влияние, чтобы сохранять мир между вашими странами, — добавил отец Сергиус.

— А потом братья-заступники убили магистра, — подхватила Вейма.

Нора повернулась к ней.

— Откуда ты это знаешь?

— Я знаю ведьму, — улыбнулась вампирша отцу Сергиусу, — которая смогла показать совещание между братьями-заступниками, — то самое, на котором они договаривались убить магистра Эрвина.

— А зачем Магда решила это смотреть? — не унималась баронесса. — Ради этого вашего блаженного монашка?

— Нет, ваша милость, её попросил человек, которому приказали убить магистра, но он не успел это сделать, потому что братья-заступники отправили на преступление своего человека.

Баронесса нахмурилась, но промолчала.

— Среди *прозревших*, — пояснила Вейма, по-прежнему обращаясь к монаху, — лучшими и самыми достойными считаются высшие посвящённые, которые бывают или

проповедниками или убийцами. По традиции они живут своим трудом, но за убийства просят очень большие деньги.

— Я знаю, дочь моя, — кивнул отец Сергиус.

Баронесса переводила взгляд со своей советницы на монаха. Болтливость Веймы о делах, о которых никто из *слепых* и вовсе не должен был знать, поражала не меньше, чем осведомлённость отца Сергиуса.

— Кто вы такой?! — не выдержала она. — Откуда вы столько знаете?!

— Я ведь сказал, дочь моя, я посланник Святейшего папы. А что до сведений... моя работа в том и состоит, что собирать всё, что может пригодиться.

Он повернулся к Вейме.

— А ты знаешь, на что им такие деньги?

— Хотите и их подкупить? — засмеялась вампирша. — Если это настоящие прозревшие, то они не продаются.

— А всё-таки, — настаивал легат.

— Во-первых, на то, чтобы их уважали, — пояснила Вейма. — Они не нанимаются, они снисходят. Посвящённые убивают обычно тех, кто мешает прозревшим, но делают вид, будто это делается ради денег. А во-вторых... вы же помните убийство Сайолтакка. Её милость знает, что убийца раздал немало золота и серебра, чтобы всё прошло так, как он задумал.

— Погоди-ка, — спохватилась Нора, — ты, выходит, знаешь, кто убийца?!

Вампирша посмотрела своей госпоже прямо в глаза.

— Знаю, ваша милость.

— И ты молчала?!

Вейма пожала плечами.

— Вы хотите, чтобы я пришла в совет баронов и объявила, что вампирское чутьё указало мне на убийцу? Долго ли я проживу после этого... ваша милость?

— Прозревшие не доносят на прозревших, — подал голос до сих пор молчавший Вир. — А тех, кто доносит, убивают медленно и жестоко.

— Вы оба знали?! — вскинулась баронесса.

— Ваша милость, — терпеливо ответила Вейма, — мы не знали, что он замышляет, пока не стало слишком поздно. Мы не имели права вмешиваться в его дела. А когда он убил — он сразу же скрылся. Что мы могли сказать?

— Мы прозревшие, ваша милость, — настойчиво произнёс оборотень. — И мы не люди. Мы не можем рассказывать людям о том, что мы знаем.

— А мне? — горько спросила Нора.

Вейма опустила взгляд, Вир улыбнулся.

При постороннем он не стал говорить, что Нора сама проклятая.

— То есть, — медленно произнесла баронесса, — вы знаете, кто убийца... если найти доказательства, которые можно будет рассказать нагбарцам, мы можем выдать его головой...

Вейма пожала плечами.

— Не думаю, что нагбарцы примут голову нищего крестьянина как компенсацию за смерть великого тана, — ответила она.

— К тому же он только исполнитель, — подхватил отец Сергиус. — Куда важнее разоблачить истинных виновников.

Нора вздохнула.

— Очень хорошо. Но почему ты... вы пришли ко мне?

— Ты правительница Тафелона, дочь моя, — отозвался легат. — Сейчас, пока не вернулся твой отец, от тебя зависит мир и процветание в стране.

— Ты... вы издеваетесь, отец Сергиус?! — возмутилась Нора. — В совете я самая младшая. У меня ни земель, ни людей, ни...

— Это всё поправимо, дочь моя, — мягко прервал её легат.

Баронесса насторожилась.

— Вир говорил, что вы можете дать мне денег. Для планов, которые посоветовал мне он. Это всё ваши идеи?

Легат покачал головой.

— Нет, это его идеи, дочь моя. Но они весьма разумны. Я склонен их поддержать.

— Вы представляете, сколько золота нужно, чтобы построить новый замок? Мои люди строят мне его несколько лет и едва фундамент заложен. А армия?! Это деньги, оружие, одежда, еда, лошади...

Легат поднял руку и Нора умолкла.

— Ты всё это получишь, дочь моя.

— Вот так, запросто?!

— Не запросто. Но то, что мне нужно, стоит дороже денег.

— Хорошо, — кивнула Нора. — Что вам нужно?

— Мне нужно многое, *ваша милость*, — медленно начал легат. — Я жду отряд, посланный ко мне из Терны, и оставшиеся доказательства преступлений братьев-заступников. Когда они будут собраны — мне понадобится помощь ваших людей, чтобы взять монастыри ордена братьев-заступников. Я надеюсь, что они послушаются приказа, направленного из Терны, но поддержка мирских сил не помешает. Вам надо будет высказаться в совете за то, чтобы ваши люди присоединились ко мне и за то, чтобы земли остались во владении церкви и за многое другое...

— Кто будет меня слушать? — горько спросила Нора.

— Я думаю, они будут слушать посланника Святейшего папы.

— Тогда зачем вам я? — не поняла Нора.

— Затем, что вы правительница Тафелона, — терпеливо объяснил легат. — Кроме того, именно с вашей помощью я могу получить последние доказательства.

— Какие?

— Нападение, которое готовится на наш дом, — ответила Вейма вместо легата, — в котором будут участвовать и братья-заступники.

— Так-так-так, — процедила баронесса. — Значит, вы всё продумали. Вы заманиваете сюда братьев-заступников с какими-то разбойниками... и сейчас вы ставите меня в известность... как это мило с вашей стороны.

— Я не приказываю братьям-заступникам, на кого им нападать, — мягко ответил легат.

— Вы нарочно подсунули мне этого своего монашка блаженного, чтобы они подумали, что я с вами заодно! И теперь...

— Брат Полди — беззащитный и слабый человек, который только и знает, что свои книги. Он талантлив, но не способен обороняться. А у вас, *ваша милость*, дом, похожий на крепость, и отряд вооружённых людей.

— И вы решили за меня, как мне поступить? — подхватила Нора.

— Я подумал, что ты можешь оказать помощь церкви... и позволишь оказать помощь

тебе, дочь моя. Как я понимаю, нападение состоится со дня на день.

— И чем ты можешь мне помочь, монах? — презрительно фыркнула Нора.

— В миру я звался Рико Матео да Энганьо. Я родился в замке старинного пинского рода в Рикании. Моя родина раздирается междоусобицами.

— Это страна на западе, на берегу моря, — пояснила Вейма в ответ на вопросительный взгляд своей госпожи.

— Я думала, там находится Хлария, — нахмурилась Нора. Она так и не смогла запомнить уроки Веймы и плохо представляла себе карту мира.

— Да, но Рикания южнее, ваша милость, — ответила вампирша, стараясь удержаться от раздражённой гримасы. Её госпожа всегда была нерадивой ученицей. Лонгин, наставлявший Нору в чёрной магии, жаловался на то же самое.

— Мне приходилось как оборонять замки, так и брать их, — продолжил отец Сергиус. Он перехватил взгляд женщин на его ногу и кивнул. — Да, именно тогда я был ранен.

Вир поднялся на ноги.

— Я покажу вам дом, отец Сергиус, — предложил он. — Признаться, обороной я не занимался, всё в поле сражался.

Он вопросительно покосился на баронессу.

Та раздражённо пожала плечами.

— Я вижу, вы всё без меня решили.

— Я жду вашего приказа, ваша милость, — спокойно произнёс Вир.

— Хорошо... приказываю. Защищайте дом, вам виднее. Что вы посоветуете мне? Моим людям?

— Пока — ничего, — ответил легат. — Когда мы узнаем о нападении, отпустите слуг. Остальное... будьте готовы. Вы... госпожа Вейма... брат Полди... и я думаю, та несчастная, которую вы держите для развлечения... сумасшедшая, которая подбросила крысу... постарайтесь никуда не ходить без охраны. Возможно, разбойники захотят расправиться с вами поодиночке.

Мужчины вышли. Вейма в открытую дверь учуяла знакомый раздражающий запах и выскользнула в коридор, оставив свою госпожу одну. Спустившись по лестнице, она увидела Липпа, который, всё ещё в рыцарской одежде, стоял у дверей возле стражников.

— Рыцарь Вивиан, — почти прошипела Вейма. Липп танцующе поклонился.

— Госпожа Вейма, у меня послание от нагбарцев к вашей госпоже, — певуче произнёс он.

— Хорошо, — кивнула вампирша. — Следуйте за мной.

Она поднялась по лестнице, но повела вампира не в таблиний, а в сторону своих покоев. Внутри всё же не пустила, завела за угол коридора и втокнула в нишу.

— Зачем ты явился? — прошипела она, уже не скрывая клыков.

— Я тоже рад тебя видеть, сестричка, — обезоруживающе улыбнулся в ответ Липп. Он взял её за руку и попытался заглянуть в глаза. Вейма с проклятиями отшатнулась.

— Ну уж нет!

— Нет, так нет, — покладисто согласился Липп. — Я не понимаю, на что ты сердисься. Я действительно принёс послание от нагбарцев. Они говорят, что их... погоди-ка...

Он сосредоточено нахмурился и произнёс, передавая гортанное нагбарское карканье:

— Грайогэйр, камераррий и родич великого тана, будет... эээ... это не переводится... словом, он будет следить, чтобы бароны честно расследовали убийство их... Сайолтакка.

Кроме этого, он будет требовать суда поединком.

— Если проиграет, войны не будет? — уточнила вампирша.

Липп улыбнулся, показывая вампирские клыки.

— Решение о войне примет их король. А поединок просто поможет Заступнику указать, есть ли наша вина в смерти великого тана.

Вейма пожала плечами.

— Нагбарцы всегда были надменными и воинственными.

— Пожалуй, — пожал плечами Липп. — Кроме этого, у меня есть послание к вашей дуре от её милого.

— Я прикажу её найти, — вздохнула вампирша. — Что он передал?

— О-о-о... ты должна это услышать! Он всучил мне письмо, но вряд ли Марила умеет читать по-нагбарски. А на нашем языке он передал вот что...

Вампир снова нахмурился и заговорил, точно передавая неправильную речь нагбарца:

— Возлюбленный Марил! Моя не видеть твою много дней! Моя любить тебя! Твоя моей отвечай? Моя мечтай о встрече! Между нашими народами быть война... завтра, неделя, месяц — и война быть. Война — хорошо для воин, но твоя женщин. Моя волноваться о твоей. Не быть война — моя идти к твой брат, к твой барон, моя проси твоя рука. Твоя не знать мой язык, твоей быть плохо в Нагбария, моя быть готов уйти от моя рыцарь, наняться к рыцарь или барон в Тафелон. Моя пойти за твоей куда твоя хотеть. Но быть война. Твоя бежать с моей! Мы уходить в Нагбария, твоя с нашей. Моя поселить тебя в свой дом. Моя жениться на твоей, если твоя скажи да. Скажи да моей, возлюбленный Марил. Моя защищать твоя, моя любить твоя, моя хотеть брак с твоей. Этот рыцарь передавать твоей моя письмо, рассказать моя мысли. Твоя ответить ему, он передавать моей. Жду, Марил!

— Прекрати! — расхохоталась Вейма. Липп жестоко высмеял акцент нагбарца и его наивную речь.

Вампир раскланялся как уличный жонглёр.

— Проводи меня к Норе, — попросил он. — Я принёс ей письмо от Грайогэйра и устное послание. А потом я поговорю с Марилой, а то одному Освободителю известно, что учудит оруженосец Мюр, если не дождётся ответа.

— Пошли, — согласилась вампирша. — И будь любезен с ней не заигрывать, как тогда, в Фирмине.

— Что вспомнила! — засмеялся вампир. — А она умная девочка. Я боялся, что она меня выдаст на совете, ничего, промолчала.

Вейма тоже промолчала, не желая ничего говорить о наглости своего собрата. Вампиры ставили себя выше людей и Липп исключением не был.

* * *

Когда Нора выслушала послание от нагбарцев и довольно улыбающийся вампир был выставлен за дверь, а отец Сергиус с Виром вернулись в таблиний, Нора вернулась к разговору:

— Я не понимаю, — медленно произнесла она, — зачем им это всё нужно? Мой брат, Флегонт, ненавидел нашего отца и ради его унижения был готов ввергнуть Тафелон в смуту. Но сейчас? Неужели Флегонт сохранил своё влияние после того поражения?

— Мне ничего неизвестно про твоего брата, — развёл руками отец Сергиус. — Но что до твоего вопроса, дочь моя... Братья-заступники хотели смуты, вашего поражения в войне — сейчас, когда твой отец должен был пропасть в Святой земле... Власти, которую им бы принесло наведение порядка в вашей стране. Тафелон — бедный край, маленький и, казалось бы, незначительный, но именно через вашу землю проходит путь в Святые земли... и не только...

— О чём ты, отец Сергиус? — нахмурилась Вейма, которая уловила намёк в голосе монаха. Он поднял глаза, посмотрел на вампиршу, потом на Вира и, наконец, на Нору.

— Прозревшие... проклятые... как там ещё... братья-заступники борются с ними много лет... не меньше века... было бы странно, если бы они ни о чём не догадались?..

— О чём догадаются? — напряглась Нора.

— О том, что именно здесь скрываются ваши главные силы, дочь моя, — прямо ответил легат. — Ты ведь тоже... прозревшая, не так ли?

Нора смертельно побледнела. Вейма напряглась, как перед прыжком, а Вир остался обманчиво спокоен. Отец Сергиус успокоительно поднял руку.

— Дети мои, я не собираюсь угрожать вам этим знанием. Я только хотел показать, что вам нет смысла лукавить со мной. Я знаю всё о вас и о ваших тайнах.

Нора передёрнула плечами.

— Нигде нет закона, что наследница барона не может изучать магию, — с вызовом сказала она.

— Разумеется, нет, дочь моя, — подтвердил отец Сергиус.

— И он ведь даже не издевается, — прошептала Вейма, смущённая оборотом, который принял разговор.

— Получить власть над вашей страной, уничтожить прозревших... и тайно использовать их силы для своих дел — достойная цель для такого могущественного ордена, как братья-заступники.

— Каких дел? — спросила Вейма. Она чуяла, что отец Сергиус может поведать много интересного... захочет ли он быть откровенным со своими союзниками?..

— Власти над церковью, дочь моя, — ответил легат. — Их план включал в себя убийство Святейшего папы.

Нора охнула. Вейма осталась равнодушна к предполагаемой судьбе главы церкви.

— Вы хорошо потрудились, отец Сергиус, — склонила голову вампирша, — знаете всё и обо всех.

— У меня есть и подтверждения моих слов, — улыбнулся ей легат, — но главное мы получим, когда захватим братьев-заступников во время нападения.

— Если захватим, — резко возразила Вейма.

Легат снова улыбнулся.

— Мы приложим все усилия, дочь моя. Твой муж мне очень помог. Я дал ему несколько советов... а пока мы можем только ждать.

— Погодите! — спохватилась Нора. — Но что нам делать с войной?

— Пока — просто ждать, дочь моя. Может быть, братья-заступники, которых мы постараемся захватить, прольют свет на гибель великого тана. Если мы докажем Нагбарии, что ваши страны стравливают, возможно, они смогут удержаться от нападения...

Глава шестая

Волшебница

День после разговора с Ржаным Пнём прошёл для Врени спокойно — насколько это было для неё возможно. Она позволила себе отоспаться, потолкалась по рынку Сетора и даже заглянула в кабак, где встречалась в прошлый раз со своим учителем — не тем, которого она отвергла, а тем, в чьём наставлении она нуждалась, одним из *освобождённых*. На этот раз ей не повезло его встретить, да и Ржаной Пень не давал о себе знать. Марила умчалась в лагерь нагбарцев, её даже не могли уговорить дожждаться охраны. Врени, впрочем, считала, что вот за кого беспокоиться не стоит, так это за сумасшедшую. Кто захочет тронуть сестру оборотня? А если захочет... Врени могла тому только посочувствовать. Брата Полди, напротив, и просить не надо. Он с удовольствием остался дома, ведя с людьми дома Фирмина долгие разговоры о своём родном монастыре, о том, как смешивать краски и как распознавать тайное влияние преисподней, о котором он читал в одной из своих книг.

Только к вечеру он заволновался, принялся то и дело ходить через двор к выходу и выглядывать на улицу. А наутро его удержать в доме и вовсе не получилось. Он умолил Большого Куно пойти с ним, несмотря на ледяной дождь, где-то долго шатался, вернулся очень встревоженный и подошёл как раз к собирающейся отправиться на рынок Врени, которая, в отличие от него, дождалась просвета.

— Ты слышала? — взволнованно спросил монах. — В Сетор приехала волшебница, способная открывать тайны прошлого, настоящего и будущего. Она приехала сюда из Ранога, узнав с помощью магии, что нужна здесь. Говорят, завтра она предстанет перед советом. Она везёт с собой огромное зеркало, в котором откроет, кто убил нагбарца.

— Правда? — равнодушно пожала плечами цирюльница. — А тебе какое дело?

Полди потянул Врени за руку отойти в сторону.

— Отец Наркис обещал поговорить со мной вчера, — сказал он, — но так и не появился.

— Был занят, — снова пожала плечами Врени.

— Я ходил туда, где мы встречались, но не нашёл его там! Мне сказали, что не видели его!

— А где вы встречались?

— В лавке... да, в лавке Братства Помощи.

— Не думаю, что он там живёт, — холодно ответила Врени. Хотя... Липп привёл её туда же, когда потянул говорить со своим патроном. Кто его, святошу знает?.. может, и живёт. Надо же ему где-то жить. А, может, проводит там только дни.

— Я спрашивал, где его искать, но они мне ничего не сказали!

— Они этим славятся, — напомнила Врени. — Всегда хранят тайны тех, кто к ним обращается.

— Но я... но мне...

— Чего не знаешь, о том не расскажешь, — хмыкнула цирюльница.

— Я скорее умру, чем выдам тайны отца Наркиса!

Цирюльница вздохнула. *Старший брат* рассказывал ей... о многом. Не только о том, что баронесса цур Фирмин балуется чёрной магией, но, по слухам, не слишком преуспела в учении. Ещё он рассказал о том, что на брата Полди напали не разбойники, а *братья* Врени,

которым заказчик велел проверить, можно ли на монаха положиться. Потому-то он так легко и отделался. Но говорить об этом цирюльница не собиралась.

— Чего ты от меня хочешь? — прямо спросила она.

— Врени, я прошу тебя. Я тебя очень прошу. Пойдём со мной, я узнал, где она остановилась?

— Кто? — не сразу поняла цирюльница.

— Волшебница. Врени, пожалуйста. Мы придём к ней, мы попросим... она не откажет, я слышал, она всегда помогает людям. Она откроет, где он. Я... я знаю, у него много врагов. Если его убили? А если ранили? Покалечили? Мы найдём его.

— Ты с ума сошёл? — рассердилась цирюльница.

— Врени, прошу тебя. Я... я знаю отца Наркиса. Никогда в жизни он не нарушил слова. Если он не пришёл... я сердцем чую, с ним беда стряслась.

— А если не беда? — нахмурилась Врени. — Если у него свои дела? Ты уверен, что тебе нужно об этом знать?

— Я не буду узнавать больше, чем это необходимо. Врени...

— Чудак-человек. Зачем тебе я? Иди сам, сам волшебницу свою уговаривай.

— Врени, пожалуйста... я... я боюсь.

Цирюльница расхохоталась.

— Враг с тобой, монах, идём.

— Заступник, — поправил брат Полди, расцветая прямо на глазах. — С нами Заступник.

* * *

Им пришлось дожидаться стражников, которые не слишком хотели сопровождать монаха и цирюльницу. Большой Куно промок и замёрз, а Аццо и Ланзо не горели желанием разделить его судьбу, тем более, что дождь продолжал накрапывать. Но брат Полди так умолял, так настаивал, так был готов отправиться один, что они сдались.

Постоялый двор был богатый. Врени там немного знали — пару раз она нанималась выводить им клопов и тараканов, так что её приняли... не то чтобы с радостью, но вполне добродушно.

— Зачем пожаловала, Большеногая? — спросил хозяин.

— Да вот, — кивнула на монаха цирюльница, — вот святой человек решил к волшебнице обратиться, которая туточки остановилась.

— Спятила?! Она только приехала, с дороги даже не прилегла. Завтра приходи.

— Завтра о ней весь Сетор будет говорить, — усмехнулась Врени. — А сегодня только мы пришли.

Хозяин закатил глаза.

— Знаю я тебя, Большеногая, но волшебницу мне не трожь. Не в каждом доме такие люди останавливаются.

— За отца своего переживает, — кивнула на монаха Врени. — Спать не может, есть не может... больной он, хромает, отец-то его... Боимся, что беда с ним стряслась.

— Вот жалко мне его отца, Большеногая, но — не могу!

Врени сунула руку в сумку и забренчала деньгами.

— Не-не-не, даже не проси!

— Мы *очень* просим, — не отставала Врени и сунула в руку хозяина увесистый кошель.

— Не отстанешь, Большеногая, — вздохнул хозяин. — Входите... Сейчас служанку к ней пошлю.

* * *

Врени и брат Полди вошли в комнату, занимаемую волшебницей. Помещение было обставлено скромно: кровать, большой сундук, видимо, привезённый волшебницей с собой, и огромное зеркало, завешенное белым полотном. Тем не менее... Немногие могли себе позволить не то что отдельную комнату, а даже отдельную кровать. Чем заплатила волшебница? Деньгами? Помощью? Или хозяин поселил её сюда из уважения к её чудесному искусству? К белым магам относились... по-разному. Кто-то считал их практически святыми, а кто-то думал, что любое волшебство происходит от Врага.

Волшебница стояла у зеркала, одетая в простое белое платье, мало чем отличающееся от того, что носили крестьянки и простые горожанки, разве что было немного дороже. Свободный крой, простые рукава, вышитый серебром пояс не туго охватывал бёдра, волосы убраны под покрывало, такое же белое, как и всё остальное одеяние. Только смотреть на неё было больно. Вроде бы — обычная женщина, не старая ещё, по-прежнему красивая той зрелой, уверенной красотой, которая приходит на смену молодости. Казалось бы — просто белые одежды.

Но в глазах Врени они сияли, заставляя щуриться и смаргивать набегающие на глаза слёзы. Цирюльница покосилась на брата Полди. Он бестрепетно смотрел на волшебницу. Ну, да, он ведь не обладает даже самым маленьким отголоском дара. И он не проклят.

Монах осенил волшебницу священным знаком и умоляюще протянул к ней руки:

— Добрая госпожа! Мне известно твоё чудесное искусство! Умоляю! Помогите нам. Мы пришли просить о милости. Ты добра и красива, ты не откажешь...

Губы волшебницы тронула мягкая улыбка.

— Не надо, — остановила она монаха. — Ты не должен просить. Если в твоём желании нет ничего дурного, я выполню его. Не бойся меня.

— Я слышал, ты можешь открывать сокровища, — с возрастающей надеждой заговорил монах. — Мой... мой... мой духовный отец пропал, никто не знает, где он. Ему грозит опасность, многие люди мечтают его убить. Прошу тебя, ответь, где мне его искать?

Волшебница покачала головой.

— Я вижу, ты любишь этого человека, но... хочет ли он, чтобы ты его искал?

— Я не знаю, — опустил голову монах. — Но я бы живым прыгнул в огонь по его слову. Он ни разу меня не обманул, он обещал встретиться со мной — и не пришёл, он никогда бы так не поступил по своей воле. Я не собираюсь вмешиваться в его дела, но, быть может, ему грозит опасность и, если я не помогу ему, то кто поможет? У него нет друзей в нашей стране.

— Ты искренен, — подняла брови волшебница. — Это редкость в наши времена. А кто это рядом с тобой? Кто она этому человеку?

«Наёмница, чьи услуги он купил» — подумала Врени, но промолчала.

— Она проделала долгий путь вместе со мной, — уклончиво ответил монах.

— Посмотри на меня, — приказала волшебница, чем неприятно напомнила цирюльнице вампиров. — Вы оба посмотрите. Ну же!

Врени неохотно повиновалась. Глаза болели и слезились. Волшебница излучала свет, видимый только тем, кто сам обладал магическим даром — пусть и таким куцым, как Врени.

— Ты — проклятая! — уверенно произнесла волшебница. — Зачем ты пришла с ним? Какую хитрость ты задумала?

— Я пришла с ним, потому что он меня попросил. Доволен, монах? Напросились. Я пойду, развлекайся тут без меня.

К её удивлению брат Полди удержал её за руку.

— Врени, пожалуйста, — твёрдо произнёс он и повернулся к волшебнице. — Я прошу тебя, добрая госпожа. Пусть Врени увидит то же, что и я.

— Зачем это тебе? — заспорила волшебница. — Она проклятая, она ненавидит мир. На руках её — кровь. Ты не видишь?

— Я не обижу её недоверием, — ответил брат Полди. — Весь путь она защищала и укрывала меня, делилась куском хлеба, когда я был голоден, плащом, когда замерзал. Она останется со мной.

Врени закатила глаза. Если бы ей не было бы любопытно, на что похожа белая магия, то монах бы её не удержал бы здесь. Но ей было интересно и она ждала, отспорит ли брат Полди её присутствие.

— Даже так? — покачала головой волшебница. — Пусть будет по-твоему.

Она подошла к зеркалу и принялась снимать с него покрывало.

— Ты думаешь, это волшебное зеркало? — спросила она, улыбаясь. — Не бойся. В нём нет никакого волшебства. Чудеса — это то, что делают люди, не более.

— погоди, — остановила её Врени. — Прежде чем ты начнёшь... поклянись своей волшебной силой или чем там для тебя свято... матерью, отцом, мужем, детьми... надеждой на спасение, если хочешь. Поклянись, что никому не выдашь то, что покажешь нам.

Волшебница снова покачала головой.

— Мне не ставят условий, проклятая. Если ты не веришь мне — чуда не случится.

— Всё ясно, — презрительно бросила цирюльница. — Идём, монах.

Полди, не задавая вопросов, шагнул к ней. Цирюльница мысленно восхитилась его преданностью, но, почувствовав, как он цепляется за её руку, поняла: монах боится. Боится магии, боится оставаться один с волшебницей, может быть — с чужой красивой женщиной. Боится того, что она может ему показать. Впрочем, он и верил Врени тоже.

Врени уже открывала дверь, когда волшебница не выдержала.

— Стойте, — позвала она. — Не уходите.

Цирюльница повернулась к ней, скрыв непрошеную улыбку. Знала она таких добреньких. Они жить не могут, если кто-то уйдёт, не благодетельствованный их помощью.

— Неужели ваша гордость важнее, чем забота о вашем духовном отце? — спросила волшебница. — Ведь у него нет других друзей, кроме вас.

Врени восхитилась, как легко волшебница записала её в друзья исчезнувшего святоши.

— Это не гордость, добрая госпожа, — отозвался брат Полди. — Прости наше недоверие, но... враги... я не могу тебе сказать... для них нет ничего святого. Мы просим тебя сохранить не нашу тайну.

Волшебница вздохнула.

— Быть по-вашему.

Она повела рукой и вокруг неё засияло кольцо белого света, видимое даже брату Полди. Произнесла слова клятвы. Кольцо засияло сильнее, а потом постепенно пропало, как будто всосавшись в зеркало.

Волшебница погладила резную раму.

— Встань здесь, — приказала она монаху. — Коснись рукой рамы. А твоя кровавая подружка пусть держится поодаль. Ты — близкий человек, на твой зов он ответит.

Брат Полди беспомощно оглянулся на цирюльницу. Врени показалось, что он предпочёл бы держать её за руку.

— Он... ответит? — с замиранием переспросил монах. — Он будет говорить со мной?

— Нет, — нетерпеливо отозвалась волшебница. — Это только так говорится. Мы увидим его, вот что главное. А сейчас — молчи. И подружка пусть молчит.

Врени стиснула челюсти.

Она бы могла многое ответить, но спорить с волшебниками — себе дороже. Они считают, что правы просто потому, что правы, белые они там, чёрные... неважно.

К тому же её тоже охватил трепет. Она никогда не видела так близко белой магии.

Волшебница гладила раму зеркала как ластящуюся кошку и та отзывалась неярким белым светом. А потом свет погас и в комнате как будто стало темнее. Зеркало же залила чернота. Волшебница нахмурилась. Врени не столько увидела, сколько почувствовала, как брата Полди охватил страх, с которым он пытался бороться. Она наплевала на приказы волшебницы, шагнула вперёд и положила руку на плечо монаху. Тот выдохнул, а чернота зеркала немного прояснилась.

— Ничего не понимаю, — рассердилась волшебница.

И тут из темноты послышался голос приора, который, казалось, доносился издалека:

— ... много зла... слуги Заступника... не чураются... многие из вас... гонимыми... Но, — голос его окреп, приблизился, — вот странное дело: пока Заступник не пришел в мир, не явил свою силу и не дал людям защиту от тех, кого с тех пор называли Проклятыми — зла было больше. Много больше. Тогда — часто, очень часто! — ныне гонимые были гонителями, властителями и тиранами, от которых у бедных и слабых не было защиты и помощи. Епископ, требующий на своё ложе бедную девушку, слишком юную для брака, — зло. Но он знает, что творит зло. Он знает, что будет наказан, если будет уличен. И знает, что наказание ждет его после смерти. Не всех это сдерживает, но все-таки сдерживает. А что сдержит вампира, который мучает ту же девушку ради удовольствия, прежде чем убить её, и считает что так и нужно? Он большее зло или меньшее? Думаю, несчастной девочке все равно.

Его прервали, бросив какое-то неразборчивое замечание. Приор помолчал и ответил:

— Нет, Заступник — не спаситель, он пришел не для того, чтобы насильно избавить мир от всякого зла. Должно быть, Создателю такое под силу, но стоило ли тогда даровать нам, его творениям, свободу выбора? Нет, Заступник пришел для того, чтобы показать нам путь. Всем нам, всем, кто способен выбирать. Для того, чтобы мы знали: и нас самих, и мир вокруг нас можно сделать лучше, чем сейчас. Мы сами можем это сделать, только мы.

Врени вдруг как будто потянуло к зеркалу. Она коснулась сама его рамы. Стекло ещё больше посветлело, стали видны неясные тени. Одна из них сказала:

— Мы знаем, что ты ошибаешься, святоша. Но если бы ты и был прав — что ты можешь нам предложить? От имени церкви Того, Кто сторожит наши души в этом мире, [\[32\]](#) нашего

врага?

— Церковь, которая будет судить людей по делам, а не по вере, — ответил приор. — Церковь, которая позволит говорить о вере открыто, не боясь преследования и наказания. Которая будет учить всех, кто захочет учиться, и людей, и... *одарённых*.

Послышался смех.

— Станный ты, святоша, — ответил прежний голос. — Станный и смешной. Прирезать бы тебя, но уж больно забавно болтаешь. Ты ошибаешься, но ты искренен и ты не дурак. Это редко встречается. Хотел бы я послушать тебя еще разок. Так что иди. Живым. Пока мы не передумали.

Зеркало снова потемнело, но вдруг стало светлее.

— Ты рассказал нам про предателей, — послышался другой голос. — Мы знали о них, но ты рассказал больше. Нам нет дела до тебя, твоего папы, баронов, войн и всех твоих забот. Но эти люди нарушили не один наш закон. Делай с ними что хочешь. А если победишь... приходи. Я, брат Луц Кривая Шея, обещаю, что мы отпустим тебя живым и во второй раз.

Приор замешкался.

— А почему кривая шея? — извиняющимся тоном, будто и сам стеснялся нелепости своего вопроса, спросил он.

Раздался дружный хохот.

— Вешали меня один раз, да не сумели, — отсмеявшись, объяснил проклятый. — Иди.

Зеркало залила чернота, которая больше не прояснялась.

— Я не понимаю, — обернулась к гостям волшебница. — Никогда такого не было, чтобы зеркало не открыло мне того, о чём я прошу. Я... я видела, как от глаз ведьмы людей скрывала вера, но...

— А ты ничего не поняла? — бросила ей Врени. — Пойдём, монах.

Полди помедлил.

— Добрая госпожа! Я благодарен тебе, я буду молиться за тебя, я...

— Сколько мы тебе должны? — презрительно спросила Врени. Волшебница побледнела.

— Я не прошу денег за помощь, которую оказываю людям.

— Ты просто ждёшь, что они бескорыстно тебя одарят, — закончила за неё цирюльница. — Прими же. Люди мы бедные...

Она сунула руку в сумку, не глядя нащупала украшение и протянула волшебнице. Это оказалось медное ожерелье, украшенное лунным камнем. Волшебница отшатнулась.

— Бери-бери, — протянула украшение цирюльница. — От всего сердца дарим.

— Добрая госпожа, прошу тебя, не откажи, — подал голос монах. Волшебница взяла ожерелье.

— Идём, монах, — тяжело бросила цирюльница.

Брат Полди повиновался.

— Что-что, — тихо и зло произнесла Врени, когда за ними закрылась дверь. — Вера их от её волшебства и скрывала. Она думает, только в Заступника можно верить?

— Так что же, — не веря сам себе, прошептал монах, — отец Наркис договаривался... с проклятыми?!

— С прозревшими, монах, — поправила цирюльница. — Выходит, что так. Везучий он у тебя.

Они вернулись в дом Фирмина и у парадного входа увидели приора.

— Гляди, нашлась твоя пропажа, — подтолкнула в спину монаха Врени.

Полди ахнул и бросился к своему приору.

— Отец Наркис! Я думал... вы пропали... я боялся... вы... вы живы!

— Прости, сын мой, — по-отечески положил ему руку на плечо приор. — Я не успел тебя предупредить.

— Но... вы... ведь всё...

— Всё хорошо, сын мой.

— Я... — брат Полди сглотнул. — Мы... я так тревожился, что уговорил Врени пойти к волшебнице, вы знаете, она приехала сегодня, и...

Приор оглядел цепким взглядом монаха, цирюльницу и шедших с ними стражников.

— Идём в дом, сын мой, — предложил он.

Комната, в которой спали Марила и Врени, располагалась на третьем этаже. Окна, маленькие и неудобные, выходили на улицу, дверь была узкой и такой низкой, что Врени приходилось сгибаться, чтобы попасть внутрь. Если волшебница на постоялом дворе спала на кровати с ременной сеткой и, кажется, даже с пуховой периной, то цирюльница с сумасшедшей делила простой деревянный короб с соломенным тюфяком и колючим шерстяным одеялом. В этой кровати без труда умещалось и два, и даже три человека, и поначалу Марила с невинной улыбкой предложила устроить вместе с ними и брата Полди, мол, вместе шли, вместе ночевали, чего стыдиться? Бедный монах тогда покраснел как маков цвет и невнятно промямлил, что его обещали поселить у себя стражники.

Ночевать с Марилой было неудобно. Во сне она пиналась, стаскивала на себя одеяло, а то вдруг принималась каркать. Врени даже повадилась выпивать на ночь глоток-другой из верной фляги, чтобы уснуть уж наверняка. Но этой ночью сумасшедшая превзошла сама себя...

...Врени редко наяву вспоминала родной дом. Это было прошлое — что о нём говорить? Она ушла, они остались. Но во сне они являлись ей часто — все вместе, по одному... сны были добрые и злые, весёлые и грустные... сегодня она увидела брата-погодка... В детстве они делили одну постель, все, и братья, и сёстры, и братец Удо частенько вытворял разные шуточки, например, вытягивал соломинку из тюфяка и засовывал любимой сестрице в ухо... А однажды он загулял и, возвращаясь под утро прокрался к кровати и...

Врени подскочила на постели и вскинула руки, чтобы защититься, — одновременно с появлением тени, хрипло шепчущей:

— Марил! Любимый Марил!

— Мюр?! — окончательно проснулась Врени. — Что ты здесь делаешь?!

— Дружочек! — тоже подскочила Марила. — Ты пришёл! Вот молодец какой!

— Да вы с ума сошли! — рассердилась Врени. — Марила! Что он здесь делает?!

— Пришёл, — надулась сумасшедшая.

— То есть как это — пришёл?! — не отставала цирюльница.

Дверь распахнулась, но тесная комната не осветилась.

— Что здесь происходит? — раздался холодный голос Веймы. А после из темноты послышалось волчье рычание, да такое, что у Врени душа ушла в пятки.

— Я Вир, шателен Ордулы, — холодно представился оборотень. — Отвечай, кто ты и что здесь делаешь?

— Моя... — растерянно отозвался нагбарец, — моя Мюр, оруженосец рыцаря Френга, что защищает... защищал славного Сайолтакка, великого тана Каолина, что в Нагбарии. Моя пришёл к своей невесте.

— Ночью?! — прошипела Вейма. — Ты пришёл ночью в наш дом без приглашения?! Кто тебя пустил?!

— Моя... я... к Марил...

— Это я ему показала! — обрадовано выкрикнула Марила.

В комнате воцарилась напряжённая тишина.

— Я его не чувствовала, — сказала Вейма после долгого молчания.

— Моя не хочет ничего дурного! — заверил Мюр. Врени подумала, что, может, в этом всё дело. А, может, и нет. Кто знает, может, такие наивные дураки имеют такую же защиту, как и святые.

— Я тоже... — медленно произнёс Вир. — Я... понял, что здесь чужой, только когда он уже был в доме.

— Я дала ему твою рубашку! — радостно пояснила сумасшедшая. — Стащила и принесла ему!

Тишина стала давящей.

— Марила... — с какой-то почти что приторной ласковостью начала вампирша, — а ты кому-нибудь ещё показывала, как сюда попасть?

— Не-а! — отозвалась сумасшедшая.

— Может быть, говорила?

— Не-а!

— Вспомни... может, человечку какому забавному?

— Зачем ты так говоришь?! — обиделась Марила. — Никому я ничего не говорила! Я только дружочку показала! Потому что он скучает без меня! Я же знаю, что нас убивать придут! Что я, совсем дура, что ли?!

— Убивать?! — нехорошим голосом спросил Мюр. — Убивать моя Марил?!

— Тихо ты! — прикрикнула Вейма.

Послышались шаги, дверь снова отворилась и на этот раз комната осветилась пляшущим светом факела.

— Что у вас стряслось, дети мои? — спросил приор. Врени заморгала, привыкая к свету. Монах, похоже, не ложился спать, одет был как и днём. А вот на вампирше и оборотне были только тонкие сорочки, видимо, вскочили с постелей, не тратя время на одежду.

— Полюбуйтесь, отец, — недовольно произнесла Вейма. — Этот человек пробрался сюда ночью.

— Как интересно, — ничуть не разделяя раздражения вампирши, произнёс приор. — Сын мой, ты непременно должен мне показать тот путь, которым ты воспользовался.

— Что нам с ним делать? — нетерпеливо спросила Вейма, раздражённая тем, что приор

так спокойно отнёсся к новости. — Я не могу допустить, чтобы по Сетору разгуливал человек, который...

— Моя должна вернуться! — запротестовал Мюр. — Моя не сказать господин, куда моя уходит! Моя господин терять меня! Господин думать, моя умереть! Господин сердиться! Он думать, моя сбежать! Моя не моги принять позор! Моя должен вернуться! Ваша отпустить меня! Моя не хотеть дурного!

— Замолчи! — зашипела вампирша. — Ты пробрался ночью, как вор, в дом баронессы цур Фирмина и обесчестил одну из девушек её свиты!

— Моя не трогать Марил! — возмутился нагбарец. — Моя не нарушать её честь! Моя честный! Моя чтить закон! Моя хотеть только поговорить!

— Замолчи!

— Юноша, несомненно, виноват, — примирительным голосом произнёс приор. — Но, наверное, он не откажется искупить свою вину?..

Вопрос повис в воздухе. Мюр часто заморгал, пытаясь сообразить, что от него требуется.

— А! — догадался он. — Моя жениться на Марил! Моя жениться бы на ней хоть сейчас, но между нами война и моя не моги на ней жениться! Моя хотеть просить её рука! Моя...

— Дочь моя, — повернулся к Вейме приор, — завтра, я слышал, совет. Ты сможешь уговорить свою госпожу послезавтра устроить помолвку Марилы с этим прекрасным юношей?

Вейма улыбнулась такой улыбкой, что Мюр попятился.

— Уверена, она не откажется.

— Я поговорю с её братом, — предложил Вир.

— У меня брат знаешь какой? — влезла Марила. — Он ух! Ты глазом моргнуть не успеешь!

— Моя просить твоей руки! Моя просить у твоя барон! У твоя брат! Моя ничего не боись!

— Храбрость тебе понадобится, — зловеще предсказала Марила.

Она обняла нагбарца и звонко его расцеловала.

— Идёмте, — предложил приор и толкнул дверь.

— Мюрлейн же с нами ляжет? — наивно спросила Марила. — У нас в кровати места хватит!

Врени набрала воздуха, чтобы высказать всё, что она думает по поводу этой затеи.

— О, нет, — покачала головой вампирша, схватила юношу за руку и потащила к двери. Хрупкая на вид, она была сильнее двоих мужчин и нагбарец побледнел от боли. — Твой жених пойдёт с нами и останется в нашем доме до самой помолвки.

— Но моя... — запротестовал нагбарец.

— Мы пошлём человека в ваш лагерь, — пообещала Вейма, — и предупредим, что скоро твоя помолвка. Твой господин не будет возражать?

— Моя... я... не знать... моя не говорить с ним... моя не знать... а если война?..

— Успокойся, дружочек, войны не будет, — заверила его Марила. — Он не даст, правда?

Она ткнула пальцем в приора. Тот засмеялся и осенил её благословляющим жестом.

— Пойдём-пойдём, — вытолкнула нагбарца в дверь Вейма. — Всё будет хорошо.

Мюр повернулся к оборотню.

— Твоя женщина, да? Твоя её муж?

— Муж, — усмехнулся Вир.

— Твоя такой храбрый! Если б я был вполонину такой храбрый, я б не знал страх! Если война нет, моя уйти от господин, моя кидаться твоей в ноги, взять меня в оруженосцы!

Вейма засмеялась.

* * *

Наутро в Сеторе как-то само собой расползлись слухи, что добрая волшебница вот-вот откроет баронам убийцу нагбарца, причём самые смелые даже заявляли, что она заставит его явиться в зале перед лицом баронов. Ещё говорили, что баронесса цур Фирмина сошла с ума вслед за своей дурой и завтра справляет её помолвку, а другие возражали, что молодой нагбарец обесчестил девушку и у баронессы не было другого выбора. Откуда-то люди знали, что на праздник не позовут ни одного барона или рыцаря, кроме тех, которые входят в свиту баронессы, зато там будут нагбарские оруженосцы, родня девушки — здоровенный кузнец со своей женой, — а также шателен Гандулы, который, хоть и рыцарь, да всё баронессе не чужой: он старший брат её мужа.

По поводу шателена Гандулы шептались особо. Он только вчера прибыл в город и поселился у своего отца, графа цур Вилтина. Про юношу говорили, что он объездил весь Тафелон, разыскивая какого-то разбойника, которого поклялся найти и передать в руки правосудия. Говорили, что юноша сумасшедший, раз отказался от наследования графства отца, а другие возражали, что взамен он приобрёл весь Корбиниан, а третьи возражали, что там только и есть, что небогатые деревни, да развалины, а четвёртые...

Врени немного знала, почему шателен Гандулы отказался от графства. Она тоже считала, что он сумасшедший. Подумаешь, оборотень! Что, из-за такой ерунды отказываться от тёпленького местечка?

А, впрочем, это было не её дело.

Говорили ещё, что баронесса вечером отпускает всех слуг — вернее, всех тех, которые жили в Сеторе и ухаживали за домом баронессы в её отсутствие, — чтобы они могли отдохнуть перед предстоящим праздником.

Говорили, что кто-то устроил заговор против баронов.

Говорили, что в Сетор прибыл посланец от самого Святейшего папы и этот посланец неузнанным ходит по улицам, а потом отпишет папе, кого надо отлучить от церкви, а кому простить все грехи, и прошлые, и будущие.

Говорили, что в городе собираются злые волшебники, чтобы навести чары на совет баронов и они же отравят колодцы, поэтому воду надо запасать заранее, покупая у водовозов.

Говорили, что скоро сюда ворвутся полчища вампиров, которые высосут кровь у каждого, кто не успеет спрятаться под крышу.

Говорили, что нагбарцы вот-вот отправятся в свою страну, а оттуда сразу же выдвинется непобедимая армия. А им возражали, что нагбарцев совершенно точно уговорили, околдовали, подкупили, припугнули, но, в общем, воевать они не решатся.

Говорили многое.

В полдень двери совета распахнулись, пропуская статную женщину в белых одеждах и слуг, несущих за ней огромное закутанное в серебристое покрывало зеркало.

В зале собрались, кроме баронов, ещё и приор, который расположился так, чтобы не привлекать излишнего внимания, и рыцарь Грайогэйр, камерарий и родич погибшего Сайолтакка. Конечно, там была также Нора с мужем, советницей и шателеном Ордулы. Был там и Арне, которого позвали на совет как шателена Гандулы. Он занял место рядом со своим отцом.

Вошедшая в зал волшебница была в просторном белом платье, собранном только у горла. Её длинные светлые волосы были уложены в высокую причёску, перевиты серебряной лентой и укрыты тончайшим белым полотном. Она, казалось, излучала сияние.

— Бароны! — возгласила она, даже не думая не то что поклониться, а даже склонить голову. — Я пришла сюда, чтобы остановить войну!

Бароны зашептались, не зная, оскорбиться ли им наглостью волшебницы или принять её поведение как должное. Виринея дёрнула ткань и она стекла серебристым потоком на пол.

— Я ей не верю! — нахмурился граф цур Лабаниан.

— Я тебя знаю, — ответила ему Виринея. — Ты Готтард цур Лабаниан, третий сын своего отца. Твои старшие братья умерли от болезни, которая поразила Тафелон много лет назад.

— Это мог рассказать любой, — отозвался граф цур Лабаниан.

— Испытай меня, граф, — предложила ему волшебница.

— Знаю я эти шуточки, — проворчал граф. Он достал кошелёк, высыпал оттуда монеты и завязал шнурок. — Вот если ты такая умная, расскажи, что я там прячу.

Виринея снисходительно улыбнулась.

— Как тебе будет угодно, граф.

Она погладила раму, шепнула зеркалу что-то ласковое. Стекло засветилось, а после в нём отразился кошелёк графа — огромный, на всё зеркало. Волшебница ещё раз погладила раму — и кошелёк раскрылся и внутри него загорелся свет.

— Ты спрятал там свой родовой перстень, граф.

Граф цур Лабаниан с изменившимся лицом рванул завязки кошелька и достал оттуда старый поцарапанный перстень.

— Может. На что-то ты и сгодишься... волшебница, — пробурчал он.

Виринея одарила собрание ещё одной по-матерински ласковой улыбкой.

— Испытайте меня, бароны.

— Хватит! — вскричал Грайогэйр. — Довольно игрушки! Показать убийца!

— Подойди сюда, — попросила она. — Ты Грайогэйр, родич убитого. Он одарил тебя многими милостями. Я вижу, ты оплакиваешь его смерть. Это хорошо. Это поможет. Коснись рукой рамы. Вот так. Теперь жди. И помни — ни за что не трогай стекло! Иначе будет беда.

— Моя понимать. Моя не маленький. Моя не трогать.

— Очень хорошо.

На этот раз волшебница колдовала дольше. Она касалась рамы то тут, то там, пела ей, гладила и даже, кажется, упрашивала. Потом покачала головой и обвела взглядом

собравшихся. Протянула руку к Норе.

— Баронесса... подойди ты тоже. Коснись рамы вот здесь. Нет, левее. Не притрагивайся к Грайогэйру. Не трогай стекло.

Нора заволновалась, но постаралась не подать виду. Она странно смотрелась рядом с волшебницей: Вириная в просторном белом платье, Нора в собранном под грудью чёрном. Вириная с высокой причёской, волосы Норы спрятаны под высоким энненом. Вириная как будто светила, Нора была тёмной и сумрачной. Занятия чёрной магией не отражались на её внешности, но сейчас можно было и догадаться.

От прикосновения Норы стекло стало проясняться и все увидели трибуну, на которой разместили нагбарцев, когда вонь заставила их отказаться от ложи. Тан сидел в самом первом ряду и, поддавшись вперёд, следил за действиями на поле Грайогэйра.

— Это моя! — возбуждённо закричал камерарий. — Ты показать моя! Ты великий волшебниц!

— Сосредоточься, — мягко пропела волшебница. — Подумай о смерти своего родича. Его убийца — твой враг, не так ли? Самая сильная связь у человека с врагом и с другом. Подумай. Твоё горе выведет нас...

Нагбарец стиснул зубы и зарычал. Зеркало ещё больше посветлело и стало видно бедно одетого крестьянина, который спрятался под трибуной. Человек держал в руках короткое копьё и, кажется, что-то прикидывал.

Грайогэйр в зеркале выбил противника из седла и в этот самый момент крестьянин резко ткнул вверх копьём, которое пронзило живот великого тана. Раздался уже знакомый всем крик боли и смерти. Вейма побледнела и закатила глаза. Вир еле успел её подхватить.

— Скорее! — приказала волшебница. — Твоё горе и ненависть направит твой взгляд. Коснись стекла там, где его голова. Теперь — коснись! Ну же!

Нагбарец послушался... крестьянин оглянулся... стало видно его лицо... обычное лицо человека, выполняющего свою работу. А после он что-то кинул себе под ноги и зеркало заволкло дымом.

— Я видеть! — завопил нагбарец. — Моя видеть убийца! Моя теперь знать его!

Он осёкся.

— Но почему? Зачем? Моя не знать! Мой родич Сайолтакк не ссориться с никакие крестьянины! Моя никогда не видеть его! За что его убить моя родич?!

— Кто этот человек? — спросил граф цур Вилтин. — Зачем он это сделал?

— Этот человек, — возгласила Вириная, — разбойник по кличке Медный Паук. Моя магия не раз открывала его злодейства.

— Зачем его это сделать?!

Волшебница покачала головой.

— Я могла открыть тебе твоего родича и его убийцу. Того, кто послал убийцу, магия открыть не может. Это вы должны узнавать сами.

Она выпрямилась, окутанная своим волшебством как мантией.

— Бароны! Я знаю, есть отряд, который разыскивает этого человека. Он объявлен вне закона по всему Тафелону. Я готова присоединиться к этому отряду. Моя магия разрушит враждебные чары, которые окружают убийцу и поможет его поймать!

Арне встал со своего места и, не обращая внимание на попытки отца его удержать, шагнул к волшебнице.

— Я, Арне, старший сын графа цур Вилтина, шателен Гандулы, с недавних пор

возглавил отряд, о котором ты говоришь, волшебница. Ты поедешь с нами и вместе мы найдём этого человека.

Виринея смерила юношу странно-пристальным взглядом, но потом наклонила голову и коснулась его руки.

— Да, — сказала она больше сама себе, чем Арне или баронам в зале. — Да будет так. Нам предназначено его поймать — тебе и мне. Но потом наши пути разойдутся. Дальше... дальше я не видела.

Арне зарделся.

— Бароны! — поклонился он. — Прикажите! Я найду висельника и мы сможем узнать, зачем он убил великого тана Сайолтакка.

Грайогэйр ткнул в него пальцем.

— Какая хорошая юноша! Великий волшебница предрекать её успех! Его успех! Моя верить волшебница! Мой родич Сайолтакк не ссориться ни с какими крестьянины. Чья-то приказать ему убить моя родич. Моя хотеть знать — чья. Юноша привезти убийца, моя допросить его. Моя хотеть допрашивать его сам. Моя хотеть снять с него шкура. Он убил моя родич! Моя хотеть отомстить кто это сделать и кто приказать.

Бароны переглянулись. Граф цур Лабаниан хмурился, но молчал. Нора кивнула Арне. Она верила отцу Сергиусу, который считал, что ответ на все вопросы они получают, допросив братьев-заступников, но если волшебнице непременно хочется поездить... Тем более, что Медный Паук в самом деле был вне закона. Нора, правда, сомневалась, что он хоть что-нибудь расскажет.

— Отправляйтесь, — за всех сказала она. — Мы соберём отряд и вы его возглавите.

Глава седьмая

Штурм

Врени, конечно, никто на совет не позвал. Ей с самого утра намекнули, что нечего отсиживаться и буквально выгнали из дома на улицу. Дождь закончился, но тучи заволокли небо, да и под ногами была липкая чёрная грязь. Мало кому хотелось расхаживать по улице. Между редкими прохожими носились сеторские мальчишки, запуская друг в друга вонючие комья грязи. Время от времени они попадали во взрослых (не всегда случайно) и тогда улица оглашалась проклятиями, иногда воплями, если «удачно» попавшего мальчишку удавалось поймать. Врени как раз прошла два квартала, когда начал накрапывать мелкий дождик. Потемнело. Цирюльница оценила черноту заслонившей небо тучи и поспешила укрыться в первом же попавшем кабаке. Едва она переступила порог, как дождь на улице стал стеной. Врени выругалась. Кабак был светлый, со свежей соломой на полу, видно, для публики почище. Сейчас в него набилось разного люда. Кто в хорошей одежде, а кто в рванье. Столы все были заняты и хозяин косо поглядывал на непрошенных посетителей, которые сгрудились посреди зала. Кто-то протискивался мимо Врени в толпе и так толкнул её в плечо, что она пошатнулась.

— Глаза разуй, недоумок! — рявкнула она.

— А нечего стоять столбом, дылда, — отозвался дюжий человек в одежде скорняка.

— Стою где хочу, — огрызнулась Врени.

Вокруг захохотали. Цирюльницу принялись подталкивать в спину, подстрекая к драке. Она покосилась на кабатчика. Стоит достать бритву, как он кликнет стражу. А без бритвы с таким кабаном ей не справиться.

— Да ну вас, — сплюнул скорняк, обозвал Врени площадным словом и принялся протискиваться дальше.

— Ах ты!.. — не осталась в долгу цирюльница и начала расталкивать людей, чтобы поймать гада и объяснить ему на понятном всем языке, как не надо разговаривать с незнакомыми женщинами.

Кто-то снова толкнул её в плечо, на своё счастье — в другое.

— Веселись, Большеногая, — внятно произнёс знакомый голос Ржаного Пня. Врени не остановилась. Она завидела скорняка впереди справа и прокладывала путь туда. — Этой ночью отоспишься.

Проклятый скорняк взял ещё правее, а потом исчез. Врени выругалась и тоже взяла правее. Вокруг смеялись, толкали и давали советы, один глупее другого.

— Святош трое, — снова прозвучал голос Ржаного Пня. — Братьев трое, кроме меня.

Голова скорняка снова показалась в толпе. Ещё правей.

— Шелупони по четыре на брата, — добавил Ржаной Пень. Он говорил тихо, словно в самое ухо, но разглядеть его в толпе у Врени вовсе не получалось. Впрочем, она и не слишком старалась. — Дым без огня. Много дыма.

— Где ты, гад?! — выкрикнула Врени. — Покажись!

В толпе расхохотались.

— Один брат верхний, — всё так же тихо добавил Ржаной Пень. — С ученичками полезет. Сперва войдут снизу. Потом уснёте. Потом всё.

Скорняк сделал круг по залу и вырвался из кабака. Врени выскочила за ним — прямо

под льющий дождь, в котором проклятый хам без труда скрылся. Вслед ей несло улюлюканье.

Цирюльница выругалась и побежала к дому Фирмина.

Проклятый Ржаной Пень подстраховался. Если они проиграют, он сделает вид, что никогда никого не предавал. Врени в который раз захотелось отправить бывшего учителя на тот свет.

* * *

— Ты сошёл с ума! — ругалась Вейма, вместе с Виrom затащив Арне в свои покои.

После совета Виринее передали приглашение на помолвку баронской дуры, что было редким выражением доверия, ведь посторонних на праздник не звали. Разумеется, приглашение получили и нагбарцы, которых по этой причине задержали в доме, когда все бароны разошлись. Сейчас Нора и легат рассказывали Грайогэйру об интриге братьев-заступников, вернее, рассказывал отец Сергиус, а Нора от имени ещё ни о чём не знающего совета обещала нагбарцам честное расследование и участие в допросе пленников.

А вот Арне позвал побеседовать Вир, правда, старший оборотень сейчас молчал, а говорила в основном вампирша.

— Я делаю то, что подсказывает мне долг, — упрямо ответил юноша.

— Опомнись! — умоляла Вейма. — Что ты выдумал?! Ты понимаешь, что ты идёшь против наших законов?! Ты собираешься выдать прозревшего — высшего посвящённого! — *слепым*, да ещё при помощи белой волшебницы! Да тебя убьют на первой же *встрече*! Или ты думаешь, никто из *прозревших* не умеет убивать оборотней?! Вир! Что ты молчишь?!

— Я думаю, что Арне дурак, — отозвался старший оборотень. — но сделанного не вернёшь. Он не может сейчас повернуть назад.

— Ты спятил. Совершенно спятил. Как ты вообще мог придумать такое?!

— А что мне оставалось? — огрызнулся Арне. — Этот человек угрожал Магде, он запугал её. Я должен её спасти.

— Жизнь Магды тебя не касается! — разозлилась вампирша. — Ты не должен был лезть в это дело!

— Я не могу стоять в стороне, — отозвался молодой оборотень.

— А наводить людей на след своего брата ты можешь?! — не унималась вампирша.

— Этот человек не брат мне. Он убил меня.

— Ах, так?! — озверела Вейма. — Тогда послушай меня, щенок! Этот человек спас тебя! Не дёргай меня за рукав, Вир! Ты знаешь это лучше меня, ты был там! Спас, Арне, не мотаёй головой! Он пробрался туда, где ты умирал, и провёл с собой Магду, и вывел её — живой и невредимой! Он помог ей спасти твою жизнь! Он нашёл слова, которые заставили тебя принять её помощь! А ты?! Что сделал ты?! Ты мешал ему спасти Нору, рисковал не только своей, но и её жизнью, а потом обижаешься, что тебя убрали с дороги?!

— Я же не знал, — растерялся Арне. — Я не знал, что он пришёл её спасти. Я думал... думал...

— Ты думал, что без тебя не обойдутся, — безжалостно закончила за него вампирша. — И сейчас ты желаешь то же самое!

— Вир! — взмолился младший оборотень. — Скажи ей! Этот человек опасен для

Магды! Почему вы позволили ему жить у неё?!

Старший оборотень покачал головой.

— Магда сама связала себя обещанием с ним, — объяснил он. — Всё, что между ними происходит — это их и только их дело. Мы не вправе вмешиваться.

— Но он убьёт её рано или поздно! — настаивал Арне.

Вейма побледнела. Она тоже этого боялась. Вир коротко засмеялся.

— Он никогда не причинит ей вреда, — отозвался он.

— Откуда ты можешь знать?!

— Знаю.

— Он, что...

— Нет, — покачал головой старший оборотень. — Он ничего. Но вреда Магде он не причинит.

— Ну, хорошо, — уступил Арне. — но его же могут найти! В доме у Магды! Он ведь хочет воспитывать её дочь! Да её же сожгут в собственном доме!

— Это не её дом, — не удержалась от уточнения Вейма. — Дом принадлежит его милости барону цур Фирмину и был выделен мне и моей подруге в качестве благодарности за спасение его дочери — давно, когда я остановила понесших коней.

— Неважно! — побледнел от напоминания о сопернике юноша. — Она укрывает у себя преступника!

— И ты думаешь, что сможешь ей, если схватишь его лично? — презрительно бросила Вейма.

— Я найду его в стороне от её дома! Я всё обдумал! И я имею право! Между нами — кровь! Моя кровь! Я могу его преследовать!

— И принимать помощь белой волшебницы?! — возмутилась Вейма. — И передать его в руки *слепых*?!

— Ты не отговоришь меня, — твёрдо посмотрел ей в глаза Арне. — Я знаю свой долг и его исполню.

Вейма устало опустилась на сундук со своими платьям.

— Ой, дурак, — расстроено потянула она.

Арне, не прощаясь, вышел.

* * *

Когда Врени, вся промокшая, вошла в дом, её снова толкнули. Из дома выскочил молодой шателен Гандулы и сбил цирюльницу с ног. Не извиняясь и не пытаясь помочь упавшей женщине, он побежал прочь по улице. Врени поднялась на ноги и, не пытаясь отряхнуться, пошла в дом. В таком виде соваться в парадный вход не имело смысла, поэтому цирюльница побрела под дождём дальше, к чёрному входу за углом здания. Обычно там входили только те, у кого было дело на кухне или те, кто приносил запасы в кладовые дома.

Парадный вход открылся, из него выглянула Вейма.

— Где тебя Враг носит?! Иди сюда!

Врени, пожав плечами, вошла в парадный вход.

Вампирша впиалась в неё взглядом. Врени покорно подняла на неё глаза. Вейма усмехнулась и вгляделась в разум цирюльницы.

— Молодец, — сказала она, отстраняясь. — Иди во двор, помойся. Скажи, чтобы тебе принесли свежую одежду. Дальше уже не твоё дело.

* * *

Врени едва успела перехватить кого-то из слуг — они собирались покинуть дом ещё до наступления вечера. Едва они ушли, как люди Фирмина, которым уже успели рассказать о готовящемся нападении, пусть и не всё, по приказу Вира принялись сновать по дому, к чему-то примериваться, а кое-где даже и стрелять из самострелов.

— А, Врени, — встретил её деловитый приор, который сновал по дому вместе с бойцами. — Пожалуйста, найди брата Полди и Марилу и держи при себе. Когда... начнётся, держитесь поближе к её милости.

— А... вы всё поняли? — удивилась Врени. — Вейма вам всё передала?

— Кое-что сам понял, кое-что обдумали вместе.

Он ободряюще положил руку ей на плечо.

— Не бойся, дочь моя. Всё будет хорошо

* * *

Ночь ещё не вступила в свои права, когда в дом проскользнул Липп. Вошёл с чёрного хода и почти сразу же наткнулся на Вира и отряд, который оборотень тренировал возле кухни. Увидев настороженные взгляды и нацеленные самострелы, обезоруживающе улыбнулся, скрывая клыки.

— У меня дело к твоей жене, — нагло заявил вампир. Оборотень нахмурился.

— Всё, что тебе надо, ты можешь сказать мне, — ответил он.

Вампир покачал головой.

— Если ты хочешь выслушать послание нагбарцев... хочешь, я дословно передам.

Он скривился и принялся подражать гортанному говору нагбарцев:

— Госпожа Вейм! Твоя должен послать к нашей...

— Ладно, убирайся отсюда. Вейма в левом крыле.

— Господин Вир, может, не стоит его пускать? — с сомнением спросил Кривой Ланзо.

— Ничего, пусть идёт.

* * *

Вейма действительно сидела в своих покоях в левом крыле. Ей было страшно. Отец Сергиус утверждал, что он всё предусмотрел, но можно ли было предусмотреть всё?! Она-то догадалась, что за дым, от которого все уснут. От этого средства не было никакого спасения, кроме противоядия, сварить которое могла только ведьма. А Магда была далеко...

Трое братьев — это, конечно, высшие посвящённые. Остальные — их ученики. Кто-то из них проникнет в дом сверху. Кто-то войдёт снизу и подбросит усыпляющие травы в пламя печи. Дальше можно было не объяснять.

И, конечно, будут братья-заступники. Но зачем?! Чего они хотят?!

Дверь открылась и вошёл Липп — со своей вечной улыбочкой, только теперь он не скрывал клыки.

— Зачем ты пришёл?! — вскинулась вампирша.

— Помогать, — поклонился вампир.

— Ты пришёл и убьёшь всех нападавших?

Липп покачал головой.

— Это было бы слишком просто, сестрица.

— Просто?!

— Отцу Сергиусу нужны пленники, захваченные в бою, — посерьёзnel вампир. — К тому же мы не вмешиваемся в дела людей.

— Да?! Тогда зачем ты явился?!

— Я же сказал. Помогать.

Он огляделся.

— Пошли, сестра. Надо найти укромное местечко.

— Зачем?!

Липп подмигнул ей.

— Ничего такого, о чём ты бы не могла рассказать своему мужу, сестрица.

Наступила ночь. Дом замер в ожидании опасности.

Двое, мужчина и женщина, застыли, вцепившись друг другу в руки и скрестив взгляды.

Чёрные глаза и светло-карие.

Злоба и мудрость скорпиона.

Ожидание и напряжение.

Открыться сложно. Сложно впустить кого-то в свой разум, в свою душу.

Сложно сделать это не в поединке, а...

...сестра, я пришёл, чтобы помочь тебе.

Нам не хватит сил...

...сестра, мы делали это с тобой, ты и я.

Это слишком сложно...

...сестра, ты должна представить себе всё так же ясно, как делала это у себя в деревне.

Нам не справиться...

...сестра, если ты сдашься, все погибнут.

Я боюсь...

... сестра, я буду с тобой.

Тишина.

Ожидание.

Тихие шаги.

Первый удар.

Крик.

Запах крови.

Запах смети.

...сестра, ты должна держаться.

Я не могу...

...сестра, это просто кровь.

Я не могу...

...сестра, ты вампир. Кровь даёт жизнь для таких как мы.

Я никогда этого не хотела...

...это просто кровь.

Не могу... нет... это моя смерть... нет... ни за что...

...сестра, ты должна держаться.

Не могу...

...вампир не может позволить себе слабости.

Нет...

Старый чердак... Темно... две фигуры слились в одну... предвкушение. Сладость... поцелуй... шею пощипывает от прикосновения холодных губ... удовольствие, которое становится нестерпимым и прорывается содроганием... но это не страсть... это смерть и предсмертные муки... на грани жизни — солёный вкус... кровь льётся в горло и ты делаешь глоток... соль сменяется сладостью... ночь наполняется звуками... темнота отступает... запахи становятся почти нестерпимыми... ты получаешь новую жизнь из рук того, кто отныне станет твоим господином...

...так умираем мы и так возрождаемся.

Я не просила об этом...

...а я просил.

Я только хотела знаний...

...а я хотел, чтобы меня больше не пинали ногами.

Я хотела остаться человеком.

...но человек не боится крови так, как боишься ты.

Я не хочу. Не могу. Я отрекаюсь от этого!..

...ты не можешь обратить время вспять.

...сестра... они мертвы... сигнал скоро будет подан... Ты сможешь...

Это слишком тяжело...

...сестра, я с тобой. Я поделюсь с тобой своей силой.

Дом окутывает дым. Дом окутывает сон.

Все, кто остался там, все уснули там же, где стояли. На всех этажах спящие.

Мир и покой. Все спят.

Всё тихо.

Держаться. Держать морок. Морок, который окутает каждого, кто подойдёт к дому или заглянет в его окна. Темно и тихо. Все спят. Все уснули. Это правда. Всё спокойно. Все спят.

Кто-то входит в дом с чёрного хода. Тени тихо скользят по двору, лезут на стены, пробираются через галерею в окна.

Дом спит.

Это просто.

Это всегда было просто.

А на случай, если тварь не уснёт...

Есть и ещё кое-что в запасе.

— Именем Заступника! — тихо звучит в спящем доме.

Брат, ты должен держаться...

...сестра, это пламя преисподней!

Брат, это просто слова...

...сестра, они жгутся!

Брат, это просто люди...

...сестра, у меня слепнут глаза!

Брат, это только символы...

...сестра, это нестерпимо!

Брат, держись. Ты был человеком. Мы были людьми. Ты и я...

Брат, ты не боялся ни этих слов, ни этих людей...

Брат, я поделюсь с тобой своей силой...

...это пламя сжигает меня! Я не выдержу этого!

Держись. Смотри мне в глаза. Вампир не может себе позволить бояться своих врагов...

Врени мало что поняла из ночного боя. Едва начало темнеть, как приор отвёл ей, брату Полди и Мариле место подле баронессы и велел молчать — всем четверым. С ними остался муж её милости рыцарь Клос — бледный и явно испуганный. Ему поручили защищать жену, если враги вдруг прорвутся. Он никогда не сталкивался с таким, никогда не видел ночных штурмов, никогда не ждал удара в спину.

Они стояли в одном из залов второго этажа, потом им велели спуститься и остановили на лестнице, ведущей в чёрную кухню. Раздался переливчатый свист. Дальше... Дальше было быстро. Тени, щелчки разряжаемых самострелов, чавканье входящих в тела стрел. Вскоре в доме запахло горелой травой. Врени закашлялась, к ней присоединились остальные.

— Ух ты! — бестрепетно произнесла Марила. — Мы сгорим?

— Нет, дитя моё, — подошёл к ним приор. — Дым скоро развеется.

— Что это? — прокашлялась Врени.

— Хитрость, — улыбнулся приор. — Замена вот этого.

При свете одинокого факела, горящего неподалёку, он показал женщинам пучок травы.

— Это должны были подбросить вам в дымоход, — пояснил он. — Чудесная трава. Как мне объяснили, через малое время все, кто вдыхал этот запах, засыпают, — кроме тех, кто выпил зелье, сваренное из неё же.

— Вы... Вы знали, что её нам подкинут? — догадалась цирюльница. — Но... откуда?!

— Все эти дни тебя тайно сопровождал... один наш общий друг, — ответил приор, не желая прилюдно раскрывать свои тайны. Но Врени и так поняла. Пока она изображала дурочку с Ржаным Пнём, нашлось кому узнать из памяти проклятого не только то, на что тот

намекал, но и то, о чём Ржаной Пень предпочёл умолчать.

Цирюльница хотела выругаться, но не успела.

В разум вторгся ледяной взгляд, прозвучал далёкий, словно доносящийся из преисподней голос. Раздался переливчатый свист, но не снаружи, а изнутри головы Врени — и вырвался изо рта. Проклятая не сразу поняла, что по приказу вампира подаёт обещанный Ржаным Пнём сигнал. Сигнал о том, что в доме все уснули, отравленные волшебным зельем.

Какое-то время было тихо, а потом...

— Именем Заступника, — раздался тихий, но властный голос, а после трое вошедших принялись читать молитвы. Такие же, которыми брат Полди отгонял вампиров.

Далёкий голос в голове Врени завопил от нестерпимой боли и ощущение чужого присутствия в сознании исчезло. А коридор, ведущий в кухню, стал наполняться людьми.

Приор подмигнул зачем-то Мариле и громко закудахтал. Это послужило сигналом. Люди Фирмина вокруг них сплотились, приготовились к бою. Другие окружили вошедших, отрезали путь к выходу. Сверху донёсся какой-то шум.

— Монахов не убивать! — поспешно крикнул приор.

— Эти крысы нас предали! — завопил кто-то в темноте.

После этого всё смешалось. Крики, звон оружия, звуки ударов, проклятия... Врени даже не пыталась разглядеть, что происходит. Они стояли за спинами стражников и ждали, что будет дальше. Марила, против ожидания, опустилась на колени и принялась тихо молиться. Врени коснулась её плеча. Сумасшедшую трясло от ужаса. Брат Полди схватил Врени за руку и что-то тихо зашептал.

— Не надо, — сказала цирюльница, вспомнив вопль ужаса, который, казалось, ещё звенел в ушах. — Не стоит.

Что бы ни задумал вампир, святые слова ему только помешают.

Кровь... смерть... боль...

Эти запахи нестерпимы... они дурманят голову, они накатывают с тошнотой...

От ран дурно пахнет...

...сестра, это просто запахи.

Брат, я не выдержу...

...сестра, осталось недолго.

Брат, я не могу...

...сестра, это то, что делает нас сильными.

Я отрекаюсь от этой силы...

...ты не можешь повернуть время вспять. Ты не можешь перестать быть вампиром.

Я не хочу...

...ты должна.

Нет...

...последнее усилие.

Нет...

...держись.

Да...

Всё закончилось.

Кто-то спустился по лестнице и, не доходя до них, крикнул сверху:

— Трое мертвы. Один ушёл.

— А с вами что? — отозвался Вир.

— Аццо ранен. Остальные целы.

— Оставайтесь там, — велел оборотень. — Ждите.

— Это всё? — напряжённо спросила Нора.

Клос разочаровано опустил так и не пригодившийся меч.

— Надо проверить, — коротко бросил оборотень. Он махнул рукой, чтобы за ним никто не шёл, и вышел через чёрный ход.

— Десяток, — сказал кто-то, пересчитав трупы и раненых врагов. — И одного монаха зацепили.

Когда проклятые поняли, что нарвались на засаду, что жертвы не уснули и могут дать отпор, они принялись отчаянно прорываться к выходу, но и этот путь был закрыт. Монахи, поняв, что проиграли, с проклятиями и криками рванули из-под ряс — двое мечи, один — боевой топор, — и попытались встать спина к спине. Их вырубил Большой Куно, который без затей приголубил братьев-заступников кухонной скамьёй.

Сложнее всего было унять «славного Грайогэйра». Он рычал какие-то страшные северные проклятия и так размахивал боевой секирой, что чуть не попал по державшемуся неподалёку Мюру. На счету камерария было не меньше четверых нападавших и одного из монахов зацепил тоже он.

Вир вернулся.

— Три трупа на улице, — доложил он. — Двое убиты ножом, один задушен. Во дворе чисто. Вокруг дома больше никого нет.

— Ещё раз проверьте нападавших, — приказал приор. — Раненым надо оказать помощь, безнадежных добить, остальных связать. Они понадобятся для допроса.

— Моя хотеть допросить! — вмешался Грайогэйр. — Моя знает нагбарский способ развязать языки! Моей всё расскажут!

— Посмотрим, сын мой, — без особого энтузиазма отозвался приор. — Врени! Займись сперва нашими ранеными, потом пленными.

Сверху закричали:

— Один ещё дышит, трупов только два.

— Трупы спускайте! — прокричал Вир. — За раненым присмотрите. Врени поднимется к нему, когда здесь освободится.

— Пошлите за стариком Клеменсом, — посоветовала цирюльница. — Я одна всех не успею.

— А кто это? — немедленно уточнил приор.

— Наш палач, — ответила Нора, отодвигая охрану и подходя ближе к месту боя. Клос следовал за ней по пятам. Кто-то принялся зажигать на стенах факелы. — Вейма его не любит, поэтому мы поселили его отдельно.

— Непредусмотрительно, — покачал головой приор. — Кто за ним сходит?

— Я схожу, — отозвался оборотень.

— А где Вейма? — вдруг спросила Нора.

— Твоя советница? — фыркнул Клос. — Валяется где-нибудь в обмороке.

— А... — начала было баронесса, но потом осеклась. — Марила?! Где Марила?! Куда она опять делась?

— Да что с ней станется, — раздражённо ответил её муж.

То, что его, из-за юности и родства с Норой, не пустили в бой, казалось рыцарю страшным оскорблением. Хотя юноше и объясняли, что, случись что, рядом с баронессой должен быть достойный воин, который сумеет её защитить, он и тогда не до конца поверил. А уж теперь, когда оказалось, что никакая опасность ей и не угрожала...

— Нора! Ты мне объяснишь, что происходит?! Кто эти люди? Зачем они напали на нас и почему притащили с собой монахов? — разразился вопросами Клос.

— Проклятые, — спокойно отозвался приор, подходя к супругам. — Они хотели убить твою жену, сын мой, её людей и... наверное, меня. Их наняли вон те монахи.

— А ты кто такой? — нахмурился юный рыцарь.

— Это посланец святейшего папы, — тихо подсказала Нора. После случившегося её потихоньку начинало трясти, а Веймы, которая могла бы её успокоить, рядом не было.

— Это?!

— Утром я покажу тебе верительные грамоты, сын мой, — пообещал приор. Клос смутился и пошёл на попятную:

— Не надо, я вам верю. Что вам нужно от нас?

— Поговорим об этом позже, сын мой, — предложил приор.

Нору за рукав подёрнула встревоженная Марила.

— Твоя милость, — почти не кривляясь, позвала дура, — там... там... посмотри... под лестницей... нет, другой, в том углу дома.

Нора повернулась, чтобы пойти за ней, за женой шагнул и Клос, но сумасшедшая протестующе замотала головой.

— Нет-нет! Твой муж пусть не ходит. Пусть вот он с тобой идёт! — и ткнула пальцем в приора.

— Почему это я должен остаться? — разозлился Клос.

— Нехорошо будет! — настаивала сумасшедшая.

— Да что плохо-то?! Хуже, чем вот это?!

— Хочешь — расцелую? — предложила Марила и с такой гримасой вытянула губы, что Клос с проклятиями отшатнулся. — Не ходи, дружочек, не надо.

Нора пошла за сумасшедшей, которая стащила со стены факел и вприпрыжку побежала по коридору, за ними пошёл приор, одолживший у кого-то меч.

Марила отвела госпожу в закуток под лестницей и осветила происходящее.

Там глазам Норы предстало странное зрелище. Вейма и Липп не то чтобы обнимались. Они сплелись, как клубок змей. Казалось невыносимым, что человеческие тела могут так искривиться, так обвиться вокруг друг друга.

— Они холодные! — зловещим шёпотом объявила сумасшедшая. — и заоченели уже.

Она потыкала Вейму в плечо. Было видно, что тело вампириши твёрдое, как старое дерево.

— Они... они умерли?! — ахнула Нора, не в силах отвести глаза от жуткого зрелища. В довершение всего у вампиров были широко распахнутые, но ничего не видящие глаза и оскаленные клыки.

Глава восьмая

Передышка

Вейма очнулась в каком-то очень тесном помещении в очень неудобной позе, странно обвившейся вокруг какой-то деревянной мебели. Помотав головой, она сообразила, что неудобной мебелью был Липп, застывший в зеркальном отражении её позы. Был он твёрже железа. Вампирша попыталась высвободиться, но сделать этого, не сломав себе или собрату кости, оказалось невозможно. *Тогда, той ночью*, они не обращали внимание на то, что делали. Когда одному было плохо, он рвался и дёргался, второй удерживал, а потом роли менялись. Так они и застыли — каждый удерживая второго правой рукой за левую.

Вейма попыталась потрясти собрата за плечо, но с тем же успехом можно было трести стул.

— Липп! Очнись!

Она попыталась отвесить вампиру пощёчину, но только отбила руку. Попробовала коснуться его разума... но её собственный был как будто с ободранной кожей и шарахнулся в сторону от прикосновения. Было больно. И страшно. А если Липп умер? Она не могла его почувствовать. Не могла узнать... если она здесь в обнимку... с покойником?!

И где она?! Разум вампирши был слишком слаб после той ночи. Она не могла почувствовать ничего свыше того, на что был способен обычный человек.

— Липп! Липп! Липп!!! Проснись!

Бесполезно.

Он не слышал.

Вампирша вздохнула.

Она не выдержит.

Она не сможет.

Нет.

Да.

Вейма, зажмурившись, прижала свой палец к обнажённому клыку собрата. Зуб, острый как игла, пронзил кожу. Показалась кровь. Вейма закусил губу и нажала сильнее. Капля крови скатилась с пальца и упала в открытый рот вампира. Вейма отдернула руку, вдохнула запах собственной крови и потеряла сознания. Она уже не увидела, как щёлкнул, закрываясь, рот собрата и как горло шевельнулось, проглатывая крохотную каплю.

* * *

— Вейма! — услышала она голос спустя... спустя какое-то время пустоты, заполненной только алой тьмой. — Очнись, сестричка.

Вампирша неохотно открыла глаза.

— А теперь расслабься! — скомандовал Липп нарочито весёлым голосом. — Сейчас расцепимся.

Расслабиться не получилось. Расцепляться было больно.

— Повезло тебе с мужем, — сказал Липп, когда они, тяжело дыша, раскатились в разные стороны. Далеко раскатиться не получилось: комнатка была крохотная, даже не

комната, а чулан, и вампиры так и остались тесно прижатыми друг к другу. — Будь у меня жена и застань я её в такой позе... убил бы...

— Свою жену заведи, — прошипела Вейма, — тогда и говорить будешь.

— Обязательно, — пообещал вампир и уставился на дверь. Вампирша посмотрела туда же. Потом они оба принюхались. Переглянулись.

Липп присвистнул. Вейма истерически рассмеялась. Сквозь дверь они, конечно, не видели. Но, отдохнув, сумели почуять мысли, чувства и даже отголоски действий людей, заперших их здесь.

— Мда... — медленно потянул вампир. — Вот так вот с людьми. Мы их спасали, а они бросили нас в чулане для мётел...

— Они, похоже, не знали, какими мы очнёмся, — предположила Вейма. — Вот ты бы что сделал на их месте?

— Если бы нашёл двух сцепившихся вампиров, которые ничего не соображают? — уточнил Липп. — Отрубил бы им сразу головы.

— Липп!

— Ну, тебе бы не отрубил, — смягчился вампир. — Но ты спрашиваешь про двух *других* вампиров. А зачем нам конкуренты?

Он снова посмотрел на дверь.

— Мда... Надо будет поговорить с отцом Сергиусом, — потянул он. — Они серьёзно хотели удержать двух вампиров в чулане? Подпёрли дверь сундуком? Вейма, сестричка, они это *серьёзно*?

Он встал на ноги и протянул Вейме руку. Она поднялась и застонала. Болело всё тело. Болело даже там, где, казалось, вообще не может болеть.

— Я надеюсь, они сначала заговорят, а потом попробуют нас убить, — сказал Липп.

— Перестань, не смешно, — поморщилась вампирша.

Липп не ответил. Он плотно сложил руку и ударил в дверь, пробив её насквозь. Вытянул вперёд и начал медленно просачиваться сквозь сделанную им дыру, пока в чулане не осталась только одна рука. Она нетерпеливо дёрнулась. Вейма вложила в неё свою и при помощи собрата принялась просачиваться следом за ним.

— Приблизим *Освобождение*, сестра! — торжествующе заявил вампир, когда они оказались снаружи.

— Приблизим *Освобождение*, брат, — нервно отозвалась вампирша. Да уж, вот это освобождение так освобождение.

— Вот если бы они дверь окованную поставили, может быть, так легко бы не получилось, — отметил Липп. — А вообще, могли бы нас хотя бы сковать.

— А то мы бы цепь не порвали, — засмеялась Вейма.

— Тогда отрубить головы.

Говорить о том, что произошло, не имело смысла. Они не просто истратили слишком много сил, они долго пробыли в таком тесном контакте, на какой не решается ни один вампир. Сосредоточившись на том, что происходило в их душах, они потеряли свои тела. Беспокойство людей было оправдано. Вместо них могло проснуться... что-то другое. Что — не хотелось даже и думать.

— А хорошо было, — вдруг мечтательно заявил Липп, пока они шли через подвал — люди затащили их в дальнее крыло. — Когда-нибудь с девушкой так попробую. Чтобы вот так... близко... м-м-м... только не говори, что тебе не понравилось!

В другой момент Вейма бы отвесила собрату пощёчину. Сейчас она только засмеялась. Вампиры не вступали в брак и не образовывали пары в привычном людям смысле. Они знали только одну настоящую страсть — то удовольствие, которое несёт обращение в вампира. Один раз — ещё человеком, и потом, может быть, много раз — когда обращаешь других. Супружество же... ни один вампир не будет терпеть рядом себе подобного, если это не его ученик, не его учитель и не ученик его учителя. Но все они считались друг другу родственниками... связь между ними считалась инцестом.

— Ладно-ладно, — «сдался» вампир. — С братьями-заступниками мне тоже не понравилось. А вот немного крови не помешает.

* * *

Вейма, пошатываясь и всё ещё обнимая Липпа — он помогал ей идти, — брела по подвалу, пока не учуяла то, что заставило её задохнуться от подступившей к горлу тошноты.

— Что стряслось, сестричка? — встряхнул её собрат.

— Ты ничего не чуешь? — скривилась вампирша.

Липп принялся и тоже скривился.

— Пахнет святошами. Один ранен, но его перевязали. Ещё несколько наших братьев, из тех, кто был здесь прошлой ночью. И стражники. Тебе-то что с них?

— Да нет! — вышла из себя Вейма. — Они позвали сюда Клеменса!

— Ну и что?

— Он палач!

Липп остановился, положил руки на плечи сестре и заглянул ей в глаза. Это могло выглядеть внушительно, если бы он не был ниже её на голову.

— Сестричка, — проникновенно начал он, — а как бы они допросили пленных без палача?

— Они могли позвать нас!

Липп расхохотался.

— Ну да! Тебя, чтобы увидеть их кровавые планы, и меня, чтобы послушать их молитвы! И что бы они потом рассказали совету?

Вейма не ответила. Липп был прав, но признавать этого не хотелось. Вампирша терпеть не могла старика Клеменса. Не то чтобы «не любила», а буквально: не могла терпеть. В его присутствии ей слышались стоны и крики боли, треск ломаемых костей, мерещились вырванные ногти, свинец, заливаемый в горло и множество таких вещей, о которых Вейма предпочла бы не иметь ни малейшего представления. Рядом с ним вампиршу всегда мучило.

Теперь старик жил при замке барона почти что на отдыхе. Страна была мирная, и пресловутая девственница с мешком золота могла бы рискнуть по ней проехать, может даже и совершенно одна. Если она была умна и осторожна, у неё был шанс сохранить и жизнь, и девственность, и золото. А уж большой караван и вовсе пересекал страну без затруднений. Сейчас в Тафелоне было спокойно, старых разбойников перевешали, новые измельчали, отряды аллгеймайнов легко поддерживали порядок. Старик Клеменс проводил свои дни, ухаживая за маленьким огородиком или перевязывая замковым детишкам разбитые коленки, а то, бывало, новый подмастерье в кузнице заденет кого щипцами с раскалённой заготовкой, так кто лучше Клеменса поможет?

Раньше было иначе. При жизни покойного батюшки его милости барона и ещё раньше, при его деде, в Тафелоне кишели разбойничьи банды. Тафелон тогда только-только оправился от смуты, бароны и рыцари только закончили делить владения, и у них не было сил навести порядок. Банды были страшные, вооружённые, бывало, лучше, чем войско какого-нибудь графа, они возводили свои крепости в чащах непроходимых лесов, куда стаскивали награбленное. Не то что одинокая девушка, а и вооружённый отряд не всегда мог доехать куда собирался. Одни дороги зарастали, другие намеренно портились, на третьих караулили, сменяя друг друга, разбойничьи засады. В те беспокойные времена выросла баронесса цур Кертиан, одна из немногих знатных женщин, владеющих оружием. Отец и братья её погибли в битвах и ей пришлось самой брать в руки меч и наследственные владения. Отец и дед барона цур Фирмина многое сделали для того, чтобы в стране воцарился мир. Они возглавили войну против разбойников, искали помощников среди простого люда, посылали соглядатаев, сами устраивали засады не хуже разбойничьих, брали пленных для того, чтобы выведать, где скрываются остальные. Большие банды попадались и при его милости нынешнем бароне, когда он был молод, а Нора не родилась на свет. Старик Клеменс, служивший ещё его батюшке, не раз развязывал языки пленным, не желающим выдавать товарищей. Был он полезен и семь лет назад, когда барон жестоко расправился с захватившим было его замок войском самозванца.

Всё это было так.

Но Вейма, более чуткая, чем люди, не могла выносить запаха крови и боли, которые чуяла на этом человеке.

Вдруг её осенила новая мысль.

— Он будет *пытать* этих людей прямо *здесь*?!

Липп задумчиво почесал нос.

— Ну, может, не сразу, — неуверенно произнёс он. — Обычно сначала разговаривают.

Вейма содрогнулась.

— Сбегу, — отчаянно пообещала она.

Липп засмеялся.

— Пойдём мимо стражников? — спросил он.

— А как ещё? — буркнула Вейма. — Тут нет другого вых...

Она осеклась. Они *могли* превратиться в туман и просочиться куда угодно. Но...

— Никому не известно, где мы были, — ответил её мыслям сородич, — кроме тех, кто и так всё о нас знает.

Он внезапно облизнулся.

— Давай поспешим. Я ничего не ел с позапрошлой ночи.

Вейму передёрнуло.

— Может быть, — поддразнил её Липп, — мне дадут утолить голод кем-нибудь из пленников...

— Прекрати! — толкнула его в бок Вейма.

Липп засмеялся.

— Пошли, сестрица, найдём отца Сергиуса. Он наверняка не встретит нас ни самострелом, ни обмороком. За остальных не ручаюсь.

Он протянул ей руку и она вложила свою ладонь в его. Закрыла глаза и оба вампира растаяли туманным облаком в неверном свете факелов.

Когда они отыскивали отца Сергиуса, тот сидел в своей комнате на третьем этаже и молился.

— А, это вы, дети мои, — поприветствовал их приор, когда они появились у него в комнате, так и держась за руки. Вейма сердито выдернула свою.

— Мы победили? — жизнерадостно спросил вампир.

— В этом бою — да, сын мой, — усмехнулся приор, завешивая священный символ, чтобы не мучить юношу. — Вы пропустили помолвку Марилы.

— Что вы будете делать с пленными, отец? — спросила Вейма.

Приор скользнул по ней сочувственным взглядом.

— Я предоставлю им возможность раскаяться, — уклончиво ответил он. Вейма скривилась, почуввав, что стояло за этими словами.

— Вир... — подумав, напряжённо спросила она, — что он говорил?

— Он беспокоился за тебя, дочь моя, — успокоительно ответил приор.

— Почему вы не сказали ему, что мне предстоит?

— Времени не было, дочь моя.

Вейма вспыхнула.

— Я пойду к нему, если вы не против.

Она ударила сородича в плечо.

— Вздумаешь охотиться в моём доме — я тебе больше не сестра!

— Ну, Вейма, — тоскливо протянул голодный вампир.

Неожиданно Вейма показала ему язык и превратилась в туман.

Старик Клеменс и правда оказался мастером своего дела, без него бы Врени не справилась. Он быстро пришёл на зов Вира и занялся пленными, так что на долю цирюльницы остались только раненные кнехты баронессы. Когда вся работа была сделана, кто-то принёс ей воды умыться и ополоснуть руки (в суматохе она даже не заметила кто), а после её подозвал старик Клеменс и тактично намекнул, мол, ему сказали, что Врени может узнать кое-кого из нападавших. Цирюльница задумалась, не сыграть ли ей дурочку, мол, не знает, кто ему сказал и о чём вообще речь, но потом решила не связываться. Как оказалось, Ржаной Пень не пережил этой ночи — именно его нашли задушенным на улице. Видимо, зарезал оставшихся с ним учеников, а кто-то его придушил. Убитых наверху она не знала, но, если учесть, что они были девушками — тощими, гибкими, так и застывшими с удивлённо распахнутыми глазами... из «верхних» убийц, то есть тех, которые любили лазить в окна, девушек предпочитал брать в ученицы Танцующий Кабан. А вот третьим, выжившим, оказался парень, такой же тощий и гибкий, как убитые девушки. Старик Клеменс сказал, что сколько-то ученик убийцы проживёт и допросить его получится. Врени сомневалась, что с этого будет толк. Кабан поди-ка не дурак и сменит даже портки, чтобы о них не прознали несостоявшиеся жертвы.

Из тех, кто шёл по низу, женщин не было, а вот знакомые были. Глиняный Лоб и Лютый

Прыщ, убийца неплохой и умелый, но уж больно жадный. Был бы не жадный, сюда бы не сунулся. Какой умный посвящённый будет воевать с баронами? Дураку ж понятно, заказчики подставляют и живым не уйти. Или непонятно... Глиняный Лоб же тоже пошёл, а ведь как есть дурак. А Ржаному Пню не повезло. Удавкой — это его Кабан, конечно. Очень Кабан удавку любит, иногда даже без ножа на дело идёт. Учеников по-всякому учит, а сам — ну, как привык.

Всё это Врени коротко изложила старику Клеменсу, бросив под конец:

— В кабаках о них разное болтали.

Палач сухо усмехнулся, давая понять, что оценил её попытку как-то отмазаться от знакомства с ночными гостями, и принялся распоряжаться распределением пленных по камерам подвала.

Связанные братья-заступники очухались и принялись браниться:

— Опомнитесь, безумные! — кричал, видимо, главный, пухлый монах, который в бою орудовал топором. — На кого руки поднимаете?! На служителей Заступника! А вы кому служите?! Чёрнокнижнице проклятой, вампирам да оборотням! Покайтесь!

— Интересно, — сухо сказал палач. — Заткните им пока рты. Пусть отец Сергиус с ними разговаривает. Тогда и расскажут, откуда свист слышали и зачем им это понадобилось.

Врени поспешила уйти. Едва она поднялась на второй этаж, как её отозвала в сторонку Марила и провела к другой лестнице. Заставила спуститься.

— Гляди! — ткнула она в полумрак.

— Это что?! — поперхнулась проклятая, разглядев сцепившиеся тела вампиров.

— Сама не видишь? — шёпотом возмутилась сумасшедшая. — Я тому монаху показала и баронессе. И даже Вир пришёл. А они не знают.

— Чего не знают?

— Что с ними! И что с ними делать!

— Что делать?! Они же дохлые!

— Вир сказал, живые.

— Это?!

— Ну да.

— А ты-то здесь сама что делаешь? — насторожилась цирюльница.

— Они велели тут не ходить, — пояснила сумасшедшая. — Мол, мало ли как они проснутся.

— Головы отрубить и кол в сердце, — предложила цирюльница. — Тогда точно не проснутся.

— Ты что! Монах сказал, они что-то важное делали! Спасали нас, вот!

— Мы сами себя спасали.

— Не-не-не. Монах сказал, если б они не постарались, убийцы бы к нам не полезли.

— Вот и хорошо, — проворчала Врени.

— Нет! Мы бы тогда их не поймали!

— Ты не много ли знаешь? — насторожилась цирюльница.

— Я подслушала, — хихикнула Марила.

— Ох. Пошли отсюда. Я не знаю, что с ними делать.

— Вир сказал, спрятать их пока надо. И запереть.

— Так чего не прячет? — не поняла Врени.

— Так их пока никто не видит, а в подвал сейчас убийц рассадят. Вот как всех рассадят,

тогда и им место найдётся. А то представь, откроют дверь, а за ней — *это!*

Врени вздохнула.

— Пошли спать. У тебя помолвка сегодня.

Марила снова хихикнула.

— Это будет уже не так весело, правда?

* * *

Случившееся ночью не омрачило помолвки. Мюр сиял, Марилу уговорили надеть платье без перьев, но от петушиного гребня она не отказалась, Хрольф вручил зятю самострел, Грайогэйр всё отводил отца Сергиуса в сторону «потолковать» (зычным шёпотом) о нападении и убийстве его родича, Виринея одаривала присутствующих благими пожеланиями, а Большой Куно вусмерть упился с гостями-нагбарцами, подрался с тремя из них и поклялся в вечной дружбе им же и еще троим в придачу.

Нора обещала своей дуре щедрое приданое, но уточнять, какое, не стала: если Мюр решит перейти к ней на службу, это одно, если нет — совсем другое.

Вейму никто не хватился, а про Липпа — или рыцаря Вивиана — никто и не знал, что он мог тут быть. Только Норе не хватало советницы — было так трудно делать вид, что всё прекрасно, когда ничего прекрасного не было. Она всего второй раз в жизни сталкивалась с настоящей опасностью. Какие-то люди хотели её убить. За что?! Почему?! Вейма, наверное, нашла бы слова, чтобы её утешить — или сняла бы тревогу одним взглядом. Но Веймы не было с баронессой. Вейма всю помолвку пролежала в самом дальнем чулане, неподвижная, застывшая, вцепившаяся в собрата.

* * *

Она появилась посреди своих покоев. Вир был там и спал — до её появления. Он проснулся мгновенно, едва она выступила из тумана. Вампирша напряжённо стояла посреди спальни и принюхивалась к мужу. Что он мог чувствовать? Страх? Ревность? Злость?

От оборотня пахло беспокойством. Беспокойством за неё. Вампирша распустила шнуровку платья, дала ткани соскользнуть на пол и шагнула к мужу.

— Прости меня, — тихо сказала она, оказавшись в родных объятьях.

История четвёртая

Волшебство

Глава первая

Волшебник

Наутро после помолвки Марилы с нагбарцем Виринея и Арне возглавили, как собирались, отряд аллгеймайнов, и уехали на восток страны. Вейма переселилась из дома Фирмина на постоянный двор на другом конце Сетора, а отец Сергиус приступил к увещанию пленников — пока без помощи старика Клеменса.

Днём в двери дома Фирмина постучался одетый во всё чёрное горожанин и заявил, что он муж волшебницы, которая приехала в Сетор по просьбе совета баронов.

— Так ведь она уехала, господин, — отозвался стоящий на страже Кривой Ланзо.

— Уехала? — расстроился горожанин.

— Так на рассвете, говорят. Она у нас и не жила, только заходила на совет. Она нашла убийцу в зеркале! Теперь ловить уехала!

— А... куда? — нерешительно спросил горожанин.

Стражники пожали плечами.

— Откуда нам знать? Может, её милость знает.

— Может быть, я могу поговорить с её милостью, вашей баронессой?

Стражники переглянулись.

— Позовите госпожу Вейму, — предложил Конопатый Удо.

— Она уехала, — напомнил Ланзо.

Они снова переглянулись.

— Тогда господина Вира? — с сомнением произнёс Удо.

Ланзо кивнул и Аццо ушёл. Горожанин терпеливо ждал, пока за ним не пришёл Вир.

— Лонгин, — кивнул оборотень. Горожанин сдержанно поклонился.

— Я к её милости, — пояснил он. Оборотень смерил его изучающим взглядом.

— Только тебя тут не хватало, — проворчал он. — Пропустите. Я его знаю.

Волшебник нервно потёр руки и прошёл в дверь.

— Позови её в таблинй, — попросил он оборотня, когда они поднимались по лестнице. Оборотень оскалился:

— Я тебе не слуга.

— Пошли слугу, — пожал плечами Лонгин. Баронесса взяла с собой кнехтов из Ордулы, а тех, которые охраняли её дом в Тамне, оставила там. Поэтому эти люди не признали в нём того же человека, который приходил к её милости, чтобы рассказать ей о планетных сферах и древних языках. Не то чтобы Лонгин специально таился. Но осторожность не помешает.

* * *

— Учитель? — поприветствовала его Нора, заходя в собственный таблинй. Волшебник сидел в её кресле и терпеливо ждал. — Но Виринея уехала...

Лонгин протянул ей руку, которую баронесса почтительно поцеловала. По обычаям проклятых она должна была оказывать учителю даже больше уважения, чем если бы он был её отцом.

— Я знаю, — торжествующе рассмеялся Лонгин. — Не представляете, ваша милость, до

чего трудно найти место во всём Тафелоне, где я не рискую наткнуться на собственную жену.

— Но... Тогда зачем вы приехали?

— Как зачем? На турнир, ученица.

— Но турнир давно закончился...

Лонгин отмахнулся.

— Меня не интересует тот, который закончился. Что нам до копий, мечей и стрел? Я приехал на настоящий турнир!

— Вы хотите сказать...

Дверь отворилась и в таблиний сунул любопытный нос приор.

— Мне сказали, к тебе пришёл муж волшебницы, дочь моя? — спросил он, входя и притворяя за собой дверь. Взгляды приора и Лонгина скрестились. — Я слышал о тебе. Ты чёрный маг... и наставник её милости в волшебстве.

Сидящий в кресле волшебник лениво шевельнул бровью.

— Это лестно. Тем более, что я *о тебе* никогда не слышал.

Нора покраснела, как будто её застучали на чём-то непристойном.

— Это отец Сергиус, он... он посланник святейшего папы и...

— Тем более лестно, — кивнул маг.

— Он знает про Вейму, — с отчаянием произнесла ученица волшебника. — И про нас всех. Он... он думает, что в этом нет ничего плохого!

— Я рад, — кивнул волшебник. — Я всегда именно так и говорил: нет ничего плохого.

— Так ты учишь её милость заклинаниям? — спросил приор.

Лонгин скривился.

— Пусть подмастерья учат заклинаниям. Я преподаю основы преобразования вселенной.

Он бросил косой взгляд на лицо баронессы, на котором промелькнуло что-то похожее на разочарование.

— Хотя *её милость*, наверное, предпочла бы учиться у подмастерья, — скептически произнёс он. — Вечная ошибка новичков — хотят побольше власти и поменьше учиться.

— Учитель! — запротестовала баронесса. — Я стараюсь!

— А вы упражнялись в логике с нашей последней встречи? — спросил волшебник. — Нет? Уверен, языкам вы тоже внимания не уделяли. Я давал вам книгу по теории ограничений, вы её читали? Убеждён, вы забыли её в своём доме в Тамне.

— Неправда, она со мной! — запротестовала Нора, которая побоялась оставлять такое опасное свидетельство своих занятий в доме, где то и дело спуют местные слуги.

— Когда я объяснял вам симпатические принципы подобия и близости на примере расплавленного воска, вы спросили как навести порчу, — безжалостно напомнил волшебник.

Баронесса окончательно сникла.

— Подумать только, — ни к кому особенно не обращаясь, произнёс Лонгин, — имея в руках теорию, позволяющую переносить свойства крохотного макета на сколь угодно большое строение, просить преподавать пошлые заклинания!

Тут заинтересовался приор:

— А какого рода свойства?

Волшебник пожал плечами.

— Теоретически — любого. Практически... Мой коллега из Физанта^[33] добился неплохих результатов в частных случаях, но только я доказал существование общего правила.

— И каково общее правило? — не отставал приор.

— О, это очень просто. Примем, что для любого большого тела, чья величина стремится к бесконечности, найдётся во всём подобное малое тело, чья величина стремится к исчезновению. Тогда я утверждаю, что можно доказать на всём диапазоне размеров существование философского квадрата, исчерпывающе описывающего переход свойств с одного тела на другое. Доказательство занимает всего дюжину дюжин страниц и в будущем я жду, что её милость сможет привести его по памяти. Но для простоты примем это как истину. Тогда, построив философский квадрат и указав значение первой в цепи переменной, мы можем рассчитать то количество магической силы, которая потребуется для преобразования.

Волшебник победно оглядел слушателей.

Нора покорно кивнула. Теория магической науки ей не давалась, но она по собственному опыту знала, что задавать вопросы учителю значит провоцировать лавину новых объяснений.

— И каково практическое приложение вашей теории?

— Расчёт точного количества силы, которую надо влить в заклинание, — просто ответил маг. — Это предотвратит и несчастные случаи, и неудачи, когда маг влил недостаточно силы в нестабильное заклинание, и ситуации, когда излишки возвращаются к волшебнику слишком резко и наносят вред его здоровью. Мой коллега из Физанта доказал действие этой теории на примере использования стенобитного заклинания. Однако ограничение Бодача-Драдха пока ещё никем не обойдено.

— Что за ограничение? — тут же полюбопытствовал приор.

— Согласно ограничению Бодача-Драдха, количество магической силы, которая требуется для изменения судеб многих людей, растёт экспоненциально в зависимости от их количества и этот коэффициент необходимо умножить на количество силы, требуемое на совершение исходного заклинания. Иными словами, я с некоторым трудом могу разрушить стену *пустующего* замка, но если в нём обороняются люди... К счастью, дополнение Баши-Кродшайла-Аршца ограничивает действие... эээ ограничения только сиюминутными изменениями. Другими словами, даже если разрушение пустующего замка в дальнейшем повлияет даже на судьбы целой страны, это не потребует больше сил, чем разрушение никому не нужного или даже специально построенного для опыта замка. Но для масштабного натурального эксперимента этого недостаточно... Потому-то волшебство требует тайны и уединения.

— Вы говорили о турнире, — сменил тему приор.

— Ах, да! — спохватился волшебник. — Следующей ночью состоится магический турнир.

Он довольно потёр руки.

— Вириная прекрасная женщина, — зачем-то заверил он приора, — но к некоторым вещам относится излишне... строго. Когда я понял, что она непременно отправится на поиски убийцы, я списался с коллегами со всего мира и предложил им ристалище под Сетором для проведения турнира. Было очевидно, что здесь её какое-то время не будет. Даже если она захочет поведать, как у меня дела... Всё равно не бросит взятое на себя дело. Это существенно упростит применение некоторых... особенно интересных методов.

Вириная почему-то всегда протестует против практики. Коллегам я, конечно, написал, что нам подойдёт это место, потому что там произошла дурная смерть и убитый ещё не похоронен.

Он снова потёр руки.

— К нам приедут гости из Физанта, Рикании, Хларии... Даже из Терны! Жаль только из святых земель никого не будет. Воины священного похода вместе с неверными разрушили знаменитый Шёлковый мост, по которому почтенный Маелджи спускался со своей Хрустальной горы. Он написал, что у него вдоволь еды и бьёт источник сладкой воды, так что мы можем не волноваться за него и за его разработки. Он занимается огненными муравьями. Я ему писал, что без строгой теории его результаты так, тьфу! Но разве он послушал? Муравьи вышли из-под контроля и сожрали всё запасённое зерно. Я прислал ему свои расчёты, так что припасы он восстановил, а вот муравьёв ему придётся создавать заново. Хе-хе. Такое случается с теми, кто пренебрегает теоретической подготовкой.

— Ты списался с коллегами и они приедут сюда завтра? — переспросил приор.

— Ну да, — рассеянно кивнул маг.

— Так быстро?

— Разве? — удивился волшебник. — Ну, может, и быстро... Я мог бы объяснить принцип, по которому это осуществляется... Примем, что...

— Не надо, сын мой, — поспешно прервал его приор. — Боюсь, я не обладаю достаточной подготовкой, чтобы вникнуть в твои объяснения.

— А где ты учился? — немедленно заинтересовался волшебник.

— В университете в Акаладе, в Рикании, — отозвался приор.

Лонгин наморщил лоб, припоминая.

— А! Я слышал, там обучают знающих лишь тривиум и не добиваются знания квадравиума^[34]... поэтому неудивительно...

— Ты совершенно прав, сын мой, — усмехнулся приор.

— Я могу дать тебе книги, — оживился волшебник. — К тому же в раногском университете лучший в мире факультет свободных искусств и ты быстро восполнишь свои пробелы, если начнёшь посещать их лекции.

Нора в ужасе смотрела на учителя.

— Я обязательно займусь этим позднее, сын мой, — пообещал приор, — если дела позволят мне задержаться в Тафелоне.

Волшебник пожал плечами и, казалось, потерял к собеседнику всякий интерес.

— Ваша милость, вам следует подготовиться к турниру. Конечно, вы и близко не подошли к тому уровню, на котором могли бы позволить себе участие хотя бы в самой малой роли. Но вам будет полезно присутствовать. Избавьтесь от светлых красок в вашей одежде и от всего, что может сковывать движения. Простое платье, плащ с капюшоном — этого будет достаточно.

— Неудобная одежда помешает колдовать? — уточнил приор.

Волшебник усмехнулся.

— Нет, она помешает убежать, если придётся скрываться... или если заклинания выйдут из-под контроля.

— То есть вы всё-таки используете заклинания? — дотошно спросил приор.

Лонгин потёр руки.

— Вы придаёте слишком большое значение простому слову. Что такое заклинание?

Некая форма, словесная или графическая или объединяющая эти и другие формы выражения... я мог бы выразить заклинание музыкой, расположением звёзд и планет, сочетанием чисел... для этого и необходим квадривиум, к слову сказать... Но формулы не имеют смысла, если маг не держит в голове все ступени их выведения. Разумеется, в конечном итоге всё сводится к обмену заклинаниями... особенное искусство состоит, конечно, в скорости их плетения...

Он по-мальчишески хихикнул.

— Однажды один, прости Освободитель, сапожник, явился, зазубрив самые действенные заклинания, а доказательства даже смотреть не стал. Думал, так получится быстрее. Получилось, не спорю. Никогда не видел, чтобы человека с такой скоростью выворачивало наизнанку. Его потом к себе коллега из Ютании^[35] забрал. Он как раз занимался изучением строения живых тварей и всё не решался попробовать на человеке. У них там в Ютании особенно не забалуешь, чуть что — и сжигают.

— Он... — сглотнула Нора, наконец догадавшись, что учитель имел в виду, — умер?

— До сих пор не доказано, чтобы человек мог жить внутренностями наружу, — сухо ответил волшебник. — Любопытный эффект. Мы так и не поняли, как именно он его добился.

— А скажи, сын мой, — спросил приор, — все ваши... исследования носят такой... разрушительный характер?

Волшебник развёл руками.

— Особенность специализации. Строго говоря, магия, и чёрная, и белая, строится по одним и тем же законам, но разрушительная как правило подпитывается... скажем так, неприятными переживаниями... названия придумывались в тёмные времена. Я думаю, белые маги могли бы достичь не менее интересных результатов, но они предпочитают размениваться на мелочи, помощь больным и дурацкие гадания. Я уговаривал Виринею подтянуть квадривиум и заняться своей областью всерьёз, но...

Он безнадёжно махнул рукой.

— Боюсь, она не заинтересована в развитии белой магии как точной дисциплины.

Приор задумался. Казалось, ему не даёт покоя какая-то мысль.

— А почему вы собираетесь именно в Тафелоне? — спросил он.

— Ну, во-первых, не только здесь. Семь лет назад мы собирались в Физанте, а ещё за семь лет до этого нас принимал почтенный Маелджи в святых землях. Тогда он ещё не добился своего успеха с муравьями и эти маленькие твари были там повсюду — в одежде, в еде, в постелях... брр... А во-вторых, здесь самое лучшее место: нет запрета на чёрную магию и близость Серой пустоши тоже не повредит.

Он радостно потёр руки.

— Хотя мы не собираемся устраивать зрелище, как эти ваши вояки, но на сей раз турнир будет состоять из нескольких частей. Сперва мы сообща сразимся с магами Чёрной башни, затем придёт время для личных вызовов... Если я хорошо их изучил, то потом нагрянут белые маги — вот тогда от ристалища мало что останется. Эти зануды почему-то всегда стараются нас разогнать.

— А почему не в Серой пустоши, учитель? — спросила Нора.

Волшебник скривился.

— В Серой пустоши любой сапожник — великий маг, — объяснил он. — Там колдовало столько поколений магов и ведьм, что теперь в заклинания не требуется вливать

силу для того, чтобы они исполнялись, всё есть в воздухе, в земле, в воде... повсюду. И никогда не случается, чтобы магическая сила возвращалась после неудачного волшебства или чего-то ещё в таком роде. Маги Чёрной башни считают это своим преимуществом, но я вам скажу — колдовать у себя дома каждый дурак сможет. Серая пустошь хороша только чтобы обучать детишек. Они взмахнут руками, увидят результаты и сразу поверят, что у них талант к магии.

Нора уныло кивнула. На то, чтобы учиться в Чёрной башне она, дочь и наследница барона, пойти не могла.

Дверь чуть приоткрылась, пропуская Липпа.

— Мне сказали, что Нора пошла в таблиний, — небрежно пояснил он, не делая даже попытки изображать почтение перед её титулом. — А, Лонгин! Приблизим *Освобождение*, брат! Ты всё ещё раскладываешь пространство по планетам? Когда конец света?

Волшебник беззаботно засмеялся.

— Приблизим *Освобождение*, брат! — отозвался он. — Что вспомнил. Я уже семь лет этой темой не занимаюсь.

— А я думал, за это время ты сможешь *освободить* нас всех, — поддразнил его вампир.

Лонгин махнул рукой.

— На самом деле разложение пространства по планетам есть способ вычислений, а не вещественного разрушения. Я просто сыграл на невежестве тех, кто меня слушал, они всё равно ни слова не поняли из того, что я тогда нёс.

— То есть ты этого не можешь? — засмеялся вампир. — А страху-то нагнал!

— Почему не могу? — удивился маг. — Если взять за основу теорию самоорганизованных разрушений, то легко доказывается, что высвобождение искры материи пойдёт по закону Гортада, то есть по той же схеме, по которой происходит землетрясение. Однако натурный эксперимент...

Он развёл руками.

— Вы можете посетить турнир вместе с её милостью, — неожиданно предложил волшебник, когда тишина очень уж затянулась. — Но, Липп, предупреждаю, туда почти наверняка явятся белые маги. Это обеспечит турнир изящным завершением... к тому же вам будет на что посмотреть.

Лонгин повернулся к приору:

— Обычно магия не очень зрелищна сама по себе, особенно чёрная магия. Вот белые — те да, не могут отказаться от украшений. Они считают, что волшебный дар был им дан для противодействия чёрной магии и сам белый цвет — доказательство божественного предназначения. Мы не кидаемся молниями и довольно-таки редко превращаем людей в лягушек, поэтому на наших турнирах бывает скучновато для посторонних. Однако... для наших гостей мы кое-что припасли... правда, решили на этот раз отказаться от запрещённых заклинаний.

— Это те, которые убивают? — беспечно поинтересовался вампир. Волшебник коротко засмеялся.

— Нет, это главным образом те, которые производят различные неэстетичные эффекты. Они запрещены главным образом для использования в помещении, но мы решили, что стоит вообще ограничить их применение... я понимаю такие, например, которые заставляют человека исторгнуть содержимое. Его разработали в древности в Физанте, чтобы обыскивать рабов на алмазных копиях... но сегодня его действие сводится в основном к тому, чтобы

унизить противника... и доставить работу прислуге.

Волшебник повернулся к бледной как мел ученице.

— Так я вас жду, ваша милость, в полночь на ристалище.

Он дружески кивнул вампиру и приору и вышел.

* * *

Нора очень боялась идти, но послушаться не осмелилась. Если бы она нарушила приказ учителя, он мог бы просто отказаться её обучать, а ей ещё больше, чем прежде, хотелось овладеть тайнами чёрной магии. Она упростила Липпа позвать Вейму, но вампирша, которой сородич пересказал весь разговор с чёрным магом, ответила, что знает она эти «неэстетичные эффекты». Если в самом деле придётся убегать, её бесчувственное тело не прибавит им скорости. К тому же отец Сергиус уже начал «увещевание» пленников и от него пахнет немногим слабее, чем от палача.

Другой сложностью был, конечно, муж баронессы, который после нескольких разговоров с ней, с приором и с Виром, стал проводить ночи в её, баронессы, покоях. Это, разумеется, было прекрасно, но как отлучиться на ночь? Проблему решил, разумеется, Липп, взявшийся усыпить Клоса так, чтобы он не заметил ночного отсутствия жены. Нора была бы благодарна вампиру, если бы он, издевательски улыбаясь, не предложил ей поделиться каплей крови, тогда он, дескать, сможет не просто усыпить Клоса, но и создать иллюзию того, что они с женой разделили ложе.

И вот Нора дрожала на холодном ветру в сопровождении вампира и легата. Никогда собственные занятия магией не казались ей столько странными и противоречащими всем законам естества. Ей, будущей правительнице Тафелона, в простой одежде пробираться за город, чтобы увидеть своими глазами — что?!

И всё же она пошла.

Липп, несмотря на кажущуюся беспечность, был напряжён и сосредоточен, приор, как всегда, полон любопытства.

На ристалище было тихо. Нора уж было подумала, что это дурацкая шутка, но вот они обогнули оставшуюся неразобранной трибуну и увидели Лонгина. Тот, присев на корточки, что-то чертил палкой на земле, бормоча себе при этом под нос. Увидев ученицу, он встал, наскоро затёр рисунок и подошёл к ней.

— Тут никого нет! — против воли резко заявила баронесса. Ей на мгновение показалось, что волшебник сыграл с ней дурную шутку. Лонгин потёр руки и усмехнулся.

— Хозяева всегда приходят первыми, ваша милость, — заявил он. — Терпение. Мага делает терпение, ваша милость. Скоро они появятся.

Он был прав. Взвихрился воздух и на ристалище опустился пышно одетый толстяк.

— О, мой коллега из Хларии, — обрадовался Лонгин. — Почтенный Фабьен, рекомендую. Непревзойдённый знаток теоретической алхимии. Доказал возможность преобразования твёрдого тела в мягкое, аморфное и наоборот — без изменения теплового состояния.

Раздался удар грома и к ним как будто бы из пустоты вышел высокий и тощий волшебник с неожиданно круглым лицом.

— А это, конечно, Просперо из Терны, — кивнул Лонгин. — Вы не знаете его, отец?

Рекомендую. Один из немногих уже универсальных специалистов. Практически все заклинания выражает на языке музыки — большой оригинал.

— А это, — кивнул волшебник себе за спину, где, казалось, ещё мгновение назад никого не было, — конечно, Сотирих из Физанта.

Сотирих выглядел особенно необычно: он был в расшитых золотом одеждах с высокой конической шапкой на голове, напоминающей женские эннены.

— И Одэлис из Рикании, — указал в другую сторону Лонгин. Пока он представлял гостей, над ристалищем загорались холодные синеватые огоньки.

Лонгин усмехнулся, знакомым жестом потёр руки и добавил:

— Я должен вас предупредить, что это, так сказать, их учёные имена, у себя дома они известны совсем иначе... да и внешность их... немного иллюзорная. Обычная предосторожность при визите в чужие страны. Однако таланты их настоящие. Жаль, коллега из Ютании не сможет приехать. У них там, кажется, появилась какая-то зараза и ему приходится прилагать все усилия, чтобы его не заподозрили в отравлении колодцев. К слову сказать: детские шалости. Ни один уважающий себя маг не будет размениваться на такие примитивные штучки. Что до появления моих коллег... я думаю, вы понимаете, это тоже иллюзии. Маленькие слабости больших людей.

Он ещё раз потёр руки, подошёл к другим магам и затеял с ними оживлённую дискуссию.

— Мне это нравится! — засмеялся вампир. — У них весь турнир будет состоять в одних разговорах?

Нора нерешительно улыбнулась.

...они ударили без предупреждения, в спины стоящих кружком и переговаривающихся волшебников. Тёмные тени соткались из ночного воздуха не хуже вампиров, одновременно вскинули руки и... это было похоже на порыв ветра, чёрного удушающего ветра, ломающего кости, забивающего дыхание и...

И ничего не произошло. Беспечно спорившие маги разбились за мгновение до удара, рассыпались по ристалищу и...

Зазвучала музыка, резкая, отвратительная, лишённая всякой гармонии и, казалось, отдающаяся в самой глубине тела.

и...

Почва под прибывшими магами стала как будто размягчаться.

Они принялись тонуть, проваливаясь — по щиколотку, по колено, уже погружались по пояс...

Как прозвучал резкий приказ на незнакомом Норе языке и земля словно бы вытолкнула волшебников обратно. Музыка смолкла.

Ещё одно слово — и из вытоптанной почвы ристалища вдруг полезли побеги — гибкие, длинные, извивающиеся и, как Нора с содроганием заметила, колючие. Они принялись подбираться к ногам защищающейся стороны, но несколько ростков подползали и к баронессе с её спутниками. Липп с размаху ударил ближайший побег каблуком, но это только спровоцировало рост новых растений.

Наступившая тишина была гнетущей, но вдруг её разорвал уверенный голос Лонгина:

— Поскольку лемма Пелле утверждает, что магия есть явление дополнительное к натуральному течению жизни, следующая из неё теорема Энцо гласит, что любой запущенный волшебством процесс может быть обращён вспять. Если мы примем значение

переменной, равной...

Маг говорил ещё долго, бестрепетно глядя на опутывающие его ноги колючие стебли. А потом всё разом закончилось. Стебли съёжились и принялись уползать обратно под землю.

— Как-то небыстро это у них происходит, — пожаловался Липп. — Не могу поверить, что они всякий раз вот так ждут, пока противник закончит болтать.

— Это же турнир, — отозвался приор. — Возможно, у них так принято.

— Это?! — выдавила из себя Нора. — Это — турнир?

— Ты же видишь, что они аккуратны и соблюдают очерёдность ударов, дочь моя, — отозвался монах. — В серьёзной схватке всякий предпочёл бы добить противника, пока он обездвижен.

— Брр, — поёжилась баронесса.

— Ты всё ещё хочешь изучать магию, сестричка? — с издевательским сочувствием спросил её вампир.

Нора пожала плечами. Больше всего на свете она хотела бы оказаться у себя дома в своей постели и не думать ни о каком чёрном волшебстве.

Со стороны той самой трибуны, где убили заложника, вдруг сгустилось что-то вроде багрового туманного облака, поднялось в воздух и пролилось на нападавших кровавым дождём. Нора, на которую упало несколько капель, взвизгнула — они были горячее кипятка и обожгли нежную кожу баронессы. Липп заковыристо выругался.

Кто-то из нападавших поднял руку — и облако растаяло в воздухе.

— Нечисто, — покачал головой один из магов. — Вы задели собственных союзников.

Лонгин пожал плечами.

— Вы победили, — легко согласился он. — Откровенно говоря, я предпочёл бы начать с аргументированной дискуссии.

Прибывшие рассмеялись. Лонгин осуждающе покачал головой.

— Я вижу, в Чёрной башне по-прежнему пренебрегают теоретической подготовкой? — грустно произнёс он. — В таком случае наше собрание не имеет смысла... Но, раз мы здесь...

Он поклонился одному из своих гостей.

— Почтенный Просперо, я имею честь бросить вам вызов.

— Конечно, — засмеялся волшебник из Терны. — Что на этот раз?

— Разумеется, вопрос дискретности пространства и времени.

— Вы меня без ножа режете! — всплеснул руками волшебник из Терны. — Я был уверен, что в моих доказательствах нет никакой ошибки!

— Ха! — воскликнул Лонгин. Он поднял руки и воздух перед ним начал заполняться незнакомыми Норе значками и символами.

Значки какое-то время висели, а после заострились и полетели в сторону его противника. Тот отмахнулся, значки замигали и выстроились в другом порядке.

— Чувствую, это надолго, — вздохнул Липп.

Лонгин с волшебником из Терны о чём-то горячо спорили, символы, которые они чертили в воздухе, то и дело меняли свою форму, положение, летели то в одну, то в другую сторону...

Приглашённые Лонгином маги разошлись и тоже заспорили между собой. Дискуссии их были, пожалуй, более зрелищны, чем дискуссии в университете, но совершенно не похожи на то, что можно себе представить при словах «турнир волшебников».

Это длилось долго и Нора успела окончательно расслабиться и заскучать. Лонгин и маги из других стран увлечённо спорили, волшебники из Чёрной башни так и стояли единой группой с накинутыми на головы капюшонами и чего-то ждали. Наконец светящиеся значки закрутились вокруг Лонгина и его противника в сверкающий смерч, Просперо вскинул руки и закричал:

— Ладно, твоя взяла. Признаю, признаю!

Значки погасли.

— Вы слишком быстро сдались, — разочарованно отозвался Лонгин. — Но, я полагаю, непрерывность можно считать доказанной. Я пришлю вам свои записи на эту тему, вы сможете внимательней изучить мои аргументы. Если у вас найдутся новые возражения...

Просперо с энтузиазмом ответил и маги пустились в не менее увлечённое обсуждение, в ходе которого вокруг них то появлялись какие-то загадочные фигуры, то вдруг звучала громкая, ни на что не похожая музыка.

— Мне это надоело! — вдруг выкрикнул один из магов Чёрной башни. — Лонгин! Я, Вензеслос, волшебник, бросаю тебе вызов.

— Ты? — с неохотой прервал разговор Лонгин. Он повернулся к вызвавшему его волшебнику, смерил взглядом и разочарованно отвернулся. — Зачем? Ты мне не соперник. Возвращайся к себе, гоняй детишек по Пустоши.

— А я считаю, что это ты мне не соперник, — прошипел Вензеслос. — Повернись или я убью тебя в спину!

— Ах, вот как! — лениво протянул Лонгин. — Так чего ты хочешь в случае победы?

Один из порхающих в воздухе огоньков подлетел ближе к Вензеслосу и осветил неприятную гримасу на его лице.

— Твою жизнь, конечно. И жизни тех, кого ты притащил с собой.

Он кивнул на Нору и её спутников.

— А вот теперь становится весело, — пробормотал Липп. — Как-то у них быстро всё поменялось.

— У тебя нет ничего для меня, — скучающе ответил Лонгин. — Ну... скажем так: если я выиграю, ты станешь преподавать теорию в Чёрной башне. Хотя бы старшим из учеников.

— Ты сначала выиграй, — захохотал Вензеслос.

— И вылижешь мои сапоги, — добавил Лонгин. — Ты, безмозглый червь, сапожник...

Договорить он не успел. Нора не могла толком разглядеть, что сделал Вензеслос, но как будто сама смерть прокатилась от одного мага к другому. Лонгин не стал защищаться, произносить заклинания, призывать себе в помощь силы природы, он просто отскочил в сторону. Смертоносная волна покатила дальше, опасная, невидимая человеческому глазу. Просперо переглянулся со своими товарищами и они... сделали что-то, Нора не могла ни разглядеть, ни понять, но волна угасла.

Вензеслос только рассмеялся и, воздев руки, создал огромную тучу, которая погасила большую часть горящих в ночи огоньков. Она поползла в сторону Лонгина, который стоял, казалось, не в силах ей что-то противопоставить. В воцарившемся полумраке Нора видела напряжённое лицо своего учителя, который, медленно отступая, не сводил глаз с тучи и что-то бормотал себе под нос...

И когда туча уже почти настигла Лонгина, поглощённые ею огоньки вдруг засияли ярким светом. От них протянулись лучи, которые разрезали тучу на части... Лонгин произнёс короткое слово — и туча пропала. Вензеслос перестал улыбаться. Он топнул ногой

— и земля задрожала. От ног волшебника Чёрной башни к Лонгину поползла трещина — не медленно, как давеча туча, а стремительно. Кажется, ещё чуть-чуть — и учитель Нора провалится через эту трещину прямо в преисподнюю. Лонгин отскочил в сторону, но трещина разветвилась и вторая ветвь устремилась за ним, как недавно первая. Лонгин уже ничего не бормотал. Его лицо было бледным, испуганным и напряжённым. Он то и дело прыгал, избегая трещин, они ветвились, земля дрожала и, казалось, с ристалища не спасётся никто. Нора, забыв про всё, вцепилась в холодную руку вампира, приор рядом с ней молился. Товарищи Лонгина, волшебники из других стран, сгрудились на дальней стороне поля, но трещины подползали и к ним. А сам Лонгин... Лонгин оказался на крошечном островке. Он тяжело дышал, двигался с трудом и даже не пытался колдовать. Вензеслос неторопливо подошёл к нему. Нора поняла, что на этом её жизнь оборвётся. Зачем она явилась сюда?! Зачем она связалась с чёрной магией?! Зачем...

— И кто из нас жалкий червь, Лонгин? — глумливо спросил Вензеслос. — Ты проиграл. Твои книжки и теории не помогут против настоящего мастера.

Лонгин не шевельнулся. Не попытался ничего сказать или сделать. Он просто стоял и смотрел на победившего врага.

— Ты давно — кость в горле, — продолжал Вензеслос. — Твои шашни с белой магией нельзя терпеть. Ты...

Лонгин по-прежнему не двигался.

— погоди, — шепнул Липп. — Он не так боится...

Всё случилось само собой. Как будто нечто взметнулось с земли и окутало глумящегося Вензеслоса. Трещины сомкнулись. Лонгин устало вздохнул.

— Ты жалкий сапожник, Вензеслос, — безо всякого торжества произнёс он. — Ты даже не читал моей книги по теории ограничений.

Он оглянулся по сторонам.

— Полагаю, дискуссия не состоится.

Вензеслос бился в сковывающих его путах, что-то шептал, пытался двигать руками, но всё напрасно. Лонгин внимательно его осмотрел, покачал головой.

— Я передумал, — сказал он, — можешь не лизать мои сапоги. Непохоже, чтобы ты мог начать преподавание теории. Поэтому...

Лонгин взмахом руки предложил магам из других стран подойти поближе.

— Полагаю, мы нашли объект для натурального эксперимента, — сказал он коллегам. — Я, кажется, догадался, как тот сапожник это проделал и могу повторить. Приступим!

Он обошёл вокруг пленного мага, поднял с земли палку и начертил что-то на земле.

— Итак, можно считать очевидным, что... ну, примерно вот это...

Раздался кошмарный чавкающий звук, истошный крик, который ещё долго звенел в ушах баронессы. Она почувствовала, что её мутит и подкашиваются ноги. Нора не обладала чувствительностью Веймы, но у неё на глазах только что человека вывернули наизнанку... ночной воздух наполнился смрадом.

— Фабьен, вы возьмётесь отвезти *это* нашему другу Гатвину в Ютанию? — всё тем же спокойным тоном спросил Лонгин, делая какие-то странные заворачивающие жесты. Запах постепенно уменьшился. — Полагаю, он найдёт это любопытным. Ещё один... экземпляр для изучения.

— Как вы это сделали? — спросил Просперо. — Я долго изучал ваши записи с того случая, но так и не смог добиться повторения.

— Я пришлю вам записи по этому поводу, когда приведу их в порядок! — живо отозвался Лонгин. — Здесь есть несколько тонкостей, я понял их только благодаря нашим уважаемым коллегам.

Он поклонился в сторону волшебников из Чёрной башни, причём его поклон в равной мере относился как к живым, так и к мёртвому.

— Конечно, в чём-то они правы, — светски заявил Лонгин. — Не стоит отрываться от практики. Никто из нас не решался проделать столь опасные опыты над собой, на которые пошли наши коллеги... Мы определённо их недооценивали...

Богато разодетый Сотирих повернулся к сбившимся в кучу магам Чёрной башни.

— Я надеюсь, вас убедила наглядная демонстрация преимущества теории? — спросил он.

Липп почесал макушку.

— Ты ничего не замечаешь? — шепнул он Норе.

— Н-н-нет, — дрожащим голосом ответила она. Учитель открывался перед ней с новой, неизвестной стороны. — А т-т-ты что-то чувствуешь?

— Я имел в виду, что они говорят каждый на своём языке, а мы их понимаем, — ответил вампир. — А так... Ну, например, когда Лонгин выиграл, эти вот перестали двигаться, хотя живые.

— Убедила, — проворчал один из магов Чёрной башни.

Нора не поняла, что сделал Сотирих, но только скованные маги снова смогли двигаться.

Лонгин потёр руки и сделал приглашающий жест. Из воздуха прямо перед ними соткался большой шатёр. Вход в него был откинут и Нора увидела накрытые яствами столы.

— Прошу вас, — сказал Лонгин. — Я полагаю, незачем ждать, явятся ли белые волшебники. Мы все устали, поволновались и бокал вина будет нелишним.

На столах действительно стояли кувшины с вином, а среди них — блюда с тонко нарезанным мясом, с яблоками в меду и с какими-то неизвестными Норе лакомствами. Над столами летали голубоватые огоньки.

— Как вы всё это успели? — ахнула Нора. Лонгин поднял брови.

— У меня был целый день на подготовку, ученица. Проходите, проходите. Это не пир, здесь вам никто не предложит места за столом — ни высокого, ни низкого. Вы вольны сесть где угодно.

Нора, слегка робея, вошла под полог шатра. Её спутники последовали за ней. Липп напряжённо принюхивался, а приор что-то соображал, поглядывая то на огоньки, то на столы, то на волшебников. Маги из Физанта, Хларии, Рикании и Терны, не колеблясь, вошли в шатёр. Когда входил Просперо, идущий последним, Лонгин извиняющимся голосом произнёс:

— Надеюсь, вы проявили достаточную осторожность? Я... э-э-э... зачаровал этот шатёр так, чтобы он... хм... причинял вред моим врагам, пытающимся сюда проникнуть. Сами понимаете, это вынужденная мера и я уверен...

Один из магов Чёрной башни, который как раз собирался пройти, замешкался и второй его толкнул в спину, прошипев:

— Ты глупец, это же...

Договорить он не успел. Лонгин топнул ногой, маги Чёрной башни оттолкнули что-то невидимое и отпрыгнули назад, погнав что-то столь же невидимое перед собой.

Лицо Лонгина перекосила напряжённая улыбка. Он стоял посреди шатра, опустив руки,

и даже не оглянулся, когда позади него лопнул на столе кувшин и вино залило стол. Его ожидания оправдались. Волшебники Чёрной башни замедлились... замерли... Он снова устало вздохнул.

— Я полагаю, дальнейшее можно не обсуждать? — повернулся он к своим товарищам из других стран.

Фабьен поморщился.

— Их тут пятеро... в Чёрной башне больше учителей, я полагаю, и нету.

— Давно пора их всех разогнать, — кровожадно возразил Одэлис из Рикании.

— А кто возьмёт на себя обучение будущих магов? — заспорил Просперо из Терны.

Они так посмотрели на Лонгина, что тот попятился и защитным движением вскинул руки.

— Нет-не-нет! — запротестовал волшебник. — Я могу наведаться туда, посмотреть, что и как... но постоянно там не поселюсь! У меня даже нет учеников, которых можно туда отправить.

— А это? — кивнул на Нору Сотирих.

— Она ещё не освоила даже азов, — поморщился маг. — Об остальных и говорить нечего.

— Во даёт! — прошептал Липп. — И ведь не соврал.

Фабьен громко, на показ вздохнул.

— Ну, молодой Жофруа, пожалуй, достаточно терпелив для такой работы... или Ферранд...

— Я мог бы отправить сюда Улиеса, — предложил Одэлис. — За последние семь лет он не написал ничего стоящего, но в наши письма вникает.

Просперо покачал головой.

— Я готов потратить некоторое время, — пробормотал он. — Но при условии, что вы поедете со мной. У нас останется время на то, чтобы заняться вашей последней идеей.

Лонгин только махнул рукой.

— Я не могу, — сказал Сотирих. — Я обещал поехать к Маелджи, помочь восстановить его огненных муравьёв. Но могу уговорить его принять несколько учеников после вашего обучения.

— Дело ваше, — ответил стремительно мрачнющий Лонгин. — Липп!

Он, казалось, достал из воздуха одну за другой две тщательно закупоренные фляжки и кинул вампиру. Тот ловко поймал их.

— Примешь мой дар? — спросил Лонгин. — Это *хорошее* вино, я выпросил его в Латгавальде. Думал, приберечь для пира, но...

Вампир нахмурился, припоминая то, что он слышал о чёрных магах. Что-то ему подсказывало, что лишний раз у них лучше ничего не брать, даже если ты вампир.

— Чего ты хочешь? — так и ничего не придумал он.

— Эти, — кивнул волшебник на скованных магов Чёрной башни. — Мне нужны их знания.

— А марасть ручки не хочешь, — неприятно улыбнулся вампир.

Волшебник развёл руками.

— Нет времени. Решай скорее. Ты представляешь, каких усилий стоит держать под контролем пятерых волшебников?

— Не представляю. Но всего две фляжки...

Лонгин засмеялся и отвернулся от вампира.

— Всё, что касается их планов, завтра, в письменном виде, — бросил он через плечо. —

И, может быть, я подумаю о ещё одной фляжке.

У Липпа перекосилось лицо.

— Ты имеешь в виду — что они собирались с тобой сделать? — уточнил он. Голос вампира слегка дрожал от волнения.

Лонгин удивился.

— Да? Какая новая мысль. Я вообще-то имел в виду, что эти сапожники собирались делать с учениками. Но...

— Посмотри лучше, почему они напали, — предложил до того молчащий приор. Лонгин смерил его взглядом и благодарно кивнул.

— Что-то вроде этого, — согласился он.

Вампир спрятал фляжки за пазуху. Руки его тоже слегка дрожали.

— Три полных фляжки *хорошего* вина, — возбуждённо сказал он приору. — Вы представляете, что это?!

— Нет, сын мой, — покачал головой приор.

— Это... это... я потом объясню, — пообещал вампир и устремился к пленным магам.

— *Хорошее* вино — это заколдованное вино, отец, — пояснила Нора приору. — Виноград для него собирают с заговоренной лозы. Его используют на тайных колдовских обрядах. Мне говорили, что у вампира, который выпьет *хорошего* вина, возрастают силы. Редко кому удавалось выпить больше пары глотков за раз. А тут — три фляжки.

— Это очень щедро, — согласился приор.

— Мне нужен был результат, — раздражённо пояснил подошедший к ним Лонгин. Он утратил своё вальяжное спокойствие и властную уверенность в себе. Руки его дрожали от пережитого напряжения, одежда была смята и порвана, по лицу стекал пот. — Проклятье!

— Вы же победили, — робко сказала Нора.

— Победил?! — взвился волшебник. — Победил?! Да в гробу я видал такие победы! Проклятье, этот сапожник чуть не убил меня!

— Но вы же справились, — не удержалась баронесса.

— Справился?! Я справился только чудом! Вы думаете, я на кого эти ловушки ставил?! На этих сапожников?! Я ждал белых волшебников! Проклятье, я так надеялся наглядно доказать, что чёрная и белая магия представляют собой единый континуум... Мои ловушки настроены были на противоположность наших заклинаний. Конечно, я учитывал, что они не используют теорию ограничений... проклятье! Я думал, мне конец там придёт. А где я мог тренироваться?! Где, я вас спрашиваю?! Разве с такой женой потренируешься?! Проклятье, проклятье, проклятье! Теперь мне ещё возиться с этой проклятой дырой! Кто их сюда тянул?! Сидели бы у себя, мучили бы детишек, бездари!

Нора попятилась, вспоминая, как Вейма её предупреждала о вздорном характере учителя.

— Ты имеешь в виду Чёрную башню? — заинтересовался приор.

— Да! Эту трижды проклятую дыру на краю света! Какой дурак её вообще там построил?! Какой сапожник решил там людей учить?! Я уж не чаял оттуда убраться! А теперь, что, всё снова?!

— А чем она так плоха? — не отставал приор. Лонгин вздохнул, понимая, что слушатели его настроения не разделяют и даже не понимают, о чём идёт речь.

— Местом, — пояснил он немного спокойней. — Серая пустошь — нехорошее место. Там от Корбина тянутся болотистые места, а дальше на восток всё было сожжено и вытоптано во время смуты Ублюдка несколько поколений назад. Когда там поселились маги, они принялись колдовать... сами видите, на что похоже волшебство людей, которые упорно не хотят учитывать теорию ограничений... и ещё некоторые важнейшие теории. Впрочем, тогда их и не было. Это их немного извиняет. Словом, болота отодвинулись от озера и переместились ближе к башням. Ещё и меняют расположения топей и бочагов, причём совершенно непредсказуемо. Теперь там нельзя ни пройти, ни проехать. Представляете, что приходится жрать ученикам?! Нас кормили отбросами! И мне теперь придётся ехать...

— А как доставляют эти отбросы? — заинтересовался приор.

Лонгин отвлёкся от предстоящих ему страданий.

— Как-как... — проворчал он. — Там по краю дорога проходит... Ещё не до конца заброшенная. Ведьмы... тех учат в Бурой башне... строго говоря, это кухня и спальни над ней. Они выдумали какую-то мазь, которой натираются и летают под Пустошью. Я не понимаю, зачем они это сделали. Вне Пустоши летать невозможно, какой смысл учиться этому возле башни?! Где они собирались это использовать?! Ещё задолго до меня они заметили, что, если навести страх на лошадей и людей, то нетрудно растащить припасы с какой-нибудь несчастной телеги. Белые маги — нет, всё-таки какая жалость, что они не прибыли! — конечно, пытались этому помешать. Ханжи. Еду-то трескали. Чего не понимали, так того, что их белые молнии пугают ещё больше. К концу драки половина лошадей успевала утонуть в болотах. Хоть бы раз головой подумали. Понятно, после этого к нам ни купцов, ни крестьян даже на край Пустоши не заманить.

Он покачал головой.

— Белая магия в первую очередь разработана для противодействия чёрной магии, — совершенно спокойно пояснил он. — Вообще, волшебство лучше всего применяется именно против волшебства и его носителей. К материи волшебство приложить очень трудно. В лучшем случае получится изменить некоторые свойства.

— Но ты достал фляги из воздуха, — напомнил приор.

Лонгин мальчишески ухмыльнулся.

— Иллюзия, — сознался он. — Основы обучения. Сам понимаешь, это безопасней, чем сразу возиться с материей. Почти всё, что вы сегодня видели — это иллюзии. То, что происходило на самом деле, увидеть нельзя. Это...

Он резко отвернулся от своих собеседников и подошёл к Фабьену.

— Он всегда такой? — спросил приор ошарашенную Нору.

— Н-н-не настолько, — призналась баронесса.

К ним подошёл Просперо.

— Я вас не поприветствовал, брат Матео, — сказал он приору. Тот какое-то время вглядывался в волшебника, потом кивнул и поправил:

— Отец Сергиус. Я вас не сразу узнал из-за иллюзии.

— Отец? — удивился Просперо. — Давно я не интересовался, что в мире творится. Вас можно поздравить с рукоположением?

— Вы знакомы? — удивилась Нора.

— С кем я только не был знаком, — усмехнулся приор.

— Вас, наверное, поражает случившееся, — сказал Просперо. — Но это — результат

долгой и тщательной подготовки. Не давайте обмануть себя порывистости моего друга. Он всегда просчитывает свои действия. Мы разработали определённую систему... недостаток теории, конечно, в том, что не получается быстро ответить на враждебные действия. Но сугубые практики вроде наших скоро покойных друзей... Они могут придумывать новые заклинания, но в их основе старые методы. А мы много поработали именно над тем, чтобы найти принципиально новые методы.

Речь Просперо чем-то очень напоминала речь Лонгина и Нора спросила:

— Он был вашим учеником?

— Нет, что вы! Но мы много работали вместе.

— И в чём состояла подготовка? — уточнил приор.

— Как — в чём?! Мы уточнили все слабые места во всех наших теориях, ограничениях, поправках, леммах и теоремах! Исчертили всё поле. Конечно, некоторые думали, что они не решатся напасть вот так открыто... Но и я, и Лонгин настаивали. Я его понимаю — кому охота ждать удара в спину? Ведь он живёт совсем недалеко от Серой пустоши! Мне кажется, ему не стоило писать белым магам, предлагая вместе разрабатывать обобщённую теорию. Они, конечно, проигнорировали, а их соседи...

— Соседи? — зацепился приор.

— На Серой пустоши рядом стоят Белая, Чёрная и Бурая башни, отец, — пояснила Нора. — Там учат белых и чёрных волшебников и в Бурой башне колдунов и ведьм.

— Колдуны — не то же самое, что и волшебники? — тут же спросил приор.

— Нет, отец, — нетерпеливо ответила Нора.

— Отец Сергиус говорит с тобой без заклинаний, которые помогают понимать чужие языки, — со смешком заметил подошедший к ним Липп. — В Рикании слова другие.

— О! — оживился Просперо. — Ты закончил? Тогда мне пора.

— Куда пора? — растерянно спросила Нора.

Липп положил руку ей на плечо и заставил отвернуться от входа.

— Ты же не думаешь, что они мило поулыбаются и отпустят своих врагов? — хмыкнул он. — Это чёрные волшебники. Я так подумал, тебе не понравится, что они там задумали.

— А что они задумали? — пересохло в горле у Норы. Она даже забыла возмутиться егс наглости.

— Я так понял, они собрались обратить время вспять, чтобы получить тела разного возраста, а потом повторить тот фокус с выворачиванием, — беспечно ответил вампир. — Эй, Нора, ты же не Вейма! Не надо падать в обморок!

Глава вторая

Передышка

Врени сидела на ступенях ведущей в подвал лестницы и молча злилась. Ей не нравилось происходящее. С утра за ней послал старик Клеменс и велел быть наготове. Мол, её помощь понадобится, чтобы приводить пленников в себя после пыток. Цирюльница не имела ничего против работы, но она категорически возражала против того, чтобы с ней так обращались. Нора не платила ей ни медяка, её только пускали спать и кормили, она не обязана работать на этих людей, она не обязана оставаться тут, она...

Да куда она денется, если ей на совете баронов сказали, чтобы не вздумала даже уезжать. Не то чтобы за ней следили, конечно. Но и *старший брат* говорил, что задание её не закончено.

Врени казалось, что все вокруг сошли с ума и Марила с её проказами и карканьем из всех ещё самая здоровая. Вот давеча наткнулась на чёрного волшебника из Ранога. Она его немного знала в лицо, ну, а он её, конечно, не узнал. Когда Врени его увидела, он высокомерно требовал у слуги, чтобы тот позвал её милость в таблиний. И пошёл туда сам. Видать, не первый раз тут: в таких домах не было специальных комнат для чего-то. Большой зал — можно гостей принять, можно совет собрать, можно все углы какими-нибудь статуями устроить. Маленькая комната — можно спальню, таблиний этот, да хоть кладовку. Слуга поклонился и побежал. Конечно! Безумие вокруг просто пугало. Вампиры дружат с оборотнями, монахи дружат с палачами, чёрные маги приходят в гости... замечательно, просто замечательно! И приор этот... как его... посланец, глядите-ка, самого святейшего папы! Конечно, замечательно. Просто чудесно. Приор ими играет как хочет, а они все рты поразевали. Понимает он и прощает всех, видите ли. Купил всех, все ему в рот заглядывают, а что завтра будет, и не думают. Да где это видано, чтобы человек вот так вот, по доброте такие деньжищи на ветер кидал, разбрасывал, не считая?! Хоть один задумался, что однажды приор с них спросит?

По лестнице застучали шаги. Врени едва успела отскочить — мимо неё чуть ли не пролетел чёрный маг. Сунулся туда-сюда, рванул на себя дверь, из-за которой доносились стоны и неразборчивые вопли.

— Вот ты где! — закричал маг. — Мне с тобой поговорить надо! Сейчас! Немедленно!

Слегка удивлённый приор вышел к нему.

— Это важно? — с кроткой улыбкой спросил он. Врени, ставшую невольной свидетельницей этого разговора, аж как-то перекосило. Этот человек только что с палачом допрашивал своих врагов, а теперь, ишь, улыбается. И не стыдно ему лицемерить. Мучает братьев по вере, а с проклятым любезничает. Какой же он после этого монах?!

— Важно, — подтвердил маг. Врени показалось, что он сейчас затопает ногами.

Приор только кивнул и повёл волшебника в ту дальнюю кладовку, где недавно запирали одеревеневших вампиров. Дверь за ними закрылась.

Врени вернулась к своим мрачным мыслям, как вдруг подвал сотряс вопль:

— Нет! Нет! Я говорю — нет, нет и нет!.. Пять лет?! Ты спятил?! Нет!.. Да я и года не просижу в этой дыре!.. Да мне плевать!.. Да сожги ты хоть весь Тафелон!.. Нет, я сказал, нет! Ни за что!.. Деньги?! Деньги?! Ты решил меня купить?!.. Ты мне угрожаешь?!.. Я сказал, нет! И не проси! Нет! Ни за что!

Дверь кладовки распахнулась с треском... но ничего не произошло. Врени не слышала, что говорил приор, но вскоре они оба показались в конце коридора и волшебник совершенно спокойно объяснял монаху:

— Еда для всех трёх башен... вино, разумеется... для учеников можно и сидр... потом, одежда... ты бы видел, в каких лохмотьях нам приходилось щеголять!.. нет, простого полотна достаточно. Это надо доставлять постоянно... И, конечно, компенсацию пострадавшим... не думаю, что нравы учеников трёх башен так легко унять. Первое время потребуется немало денег на одни только извинения. Кроме того, конечно, книги... О книгах всегда забывают... Книги дороги... я составлю список всего необходимого... не удивлюсь, если башни уже разваливаются...

— Составь список, — кивнул приор. — Сейчас обратись к Братству Помощи, они возьмутся доставить и еду, и всё, что ты считаешь нужным.

Лонгин дружелюбно кивнул ему и как ни в чём ни бывало направился к лестнице, но вдруг остановился.

— Ах, да! — спохватился волшебник. — Совсем забыл. Почтенный Маелджи прислал... Он порылся за пазухой и извлёк оттуда обрывок пергамента.

— Вот, возьми. Впиши вот сюда и сюда имя, рост и вес, хотя бы приблизительно... расположение звёзд... хм... ну, наверное, дату рождения кого-нибудь из твоих пленников, которых ты не боишься потерять. И прикрепи ему на лоб. Пусть кто-нибудь запишет, что произойдёт после... ах, да! Сначала его надо... ну, хотя бы поцарапать.

— А что это? — поинтересовался приор.

— А, это очень старое заклинание, его придумали задолго до того, как в святые земли пришли лельфы^[36]. Оно должно усилить последнее из пережитых человеком ощущений... Его применяли, чтобы насладиться музыкой или распознать, нет ли в еде яда... Но оно же может усилить и боль... Я не очень уверен в расчётах... Если мы ошибаемся, может остановиться сердце... поэтому испытай его на том, о ком не будешь жалеть. Я бы остался и попробовал откорректировать... но мне попросту некогда... если мы не поторопимся, эти юные сапожники увеличат Серую пустошь вдвое своими стараниями.

Врени посторонилась, стараясь сделаться незаметной. С её ростом это было не так-то просто. От доброжелательной беседы мага и приора просто мутило. «Ненужные пленники»! Повернись судьба иначе — и она могла бы оказаться среди этих самых ненужных пленников и на ней могли бы испытывать заморские чёрные чары. Волшебник пришёл мимо неё, даже не замечая. Это было на него похоже, он так же вёл себя и в Раногге, и на *встречах*: не видел никого и ничего, если это не входило в круг его интересов.

А вот приор таким не был. Врени даже ощутила к нему что-то вроде признательности, когда монах, проводив волшебника, повернулся к ней и участливо спросил:

— Тебя что-то расстроило, дочь моя?

— Отстали бы вы от меня... отец, — грубо ответила она. — Вам мало, что под вашу дудку все пляшут? Теперь ещё и *этой*. Не знаю, чем вы его купили и для чего, но со мной такое не пройдёт.

— Я ничем его не покупал, — как будто даже удивился приор, — я никого не покупаю. Я предлагаю людям то, в чём они нуждаются, и прошу их помочь в ответ, только и всего.

— Мне ничего не надо, кроме свободы, — уныло сказала цирюльница.

— Свободы травить клопов, ночевать на грязной соломе вперемешку с крысами? — поддел её приор.

— Да! — огрызнулась Врени. — Не надо, монах. Не играй словами. Ты хитрый, я знаю. Ты кого угодно обманешь и я тебе ни на медяк не верю.

— Но я никого не обманывал, дочь моя.

— Не юли... те, отец. Я кое-что знаю ведь и о вас тоже. Зачем вы велели моим братьям избить бедолагу Полди? Он готов отдать за вас жизнь, а вы его предали. И вам ведь не стыдно смотреть ему в глаза.

— Отдать жизнь, — вздохнул приор. Он вдруг показался Врени страшно усталым... и старым. — Отдать жизнь... В юности мы думаем, что сделаем это, шагнув навстречу вражеской стреле... А в старости понимаем, что отдаём жизнь, посвящая каждое её мгновение выбранному делу.

— Если под стрелу успел выскочить другой дурак, — вставила Врени. Приор засмеялся.

— У меня есть немного времени. Пойдём, найдём брата Полди.

— Зачем? — подозрительно спросила цирюльница.

— Пойдём, дочь моя, — настаивал приор. — Ты ведь хотела... справедливости.

— Уже не хочу, — мрачно буркнула Врени, послушно следуя за приором.

* * *

Они нашли брата Полди во дворе. Он стоял позади небольшого садика, у самого обрыва, которым заканчивался двор, и смотрел вниз, на реку. Услышав шаги, обернулся с вежливой улыбкой, которая стала шире и искренней, когда он разглядел тех, кто к нему подошёл.

— Отец Наркис! Врени! — сказал он. — Смотрите... Разве не прекрасно то, что сотворено Создателем?

Врени равнодушно мазнула взглядом по утопающей в осеннем золоте долине.

— Все Его творения прекрасны, — согласился приор. — Я помню, ты и в монастыре уходил и вот так вот любовался дикими местами.

Полди ответил почти что детской улыбкой.

— Мир велик и прекрасен, отец. И горы, и реки, и люди...

Врени вытаращилась на него как на невиданное чудо.

Там, в подвалах оставшегося за их спинами дома, люди стонали от нестерпимой боли. Стоящий рядом с ним человек их допрашивал. Враг его побери, этого святошу недавно ещё хотели жестоко убить! Люди — прекрасны?! Она не ослышалась?!

— Врени так не считает, — кивнул на неё приор с улыбкой.

Цирюльница внутренне ошетибилась. Брат Полди тоже кивнул.

— Она много общалась с дурными сторонами мира и уже не может видеть хорошие, — пояснил монах своему приору.

— Я не могу?! — взвилась цирюльница. — Я не могу видеть?! Да ты спятил, монах! Ты слеп, а я не могу видеть?!

— Врени, пожалуйста, — терпеливо произнёс брат Полди. — Позволь себе увидеть...

— Замолчи! — рявкнула цирюльница. — С меня хватит твоих проповедей! Да чтоб ты знал — всё, во что ты веришь — это обман! Сплошное надувательство!

Полди удивлённо заморгал.

— Что стряслось? — обеспокоенно спросил он. — Тебя кто-то обидел?

Врени взвыла.

— Да ничего не стряслось, ты, недотёпа! *Меня* никто не обижал. Ты, ты, балбес, обманут! Вот этим своим «отцом» обманут! Да другой на твоём месте молился бы сиротой остаться с таким «папашей»!

— Отец Наркис, что-то случилось? — ещё больше заволновался брат Полди.

— Как же вы мне оба надоели, со своим лицемерием и глупостью! — выкрикнула Врени, но вдруг увидела, что в глазах монаха стоят слёзы. — Извини.

— Прости её, — наконец заговорил приор. — Она полна беспокойства и тревоги за тебя.

Цирюльница заскрежетала зубами.

— О чём Врени говорила, отец Наркис?

Приор вздохнул. Врени даже показалось, что он совершенно не лицемерит. Просто немолодой усталый человек, которому предстоит нелёгкий разговор. Она потрясла головой, чтобы наваждение пропало.

— Врени очень рассердилась, когда узнала, что разбойники, напавшие на тебя перед вашей встречей, сделал это по моему приказу, — спокойно пояснил приор.

Брат Полди застыл в крайнем изумлении. Его лицо дрогнуло...

— Зачем? — тихо спросил он.

— Мне пришлось поручить тебе дело, которое могло оказаться непосильной ношей, — проникновенно ответил приор. — Я боялся, что ты сломаешься, не выдержав тяжести того, что на тебя возложено. Это был жестокий, но вынужденный шаг. Если бы ты сломался в начале пути... Я мог бы ещё всё исправить. Но я не мог бы тогда рискнуть тобой так спокойно, как я сделал, зная, что ты не подведёшь, не предашь и не свернёшь с пути.

Врени заскрежетала зубами. Проклятый приор представлял своё предательство чуть ли не как честь для несчастного монаха!

— И если бы я... сломался? — уточнил Полди.

— Я приказал позаботиться о тебе, — ответил приор. — Я не собирался причинить тебе вред, но был только один способ убедиться, выдержишь ли ты все опасности и тяготы, которые тебе предстояли.

— Я понимаю, отец, — тихо сказал монах.

— И ты ему веришь?! — встряхнула его Врени. — Опомнись! В этой истории правда одно — он ради своих тайн и интриг приказал тебя изувечить! Сколько я намаялась, чтобы тебя вылечить! Ладно раны, тебя ж трясло днём и ночью, ты перепугался до беспамятства! Это, по-твоему, можно простить?!

Брат Полди вежливо высвободился. В его глазах мелькнуло что-то вроде улыбки.

— Если бы он этого не сделал, я бы не познакомился с тобой.

Врени аж задохнулась от злости.

— Понимаю, я был скорее обузой...

— Заткнись, — оборвала его цирюльница. — Нечего тут. Ты не был обузой. Не болтай глупостей, будь добр. Я тебе о том, что твой замечательный духовный отец приказал избить тебя ни за что ни про что.

— Я тебя понял, — терпеливо ответил монах.

— И всё?!

— Врени, пожалуйста. Ты же можешь понять. Отец Наркис может потребовать мою жизнь — и я буду счастлив отдать её.

— А в старости ты поймёшь, что отдавал её каждое мгновение, — издевательски

процитировала приора Врени.

— Мне всё равно, лишь бы моя жизнь служила бы вере, — отозвался монах.

Врени махнула рукой и отвернулась, собираясь идти прочь. Её удержал приор.

— Что? — хмуро спросила цирюльница. — Тебе непременно надо, чтобы я сказала: «Ах, как же вы были правы, отец»?!

— Нет, дочь моя, — мягко ответил приор. — Я только хотел сказать тебе, что в этом нет ни лицемерия, ни обмана. Брат Полди отдаёт себя и свою жизнь по собственной воле, а не потому, что я его перехитрил. Я ни от кого не прошу больше, чем он может дать.

— Тогда, может, отпустите меня?! — предложила Врени. — Я устала. Я до смерти устала. Я не телохранитель. Я привыкла жить сама по себе. Я не хочу лечить запятанных вами людей, которые всё равно умрут.

— Но они пришли убить нас, — напомнил приор. — И тебя тоже.

— Мне плевать. Убейте их, я не против. Но лечить тех, кого завтра убьют, лечить кого пытаются... Мне противно.

— Почему убьют? — удивился приор. — Если они раскаются, я первый буду просить оставить им жизни.

— И ты им поверишь?!

— Я готов рискнуть, если это поможет спасению человеческой души, — ответил приор.

Врени сплюнула.

— Добренький!

— Но я не держу тебя, дочь моя, — продолжал приор. Врени уставилась на него в немом изумлении. — Если хочешь, я поговорю с её милостью, кажется, это она запретила тебе покидать город?.. Я освобождаю тебя от исполнения задания. Ты справились лучше, чем я мог надеяться. Что ещё?.. Тебе, кажется, не заплатили? Хорошо, я заплачу тебе столько, чтобы ты ни в чём не нуждалась...

— Ты меня не купишь! — вскипела Врени.

— Не хочешь, уходи без денег, — отступил приор и цирюльница окончательно смешалась. — Ты честно и верно служила, твоя смекалка спасла наши жизни. Я надеялся, что смогу попросить тебя о помощи ещё не раз, но, раз тебе это противно...

— Не играй словами!

— Умолкаю, — в защитном жесте поднял руки приор. — Одним словом, ты свободна.

Врени растерянно отступила.

— Но старик Клеменс... он ждёт меня...

— Я ему объясню.

— Он не справится один...

— Ничего, постарается.

— Но Марила...

— Я попрошу Вира поговорить с её братом.

— Но её милость...

— Я же сказал, с ней я тоже поговорю.

— А... — растерялась Врени.

— Ты свободна, — повторил приор.

Врени сделал ещё один шаг назад. Желанная свобода была так близко... но почему-то имела противный привкус. Как будто её столкнули с этого обрыва... как те крестьяне, которые хотели проверить, умеет ли она летать... а она не умеет. Цирюльница повернулась к

брату Полди.

— Я буду вспоминать тебя, — серьёзно произнёс монах.

— Только не в молитвах, — попросила Врени, улыбаясь одними губами. На душе было паршиво. — Прощай!

— До встречи, — мягко поправил брат Полди.

Этого Врени вынести уже не могла. Она отвернулась и опрометью бросилась через двор.

* * *

Нора пребывала в смятении. Она долго спала и сны её были ужасны, а, когда проснулась, ей доложили, что «снова пришёл муж волшебницы» и он «просит уделить ему время». Баронесса прикинула, что может иметь в виду под этой вежливой формулой её наставник, наскоро оделась и побежала в таблиний. Встреча с волшебником была не самой приятной. Он проверил её знания в логике и остался не удовлетворён.

— *Вы никогда не постигнете магии, ваша милость, если не будете отличать «все» и «некоторые»! Как вы собираетесь править Тафелоном, если не можете сделать простейший логический вывод?!*

— *Но я делала...*

— *Да?! Вы считаете, если некоторые мыши белые и некоторые белые существа ядовиты, то некоторые мыши могут быть ядовиты?! Вы ведь так сказали!*

— *Но... некоторые... может быть... так безопасней...*

— *Нет, нет и нет! Когда мы говорим «некоторые» в двух предложениях подряд, мы вообще не можем сделать никаких выводов, понятно?!*

— *Да, учитель...*

— *Это не потому, что я учитель, а потому что логика — логика этого не позволяет! Вы слышите, ваша милость?! Логика! Запомните, если вы не будете понимать законов логики, вас однажды так же вывернет наизнанку, как того сапожника!*

Разнеся её знания в пух и прах и посулив проверить при следующей встрече, Лонгин умчался куда-то в глубины дома, оставив молодую баронессу приходить в себя. Ей предстояло принять решение — или бросить занятия магией или освоить эту проклятую логику. Ещё неизвестно, что хуже.

Размышляя обо всём этом, Нора шла по крылу, в котором располагались господские покои, как вдруг дверь в её собственные открылась, оттуда высунулась взлохмаченная голова её мужа. Клос что-то прокричал вслед торопящемуся слуге.

Прежде чем баронесса успела понять, что происходит, как Клос убрался в её комнаты и захлопнул дверь. Нора помедлила и вошла туда.

— *Что ты здесь делаешь?* — спросила она, застав своего собственного мужа в своих покоях, причём успевшего раздеться до тонкой нательной сорочки.

— *Хороший вопрос,* — усмехнулся Клос. — *Что я делаю в спальне своей жены?*

— *Днём,* — ляпнула Нора и покраснела, чувствуя себя очень глупо.

Вообще-то в том, что Клос ночует в её комнате, была заслуга Веймы и её... странного чувства юмора. Мужу баронессы выделили третью хорошую кровать (первые две достались Норе и Вейме с Виром), но вот просторной комнаты не нашлось, и в покоях рыцаря Клоса,

кроме кровати, едва помещался сундук с его одеждой. Доспехи и оружие разместили в общей оружейной на первом этаже. Клос, не привыкший к такому обращению, жаловаться не стал, селиться в доме отца посчитал унижительным, но целыми днями то пропадал неизвестно где, то слонялся без дела по дому, а сюда приходил только спать.

— Меня поймал за рукав Вир, — пояснил рыцарь и показал жене порванную рубашку. — Сказал, что не мешало бы потренироваться перед поединком с графом цур Дитлином. Я еле вырвался переодеться.

Клос коротко хохотнул.

— У Вири и силища! Я думал, он мне руку оторвёт!

— Он может, — согласилась Нора. Она вдруг подумала, что впервые оказалась наедине с собственным мужем. Вернее, впервые оказалась рядом с ним при свете дня. Обычно всегда вокруг толпились люди. Слуги, кнехты, Вейма... А сейчас они все были где-то далеко. Здесь оставались только они двое. Муж и жена. Это было... странно.

Дверь отворилась, вошёл слуга, который с поклоном принёс одежду своего господина — попроще, покрепче, чем то, в чём Клос расхаживал с утра.

— Пшёл вон! — рявкнул на него рыцарь, отбирая одежду.

Нора подняла брови. Прошлой ночью Липп говорил ей, что в Хларии знатные люди вовсе не одеваются сами — для каждой вещи есть свой слуга и все стоят, почтительно ожидая, чтобы подать, повязать, закрепить, зашнуровать именно свой предмет туалета. А господин или госпожа стоит как истукан и терпит всё, что с ним делают слуги. Липп тогда много болтал, пытаясь развлечь или рассмешить замученную страшными картинами магического боя баронессу. Но этот рассказ и правда её позабавил. А в Тафелоне бывало по-всякому, но уж шнуровку на себе никто из знати не затягивал.

— Не люблю, — пояснил Клос, раскладывая на их кровати принесённые штаны и рубашки. — Возьтятся, возьтятся... Тербят, как будто я кукла или что похуже. В походе, небось, не до того.

Нора покраснела ещё больше. Тонкая сорочка не скрывала статного тела её мужа, его крепких мускулов — баронесса прекрасно помнила, какой силой они дышат и как она себя чувствовала в его объятьях. А он её даже не стеснялся.

Внезапно её осенила новая мысль.

— Поединком с графом цур Дитлином?

— Ну да, — нетерпеливо ответил Клос, натягивая тёмно-синие шоссы^[37]. — Я же вызвал этого старого дурака на совете.

Нора ещё какое-то время соображала, продолжая пожирать глазами собственного мужа. Потом подумала, что ему наверняка не впервой вот так одеваться перед женщиной и можно себе представить, что это были за женщины! Она отвернулась.

— Граф цур Дитлин — опытный воин, — колко произнесла баронесса.

— Ну да, — отозвался Клос, ныряя в ярко-красную рубашку. В Тафелон ещё не пришла из Хларии нелепая мода носить правую сторону одного цвета, а левую другого. — Это всем известно. В войне с нагбарцами он себя показал не хуже твоего батюшки, э?

Нора повернулась и посмотрела на мужа. Ему очень шёл наряд, и цвет и весь он был... он был...

— Он может тебя убить! — вырвалось у Норы.

Клос, который как раз застёгивал на талии новенький кожаный пояс, внимательно посмотрел на жену.

— Может, — согласился он, затягивая шнуровку за запястье. — Для этого я и нужен.

— Для чего?!

— Чтобы рисковать жизнью во имя прекрасной дамы, — легкомысленно рассмеялся Клос.

— Но ты же не любишь меня!

Руки рыцаря, возящиеся с пряжкой, остановились. Клос смерил Нору ещё более внимательным взглядом. Потом отвернулся, открыл дверь и что-то рывкнул в коридор.

— Когда нас обвенчали, о любви речи не было... жена моя, — бросил он баронессе всё тем же легкомысленным тоном.

Нора смутилась. Было страшно нелепо быть женой совершенно чужого человека, родить от него трёх сыновей и остаться с ним едва знакомой! Губы рыцаря тронула улыбка, значения которой баронесса не смогла разгадать. Он протянул руку и коснулся её плеча.

— Ты дашь мне рукав, чтобы я прикрепил его к доспехам перед поединком? — спросил он, усмехаясь.

Нора не успела ответить — дверь снова отворилась, пошёл слуга, который с поклоном подал резной гребень.

— Забери и приведи в порядок, — кивнул рыцарь на скомканную одежду, выхватывая у слуги гребень. — И пшёл вон отсюда.

Он принялся расчёсывать свои густые пшеничные волосы, а Нора всё думала, что за странная нелепость требует от неё отпустить его на поединок, чтобы его голова залилась кровью, чтобы потухли его глаза, чтобы сила ушла из его рук... Зачем?!

— Что случилось? — смягчился Клос, перехватив полный ужаса взгляд своей жены.

— Я боюсь, — честно призналась Нора.

Клос отложил гребень, шагнул к ней и привлёк к себе. Нора упёрлась руками в его грудь, но вырваться нечего было и думать... она и не думала. Скольких женщин он успокаивал таким образом?!

— Я молодой, а он старый, — сказал рыцарь. — Ты будешь гордиться своим мужем.

Он наклонился и поцеловал её в губы. Последний раз он целовал её, когда их обвенчали, тогда он был ещё почти ребёнком, ростом вровень с ней, а она — совсем юной девушкой, для которой брак означал только то, что отец больше не сможет распоряжаться её рукой и ложем. Теперь Клос был мужчиной.

Дверь снова распахнулась, но вошёл не слуга Клоса, а один из сеторских слуг дома Фирмина.

— Господин Вир велел звать господина Клоса немедленно! — выпалил слуга.

— Скажи, сейчас приду, — огрызнулся рыцарь. — Пшёл вон!

Глава третья

Поединок

Конечно, Врени не сразу ушла из города. Такую удачу следовало отметить... а, может, попросту напиться. Жизнь ещё никогда не казалась цирюльнице такой сложной и противной штукой, как сегодня. Против обыкновения она не пошла ни в тот кабак, где собирались прозревшие, ни туда, куда заглядывали, бывало, *освобождённые*. Ей надо было побыть одной, не рискуя наткнуться ни на кого из знакомых. Тем более, что в кабаке *прозревших* её могли поджидать недобитые друзья тех, кто напал на дом Фирмина, а в кабаке *освобождённых* она рисковала встретиться со своим *старшим братом*. Когда-нибудь ей придётся с ним объясняться, но... не сегодня. Не сейчас, когда всё и без него запуталось.

Она приканчивала уже третью кружку дурного, невесть чем разбавленного сидра, когда кто-то тяжело опустил руку ей на плечо. Врени раздражённо подняла взгляд. Ну, конечно! Те самые цирюльники, которые уже пытались выбить с неё штраф за бритьё нагбарцев.

— Теперь убежать не будешь? — спросил седой цирюльник, похлопывая по ладони дубинкой.

— Эй! — заволновалась кабатчица с красным, пропитым лицом. — А ну, убирайтесь отсюда! Не то стражу позову!

Седой цирюльник кивнул Врени на дверь.

— Пойдём, поговорим, — предложил он.

— Вот ещё, — отозвалась Врени, вытягивая ноги. — Друг с другом поболтаете. А мне недосуг.

Она огляделась по сторонам. Угу. Один перекрывает дверь, ещё один — дорогу в кухню, чтобы не могла сбежать через второй ход. Остальные разошлись по кабаку. Хозяйка подскочила к столу Врени и поспешила утащить и кружку, и кувшин, из которого Врени её пополняла.

— Да вытащить её на улицу — и дело с концом! — предложил один из цирюльников, молодой парень с кривым носом.

Надо было что-то предпринять, пока ей не намяли бока, настроены ребята ой как серьёзно. И в то же время сердце Врени пело от счастья. В кои-то веки — равные! В кои-то веки никаких вампиров, оборотней, монахов и убийц! Всё просто. За это даже не жаль поплатиться сломанными костями. Впрочем, там видно будет, кто и как пострадает...

— Знали бы вы, по чьему приказу я нагбарцев брила, заткнулись бы да помалкивали, — лениво произнесла Врени.

— Ври больше, — фыркнул седой цирюльник.

— Ой-ой-ой, больно надо! — беспечно пропела женщина. Дело было плохо. Посетители кабака отсели подальше, чтобы не попасть под горячую руку, но ни звать стражу, ни помогать не собирались. Кабак тесноват, особо не поразмахиваешься. Туда-сюда — и её выволокут наружу. — Да я с такими людьми работала, что вы бы враз обделались, если б я только намекнула.

— Да тащи её отсюда, врежем ей по губам, чтобы не нарывалась! — перебил кривоносый цирюльник.

— Тащи-тащи, — поддакнула Врени. — Посмотрим, где ты завтра окажешься. Ты хоть раз видел, как палач жилы тянет?

— Мы тебя и без палача найдём, чем потешить, — посулил кривоносый и схватил её за плечо, пытаясь сдёрнуть со скамьи. Нашёл дуру! Будто её любой дурак может с места сдвинуть.

Врени сбросила его руку и поманила седого.

— Уйми парня, — предложила она, — поговорим.

Седой махнул рукой товарищу и подошёл поближе. Врени прикинула свои шансы. Нет. Лучше наверняка.

— Да сядь ты рядом! — раздражённо предложила она, хлопнув рукой по скамье. — Сам подумай: куда я денусь?

Седой нахмурился, но сел. На другой край скамьи. Нет, так не годится.

— Говори, чего задумала? — приказал седой.

— Я-то ничего не задумала, — отозвалась Врени, а дальше продолжила зычным шёпотом. — Думаешь, я просто так о палаче сболтнула? Тут кое-кому, крупным шишкам, чтоб ты знал, цирюльник нужен, подштопать после *разговора* кого скажут. Абы кого на такое дело не позовут...

— Кому это может понадобится? — настороженно спросил седой. — Слышишь, ты, у нас в Сеторе такие шутки не проходят!

— А кому надо, про того по кабакам негоже болтать, — понизила голос Врени и, будто в порыве откровенности, под села поближе. — Слышь, всё честь по чести, никакого обмана! Денежки в карман положишь!

Она поманила седого и тот придвинулся к ней. Не то чтобы он поверил или собирался и впрямь «подработать». Дурак он, что ли, на не пойми кого работать, ещё и с палачом? Но сдать преступников страже — дело хорошее. Глядишь, болтливая баба всё расскажет сама. Женщина затаила дыхание. Она подманивала седого так терпеливо, как лиса из сказки.

— Так ты слушай, — жарко выдохнула ему в ухо Врени и обняла за плечи, — тут такое дело...

— Какое?! — поторопил седой. Шея у него уже была дряблая, морщинистая, брить такую — одно мучение.

— А такое, мил человек, — в полный голос пропела Врени, — что ты отзовёшь своих дружков и сам рыпаться не будешь.

— Да ты!.. — попытался рвануться из её хватки седой, но женщина держала крепко.

— Тихо, тихо, дружок, — посоветовала она, — ты же не хочешь, чтобы у меня рука дрогнула?

У горла седого цирюльника она держала остро заточенную бритву.

— Эй, позовите стражу! — прохрипел седой.

— Зовите-зовите, — согласилась Врени, — будете объяснять, зачем вам шестерым для разговора с беззащитной женщиной дубинки понадобились.

В толпе посетителей кто-то захохотал, зааплодировал. Пора убираться. До седого дело есть только его товарищам, остальные с удовольствием посмотрят сначала как она ему вскрывает горло, а потом как дрыгает ногами на виселице.

— Вставай, дружок, — предложила она, — прогуляемся.

Шаг. Другой. Цирюльники настороженно расступились — все, кроме того, который стоял у входа. Ох. Когда входила, казалось, трактир крошечный, а теперь он словно растянулся. К тому же её покачивает. Ох. Если рука дрогнет, ей конец. Седой, может, и выживет, а вот ей тогда точно крышка.

Вот и дверь.

— Ну, так что же, дружочек? — ласково спросила она свою жертву и провела по шее седого бритвой. Он икнул. Не обмочился бы... — Ты не дёргайся, у меня рука лёгкая... Даже не почувствуешь... Да шучу я, шучу! Скажи своим, пушай от двери отшагнут. Вот так. Молодцы. Хорошие мальчики!

Она отвела от горла седого бритву и толкнула его на подошедшего почти вплотную кривоносого. А теперь — дёру!

Город Сетор она знала не сказать чтобы хорошо, изучила немного, но надо было постараться, чтобы оторваться от местных жителей. Кто-то кричал, кто-то улюлюкал, уличные мальчишки кидали в след камни и комья грязи. Стража пока не вмешивалась. Долго ли это продлится? Врени старалась держаться людных мест. Соблазнительно было нырнуть в какой-нибудь переулок, где никто не увидит, куда она делась, но там всегда можно попасть в тупик, из которого ей уже не выбраться. Лазить по стенам она не умела, не *верхняя*.

Оторваться бы. Сменить бы одежду и пройти как ни в чём ни бывало... Но оторваться нечего было и думать.

Погоня всё же выгнала её с людных мест в переулок. Тупика в нём, вроде, не было... только бы её на выходе никто не ждал, они же местные, они могли зайти с двух сторон и что тогда она будет делать?

Когда топот за спиной был уже близко, в одном из домов отворилась дверь.

Ловушка...

Смутно знакомый женский голос крикнул:

— Сюда!

Врени больше не колебалась. Она запрыгнула в дверь, та захлопнулась — вовремя, снаружи раздались разочарованные крики и стук кулаков о дерево.

Цирюльница сделала шаг, другой... и покатила кубарем с лестницы — вниз, в подвал, в темноту. Сверху раздался женский смех.

— Не пугай гостью, — произнёс мужской голос. Раздался стук огнива о кресало и подвал осветился тусклым светом масляной лампы.

— Хрольф, — наконец, сообразила Врени, поднимаясь на ноги. Тело болело, но голову удалось сберечь. Просто чудо, что она себе ничего не переломала. — Илса? Что вам нужно?

— Нам? — удивился оборотень. — Да ничего не нужно. Марила о тебе спрашивала, ей сказали, что ты ушла. Она тогда вспомнила, что у тебя неприятности со здешними цирюльниками. Она подумала, тебе нужна будет помощь.

Врени слегка смутилась.

— Она беспокоилась, — сказала-прорычала Илса, как всегда, не подходя ближе к человеку.

— Вир свёл меня с вашим новым святошей, — пояснил Хрольф. — Поговорили о новых заказах.

Цирюльница с трудом удержалась от смешка. Кто о чём, а Хрольф о новых заказах.

— Интересный... человек... и тоже о тебе беспокоился.

— Врёшь! — вырвалось у Врени. Она чувствовала себя так, как будто её ударили напоследок. Беспокоится, как же! Как бы рыбка с крючка не сорвалась он беспокоится. Хрольф пожал плечами.

— Сказал, нехорошо будет, если тебя изобьют.

— Вы, что, следили за мной?!

— Больно надо, — отмахнулся оборотень. Поманил пальцем цирюльницу, вручил ей лампу. — Там, на той стороне — лестница. Поднимешься, пойдёшь направо. Выйдешь в дом на окраине, двери мы открытыми оставили. Ну, а на воротах тебя никто ждать не додумается.

Илса что-то рыкнула.

— А, забыл совсем! Марила тебе передаёт.

Врени послушно взяла подарок. Это оказалась нашлемная фигурка в виде ворона, одна из тех, которые отковыряла сумасшедшая незадолго до встречи с баронессой Фирмина.

— Скажи ей, спасибо, — буркнула она.

— Тебе спасибо, — лениво отозвался оборотень. — И, Большеногая...

— А?

— Самострел не хочешь купить?

— Да чтоб тебя! — выругалась цирюльница. Оборотни смеялись ей вслед своим отрывистым лающим смехом. Лучше бы её избили люди, чем опять вот так вот...

* * *

Приор был как будто двужильный. Он целый день пропадал в подвале, но неизменно поднимался, когда кто-то приходил к нему или к баронессе. Как чуял. Только ближе к вечеру он выбрался из подвала сам по себе и направился к Норе. Баронессу он нашёл на галерее третьего этажа — она стояла и смотрела на то, как Вир всю тренирует её мужа. Она даже не замечала, что заламывает руки, испуганно следя за сражающимися мужчинами.

— Не волнуйся, дочь моя, — сказал ей приор, подходя ближе. — Кто подготовит твоего мужа к поединку лучше, чем оборотень?

— У оборотней раны заживают мгновенно, — не повернула к нему головы Нора. — Вир даже не замечает, если его кто-то ранит!

— Уверяю тебя, оборотни всё чувствуют так же, как и люди.

— Откуда вам знать?!

— Знаю, дочь моя. Но я, собственно, не об этом хотел поговорить.

— А... о чём?

— Я отправил Липпа в лагерь нагбарцев... будь добра, пошли кого полагается, к вашим баронам, соберите совет завтра в полдень.

— Завтра в полдень?! Так быстро?! Да... да... никто же так не делает!

— А ты сделай, — хладнокровно предложил приор. — Сошлись на нагбарцев, им и не такое с рук сойдёт.

— А что нагбарцы?!

— Я разговорил наших ночных гостей, — скупой улыбнулся приор. — Благородный Грайогэйр, несомненно, захочет послушать их признания.

— И что они говорят?!

— Что они говорят... — задумчиво потянул приор и надолго замолчал.

— Отец Сергиус! — не выдержала Нора.

— А? Прости, дочь моя. Они говорят о многом... Например, о том, что действительно планировали убийство Сайолтакка, но человек, который должен был это сделать на турнире, исчез задолго до турнира и не появился после. Убийство прошло не так, как они

планировали... они ничего не понимают... Но это не слишком важно... когда супруга вашего учителя найдёт убийцу, мы узнаем, зачем он это сделал. Сейчас важнее то, что и время, и жертва, и многое другое было выбрано братьями-заступниками. А сейчас опасность угрожает другому человеку. Боюсь, дочь моя, я должен покинуть ваш дом... надеюсь, только на время. Я уеду завтра сразу после совета. Прошу, немедленно пошли людей к членам совета.

Он повернулся, чтобы идти. Нора покосилась на двор, где тренировался её муж. Бойцы опустили мечи и Вир что-то втолковывал Клосу.

— Отец Сергиус! — позвала она. — А кому грозит опасность?

Приор обернулся, смерил её оценивающим взглядом.

— Святейшему папе, — отозвался он. — Он сейчас в Нагбарии.

* * *

На совет бароны собирались неохотно. Кто был готов на всё, чтобы предотвратить войну с нагбарцами, кого привело любопытство, кому было всё равно, ну, а кто-то побоялся отстать от остальных. Но спешность созыва никого не обрадовала. Нора встречала их парадно, по правую руку от неё сидел муж, по левую — советница, а за спиной советницы стоял шателен Ордулы. Вейму пришлось долго уговаривать, улещивать и в конце концов приказать, поэтому она едва ли не дулась и всё время морщила нос. Приор на сей раз пришёл вместе с нагбарцами, с которыми заявился и Липп под именем рыцаря Вивьена.

Едва все расселись, как вперёд выступил «славный Грайогэйр».

— Барон Тафелон! — резко прокаркал он. — Наша узнать — ваша не убивать наш великий тан! Мы узнать, кто хотеть его убить! Наша больше не сердиться на вашу! Наша уходить в Нагбария, хоронить Сайолтакк! Наша выступить на рассвет!

Члены совета зашумели. Такая смена взглядов...

Нора поднялась со своего места.

— Благородный Грайогэйр, мы надеемся, что ты передашь своему королю нашу скорбь по поводу смерти великого тана...

Нагбарец прервал её.

— Король не жалеть Сайолтакк! Сайолтакк быть... Сайолтакк много ссориться со всех. Но Сайолтакк — родич король. Наша честь! Мы думать, вы нарушить наш честь. Вы не нарушить. Наша не заложник. Наша спутник Сайолтакк. Сайолтакк мёртвый. Мы уходить Нагбария. Мы сказать королю, ваша не убивать Сайолтакк. Король не сердиться на вашу. Мы написать... написать... написать для вашей, что наша верит вашей. Вы дать нам письмо для король. Король понимать.

— Хорошо, — согласилась Нора. — Мы дадим вам припасы для вас и фураж для ваших коней.

— И подковать! — обрадовался неожиданной щедрости нагбарец. — И новый упряжь! И новый сапог! И новая одежда! Наша износился! У нашей нет ничего! Наша бедный! Ваша не плати нашей содержание, это плохо.

— Мы дадим вам всё, что вам понадобится в дороге, — согласилась Нора.

— И поскорей! Наша выступать на рассвет!

Он развернулся и покинул зал, за ним же вышли его спутники. Дверь со стуком

захлопнулась. Взгляды собравшихся обратились к Норе.

— По какому праву ты говоришь от лица всех, девчонка?! — высказался граф цур Дитлин.

Нора выпрямилась во весь рост. Это выглядело не слишком внушительно, ведь баронесса унаследовала внешность своей матери, хрупкой темноволосой женщины не слишком знатного происхождения. Тогда рядом с ней поднялся Клос. Прежде, чем Нора успела хоть что-то сказать, он прошёл через весь зал и швырнул перчатку в лицо графу.

— Граф! Вы снова оскорбили мою жену! Извинитесь перед ней — или бейтесь со мной.

Граф встал, подобрал перчатку и скомкал её в руке.

— Торопись навстречу смерти, сопляк? — спросил он. — Я встречу с тобой завтра в это же время на ристалище.

Он вышел, сжимая перчатку в руке.

Бароны, ворча, расходились по домам, временами поглядывая через плечо на Нору и Клоса. Некоторые из них при этом азартно размахивали руками и не иначе как делали ставки на завтрашний поединок.

К графу цур Дитлину подошли граф цур Лабаниан, бароны цур Ерсин и цур Абеларин. Все четверо оживлённо о чём-то заговорили. Слышалось «сговорилась», «обманывает», «откуда деньги». Клос покосился на жену. Нора покачала головой.

— Вторую перчатку унёс, — горестно произнёс рыцарь, когда зал опустел. — Не напасть на этих баронов.

Вир расхохотался.

— Пойдём, — кивнул он на дверь, — поговорим о завтрашнем бое.

Нора только дёрнулась им вслед.

— Не надо, — удержала её Вейма, понимающе улыбаясь своей госпоже. — Вам всё равно следует заняться делами.

— Какими делами? — нахмурилась Нора.

— Пошлём в Братство Помощи, — деловито предложила вампирша, — пусть отправят своего человека к нагбарцам, чтобы составил список всего необходимого им в дорогу и представил нам. Если всё разумно, то они должны до утра предоставить всё необходимое... Вы думаете, отец Сергиус оплатит и это или хотите, чтобы Братство Помощи взыскало снаряжение нагбарцев с совета?

Нора поморщилась. Принимать решение за всех было чревато.

— У Фирмина нет лишних денег, — напомнила Вейма.

В зал заглянул приор.

— Вы не представляете, как я вам благодарен за помощь, — сказал он. — Простите, я услышал ваш разговор. Я отнесу ваше письмо в Братство Помощи. Оно всё оплатит.

Нора нерешительно переступила с ноги на ногу.

— А...

— Я знаю, у вас большие планы и мало свободных денег, — мягко заметил приор. — Я помню наш разговор. Обращайтесь в Братство Помощи без опаски, вам дадут всё, что вы пожелаете... в разумных пределах, но я не сомневаюсь в том, что вы не запросите лишнего. Я оставил Братству все распоряжения. Вам очень повезло, что именно сейчас нагбарцы отправляются домой. Братство Помощи легко соберёт всё нужное для вашего отряда снаряжение, а со стороны будет казаться, что они готовят нагбарцев в дорогу.

— Я скажу Виру, — кивнула Вейма. — Но мы ещё не говорили с Клосом.

— Не торопитесь, — посоветовал приор. — Каждый человек должен сам решать свою судьбу.

Вейма фыркнула. Это говорит человек, привыкший решать за всех, кому повезло — или не повезло — оказаться рядом.

— Молись, дочь моя, — посоветовал приор. — Я тоже буду молиться, чтобы он даровал твоему мужу победу.

— Вы завтра уезжаете, — сказала вампирша, стараясь не смотреть на него. Он слишком недавно пытал людей, чтобы с ним можно было спокойно находиться рядом. Странно, почему-то от Виля ничем таким не несло. Может, потому, что он и не притворялся... добреньким. Или это действовали наложенные на него — сначала при посвящении, а после Магдой — заклинания.

— На рассвете, вместе с нагбарцами. Я возьму с собой Липпа, он может быть полезен.

— А брата Полди? — нахмурилась Нора.

— Я попрошу тебя пока приютить его у себя, дочь моя, — отозвался приор.

Нора нахмурилась, но отец Сергиус этого, казалось, не заметил.

— Я бы хотел попросить тебя об услуге, — обратился он к Вейме.

— Да? — теперь уже нахмурилась Вейма.

— Когда мои дела прояснятся, я напишу тебе письмо. Ты не могла бы отвезти его в Раног? Я приеду туда же и мы решим все дела с твоим университетом.

— Я так понимаю, трёх книг от него нам не видать, — засмеялась вампирша.

— Посмотрим, дочь моя, посмотрим. Кто знает?..

Он повернулся к Норе.

— Я бы хотел предложить тебе ещё кое-что, что послужит на пользу и тебе, и Тафелону, и многим людям, но время ещё не подошло. Если Заступник будет со мной, я вернусь и мы поговорим обо всём.

Он стремительно вышел из зала.

Нора повернулась к Вейме.

— Я боюсь, — сказала она.

Вейма тяжело вздохнула и утешающе пожала ей руку.

— Что мы можем поделать? — спросила она грустно. — Или вы рискуете — или забываете о власти.

— Но я рискую не собой!

— Ваша милость, Клос только счастлив будет.

— А если он умрёт?!

— Он умрёт счастливым, — мрачно пошутила Вейма. Нора придушенно всхлипнула. — Не переживайте. Он молодой, сильный, смелый... Он справится.

Нора отвернулась. Вейма поморщилась. Страх госпожи был таким сильным, что мешал дышать.

— Если я вам не нужна, я найду Вира, — сказала вампирша. — Мы должны послать к маршалам-распорядителям турнира, чтобы они согласились присутствовать при поединке.

— погоди! — ухватила её за руку Нора. — Ты... Ты ведь разбираешься в логике?

— В логике, ваша милость?

— Да! Вот объясни мне, почему, если некоторые мыши белые и некоторые белые существа ядовитые, то нельзя бояться белых мышей?!

Губы вампирши дрогнули в улыбке.

— Я пойду к Виру, — сказала она, аккуратно отцепляя руку своей госпожи, — а потом мы с вами в таблингии всё обсудим.

* * *

До самого вечера баронесса, как зачарованная следила, как под ловкой рукой её советчицы на пергаменте появляются забавные округлые мыши и странно-угловатые змеи. Чёрные и белые. Они то переплетались, то расходились в разные углы пергамента.

— Некоторые, ваша милость, некоторые, — повторяла вампирша. — Смотрите: вот все мыши. А вот некоторые.

* * *

Наутро весь Сетор собрался на трибунах ристалища. И бароны, и рыцари, и простые горожане, все только и говорили о предстоящем бое. Благородные господа редко бились на боевом оружии вот так вот, при всех, на ристалище, да ещё и на тяжёлых полуторных мечах^[38], минуя конную схватку.

К тому же граф цур Дитлин был боец опытный, известный всему Тафелону... правда, он дюжину лет, если не дольше, не участвовал в турнирах. А вот Клос — Клос непонятен. О нём известно многое и всё не в его пользу. Молодой, один из младших сыновей своего отца, муж баронессы, ничем не прославился, кроме безделья да пирушек.

Нора, бледная как смерть, в платье родовых цветов, сидела на своей трибуне. Рядом с ней сидела такая же бледная Вейма — она готовилась к неминуемо-мучительному запаху крови. Вир держался спокойно. Он рассказал молодому Клосу всё, что знал полезного и про турниры, и про манеру биться графа цур Дитлина, и теперь был готов увидеть, что смог усвоить ученик.

Запели трубы.

Герольд огласил имена противников, их титулы и заслуги. По ристалищу прошёл шумок. На фоне графа цур Дитлина Клос выглядел жалко.

Бойцы вышли на ристалище. Они отличались не меньше, чем их заслуги. Граф цур Дитлин был в видавших виды доспехах со старым, отцовским ещё, горским мечом с витой гардой. Такие называли дикими мечами. А Клос вышел в новеньких, с иголки латах и меч у него был откован по риканской моде, с хитрой чашей, прикрывающей руку, такие в Тафелоне ещё мало где встречались. Говорили, маршалы долго спорили, допускать ли бой на разных мечах, но в конце концов признали их равными друг другу.

Трубы снова запели. Герольд взмахнул флагом.

Бой начался.

Клос с жаром бросился на графа, новенький меч так и сверкал в его руках. Граф цур Дитлин защищался спокойно и хладнокровно, не позволяя вражескому клинку серьёзно себя задеть. Бывалые зрители уже ждали скорой развязки: ведь не двуличный же Клос! Да, он моложе, но долго не выдержит и скоро выдохнется. Некоторым даже казалось, что он начал двигаться медленнее, но нет, он не уставал. Граф цур Дитлин держался с прежней спокойной уверенностью, отражая все удары Клоса.

— Почему он не атакует? — не выдержала Вейма.

— Ждёт, пока Клос устанет, — пояснил Вир.

— Но...

— Т-ш-ш! Смотри сама.

И вот граф прекратил защищаться и нанёс быстрый и, казалось, неуловимый удар, держа отцовский меч правой рукой и направляя левой. Ещё мгновение — и Клос остался бы без ноги. Нора ахнула и прижала руки к щекам. Но Клос каким-то чудом оказался быстрее и заблокировал удар.

Внезапно бойцы разошлись. Теперь оба держали мечи двумя руками, подобрались и скользили по ристалищу, внимательно глядя на противника.

Зрители на трибунах затаили дыхание. Все ждали, что теперь сделают противники.

Они атаковали одновременно, блоки, атаки, удары в доспехи...

Зрители дрожали от возбуждения. Но даже самые неискушенные уже понимали, оба воина устали. Бой шел до победы одного из бойцов, никто не считал попаданий в доспехи, но все видели и вмятины на пластинах прикрывающих торс, и помятые забрала шлемов.

Все зрители хором ахнули, когда меч графа нашел брешь в защите правой руки Клоса. Молодой рыцарь отшагнул, теперь он сжимал меч левой рукой, правая безвольно повисла вдоль тела. Граф не торопился. Теперь он был похож на кота, который вот-вот прыгнет на замученную долгой игрой мышь. Добыча никуда не денется, а завершить бой надо красиво. Он будто помолодел, легко и упруго атаковал Клоса. Прыжок, широкий взмах меча... Казалось, сейчас Клоса не станет...

Но молодой рыцарь упал на колени, одновременно вскидывая левую руку с зажатым в ней мечем. Специально он это сделал или ему повезло, но острие меча попало точно в щель забрала графа.

Зрители хором ахнули. Такой развязки не ожидал никто.

Клос поднялся на ноги, с видимым трудом высвободил свой меч из тела противника и победно поднял этот меч над головой.левой рукой.

Нора визжала и хлопала в ладоши.

К графу цур Дитлину подбежал цирюльник, нанятый на время поединка. Снял с него шлем, ослабил ремешки доспеха.

— Мёртв, — объявил он во всеуслышание.

Клос опустил меч и как бы ненароком опёрся на него. На губах юноши играла гордая улыбка. К нему подошёл слуга, принялся снимать доспех. Цирюльник перешёл к молодому рыцарю. Разрезал одежду вокруг раны и принялся накладывать повязку. Нора выбежала на поле и хотела броситься мужу на шею, но цирюльник мешал ей подойти. Клос улыбнулся жене.

— Я же говорил, ты будешь мной гордиться, — улыбнулся он.

В это время на поле вышел мужчина в чёрной рыцарской рубашке, подпоясанной жёлтым поясом. Наклонился к убитому графу, выпрямился, презрительно посмотрел на Клоса.

— Сопляк, — выплюнул мужчина. — Трус!

— Я рыцарь Клос, сын графа цур Вилтина, — холодно ответил муж баронессы, отстраняя и жену, и хлопотавшего над ним цирюльника. — А кто ты, я не знаю.

— Я рыцарь Адалрик, сын графа цур Дитлина, предательски убитого тобой. Гордишься собой? Справился со стариком и считаешь себя мужчиной? Ты и сейчас прячешься за юбку

своей жены, трус!

Кровь бросилась в до того бледное лицо Клоса. Он здоровой рукой стянул перчатку с правой и швырнул её в лицо сыну цур Дитлина.

— Я готов хоть сейчас доказать, что ты лжёшь! — прорычал Клос.

Адалрик пнул перчатку ногой.

— Мне недосуг учить тебя манерам, щенок, — отозвался он и отвернулся. Вышел на середину ристалища и объявил:

— Бароны! Я должен ехать в земли своих предков, чтобы достойно придать отца земле. Когда я вернусь, я буду просить вас утвердить меня в праве носить отцовский титул.

Он поклонился всем баронам, отвернулся и от них, махнул рукой вышедшим за ним на ристалище слугам и пошёл восвояси. Слуги подхватили тело графа и побежали за ним.

* * *

Рану Клоса цирюльник счёл неопасной, но Нора настояла на том, чтобы её дома промыли, перевязали заново и позвали медика, закончившего раногский университет и поселившегося в Сеторе. Медик вошёл в супружескую спальню, где, кроме раненого и его жены, ждал ещё Вир и слуги, готовые выполнить любой приказ мужа своей госпожи.

Клос, раздетый до сорочки, возложенный на супружеское ложе и укрытый узорчатым покрывалом, только посмеивался над хлопотами жены. Но Вир-то видел, что лицо юноши побледнело, а зубы то и дело сжимались от боли.

Медик пришёл достаточно быстро, высокий сухой одетый в чёрное старик.

— Я доктор медицины Готлиб, — скупно поклонился он и кивнул куда-то себе за спину. — Много лет я преподавал с кафедры, пока не оставил её, чтобы приехать сюда. Со мной цирюльник Лаус, который иногда помогает мне оказывать помощь страждущим.

Он внимательно осмотрел комнату и покачал головой.

— Кровать воина должна стоять изголовьем на юг, это хорошо для его духа, но раненый должен лежать головой на север.

Клос вытаращил глаза и даже забыл о боли. Старик шагнул к нему, взял за здоровую руку, ненадолго сжал запястье.

— Сердце его бьётся ровно, — продолжил медик. — Это не может не радовать.

Он махнул рукой цирюльнику, тот вышел вперёд, поставил перед медиком табурет, водрузил на него таз. Готлиб вытянул руки над тазом и цирюльник полил их водой из вытащенной из-за пазухи фляги. Потом подал тонкий надушенный платок, которым медик промокнул руки и бросил обратно Лаусу.

Нора заморгала.

— Несомненно, в нём преобладает сангва и холе^[39], что делает рыцаря горячим, сухим и вспыльчивым. Вы должны наложить ему холодный компресс на живот, напротив печени и... хмп... выпустить кровь... Лаус сделает это, когда я уйду. Кроме того, он проверит его мочу, чтобы убедиться, прозрачна ли она и не отдаёт ли сладким...

— Но, доктор Готлиб, рана... — взмолилась Нора.

— Рана? — слегка удивился медик. — Рана заживёт сама, едва мы приведём соки его организма в равновесие. Лечит, да будет вам известно, Заступник, врач может лишь создать условия для исцеления и природа возьмёт своё...

Он кивнул собравшимся в спальне и величественно вышел.

— Мне денежки отдадите, — предложил Лаус, когда шаги медика стихли. — А сейчас пусть её милость посторонится.

— Ну, вот что! — возмутился Клос, видя, как цирюльник подступает к нему со своими инструментами. — Мою кровь ты увидишь не раньше, чем я твою!

Он приподнялся на кровати, сунул куда-то здоровую руку и выставил перед собой кинжал.

— Клос! — запротестовала Нора.

— Я сказал — гони его в шею! — отчеканил рыцарь.

— Ухожу, ухожу! — быстро собрал свои вещички цирюльник. — Заплатите только за визит.

— Сколько ты хочешь? — хмуро спросил Вир.

Лаус ответил. У всех присутствующих отвисли челюсти. Клос витиевато выругался.

— Пшёл вон! — гаркнул он. — За болтовню только пинок под зад получишь.

Когда цирюльник сбежал, Нора переглянулась с Виром.

— Остаётся только позвать старика Клеменса, — вздохнула баронесса.

— А кто это? — рассеянно спросил рыцарь.

— Наш палач, — отозвалась Нора и кивнула слуге, чтобы побежал звать Клеменса на помощь.

— Я так плох, что осталось только добить? — хохотнул Клос, но в глазах его не было смеха.

— Клеменс лечил всю Ордулу от ран и увечий, — пояснил Вир.

* * *

Палача они ждали чуть ли не дольше, чем доктора, Нора даже успела послать за ним вторую слугу. Наконец, Клеменс появился. Он без всякого стеснения отогнал свою госпожу от кровати, обнажил пострадавшую руку и хмыкнул.

— Ничего страшного, ваша милость. Кости целы, сустав тоже, жилы не повреждены. Дня за два его милость поправится.

— Я не его милость, — запротестовал Клос, — я только муж баронессы.

— Так станете когда-нибудь, — рассеянно отмахнулся палач. — Повязку вам наложили хорошую, рана чистая. Я приготовил вам снадобье, которое ускорит заживление... повязку поменяем вечером, затем в полночь и потом на рассвете. Вы быстро поправитесь.

Он повернулся к Норе:

— Возле Ордулы живёт очень хороший знахарь, он всё время придумывает новые снадобья. Когда я собирался сюда, он поделился со мной этим рецептом, а ещё посоветовал обратиться к виноградарю. Говорил, его вино не только очень вкусно, но и по-настоящему целебно.

— Я думала, там ведьма всех лечит, — пробурчала Нора. Палач покачал головой.

— Ведьма там есть, не спорю, но большинство её зелий без неё самой бесполезны. А знахарь толковый.

Он сунул руку за пазуху, достал небольшой сосуд, откупорил и протянул Клосу.

— Пейте, ваша милость. Скоро вы уснёте и проснётесь здоровым.

Клос послушно отпил два глотка и палач поспешил отобрать у него сосуд. Рыцарь выпучил глаза.

— Нора! — вскричал рыцарь. — Почему мне никто не рассказывал, что у вас делают такое прекрасное вино?! Да я бы у вас поселился!

Нора покосилась на Вира. Тот с наслаждением втянул воздух и еле заметно кивнул. Надо же! Оказывается, хитрый старик выпросил у Йагана-виноградаря *хорошее* вино.

После этого Клос проникся к палачу необыкновенным доверием и без возражений позволил тому перевязать свою рану. Закончив с этим, палач поклонился и, подумав, покосился на Нору.

— Я бы посоветовал вашей милости ночевать сегодня в других покоях, чтобы не потревожить рану.

Нора густо покраснела.

— Да-да, жена, — весело поддакнул Клос. Все действия Клеменса он вынес молча, сжав зубы, и теперь слегка повеселел. — Теперь твоя очередь спать в той каморке, которую ты мне выделила.

Нора покраснела ещё сильнее, хотя, казалось, было некуда.

Палач ещё раз поклонился и вышел.

— Поспи, — предложил Вир.

— Погоди, — остановил его рыцарь. — Я ещё не хочу спать.

— Уверен? — поднял брови оборотень. Глаза рыцаря сонно поблёскивали.

— Уверен! — рубанул воздух здоровой рукой Клос. — Я всё хочу у вас спросить...

— Да, ваша милость? — чуть усмехнулся Вир.

— Во-во, — кивнул рыцарь. — Вы тут все за дурака меня держите. В глаза льстите, за спиной смеётесь, небось.

— Что ты выдумал?! — возмутилась Нора. Клос махнул на неё рукой.

— Тише, жена, — потребовал он. — Вир! Что у вас происходит? Зачем вы приютили того приора задохлого? Что у вас нагбарцы делали и почему так легко поверили?

Нора вздохнула.

— Это не приор, — сказала она. — Это посланник святейшего папы, отец Сергиус. Он помирил нас с нагбарцами.

Клос покосился на жену.

— Вот как, — протянул он и снова посмотрел на Вира.

— Это хорошо, что ты начал спрашивать, — кивнул оборотень. — Я этого ждал.

Клос фыркнул.

— Вижу, у тебя и это продумано.

— Продумано. Пришло время кое-что переиграть в Тафелоне. Тебе пора решать, кто ты — сын графа цур Вилтина или муж баронессы цур Фирмин.

Рыцарь покраснел и ударил кулаком здоровой руки по постели.

— Хватит! Я несколько раз говорил на эту тему с тобой, с твоей женой, с моей собственной женой! Может, хватит меня об этом спрашивать?!

Он требовательно протянул руку к Норе, которая, вложила в неё свою.

— Вот моя жена! — рявкнул рыцарь. — И вот её муж. Всё, хватит! Что вы там решили переиграть?

— Влияние, — отозвался шателен Ордулы. — Пора её милости избавиться от оскорблений в совете. Что скажешь?

Клос довольно захохотал.

— Убивать врагов в этой игре разрешается?

— Разумеется... ваша милость.

— Тогда я с вами! Говори, что от меня нужно.

— Выздороветь, — веско ответил Вир. — А там... Всё уже готово. Есть отряд, люди, лошади, оружие... как только вам станет легче — вы поедете на восток, завоюете для вашей жены графство Дитлин.

— Вот это здорово! — усмехнулся рыцарь. — А потом совет отрубит мне голову.

— Не отрубит, ваша милость. Ваша жена и ваш отец найдут слова в вашу защиту. Вы мстите за свою обиду, кто станет вас осуждать? Замок придётся разрушить, забрать себе все деревни, конечно, не выйдет... если вы проявите скромность и передадите союзу баронов половину...

— Да пусть забирают, — махнул рукой Клос. — А остальные как? Одну мне, одну Норе?

— Вы угадали.

Рыцарь поморщился.

— Говори со мной попросту, не люблю церемоний, — чуть заплетающимся голосом потребовал он и зевнул.

— Тогда спи, — посоветовал Вир. — Завтра вернёмся к этому разговору.

Рыцарь душераздирающе зевнул, потом устался на жену.

— Мне нравится ваша игра, — задушевно поведал он. — Я ж говорил... ты будешь мной гордиться...

Глава четвёртая

Наёмники

Теперь-то она была счастлива, по-настоящему счастлива. Позади остались все беды. Все эти интриги, дрязги... Врени выбрала дорогу на северо-запад, через графство Лабаниан в город Карог. В Лабаниане почти все священники были из ордена братьев-заступников, это не говоря уже о большом монастыре. Это заставило Врени позаботиться о женском платье, которое она напялила прямо поверх привычной одежды. Всё теплее. Замотала цирюльница и голову платком, скрывая коротко, по-мужски стриженные волосы. Так было непривычно и, что греха таить, неприятно, но в Лабаниане лучше не нарываться на излишнее внимание. Да и неважно всё это. Она безо всякого стеснения заночевала в маленьком монастыре братьев Камня, который находился у самой границы графства. Монахи давали приют странникам и весьма обрадовались, когда она предложила им свои услуги. Весь вечер и наутро до полудня женщина брила затылки^[40] и подбородки и ушла, сопровождаемая добрыми пожеланиями и нагруженная некоторым количеством припасов. Тайком цирюльница переморила у них насекомых и собрала достаточно, чтобы можно было потом приготовить из них свой особый яд. Теперь путь её лежал в принадлежащую братьям-заступникам деревеньку, где крестьяне весьма страдали от расплодившихся к осени крыс и мышей. Не то чтобы там могли так уж много заплатить. Но это была её жизнь, та, к какой она привыкла. Самое главное было — не перестараться. Люди тут подозрительные, беспокойные. Если крысодавка окажется слишком умелой, как пить дать, решат, что она ведьма. Это всё Врени уже проходила. Ничего. Она уже знала, как быть, что говорить и что делать.

Слегка успокоившись, Врени даже подумала, что ей, пожалуй, немного не хватает брата Полди с его умением молиться три дня кряду и не болтать под руку. Она уже отвыкла ходить одна и иногда порывалась буркнуть что-то понимающему собеседнику.

Ничего.

Ничего.

Она привыкнет.

В конце концов, так было всегда. Дорога. Чужие дома. Чужие люди. И никого рядом.

Это было то, к чему она всегда шла.

Вся её жизнь.

Навсегда.

Она остановилась в той деревеньке у бедной вдовы на сеновале. Говорить о работе следовало утром, чтобы не пугать добрых людей вечерним стуком в дверь. Она вытянулась во весь рост, поплотнее закуталась в плащ и уснула.

Ночь ещё не перевалила за середину, когда цирюльницу разбудил ночной шорох. Женщина подобралась, готовая бежать или защищаться... рычание... собака?

— Цыть! — негромко осадил ночного гостя цирюльница. — Кыш отсюда!

— Неласково встречаешь, Большеногая! — отозвался голос Вири.

Врени застонала.

— Скажи, что это сон, — взмолилась она.

— А я тебе часто снюсь? — засмеялся оборотень.

— В кошмарах, — проворчала цирюльница. — Как ты меня нашёл?

— По запаху, — ответил Вир.

— Не ври! — рассердилась Врени. — Через день ни одна собака след не возьмёт.

— Хрольф сказал, куда ты пошла, — пояснил Вир, — а дорога одна, да и ты человек приметный.

— Так и знала, что с вашим братом свяжешься — пропадёшь! — плюнула Врени.

— Не ругайся, Большеногая. Дело есть.

— Меня ваши дела не интересуют. Ну, что же? Скажи, что тебе нет дела до моих желаний.

— Вообще-то нет, Большеногая, — засмеялся оборотень. — Неприятно узнать, что я зря сюда мчался.

— Переживёшь, — огрызнулась Врени. Бежать было нечего и думать, куда денешься от оборотня?..

— Не хочешь узнать, что за дело? — спросил Вир.

— Нет!

— Клос ранен.

— Кто?

— Клос. Муж её милости.

— Ну и что? Без меня его лечить некому?

— Да нет, Клеменс его перевязал.

— Что тебе надо, Серый? — вздохнула цирюльница.

— Ты можешь понадобится в походе.

— В каком походе?

— Пойдём с нами, узнаешь.

— Нет!

— Лошади ждут, Большеногая.

— Мне дела нет.

— Мы заплатим.

— Мне нет дел... Сколько?

— Десяток золотых за поход — пойдёт?

Если бы Вир назвал сумму меньше, она бы плюнула и не стала бы с ним разговаривать. Если бы больше... плюнула бы тоже. Видела она, к чему приводит жадность. Но десять золотых... это было много за услуги цирюльника. Очень много. Но это было не чрезмерно — если к цене добавлялось, скажем, молчание.

— Что вы задумали, Серый? Взять шгурмом Сетор?

— Не Сетор, — отозвался оборотень. — Едем.

— Как вы мне надоели...

— Ничего, Большеногая, ничего. Это пройдёт.

Врени послушно пошла за Виром. Сбежать можно и позже, рано или поздно она что-нибудь придумает.

Недалеко от деревни, у дороги были привязаны две лошади.

— Садись на пегую, — коротко приказал оборотень, забывая, что Врени едва что-то видит при тусклом лунном свете. Но выбирать не пришлось, Вир вскочил на коня и Врени нехотя взгромоздилась на припасённую для неё лошадь. Когда-то давно, когда она жила в деревне, ей, конечно, приходилось ездить верхом, и даже без седла, но это было давным-давно, в детстве, да и отличались деревенские лошадки от тех коней, которых приготовил оборотень.

— Как они тебя не боятся? — не удержавшись, фыркнула цирюльница.

Вир засмеялся.

— Куда бы я годился, если бы от меня животные шарахались? Поехали, Большеногая, к утру надо быть под Сетором.

— Будьте вы все прокляты, — выдохнула Врени и пустила свою лошадь за Виром.

* * *

На востоке забрезжило утро, когда Вир пустил своего коня шагом. Лошадь Врени, которая не столько подчинялась всаднице, сколько шла за товарищем, и теперь последовала его примеру. Врени устало оглянулась. До этого она прилагала все усилия, чтобы удержаться верхом, и не смотрела по сторонам. Сейчас дорога пролегла мимо полей вокруг пологого холма, чья верхушка поросла кустарником. Где-то неподалёку шумела река. Если они возвращались к Сетору, значит, они приехали к одной из его деревень. Вир поднял руку, не то призывая к вниманию, не то приказывая остановиться, и коротко рыкнул. Кони остановились.

— Что стряслось, Серый? — пробурчала Врени.

— Заткнись, — через плечо бросил он. От оборотня прямо-таки исходило напряжённое ожидание. Раздался резкий свист и стрела вонзилась в землю прямо перед копытами лошади Вира. Оборотень успокоил лошадь и, привстав в стременах, прокричал:

— Увар! Мне нужен Увар!

Ответа не последовало, но Вир спешил. Врени сползла со своей лошади, потрепала животное по шее.

— Что это было? — спросила она. Вир наклонился, подобрал стрелу.

— Видала?

— Чего? — грубо ответила она. — Стрела и стрела.

— Не из самострела пущена, — пояснил оборотень. Врени пожала плечами.

— Не знаю, куда ты меня затащил, да только тебе тут не рады.

— Дозорный, — пояснил Вир. — На холме ждал. Лагерь по ту сторону.

Цирюльница поперхнулась.

— Какой лагерь?!

— Узнаешь, — усмехнулся оборотень.

Они ждали довольно долго, но вот оборотень повернул голову. Из-за холма — с другой стороны, чем ожидала Врени, появился человек, одетый так диковинно, что цирюльница удивлённо заморгала. Невысокий — немногим выше брата Полди — крепкий, с бледным лицом, сплошь покрытым волдырями, он был одет в зелёную куртку с разноцветными заплатами, перепоясан поясом, концы которого свисали ниже колен, обут в красные сапоги из тиснёной кожи. За пояс был заткнуты длинный нож и топорик. А на голове у этого человека красовалось что-то вроде чёрного колпака, небрежно обмотанного небесно-голубым шарфом.

— Вот и ты, — обрадовался Вир. — Пока тебя ждали, твой человек мне чуть глаза не выбил.

— Тебе? — хмыкнул Увар. — Если кто и сможет, так точно не Иргай.

— Иргай? — переспросил оборотень.

— Да... — неопределённо махнул рукой Увар. — Привезли с собой. Увидишь ещё.

— Может, и увижу, — медленно ответил Вир. — Рассказывай.

— А что рассказывать? — пожал плечами Увар. — Шли мимо Ранога, встали здесь, как ты велел. Ждём.

— Из деревни приходили к вам? Или из города?

— Да как не приходять. И стража, и крестьяне. Всем сказали, что мы тут заказчика ждём. Задаток-то получили, только накладки, так что закупимся туточки и уйдём вскорости. А к кому нанимались, так про то болтать не приучены. Крестьянам-то дела нет, мальчишки только возле наших ребят увиваются, с нами уже пяток просились. Стража подольше задерживается, но мы ничего худого-то не делаем. Я парням-то сказал, как ты велел, чтобы ни курёнка не тронули.

— И как?

— Да за трёх заплатил уже, — пожал плечами Увар. — И за погреба два. Мужики-то, небось, диву даются, что за святоши тут окопались, за всё платят. Но раз ты велел...

— Ничего, скоро уйдёте, — заверил Вир.

— Добро, — кивнул Увар. — А это кто с тобой? Уж не к нам ли привёл?

— А если и к вам?

— Бабу? — сплюнул Увар. — Добро б красивую. Забирай обратно, мне своих хватает.

— Да ты с востока гарем привёз, — засмеялся оборотень, делая Врени знак промолчать.

Увар снова сплюнул.

— Если бы! Ребята мои... Эх! Ты ж их знаешь. Уж Агнета ругалась, ругалась...

— Как она поживает? Куда ты её дел? Или с собой взял?

— Да куда её денешь? — безнадёжно махнул рукой Увар. — К родне не отправишь, с собой не возьмёшь. В Раноге пристроил, вроде, хорошо, да и в городе она не первый раз. К гильдии заглянул, обещал кой-чего, ежели что не так у них выйдет. А у нас нынче матушка Абистея всяким таким заведует. Только она эту к себе не возьмёт, не проси.

— Кто? — устало спросил Вир.

— Мать Иргая, — пояснил Увар.

— А. Ну так не вороти нос. Я тебе лекаря нашёл, а ты кочевряжешься.

— Это? — спросил Увар, смеривая цирюльницу взглядом. — Она, что ли, цирюльник?

— Хороший, — с нажимом произнёс оборотень, подталкивая Врени в спину.

— Ну, тебе виднее... она хоть... не из *ваших*?

— Шкуру менять не умеет, — коротко отозвался Вир.

— И то ладно. А то, не прими к сердцу, Серый, но тебя одного за глаза хватит. А уж Харлан с сыновьями, они ребята нервные. Иргай — как раз один из них. У них там строго. Чуть кто не такой, сразу в реке топят.

— Учту, — пообещал Вир. — Ничего, Большеногая не из таких.

— Ладно, беру, — пожал плечами Увар. — Нам выбирать не приходится. Заглянешь?

— Нет, я в Раног. Утром, — он хмыкнул, — наниматель проснётся, хочу быть рядом.

— Ну, иди, иди, — пожал плечами Увар. — Если что, скажи ему, мы-то хоть сейчас выступим. Эти, которых ты приводил, с книжечками, всё устроили, даже телеги куда-то перегонят, и денег отсыпали. Теперь уйти б поскорее, пока они не передумали.

— Не передумают, — засмеялся Вир, хлопнул Увара по плечу, вскочил на коня и ускакал.

Врени осталась глядеть ему вслед. Привёл, оставил и ушёл. Увар громко свистнул. С

холма скатился молоденький парнишка, одетый ещё более причудливо, чем Увар. Те же сапоги, тот же пояс, но куртка — не куртка, а что-то подлиннее и из-под неё ещё высовывается рубаха, расшитая по краю незнакомым узором. Ещё страннее были длинные вислые усы и налысо обритая голова, на которой торчала только одна прядь. Парнишка оглянулся, подобрал с земли шапку, такую же небесно-голубую, как шарф главаря, и нахлобучил себе на голову.

— Возьми её коня, — кивнул Увар и добавил что-то на незнакомом языке. — Это наш новый лекарь.

Мальчишка смерил её презрительным взглядом и ответил на том же языке, увернулся от оплеухи и схватил коня под уздцы.

— Поговори у меня тут, — сплюнул Увар. — Пошли, Большеногая. Устала небось.

* * *

Они обогнули холм и Врени увидела походный лагерь, раскинувшийся на берегу реки. Целые улицы из шатров небелёного полотна. Ограда из сцепленных оглоблями телег. Лагерь спал, только с краю кто-то колот дрова.

— Вот тут живём, — кивнул Увар. — Тебе, небось, спать хочется? Я Серого давно знаю, он забывает, что людям отдыхать надо. Сам-то двужильный.

Он оставил её, подошёл к самому маленькому шатру, откинул полог и что-то крикнул на чужом языке. Оттуда раздался раздражённый женский голос. Увар ответил, ему возразили, тогда Увар сплюнул и отошёл к другому шатру. Сказал несколько слов, потом отступил и принялся ждать. Наконец, полог откинулся и оттуда вышла высокая полная женщина, одетая ещё чудней, чем Увар и Иргай. На ней были кожаные туфли с изогнутыми носами, короткое платье на две ладони ниже колена, из-под которого торчали диковинные просторные штаны, перехваченные у щиколоток. Вокруг талии у женщины была повязана... наверное, это было юбкой. Три узких полосатых полотна, пришитых к шёлковому поясу. На голове женщины была высокая шапка, обвязанная белым шёлковым шарфом.

Увар ей что-то сказал, она ответила и направилась к Врени.

— Увар сказал... ты — лекарь, — медленно, тщательно выговаривая слова произнесла женщина.

— Да, я лекарь, — кивнула Врени. — Меня зовут Большеногая Врени.

— Я — матушка Абистея. Что ты умеешь?

— Побрить-постричь, кровь пустить, зуб вырвать, нарыв вскрыть, рану зашить, кости сложить... лихорадку могу вылечить. Много чего могу.

— Женщин лечила?

— Случалось.

— Детей?

— Тоже.

Матушка Абистея кивнула и подошла к тому же шатру, к которому до того подходил Увар. Несколько резких слов и оттуда выскочили две девушки. Врени заморгала глазами. А ей-то казалось, что она уже всё увидела. На девушках были такие же штаны и туфли, как на матушке Абистее, но поверх них — ворохи разноцветных шёлковых юбок. Грудь у одной была прикрыта расшитой бисером короткой жилеткой, у второй — замотана узорной шалью.

Косы со сна растрёпаны, головы наспех обмотаны шёлковыми шарфами, у одной красным, у другой синим. Ворча и посмеиваясь, они разбежались в разные стороны, одна к реке, вторая к котлу на краю лагеря.

— Твой шатёр будет, — кивнула матушка Абистея. — Они другое место спать найдут.

Увар сказал ей что-то на незнакомом языке, судя по интонации — поблагодарил, — и ушёл.

— Что нужно — у меня спроси, — так же тщательно выговаривая слова, приказала матушка Абистея. — Сейчас спи. Разбудим.

Врени пожала плечами.

Вокруг неё было слишком много тайн. Оборотень втянул её в какие-то новые интриги, но... болело всё тело, гудела голова, слипались глаза. Она плюнула и пошла спать.

* * *

Нора проснулась вскоре после рассвета и, едва одевшись, бросилась в спальню мужа. Клос тоже проснулся и был он отнюдь не весел. Рыцарь ворочался, безуспешно пытаясь пристроить больную руку поудобней, и тихо сквозь зубы шипел ругательства. Когда дверь открылась, он поднял голову, но, увидев жену, раздражённо скривился.

— А, это ты, — бросил он.

— Ты... как ты себя чувствуешь? — выдавила из себя растерявшаяся Нора.

— А как я могу себя чувствовать? — проворчал рыцарь. — Я позвал сюда Вира. Придёт, оставишь нас.

— Это почему это? — подобралась баронесса.

— Почему, почему. Разговор не для женских ушей, вот почему.

— Но Вир мой слуга, — рассердилась Нора.

Клос махнул рукой.

— Как хочешь. Пеняй на себя тогда.

— Почему? — не поняла Нора, но рыцарь отвернулся.

Вошёл Вир, похоже, с дороги, запыханный и пахнувший конским потом.

— А, наконец-то! — обрадовался ему Клос. — Заходи, поговорим.

— К вашим услугам, — поклонился Вир, не слишком стараясь спрятать усмешку.

— Брось. Послушай, вчера...

— Вчера ты убил графа цур Дитлина, — напомнил оборотень.

— Я помню! — раздражённо отозвался рыцарь. — Не делай из меня дурака! Ты сказал, чтобы я захватил его графство.

— Было дело, — кивнул Вир.

Клос поёрзал, пытаясь устроиться поудобней, и сжал зубы от боли.

— Ладно. Тогда скажи — почему я?

Он покосился на жену.

— Потому что меня ещё мальчишкой женили вот на ней? Как старшего из тех сыновей моего папаши, которым графство точно не достанется?

Вир хмыкнул.

— Ты соображаешь. Конечно, не будь ты мужем её милости, я бы с тобой сейчас не разговаривал.

— Тогда ответь. Ты учил меня и братьев сражаться, ещё когда я без штанов бегал, и не помню, чтобы ты был мной доволен.

— Ты в себе сомневаешься? — спросил в ответ оборотень. — Думаешь, не справишься?

— Думаю, не велика честь, когда тебя выбирают из-за жены, которую ты не сам себе нашёл, — проворчал Клос.

Вир пожал плечами.

— Тебя никто не заставляет.

Клос ударил здоровой рукой по постели.

— Я тебя не о том спрашиваю!

— А что ты хочешь услышать? Что ты полон скрытыми талантами? Это не так, и ты это знаешь. Ты хороший боец, ты неглуп и да, ты муж моей госпожи. У тебя ещё нет людей, ты не водил никого в бой, но ты убил на поединке опытного воина. Люди есть, есть замок, который нужно разрушить. Пробуй. Если ты победишь, я пойму, что мы не ошиблись в выборе.

Он кивнул на красную от обиды Нору.

— Она вышла за тебя замуж, чтобы ей не привели жениха похуже. Ни ты её не выбрал, ни она тебя. Ну и что? Она — твоя жена и она любит тебя. Если б ей сказали сейчас, иди, выбирай по сердцу, ты остался бы её мужем.

Клос поднял здоровую руку.

— Я понял. Хватит. Тогда позовите моего слугу, пусть принесёт походную одежду.

— Походную?! — ахнула Нора. Клос недовольно на неё покосился.

— Я же сказал, не для женских ушей разговор, — проворчал он. — Пока я тут лежу, Адалрик едет в Дитлин. Только и хорошо, что через Вилтин они не пойдут, южнее возьмут, а мы через отцовское графство их опередим. Выехал Адалрик?

— Ещё нет. Сегодня собирался, — отозвался Вир.

— Вот и славно.

— Ты никуда не можешь ехать! — запротестовала Нора. — Ты ранен, твоя рука! Вир, скажи ему!

Оборотень покачал головой.

— Рану растрясёшь, — сказал он. — А так — хорошо рассудил.

— Плевать! — стукнул кулаком по постели Клос. — Время, Вир, время!

— Ваша милость, пошлите за Клеменсом, — посоветовал Вир.

— Но...

— Прошу вас, ваша милость.

Нора послушно вышла, притворила за собой дверь.

— Ты поедешь со мной? — услышала она азартный голос мужа.

— А то. Всё готово, отряд только приказа ждёт.

* * *

Врени проснулась, когда солнце было уже высоко, хоть и не перевалило ещё за полдень. Лагерь наполнился шумом, смехом, руганью, суматохой. Она выглянула наружу. Жизнь вокруг кипела, туда-сюда сновали люди, одетые примерно так же, как и Увар давеча. Сам главарь как раз проходил мимо её шатра.

— А, — поприветствовал её Увар. — Проснулась. Завтракай и собирайся. Сегодня едем.

— Сегодня?!

— А ты как думала? Давай-давай, Нифан — это брат Иргая — поймал посланца. Серый велел передать, мол, придет и с ним какой-то хмырь будет из благородных. Наниматель, небось.

— Клос, — сказала Врени.

— Кто?

— Клос, один из сыновей графа цур Вилтина, — пояснила цирюльница. — Муж дочери барона цур Фирмина.

Увар хохотнул.

— Вот так новость! Лет семь назад мы в Вилтине погуляли на славу.

Врени вопросительно посмотрела на наёмника. Тот кивнул.

— Да, нас там не добром должны помнить. Иди вон туда, тебе Дака поесть даст.

Врени послушно поднялась и пошла к котлу, возле которого давешняя девица в шали соскребала с котла остатки каши. Увидев Врени, она заулыбалась и пихнула цирюльнице в руки плошку.

— Ешь, — с чужим жёстким акцентом произнесла она. — Ты лекарь?

— Лекарь, лекарь, — со вздохом согласилась цирюльница, беря протянутую вслед за плошкой ложку и ломоть хлеба. Каша оказалась вкусная, со странным привкусом незнакомых трав.

— Добро, — кивнула девица.

— Добро, — согласилась Врени.

— Лошадь знаешь? — спросила Дака.

— Лечить или ехать? — осторожно уточнила цирюльница. Дака расхохоталась, открывая крепкие белые зубы.

— Лечить не умеешь? — спросила она. — Верхом сможешь?

— Плохо смогу, — призналась Врени.

— Плохо, — заявила девица. — Ехать долго. Устанешь.

Врени пожала плечами.

— Я с вами не напрашивалась.

— Следить буду, — посулила девица.

— Чтобы не сбежала? — хмуро спросила цирюльница.

Дака снова расхохоталась.

— Чтобы не свалилась! — объяснила она.

К ним подошёл Увар, задумчиво почёсывая свои волдыри.

— Наелась? — спросил он. Врени кивнула. Дака отобрала у неё пустую плошку.

— Иди, — сказала она. — Сама помою.

Врени доела хлеб и поднялась на ноги. Потом покосилась на Увара.

— Давно у тебя рожа-то такая? — спросила она.

— Чего?

От удивления наёмник захлопал белёсыми ресницами, как-то даже помолодев.

— Рожа, говорю, давно такая?

— А, не обращай внимания. К зиме заживёт.

— Оно и видно.

Врени покопалась в сумке. Тот спятивший знахарь в Латгавальде проиграл брату Полди

много чего полезного.

— На, — протянула цирюльница Даке пучок трав. — Заварить сможешь?

— Сумею, — отозвалась та, подозрительно разглядывая траву.

— Ну, так сделай. Тряпка найдётся чистая?

— Найдётся.

— Ты чего, Большеногая? — нахмурился Увар.

— Время ещё есть, сам говоришь. Тряпку смочим, будешь рожу протирать.

— Да зачем это? — отпрянул наёмник.

— Затем, что на твою рожу смотреть страшно! — отрезала цирюльница. — В порядок приведёшь.

— Я тебе не девица, — рассердился наёмник, — за лицом следить!

— Какая там девица! Твоей рожой детишек пугать!

Увар хохотнул.

— Отстань, Большеногая!

— Не спорь, — вдруг вмешалась Дака. — Лекаря слушать надо. Тогда все будут слушаться.

Увар сплюнул и отошёл.

— Дел мне будто других нет, — бросил он через плечо.

Дака снова расхохоталась.

— Знаешь, что с ним? — поинтересовалась она. — Мы думали, хворь.

— Кожа слишком бледная, — коротко отозвалась Врени. — На солнце сгорает.

— Хороший лекарь, — кивнула Дака. — Фатей полечишь?

— Кто такой Фатей? — спросила цирюльница.

Дака отвернулась и звонко закричала:

— Фатей, Фатей! Иди сюда, Фатей!

На зов из-за какого шатра прибежал голый по пояс мальчишка в таких же штанах, как на Даке, но со здоровым ножом на поясе. Двигался он как-то неловко, сковано.

— Фатей, вот лекарь, — сказала Дака и добавила что-то на незнакомом языке.

Потом повернулась к цирюльнице.

— Дурной. В погреб лазил в деревне. Поймали. Спину покажи, Фатей!

Мальчишка насупился, но послушно повернулся спиной.

Цирюльница крепко выругалась. Мальчику исхлестали всю спину, не оставив ни одного чистого клочка. Кое-где раны воспалились. Другой бы на его месте еле ползал, а этот ничего, ходит.

— И ниже спины то же самое, — добавила Дака. — Фатей...

Мальчишка неловко отпрыгнул, повернулся к ним лицом и что-то сказал на незнакомом языке. Дака рассердилась.

— Совсем дурной! — закричала она. — Мужчина! Какой мужчина, когда в погреб залезть не сумеешь?! Попался, как дурак! Шапку отобрали, рубашку порвали, нож отцовский я ходила, просила, возвращать не хотели! Мужчина! Я сказала, лечись, ты лечись! Ехать надо, как в седло сядешь?!

— Брат? — спросила Врени.

Дака кивнула, откинула назад косу и свирепо уставилась на мальчика.

— Ух, я им! — посулила она. — Храбрецы какие! Детей бить, храбрецы! Погреба запирать надо! Колбасу запирать, молоко запирать, сыр запирать! Запирать самим! Да кому

их погребка нужны?! Колбаса протухла, сыр течёт, горшки битые, молоко кислое!

— Эти травы завари, — прервала её Врени, кивая на пучок, который Дака продолжала держать в руках.

Девушка снова подозрительно на неё уставилась.

— Это для другой хвори! — воскликнула она. — Эти от солнца, для Увара!

Врени коротко засмеялась.

— Это чтобы кожа заживала, — пояснила она. — Неважно, от чего. Завари, дай остыть, намочи тряпку, чтобы сочилась, и осторожно протирай.

Фатей что-то резко сказал.

— Говори, чтобы она понимала, — нахмурилась Дака. И тут же сама резко заговорила. — Сам, сам! Сам спину будешь мазать? Руки назад растут?! Вижу, вижу! В погреб тайком залезть не сумел! Мужчина! Воин! А ноги из плеч торчат?!

— Полно голосить, — оборвал её снова подошедший к ним Увар. — Иди, помоги Маде и Зарене, скоро обедать, а ты даже кашу из котла не отскребла.

Дака сверкнула на него глазами, вскочила, мотнула головой — косы так и хлестнули по плечам, — и сунула котёл брату.

— На! Закончи за меня!

Тот насупился было, но под строгим взглядом сестры сник, опустился на колени и занялся остатками каши. Всё, что налипло на стенки котла, мальчишка безмятежно отправлял себе в рот. Врени покачала головой. Если у него и ниже спины такое, в самом деле, как в седло сядет?!

Дака требовательно взглянула в глаза Увару.

— И не проси, — скрестил руки на груди наёмник. — Сказал, с местными не драться!

— Ух! — разозлилась девушка и, снова мотнув косами, убежала.

Увар вздохнул.

— Иди к матушке Абистее, — велел он Врени. — Васса кашляет нехорошо.

— Васса?

— Дочка её, — пояснил наёмник. — Пошли, покажу её шатёр.

— Ты тут у каждого над душой стоишь? — спросила Врени.

— Нет, только у тебя, — ухмыльнулся наёмник. — Присмотреться хочу.

Врени пожалала плечами.

— Где ваш прежний лекарь-то? — спросила она. — Неужто не было?

— Был, — махнул рукой Увар. — Быть-то был. Только с нами обратно не пошёл.

Понравилось ему там, видишь ли. Не силком же его тащить.

— Где — там? — не удержалась от вопроса Врени.

Увар указал рукой куда-то на восток.

— В Серой пустоши, что ли? — недоверчиво хмыкнула Врени, уверенная, что наёмник ошибся с направлением.

— Дальше, — пояснил Увар.

— Что?!

— Что слышала, — хмыкнул наёмник. — Рот закрой, на дуру похожа.

— Через Серую пустошь нет пути, — нахмурилась цирюльница. — Там же ведьмы летают, болота...

Увар расхохотался.

— И ведьмы, и болота. Туда нас Серый провёл. Как уж он с девками этими

договаривался, не знаю, а болота он нутром чуял. Одна лошадь только провалилась, да и ту вытащили.

— А назад как?

— Да... девчонку нам Эсм — это лекарь наш старый — вместо себя подсунул. Где взял, не говорит, а она тоже молчала. Вздорная, конечно, но толковая.

— Погоди, там же, говорят, за Пустошью леса, в которых оборотни живут.

— Ага. Оборотни. Туда Серый провёл. Сказал с дороги не сходить и провёл. А обратно недосуг ему было.

— И прошли?

— Как видишь.

— А Пустошь?

— А что Пустошь? Что я, голых девок не видел? Лошадям глаза завязали и прошли.

— А болота?

— А они сами провели. В обмен на девчонку ту, которую нам лекарь наш подсунул. Вон этот шатёр матушки Абистеи.

* * *

Васса оказалась худенькой девочкой, одетой почти так же, как и мать, только без той странной юбки вокруг пояса, и косы не были убраны под платок. Кашляла она и впрямь худо, будто что-то ей мешало и она пыталась от этого избавиться, но тщетно.

— Плохо дело, — сказала Врени матушке Абистее, когда убедилась в своих догадках. — У неё нарыв глубоко в горле. Понимаешь, что это такое?

— Понимаю, — спокойно кивнула женщина. В её глазах засветилось беспокойство.

— Пока маленький, — заверила Врени. — Может сам пройти. Может вырасти. Тогда девочка задохнётся.

У Вассы дрогнули губы, но плакать она не стала.

Врени полезла в свою сумку. В ту проклятую деревеньку её не иначе как сам Освободитель послал. И повезло же ей с братом Полди. Как бы с ним ещё сойтись, чтобы у знахаря потом запасы пополнить? Он же сумасшедший, почти как Марила, только та каркает, а этот над тавлеей трясётся.

— Вот это завари, — протянула она пакетик с толчёнными лесными цветами. — Пусть пьёт. Вот этим пусть промывает. А это — не перепутай — в тряпку заверни и к груди прикладывай.

— Поможет? — спросила матушка Абистея, принимая снадобья.

— Должно помочь, — пожала плечами цирюльница. Если травы с нарывом не справятся, его придётся протыкать и девочка может остаться без голоса. — Надо будет, с ведьмой сведу, та зашепчет. Я хорошую ведьму знаю, людям не отказывает, лес у неё хороший.

Говоря это, Врени в тайне надеялась, что до ведьмы не дойдёт. Уж больно неласково цирюльницу там Медный Паук встретил. Кто его знает, с убийцы сталось туда вернуться. А что, место тихое, кто его там искать будет? Да и следит он небось за лесом вокруг. А ведьма ему помогает с зельями своими.

Врени затянула завязки своей сумки и вышла из шатра. У самого входа её ждал

знакомый парнишка. Как его... Иргай, кажется.

— Ты мою сестру лечила? — требовательно спросил он.

— Ещё не лечила, — отозвалась Врени.

— Сама не можешь, ведьме отдашь, да?

— Если понадобится, — пожала плечами цирюльница.

— Мы дома ведъм в мешок сажали и в реке топили, — заявил Иргай. Цирюльница усмехнулась.

— У нас в стране, если ты тронешь ведьму, барон, на чьей земле она живёт, тебя повесит.

Парнишка сплюнул.

— Вы все сумасшедшие!

— Сидел бы дома.

Иргай кивнул на шатёр.

— Вот мой дом.

— Как знаешь. Тебе бы с братьями-заступниками потолковать, глядишь, возьмут к себе.

Это монахи, которые ведъм ловят. И всех, кто верит неправильно.

Иргай снова сплюнул.

— Увар сказал, чтобы я за твоей лошастью присматривал, — заявил он.

— Присматривай, — разрешила Врени.

— Ты... как тебя звать? Большеногая, да? С Дакой поговори. Пусть научит, как на коня садиться. Спину лошади сбила.

— Зачем? — удивилась Врени и кивнула в сторону повозок, окружающих лагерь. — На телеге места не найдётся?

— Увар сказал, их тут оставим, — отозвался Иргай. — Быстро надо. Верхом поедем.

Врени сглотнула. Парнишка заухмылялся.

— Сестру не вылечишь, пожалеешь, — посулил он.

* * *

Клос приехал после обеда, когда шатры были уже убраны и лагерь казался не полотняным городом, а полем, по которому туда-сюда слонялись люди. Как оказалось, большинство наёмников было родом из Тафелона. А вот женщины все пришли с отрядом с востока из каких-то далёких земель. Дака сказала, что раньше Увар был вовсе против того, чтобы брать с собой женщин, но на восток он взял жену и после этого запрещал уже не так решительно.

— Расскажи, — попросила Дака, пока они вместе с Мадой в расшитой бисером жилетке и Зариной, которая заматывала грудь длинным шёлковым шарфом, с холма следили за приближающимися рыцарем и оборотнем, — кто он, этот Клом? Клос? Что такое рыцарь?

Врени пожала плечами.

— Рыцарь — значит, его посвятили в рыцари. Ну... воин. В тяжёлых доспехах. Благородный.

— Это что за слово? — спросила Мада.

— Это значит, что его отец был рыцарем или бароном или графом. И отец отца. И отец матери. И...

— Мы поняли, — засмеялась Зарина.

Дозорный, который с того же холма следил за дорогой, шикнул на них.

— А ещё считается, что рыцарь защищает слабых. Сирот, вдов, девиц...

— Всех? — засмеялась Дака. — Вот так ездит и защищает?

— Обычно рыцарских, — хмыкнула Врени. — Не лжёт, заботится о чести... Не обманывает, не предаёт... Храбр, щедр...

Дака произнесла какое-то слово на незнакомом языке и девушки закивали головами.

— А этот как?

— Один из сыновей графа цур Вилтина, — отозвалась Врени. — Муж дочки и наследницы барона цур Фирмина. У графа владения побольше, чем у барона, но цур Фирмина очень уважают. Он ушёл сражаться в святые земли и оставил вместо себя дочь.

— Вот так дочь и оставил? — всплеснула руками Зарина. — А муж чего?

— А муж у папаши жил, — пояснила цирюльница. — У них... у благородных то есть... бывает, если нужны наследники, то после их рождения муж и жена вместе не живут.

Девушки обменялись несколькими словами на своём языке.

— Гляди, как руку держит! — заметила Дака. — Он ранен!

— Похоже на то, — вздохнула Врени. — Куда его тянет...

— Нам-то только хорошо, — сказала Дака. — Застоялись мы тут.

Она кивнула цирюльнице и припустила с холма обратно в лагерь. Мада и Зарина последовали за ней. Врени осторожно спустилась следом, опасаясь переломать ноги.

Когда она вернулась в лагерь, Дака уже отыскала Увара и сообщила, что к ним едет «тот самый Серый» и не один. Врени-де его узнала.

— Беги, скажи Енаю, чтобы в них не стрелял, — велел Увар и пошёл кричать на своих людей, чтобы выстроились в хоть какое-то подобие порядка.

* * *

— Эти, что ли? — спросил Клос, с коня созерцая разномастную толпу — свой будущий отряд.

— Эти, твоя милость, — согласился Вир, осматривая людей Увара. Большинство он знал, но не всех.

— А чего у них на головах такое?

— Это чтобы друг друга узнавать, — ответил Увар, подходя ближе. Клос смерил его взглядом. Он успел растрясти больную руку и сейчас был не в духе.

— А пёстрые они зачем? — продолжал ворчать рыцарь. — В глазах рябит!

— Во-во, — кивнул Увар, в свою очередь изучая Клоса, — рябит.

Рыцарь скривился.

— Других людей я тебе не достану, — нахмурился Вир.

— Не надо, — отмахнулся здоровой рукой рыцарь. — Ты... как тебя?

— Увар, — подсказал Вир.

— Увар, — повторил Клос. — Ты у них главный? Вир сказал, ты на него работаешь.

— Когда на него, когда не на него, — пожал плечами наёмник. — Всяко приходилось.

— Знаешь, для чего тебя сейчас нанимаю?

— А так не вы нанимаете-то. Будто не знаю, что у вас своих денег нет.

— Сейчас нет, завтра будут, — пожал плечами Клос и тут же скривился от боли.

— Куда вам ехать-то, — хмыкнул Увар.

Клос покосился на Вира.

— Время уходит, — пояснил оборотень. — Нам надо в Дитлин поскорее приехать.

Увар только головой покачал.

— Ты мне, Серый, скажи, у графа цур Вилтина сыновей девать некуда? То старшенький его на меня бросался, теперь вот этот, не отлежавшись, в путь рвётся.

— Это кто на тебя бросался? — насторожился Клос.

— Арне, так его звали, — признался Увар. — Ему, видишь, не понравилось, что мы его в плен взяли.

— Это ты когда моего брата в плен взял?!

— А тогда и взял. Лет семь назад, а, Серый?

— Так это из-за тебя...

— Из-за меня это, твоя милость, — перебил рыцаря Вир. — Из-за меня.

— Я говорил, обращай ко мне попросту, — оборвал его Клос и повернулся к Увару. — Собирай своих людей. До вечера надо в Вилтине оказаться.

— Так всё готово, ваша милость, — отозвался Увар.

— Тогда едем!

Глава пятая

Наёмники (продолжение)

Врени подобралась поближе к Увару, чтобы узнать, о чём они будут говорить, но её потянула за руку Дака, которая до того собирала в дорогу себя, брата и ту часть общих запасов, за которую отвечала.

— Пошли, — сказала девушка, — я для тебя припасла. Пусть они говорят. Сигнал не проспим.

Врени ничего не оставалось как послушаться. Не могла же она сказать, что *старший брат* спросит потом, о чём *слепые* договаривались с оборотнем. Дака привела её к навьюченному пожитками мулу, возле которого на земле лежало два свёртка.

— Держи, — протянула она один цирюльнице. Это оказалась стёганая куртка вроде тех, которые надевают под доспехи. — Это старшего брата. Тебе впору будет.

— Это ещё зачем? — нахмурилась Врени.

— Держи, — настаивала Дака. — Обидишь.

Сама девушка развернула второй свёрток. Там оказалась такая же куртка, но меньше и явно перешитая на женщину. Врени огляделась. До того легко одетые девушки все оделись в такие куртки и спрятали волосы под войлочные шапочки.

— Поедем, я рядом буду, — продолжила Дака. — Что скажу, ты делай. Поняла?

— Поняла, — покорно согласилась Врени.

Прозвучал сигнал. Иргай подвёл к Врени двух лошадей, бурую с белыми пятнами и гнедую. Уздечка бурой была привязана к седлу гнедой.

— Эта — твоя вчерашняя, — ткнул он в заднюю лошадь. — А эту тебе Увар даёт.

Цирюльница пожалала плечами.

— Очень щедро, — пробормотала она, усаживаясь в седло гнедой. Она привыкла передвигаться пешком, редко — на телегах, и теперь верхом чувствовала себя неловко и неумело. Тело, уставшее после ночной поездки, отозвалось болью.

— Не так! — подъехала к ней на соловой кобыле Дака. Девушка как-то по-особенному держалась в седле, Врени такого и не видела даже. — Ты выпрямись. Руки опусти. Вот так! Держись за мной!

Врени повиновалась. Наёмники один за другим, по двое, по трое выезжали на дорогу. Дака выждала, пока вперёд пройдёт около половины отряда, потом тронула свою лошадь и подала Врени знак следовать за ней. Следом на дорогу выехали остальные девушки, Фатей, матушка Абистея с дочерьми и младшим сыном, мальчишкой ещё младше Вассы.

— У Увара хороший отряд, — болтала Дака, — по-всякому умеют. На лошадь не смотри, на дорогу смотри! Люди добрые, щедрые, ты без подарков не останешься, если сейчас повезёт. Ты спину-то не гни.

— А правда, вы через леса оборотней шли? — спросила Врени.

— А тебе кто сказал? Увар? Он врать не любит. Правду сказал.

— Как?!

Дака расхохоталась.

— Ой, я слышала, да. Там, перед лесами. Ой, страшно! Там много людей их боится, да. У вас тоже боятся?

— А ты нет? — огрызнулась Врени.

Дака захохотала ещё громче.

— Фатей, Фатей! — позвала она. — Расскажи Большеногой, как ты оборотня встретил!

Врени осторожно обернулась на едущего за ними мальчика. Он ехал, привстав в стременах и, кажется, совсем не уставал от этого.

Фатей ответил на своём языке. Дака снова засмеялась.

— Говорит, чего там рассказывать! Ночью поймали, когда мясо пытался утащить. Фатей поймал. Щенка ещё. Ну, как щенка. Когда обернулся, оказалось — ровесники.

— А как вы поняли, что это оборотень?

— Увар понял. Увар умный! Сказал — знаю я их породу. Сказал — или он превратится или мы хвост отрубим.

— У нас, если кто обидит оборотня или его родню, того они выследят и убьют, — осторожно сказала Врени. Ей приходилось видеть деревни, где побывали эти твари. Убивали-то они не всех, только жить после их визита в деревне было уже нельзя. Они не успокаивались, пока люди не бросали дома, земли, всё своё добро и, босые, оборванные, уходили в другую деревню или просить помощи у города или сюзерена. Медленно или быстро, но оборотни уничтожали деревню, скрываясь, подчас надолго, когда туда являлись кнехты, а потом появлялись снова. И снова. Пока деревня не вымирала. А потом об оборотнях снова никто ничего не слышал.

Фатей что-то сказал, гордо выпячивая тощую грудь, Дака ему со смехом ответила, сзади что-то прокричала Зарина, от чего мальчик залился краской и сник.

— Нас тоже если обидеть, найдём чем ответить, — заверила Дака и повернулась к брату. — Я ещё туда вернусь, где ты в погребке попался. Я им — ух!

* * *

Дорога, прямая на карте, петляла между холмами и пригорками. Врени постепенно приоровилась и теперь с интересом крутила головой. Они ехали в Вилтин, но зачем? Врени искренне надеялась, что Клос не решил захватывать отцовское графство. За это их всех повесят, всех, до единого.

— А почему Большеногая? — спросила Дака, обрывая мысли цирюльницы.

— Сама не видишь? — огрызнулась Врени. Дака расхохоталась. — Меня зовут Врени.

— Хорошо, — одобрила Дака. — Врени — хорошо. А расскажи мне про Серого, Врени?

— А что рассказывать? — удивилась цирюльница. «Он — оборотень» так и застыло у неё на губах.

— Что он за человек? Увар о нём странно говорит. Вроде любит, а вроде не любит.

— Ну, тут уж не знаю. Человек как человек. Из благородных. Шателен — то есть хранитель замка... был тут разрушенный замок. Теперь его старший брат Клоса охраняет. А Серый теперь замок одного барона охраняет... тестя Клоса.

— Тестя?

— Отца жены.

— А! — обрадовалась Дака и сказала что-то на своём языке. — И хорошо охраняет?

— Замок стоит.

— Это хорошо. Какой он воин?

— Хороший, — хмыкнула Врени. Она мало что разглядела той ночью, когда на дом

Фирмина напали проклятые, но Вир там где-то точно был. — Хитрый.

А ещё он меняет шкуру.

Всегда держит своё слово. Или никто не успел пожаловаться...

И всегда что-то замышляет...

Например...

Самострелы...

— А вам самострелы не приносили? — спросила цирюльница.

Дака переспросила. Врени кое-как описала оружие и Дака закивала.

— Видела, да. Увар сказал — хорошее! Часть Серый принёс. Часть хмурый мастер, с ним женщина была маленькая.

— Это Хрольф. Он...

Тожё оборотень.

— Хороший мастер, — закончила цирюльница.

— Хороший, — кивнула Дака. — Ещё мечи приносил. Харлан сказал — хорошая сталь.

А Стодол, его старший сын, сказал, что женщина не человек. Волком на нас смотрела.

Врени пожала плечами.

— А Увар услышал и сказал, нам дела нет, он мастер хороший. И велел лагерь лучше стеречь. А ты их знаешь?

Цирюльница заколебалась, но решила промолчать. *Прозревшие не выдают слепым тайны друг друга. Можно убить. Но не выдать тайну.*

— Немного, — скупно ответила она.

Дака смерила её взглядом, в котором явно сквозила подозрительность, но ничего сказать не успела. Передние кони начали останавливаться. Запоздало пропел рожок.

— Фатей! — приказала Дака. — Узнай.

Мальчишка соскользнул со спины своей лошади и побежал вперёд. Вскоре вернулся.

— Винхо с Анте встретили, — сообщил он. — С дороги сойдём и привал сделаем.

— Привал — хорошо, — отозвалась Дака и спрыгнула с коня. — Зачем с дороги сойдём?

— Деревня, — коротко ответил мальчик.

Дака кивнула, а Врени задумалась.

Деревня, значит. С дороги сойдём. А им не привыкать тайно ездить.

Оставалось только надеяться, что Вир не травил её во что-то такое, за что бароны вешают простых людей.

— Ты после привала лошадь смени, — посоветовала Дака. — Твоя головная^[41] устала уже.

Врени сползла с коня. Болели ноги, болела задница, болело всё. Она бы лучше по дороге пешком отшагала, чем так.

* * *

Они отдохнули и снова пустились в путь. До вечера оставалось уже недолго. Фатей, который во время привала крутился где можно и где нельзя, рассказал, что разведчики присмотрели место для лагеря на самой границе графства Вилтин (он, правда, сказал «Вирти») и там они останутся на ночь. Эта новость очень обрадовала цирюльницу,

гораздо меньше радовало, что для этого надо снова сесть на лошадь. Тем более, что бурая лошадь оказалась весьма капризного нрава. Если вчера ночью, может быть, из-за оборотня, может, по другой причине, она спокойно шла, то сегодня то и дело норовила начать приплясывать.

— Ты ей покажи, что ты главная, — советовала Дака. — Лошадь слушаться должна, а ты что ей позволяешь?

Фатей сзади прокричал что-то, чего Врени не поняла, но по тому, как прыснула со смеху Дака, догадалась, что обидное. Цирюльница стиснула зубы.

— Ну, хлыстом её ударь, — не отставала Дака. Врени послушалась и лошадь заплясала ещё сильнее. — Не так! И руки не задирай!

Цирюльница собиралась ответить, как впереди послышался звон. Она привстала в стременах. Кто-то, ругаясь, осаживал свою лошадь, кто-то смеялся, кто-то грозился.

— Котёл отвязался, — хладнокровно заявила Дака. — Так котёл звенит. Фатей, Фатей! Ты котёл привязывал?

Мальчишка что-то ответил. Дака отозвалась на том же языке и повернулась к цирюльнице.

— Сказала ему, помалкивай.

Врени хмыкнула.

* * *

Вечером, когда они добрались до места ночёвки, Врени сползла с лошади, с радостью передала поводья Иргаю и больше всего на свете хотела умереть. Но к ней подошёл Вир, весьма хмурый и чем-то недовольный. Под его взглядом цирюльница сама собой поднялась на ноги и покорно пошла туда, где уже успели раскинуть шатёр для рыцаря Клоса.

— А чего вы хотели? — удивилась Врени, когда осмотрела воспалившуюся рану и выслушала, как Клос её получил. — Господину бы неделю ещё лежать, а не мчаться, очертя голову.

— Вир! — рассердился рыцарь. — Или убери от меня эту негодную девку или я прикажу её повесить!

— Да как вам будет угодно, — издевательски поклонилась цирюльница.

— Успокойся, твоя милость, — поморщился оборотень. — Где я тебе другого лекаря найду?

— Ты бы палача взял, — съязвил Клос.

Врени вздохнула.

— Я вас перевяжу. Постарайтесь поберечь руку. И вам стоило бы...

— Заткнись! — оборвал её рыцарь.

* * *

Тот же разговор повторился и в два следующих вечера. Клосу становилось всё хуже и хуже, как хуже становилось и измученному дорогой Фатею. Мальчишка, впрочем, храбрился... рыцарь тоже, только он, в отличие от Фатея, мог себе позволить оскорблять

лекаря. А вот Вассе снадобья помогли и это не могло не радовать. Врени приноровилась держаться верхом, ставить вместе с Дакой и остальными девушками шатры и другим полезным вещам, без которых предпочла бы обойтись.

Они проехали графство Вилтин насквозь, всё так же избегая встречи с местными жителями. Сколько Врени знала, замок графа находился южнее, чем их дорога, так что её опасения не подтвердились. Впрочем, дела были и так хуже некуда. Ей так и не удавалось подобраться поближе к Увару, Виру и Клосу, когда они обсуждали что-то хоть сколько-нибудь важное. Дака, твёрдо уверенная, что разговоры мужчин слушать бессмысленно, всегда уводила Врени, стоило цирюльнице только подобраться поближе. Но понятно было, что Вир вызвал своих наёмников не для того, чтобы прогуляться с раненым Клосом по его родному графству. *Прозревшим* не запрещалось вмешиваться в дела *слепых*. Ходили слухи, что лет семь назад Медный Паук примкнул к самозванцу и никто ему слова не сказал. Но вот таким, как она, *освобождённым*, участвовать в захвате и разграблении... чего-то. Они клялись, что будут помогать людям, по мере сил защищать их от жестокости, лжи, насилия... а теперь?

Если она сбежит, Вир её поймает. И дальше будет только хуже.

— Ты Клоса лечишь, — завела разговор Дака. — Что он за человек?

Врени задумалась. «Такой же гад, как все рыцари» мало что сказало бы девушке.

— Упорный, — сказала цирюльница. — Смелый. Гордый.

— Смелый — это хорошо, — кивнула Дака. — Тебе он не нравится?

Цирюльница пожала плечами.

— Его лечить — как Фатей, — пояснила она. — Только на Фатей ты кричишь, а на Клоса кричать некому.

— Фатей ещё глупый, — заступилась за брата Дака. — Он вырастет.

— А Клос уже вырос, — мрачно буркнула Врени. Дака расхохоталась.

Она варила мучную кашу, щедро приправляя её салом, как Врени подозревала — не купленным, а украденным у крестьян в той деревне, где избили Фатей. К себе Дака редко кого подпускала во время готовки, но для цирюльницы непонятно почему делала исключение. Цирюльница даже подозревала, что девушка следит за ней, нарочно удерживая возле себя.

— А зачем вы с Уваром увязались? — спросила Врени. Теперь уже Дака пожала плечами и отвела взгляд.

— Мир повидать хотели, — коротко ответила она. — Люди у Увара хорошие.

* * *

Обычно Врени за день так выматывалась, что падала без сил и беспробудно спала до самого утра, когда её с шутками расталкивала Дака. Один раз, правда, её среди ночи поднял Вир, потому что Клосу стало хуже, рыцаря трепала лихорадка. Цирюльница едва сумела унять жар, но утром рыцарь снова был в седле, мрачный и недовольный больше обычного.

В этот раз она проснулась среди ночи и вышла из шатра. В лагере было непривычное оживление. Вечером было объявлено, что с утра они никуда не едут и могут отдыхать как угодно. Увар, правда, добавил что-то насчёт пьяных рож и чтобы не попадались. А ещё Врени заметила, что на этот раз они выбирали место для лагеря тщательней, укрывались от

чужих глаз старательней и караульных было назначено вдвое против обычного. У костра сидели наёмники и что-то булькало в котелке. Врени подошла ближе как раз тогда, когда котелок сняли с костра и кинули туда какие-то травы. Цирюльница принялась. Большую часть из них она знала и часто использовала, когда лечила не слишком больных людей. А совершенно здоровые наёмники разлили заваренные травы по кружкам. Врени подседа к ним. Кто-то пихнул ей в руки кружку с горячим напитком. Все молчали, только Иргай рассказывал какую-то жуткую историю про живого мертвеца, не то вампира, не то ещё какую нечисть, которого называл непонятным словом на своём языке. Мертвец притворялся человеком, нападал на людей и спал в гробу, в котором его в конце концов и сожгли. Врени какое-то время слушала, прихлёбывая горячий напиток, потом встала, пихнула кому-то опустевшую кружку и отошла от костра.

Перекинувшись парой слов с караульными, отошла по нужде в кусты, а, возвращаясь, немного заплутала. Находить свой шатёр среди многих таких же ей было непросто и цирюльница не раз плутала вечерами по лагерю. Дака даже привязала к её шатру голубой шарф, чтобы проще было. Но на этот раз Врени поняла, что ей повезло. Плутая, она вышла к шатру Клоса, из которого доносились негромкие мужские голоса.

— Сколько людей мы потеряем? — спросил Клос.

Ответили очень тихо, потом послышался глухой удар и Клос яростно произнёс:

— Нет! Так не годится!

— Есть другой путь, — произнёс Увар.

Врени, не останавливаясь прошла мимо, потом повернула и снова прогулялась мимо шатра.

— Твоя честь-то не воспротивится? — услышала она усмехающийся голос главаря наёмников. — У вас, у благородных...

Из шатра выглянул Вир.

— Кыш, Большеногая, — велел он.

Пришлось уйти.

* * *

Наутро настроение в лагере изменилось. Многие проснулись поздно и никто не мешал им отоспаться. Запретили жечь костры. В разные стороны направили разведчиков. Когда они вернулись, всем запретили подходить к шатру Клоса и там о чём-то разговаривали Вир, Клос, Увар, разведчики и ещё несколько наёмников, которые, как цирюльница заметила, пользовались большим уважением у остальных.

Потом ушли Вир с Уваром. Вернулись они уже ближе к вечеру, снова скрылись в шатре Клоса, а после был отдан приказ собираться. Врени заметила, что наёмники, до того казавшиеся беспечными, сделались сосредоточенными и собранными. Будто вовсе другие люди. Напряжение, с утра царившее в лагере, выродилось в деловитость, с которой были сложены все припасы и извлечены оружие и доспехи. Врени предпочла бы разглядеть, что там у них есть, например, она заметила, что Харлан с сыновьями носит другое оружие, чем большинство наёмников, но Дака то и дело отвлекала её, спрашивая то одно, то другое, то прося о помощи. А то предлагая помочь сама, например, ненавязчиво напоминая, что надо бы лекарства приготовить, тряпки на перевязки и вообще, мало ли что понадобится.

Затем отряд разделился. Часть осталась в том, что ещё недавно было лагерем, большинство выехали, и с ними ехал одетый в тяжёлый доспех Клос. Врени не хотелось думать, в каком состоянии будет его рана после таких подвигов, но упрямый рыцарь отказался слушать её советы. Врени огорчённо повернулась к Даке, но та её не понимала. Глаза девушки горели как у кошки и вся она была напряжена, будто перед прыжком.

— Он мужчина, — сказала Дака, как будто это всё объясняло. Врени махнула рукой.

— Что они собираются делать? — спросила цирюльница.

— Не знаю.

— А нам что делать?

— Ждать, — равнодушно ответила девушка. — Фатей, Фатей! Ты куда собрался?! Не дорос ещё! Я кому говорю! А ну, вернись!

Махнув рукой цирюльнице, она умчалась возвращать в лагерь брата.

Ожидание делалось невыносимым. На землю легли сумерки, когда в лагерь примчался один из наёмников (Врени не помнила его имени) и, обменявшись паролем с караульными, велел ехать за ним.

Цирюльнице показалось, что напряжение превратилось в движение, как если бы кто-то отпустил натянутую тетиву. Готовые ехать люди вскочили на лошадей, выехали на дорогу и поскакали по ней в сторону, как оказалось, деревни. Там их встретили остальные наёмники, успевшие согнать местных жителей в пару сараев и занять кабак.

Врени вместе с остальными пришла на площадь. Пока шла, она оглядывалась по сторонам. Деревня была бедная, да что там — по-настоящему нищая. Граф цур Дитлин обобрал людей до нитки, едва оставляя им посевное зерно, чтобы было хоть что-то на следующий год. Покосившиеся крыши, облупившиеся стены домов, облезлые тощие собаки... Цирюльница была готова спорить, что скот такой же жалкий, да и запертые в сарае люди не лучше.

— Не шуметь! — велел Увар, когда они собрались на деревенской площади. Гудящая, переговаривающаяся толпа разом замолчала. Это было странно. До сих пор Врени не воспринимала всерьёз Увара с его суетливостью, небольшим ростом и вечными волдырями. И другие, кажется, относились к нему так же. Никто не стеснялся спорить и даже ругаться. А теперь замолчали. — Людей не бить. Из сараев не выпускать. Кто попробует бежать — убивать. Кто попробует попасть в деревню — ловить или убивать. Ждите тут. Потом пришлём за вами. По погребам не лазить, чужое добро не трогать! Все поняли?

— А что ты на Фатея смотришь?! — возмутилась Дака. — Он один по погребам лазил?! Казарь будто не лазил?! Аким будто не лазил?!

Казарь и Аким были сыновьями наёмников, женатых на единоплеменницах матушки Абистеи.

— А кто их на это подбил?! — возмутилась мать Акима.

— Тихо! Лазали все. Попался Фатей, — отрезал Увар и так тяжело посмотрел на Даку, что она замолчала.

— Всё ясно? — спросил главарь. Дождавшись утвердительного гула, он повернулся и пошёл к собирающемуся отряду.

Врени впервые видела, как наёмники собираются — теперь стало ясно — захватывать графство. Похоже, Клос задумал взять замок, как его там... Вардула...

Каждый знал, что ему делать. Пятеро остались в деревне вместе с женщинами и детьми, остальные ушли на юго-восток, в сторону замка.

Магушка Абистея отдала несколько коротких приказов на своём языке — и Мада с Зариной хлопотали вокруг очага в кабаке, разбирая свои и захваченные припасы.

— Ждать, — ответила Дака на растерянный взгляд Врени. — Не бойся, Увар умный. Он знает, что делает.

— Они собираются штурмовать замок! — почти простонала цирюльница. — Совет баронов велит отрубить Клосу голову, а нас всех повесят!

— Пусть сначала поймают, — фыркнула Дака. — А почему совет баронов? У вас нет... как вы это зовёте? Короля?

— У нас был Дюк, — нехотя ответила цирюльница. — Он умер, когда на свете не было даже моего деда. А теперь нами правят бароны и графы. Каждый своими владениями и вместе они правят страной.

— А мы сейчас где?

— Мы сейчас в графстве Дитлин.

— А где граф?

— Говорят, его убил Клос.

— Тогда чего ты боишься?

— Закон запрещает захватывать замки баронов. Это нарушение священного мира, объявленного в стране.

Дака пожала плечами.

— Увар умный. Он знает, что делать.

Врени несколько не успокоилась, но Даке стало не до неё. Она хватилась Фатея и убежала его искать. Вскоре девушка вернулась, одной рукой держа брата за ухо, а другой — лук, который выглядел так же странно и чуждо, как и одежда девушки. Впрочем, в Тафелоне луков почти не было.

— Я тебе разрешала его брать? — ругалась Дака, затаскивая брата в кабак. — Я тебе разрешала его брать? Унаследовал?! Ты ничего ещё не унаследовал! Сопляк! Не дорос! Я кому сказала — тихо сиди! А ты что?! Сторожить! Кого там ты будешь сторожить?! Ты его натянуть не можешь! Иди сюда! Садись! С места сойдёшь, я тебе! Врени, проследи, прошу тебя!

— А ты куда? — не поняла Врени.

— Сторожить, — удивилась вопросу Дака. — Ты бы видела! Там из сарая через крышу хотели вылезти! Мальчишки! Как Фатей! Ух, я им!

Девушка убежала. Врени уселась рядом с Фатеем на скамью. Оставалось только ждать.

Если попробовать сейчас сбежать и сделать вид, что она не с ними, её просто пристрелят. Потом, может, даже пожалеют. А, может, и нет.

* * *

Ночь перевалила за половину, когда за цирюльницей прислали из замка. Примчался седой Берток, один из самых уважаемых наёмников, велел Иргаю, который к своему разочарованию остался с женщинами, вместе с Врени скакать немедленно в замок, а остальным — собираться и ехать следом. Парнишка, припомнила Врени, накануне уходил в разведку вместе со старшим братом, и теперь знал дорогу. Впрочем, думать было некогда. Иргай погнал лошадь и цирюльнице пришлось постараться, чтобы удержаться на своей.

Дорога вильнула, выводя к Вардуле, и Врени смогла разглядеть замок вблизи. Замок выглядел внушительно, куда лучше, чем Ордула в Фирмине. Высокие стены с башнями по углам, тяжёлые ворота, на которых поверх герба Дитлина висела небесно-голубая тряпка такого же цвета, как и шарфы на головах наёмников.

В замке всё было кончено. Наёмники деловито стаскивали в сторону убитых врагов, тяжело раненных добивали, легко раненных связывали и оставляли ждать: когда лекарь поможет своим, может быть, займётся и ими. Своих раненых было немного. Фабо, Ильз, Мизи, Конрад, Эрн... Убитых не было вовсе. Ночное нападение не оставило жителям замка шансов... да и не ждали они... когда в стране священный мир, когда земли далеко от границы... кто мог подумать, что в замок нагрянут наёмники, которым плевать на законы?

Врени ввели в зал, где в кресле с высокой спинкой, явно графском, полулежал бледный Клос. Доспехи с него давно сняли и сейчас Вир разрезал рубашку на плече рыцаря.

— Что случилось? — устало спросила цирюльница.

— Что-что, — прорычал раздражённый Вир и сплюнул в очаг. — Что могло случиться? Говорил я ему — береги руку. А он... как полез мечом махать. Будто и не раненный. Теперь гляди.

— Не скажи, Серый, — отозвался Увар. Главарь наёмников сидел рядом с перевязанной головой, но, похоже, не слишком пострадал. После Клоса следовало заняться им. — Если бы не он, нам бы туго пришлось.

— А если бы не твои ребята, туго пришлось бы ему, — огрызнулся Вир.

Врени осмотрела рану. Ничего такого, чего не следовало ожидать. Но заживать она теперь будет...

— Недели две лежать надо, — заявила цирюльница, радуясь, что ещё накануне она приготовила мазь, помогающую заживлять раны. — А, может, и месяц. А потом руку медленно разрабатывать. Господин рыцарь всё лечение испортил.

— Вир, — слабо потянул Клос, — уйми эту девку...

— Помолчал бы лучше, — проворчал оборотень. — Она тебя всю дорогу лечила, ты б хоть спасибо сказал.

— Всю дорогу только и делала, что ругалась, — буркнул Клос. Он смерил оборотня внимательным взглядом. — Вир... тебе-то лекарь не нужен? Я видел, тебя несколько раз задели.

Вир отмахнулся.

— Я цел.

— Но я видел... кровь...

Оборотень пожал плечами.

— Чего только в бою не покажется. Не моя.

Клос сдвинул брови, но ничего не сказал. Врени закончила перевязку и перешла к Увару, который ничего умнее не придумал, чем замотать рассечённый лоб грязной тряпкой.

— Что с сыновьями графа? — спросил Клос.

— Все трое целы, — отозвался Увар, с которым как раз возилась цирюльница. — Взяли спящими. Заперли. Охраняем. Осторожней, ты!..

— Потерпишь, — прошипела Врени.

— Хорошо, — расслабленно откинулся на спинку кресла Клос. — Вели всем отдыхать.

Замок готовить к обороне... Вир...

— Увар? — подхватил оборотень.

— Вы про графёныша старшего? — спросил наёмник. — Выследили. К вечеру будет.

— Тогда — отдыхать, — сказал Клос и закрыл глаза. Врени встревоженно повернулась к нему.

— Клеменс *хорошего* вина дал, — успокоительно заявил Вир. — Я Клосу налил.

Цирюльница вздохнула.

— Ты бы хоть меня спросил. Ладно, жить будете. Я пойду. Фабо мне не шибко понравился. Господина Клоса уложите аккуратней.

* * *

Врени до самого утра провозилась с ранеными и потом до полудня перевязывала кнехтов и рыцарей Вардулы. Они сражались без доспехов, а наёмники Увара в бою врагов не щадили, так что раны у пленных были серьёзные. Дака пыталась накормить цирюльницу, но Врени валилась с ног. Девушка отвела цирюльницу в какой-то закуток и там она уснула на охапке соломы. Проснулась только к ночи и Дака, хихикая, рассказала Врени, как в замок въехал старший сын покойного графа и как его заманили между внешними и внутренними воротами и там держали, пока он не сдался и не отдал всё оружие — своё и людям своим тоже велел.

— А потом Клос сказал, что у него нет чести, поэтому клятву он с него не спросит, — закончила рассказ Дака. — А почему нет?

— Вир говорил, Клос ему вызов бросил, а он не принял, — припомнила цирюльница. Привычно ломило тело, болела голова, в глаза как будто песка насыпали. Хотелось спать — и чтобы не трогали. Повесят так повесят, лишь бы отстали.

— Тогда конечно, — согласилась Дака. — Вставай! Ужинать надо! Поешь, людей полечишь, тогда и поспишь. Они знаешь как стонут?

— Что за собачье ремесло, — выдохнула цирюльница, поднимаясь на ноги.

* * *

Сейчас, когда умерших уже похоронили, суета захвата стихла, замок производил совсем не такое впечатление, как накануне. Вчера он казался могучей твердыней, разворошенной захватчиками. Сегодня... каменная кладка была хороша, но дерево где сгнило, где рассохлось, сараи, домики живших в замке людей — всё покосилось. В господском доме истрепались шпалеры. Слуг держать взаперти не стали, хотя и присматривали, чтобы не вздумали куда податься, и сейчас было видно, что они одеты в заношенную одежду явно с чужого плеча.

Из чужих раненых один умер, двоим стало хуже, за остальных можно было не беспокоиться. Из своих хуже стало только Фабо, рана его воспалилась. Лоб Увара заживал, а вот Клоса, совершенно не пострадавшего при захвате замка, теперь трепала лихорадка. Врени сделала рыцарю перевязку и высказала всё, что думала про него и его отвагу. Клос

только скривился. Ему было так худо, что говорить он не мог или не хотел.

* * *

Закончив лечить раненых к середине ночи, Врени отыскала свою солому и завалилась спать. Даже она сказала, что встанет только к Клосу или к кому-нибудь из детей, да и то подумает. Наутро, когда она открыла глаза, в замковой часовне звонили колокола — гулко и траурно. Цирюльница выбралась во двор и увидела самую странную похоронную процессию. Одетые в рыцарские рубашки хмурые люди были, видно, сыновья графа, а с ними, похоже, их жёны. Только на одном, старшем, была хорошая одежда, остальные рядились в что-то странное... похоже, это досталось им от их батюшки... лет двадцать назад. Вон тому, толстому, мало, у этого в плечах жмёт, а ещё одному в рукавах длинно. И никто не подумал подрезать! Рыцарские платья их жён ещё больше выдавали бедность обитателей замка. Женщины благородного происхождения уже давно подпоясывались под грудью, а у этих пояс обнимал бёдра, вышитый яркими, но не золотыми нитками. Траур? Или действительно ничего более нового не нашлось?

Процессию сопровождали наёмники с приготовленными самострелами. Графское кладбище начиналось рядом со стенами замка и далеко идти не пришлось. Священник, одетый в одежды братьев-заступников, говорил положенные слова, то и дело косясь на захватчиков. Клос, бледный, закусивший губу, стоял поодаль, глядя, как хоронят его врага. Его поддерживал Вир. Поодаль столпились любопытные из числа слуг и людей Увара. Гроб опустили в землю, застучали комья земли.

Наконец, всё было кончено.

— Всё, — сказал Клос, медленно выговаривая слова. — Вы отдали последний долг. Больше вашего тут ничего нет. Ваш отец оскорбил мою жену, женщину, жену рыцаря и дочь барона, оскорбил прилюдно, в совете. Он сам выбрал драться боевым оружием. Его смерть — на его совести. Но он погиб с честью. Адалрик бросил мне публичное оскорбление, но не принял вызова. Он отказался от своей чести и от чести вашего рода. Рода, в котором мужчины оскорбляют женщин и отказываются от поединка!

Он остановился, тяжело наваливаясь на Вира.

— Ты убийца и разбойник! — прошипел Адалрик. — Ты нарушил священный мир, напал на спящих, ты...

— Запомни, Адалрик, — хмуро ответил Клос, — это последний раз, когда я разрешаю тебе говорить. В следующий раз ты будешь убит без чести и суда, потому что трус их не заслуживает. Но сейчас я отвечу. Ни ты, ни твои братья не вступили во владение замком и графством. Они — ничьи. Мы пришли и взяли то, на что трусы не имеют права. Теперь о вас. Вы дети моего врага и братья моего врага. Поэтому вы должны быть повешены до наступления вечера.

— Ты... — начал говорить Адалрик.

Клос покосился в сторону, на стоявшего неподалёку Эрно, кивнул, потом покачал головой. Тот выстрелил, стрела вонзилась в землю у ног Адалрика.

— Ты будешь молчать, — скучающе сообщил Клос. Адалрик побледнел и шагнул назад. — У меня нет настроения шутить.

— Ты не сможешь так поступить! — выкрикнула высокая худая женщина в сером платье

с обтрёпанными рукавами.

Клос покосился на Вира.

— Я не смогу? — спросил он оборотня. Кивнул сам себе. — Может, и не смогу. Я — не граф цур Дитлин. Я не воюю с женщинами. Но мужчины будут повешены. Я не могу оставлять врагов за спиной.

Женщина, рыдая, упала на колени.

— Встаньте, — смягчился Клос. — Встаньте! Если сыновья графа цур Дитлина поклянутся в церкви именем Заступника, при свидетелях и заверив свои слова письменно, что отказываются от мести, признают мои права и свою вину передо мной... вы будете жить. Все. Даже Адалрик. Если он будет молчать, конечно.

Мужчины переглянулись.

— Нам надо подумать, — хрипло произнёс тот, которому были длинны рукава.

Клос покачал головой.

— Нет времени думать. Клятва должна быть принесена сейчас. Вы покинете графство сразу после этого.

— Ты изгоняешь нас?! — вскинулся тот сын цур Дитлина, которому была мала его рубашка.

— Графство разорено, — холодно ответил Клос. — Я не могу себе позволить кормить дармоедов. Всё уже решено. Вам осталось выбрать. Сейчас вы отправитесь или на встречу с Заступником или вон из графства.

Врени почувствовала, как её дёргает за рукав Дака, которая вместе с Фатеем явилась посмотреть, как Клос разбирается с врагами одного с ним сословия.

— Зачем? — спросила девушка. — Они тоже рыцари? Воины не боятся смерти!

Врени хмыкнула.

— Для рыцаря позор, если его повесят. Для них это хуже смерти.

— Но они обманут! Посмотри на этого! Адалрик! Как смотрит! Обманет!

— У Клоса будет клятва, подписанная их рукой. Если рыцарь нарушит такую клятву, он покроет себя позором. Его перестанут считать рыцарем.

— Ну и что?

— Дело не в том, что сделают они, — пояснила Врени. — Дело в том, что о них подумает совет. Если совет откажется их защищать, можно будет ничего не бояться.

— Дураки у вас живут, — фыркнула Дака.

* * *

Сыновья цур Дитлина больше не колебались. Они вернулись в замок и в часовне дали торжественную клятву, которую от них требовал Клос. А рыцарь приготовил для них ещё один сюрприз. Под самыми стенами замка стояли две крестьянские телеги, запряжённые самыми захудалыми деревенскими лошадьми. Во двор были выведены внуки графа.

— Это ваше, — кивнул Клос на телеги. — Каждой семье я отдаю одну перину, одно одеяло и две подушки. Хлеба на два дня. Женщинам отдаю два платья, кроме тех, что на них, мужчинам по одной рубашке и к тому же два куска полотна на семью. Забирайте и проваливайте!

Женщины зарыдали. Адалрик предусмотрительно промолчал.

— Вор! — выкрикнул один из старших графских внуков. — Разбойник! Ты ограбил нас!

— Уймите мальчишку, — холодно велел Клос. — Я мог ничего не давать и выгнать вас босыми и нагими. Я так не хочу и ради женщин и детей выделяю вам телеги. Плохи? Лошади долго не протянут? Это плоды того, что вы творили в графстве, пока оно было вашим. Предательство графа и его жадность привели вас к этому.

Рыцарь запнулся, его повело в сторону. Вир его поддержал и шепнул, что пора заканчивать.

— Убирайтесь, — потребовал Клос и отвернулся. — Вас проводят.

— Для рыцаря позор ехать на телеге, — пояснила Врени Даке. Та фыркнула. — Теперь с ними никто разговаривать не будет.

Сыновьям цур Дитлина ничего другого не оставалось, как усадить в телеги своих жён и детей и усесться спереди править.

Клос почти повис на Вире.

— Вели взамен этих в деревню лошадей из графских конюшен отправить, — потребовал он. — Рабочих, они получше этих доходят буддут.

Вир бросил короткий взгляд на Врени и та подбежала к Клосу.

— Вы совсем мне работу не облегчаете, — проворчала цирюльница. — Вам лежать надо.

— Повесить велю, — вяло ответил Клос. — Надоело. Не хочу лежать.

* * *

— Пора и мне ехать, — сказал Вир, когда Врени заново перевязывала Клоса в его покоях и поила сбивающим жар снадобьем. — Как бы они вперёд нас до Сетора не добрались.

— Езжай, — согласился рыцарь. — Норе там кланяйся, отцу тоже.

Он помолчал, потом произнёс:

— Ты думаешь, они...

Вир пожал плечами.

— Если поторопиться, то может быть.

Клос кивнул, но сделал оборотню знак не уходить.

— Я помню бой, — сказал рыцарь после долгого молчания. — Тебя ранили несколько раз.

— Я говорил тебе, это не моя кровь.

— А дырки на одежде?

— Зацепило.

Клос покосился на Врени.

— Пшла вон, — приказал он. Вир ухмыльнулся.

— Ладно, — сказал он. — Не гони её, она знает. Лекаря надо слушаться.

— Что знает? — не понял рыцарь.

— Что я оборотень, — ухмыльнулся Вир.

Клос уставился на него. Вир кивнул.

— Увар-то знает?

— А как же! — засмеялся Вир. — Ну, что, твоя милость? Тут, как ты знаешь, брат-

заступник есть, можешь к нему обратиться.

Клос грубо выругался, предлагая Виру вместе с братом-заступником проваливать... куда-нибудь подальше. Оборотень расхохотался.

— А... твоя жена? — внезапно осенило рыцаря. — Она?..

— А как ей не знать, если она сама вампир, — ответил оборотень, зубасто улыбаясь.

— Она?!

— Что, не похоже? — хмыкнул Вир. — Хороши бы мы были, если бы нас легко узнать можно было.

— Зачем ты мне открылся? — спросил рыцарь.

Вир пристально посмотрел на Клоса и серые глаза человека сделались жёлтыми, волчьими. Врени поёжилась и отошла к рыцарю за спину, чтобы отгородиться от зверя.

Захочет прыгнуть — прыгнет.

— Чтобы ты знал, — рычаще ответил Вир. — Чтобы между нами не было обмана.

Клос потянулся обхватить голову руками и застонал от боли в правой руке.

— Я вассал барона цур Фирмина, — уже без рычания пояснил оборотень. — Многим ему обязан. Я забочусь о процветании его дома.

Рыцарь хохотнул.

— Так это всё-таки потому что я муж Норы?

Вир усмехнулся в ответ.

— Я тебе уже отвечал. Но ты показал себя даже лучше, чем я надеялся.

— Пшла вон, — бросил Клос через плечо цирюльнице.

— Как будет угодно вашей милости, — колко ответила она и поспешила выполнить приказ.

— Она-то хоть не оборотень? — услышала Врени за спиной.

— И ты туда же! Обычный человек. Но ты зря так с лекарем.

— Слышал, слышал, — отозвался Клос.

Он помолчал и Врени уже притворяла за собой дверь, когда рыцарь внезапно оживился:

— А Нора-то знает?!

Что ему ответил Вир, Врени уже не услышала.

Бежать отсюда надо... бежать... Не бароны, так Клос голову снимет.

Глава шестая

Беда

Эти дни Магда могла бы назвать, пожалуй, даже счастливыми. Эрна сладко спала по ночам и вскакивала на рассвете — подоить коз, попроситься с Вилем на рыбалку или играть в прятки. Магда научила дочь «ходить по лесу как люди ходят», не заставляя кусты расступаться, а ветки раздвигаться при приближении. Всего-то надо было один раз по лесу прогуляться. Виль перестал грозиться и говорить гадости, помогал по хозяйству и возился с девочкой так, будто приходился ей родным дядей. Он даже поймал ёжика как обещал и Эрна устроила зверьку норку во дворе у самого забора. Ночью Магда соорудила из своих волос колдовской ошейник и вместе с дочерью вывела ёжика в лес — искать волшебную ёж-траву. Их поиски увенчались успехом и наутро батрак страшно ругался: Эрна на радостях испробовала ёж-траву на лучшем ноже в доме, сломала его и перепортила все остальные ножи. Виль потом никак не хотел успокоиться, точил ножи и ругался на «глупых женщин, которым ничего доверить нельзя». Был и ненастный день, когда не видно было ни рассвета, ни заката, и тугие струи воды хлестали по дому. Виль тогда, пользуясь тем, что Магда изрядно присмирела, весь день рассказывал свои жуткие сказки. Про драконов, про предательства, про страшные войны и про героя, который выжил бы в яме со змеями, если бы его не ужалила обернувшаяся гадюкой тёща.

Ведьма даже позволила себе расслабиться и поверить, что всё, может, и обойдётся. Батрак ничего плохого не говорил и не делал, учил девочку помогать по хозяйству, играть в прятки, лазить по деревьям и ловить рыбу, да обещал к зиме показать, как силки на зайца ставить. Разговора про убийства даже не думал заводить, а когда Магда как-то его спросила, посмотрел на неё как на полную дуру и сказал, что он-де не белая волшебница детей ужасами запугивать.

Всё было хорошо, пока однажды утром батрак не ушёл в лес с утра пораньше. Что он там собирался делать, не сказал, но к завтраку обещал быть. И не пришёл. Ведьма несколько не встревожилась. Мало ли какие дела могут быть у разбойника и убийцы, который прячется в её лесу от закона? В этот день Магда в деревню не собиралась, хотела сварить часть своих мухоморов (остальные висели сушились на чердаке), и скрип отворившейся двери застал её с половником у котла.

— Долго ж ты ходил, — бросила ведьма через плечо. — Я тебя с самого утра жду.

Что-то не так было в последовавшем молчании и Магда обернулась — одновременно с пронзительным криком своей дочери.

— Папа! — счастливо закричала девочка, бросаясь в объятия стоявшего в дверях мужчины. — Ты пришёл за мной!

Ведьма как во сне смотрела, как он подхватывает девочку на руки и прижимает к себе. Вот только сон этот был кошмаром.

Алард... Алард...

Он нашёл её... Вернулся... Время оставило на нём свой отпечаток. Погрузнел, потяжелел... потускнели и спутались золотые волосы... От былой красоты осталась только сияющая улыбка. Но Магду она уже не обманывала. Сердце сжало мучительное предчувствие.

— Бертильда... — произнёс Алард, глядя на ведьму поверх плеча девочки. — Ты снова

предвидела, что я приду...

— Конечно, предвидела! — затараторила счастливая донельзя Эрна. — Мама у нас знаешь какая? Всё может!

— Знаю, Аталейн, — погладил её по голове Алард.

— Её зовут Эрна, — резко бросила Магда.

— Папа сказал, что я у него первый ребёнок и меня должны звать как наследницу, — объяснила девочка. — Красивое имя, правда?

Магда тяжело опустилась на лавку.

Он дал ей новое имя... он, её отец, дал девочке имя, признавая её своей дочерью... а она приняла его... признала родство. Он пришёл за ней...

Дыхание перехватило от злости. С глаз словно спала пелена. Всё это время, все эти годы она боялась не того человека. И вот теперь прошлое стоит перед ней и хочет отнять её дитя. Магда не могла бы объяснить свою уверенность, она только знала точно, что Алард пришёл не с добром, что он принёс с собой какую-то страшную беду.

Решение пришло сразу. Убить. Убить, опоить, уничтожить. Сейчас, пока не стало поздно. Это будет просто, он не видит в ней угрозы, а у неё под рукой ядовитое варево. Отвлечь девочку, чтобы не вмешалась, не успела предостеречь.

Магде уже приходилось убивать. Тогда, когда она исцеляла Арне кровью оборотня... Но в тот раз всё сделали за неё. И был ещё один случай... Она тогда ещё не срослась, не сроднилась с лесом так, как сейчас... Не имела той власти, которая связывает ведьму с её владениями. На её дом набрёл человек... разбойник, наверное, а, может, паломник, отбившийся от своих и заблудившийся в лесу... Сперва он хотел немного — глоток воды да узнать, где дорога. А после рассмотрел, что в доме она одна, молодая красивая баба, да младенец в люльке спит. Рассмотрев, обнаглел. Потребовал одного, другого... а там и вовсе потерял всякую совесть. Думал, одинокую женщину просто будет запугать. Куда она денется, одна, в лесу, с ребёнком в люльке?.. Когда до ближайшего жилья идти и идти. Не докричишься, не дозовёшься...

Убивать оказалось легко. Легко, когда у тебя за спиной плачет твой ребёнок. Легко, когда враг теряет человеческое лицо.

Откуда и смелость была...

Нетрудно было в полумраке кухни припрятать в рукав нож. Их тут много лежало, для каждой цели свой. Нетрудно было подобраться поближе.

Магда упала на колени, будто со страху, нож словно сам собой скакнул в руку... Страх не было, не было и сомнений. Она ударила низко, в пах, нож вошёл по самую рукоять. Ударил и отскочил. Он умер быстро.

Убить оказалось легко, куда сложнее оказалось отволочь тело поглубже в лес, чтобы никто не связал его с одиноко живущей ведьмой. Разбойник оказался тяжёлый, тащить его было непросто, к тому же тело цеплялось за ветки и корни, будто желая помешать. Закапывать она его не стала. Не будет ему погребения, собаке. Колдовством расправив траву, Магда тогда вернулась домой, успокаивать перепуганную дочь.

Вот только сейчас девочка не за спиной, она прямо в руках нового врага. А в том, что перед ней враг, ведьма не сомневалась. Не так стоял в дверях Алард, не так держал девочку, не так смотрел на преданную им когда-то любовницу.

— Золотко, — сказала Магда, пытаясь казаться спокойной. — Выйди во двор, нам с твоим отцом надо поговорить...

— С папой! — запротестовала девочка. Алард поставил её на пол, подтолкнул в двери.

— С папой, — согласилась Магда. Гулко стучало сердце.

Это будет просто...

Но что она скажет дочери?!

— Бертильда... — начал рыцарь, делая шаг к женщине.

— Ничего не говори, — попросила она, зачерпывая половником своё варево. — Выпей вот с дороги...

— Нет, я хочу сказать. Бертильда, прости, я... я виноват перед тобой. Ты так меня приняла, а я пришёл к тебе с обманом...

Магда рассеянно подумала, о чём он говорит, о том, что случилось семь лет назад, или о том, что происходит сейчас. Неважно. Угроза нарастала, путала мысли, леденила ноги. Сейчас. Скорее. Убрать опасность.

— Выпей, — настойчиво предложила ведьма.

Если бы он хотел загладить вину, он бы не стал подбираться, пользуясь тайком вырванным приглашением дочери. Они, верно, встретились в Раногге, но как он её нашёл?! Кто сказал, как её зовут, где она живёт, как выглядит?!

Если бы он хотел помириться, он бы не стал давать девочке имя, он принял бы то, которое придумала Магда.

Если бы, если бы, если бы...

Ведьма не думает, ведьма *знает*. И сейчас Магда чуяла от бывшего любовника такую беду, какую не нёс даже Виль, разбойник, убийца и висельник Медный Паук.

А вот Виля убить рука не поднималась...

Алард уже шагнул к Магде, уже протянул руку, чтобы принять плоску с ядовитым варевом, когда во дворе раздался слабый вскрик, а потом...

— Мама, мама! — вбежала в дом Эрна. — Во дворе чужие!

Магда обернулась и плоска выпала у неё из пальцев. Следом за девочкой вошёл здоровенный детина с клочковатой рыжей бородой и косматыми бровями. Прежде, чем Эрна успела подбежать к матери, он сцапал её за плечо и приставил к горлу нож.

— Ти-ха! — пробасил разбойник. — Соплячка пойдёт с нами.

Из-за его спины вышел второй, неуловимо похожий на него, только пониже и пошире в плечах, да лицо всё в оспинах. Небрежно оттолкнул с дороги Аларда, не ударил, а так, чтобы тот подвинулся, шагнул к Магде и, больно схватив за волосы, заставил сесть на лавку. Запрокинул ей голову и тоже приставил нож к горлу.

— Эй, Хромой! — крикнул он во двор. — Порядок. Проверь дом.

Третий от них отличался, был худощав и узколиц и действительно прихрамывал на левую ногу. Он прошёл в пустую комнату, потом лаской взобрался на чердак, пошерудил там и вернулся на кухню.

— Никого. Во дворе тоже пусто, — доложил он. — Но какой-то мужик тут живёт. Променяла тебя твоя красавица, а, рыцарь?

Разбойники захохотали.

— Это дядя мой! — закричала Эрна. — Он по хозяйству помогает! Он скоро вернётся! Он вам покажет!

— Цыц! — крикнул держащий её разбойник, сдавливая плечо так, что девочка пискнула от боли.

— Папа, папа, скажи им! — со слезами потребовала Эрна. Алард отвёл глаза.

Магда сжала на коленях руки. Сейчас она впервые вспомнила о Виле. Поможет ли он? Спасёт ли? Тянуть время. Дождаться Виля. А ещё можно...

Она прикрыла глаза и потянулась куда-то вглубь, через свою душу, через лес, которому она принадлежит, дальше, дальше, дальше... Виль «усыновлён» лесом, принят им, он услышит зов и придёт. Не сможет не прийти. Так уже было. Когда она потеряла все силы на алтаре. Магда не хотела звать, не хотела просить, но это произошло само, независимо от её желания. И он пришёл. Пришёл, когда она и не ждала, и помог, ничего не требуя взамен.

И сейчас. Сейчас тоже придёт.

Не сможет не...

Разбойник резко ткнул её сзади под рёбра.

— Колдуешь, стерва?!

Зов не оборвался, он нашёл адресата, но...

Что-то было не так.

Тянуть время. Надо тянуть время.

Надо...

— Кончай с ней, — предложил тот разбойник, который держал девочку. — Она нам без надобности. Нам сказали соплячку тащить.

— Не смейте! — вмешался Алард. Разбойники расхохотались. Эрна подавилась слезами.

Магда сглотнула. Надо тянуть время. Надо...

— Ты с ними? — горько спросила она бывшего любовника. Разбойники захохотали ещё громче. — Вот зачем ты обо мне вспомнил...

— Это он с нами, милашка! — душевно поведал ей рыжий разбойник. — Рябой, заткни её, как бы зубы не заговорила.

— Оставьте её, — вмешался Алард и подошёл к ведьме.

Рябой разбойник надавил ножом на шею, вынуждая запрокидывать голову.

— Прости... — тихо сказал рыцарь. — Я вернусь и мы всё исправим, обещаю!

— Вернёшься?!

— Заткни её! — потребовал рыжий.

— Да неужто с женщинами так можно? — захохотал рябой. — С женщинами, Кудлатый, ласка требуется. Слышишь, милашка, дочка у тебя умненькая. Вот кое-кто и хочет её обучать, понимаешь это? Нас вот послал, чтоб привели. А на него не оглядывайся. Его дело маленькое, дочку ведьмам передать. Тут мы решаем, что и как.

Это всё объясняло. Ведьмы... наверняка в Бурой башне... они почуяли, а, может, и выследили, что у Магды растёт способная девочка, но насильно учить ведьму невозможно... Но Эрна слишком маленькая, чтобы решать сама, за неё должны говорить родители, отец или мать. Скорее мать. Ведьмы считали, что ребёнок принадлежит женщине, той, которая его носила под сердцем и рожала в муках. Но... отец тоже мог подойти. Алард дал Эрне имя, признал отцовство, задурил голову, добился приглашения... колдовская сила девочки провела его через опутанный чарами лес, провела напрямую, как по ниточке. И теперь он может передать дочь в обучение, а ведьмы сделают вид, что мать просто не знает или даже согласна с ним. А после — попробуйте-ка вызволить ученицу из Бурой башни!

Где же Виль?!

— Не рыпайся, — посоветовал рыжий разбойник, — глядишь, и жива останешься. А дёрнешься — так и тебе худо будет, и девчонке твоей.

— Перестаньте! — потребовал Алард.

— Уходить отсюда надо, — хмуро сказал хромой разбойник. — Ишь как ёрзает, ждёт, небось, дядьку этого.

— Пусть приходит, — лениво ответил рыжий.

— А если не один вернётся? — продолжил волноваться хромой.

— Он прав, — задумался рябой. — Вяжи девчонку и пошли. Эй, рыцарь, ты с нами. Ведьмы сказали, без тебя за соплячку не заплатят. Потом со своей красавицей намилуешься.

— А, может, её... — заухмылялся рыжий.

— Не смейте! — вскинулся Алард, но хромой оттолкнул его от Магды.

— Некогда, — сказал рябой и смерил Аларда взглядом. — Ладно, не хмурься, рыцарь. Хромой, вяжи эту стерву да рот заткни, чтоб на помощь не позвала. Время хоть выиграем.

...Алард стоял рядом, пока Магде скручивали за спиной руки, связывали ноги, затыкали тряпкой рот.

— Я вернусь, — пообещал он. — Вернусь и всё объясню. Не беспокойся за Эрну, она будет учиться, она станет сильной ведьмой, мы будем гордиться ею. Всё будет хорошо.

В этом был весь Алард. В этом он весь. Неужели он не понимает, что разбойники убьют его, едва в нём отпадёт нужда?! Неужели разбойники не понимают, что ведьмы ещё никогда никому не платили, не заплатят и в этот раз?!

Почему Виль не идёт?!

Её бросили на пол, походя пнули под рёбра. Рябой разбойник опрокинул котёл и варево, растекаясь, обожгло ведьму сквозь одежду. Мухоморы он растоптал, распинал по кухне и вышел вместе с остальными.

— Запалить бы домишко, — раздалось со двора. — Для надёжности.

— Оставьте её, — не то потребовал, не то попросил Алард.

Разбойники снова захохотали.

— Это мы ещё посмотрим, кто сюда возвращаться будет, — посулил один из них.

— Не смейте! — пронзительно закричала Эрна, у которой страх наконец прорвался слезами. — Мама, мама, мамочка!..

Хлесткий звук оплеухи. Крик оборвался. Послышались шаги... потом всё стихло. Магда осталась одна, связанной, скрученной на земляном полу своего дома.

* * *

Ждать помощи не приходилось. Виль пропал, исчез именно тогда, когда был больше всего нужен, деревенские не сразу рискнут забраться в пустой с виду дом ведьмы. Поаукают от калитки и пойдут себе восвояси. Мало ли какие у ведьмы дела могут быть?.. Да Магда и не собиралась, не могла ждать. Надо было спешить. Надо было спасти дочь.

Сложнее всего было освободить рот. Магда чуть не задохнулась, пока обслюнявленная тряпка оказалась на полу. Её скрутил кашель. Верёвки больно впились в запястья и лодыжки.

Где-то здесь есть нож...

Ей не взять его скрученными за спиной руками...

Нет.

Не так.

Магда засвистела.

Сколько верёвочке не виться, а конец один...

Путы натянулись и как будто накалились. Их словно дёргали туда-сюда, перепиливая руки и ноги. Ведьма сосредоточилась на запястьях. На той боли, которая в них горела. Один виток... вот этот... он должен лопнуть...

Ох.

Её словно ошпарили.

Больно!

Магда встряхнула освобождённые руки.

Где-то здесь есть нож...

Ползая, извиваясь, подтягиваясь на руках, Магда нашарила первый попавшийся нож. Тупой, Виль как раз собирался его наточить, да руки не дошли. Сойдёт.

Руки и ноги были изрезаны верёвкой. Перевязать бы, приложить примочку... Не было времени. Кровь стучала в висках. Ведьма толкнула дверь... Она не открылась.

Подпёрли.

Магда бесполезно подёргала дверь.

Кто знает, вдруг они действительно вернуться...

И лучше её в это время здесь не будет.

Выбраться через окно было нечего и думать. Магда выбралась на чердак, через него на крышу и, поглядев вниз, в первый раз за долгое время осенила себя священным знаком. Зажмурившись, она прыгнула вниз, в бурьян, про который Виль ругался, что развела, мол, заросли. Травы, которые ведьма много лет поливала разными зельями, спружинили, смягчая удар, а после оплелись вокруг Магды, прижимая руки к телу.

Только этого не хватало!

Ведьма принялась извиваться, но травы держали крепко. Не то священный знак их «разозлил», не то они накинудись бы на любого, кто свалился сверху, не то...

Проклятье.

Надо было выкосить эту траву, когда Виль говорил.

Ни порвать, ни ослабить живые путы не получалось. Магда принялась насвистывать, больше с отчаяния, чем в надежде... там, где трава касалась кожи, стало больно, мучительно, невыносимо... ведьма закричала... путы лопнули, оставив на коже Магды зеленоватые ожоги.

Плевать.

Магда откинула кол, которым разбойники подпирали дверь, забежала в дом.

Зачем?..

Колдовать не было смысла. Ведьминские чары не быстрые, а с ними девочка — их оберег и пропуск.

Убить, убить их нужно!.. Растерзать только за то, что они посмели...

Магда схватила платок, наинула на голову и, не завязывая, побежала со двора, придерживая платок за углы руками.

Ноги сами несли её в замок. Она добежит, она успеет. Она скажет, что произошло. Ей помогут. Ей обязательно помогут. Разбойники, верно, идут пешком. На востоке её лес был совершенно непроходимым, на лошади не поскачешь. Далеко они уйти не смогли. А кнехтам барона она откроет дорогу. Они поскачут верхом, они успеют, они...

Магда бежала, не глядя перед собой, бежала так быстро, что ветки не успевали убираться с пути и хлестали её по лицу. Скорее. Скорее. Скорее!.. Она скажет. Она

попросит. Ей помогут. Ей не могут не помочь...

Она выбежала, буквально вывалилась из леса на дорогу...

— Бертильда!

Ноги подкосились прежде, чем ведьма поняла: голос другой. Стоя на коленях, она подняла голову...

Отряд кнехтов с красными повязками на рукавах. Люди, которые подчиняются союзу баронов. А с ними... с ними...

Позади всадников на дороге стояла телега. Такая, какую она вдела в своём провидческом зелье. С клеткой. А в клетке сидел закованный в цепи Виль.

Убийца, разбойник и висельник Медный Паук...

...вот почему он так и не откликнулся.

Виль не повернул голову в её сторону, будто не видел и не слышал ничего. Лицо его сохраняло полную отрешённость.

Его казнят. Ему очень повезёт, если его просто повесят...

Пойманный Виль так поразил Магду, что она даже не задумывалась о других членах стоявшего перед ней отряда. Но они были там. Сидящая боком на белоснежной лошади Вириная, у которой светлые волосы рассыпались по плечам и от одежды, кажется, исходило сияние. Свет белой магии. Свет торжествующего волшебства.

И — Арне.

Оборотень, проклятый, который своими руками предал другого прозревшего в руки слепых.

За это убивают.

Арне спрыгнул с коня, бросился к ведьме.

— Бертильда! Что с тобой?! Кто... что с тобой сделали?! Что случилось?!

Магда поперхнулась.

Не сразу она услышала голос... хриплый прерывающийся голос, который выталкивал непослушные слова...

Она так и сидела на коленях на дороге и, сжав руки на груди, не то молилась, не то взывала о помощи.

— Пришли... не знаю... схватили... увели... Эрна, Эрна! Доченька!.. Сказали — ведьмы... велели... меня... связали, били... заперли... Эрна!.. Помогите! Они увели мою дочь! Им приказали ведьмы... ведьмы из Пустоши!

— Успокойся, — резко приказала Вириная. Магда поперхнулась и остановилась на полуслове. Волшебница так и не спрыгнула с коня, сидела и смотрела на подругу сверху вниз и, казалось, что-то раздумывала.

— Кто похитил твою дочь? — спросила Вириная.

— Я их не знаю! Разбойники... трое... И... Алард... отец... её отец. Обманул девочку, выведаль дорогу... провёл их... Им приказали ведьмы! Сказали — обучат в Серой пустоши!

— Тихо! — всё так же холодно крикнула волшебница и повернулась к спутникам. — Я выполнила своё обещание. Я нашла убийцу Медного Паука. К баронам возвращайтесь без меня, я должна спасти девочку.

Кнехты переглянулись, один из них. Видно, старший, с седой окладистой головой, заговорил было что-то о том, что нехорошо волшебница решает, но махнул рукой.

Арне, который до того стоял рядом с ведьмой, обнимая её за плечи, повернулся к волшебнице.

— Я поеду с тобой, — твёрдо сказал он.

На этот раз седобородый кнехт не смолчал.

— Как же, господин Арне, вы не можете оставить пленника! Вас ждёт совет и вы не должны...

— Эта женщина — дочь рыцаря, — отрезал молодой оборотень. Кнехты с сомнением посмотрели на Магду, в драном крестьянском платье, простоволосую — платок потеряла в лесу, — с растрёпанными косами... — Я не могу бросить её в беде.

Глядя на недовольное лицо подчинённого, оборотень немного смягчился.

— Я тебе доверяю, Одон, — сказал Арне. — Ты сможешь сохранить пленника и довести его до Сетора. Я последую за тобой как только смогу. Или дождитесь меня. В Фирмине вам смогут предоставить кров.

— Велено как можно скорее везти, — пробурчал Одон. — И так много времени потеряли, пока вы с госпожой волшебницей мудрили. А Фирмин, говорят, ему дом родной. Как бы не вышло чего.

— Тогда я вас догоню, — решил Арне. Он повернулся к волшебнице, которая нетерпеливо ждала, чем закончится спор.

— Зря, — тихо почти шёпотом проговорила Вириная. — Не надо тебе со мной ехать. Езжай с отрядом.

— Ты одна не справишься, — покачал головой оборотень. — Там четверо разбойников. А я должен помочь Бертильде.

Волшебница кивнула и перевела взгляд на сидящую на дороге ведьму.

— Я помогу тебе, — сказала она со странной торжественностью. — Как бы то ни было, клянусь тебе, твоя дочь ведьмой не станет. Я спасу её. Возвращайся в свой дом и ничего не бойся. Разбойники больше тебя не тронут.

Она взглянула Магде прямо в глаза и ведьма склонила голову. Она откроет волшебнице дорогу через свой лес... со стороны казалось, что женщина, полностью утратив силы, распростёрлась на земле. Арне наклонился было к ней, но Магда прошептала:

— Езжай. Спаси мою девочку. Верни её мне...

Оборотень отошёл к своему коню, оглядываясь на ведьму, вскочил в седло... волшебница тронула поводья и направила свою лошадь прямо в лес, даже не пытаясь найти тропинку. Деревья подняли ветки, кусты сдвинулись... кнехты ахнули, глядя, как природа расступается перед сияющей белым светом всадницей. Оборотень последовал за ней.

— Поехали, — приказал Одон, когда за волшебницей и рыцарем сомкнулись ветки. — Пора и нам.

— А как же?.. — кивнул на распростёртую на земле ведьму молоденький кнехт с пробивающимся над верхней губой пушком. — Может, ей помочь надо?..

— Куда её, в телегу, к пленнику? — недовольно проворчал Одон. — Эй, ты! Живая? Встать можешь?

— Да, — тяжело ответила Магда и в доказательство поднялась на ноги. Едущая через лес волшебница словно раздирала все внутренности. — Я... цела. Это... я... от горя...

— Не бойся, Арне добрый рыцарь, он поможет твоей дочери, — заверил её Одон и сделал отряду знак двигаться в путь.

Лошадь молоденького кнехта сделала несколько шагов и остановилась.

— А ты правда дочь рыцаря? — с интересом спросил он.

Магда кивнула, чувствуя, что скоро начнёт харкать кровью. Открывать дорогу двум

всадникам было непросто. Если бы не Эрна, она никогда бы на это не решилась.

— Не повезло тебе, — посочувствовал молоденький кнехт и догнал отряд. Магда шагнула к краю, прислонилась к стволу дерева и долго смотрела им вслед.

Если Виль повесят, Эрна будет плакать.

Ведьма внезапно засвистела. Тихо, сама для себя. Звук, с которым нож упал на дорогу, никто не услышал. Магда тяжело поднялась, прошла по следам отряда и подобрала с земли знакомый уже заговоренный нож — тот самый, который Виль дал ей тогда, семь лет назад, чтобы она смогла спастись от высшего посвящения. Кнехты отобрали его и кто-то из них заткнул себе на пояс. Простенького колдовства достаточно, чтобы подтолкнуть нож, и он выскользнул.

Хороший нож... проводил многих... многое видел. Нож высшего посвящённого.

Глава седьмая

Смерть

Она вернулась к дому. Но внутрь заходить не стала. Дом, осквернённый разбойниками, больше не внушал доверия. Магда боялась. Боялась уйти, боялась остаться. Она спряталась было в лесу возле дома, потом, когда стали ложиться длинные тени, перебралась во двор, в сарай, где Виль оставил ход наружу, затаилась там, сжавшись в комок и прислушиваясь к звукам в лесу. Было очень страшно. Никогда ещё собственный лес не казался ведьме таким зловещим. Болели израненные верёвками запястья и лодыжки, болели ожоги, болели синяки. До обеда, который Магда не варила и не ела, и немного после него она мучительно ощущала продвижение волшебницы по лесу. Это было — будто режут изнутри. И что-то странное ещё ощущалось. Какая-то мрачная и безжалостная решимость. Как раз в то время, когда Виль обычно с ворчанием ставил на стол обед, стало совсем худо. Магда скрючилась на земле, хватая воздух ртом, не зная даже, где болит сильнее. В груди? В животе? Ниже? Боль, нет, настоящая мука перемещалась по телу, разрывая, казалось, его на куски... А потом она ослабла и постепенно сошла на нет. Магда, шатаясь, поднялась на ноги. Что это было? Почему Вирина не возвращается? Что с её девочкой?

Блеянье коз заставило ведьму отвлечься. Она нашла в себе силы, чтобы подоить их и задать корма. А потом ушла в сарай. Ожидание было невыносимым и ведьма решила отправиться на поиски. Надо было дойти до алтаря, там, наверное, лес отзовется на её зов, там откроет свои тайны... а после вернуться в дом, пересилить себя и сварить провидческое зелье... нет, зелье можно только завтра, она с утра готовила кашу, а на одном огне зелья и еду в один день не делают...

Магда шагнула в зловеще темнеющий лес, споткнулась о первый же корень, чего с ней давно не было... и только потому заметила тень, скрывающуюся на тропинке. Тень была... волчьей?.. человеческой?.. Магда бросилась туда...

— Арне! — ахнула она.оборотень был в человеческом обличье, обессиленный и неподвижный. — Арне! Маленький мой! Что с тобой случилось?!

Она затормошила юношу, потом, когда он не откликнулся, отвесила ему оплеуху. Он застонал и ведьма ударила его снова.

— Арне! Очнись!

— Бертильда... — прошептал оборотень. — Прости... я не смог...

— Что с Эрной?! — закричала ведьма. — Она... жива?.. Что с ней?! Кто на тебя напал? Ты ранен?!

— Нет... не оружием... жива... увезла... увезла её волшебница...

— Как увезла?!

— Мы настигли... я нашёл... убил разбойников... она ослепила их... сперва... четвёртый... я хотел биться... она... она... что-то сделала... сказала... чтобы он шёл в Раног... повинился там... взяла... девочку...

— Арне! Арне, не засыпай! Очнись, Арне!

— Я сказал... клялся... вернуть... вернуть девочку... тебе... она... сказала... не даст... ты... ты... она сказала... ты недостойна... неправда... я сказал... пусть отдаст... матери... девочка... девочка кричала... просила... она отказалась... тогда... девочка пыталась... колдовать... но она... она... сильнее...

Конечно, сильнее, с горечью подумала Магда. Белая магия для того и создавалась, чтобы воевать с чёрной и — с колдовством. Что может семилетняя ведьма против опытной волшебницы? Даже в своём лесу, но ведь Магда пустила... сама пустила... открыла ей дорогу... кто мог подумать, что Виринея — предаст?!

Магда вспомнила, как валялась, ободранная, израненная на дороге и как возвышалась над ней бывшая подруга, сверкающая убеждённою в своей правоте.

Надо было догадаться...

— Я... тогда я пытался... я... я мужчина... я сильнее... я так думал... но она... не стала драться... что-то... что-то сделала... отбросила... волшебством... больно! Ох... я пытался... она отбросила меня... заставила обернуться... и... ус... ускაკала... она сказала... дево... девочка должна учиться белой магии... подальше от проклятых... сказала, что ты зло... зло для своей девочки... не отдала... я... шёл... к тебе... предупредить... прости... не смог... прости...

Он чуть не плакал. Магда погладила рыцаря по светлым волосам.

А в этом весь Арне... ему надо было сразу бежать за ведьмой... Магда могла бы закрыть лес и волшебница не смогла бы уйти. Но рыцарь пытался сражаться... а теперь он лежит разбитый, раздавленный чужой магией.

Твоя дочь ведьмой не станет, — сказала волшебница тогда. — Я спасу её.

...надо было догадаться...

Магда сидела, держа на коленях голову рыцаря, поглаживала его по волосам и думала над тем, что ей теперь делать. Спешки больше нет. Виринею не догнать, она уже, небось, в Белой башни.

Змея, змея! Гадина!

Спешки нет, а вот поторопиться стоит.

Белая башня! Да кто против неё выступит-то?!

Если б Эрна осталась у ведьм, Магда, возможно, могла бы попросить Лонгина похлопотать. В конце концов, Эрна слишком маленькая для колдовской науки, да и отцовского права ведьмы не признают. Но они и не отдают то, что считают своим, так что Лонгин мог и не помочь.

Если бы захотел вмешиваться.

Но белое волшебство... чёрный маг не стал бы с ним связываться... кто ещё? Обратни... сейчас видно, что обратню против белой магии не выстоять. О вампирах не стоило и думать. Белое волшебство причиняет им страшную боль и может убить. Да и ей самой... одна ведьма против всей Белой башни — это ещё хуже, чем Эрна против Виринеи...

Волшебница, верно, развязала девочке руки... она же добрая!.. Может, пыталась убедить поехать по своей воле... что с Эрной сейчас? Связана ли она или оглушена?

Ох, доченька, доченька!.. Кто ж мог подумать, что с тобой стрясётся... такое?!

Если надо... Магда понимала, что поедет и одна. Но много ли пользы будет Эрне, если её мать выжгут белые маги?

Ей нужна помощь.

Помощь... но чья?!

Кто мог пробраться через Пустошь, проникнуть в Башню, похитить ребёнка, которого, небось, и охраняют...

Кто...

Ответ пришёл сразу.

Ответ был с ней всё то время, которое она раздумывала и сомневалась.

Виль.

Вот единственный человек, который может пройти куда угодно, сделать что надо и выйти обратно — одним или с тем человеком, за которым пришёл.

Но его скоро повесят.

Если его повесят, Эрна будет плакать.

Если узнает.

А сейчас надо позаботиться об Арне. Оборотень забылся, замер, тяжело и прерывисто дыша.

Долго он не протянет.

Что же с ним Виринея сделала?..

...если Магда останется лечить Арне, для Эрны может стать слишком поздно... Кто знает, что сделают с похищенным ребёнком в Белой башне?..

Магда сняла плащ, подложила под голову оборотню. А после встала и побежала по лесу через лес на край деревни, к отдельно стоящему дому. Заколотила в дверь.

— Кого ещё Враг несёт? — недовольно спросил знахарь.

Верно подмечено.

— Исвар, открой! Исвар, это я! Открой, пожалуйста!

Дверь отворилась.

— Магда? — хмыкнул знахарь, смеривая женщину знакомым изучающим взглядом. — Зачем пожаловала?

— Исвар, прошу тебя! Мне нужна твоя помощь! Пойдём со мной! Скорее!

Знахарь фыркнул и вышел во двор.

— Веди, — коротко предложил он.

* * *

Вместе они оттащили оборотня в дом знахаря, раздели, уложили на охапку соломы, укрыли одеялом, под которым Арне затрясся мелкой дрожью.

— Что с ним, знаешь? — спросил Исвар.

Магда вздохнула. Она предпочла бы обмануть знахаря, но пользы тогда от него?..

Исвару и так многое известно, но ещё ни разу не проболтался...

...кто знает, что он думает и о чём?..

— Белая магия, — призналась ведьма. Знахарь хмыкнул.

— Я думал, она для лечения, а не драки, — сказал он. Магда вздохнула ещё тяжелее.

— Он оборотень.

— Вот как.

Исвар присмотрелся к тяжело дышащему Арне.

— А, так это тот рыцарь, что давеча поймал нашего Виля. Ты слышала? Говорят, на сей раз точно повесят.

Или четвертую.

— Да, это он, — кивнула Магда.

— Что ж он так? Я думал, у вас братство.

— Долго рассказывать, — отмахнулась ведьма.

— Я никуда не тороплюсь.

— Я тороплюсь! Белая волшебница похитила мою дочь! Я не могу сидеть тут и болтать!

Вспышка не произвела на знахаря никакого впечатления.

— Чудные дела, — медленно проговорил он. — Обратни посвящённых ловят, белые волшебницы детей похищают... не иначе как конец света скоро.

— Он за меня боялся, — сдалась ведьма. — Хотел поймать Виля, пока...

— Пока его у тебя не нашли? — подхватил знахарь и ведьма в испуге отшатнулась. — Брось, тут догадаться нетрудно. У кого он мог прятаться, как не у тебя? Вы всегда вместе мне попадаетесь, и дом твой кто-то поправил. Сколько лет по лесу хожу, таких духов, которые бы заборы чинили, не видал. Да и встречал я его с твоей дочерью, издалека заметил.

Вот ведь!..

Никто не видел, а этот умудрился разглядеть!

— Да, поэтому, — созналась Магда. — Он... это я сделала его обратнем.

— Виля, что ли?

— Нет, Арне!

— А. Ну, продолжай.

— Он хотел мне помочь, — пожала плечами ведьма. Можно ли доверять знахарю? Можно ли хоть кому-нибудь доверять?!

— И как, получилось? — совершенно спокойно спросил знахарь. Магда покачала головой.

— На что мне его лечить? Поймал нашего Виля, тебе помешал. Не проще ли выкинуть за ворота, пустьдохнет себе в лесу?

У Магды перехватило дыхание, она схватила знахаря за руку.

— Я прошу тебя, помоги! Что... что ты хочешь?!

Знахарь стряхнул её руку резким движением. Мольбы его не трогали.

— Расскажешь мне что-нибудь, — предложил он. — А я подумаю.

— Что ты хочешь знать?

— Пока не знаю. Про этих тварей расскажи. Никогда не лечил обратней, да ещё и от белой магии. Интересно будет попробовать.

— Ты... ты возьмёшься?

— Подумаю. Кто его знает, как лечить твоего волка. Помрёт ещё у меня в доме... у меня ещё никто не умирал.

— Потому что ты всех умирающих за ворота выкидываешь? — бросила ему в лицо разозлённая ведьма. Знахарь побледнел от гнева и указал ведьме на дверь.

Магда заставила себя успокоиться.

— Прости, — тихо сказала она. — Спрашивай.

Знахарь снова смерил её взглядом. Кивнул на лавку рядом с соломой. Ведьма покорно села. Арне застонал.

— Бер... Бертильда... — прошептал он.

— О ком он? — тут же спросил Исвар.

— Обо мне, — с трудом сдерживая раздражение, ответила Магда. — Так называли меня при рождении, когда посвящали Заступнику.

— А когда посвящали Врагу, называли Магдой? — уточнил знахарь.

— Освободителю, — неожиданно для себя поправила ведьма. Исвар хмыкнул.

— Бертильда... — простонал рыцарь и как-то странно заворочался. Знахарь вдруг

выругался и рванул с Арне одеяло. Магда ахнула и прижала ладони к щекам. По рубашке рыцаря расплывалось кровавое пятно.

— Заступник... — прошептала ведьма и тут же поправилась. — Освободитель... это же...

— Он не был ранен, когда мы принесли его сюда, — раздражённо напомнил знахарь, не столько для ведьмы, сколько чтобы напомнить себе самому, как всё было.

— Нет... он был ранен... вот сюда, в живот... когда я сделала его оборотнем... Освободитель... это же белая магия... как я не догадалась...

Белая магия отменяет колдовство или чёрную магию.

— Помрёт, — равнодушно подытожил знахарь. — От таких ран не оправляются.

— Нет, — не верила своим глазами ведьма. — Это не может быть... не должно быть так... он же... я же...

— Горячо... — выдавил рыцарь. — Холодно... Бертильда... не уходи... мне холодно...

Магда под села ближе, взяла рыцаря за руку. Рука была холодная и влажная.

— Сиди, — решил знахарь. — Я пойду за священником.

— Нет! — встрепенулась ведьма. — Нельзя! Он же...

— Священника... — простонал рыцарь. — Бертильда... пожалуйста...

— Видишь, — кивнул на него Исвар. — Просит. Посиди с ним. Я быстро схожу.

Он вышел, хлопнула дверь.

— Я умираю? — неожиданно внятно спросил Арне. Ведьма всхлипнула.

— Нет! Ты не умрёшь, ты не можешь умереть, я не хочу!

— Я умираю, — прошептал рыцарь уже уверенно. — Прости... я не смог тебе помочь... я подвёл тебя...

— Не думай об этом, — взмолилась Магда. Она судорожно думала о том, что тут можно сделать. Но... оборотней рядом нет. Никого нет, только она. Бежать в лес, молиться? Но ведь лес уже дал ей всё, что мог, в отношении Арне. Теперь... теперь всё.

— На этот раз будет священник, — слабо улыбнулся рыцарь. — Моя... моя душа отойдёт к Заступнику... Если... если бы я мог помочь тебе... Прости...

— Тебе больно? — глупо спросила Магда.

— Уже... уже нет, — с искаженным лицом солгал рыцарь.

— Маленький мой, — погладила его по руке ведьма. — Я не смогла тебе помочь.

— Нет... нет...

Он застонал и скорчился, потом снова распрямился.

— Она... она следила... за ней... де... за девочкой... в зеркало... ник... никто не знал... я подсмотрел... не х... не хотела приводить от... отряд... к тебе... но... он... он был... всё время с тобой... или с девочкой... смотре... ла... смотрела и смотрела... а он... с девочкой... и ты... не... не против... и она... она... решила... ты... предалась злу... он... он зло... убил меня... теперь... я уми... я умираю...

— Нет, нет! — рыдала Магда. — Не умирай!..

Дверь отворилась. В хижину знахаря вошёл отец Керт.

— Где страждущий? — спросил он, потом посмотрел на ведьму, сжимающую руку рыцаря. — Оставь нас, дочь моя.

Ведьма посмотрела на него непонимающим взглядом.

Знахарь вошёл следом за священником, разжал руку Магды, поднял её на ноги и насильно вывел во двор.

— Интересно, — хладнокровно заметил он, даже не пытаясь успокоить рыдающую у него на груди женщину. — Значит, говоришь, белая магия отменила твоё колдовство? Через семь лет, правда? Жалко, конечно, что мне не пришлось лечить оборотня... Если господина Вира ранят, позови меня, хорошо? А, может, они чем-то болеют?.. зубы... простуда... живот... хвост?.. Ты много знаешь оборотней? Можешь познакомить?

Магда его не слышала, она рыдала так, что почти ослепла от слёз, а знахарь сам с собой рассуждал о том, чем болеют оборотни и от чего их всё-таки можно было бы лечить.

Дверь отворилась.

— Пойди к нему, дочь моя, — сказал отец Керт, выходя из хижины. — Он зовёт тебя.

* * *

Арне умер на рассвете, до конца сжимая руку женщины, которую любил.

Глава восьмая

Распад союза

Прошла неделя с того дня, как уехал Клос. Нора страшно боялась за мужа, но на людях ей приходилось скрывать тревогу. Она проводила целые дни в своём таблиннии, с помощью Веймы изучая законы логики.

А потом приехал Вир.

Он вошёл в дом Фирмина в Сеторе, обнялся с женой, которая почуяла его ещё издали, вытерпел её пристальный взгляд. Нора спустилась следом за советницей и терпеливо ждала, когда оборотень соизволит обратить внимание на свою госпожу. Но Вир как будто не торопился.

— Идёмте в таблинний, — предложила Вейма. Ноздри её раздувались. От Вира пахло победой, ликованием, битвой и, в не меньшей степени, беспокойством. В мыслях его мелькал бой, дорога и снова бой, одно накладывалось на другое. Боль, кровь, на которой Вейма постаралась не сосредотачиваться. А ещё там было ещё что-то, что Вейма не могла выразить словами.

* * *

Едва дождавшись, когда Нора сядет, Вир принялся рассказывать. Он говорил коротко и сухо и в его изложении всё было совсем не сложно. Несложно было ехать налегке, скрываясь от посторонних взглядов эдакой толпе народу. Несложно было разведке отыскивать места для ночлега, выслеживать врага,двигающегося окольной дорогой. Несложно было решиться на ночной штурм. Несложно было драться с проснувшимися от налёта, не готовыми к бою людьми... несложно было и столкнуться с теми, кто не спал, кто был готов к бою и кто едва не убил Вира... убил бы, не будь тот оборотнем.

— А Клос?! — перебила его Нора. — Он... он... как он?!

— Жив, — хмыкнул Вир. — Не ранен. Переломил ход сражения, когда нам уже приходилось худо. Вы можете гордиться своим мужем, ваша милость.

Щёки баронессы залились румянцем и Вейма невольно облизнулась.

— Что... что нам делать теперь? — спросила Нора, пытаясь собраться с мыслями.

— Я пойду к графу цур Вилтину, — сказал Вир, — попрошу его созвать совет, и расскажу о том, что произошло.

— Я и сама могу созвать совет, — удивилась Нора.

— Не в этом случае, — покачала головой Вейма, которая чуяла мысли мужа так ясно, как если бы они были её собственными.

— Будет лучше, если вы не будете иметь к этому отношения, — пояснил Вир. — Ведь графство Дитлин было захвачено не Фирмином, а рыцарем Клосом, который мстил за оскорбление.

* * *

Совет был собран на следующий день. Накануне Вир успел побывать у графа цур Вилтина, баронессы цур Кертиан и барона цур Ерсина. Не то чтобы они были очень довольны принесёнными новостями... но что-то менять было уже поздно.

— Бароны, — начал Вир, добившись разрешения говорить. — Меня послал к вам рыцарь Клос, сын графа цур Вилтина. На ристалище Сетора ему была нанесена жестокая обида Адалриком, сыном графа цур Дитлина. Адалрик отказал ему в праве поединка, поэтому рыцарю Клосу пришлось следовать за ним, чтобы отомстить за нанесённую обиду.

Вир помолчал, давая баронам, не знавшим о случившемся, время подумать, в чём могла выражаться месть.

— Рыцарь Клос захватил Вардулу, замок графа цур Дитлина, и вскоре прикажет его разрушить. Он занял земли рода подлеца и предателя и заявляет, что потомки цур Дитлина не будут править в графстве. И он передаёт союзу баронов две деревни, ранее принадлежавших графу. Одну деревню он дарит своей жене: когда они поженились, у него не было ничего, что он мог бы передать ей в качестве утреннего дара^[42]. Он преподносит его сейчас.

Нора степенно кивнула.

— Может ли баронесса цур Фирмин принять такой дар? — спросил барон цур Тиллиан, хмурясь на Нору.

— Может ли она отвергнуть подарок мужа? — в тон ему спросил граф цур Вилтин.

— Я клялась, что увеличу свои владения не более чем на одну деревню, — напомнила Нора. — Клос дарит мне одну, завоёванную его мужеством.

— А вторую забирает себе, — продолжил хмуриться барон цур Тиллиан.

— Это его решение, я не могу указывать мужу, что ему делать, — с тем же спокойствием отвечала Нора. Голос её не дрожал, но сердце билось так бешено, что Вейма рядом с ней почти задохнулась.

Барон цур Абеларин молчал, глядя на Вира с мрачным подозрением. Он был одним из тех, кто перешёл на сторону самозванца тогда, семь лет назад, и на него должен был быть направлен второй удар... если он только даст повод.

— И мы спустим им это с рук?! — рассердился граф цур Лабаниан. — Всякий рыцарь сможет грабить нас, нарушая священный мир?!

— Нельзя запретить рыцарям защищать свою честь, — нахмурилась баронесса цур Кертиан. — Если рыцарь сносит обиды, у него нет чести, а если у него нет чести, его клятвы ничего не стоят.

— Много ли чести в разбойничьем нападении?! — не унялся граф цур Лабаниан. — Если мы позволим рыцарям нападать на наши замки, они перебьют нас по одному.

— Рыцарь Клос не убил никого из семьи графа цур Дитлина, — ровным голосом возразил Вир. — Он не напал на замок графа, когда тот был жив, он бился с графом в честном бою.

— Мы должны подумать, — вмешался граф цур Ладвин, — как мы распорядимся деревнями, которые передаёт нам рыцарь Клос. Надо назначить шателена, который будет ими заниматься.

Вир кашлянул.

— Говори, — приказал ему граф цур Вилтин.

— Деревни в Дитлине разорены, — сказал Вир. — Решать совету, но я бы посоветовал избавиться их от налогов. Им нечего отдать. Граф отбирал у них последнее. Рыцарь Клос

отдаст им часть запасов, захороненных в замке, но многое уже отдано графом и многое продано.

— Мы подумаем над этим, — заверил его барон цур Тиллиан.

— А что ты делал с рыцарем Клосом? — вдруг подозрительно спросил граф цур Лабаниан. — Ведь ты вассал барона цур Фирмина.

— Баронесса, — кивнул на Нору оборотень, — попросила меня сопровождать её мужа, который был ранен в бою с графом цур Дитлином, но всё же вынужден мстить новому оскорбителю.

Граф цур Лабаниан хотел что-то сказать, но покосился на цур Вилтина и цур Ерсина и промолчал.

— Ты должен передать рыцарю Клосу, что он совершил непозволительный поступок, — сказал барон цур Ерсин. — Только оскорбление, которое нанёс ему Адалрик, может оправдать его нападение на замок графа цур Дитлина.

Вир коротко поклонился.

— У баронессы цур Кертиан, — сказал граф цур Вилтин, — достойные сыновья. Мы могли бы предложить рыцарю Рикерту взять на себя управление деревнями, перешедшими во владения союза.

— Нет! — топнул ногой граф цур Лабаниан. — Вы, что, не видите?! Барон цур Тиллиан! Граф цур Ладвин! Барон цур Абеларин! Эта маленькая безродная еретичка сговорила с папашей своего мужа, с баронессой цур Кертиан и бароном цур Ерсинем! Они уже прикидывают, как поделят наши владения!

Барон цур Тиллиан нахмурился, граф цур Ладвин беспокойно покосился на покрасневшую от гнева Нору.

— Вы не так поняли... — начал было граф цур Вилтин.

— Готтард цур Лабаниан прекрасно тебя понял, — поднялся со своего места барон цур Абеларин. — Кто следующий по вашему плану? Я? Или он? Или вы обойдётесь без предлогов и нападёте на Ладвин? Он удобнее расположен.

— Мы не планируем на вас нападать, — заговорила баронесса цур Кертиан.

— Нет? — перебил её цур Абеларин. — Но вы поддержали разграбление Дитлина!

— Он оскорбил... — начала было Нора.

— Он сказал правду! — закричал цур Лабаниан. — Ты, безродная дрянь, твой муженёк — младший сын, нанявший банду разбойников! Вы сговорились за нашей спиной! Вы обещали баронессе две деревни, а что цур Ерсину?! Что следующим будет не он?! Я покидаю совет! Я разрываю наш союз! Берток! Ты присоединишься ко мне?!

Барон цур Абеларин подошёл к графу цур Лабаниану.

— Граф цур Ладвин, барон цур Тиллиан? — спросил он. — Неужели вы поверите предателям?

Граф цур Ладвин и барон цур Тиллиан чувствовали себя неуверенно. Они были родичами и друзьями барона цур Ерсина, а он не собирался куда-то уходить.

— Я клянусь, — тихо сказала Нора, — мы никогда не планировали нападать ни на Ладвин, ни на Тиллиан. Я... мой отец всегда ценил вашу дружбу. И я никогда...

— Помолчи, девочка, — посоветовала ей баронесса цур Кертиан и повернулась к цур Ладвину и цур Тиллиану. — Барон цур Абеларин — изменник, каким был и цур Дитлин.

— Граф цур Лабаниан продал нас братьям-заступникам, — не утерпела Нора. — У меня есть доказательства его предательства и их планов. Они хотели захватить Тафелон.

— Ты, еретичка! — бросил ей в лицо граф цур Лабаниан. — Ты оскорбляешь воинов Заступника!

— Сам посланец святейшего папы поддержал меня! — вскочила на ноги Нора.

— И где он, этот посланец?! — отмахнулся цур Лабаниан. — Тот нищий монах, который кричал на ристалище?! Сколько ты ему заплатила и куда дела?

— Это посланец папы отец Сергиус! — не сдавалась Нора. — Он раскрыл заговор покушение на святейшего папу и уехал, чтобы спасти его!

— Ложь! — побагровел цур Лабаниан. — Не было никакого покушения!

— Было! Братья-заступники вместе с разбойниками пытались убить меня и моих людей!

— Так тебя или святейшего папу? — спросил до того молчащий граф цур Ладвин.

— Здесь, в Сеторе — меня, — пояснила баронесса цур Фирмин. — В Нагбарии, куда прибыл святейший папа — его. Они убили заложника, чтобы поссорить наши страны.

— Жалкая ложь, — выплюнул граф цур Лабаниан.

Барон цур Абеларин и граф цур Лабаниан вышли, дверь за ними с грохотом захлопнулась. Граф цур Ладвин и барон цур Тиллиан остались, как остались барон цур Ерсин, баронесса цур Кертиан и граф цур Вилтин.

— Задумано неплохо, — нарушила баронесса цур Кертиан наступившую тишину. — Но не вышло. Что будем делать дальше?

— Я знаю графа цур Лабанана, — сказал Вир. — Он не успокоится и не даст успокоиться цур Абеларину.

Граф цур Ладвин и барон цур Тиллиан обменялись несколькими тихими словами, потом цур Тиллиан поднялся.

— Граф, — кивнул он на цур Вилтина. — Барон. Баронессы. Мы не хотим вражды, но и мира не видим. Мы уезжаем в свои владения.

— Постойте!.. — поднялся барон цур Ерсин.

— Ты с ними? — тихо спросил цур Ладвин. Барон цур Ерсин кивнул и отвёл глаза. Граф цур Ладвин и барон цур Тиллиан переглянулись.

— Между нами родство... — сказал цур Тиллиан. — Что же... до встречи, родич.

Граф цур Ладвин кивнул, соглашаясь с бароном цур Тиллианом.

Они ушли.

— Вот и всё, — тихо сказал цур Вилтин. — Конец нашему союзу.

— Они не присоединятся к цур Лабаниану, — хмуро сказал цур Ерсин. — Никогда.

— Когда-то много лет назад, — вдруг сказала баронесса цур Кертиан, обращаясь к Норе, — твоему отцу пришлось отказаться от брака со мной. Дядюшка графини цур Хардвин, старый змей, не дал людей, без которых союзу не хватало сил, чтобы покончить с разбойниками. Потребовал, чтобы Алмарик женился на его племяннице. Мне пришлось выйти замуж за одного из рыцарей моего отца... Мы так надеялись, что наши дети будут жить в мире.

— Я... начала было Нора, но осеклась. — Простите.

— Что теперь говорить... Надо думать, что будет дальше.

— Пойдёмте в таблинй её милости, — предложил Вир. — Там есть карта Тафелона.

— Что ты говорила про святейшего папу, девочку? — спросил в таблинни барон цур Ерсин.

Нора передёрнула плечами.

— К нам приехал его посланец, отец Сергиус, — ответила она. — Очень умный и влиятельный человек. Он предложил мне свою помощь, если я помогу ему разоблачить заговор братьев-заступников. Я согласилась. Он... он говорил... говорил, что ожидает отряд... он хотел воевать с братьями-заступниками.

— Много один отряд стоит, — фыркнула баронесса цур Кертиан.

— Он говорил, что это отряд вейцев^[43], — вспомнил Вир.

Все замолчали, граф цур Вилтин неодобрительно взглянул на невестку, забывшую про подобную «мелочь». Вейцы сражались всегда пешими, всегда тяжело вооружёнными и победить их можно было только при пятикратном перевесе... и то не всегда. Услуги вейцев стоили очень, очень дорого, не каждый король мог нанять хотя бы небольшой их отряд.

— Пока ему нужна помощь, он обещал, — покачала головой баронесса цур Кертиан. — А теперь, удалось ли ему спасти святейшего папу, да даст ли папа отряд... Если сидеть и ждать, граф цур Лабаниан превратит наши замки в развалины.

— Лабаниану понадобится не меньше недели, чтобы подготовиться к нападению, — сказал граф цур Вилтин.

Вир покачал головой.

— Мне следовало сказать об этом прежде. Но я не придавал никакого значения тому, что услышал в Лабаниане. Я был там, когда разыскивал лекаря для господина Клоса... Врени, которую ваша милость отпустила по просьбе отца Сергиуса. И там слышал крестьянские разговоры... Они говорят, что едва успели хлеб обмолотить и в амбары ссыпать, ещё много работы в поле да в садах осталось... Но братья-заступники пустили людей по деревням, по жребию чуть не каждого второго мужика собрали, держат в большом сарае — говорят, святое ополчение. Рассказывают, их целый день то молиться заставляют, то строем с палками ходить, и кормят хлебом да водой, хорошо, если яблок подкинут. А ведь и год урожайный был. По деревне братья-писари ходят, всю еду на учет поставили и рассчитали, сколько людям на год нужно, чтобы не сдохнуть да отсеяться по весне. Остальное велят на телеги грузить, да везут в Нандулу, замок графский, а и там, слышно, тоже всем монахи командуют, никто и пикнуть не может. И кузнецам по всему графству велено наконечники для стрел да копий ковать, кожевники да портные одежду для боя шьют... то ли всем графством в Святые земли нацелились, то ли на Пустошь войной идти — никто не знает. Были такие, кто говорил, Враг-де со всем его воинством на землю вернется, на него во имя Заступника войной двинемся.

— И ты молчал?! — вскинулась Нора.

— Я думал, кто воюет на зиму глядя, — пожал плечами Вир. — Да и кого крестьяне напугают... идти против других баронов цур Лабаниан бы побоялся, не решился бы выйти из союза, тогда на него набросились бы все...

— Вы дали графу цур Лабаниану повод, которого ему не хватало, — заметил цур Вилтин. Нора опустила голову. Вейма знала, что позже, наедине, баронесса набросится на своих слуг с упрёками, но перед равными Норе оставалось только извиняться.

— Барон цур Абеларин, конечно, здесь не останется, — спокойно проговорил Вир, кивая на карту. — У него с собой небольшой отряд, для почёта, а не для боя. Ему сейчас лучше всего уходить к себе. Там монастырь братьев-заступников, там захваченный

монастырь братьев Камня, там и Хардвин... Я слышал, о свадьбе молодого наследника с внучкой графа уже всё сговорено... Так что север Тафелона мы потеряли... Один рыцарь цур Ортвин против них не выстоит, если и захочет.

— Вернётся к себе, а потом? — с ужасом спросила Нора.

— Соберётся и ударит по Фирмину, — хладнокровно ответил оборотень. — Куда ему ещё-то идти? Остальные земли на юге.

— Ты уверен? — с сомнением спросил граф цур Вилтин. — Ты уже допустил ошибку с цур Лабанианом.

Шателен Ордулы пожал плечами.

— Пошлите людей проследить за ним, ваша светлость, они подтвердят мои слова. Я не думаю, что барон сможет быстро собраться. Братья-заступники не имеют такого влияния на его землях, как в Лабаниане, а баронство истощено выплатой компенсации совету и недавней войной.

— В Фирмин! — перебила его Нора. — И ты так спокойно об этом рассуждаешь?!

— Ваша милость, — мягко ответил оборотень, — если вы посмотрите на карту, вы увидите, что пора волноваться не о ваших землях, а о вас самой. Граф со своей армией, братьями-заступниками и согнанными мужиками будет под Сетором через неделю, не позже.

— Я еду домой! — выкрикнула Нора.

— Заварила кашу и в кусты? — бросила ей баронесса цур Кертиан. — Разве можешь ты, дочь своего отца, бежать от опасности, как нашкодившая кошка?!

— Для цур Лабаниана Сетор — ключ к остальному Тафелону, — заметил внимательно разглядывавший карту барон цур Ерсин. Графство Лабаниан занимало практически весь северо-запад страны, но на востоке местность в нём была гористая, неудобная для лошадей, да и людям не слишком приятная. Хорошая дорога шла мимо Сетора, откуда можно было пройти на юго-восток, в Ерсин, а из него в южную часть Вилтина. Другое направление велс на восток, через город Вибк в Вилтин, третье — на северо-восток, в общее владение Корбиниан, а за ним в Фирмин. Тиллиан лежал от Ерсина на юго-западе, Ладвин — на юго-востоке, а ещё восточней и южней располагался Кертиан.

— Разумней всего для графа цур Лабаниана ударить по Ерсину — сразу, как он займёт Сетор или одновременно с этим, если людей хватит, — заметил граф цур Вилтин. — Идти ко мне мимо Ерсина бессмысленно, барон может по нему ударить. Ладвин и Тиллиан... Ты уверен, что он с ними не договорится за нашей спиной?

Барон цур Ерсин покачал головой.

— Они не станут ему помогать против меня, — угрюмо сказал он. — Но и к нам тоже не присоединятся... Он договорится с ними позже, когда наши силы будут сломлены и определится победитель.

— Ну, смотри. Нам нелегко придётся, если они ударят тебе в спину.

— Собрать людей — дело небыстрое, — вместо ответа произнёс барон цур Ерсин. — наших сил здесь не хватит.

— Я уверен, он не двинется дальше, пока не возьмёт Сетор, — настаивал Вир.

— А ты молчи, — прикрикнул на него барон цур Ерсин. — Это ведь твой отряд Клос увёл в Дитлин. Это ты подбил и Клоса, и Нору. Задурил девице да юнцу головы.

— Не время ссориться, — остановил его граф цур Вилтин.

— Позовите Клоса и его головорезов обратно, — предложила баронесса цур Кертиан. —

Сам заварил, пусть сам и расхлёбывает, не всё же ему Дитлин грабить. Вот вам и люди, и отряд готов к бою, а, Вир?

— Да, ваша милость, — склонил голову оборотень.

— Надо прикрыть Ерсин и дорогу на Вилтин, — произнёс граф. — Я поеду к себе соберу людей и приведу к границам Ерсина.

— А Фирмин?! — не выдержала Нора. — Я привела сюда половину гарнизона Ордулы! Барон цур Абеларин возьмёт мои земли за день!

— Что ж ты раньше не думала, — пробормотала баронесса цур Кертиан.

— Барону надо ещё добратся до Абеларина, — успокоительно проговорил Вир, — да ещё хоть пара дней на сборы у него уйдёт. На деле-то дольше, он, в отличие от графа цур Лабаниана, заранее не готовился. Недели две будет. Потом дорога...

— А потом?! — взвизгнула Нора.

Баронесса презрительно хмыкнула.

— Я поеду к себе, — предложила она, — а оттуда отправлюсь в Фирмин хоть с небольшим отрядом и прикажу моим людям собираться и ехать за мной. Мои земли далеко от Лабаниана.

— О, — поперхнулась Нора, — не знаю, как вас и благодарить...

— Помолчи, сделай милость, — резко ответила ей баронесса цур Кертиан. — Наши семьи давно стоят друг за друга и, пока жив твой отец, так и будет.

— Я поеду в Фирмин, — предложил Вир, — и подготовлю людей к защите.

— Ты уедешь?! — перепугалась Нора. — А как же я?! Кто останется со мной?!

— Я к вашим услугам, — с усмешкой поклонился ей барон цур Ерсин. — Не бойся, девочка, одну тебя не брошу.

Нора молча кивнула. Она смертельно побледнела и стояла, комкая в руках дорогой шёлковый платок. Война. Она довела страну до войны. Ещё вчера всё казалось игрой. Сегодня — нет.

— Граф цур Лабаниан и барон цур Абеларин, быть может, ещё не уехали! — спохватилась молодая баронесса после долгого молчания. — Мы можем закрыть ворота и задержать их. Тогда не придётся сражаться!

Граф цур Вилтин покачал головой.

— С графом цур Лабанианом большой отряд. Мы зальём город кровью, если попытаемся их остановить.

— К тому же это уронит нас в глазах цур Тиллиана и цур Ладвина, — хмуро добавил барон цур Ерсин. Он ещё раз оглядел карту. — Пойду в ратушу. Надо готовиться к обороне... Или к осаде. Граф, баронессы. Моё почтение.

Он вышел.

— Я тоже пойду, — сказал цур Вилтин, как и барон, внимательно оглядевший карту. — Где-то на востоке бродит Арне с отрядом да с волшебницей, ловят убийцу нагбарского заложника. Знать бы, где они, вызвал бы сюда.

— Там не так много людей, — пробормотала Нора. Граф пожал плечами и вышел из табиния.

Баронесса цур Кертиан смерила Нору испытывающим взглядом.

— Не вешай нос, девочка, — грубовато сказала она. — У Сетора крепкие стены. Считай, урок тебе. справишься, молодец, не справишься... Граф цур Лабаниан наверняка потребует выкуп с твоего отца.

Она вышла, дверь за ней захлопнулась.

— Слышали? — горько бросила Виру и Вейме Нора. — Вот куда привели ваши советы!

— За Клосом отправьте Вейму, — предложил Вир, и не думая оправдываться. — Она долетит до конца дня и вернётся к вам.

Перепуганная Нора схватила вампиршу за руку.

— А я?!

— А вы, ваша милость, займитесь городом, — предложил Вир. — Здесь, кроме стражников и ваших людей, есть ещё и отряды, которые подчиняются совету... подчинялись. Вы должны их уговорить отстаивать город вместе с вами.

— Как?!

— Убедите их, что цур Лабаниан их враг, — пожал плечами Вир, — что под его властью им не понравится... Что братья-заступники покажут всем царствие Заступника...

— Казните пленников, которых держите в подвале, — предложила молчавшая до того Вейма. — Они рассказали всё, что могли, их слова записаны и подписаны. Казните их и Сетор будет стоять до последнего, иначе братья-заступники его сожгут дотла.

Нора уставилась на вампиршу так, будто видела её впервые. Совет показался молодой баронессе разумным, но то, что его дала именно Вейма, было удивительно.

— Хорошо, — кивнула Нора, совладав с собой. — Вир, я дам тебе письмо для гарнизона, а ты напиши письмо Вейме для своего человека. Я тоже напишу, для Клоса. Вейма, прежде, чем отправиться, расскажи, к кому обращаться в ратуше насчёт казни.

— Я отправлюсь ночью, — сообщила Вейма, — до того можете на меня рассчитывать.

Оборотень покачал головой.

— Нет времени ждать. Увар... Клос должен быть здесь как можно раньше. Расскажи Нор... её милости, что знаешь, и отправляйся сейчас.

Женщины посмотрели на него с ужасом.

— Сейчас?! — взвизгнула Нора.

— Днём?! — ахнула Вейма.

— Передай её милости знания и отправляйся сейчас, — настаивал оборотень.

Лицо вампирши перекосила злая улыбка.

— Ваша милость, — со вздохом сказала она, — посмотрите на меня.

Нора и не хотела смотреть, но её как будто притягивало к чёрным глазам вампирши. Она отворачивалась, жмурилась и всё же посмотрела. Её закружил водоворот образов, представлений, лиц... всё то, что надо было знать, чтобы вести дела с ратушей.

— Ты... — зашипела выпавшая из вороха чужих воспоминаний Нора. — Не смей! Никогда не смей так со мной поступать.

— Вы хотели знания — вы его получили, — пожалала плечами вампирша. — Вир...

Баронесса видела, что оборотень мог бы заслониться, если бы хотел. Мог бы закрыть от жены свою душу. Но терпел и её сверлящий взгляд и...

Вейма шагнула, нет, скользнула к Виру, не переставая смотреть ему в глаза. Прильнула к груди и впилась в губы таким бесстыдно-жадным поцелуем, что Нора отвернулась. Это было непристойно.

— Идём, — чуть-чуть хрипло сказал оборотень, когда поцелуй прервался. — Надо найти тебе место, откуда ты сможешь улететь... и её милость ещё не написала письмо супругу.

— Ты тоже напиши, — потребовала Нора. Может, это и к лучшему, что Веймы тут

какое-то время не будет. То, что она вытворяла, было... было...

Вампрша уловила мысли госпожи и довольно рассмеялась. Её распирала отнятая во время поцелуя сила.

* * *

Дни были промозглые, противные, приходилось кутаться в плащи, да держаться поближе к разведённым во дворе кострам. Замок, хоть и был взят, но не был обжит. Говорили, что господин Клос не собирается в нём жить, что скоро они уйдут отсюда в самое сердце Дитлина, что замок велит разобрать местным крестьянам, что Клос велит раздать по деревням всё зерно... говорили многое. Люди знали только одно: расслабляться не время. Они не селились в домах, не пытались их обживать и в замке сохранялась походная атмосфера.

Когда выдался, наконец, тёплый денёк, Врени, закончив возиться с выздоравливающими ранеными, захотела прогуляться за ворота. Дака, которая чуяла цирюльницу будто загривком, немедленно увязалась за ней, а с девушкой тут же вприпрыжку прибежал Фатей.

У самых ворот они встретили Иргая. Он улыбнулся девушке и хмуро покосился на цирюльницу. Сказал что-то на своём языке. Дака покачала головой.

— Вместе идём! — энергично сказала она. — Говори понятно для всех!

— Куда идёте? — хмуро повторил Иргай уже на языке Тафелона.

— Гулять идём! — ответила Дака вместо Врени и широко улыбнулась. — Солнце светит, тепло, хорошо!

— Темнеет, — возразил Иргай. — Незачем гулять. Места чужие.

— Оставайтесь, — предложила Врени. — Я одна пройду. Я тут бывала, знаю, где что.

Дака так замотала головой, что хлестнула себя по плечам косами.

— Вместе идём!

— Нечего одной ходить, — поддержал её Иргай. — Здесь ждите. Потом пойдём.

Врени закатила глаза.

— Иргай прав! — сказала Дака. — Мы тут чужие. Нечего одной ходить.

Цирюльница промолчала. Половина отряда караулила окрестности, пока вторая половина отдыхала. Потом они менялись. Мимо них не проходил, не проезжал, не пробегал буквально никто, даже купца, собравшегося ехать через Дитлин в Сюдос, остановили и развернули, чтобы ехать в обход, хотя, казалось бы, кому мешал несчастный торговец посудой?..

К замку никто не мог бы пройти незамеченным и всё же по одному за ворота никто не ходил и тем более не отпускали без присмотра женщин отряда. Врени, правда, считала, что на неё это не распространяется.

Когда они дождались Иргая, солнце спустилось уже низко. Юноша пришёл с мечом и таким же странным луком, какой Дака в ночь штурма отобрала у младшего брата.

— Теперь идём, — сказал Иргай, смерив цирюльницу не слишком приветливым взглядом. Врени уже расхотелось гулять, но из упрямства она не стала в этом признаваться. Толпы раздражали её. Сейчас можно прогуляться, пусть не одной, но хоть всего-то с тремя людьми. Потом такой возможности не будет.

Едва они шагнули за ворота, как Иргай, а за ним Фатей как будто изменились.

Подтянулись, посмурнели, как будто даже напряглись. У Врени испортилось настроение. Она зашагала вперёд, торопясь поскорее дойти до пригорка, который заприметила ещё днём. Дошла первая, расстелила плащ и уселась, хмуро глядя на замок, торопясь насладиться мгновениями одиночества. Недолго.

— Зачем гулять, если сидишь? — укорила её Дака, усаживаясь рядом. Она развернула принесённый с собой свёрток, достала нарезанной соломы и принялась что-то из него плести.

— Подальше ото всех, — пояснила Врени, отворяясь.

— Подальше, ой, подальше, — покачала головой девушка. Фатей, наработавшийся за день, уселся рядом с сестрой, а вот Иргай встал поодаль, хмуро поглядывая по сторонам. — Ты странная. Зачем подальше? К людям поближе надо быть!

— Привыкла, — лениво отозвалась Врени. — К людям поближе — скоро начнут коситься.

— Зачем коситься? — вмешался Иргай.

— Их спроси, — буркнула цирюльница.

— Ой, нехорошо, — нахмурилась Дака. Её руки так и мелькали в сгущающихся сумерках, вылетая что-то из соломы. Врени заметила, что взгляд Иргая, скользящий по окрестностям, нет-нет, а возвращался к рукам девушки. Тогда в его глазах загорался какой-то странный огонёк.

Фатей что-то спросил на своём языке, Дака ответила, потом засмеялась.

— Без людей плохо быть, — убеждённо сказала она. — Отец, мать когда умерли, Фатей вот такой был.

Она показала невысоко от земли.

— Старшие сказали — нет тут ничего вашего! Вас роду кормить-поить придётся! Сами себе ничего не сделаете! Мальчишку к Гаталу в семью отдадим, пусть там живёт. Сама к Агару иди! Младшей женой иди! Сейчас маленькая, потом вырастешь. Еду, ласку отработаешь. Я — ух! Фатей отдать! Младшей женой идти! Ух! Лук отцовский забрали. Нож забрали. Коней забрали. Шатёр забрали. Ковры забрали. Ничего не оставили! Фатей крутился-крутился, нашёл наш лук, нашёл нож. Нож сам стащил. Лук я взяла. Ух! Лошадь увели, умная лошадь, хорошая лошадь. Сели и — ух! От людей подальше. Брат наш у *соседей* жил. К нему поехали.

Соседями, Врени уже знала, Дака называла племена, которые вместе с её народом кочевали по тем же степям. Чаще всего — те, к которым относился Иргай.

— Скачем, скачем — волки! Их много, а нас кто защитит! Одни мы. Бежали-бежали за нами. Ух! Ждали, пока упадём. Хорошая лошадь. Вывезла. Один раз плохо стало. Я их плёткой — ух! И лошадь вскачь. Всю ночь скакали. Лошадь устала. Думала — пропадём. И вдруг — люди! Фатей в рёв. Добрались. Люди спасли. Без людей как жить?

— А добро у тебя кто отобрал, не люди? — хмуро спросила Врени.

— А что им делать? — округлила глаза Дака. — Мы одни остались. Кто б нас прокормил? Человеку семья нужна, род нужен.

Иргай что-то хмуро сказал, Дака засмеялась. Иргай что-то буркнул в ответ.

— Говорит, почему раньше не рассказала, — пояснила девушка. — Брату рассказала. Брат знал. А потом его Харлан сманил к Увару податься, и брат нас с Фатеем взял. Ох, и ругался Увар! Хотел, чтобы Харлан матушку Абистею с Вассой дома оставил, чтобы брат меня дома оставил. Так не делают! Кто кормить будет? Сам с женой был. Вместе поехали!

Брат потом погиб, мы с Фатеем остались. Вот подрастёт, отцовский лук отдам.

Фатей что-то ей сказал, Дака стянула с него шапку и взъерошила мальчишке волосы. Фатей с недовольным бурчанием натянул шапку обратно.

— А остальные? — спросила Врени. За то время, которое она провела с отрядом, она успела заметить, что у всех девушек, кроме Даки, нет родни.

Иргай ухмыльнулся.

— А! Мы их отбили, — ответила Дака. — Увар отбил. Харлан отбивал!

— Как — отбили? — не поняла Врени.

Иргай засмеялся.

— Обыкновенно, — сказала Дака. — Их в степи поймали.

— Кто поймал, вы? — совсем запуталась цирюльница.

Иргай расхохотался, что-то произнёс и Фатей подхватил его смех. Дака покачала головой.

— В степи поймали, злые люди поймали, вот так.

Она покрутила рукой, показывая, как бросают верёвку.

Иргай снова что-то сказал.

— Он говорит, — засмеялась Дака, — если ты побежишь, он покажет, как.

Юноша добавил что-то ещё, Дака опустила голову и Врени в сумерках показалось, что она покраснела. Девушка быстро ответила Иргая, сердито мотнула головой, потом повернулась к Врени.

— Так бывает, — пояснила она. — Одна уйдёшь — ух! А ещё бывает, на твой лагерь налетят. Ух, плохо будет! А Увар на тех людей потом налетел, девушек отбил. Куда им идти? С нами остались. Он хороший, Увар.

— Вставайте, — перебил её Иргай. — Темнеет. Назад надо.

Фатей поднял голову и насторожился. Потом что-то сказал.

— Он говорит, свистит что-то, — перевела Дака. — Фатей, говори, чтоб все понимали!

Мальчишка её не слушал, он вглядывался в небо и вертел головой, прислушиваясь к чему-то, что различал только он один. Иргай тоже насторожился, быстро о чём-то спросил, потом схватил свой странный лук. Фатей ткнул пальцем куда-то вверх, не прямо над собой, а в сторону замка, Иргай выстрелил...

Кто-то страшно закричал, с неба упала чёрная тень. Все четверо бросились к ней. На дороге лежала огромная, немногим меньше человека, летучая мышь. Крыло у неё было прострелено.

Иргай произнёс что-то на своём языке, потом достал нож и повторил понятно для Врени:

— Не подходите. Странный зверь.

Летучая мышь выгнулась в невыносимой судороге, затем будто окуталась туманом, а потом... на земле вместо неё лежала худая женщина с коротко стриженными чёрными волосами. Из руки у неё торчала стрела. Рот женщины приоткрылся и даже в вечернем полумраке хорошо были видны длинные тонкие клыки. Такими удобно прокусывать вены.

Врени выругалась. Иргай снова сказал что-то на своём языке и махнул женщинам и мальчишке, чтобы держались подальше. Дака и Фатей послушно отошли, жадно пожирая вампира глазами.

— Погоди! — спохватилась цирюльница. Разумеется, она узнала эту женщину.

— Это не человек, — терпеливо произнёс Иргай. — Нежить. Голову отрублю. Потом

сожжём.

— Не надо! — торопливо закричала Врени. — Это не нежить! Это жена Серого!

— Была жена, — пожал плечами несколько не убеждённый Иргай, — стала нежить. Она его убьёт, кровь выпьет, душу высосет. Кто знает? Убила уже. За нами прилетела.

— Нет, — поспешила пояснить цирюльница, стараясь отеснить юношу от распростёртой на земле вампирши. — Он знает, кто она. Он на ней такой женился. Она его слушается. Она не пьёт крови.

— Это нежить, — настаивал Иргай. — Она не человек.

— Ну и что?!

— Ты с ней заодно? — подозрительно спросил юноша. — Ты нас выманила!

Врени устало вздохнула.

— Я хотела пойти одна, — напредила она.

— На встречу с ней, да?

— Уймись, — рассердилась цирюльница. — Я даже не знала, что она так умеет. Хочешь — режь её, пожалуйста. Серый никогда не простит этого, а Увар не станет прикрывать того, кто убил жену его покровителя.

Иргай вздрогнул, будто она его ударила.

— Я не боюсь, — сердито ответил он. — Серый твой — колдун, такую жену приручил. На людей её пускает. Её убью, его убью. Незачем им землю топтать.

— Увар обидится, — не отставала Врени. — Серый — его друг.

Иргай задумался.

— Врёшь, — сказал он. — Колдуны и нежить не дружат.

— У нас и не то бывает, — буркнула Врени. Она терпеть не могла вампиров и то, что приходится защищать Вейму от упёртого парня, страшно раздражало.

— А почему она не двигается? — спросила подобрившаяся поближе Дака.

Иргай нахмурился и махнул рукой, требуя, чтобы девушка отошла подальше.

— Не знаю, — покачала головой цирюльница. Уже не обращая внимания на юношу она подошла к распростёртой на земле вампирше, разрешила широкий рукав и принялась извлекать стрелу. Вейме здорово повезло, что не было зазубрин. Иргай хмурился, но не возражал. Врени хотела было перевязать рану, как вдруг...

Дака закричала от удивления. Сперва срослись сосуды, потом мускулы и, наконец, кожа. На руке вампирши белел шрам... а после пропал и он.

— Нежить, — сплюнул Иргай.

У Веёмы дрогнули ресницы, открылись глаза, затрепетали тонкие ноздри... она даже начала приподниматься... а потом вампирша издала громкий стон и снова распростёрлась на траве.

— Плохо лечишь, — ухмыльнулся Иргай. — Фатей, беги, Увара позови. Пусть решает.

Он присел возле вампирши, держа наготове нож. Фатей бросился к замку.

Они ехали весь день и всю ночь. Бедняга Куно едва не валился из седла, Магда осталась сосредоточенно-напряженной. Она не то что не хотела. Она не могла спать. Спать, отдыхать, даже сидеть на одном месте казалось невыносимым. Бежать, идти, ехать... Вперёд её гнал страх опоздать. Страх упустить. Страх не догнать. Страх, страх, страх. Даже ужас. Она не чувствовала боли, усталости, она почти не улыбалась и едва ли могла говорить.

Знахарь отвёл её в кабак едва наступило утро. Привёл, усадил за стол и ушёл, не говоря ни слова. Сам он отправился в замок, потому что Магда настаивала, что они не могут прикопать убитого рыцаря где-нибудь под кустом и забыть. Арне сразился с разбойниками и умер. Его отец имеет право похоронить сына. Магда с удовольствием обвинила бы волшебницу в его гибели, но не могла этого сделать, не раскрыв, что юноша был оборотнем.

— Что случилось? — подседа к ней Рамона, разглядев потерянное лицо Магды.

Ведьма подняла на неё невидящий взгляд.

— Я потеряла друга, — ровным голосом ответила она. Слёзы остались в хижине знахаря.

— Виля, что ли? — спросила трактирищица. — Не повезло ему, ничего не скажешь.

Магда вздрогнула. Похоже, все знают о том, что она связана с этим убийцей.

— При чём тут Виль? — покачала головой она. — Убили того рыцаря, с которым я приходила сюда.

Рамона всплеснула, руками.

— Он ещё вчера живой был! Вся деревня видела.

— Разбойники, — отозвалась Магда. — Он поехал спасать мою дочь.

— С Эрной-то что?

— Отняли. Увезли в Серую пустошь.

Она растерянно посмотрела на стакан вина, который поставила перед ней трактирищица.

— Мне надо спешить, — сказала ведьма. — Я должна...

Рамона схватила её за руку.

— Куда ты пойдёшь? — спросила она.

Магда махнула рукой на запад.

— В Сетор. Там... там... я обращусь к Виру. Может быть, он поможет мне.

— Конечно, поможет! — горячо поддержала Рамона. — Он благородный человек и вы с ним в давней дружбе.

— Да...

— А бедному Вилю, никак, помирать придётся, — сказала вдруг Рамона.

Ведьма пожала плечами.

— Говорят, он убийца, — сказала она.

— Сказали, убил северянина какого-то, — кивнула Рамона. — Что нам с того?

— И в самом деле, — поддержала ведьма и поднялась на ноги. — Пойду я.

— погоди! Куда ты?

— В Сетор, — повторила Магда.

— Да погоди ты! Зачем тебе идти? У тебя же есть лошадь!

Магда кивнула и села.

Ведьмы ходят пешком. Дочери рыцарей ездят верхом. Верхом, конечно, было быстрее... к тому же интерес ведьмы к проклятому слишком уж подозрителен.

— Ты права. Попроси Куно... впрочем, я приду за ней сюда.

— Да куда ты так торопишься?! — с досадой воскликнула Рамона. — Ты что же, решила одна ехать?!

— Конечно, — ничего не поняла Магда. — Как же иначе.

— Вот дурная! Вот что... Куно! Куно! Где этот бездельник? Поди сюда! Собирайся к дороге!

— Спасибо, — коротко сказала ведьма. Рамона, конечно, была права. Дочери рыцарей не ездят одни... — Я пойду к себе и подготовлюсь. Пусть Куно приведёт туда лошадь...

— Лошадей, — поправила её трактирищица.

— Нет, одну лошадь. Мы возьмём коня Арне... он быстрее, чем деревенские клячи.

— Ты уверена? — с сомнением спросила трактирищица. Магда понимала, что рискует. Если кто-нибудь решит, что она украла чужую лошадь...

— Да, — тем не менее ответила она. — Я верну коня отцу юноши — вместе со смоченным в его крови шарфом.

— Ну, тогда в добрый путь, — скупой улыбнулась Рамона.

Магда не смогла найти в себе силы на ответную улыбку. Трактирищица заглянула ей в глаза.

— Виля-то тоже в Сетор повезли, — сказала она настойчиво. — Скверно-то как. Из-за какого северянина погибнет хороший человек! Да ещё с чего они взяли-то, что это наш Виль убил! Волшебница в зеркале углядела! Мало ли что она углядит!

Магда покачала головой. Она-то знала, что на счету Виля был не только этот неизвестный ей северянин. Медный Паук убивал и мучил многих. Он не был хорошим человеком.

— И кто того северянина будет жалеть?! — продолжала возмущаться Рамона. — Они на нас войной ходили и мы их ещё будем защищать!

— Это дела баронов, — равнодушно отозвалась ведьма.

— Да? — подняла брови трактирищица. — Ну, иди тогда, собирайся. А то, может, поспишь? На тебе лица нет.

— Не хочу, — покачала головой Магда. — И... спасибо тебе.

— Да постой! — спохватилась Рамона. — Поешь сначала!

— Не могу.

Дорога вынырнула из леса и впереди на фоне предрассветного неба показалась башня рыцарского замка. Ортвин. Один из немногих родов, которые, как и род самой Магды, когда-то получил рыцарское звание и земли из рук самого Дюка. А сейчас... Это ведь сын рыцаря цур Ортвина примкнул к своему молочному брату, назвавшемуся Алардом цур Корбинианом. Где он сейчас?.. барон писал, что видел их обоих в святых землях, но Алард приходил один. Принимают ли сына в Ортвине? Это ведь он хотел убить своего младшего брата...

Это было важно: из всех людей для неё были опасны только сын цур Ортвина и Флегонт, сын барона цур Фирмина, лишённый наследства за то, что проклял отца и стал

братом-заступником. Только они могли узнать в дочери рыцаря Бертильде ведьму Магду. Особенно, конечно, опасен Флегонт, который даже не успел её допросить тогда, семь лет назад.

Тогда её спас Виль...

...она так не сможет.

Но Флегонт объявлен вне закона в Тафелоне, а сын цур Ортвина... в конце концов, быть ведьмой — ещё не преступление в Тафелоне.

Принадлежавший Арне конь, как Магда и надеялась, добрался до её дома сам. Ведьмам иногда везёт. Он не казался усталым и Магде хотелось верить, что конь выдержит дорогу. Выбирать всё равно не приходилось. От неё, верно, пахло Арне, потому что конь легко подпустил её к себе. Ведьма угостила коня хлебом, напоила водой, расседлала и оставила отдыхать, пока не понадобится.

После Магда порылась в стоящем в комнате сундуке. Туда она сложила подарки барона. Там лежали рыцарские платья... Магда выбрала одно, двухцветное по хларской моде. Правая половина голубая, цвета её отца, левая — чёрная, цвета герба барона, и белый пояс. Барон всегда был прямолинеен... Магда имела право на чёрный цвет и как любовница цур Фирмина, и как его вассал. А теперь это был ещё и траур... Бедный Арне, всегда его тянуло на неприятности... Каким жил, таким и умер...

Отложив платье, Магда вернулась на кухню. Нужны травы. А после надо найти в сарае лопату. Ведьма хорошо помнила все тайники Виля, которые ей показывал Арне. Деньги. Оружие. Инструменты. Это могло пригодиться. Не ей — Вилю.

Теперь последнее. Самое неприятное.

Когда Куно пришёл за ней, ведя в поводу подаренную Арне лошадь, она была уже готова, а левая рука замотана свежей тряпкой. Впрочем, сразу выехать не вышло: Куно сперва покормил её коз, а после отогнал их к матери в трактир и туда же отнёс кур.

В Ортвине была большая деревня, больше, пожалуй, Латгавальда, с краю которой высился рыцарский замок: заключённая в кольцо каменных стен башня. Стены были кривые, неровные, из камней разных размеров, но это куда лучше, чем в замке её отца, там обходились частоколом. Здесь же частокол окружал деревню. Хороший, добротный, и дома тоже крепкие, надёжные. Рыцарь цур Ортвин был хорошим господином для своих людей. Небось, отменил подати после войны, иначе как бы они так быстро восстановились?

Они собирались проехать через Корбиниан, потом городок под названием Вибк и попасть в Сетор за несколько дней. Если очень повезёт, Магда могла даже рассчитывать нагнать отряд по дороге, но если и нет... У неё всё равно не оставалось выхода. Пришлось бы идти до конца. Бросить дочь в Белой башне Магда не могла, как не могла и надеяться, что друзья рискнут ей помочь вытащить оттуда девочку.

Но в деревне возле развалин Гандулы планы изменились.

Когда они были уже близко, Магда повернула к Куно ничего не выражающее лицо.

— Запомни, — не то приказала, не то попросила она, — мы не знаем никакого Виля. И мы не из Фирмина. Я — дочь рыцаря Криппа цур Лотарина, еду помолиться за здоровье отца и младшего брата. Если тебя кто-то узнает, говори, что нанялся ко мне в Латгавальде, но это

в крайнем случае.

— Тебе надо отдохнуть, — проворчал мальчишка. — И поесть. Ты скоро из седла выпадешь.

— Прости, — одними губами улыбнулась ведьма. — Я знаю, ты устал. Потерпи немного. Я чувствую, скоро мы отдохнём.

— Кто устал?! Я?! — возмутился Куно. — Ты на себя бы посмотрела!

Сын трактирщицы оказался незаменимым товарищем, хоть и был не слишком доволен, когда ведьма велела ему ехать на кобыле, оставив себе жеребца. Но Магда побоялась, что отданный мальчишке-крестьянину рыцарский конь вызовет ненужные подозрения... Её жеребец, конечно, везти тоже не хотел. Ведьма не обладала даром своей дочери договариваться с животными, поэтому над конём пришлось поколдовать и сейчас он был неестественно спокоен. Неважно. Ей же не сражаться.

Коня в деревне узнали. Ещё бы не узнали, когда это был конь их шателена. Магда не проронила ни слова, чтобы что-то объяснить хоть кому-нибудь, а вот Куно, молодец, спрыгнул на землю, помог спуститься «своей хозяйке» и, окликнув мальчишку моложе себя, спросил, где бы его госпоже можно было бы отдохнуть, выпить вина, а то, может, молока найдётся. Позабывшись о по-прежнему безмолвной ведьме, он принялся болтать с местными с той непринуждённостью, которая воспитывается только в кабаках. Вот, мол, видите? Госпожа М... м-м-м... Бертильда. Недавно у неё, да. Так она невеста покойного рыцаря Арне. Что значит — как покойного? Да вот так. Разбойники убили, вчера только. Уж она и убивалась!.. все глаза выплакала, на свет не глядит, на месте сидеть не может. Аж постарела от горя-то. А чего одна? Да бедная она, только и славы, что дочь рыцаря, отец землю сам пахал. Но род-то древний. От графа скрывали, боялись, не благословит. А теперь-то чего таиться... Теперь вот к графу едет, рассказать о последних минутах... потому и коня взяла, со своими-то у её отца плохо... да-да, рыцарь убийцу ловил, да, поймал, говорят. А отряд-то вчера, небось, здесь проезжал? На старом тракте следы от телеги остались. В Сетор тоже едут. Вот раньше бы выехали, так догнали бы их, всё безопасней с отрядом ехать. Как это — не туда поехали? Да кто бы мог подумать... проклятый, значит... Ну, да, братьям-заступникам виднее. В своём монастыре они уж с ним разберутся... живо всё расскажет...

— Ты бы отдохнула, а не про предчувствия болтала, — не отставал Куно, становясь очень похожим на мать. — Небось, кабак у них найдётся, вон как люди хорошо живут, не то, что в Корбиниане!

— Ты не видел ещё как люди у моего отца живут, — одними губами улыбнулась ведьма. — Вот где нищета.

— Ты поэтому оттуда ушла?

— Я ушла оттуда потому, что отец меня выгнал, — равнодушно пояснила ведьма, — чтобы не выделять мне приданого. Чтобы всё досталось моему дорогому брату... чтоб его... их обоих.

— Слышала, Магда? — по привычке запросто обратился к ней мальчишка, когда они покинули деревню возле развалин. — Виля везут на север, в монастырь братьев-заступников! Братья-заступники! Поехали туда?

Магда равнодушно посмотрела на спутника.

— Прыткий какой, — проворчала она. — Поехали...

— Мама говорила, уж ведьма-то своих не бросит, — не отставал Куно. Ведьма бросила на него косой взгляд.

— Не болтай много, — посоветовала она. — Не знаем мы никакого Виля, а до какого-то убийцы, проклятого, нам дела нет. Мы поедem в деревню, где жил Арне, вернём им коня, он же из их конюшни, и прикупим тебе коня или мула. Если найдётся. У них там лошадей всяких хватает. Тут другое трудно. Как нам дорогу сменить, чтобы никто не видел, а то только внимание привлечём. Ехали в Сетор, а потом вдруг на север свернули, да ещё после вестей о проклятом. Поколдовать придётся.

— А потом? — заёрзал в седле Куно.

— А потом мы поедem в храм святого Зераса, убийцы дракона, что в Нагбарии. Помолимся за душу погибшего рыцаря... И заодно за здоровье отца моего и брата младшего.

— А у тебя есть отец?! — распахнул глаза Куно.

Магда невесело улыбнулась.

— У меня даже есть грамота от него, — сказала она. — Барон наш папашу моего подписать заставил. А ты думал, я для вида переоделась?

— Ух ты! А я думал, ввали люди-то.

— А правду говорят, что ведьма всегда кого-нибудь ненавидит и через то берёт волшебную силу? — не отставал мальчишка.

— Поговори мне, — устало пригрозила Магда. — Ещё на площадь выйдем, покричи там, чтобы все точно услышали.

— Ну, прости, — примирительно ответил Куно. — А о чём с тобой говорить можно-то?

— Ни о чём. Я же дочь рыцаря, забыл? Думаешь, они всю болтают со своими слугами? Уж потерпишь на людях.

— Я тебя и без людей терплю, — нахмурился мальчишка. — Как с цепи сорвалась. Пошли в кабак. Поешь, наконец, а я людей спрашиваю.

— Сам поешь, — покачала головой ведьма. — Ты устал, а мне не хочется. Отдохни. Как бы нам сразу же выезжать не пришлось.

В памяти шелестел голос рыжей ведьмы, некстати встреченной на дороге. Не стоило, ох, не стоило колдовать на чужой земле... Но Магда боялась, что её заметят...

Тропинка вынырнула из леса и кони встали. Дорогу загоразивала Денна. Рыжая ведьма, скрывавшаяся в лесах Корбинниана. Магда вздохнула.

Она рисковала, колдуя в чужих лесах. Сейчас придётся платить за дерзость... Только из очень большой нужды можно пойти на такое. Плохо, очень плохо. Магда своим поступком как будто бросала местной ведьме вызов. А кроме того... нельзя много раз колдовать над одним и тем же животным... что-то в них было такое... отвергающие лишнее чары. А ведь это был подкованный рыцарский конь... такого вдруг не заколдуешь... За это тоже рано или поздно придётся расплачиваться...

Магда подобрала поводья. Смотреть сверху вниз было, пожалуй, приятно, но это было предательской западнёй.

— Далеко собралась? — с усмешкой спросила Денна.

— Куда собралась, про то я знаю, — недружелюбно ответила Магда. Она была виновата, колдуя в чужих владениях, знала это и знала также, что оправдаться ей нечем.

— Заворачивай, — коротко приказала рыжая. — Здесь тебе не будет дороги.

— Я проеду здесь, — упрямо ответила Магда. — Посторонись.

— Не дело затеяла. Всё-то тебе поперёк надо... оставь посвящённого своей судьбе и следуй своей.

— Посторонись, — повторила Магда. Её начал охватывать гнев. Чего она боится? Под ней конь, обученный сражаться, а перед ней — всего-навсего женщина.

— Оборотня своего упустила, — покачала головой Денна, — дочку свою упустила... Друга упустишь. Всё хитришь, всё вертишь. Заворачивай, а лучше — вернись домой.

— Я проеду здесь, — снова произнесла Магда. — Прочь с дороги!

Рыжая ведьма засмеялась, провела перед собой черту и плюнула на неё. По спине Магды пробежали мурашки. Денна закрывала ей дорогу. Кобыла под Куно заволновалась, одурманенный колдовством конь ничего не замечал... но провести его здесь не удастся. Магда хмуро улыбнулась. Ей хотелось остаться одной, чтобы предаться своему горю, но приходилось что-то придумывать, как-то выкручиваться...

Она нащупала в гриве своего коня шерстинку, обмотанную своим волосом и наговоренной ниткой. Резко дёрнула. Конь взвился на дыбы, опустился на четыре ноги, забил задом. Магда бросила поводья, схватилась за гриву и даже зажмурилась. Она никогда не стала бы так резко снимать своё колдовство, если бы не нужда. Но теперь на коня не подействует ничьё другое — первое время. Слишком уж много колдовать над одним животным невозможно. Вот ещё бы теперь удержаться...

Магда сама не знала, как ей удалось выдержать. Куно спрыгнул со своей кобылы и, уворачиваясь от копыт, ухватил коня ведьмы под уздцы. Вдвоём им удалось кое-как успокоить животное. Когда Магда смогла оглянуться по сторонам, Денны нигде не было.

— Езжай за мной след в след, — приказала ведьма. Они проехали запретную черту и ничего не случилось. Магда оглянулась назад. Вроде дорога как дорога... только спина холодеет.

— Чего это она? — нарушил тишину мальчишка.

— Мы друг друга не любим, — коротко ответила ведьма. — Не дай Осв... Заступник нам через Корбиниян снова поехать.

— А как ты её! — восхищённо сказал Куно. Магда покачала головой. С ведьмой, стоящей на своей земле, да ещё такой, как Денна, пришло не справиться.

— По-моему, она нас отпустила, — сказала Магда и прислушалась. Показалось ей или деревья и впрямь шелестели вслед: «Поверни, попадёшься... Ой, попадёшься... Поверни!»?..

Ведьма рассеянно посмотрела на левую руку. К боли она притерпелась за утро и теперь даже не замечала её. Но на повязке проступила свежая кровь. Магда шёпотом помянула Заступника. Надо было заняться этим раньше, но кто же знал!

Они доехали до поворота и Магда снова оглянулась. У леса стояла Денна и махала им вслед. Ведьма поспешила сделать отвращающий беду знак. Как бы рыжая их не прокляла... на дорожку.

В кабаке спор разрешился сам собой. Мальчишка, позаботившийся о лошадях, упал на скамейку и было видно, что сил куда-то идти и кого-то расспрашивать у него уже не будет. Кабатчик, высокий полный мужчина, поставил перед Куно кашу и стакан сидра. Магде кусок

в горло не лез. Удивительно, как в той деревне она умудрилась выпить целых два стакана молока. Это всё Куно с его заботой. Сама по себе она бы и глотка воды не выпила бы. Ведьму трясло от нервного напряжения. Братья-заступники. Очень плохо. Связываться с ними... уму не постижимо, как она может даже думать об этом.

— Куда? — вскинулся Куно, когда Магда пошла к двери. Ведьма бросила на него суровый взгляд.

— А ты осмелел, — таким чужим голосом сказала она, что мальчишка поёжился. — Забылся?

— Госпожа, — взмолился Куно, сообразив, наконец, подладиться к своей роли, — вы устали! Позвольте, я договорюсь об отдыхе для вас!

Подошёл кабатчик.

— Мальчишка дело говорит, — бесцеремонно вмешался он в разговор. — Я и комнаты сдаю, сами посмотрите. Такой вам и в замке не предложат.

В ответ Магда оглядела кабак с таким выражением лица, словно ей предлагают ночевать в курятнике.

— Я подумаю, — пообещала она и вышла во двор. Позади Куно остался заплетающимся языком рассказывать о любви своей госпожи к заболевшему младшему брату, увиденном ею во сне святом и других подобных небылицах. Ведьма передёрнула плечами.

Надо разузнать, где остановились братья-заступники. Получается, что не в кабаке. Странно. В деревне говорили, что их восемь человек, трое воинствующих братьев, четверо простых монахов, и главный над всеми священник, которого звали отцом Менлиусом. И ещё пленник, девятый. Ни в один дом столько постояльцев не поместится. Разделились? Встали под открытым небом? Или, не дай Освободитель, проехали мимо Ортвина?

В голове слегка звенело от голода и усталости. Надо было идти не в кабак. Это Куно повёл её в кабак, куда он ещё мог податься... а дочь рыцаря должна остановиться в замке... но тогда ей придётся назвать своё полное имя... её отец был человеком нелюдимым и не покидал своих владений, младший брат Магды покуда ещё не дорос до того, чтобы путешествовать самостоятельно... Но вести о нём могли дойти до Ортвина и другим путём. В конце концов, отец выгнал их с сестрой много лет назад... к Врагу всё это. У неё есть грамота, в которой отец признаёт свою дочь и вверяет её заботам барона цур Фирмина. Этого довольно. Она слишком долго жила ведьмой Магдой, привыкла прятаться, делать всё исподтишка... и, кстати, зря она наговорила Куно вздора, что будет молиться за отца и брата. Забавно, странное предчувствие, что им бы понадобилось немного удачи... неважно. Конечно, повод нужен другой. Нужно...

Мысли её были грубо прерваны. Кто-то схватил её сзади. Ведьме зажали рот и куда-то потащили. Она даже не успела разглядеть нападавших. Впереди замаячила телега, возле неё виднелась угрюмая фигура в монашеской рясе... Братья-заступники. Они нашли её прежде, чем она их...

Раздался возмущённый вопль Куно и мальчишка с руганью ударил одного из державших ведьму монахов в зубы.

А он не такой уж и мальчишка... ведьма привыкла к тому, что Куно — сынишка трактирщицы, что не замечала, что он давно уже выше её на две головы. А ведь Куно без труда удержал за уздцы разъярённого рыцарского коня.

Обо всём этом было некогда думать. Магда воспользовалась переполохом, вывернулась в державших её руках и вцепилась ногтями в лицо монаха. Хватка ослабла, но вырваться ещё

не получалось.

— Пустите! — кричала ведьма. — Помогите, люди! Помогите!

— Заткните ведьму, — прозвучал резкий приказ и одновременно другой голос спросил:

— Что здесь происходит? Прекратите драку!

Куно оттащили крестьяне, ведьму отпустили и Магда смогла оглядеться. Оказывается, монахи довели её до телеги, на которой по-прежнему в клетке сидел всё так же равнодушный ко всему Виль. По улице к ним спешили трое воинов, одетых в одежды ордена братьев-заступников, а рядом стояли пятеро монахов. Одному она расцарапала лицо, другой носил следы кулаков Куно, а третий... высокий худой священник с тёмными цепкими глазами. Светлые волосы его ещё сильнее поредели за прошедшие семь лет. У Магды был готов вырваться крик, но он успел первым:

— Именем Заступника! Мои люди схватили ведьму. Она еретичка, проклятая, из тех, что отрекаются от Заступника! Она травила колодцы, портила посевы, крада молоко у коров. Вместе с другими ведьмами она летала на их гнусные сборища и там пила кровь украденных у матерей младенцев и подставляла зад Врагу, принявшему облик чёрного козла!

Собравшаяся вокруг толпа загудела, люди попятнулись. Кого-то перекосило от отвращения, а кто-то, напротив, загорелся поганеньким любопытством. У Магды кровь бросилась в лицо от столь гнусных оскорблений. Куно закричал:

— Неправда! Он лжёт!

Ведьма постаралась взять себя в руки. С лицом, пылающим от стыда и гнева, она повернулась к остановившему драку стражнику:

— Это гнусная ложь. Я дочь рыцаря Криппа цур Лотарина, а этот человек — Флегонт, сын барона цур Фирмина, которого отец лишил наследства. Он был приспешником самозванца семь лет назад! Он обманом выманил свою сестру, её милость баронессу Нору цур Фирмин, из дома её отца, чтобы отдать самозванцу. Угрожая обесчестить девушку, он занял отцовский замок. Я была там и могу свидетельствовать против него!

А вот теперь толпа поддалась вперёд. Ведьма знала, о чём говорила. Преступление молочного брата самозванца, сына рыцаря цур Ортвина, тенью падало на отца и на его владения.

— Она сбежала от святого суда, — возразил Флегонт, не думая отпираться от сказанного Магдой. — Она — ведьма, не раскаявшаяся в своих преступлениях. Её отец, рыцарь, отрёкся от опозорившей его дочери.

Магда гордо вскинула голову.

— Мой отец признал меня. У меня есть грамота за его подписью, в которой он вверяет меня заботам его милости барона цур Фирмина.

Флегонт побледнел.

— Он вверил тебя заботам моего отца, а ты пролезла в его постель! Мерзкая блудница, осквернившая собой...

— Довольно, — перебил его стражник. — Вы должны предстать перед судом моего господина рыцаря цур Ортвина. Ты, монах, за то, что взялся вершить расправу без его дозволения и порочишь честь дочери рыцаря, а если правда то, что она о тебе рассказывает, то и за это. А ты, госпожа, готовься ответить на его обвинения.

— Мне нечего бояться, — солгала ведьма. События развивались быстрее, чем она успевала их обдумывать. — Я невиновна.

— Я не могу задерживаться, — возразил Флегонт. — Мне поручен пленник, это

опасный преступник и еретик, который...

— За твоим пленником присмотрят, отец, — покачал головой стражник. Флегонт оглянулся по сторонам. Их окружали не только простые люди, но и кнехты рыцаря цур Ортвина. Если он и думал пробиться, эту мысль пришлось оставить.

Глава десятая

Перед войной

После того, как Вейма улетела, а Вир уехал, Нора занялась своими делами. Она послала в ратушу за опытным писарем, которому велела отправиться в подвал сразу же, как он явится. В это время по её приказу на главной площади Сетора принялись сколачивать виселицу, большую, крепкую, способную выдержать нескольких человек. Нора отдавала себе отчёт, что за преступления, совершённые её пленниками, они заслужили гораздо более суровое наказание, но по женской слабости пойти на это не смогла. К тому же в разгар казни может вернуться Вейма. Не хватало только, чтобы она вовсе не смогла оставаться в городе из-за своей слабости.

Старик Клеменс был вызван в таблиний баронессы. Он принёс с собой записи, которые передал ему отец Сергиус перед отъездом — показания преступников с их подписями и подписям свидетелей. Это было неприятно. Нора хорошо понимала, что, будь на её месте её отец, документы он получил бы сразу. Может быть, он бы и сам присутствовал на допросе, кто знает... на памяти Норы в Фирмине серьёзных преступлений не было.

Баронесса бегло просмотрела записи.

— Ты знаешь, что братья-заступники готовят нападение? — спросила она палача.

— Нет, госпожа, — покачал головой старик Клеменс.

— Добейся от них признания. Они вооружают крестьян в Лабаниане, куют оружие. Наверняка стягивают силы. Мне нужно признание до завтрашнего утра. В полдень ты их повесишь на площади.

— Ваша милость, — тонко улыбнулся палач, — отец Сергиус перед отъездом...

Нора вспыхнула. Во взгляде Клеменса, в его тоне, в самом возражении и в ссылке на приора — во всём этом ей слышался намёк на то, что она не может сама распорядиться в своих владениях. В собственном доме ей перечили!

— Отца Сергиуса интересовал только святейший папа, — отрезала баронесса. — А нам пришла пора подумать о себе.

— Он собирался вернуться...

— Пока он вернётся, Сетор захватят. Как только появится писарь, займись. Писаря до завтрашнего дня из дома не выпускать. Придумайте что хотите, но он не должен выйти, пока не состоится казнь.

— Как прикажете, ваша милость, — всё с той же раздражающей улыбкой поклонился палач. Нора спохватилась.

— Писарю обид не чинить! — уточнила она. — Тем более не бить. Силой удерживать только в самом крайнем случае!

Палач снова поклонился. Баронесса подумала, что дом её устроен неправильно. Должен быть кто-то ещё, кроме палача, кому она может отдавать такие приказы. Раньше всем этим занимались Вир и Вейма, Норе оставалось только покрикивать на слуг, чтобы вовремя готовили обед. А теперь что?

Вместо Увара пришёл Клос, страшно недовольный тем, что его подняли с постели и ещё сильнее раздражённый от этого своего недовольства.

— Что стряслось? — спросил он, подойдя ближе. Иргай бросил несколько непонятных слов бежавшему за Клосом Фатею.

— Хватит! — отрезал рыцарь. — Что вы сделали с Веймой?

— Ты её знаешь? — напряжённо спросил Иргай.

— Да, знаю, — коротко бросил Клос. — Расскажи ты. Почему она так лежит?

Иргай пожал плечами.

— Нежить, — коротко ответил он. — Фатей слышал. Я выстрелил. Упала. Не человек. Превратилась в женщину. Я хотел убить. Врени сказала — нет. Она не понимает. Нежить. Голову отрубить. Сжечь.

— Даже не вздумай, — ответил рыцарь. — Как тебя там? Врени? Большоногая? Ты же лекарь, разбуди её.

— Я не знаю, что с ней, — хмуро ответила цирюльница. — Я не умею лечить вампиров.

Клос нахмурился.

— Упала и лежит? — переспросил он. — И всё?

— В себя приходила, — вмешалась Дака. — Потом вдохнула — вот так! — и опять упала!

— Вдохнула... — задумался Клос, а после рассмеялся. — А! Убери всю кровь, она и очнётся.

— Она же вампир, — нахмурилась Врени.

— Вампир, — пожал плечам рыцарь, — да только крови боится. Видел я, как она на турнире сознание теряла... да и не только там.

— Всё равно нежить, — упрямо пробурчал Иргай. — Опасна.

— Мы оставляли с ней моих сыновей, — припомнил Клос. — Я тогда не знал... С ними ничего не случилось. Да и её собственный сын...

Рыцарь осёкся, а после расхохотался.

— А я-то думал, почему мальчишка не в масть растёт!

Наёмники вопросительно посмотрели на него, но Клос и не думал ничего объяснять.

— Разбуди её, — приказал он цирюльнице, потом повернулся к её товарищам. — Принесите холодной воды. Быстрее!

— Почему быстрее? — заинтересовалась Дака.

— Темнеет, — коротко отозвался рыцарь. — Я бы священника позвал, да если выбирать между вампиром и братом-заступником, предпочту вампира.

Врени отрезала окровавленный рукав, завернула в него стрелу и смыла следы крови с кожи. Когда все приготовления были закончены, на лицо вампирши выплеснули ведро воды из колодца. Вейма застонала.

— Факел, — приказал Клос. Иргай что-то заворчал, но подчинился. В свете факела люди смотрели, как у вампирши вздрагивают веки... она сделала вдох... снова застонала...

И, наконец, открыла глаза.

И снова принялась.

— Уберите его от меня! — потребовала Вейма, вскакивая на ноги и указывая на Иргая, по-прежнему державшего наготове кинжал.

— Потерпишь, — невежливо ответил ей Клос. Вампирша повернулась к нему, её глаза сверкнули.

— А, — сказала она, — так Вир рассказал тебе...

— Это спасло тебе жизнь, — отозвался рыцарь. — Зачем ты явилась сюда? Мои люди встревожены.

— Эти? — фыркнула вампирша. Она улыбнулась, нарочно обнажая клыки. Врени напряглась. Зачем Клос её дразнит? В темноте вампир может зачаровать не одного человека, а сразу весь замок.

— А ты предпочитала перепугать мой отряд? — в тон ей ответил рыцарь.

Вейма глубоко вздохнула и спрятала клыки.

— Ладно, не время ссориться. У меня плохие новости.

— Отец? — немедленно напрягся Клос. — Нора? Братья? Враг тебя побери, дети?!

— Все целы и невредимы, — покачала головой вампирша. — Совет распался. Граф цур Лабаниан собирает своих людей — и братьев-заступников. Он собирает даже крестьян! Держи. Это письма тебе, от твоей жены и от твоего отца. Есть ещё письмо от Вира Увару. Где Увар?

— Не знаю, — махнул рукой рыцарь. — Его с утра никто не видел.

— Тогда держи ты, передашь. И найди Увара. Твой отец и твоя жена зовут тебя в Сетор. Тебя и весь отряд. Сможешь?

Клос растерялся.

— Как распался? — спросил он. — Вир говорил...

— Вир ошибался, — нетерпеливо перебила его вампирша. — Мы ошиблись. Граф цур Лабаниан только и ждал возможности затеять свару. Он ушёл вместе с бароном цур Абеларином, граф цур Ладвин и барон цур Тиллиан отказались нам помогать и тоже ушли. В Сеторе сейчас только небольшие отряды и некоторые из них уведут, чтобы прикрыть Фирмин от барона цур Абеларина. Город беззащитен. Ты слышишь меня? Твоя жена и барон цур Ерсин остались его защищать. Если Ерсин падёт, придёт черёд твоего отца, а там и всего Тафелона.

— Замолчи, — негромко попросил рыцарь. — Я понял тебя.

Он оглянулся на наёмников.

— Молчите о том, что слышали, — приказал он. — И найдите мне Увара. Немедленно!

Вейма недобро улыбнулась.

— Хочешь — я найду?

Она покосилась на Иргая.

— Пока твои люди не отрубили мне голову.

— Ты нежить, — проворчал Иргай.

— Мальчик, — сказала вампирша с оттенком обидной жалости. — Ты настоящую нежить и не видел. Мои братья двигаются быстрее, чем даже я могу разглядеть, и они не боятся крови. Держи свои стрелы при себе, если не хочешь умереть страшной смертью.

Иргай разразился гневной тирадой на своём языке, но Вейма его не слушала. Она взмахнула руками, завизжала так истошно, что все отшатнулись, и завертелась волчком. Миг — и на её месте хлопает крыльями огромная летучая мышь. Она набрала высоту и улетела. Иргай схватился за лук.

— Не надо, — остановил его Клос. — Пусть летит.

— С такими нельзя договариваться, — проворчал Иргай. — Не человек. Не понимает чести.

— Это не имеет значения, — отмахнулся Клос. — Не трогай её.

Он повернулся к женщинам.

— Идёмте в замок, — сказал он. — Вы будете молчать. Иргай останется при мне.

— А я?! — вылез вперёд Фатей прежде, чем сестра успела схватить его за ухо. Клос улыбнулся.

— Ты будешь ждать Увара у ворот и приведёшь его ко мне как только появится.

* * *

Едва они вошли внутрь каменных стен, Клос, с которого слетело и недовольство, и вызванная раной слабость, начал собирать отряд. Он нашёл тех людей, которые участвовали в военном совете, и объявил им о предстоящем бое за Сетор.

— Всем немедленно собираться, — командовал после этого Клос. — Кнехтов Дитлина связать, усадить на телеги, мы отвезём их в замок моего отца, где они побудут в плену, пока не станет спокойно. Все ценности в замке собрать и тоже погрузить на телеги. Они подождут нас в Вилтине и всё будет разделено между вами как полагается по вашим обычаям.

— А себе что ты оставишь? — спросил седой Берток.

— Замок, — ухмыльнулся Клос. — Графство. Увар был прав, не стоит играть в благородство. Мы заберём себе весь Дитлин, когда вернёмся из-под Сетора. На рассвете пошлите людей в деревни. Скажите, что все инструменты, вся живность, весь скот, который останется, когда мы уедем, должны быть поделены между ними. Но если они подерутся из-за дележа, участников драки я велю бить батогами, когда мы вернёмся. Убившего ради грабежа я прикажу повесить. На год — до самой следующей осени — я отменяю все подати в графстве. Всё, что нам нужно, мы будем покупать, но крестьяне обязаны продавать нам еду, одежду и всё, что понадобится, ничего не утаивая и не завышая цену. Потом я приму решение. Но это будет потом. Сейчас позаботьтесь, чтобы собрать все ценности и пошлите человека в Вилтин. Я хочу, чтобы люди моего отца встретили нас на границе графства и забрали пленников и добычу, тогда мы сможем дальше ехать в Сетор налегке.

— Увар ещё не приехал, — сказал Харлан.

— Увар приедет, — отмахнулся рыцарь. — Мы должны выехать завтра утром... отправьте людей до рассвета, чтобы они были в деревнях с первыми лучами. Сейчас надо собраться, подготовить добычу. Когда Увар приедет, мы должны быть готовы выступить.

— Почему? — в упор спросил его Берток. — Почему мы должны идти с тобой? Нас нанимал не ты, и нанимались мы не навсегда. Почему ты хочешь забрать себе нашу добычу и бросить нас в новый бой? Как ты можешь принимать решения без Увара?

— Я думал, вы воины, — досадливо бросил растерявшийся Клос, — а вы старые бабы. Увар примет то же решение — у меня письмо к нему от Серого.

— Это решать Увару.

— Мы теряем время! — нетерпеливо воскликнул Клос. — Послушай, что я тебе скажу. Вам заплатят за этот набег и вы оставляете у себя всю добычу. Чтобы вы верили мне больше, велите своим людям прямо сейчас стащить добычу в одно место и разделить между всеми. Но помни, с собой вы можете взять столько, сколько не затруднит ваших коней. Остальное — после Сетора. Всё ваше добро будет вам возвращено! Второе — когда Лабаниан будет взят, вам достанется не менее пятой доли всей добычи, в том я клянусь своей рыцарской

честью.

— Мы ещё не отстояли Сетор, а ты уже делишь добычу в Лабаниане, — хмыкнул Берток.

— Так возьмите!

Он уже успел прочесть адресованные ему письма и поэтому добавил:

— Если братья-заступники и Лабаниан возьмут Сетор, во всём Тафелоне будет слишком жарко.

* * *

Увара нашли только под утро, вернее, он вернулся сам, с небольшим отрядом, куда входили пятеро ветеранов отряда и старшие сыновья Харлана. Все они были пьяны и отчего-то очень веселы. Клос отвёл Увара в свою комнату и показал ему присланное Виром письмо. Увар с трудом разобрал при свете чадающего факела ровные строчки и сразу перечитал письмо заново. Поднял на рыцаря мутные глаза:

— Серый зовёт.

— Я так и понял, — кивнул Клос. — Мы выезжаем... прямо сейчас. Где ты был?

Увар отвёл взгляд.

— Надо было, — невнятно пробурчал он. — По семейным делам отлучался.

— Поднимай отряд, — приказал Клос. — В седло сядешь? Удержишься?

* * *

На этот раз Врени повезло. В темноте и суматохе Дака упустила её из виду и ничего не помешало цирюльнице подобраться к Клосу поближе и послушать, о чём он будет говорить со старшими наёмниками. Услышанное потрясло её. Война в Тафелоне! Двое из совета баронов стакнулись с братьями-заступниками! Но пока она найдёт *старшего брата*, который был бы рад этим новостям!.. Скоро, наверное, об этом заговорит весь Тафелон!

Едва объявили, что завтра с утра отряд возвращается в Сетор, Врени ушла к себе спать. Сборы её не касались, а перед тем, как снова лезть в седло, следовало отдохнуть.

Спала цирюльница плохо, беспокойно, мучаясь от кошмаров и тревожных мыслей, но самый главный кошмар ждал её на рассвете. Врени встала, чувствуя настоятельную необходимость выйти из замка. Оделась, нащупала ногами башмаки и в самом деле двинулась к воротам. Её никто не окликнул, пока она шла через двор, а на воротах цирюльница так убедительно соврала о совершенно необходимых для неё травах, будто бы примеченных ею вчера в лесу, что её без лишних слов выпустили наружу.

— Наконец-то! — раздражённо проговорил знакомый женский голос, едва Врени, сама не зная зачем, укрылась под стеной замка.

— Госпожа Вейма?! — ахнула цирюльница. Так вот оно что. Говорят, кто посмотрит вампиру в глаза, того тот сможет заставить прийти хоть с другого берега моря. Видать, не врут.

— Она самая, — прошептала вампирша. — Стой на месте и не кричи! Я не желаю, чтобы меня снова использовали вместо мишени.

— Я думала, вы давно улетели!

— Мне надо было поесть, — отозвалась Вейма. — Не так-то просто найти незапертый хлев. А потом я всё никак не могла тебя добудиться. Неважно. К делу! Приведи сюда Клоса, да поживей.

— Зачем?!

— Да затем, что только он может впустить меня внутрь! — разозлилась вампирша. — Пошевеливайся!

— Но...

— Я сказала, скорее! — почти завизжала вампирша и Врени подчинилась.

На этот раз караульные смотрели на неё куда подозрительней и, когда она сказала, что заметила за воротами кое-что, на что было бы неплохо взглянуть господину Клосу, не сразу и захотели отпускать на его поиски.

Но в конце концов ей удалось отделаться от них. Клоса она нашла в его комнате вместе с Уваром. Главарь наёмников был пьян и как-то не по-хорошему взбудоражен.

— Чего тебе? — недовольно спросил цирюльницу Клос. — Пришла сказать, что я не выдержу дорогу?

Врени хмыкнула. Сразу после отъезда Вира у неё состоялся крупный разговор с рыцарем и хоть Клос не изменил своей манере общения, а цирюльница и не думала отказываться от внешней почтительности, оскорбления с его стороны прекратились. С лекарем дружить надо.

— Да выдержите, ваша светлость, — махнула рукой она. Рыцарь был молодым и здоровым, вдоволь ел, вдоволь спал и не изнурял себя непосильной работой, поэтому и поправлялся быстрее, чем привыкла Врени.

— Я не... — начал было отказываться от незаслуженного титула рыцаря. Потом осёкся и засмеялся. — А ведь в самом деле! Соображаешь, Большеногая. Зачем явилась?

— Там у ворот жена Серого, — махнула рукой цирюльница, — впустить просит.

— Так пусть входит. Что я ей, привратник?

— Вы хозяин, — со значением ответила Врени. Увар пьяно рассмеялся.

— Какой ещё хоз... — начал было Клос. — А. Хозяин. Значит, войти не может?

— Нежить, — пожала плечами Врени. — Сказать, чтобы убиралась?

— Нет, погоди! — спохватился Клос. — Я подойду.

У самых ворот цирюльницу остановила Дака.

— Погоди! — потребовала девушка. — Поговорить надо!

Врени неохотно оставила Клоса и отошла вместе с Дакой в сторону. Дака отвела цирюльницу за сарай. Конечно, там её ждал Иргай! Ещё и с кинжалом наготове.

— Покажи свою кровь! — потребовал наёмник. Врени оглянулась на Даку.

— Ты не сердись, не сердись! — затараторила девушка. — Иргай говорит, у человека кровь текучая, красная, а у нежити чёрная или белая.

— Это смотря где дырку делать, — проворчала цирюльница. Иргай засмеялся, но не отступил. — Ох. За что мне это?.. Убери кинжал. Вот, гляди. Доволен?

Она вынула из воротника припрятанную там булавку и аккуратно проколола палец. Показалась кровь.

— Доволен, доволен! — вместо Иргая закивала Дака.

Юноша что-то сказал ей на своём языке, она резко возразила, но он настаивал.

— Тогда поцелуй это, — протянул ей образок Иргай. В Тафелоне их почти не было и

Врени не сразу даже поняла, в чём заключается испытание, но повиновалась.

— Молитву знаешь? — не унимался Иргай. — Читай.

Цирюльница закатила глаза. Молитвы она знала плохо, но наёмник отставать не собирался. Впрочем, как он разберёт, то она читает или не то?

— Ну? — хмуро спросила Врени, проговорив последнее слово. — Что ещё придумаешь? В речку кинешь?

— Потом, — пообещал Иргай. — Присмотрю ещё за тобой.

Они вышли из-за сарая и почти сразу наткнулись на залиvisto хохочущую вампиршу. Она едва стояла на ногах от смеха и хваталась за хмурящегося рыцаря. Все трое — и Врени, и Иргай, и Дака, — уставились на Вейму. Врени даже не могла представить, чтобы вампиры могли так искренне смеяться.

— Ох, — еле выговорила Вейма, — ох, не могу! Ты приказал... приказал просто свалить... ох... свалить всю добычу в кучу... Ох... А крестьяне... ох... сами... сами поделят!.. А ты потом накажешь! Ха-ха-ха! Нельзя же так! А они... ох... они признаются!..

— Прекрати! — потребовал донельзя смущённый рыцарь. — А что ты прикажешь делать?

— Отложи ненадолго отъезд, — с трудом перестала смеяться вампирша, — я всё устрою. А позже, твоя светлость, найми хорошего писаря.

Отцепившись от рукава Клоса, Вейма тут же занялась делом. Она вбежала в господский дом, что-то там нашла, потом выбежала во двор, где добыча действительно лежала, сваленная в огромную кучу. Затем она разыскала священника и так заморочила ему голову, что он по доброй воле показал ей хранящиеся в замковой церкви документы. Закончив с этим, Вейма поговорила с Уваром, приказала свести её с несколькими старшими наёмниками, задала несколько вопросов матушке Абистее и бегло осмотрела уже навьюченный на лошадей скарб. В конце концов вампирша вернулась к рыцарю с требованием дать ей людей, которые по её указаниям погрузят все вещи.

— Держи, — протянула она Увару свежееписанный свиток, когда и это было сделано.

Главарь наёмников уставился на пергамент. Вейма переписала всё добро графа цур Дитлина до последней ложечки и принесённой в приданое его невесткой подушки. Всё это было учтено и поделено поимённо между наёмниками. Не забыты были даже приехавшие с отрядом девушки.

Увар протяжно присвистнул.

— Вот это поделила так поделила! Пойду ребятам покажу, а то они, прости, твоя светлость, всё думают, вдруг графы их надуют.

— Погоди! — остановила его Вейма. — Оставь со мной пять самых быстрых всадников. Я прослежу, чтобы крестьяне честно поделили утварь и кляч, а твои люди пусть присмотрят, чтобы обошлось без шума. Потом нагонят отряд.

— А возьми Иргая, — махнул рукой Увар на крутящегося рядом наёмника, — он и остальных позовёт.

Вейма закатила глаза. Юноша следовал за ней по пятам и всё его существо выражало неодобрение. Было ясно, что просто так от него не отделаться.

— Пусть он поклянётся отцом и матерью, что не тронет меня и не выдаст мою тайну, — потребовала вампирша.

— А ты чем поклянёшься? — спросил Иргай, когда Увар разъяснил ему, что от него требуется. — Своей могилой?

— У меня нет могилы, — рассердилась вампирша. — В чём я должна тебе клясться, мальчик?

— Поклянись, — настойчиво произнёс Иргай, — своей могилой поклянись. Ты не тронешь людей здесь.

— О, Заступник! Я никого не трону, если мне не придётся защищаться! Доволен?

Иргай, нисколько этим не успокоенный, хмуро глядел вампирше прямо в глаза.

— Враг тебя побери! Своей могилой клянусь! Ну! Теперь ты!

— Клянусь отцом и матерью, не трону тебя, если сдержишь слово, — проворчал Иргай. — Пока мы здесь — не трону.

Вейма внезапно звонко расхохоталась.

— Годится, мальчик!

* * *

Сетор разбудило пение труб. Герольды звали народ на площадь, где в полдень будут казнены предатели Тафелона. Виселицу и помост сколачивали всю ночь. Напротив помоста сколотили возвышение для бургомистров и магистратов и рядом с ним трибуну. Незадолго до полудня пленников под большой охраной провели на площадь и там герольды зачитали преступления и вины каждого из них. Преступлений было много. Проклятые — посвящённые и их ученики — виновны были в грабежах, тайных убийствах, клятвопреступлениях, осквернениях церковей и прочих чинимых людям бедах. Кроме того, они прибегали к колдовству для осуществления своих злодеяний. Братья-заступники были виновны в заговоре против святейшего папы, в заговоре против Тафелона, в убийстве заложника из Нагбарии, в нападении на дом баронессы цур Фирмин, планировании жестокой смерти для его жителей, а также в использовании колдовства для своих злодеяний. Хотя по законам Тафелона ни ведьм, ни колдунов, ни чёрных магов не преследовали за то, кто они есть, магия, применяемая для совершения преступления, многократно усугубляла вину.

Толпа переговаривалась. Впервые открыто казнили братьев-заступников. Впервые светские власти открыто выступили против этого ордена. Запели трубы и герольды объявили, что за свои преступления разбойники и монахи заслуживают колесования, но в своём милосердии баронесса цур Фирмин, на которую возложена ноша главы совета, приговаривает их к повешению.

Снова запели трубы и Нора, очень бледная от волнения, поднялась на сколоченную за ночь трибуну. Вчера до поздней ночи она обсуждала предстоящую казнь с бургомистром и магистратами и сумела их убедить в необходимости вооружения города.

— Граждане Сетора! — голос прозвучал тихо, но все замолчали, ожидая, что она скажет. В городе остались отряды только Фирмина и Ерсина, но из Ерсина к вечеру ожидалось ещё люди. Пока остатки совета контролировали Сетор. — Орден братьев-заступников погряз в пороке и преступлениях. Они нанимают разбойников, даже проклятых, для своих тайных дел. Они подкупают обещанием власти мирских владык и те забывают свои клятвы. Убийцы заслуживают только смерти, будь они хоть проклятые, хоть монахи. Закон и обычай требует, чтобы их судила Церковь и если во грехе погряз весь орден — это дело Церкви, не нас, не мирских правителей. Так и было бы, если бы братья-заступники

сами блюли закон. Но они его попрали. Они развязали войну, которая вскоре охватит весь Тафелон.

Толпа затихла, ожидая дальнейших слов баронессы.

— Вы живёте рядом с Лабанианом. Вы знаете, каково там приходится людям. Хлеб с молитвой и работа без отдыха, а все плоды забирают себе алчные монахи. Знайте же, что братьям-заступникам этого мало. Им тесно в Лабаниане и скоро они придут сюда. Сегодня, сейчас они вооружают крестьян, насильно отрывая их от полей. Скоро они будут здесь. У нас есть не больше недели, прежде чем они окажутся под стенами города. И это будет не война баронов, в которой дело города — сторона. Они придут сюда для того, чтобы вы взяли оружие и пошли с ним дальше. Чтобы покорили для них Тафелон. Тем, кто умрет за них, они пообещают отпущение грехов. Те, кто останется жив — будут жить так, как живет Лабаниан. Сначала Сетор. Потом Тафелон. Потом будет война со всем миром, долгая и страшная. Потом сюда придут воины Церквы — и не останется никого и ничего. Я не увижу этого — меня убьют раньше. Некоторые из вас — смогут увидеть. Вы хотите этого, жители Сетора?

Толпа загудела. Нора не могла расслышать, одобрение или протест слышится в этом гуле. Но надо было продолжать. Как ей не хватало Веймы! Веймы, которая бы разобрала, что чувствуют люди. Веймы, которая подсказала бы ей нужные слова!

Веймы, которая лишилась бы сознания от обуревающих толпу чувств...

— Мы на войне, — продолжила Нора, переводя дух. — Я осудила этих людей по законам войны, и милосердно дарую им легкую смерть.

Она махнула рукой Клеменсу, и осуждённые задёргались в петлях. К горлу подкатила тошнота. Гул толпы стал явно одобрительным, кто-то закричал.

— Да смилуется Создатель над их грешными душами. Жители Сетора! Я всего лишь дочь и регент барона цур Фирмина, и я, в отличие от братьев-заступников, блюду законы и обычаи — вы не мои подданные, я не вправе приказать вам взять оружие и защищать город. Но если вы этого не сделаете — мы не удержим стены против целой армии. Для вас остались только два пути: бой и слава вместе со мной — или позор и смерть вместе с Заступниками. Каждый, кто готов сражаться — за себя, за свой город, за своих близких — получит оружие. Мы не дрогнем и будем биться до конца. Если не дрогнете и вы — мы победим.

Нора сошла с трибуны и народ уже собрался расходиться, но тут на трибуну взошёл полный старик в одежде самого простого покроя. Грудь его украшала золотая цепь. Бургомистр Велтен. Люди остановились. Бургомистр в городе был толковый, умел задобрить баронов, не уступив свобод и привилегий города.

— Граждане Сетора! Городской совет постановил, что власть братьев-заступников нам без надобности. Мы её милость поддержим. Будем город защищать от графа цур Лабаниана и братьев-заступников, стража на стены встанет. Склады откроем и всё, что потребуется. Граждане! Мы призываем вас тоже взяться за оружие. Трусам в городе нет места.

Горожане ответили нестройным гулом. Намёк был более чем прозрачен. В городе на всё нужно разрешение. Дом построить, лавку открыть, экзамен гильдии на мастера сдать... Если тебя невзлюбят, ничего ты не построишь, не заработаешь и не достигнешь, да и всё, что было, потеряешь.

Бургомистр указал на стоявшего возле возвышения писаря ратуши.

— Каждый, желающий защищать наш город, должен назвать своё имя, ремесло и адрес. С завтрашнего дня желающие записаться должны будут подойти в городскую ратушу.

Глава одиннадцатая

Побег

Магда сидела в седле и по-прежнему безучастно смотрела между ушей своей лошади. Мысли её бешено прыгали. Всё складывалось даже лучше, чем она надеялась. Обвинения, которыми бросался Флегонт (оказывается, после рукоположения он звался отцом Менлиусом) и которые выдвигала «дочь рыцаря Бертильда» были слишком суровы, чтобы цур Ортвин решился их разбирать. Он отправил обоих в Сетор под охраной десяти своих кнехтов, ведь там Флегонта могли узнать бароны и особенно его единокровная сестра, глава совета баронесса цур Фирмин. Симпатии цур Ортвина были на стороне Магды и всё же он дал ей понять, что ей следует доехать вместе с отрядом до Сетора, где — если её слова подтвердятся — обвинение отца Менлиуса будет с неё снято как заведомая ложь предателя и заговорщика. Ведьма не спорила. Её всё устраивало. Что до разбойника, висельника и убийцы Медного Паука, то его также везли в Сетор. Рыцарь цур Ортвин настоял, чтобы Магда отдохнула у него в замке, и отряд отправился в путь только на следующее утро. Это тоже устраивало ведьму. Она больше никуда не спешила. Говорят, что проклятым Враг ворожит, поэтому и удаются их гнусные замыслы. Кто бы ни ворожил ведьме сейчас, она молилась ему, молилась истово, но беззвучно. Дурное предсказание Денны уже сбылось: Магда попала Флегонту. Теперь оставалось надеяться на удачу Виля: в свою ведьма уже не верила. Она шла против всех законов: проклятые не спасали проклятых. Одна жизнь ничего не стоила для прозревших и, потом, если в беду попадал более слабый, то считалось, что он заслужил свою участь, зачем рисковать ради него, а если провалился более сильный, то что уж тут поделаешь?.. Но когда-то Виль спас Магду и, что важнее, он был ей нужен.

— Колдуешь, ведьма, — подъехал к ней Флегонт. — Ты рано радуешься. Впереди монастырь моих братьев. Тебе придётся дорого заплатить за моё унижение!

— Это начало увещаний? — холодно покосилась на него Магда. — Когда будет предложение покаяться?

— Для таких, как ты, нет покаяния, — выплюнул Флегонт. Ведьма даже удивилась силе его ненависти.

— Семь лет назад, — тихо сказала она, — ты разговаривал спокойней.

— Тогда ты ещё не пролезла в постель к моему отцу, — прошипел священник.

— И кому же из нас ты завидуешь? — подняла брови Магда. Флегонт задохнулся от злости. Державшийся неподалёку от них кнехт подавил смешок. На суде ведьма высказалась хлеще, намекая, что Флегонт потому-де осуждает её союз с бароном, что в его ордене приняты другие формы любви, те, от которых дети не рождаются.

— Мерзкая тварь, — пуце прежнего зашипел священник, — я вобью твою грязную клевету тебе в глотку!

— А, — кивнула Магда спокойно, — так ты из тех, кто может позволить себе смотреть на нагую женщину, только если одежды с неё сорваны перед бичеванием? Говорят, есть девки, ублажающие и таким образом.

Флегонт с рычанием занёс хлыст. Магда повернула голову и бесстрашно посмотрела ему в глаза.

— Ну же! Ударь! — приказала она. — Тебе ведь хочется.

— Эй! — не выдержал кнехт. — Ты, отец, держись подальше от дамы, слышишь?! А ты,

госпожа, плюнь, не отвечай ему. Видишь же, что он, как собака кидается!

Флегонт с проклятиями отъехал в сторону.

В середине дня они заехали на постоялый двор, где потребовали отдых лошадям и еды себе. Флегонт, казалось, успокоился, а вот Магда начинала волноваться. Западнее был монастырь братьев-заступников и, хоть дорога пролегала южнее его, оттуда вполне могли выехать и отбить и Флегонта, и пленника. И её. Кто знает, удастся ли ей что-то сделать в плену? А если они отберут Виля, а её оставят с кнехтами Ортвина? Сам Виль, казалось, нисколько не интересовался собственной судьбой и Магда восхищалась его выдержкой. А вот Куно с трудом сдерживался, чтобы не подскочить к батраку и не закричать, мол, чего не узнаёшь, это же я! Чтобы отвлечься, он всю болтал с кнехтами Ортвина. Те одобряли его драку с монахами и даже уверяли, что с такими способностями нечего делать в трактире. Прямая дорога, мол, в кнехты! Там научат, задатки-то хорошие!

Магда молилась. Молилась, когда обедала, молилась, когда садилась в седло, чтобы ехать дальше, молилась, когда начал накрапывать холодный осенний дождик. Враг ли услышал её просьбу, Заступник ли сжалился, да только вскоре хлынул такой ливень, что ведьма едва могла различить хвост шедшей впереди лошади. Перекрикивая шум дождя, кнехты решили возвращаться на постоялый двор. Ведьма тайком вздохнула с облегчением.

* * *

Виля на постоялом дворе скупой накормили чёрствым хлебом, связали поверх сковывающих руки цепей и втокнули в кладовую, где к потолку были подвешены колбасы. Отца Флегонта связывать не стали, но заперли в отдельной комнате, прозрачно намекнув, что его бегство будет признанием вины. Остальных братьев-заступников не сторожили, только отобрали оружие ещё в начале пути. Отдельную комнату получила и Магда, но отправляться в неё не торопилась. Она медленно, не чувствуя вкуса, поела, а после подошла к очагу, будто бы согреть озябшие руки. Колдовские травы, те, что уже не раз сослужили ей свою службу, высыпались в огонь из рукава. Противоядие Магда сварила ещё дома, крепче обычного, чтобы не успело выдохнуться, и сейчас незаметно добавила в кубок с подогретым вином. Вкус был ужасающий, но ведьме было не до этого. На ночь постоялый двор заперли, закрыли окна, чтобы в дом не шёл холодный воздух. Сонный дым постепенно окутывал общий зал. Плохо, что Флегонт отдельно, эдак он и не уснёт вовсе, но второй возможности может не быть. Пересиливая себя, Магда глотнула ещё своего разбавленного зельем вина. Не спать! Держаться! Заметив, что сон окутывает собравшихся в зале людей, ведьма мягко осела на пол. *Она спит. Её околдовали вместе со всеми...*

Конечно, околдовать нескольких людей сложнее, чем одного, и всё же зелье сработало. Не могло не сработать. Удивлённые возгласы стали всё тише, глуше... Наконец они умолкли. Магда выждала какое-то время, поднялась и подсыпала в огонь ещё немного своих трав. Уже ни от кого не скрываясь, глотнула противоядие. Сняла башмаки и тихо обошла постоялый двор. Все были в сборе и спали, даже слуги. Магда тихо прокралась в кладовку, где хранили колбасы. С трудом отодвинула засов. При тусклом свете свечи перерезала верёвку, которой Вилю связали руки и ноги. С трудом усадила спящего батрака, разжала ему челюсти и влила в рот бодрящего зелья. Он проглотил, но не просыпался. Магда заставила его выпить ещё, а после наотмашь отвесила оплеуху.

— Просыпайся! — прошептала она ему на ухо.

Виль проснулся, да так, как ведьма и не ждала вовсе. Он взметнулся как гадюка и схватил свою спасительницу прежде, чем она успела заметить его движение. Цепь, небрякнув, обвилась вокруг её шеи, и Виль опрокинул Магду на пол рядом с собой.

— Тихо, — почти нежно шепнул он. — Без шума, понял?.. Поняла?

Магда похолодела. Виль никогда так с ней не разговаривал. Такой тон у него был, когда он допрашивал своего врага. Ничего хорошего этот тон не сулил.

Цепь на её шее слегка ослабла. Виль зажал ведьме рот и с той же опасной ласковостью произнёс:

— Если будешь вести себя тихо, останешься в живых. Поняла? Кивни.

Магда послушно кивнула.

— Теперь мы встанем и выйдем во двор. Будешь дёргаться, придушу. Кивни.

Она снова повиновалась. Они прошли мимо спящих людей во двор и там Виль, наконец, освободил её рот. Магда закашлялась.

— А теперь отвечай, кто ты, — предложил ей убийца.

— Дурак ты, Виль, — бросила ведьма вместо этого. Грязь холодила босые ноги. — Вот и освобождай тебя после этого.

— Маглейн? — удивился батрак, но цепь на шее ведьмы не ослабил. — Ха! А я-то думал, зачем ты в лапы к святошам полезла! Совсем жить надоело?

— Пусти! — дёрнулась Магда и снова закашлялась: цепь больно врезалась в горло.

— Тихо, Маглейн, не спеши. Ты, я вижу, для них что-то значишь, а? Рано мне тебя отпускать.

Ведьма закатила глаза.

— Они проспят до утра.

— А, так ты их усыпила? — приятно удивился Виль и отпустил, наконец, ведьму. — Хоть какая-то от тебя польза.

— Виль, послушай...

— Не трать слов, Маглейн, не надо, — отмахнулся батрак. — Что тебе нужно? С девчонкой твоей что?

Магда вздохнула.

— Вириная увезла её в Белую башню.

Виль хрипло засмеялся.

— Вот тебе, Маглейн, и дружба с белыми магами. Доигралась?

— Виль, я прошу тебя. Я на колени встану, если хочешь. Всё, что скажешь, выполню. Верни мне дочь!

— Ишь ты! — хмыкнул батрак и обошёл вокруг ведьмы. — Ишь ты! Как жареным запахло, так сразу Виль!

Магда снова вздохнула. Ноги мёрзли, прохватывал холодный ветер.

— Пошли в дом, — предложила она. — Всё равно никто до утра не проснётся.

Колдовские травы тем отличались от обычных лекарственных, что действие их определялось желанием ведьмы — если та правильно их зашептала.

На пороге она остановилась, оторвала клоч у сорочки и тщательно вытерла испачканные в грязи ноги. Виль, поганец, даже не думал отвернуться.

— Запри дверь, — приказал убийца. — Вдруг кто-то ночью нагрянет.

Обошёл зал, заглядывая каждому спящему в лицо.

— Эй, а главный святоша где?

— Его заперли отдельно, — ответила Магда и кинула перепачканный лоскут в очаг.

Виль ушёл и вскоре вернулся.

— Хорошие у тебя травки. Спит твой святоша. И все спят.

— Ты его не убил?

— А зачем? Мне за него не заплатили.

О присел на лавку и хлопнул по ней ладонью.

— Садись, поговорим.

— погоди, — покачала головой Магда.

Она сходила в свою комнату и принесла свёрток, припрятанный на дне её сумки.

— На, — протянула она. — Переоденься. Держи, тут деньги, железки твои. Не знаю, на что они сгодятся, но решила взять. А, и вот.

Она вытащила тот самый, заговоренный ею когда-то нож Вилия.

— За ножик спасибо, — хмуро ответил батрак, — но я тебе свои тайники не показывал.

— Арне нашёл, — пояснила ведьма. — Ещё в тот раз. Унюхал.

— Фу, плохой оборотень, — поморщился убийца. — Чужие портки нюхать, фу!

— Он умер, — без выражения сказала Магда.

— Хоть что-то приятно слушать, не придётся самому возиться, — оживился батрак. — Кто ж его так? Твоя белая подружка?

— Она. Он пытался отстоять Эрну... а она сделала его обратно человеком. Он умер от ран... Тех, которые... От той раны, которую ты нанёс.

— Не надейся, не зарыдаю, — фыркнул Виль. — Туда ему и дорога. Значит, теперь уже и папаша Виль стал хорош, а, Маглейн?

— Заткнись, — отозвалась Магда и принялась снимать повязку с левой руки. Рана только-только затянулась... не дай Освободитель кровь снова прольётся... — Иди сюда, к очагу. Руки протяни.

В левой руке у неё под кожей была спрятана ёж-травка, та, что ломает любое, даже самое крепкое железо. Ведьма наложила руку на оковы и закусил губу.

Это было больно.

— Хорош, Маглейн, отпускаяй.

Ведьма с трудом разжала руку. Посмотрела на перепачканные кровью кандалы. Выглядело так, будто их раскрыли зубилом. Оторвала ещё один лоскут от сорочки и вытерла кровь. Подобрала с полу испачканную солому и кинула лоскут вместе с соломой в очаг. Виль хмыкнул.

— Дура ты, Маглейн. Всё бы тебе колдовать.

Он унёс кандалы в кладовку и прихватил оттуда колбасу.

— Оставайся здесь, — приказал он, — дряни своей, вон, понюхай, чтобы не заподозрили.

— Подожди! — взмолилась ведьма. — А Эрна?!

— Потом поговорим.

Он шагнул за порог. Ведьма оставила дверь такой, какой она была до того, как убийца заставил её выйти во двор, убедилась, что в зале не осталось следов её прогулки, и высыпала в очаг ещё немного колдовских трав. Опустилась на пол и глубоко вдохнула усыпляющий дым.

Пробуждение было неприятным. От смещения противоядия и снотворного болела голова. Кто-то кричал, кто-то бегал, кто-то ругался.

— Да разбудите же вы эту ведьму! — потребовал Флегонт. — Пусть скажет, куда она девала преступника!

Магду потрясли за плечо. Она с трудом разлепила глаза, в них как будто насыпали песку. Поднялась и огляделась по сторонам. Проснулись ещё не все, некоторые только-только начали шевелиться.

— Проклятая ведьма! — выплюнул ей в лицо Флегонт. — Отвечай немедленно, куда...

— Вы его выпустили? — удивлённо спросила Магда. Седой кнехт отвёл глаза.

— Первым хозяин проснулся, — пояснил он. — В кладовку сунулся, а там!.. От его криков один из этих встал, ну, и...

— А что там? — немедленно спросила ведьма, с трудом поднимаясь на ноги. Тело одеревенело и озябло. — Что случилось? Почему... почему всё... так?! Как я здесь уснула?

— Как?! — взвыл Флегонт. — Ты ещё спрашиваешь?!

— Украли! — подхватил хозяин постоянного двора. — Украли все колбасы из кладовой! А я говорил! Говорил, не надо его сюда запирасть!

— Кто украл? — растерянно спросила Магда, прижимая пальцы к вискам. — Какие колбасы?

— Да тот душегуб, которого монахи везли, — пояснил седой кнехт. — Исчез вместе с колбасами. В кладовой теперь пусто, только кандалы валяются. Сбил кто-то, пока мы тут валялись.

— Заступник, какой ужас! Вы же сказали, он убийца! И теперь он на свободе?!

— Лошадь у Мориса увёл, — кивнул седой кнехт на огорчённого товарища. — Видать, далеко собрался.

Флегонт схватил ведьму за плечи и больно встряхнул.

— Не строй из себя невинность! — рявкнул он. — Это твоих рук дело, ведьма!

Морис оттащил священника.

— Не тронь её! — потребовал седой кнехт. — Вы сами плохо следили за своим пленником, почему госпожа должна за него отвечать?!

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Магда. — Нас кто-то усыпил?! Всех? Заступник, нас могли зарезать во сне!

— Брось своё притворство, — потребовал Флегонт. — Ты лучше всех знаешь, как это было сделано. Семь лет назад ты точно так же сбежала у меня из-под носа!

— Семь лет назад, — парировала Магда, — ты обманом захватил Ордулу.

— Но ты оттуда сбежала, — настаивал Флегонт. — Тебе помогло колдовство и сейчас ты прибегла к нему же.

— Госпожа, объяснись, — попросил седой кнехт.

— Отец Менлиус, — охотно начала Магда, — когда его звали ещё братом Фленонтом, — захватил Ордулу, в которой я жила тогда милостью барона цур Фирмина. Брат Фленонт назвал меня ведьмой и приказал запереть в дровяном сарае, не дав ни еды, ни питья, ни постели. Он собирался меня пытать, чтобы я донесла на его милость барона цур Фирмина. Ночью, когда шайка примкнувших к самозванцу разбойников, перепилась, один

добрый человек сбил с двери сарая доски и вывел меня наружу. Вижу, отец Менлиус уже не боится признаться в своём преступлении.

— Мы обшарили всю округу, — напомнил Флегонт. — С собаками! Тебя же и след простыл! А позже у нас сбежали заложники — и тоже из-за твоего колдовства!

— У тебя всё время кто-то сбегает, отец, — неодобрительно произнёс седой кнехт. — Занимался бы ты своим делом.

— Надо немедленно пуститься на поиски, — вместо ответа потребовал священник.

— У меня приказ рыцаря цур Ортвина, — покачал головой седой кнехт. — Велено довести до Сетора тебя и госпожу Бертильду. Мне нет дела до твоего пленника. Если он тебе так дорог, твоим людям надо было его лучше стеречь.

— Мы никуда не поедем, пока не вернём пленника, — настаивал Флегонт.

— Воля твоя, отец, — покачал головой кнехт. — Не поедешь сам, повезём силой.

В это время одним из последних растолкали Куно. Когда ему растолковали, что случилось, он просиял и расхохотался.

— Так им и надо, братьям-заступникам! — заявил мальчишка. — Нечего было к честным людям на дороге приставать!

К нему подскочил Флегонт.

— Ты что-то знаешь, мальчишка! Говори! Куда вы дели еретика?

— Ничего я не знаю! — буркнул Куно. — Ты совсем спятил, монах! Ехал бы себе, сам бы сторожил своего еретика, глядишь, сейчас никто не мешал бы за ним гоняться.

Неизвестно, что ещё бы наговорил Флегонт, но дверь распахнулась и в дверь вошёл воин, одетый так чудно, что все присутствующие уставились на него во все глаза. Были на нём странные просторные штаны в жёлто-сине-алую полосу и такая же накидка поверх доспеха. Голову пришедшего венчал чёрный берет, украшенный ярким пером.

— Эй! — позвал он. — Хозяин! Подавай на стол всё, что есть в твоей лачуге! Принимай гостей!

В открытую дверь Магда увидела человек двадцать, одетых точно в точно такие же полосатые наряды, только без перьев на берете. Видимо, какой-то отряд, но какой и чей — этого ведьма не знала. Флегонт, увидев их, переменялся в лице.

— Мир тебе, добрый человек, — поприветствовал он воина. — Ты из гвардии святейшего папы?

— Да, отец, — со странным шипящим акцентом ответил воин. — Я вахмайстер Тебес.

— Я отец Менлиус из святого ордена братьев-заступников, — представился Флегонт. — Вас послал сюда не иначе как сам Заступник! Нам нужна ваша помощь! Эти миряне препятствуют исполнению святого долга. Они защищают ведьму, которая помогла сбежать опасному еретику...

Он осёкся. В дом вошёл невысокий монах со смуглым лицом.

— Мир тебе, — приветливо поздоровался монах с Флегонтом и повернулся к кнехтам и Магде. — Мир и вам, добрые люди.

— Мир тебе, — без особой радости проговорил Флегонт. — Кто ты такой?

— Я посланец святейшего папы отец Сергиус, — еле заметно улыбнулся монах. — Продолжай. Что ты говорил про еретика? Не того ли самого, который убил заложника из Нагбарии?

— Его самого, — настороженно ответил Флегонт.

Монах отвернулся от него и повернулся к Магде.

— А ты, дочь моя...

— Я Бертильда, дочь рыцаря Криппа цур Лотарина, — представилась Магда, не решаясь ни лгать, ни говорить всю правду. — Мы с моим слугой совершали паломничество на север, в храм святого Зераса, чтобы помолиться за благополучное возвращение его милости барона цур Фирмина, в чьих владениях мы живём. Братья-заступники напали на меня в Ортвине, пытались похитить и обвиняли перед людьми в страшных грехах.

— Она ведьма, — настаивал Флегонт. — Чёрной ворожкой она усыпила всех на постоялом дворе и освободила пленника, которого мы везли на допрос в монастырь святого Агостона.

— Усыпила, говоришь? — заинтересовался отец Сергиус. — Как она это сделала?

— Я не знаю, как это произошло, отец, — вмешался седой кнехт, — но мы почувствовали странный запах, а потом все стали слабеть и засыпать один за другим. Проснулись на рассвете, а пленника нигде не было.

— А ты...

— Я Отто, десятник кнехтов славного рыцаря цур Ортвина, — представился седой кнехт. — Мы сопровождаем благородную госпожу Бертильду и отца Менлиуса на суд в Сетор, чтобы их рассудили бароны.

— Усыпила, говоришь... — задумчиво повторил отец Сергиус. — В городе Сеторе на дом баронессы цур Фирмин напали разбойники и с ними были братья-заступники. Прежде чем напасть, они пытались усыпить нас с помощью сонного дыма. Вы всегда прибегаете к нему для своих дел, отец Менлиус?

— Братья-заступники никогда...

Отец Сергиус от него отвернулся.

— Я так и думал, — сказал он пришедшему с ним гвардейцу. — Они похитили преступника, чтобы он не мог разоблачить их на суде баронов. Арестуй всех братьев-заступников на этом дворе, сын мой. Сколько их тут?

— Восемь, отец, — ответил Отто.

— Прекрасно. Это их телега стоит во дворе?

— Да, отец.

Магда не верила своим ушам. Явился какой-то священник и... что?... арестует брата-заступника?.. С каких пор святоши воюют со святошами?! Хотя... помнится, брат Полди... что-то там было.... Магистр... как его... Эртвин... но ведь это братья-заступники всех сильнее, разве не так?..

— Возвращайся домой, дочь моя, — посоветовал ей отец Сергиус. — Сейчас беспокойные времена, неподходящие для паломничества, что до барона цур Фирмина, то твоя мольба уже услышана и вскоре он вернётся домой.

Что-то шевельнулось в душе ведьмы. Что-то...

Барон.

Алмарик.

Вернётся домой.

К ней.

Увидит, какого сына она ему родила.

Нет.

Да.

Нет.

К кому бы он не вернулся, но только не к ней.

Она просила его не уезжать...

— Ты не рада? — поднял брови папский посланец.

— Рада, — кивнула Магда.

— А кто ты ему, дочь моя? — немедленно спросил отец Сергиус.

— Она его девка! — вмешался Флегонт. — Распутная ведьма, которая приворожила барона и склонила к своим грязным обрядам.

Куно в стороне что-то шепнул насчёт зависти и кнехты расхохотались.

— Позавтракаем и двинемся дальше, — решил отец Сергиус. — Отто, передайте вашему господину, что отца Менлиуса будет судить святая Церковь.

Отто обрадованно поклонился.

— Отец! Господа! — запричитал хозяин, когда на него, наконец, обратили внимание. — Душегуб-то, которого монахи с собой везли, украл все колбасы из кладовой! Мне вас и накормить-то нечем!

— Вот беда-то, — живо откликнулся отец Сергиус. — И ничего не осталось? Кашу тоже душегуб сожрал?

Кнехты расхохотались.

— Иди, иди, сын мой. Подай что есть, хоть бы и самой простой пищи.

Магда почувствовала на себе пристальный взгляд монаха и отвернулась.

Всё получалось даже лучше, чем она смела мечтать.

Виль свободен, её никто ни в чём не подозревает...

— Дочь моя, мы можем поговорить? — вежливо спросил её папский посланец.

Магда настороженно кивнула. Ничего она со *святошей* обсуждать не хотела. Но откажи-ка такому, когда у него отряд из двадцати человек и они даже братьев-заступников арестовывают!

В зале гвардейцы деловито вязали братьев-заступников и Магда провела монаха в свою комнату. Куно, тоже насторожившись, пошёл за ними.

— Это твой слуга? — приветливо спросил отец Сергиус, кивая на мальчика.

— Слуга, — подтвердил мальчик.

Монах осенил его священным знаком.

— Как тебя зовут, сын мой?

— Я Куно. Моя мать держит трактир в Латгавальде в Фирмине.

— Подожди нас здесь, — сказал монах.

Они вошли в комнату Магды, в которой та даже не ночевала.

— Дочь моя, — вежливо произнёс отец Сергиус, — должен спросить тебя... поверь, не в целях осудить и не из праздного любопытства... Правда ли то, что кричал о тебе этот юродивый?..

Магда вспыхнула.

— Я барона не привораживала, отец.

— Нет, я хочу узнать, не называют ли тебя во владениях барона цур Фирмина ведьмой.

У Магды мучительно сжалось сердце. Сказать правду? Солгать? Будет ли этот странный человек проверять? Она уже почти решилась солгать, но что-то в цепком взгляде монаха удержало её.

— Меня называют ведьмой Магдой, отец, — призналась она.

— Кто-нибудь может подтвердить твои слова?

Магда поперхнулась. Ведьма признаётся в том, кто она есть, и святоша требует доказательств?! Или мир сошёл с ума, или небо упало на землю, или наступил конец света, а она и не заметила?!

— Куно, — буркнула ведьма. — И Флегонт... отец Менлиус. В Латгавальде — кто угодно.

— Тогда, полагаю, это написано о тебе.

Он протянул ведьме письмо... буквы все знакомые, её учили писать и читать, но она не могла разобрать ни слова!

— Позволь, я зачитаю, — мягко предложил отец Сергиус. — Это написано на церковном языке, неудивительно, что ты ничего не поняла. Полагаю, тебе неинтересно будет слушать про предательство братьев-заступников...

— Предательство?!

— ...поэтому... Ага, вот это...

Признаюсь тебе, что, отправившись в священный поход, надеялся обезопасить свои владения и свою семью от происков ордена. Но их предательство, поставившее под удар всю армию, заставляет меня опасаться за своих близких. Передаю твоему попечению мою дочь Нору цур Фирмин, которую я назначил регентом в своих владениях и передал ей своё место в совете. Также вверяю твоим заботам Бертильду цур Лотарин, дочь рыцаря Криппа цур Лотарина, проживающую недалеко от моего наследственного замка Ордулы, известную в моих владениях под именем ведьмы Магды. И с ней её дочь Эрну, рождённую вне брака, и сына Леона, которого Бертильда родила мне и которого воспитывают как своего ребёнка мои вассалы шателен Ордулы Вир и его жена Вейма. Если воля Заступника мне не вернуться домой, то этим письмом я признаю своего сына Леона своим законным сыном и доверяю моей дочери Норе выделить своему единокровному брату долю в наследстве такую, какая полагается для чести младшему сыну барона. Этим же письмом я утверждаю, что сыну моему Леону не полагается ни замка, ни доли в земельном владении, ни места в совете баронов. Матери же его, Бертильде, завещаю свою любовь и дом, в котором она проживает, а также часть леса вокруг него, в полную собственность для неё, её дочери и прочего потомства, за исключением нашего общего сына. Этим письмом я объявляю свою волю: в Фирмине ни Бертильда, называемая ведьмой Магдой, ни её дочь Эрна, ни другое, сколь угодно дальней потомство не могут преследоваться за занятие колдовством, покуда оно служит для процветания моих владений.

У Магды вырвался протяжный вскрик и она закрыла лицо руками.

— Он никогда не говорил мне, — призналась она, с трудом подавляя слёзы. — Он... он...

— Он жив, дочь моя, — успокоительно произнёс монах. — После этого письма я получил ещё несколько. Он жив и в добром здравии. Что с твоими детьми?

Магда сглотнула.

Лгать столь высокопоставленному священнику, посвящённому бароном во все свои тайны было опасно.

— Мой сын... его отвезли в Вилтин... У графа воспитываются внуки... сыновья Норы... её милости Норы... Вейма отвезла Леона туда.

Отец Сергиус кивнул.

— А твоя дочь?

— Моя дочь... моя дочь... она... с ней... её... волшебница Вириная увезла её в Белую башню.

Монах кивнул. Слава Освободителю, он не стал расспрашивать дальше.

На мгновение мелькнула мысль рассказать странному монаху о том, что дочь похитили, что её нужно спасти, что...

— Возвращайся в Фирмин, дочь моя, — успокоительно произнёс отец Сергиус. — В своё время барон к тебе вернётся.

Он осенил её священным знаком и вышел из комнаты. Магда услышала, как он спрашивает Куно, правда ли Бертильда и ведьма Магда — одно лицо и может ли он утверждать, что колдовство её служит на пользу Фирмину и подтвердят ли это другие жители владений. Мальчик отвечал неохотно, но всё подтвердил, и легат вышел в общий зал.

— Куда теперь? — тихо спросил Куно.

— Домой, — пожала плечами Магда. — Только не через Корбинан.

— А...

— Молчи! — взмолилась ведьма.

Они вернулись в зал вслед за легатом и услышали, как тот рассказывает кнехту Отто, что на западе страны начинается война и что по дороге они встретили барона цур Абеларина, который собирался напасть на Фирмин, едва соберёт войска, и так его вразумили, что он остался с основной частью отряда штурмовать монастырь братьев-заступников.

— А вы сюда подались, отец?.. — почтительно спросил кнехт, не решаясь прямо спросить, зачем отец Сергиус тут оказался.

— Мы получили сведения, что братья-заступники перехватили убийцу северного заложника, — пояснил папский посланник. — Боюсь, мне не хватило терпения ждать их под стенами монастыря...

— И теперь вы будете искать того душегуба? — нахмурился Отто.

Магда заподозрила, что кнехт боится, как бы искать Виля не приказали ему. Она быстро взглянула на Куно. Тот сидел, опустив взгляд, и старательно делал вид, что ответ его не интересует. Слишком старательно. Отец Сергиус покачал головой.

— Исчезновение этого человека, когда он находился под надзором братьев-заступников, да ещё при помощи колдовства, которое они уже использовали в своих делах после того, как я получил доказательства, что их орден нанимает разбойников из числа проклятых для своих преступлений... Это само по себе подтверждает их вину. Я не буду отвлекаться от своего дела ради его поимки. Придёт время и они мне сами всё расскажут. К тому же он только орудие.

Магда с трудом подавила вздох облегчения.

— Вы можете вернуться домой, — предложил отец Сергиус, — но я бы попросил вас проводить госпожу Бертильду до... как называется твоя деревня, дочь моя?..

— Латгавальд, отец, — ровным голосом ответила ведьма. Только ей десятка кнехтов не хватает в провожатых!

— До Латгавальда, — заключил монах.

Отто охотно согласился и Магда сглотнула. Десяток кнехтов не приведёшь к себе в лесной домик и не попросишь натаскать воды... может быть, ей заехать в замок?.. В Ордуле её знали, барон даже предоставил ей комнату, в которой она почти никогда не бывала... В

Ордуле даже знали её настоящее имя и, конечно, в каких отношениях она была с бароном...

— Я не знаю как вас благодарить... — начала она, но и Отто, и монах отмахнулись от неё неискренних благодарностей.

Делать было нечего. Оставалось только надеяться, что ей удастся отделаться от непрошенных доброхотов, а там уже Виль найдёт её сам.

История пятая

Война

Глава первая

Серая пустошь

Для маленькой Эрны время тянулось бесконечно долго. Расправившись с незнакомым рыцарем, который оказался оборотнем и безнадежно пытался защитить девочку, волшебница повезла её дальше и дальше, через лес, на восток, до самой Серой пустоши.

Серая пустошь оказалась странным и страшным местом. Волшебница скакала вперёд и вперёд, под её ногами расстилалась сияющая белым светом дорога, а над головой с завыванием летали жуткие голые тётки. Виринея не обращала на них внимания, она погоняла и погоняла своего белого коня, пока впереди не загорелась ярким светом волшебная башня. На её фоне Чёрная и Бурая башни терялись. Виринея спешила и сняла с седла ослабевшую от слёз и страха девочку. Как ни была напугана Эрна, а всё же заметила, что волшебница не позаботилась о своей лошади, не поискала кого-то, кто ею займётся, а ведь животное было всё в пене.

Оглядываться было некогда. Вокруг не было ни забора, ни ограждения, рядом не стояло ни единого сарая. Виринея схватила Эрну за руку и поспешила в Белую башню. Двери распахнулись от одного её прикосновения и, несмотря на позднюю ночь, волшебницу встретил высокий человек в таких же, как у Виринеи, белых одеждах.

— Привет тебе, сестра, — сказал он.

— Привет и тебе, брат Невлин, — кивнула Виринея.

— Кто это с тобой? — спросил волшебник.

— Девочка, которую надо спасти от проклятия, — серьёзно ответила Виринея.

— Не надо меня спасать! — от обиды у Эрны прорезался голос. — Я к маме хочу!

Отвези меня к маме! Так нечестно!

— Её мать — ведьма, — пояснила Виринея.

— Ну и что?! — снова закричала Эрна. — Она моя мама! Ты как разбойники! Ты меня украла!

Высокий волшебник наклонился и заглянул девочке в лицо.

— Такая маленькая и такая сердитая, — улыбнулся он. Эрна, насупившись, вырвала у Виринеи руку и отвернулась. — Давай так: ты переночуешь у нас, я поговорю с моей сестрой Виринеей, а завтра ты нам всё расскажешь. Хорошо?

— Нет! — затопала ногами Эрна. — Не хочу! Я хочу к маме! Сейчас! Немедленно!

Отпустите меня!

— Уже поздно и ты не можешь одна пройти по болоту, — без улыбки возразил Невлин.

— Я смогу! Отпустите! Я хочу к маме!

Волшебник выпрямился.

— Зачем ты её сюда привезла? — спросил он Виринею. — Здесь не место таким маленьким девочкам.

— Она уже ведьма, — резко ответила волшебница. Маг сразу же посерьёзnel. — Мать позволила чёрному убийце учить её своему ремеслу.

— Неправда! Дядя Виль хороший! Он меня на рыбалку брал!

— Видишь, что творится? — кивнула на девочку волшебница.

Эрна закричала ещё громче. В башне раздались шаги, встревоженные голоса и к входной двери собрались белые маги.

— Что здесь происходит? — раздался громкий уверенный голос. С лестницы спускался наголо бритый старик в длинном белом одеянии, из-под которого торчали голые ноги. Невлин толкнул Эрну в спину.

— Поклонись! Склони голову перед Держателем Чаши, — приказал он.

Эрну ещё никто никогда не заставлял кланяться. Пока барон жил в Фирмине, Эрна была ещё слишком маленькая, а когда подросла, вокруг уже не было никого, перед кем ей надо было бы склоняться. С посторонними же девочка не общалась, мать укрывала её в лесу и берегла как зеницу ока.

— А зачем он чашу держит? — спросила Эрна, обдумав приказ.

Виринея что-то простонала, а Невлин силой наклонил девочку, изображая поклон.

— Это символ! — непонятно прошипел он.

— Что здесь происходит? — повторил вопрос Держатель. — Сестра моя Виринея, что за нужда привела тебя сюда и что это за дитя с тобой?

Эрна во все глаза уставилась на волшебника и больше всего почему-то на торчащие из-под его одежды ноги. Были они худые, как у петуха, и ещё страшно волосатые.

Виринея замешкалась с ответом и Держатель уточнил:

— Это твоя дочь?

— Нет! — тут же закричала Эрна, поднимая взгляд на лицо волшебника. — Она меня украла! Она разбойница!

— Помолчи, дитя, — строго произнёс Держатель. — Когда тебе будет позволено, тогда ты и заговоришь.

Эрна от удивления замолчала.

— Я отняла её у разбойников, — пояснила волшебница. — Они похитили девочку у матери и хотели отдать в обучение ведьмам.

— Это правда? — спросил Эрну Держатель Чаши и девочка невольно кивнула. — Тогда почему она здесь, а не у себя дома?

— Её мать — ведьма. Она передала девочке своё проклятие и поручила её обучение проклятому убийце, — пояснила Виринея.

— Это правда? — снова спросил волшебник.

— Нет! — возмутилась Эрна. — Колдовство не проклятие! А дядя Виль хороший! Он...

— Замолчи, — оборвал её Держатель Чаши и повернулся к взрослым. — Нам некогда разбираться с ней. Невлин, позаботься о ребёнке. Виринея, сестра моя, пойдём в мой таблинй. Твоё возвращение сюда выглядит чудом. Ты знаешь, что твой супруг...

Невлин крепко взял девочку за руку и повёл её по первому этажу. Эрна безнадежно дёрнулась.

— Отпусти, — попросила она. — Я домой хочу, к маме!

— Ночь на дворе, — отозвался волшебник, — вокруг болота. Куда ты пойдёшь?

— Я же ведьма, — серьёзно отозвалась Эрна. — Я в болоте не пропаду и сквозь лес пройду.

Этого говорить, наверное, не следовало. Рука волшебника сжалась ещё жёстче и он зашагал ещё решительней. Эрна с трудом за ним успевала.

— Ты знаешь, что ведьмы получают вечное проклятие? — спросил он. — Они обязаны всю жизнь вредить людям.

— Это неправда!

Невлин покачал головой.

— Правда, девочка.

— Я ничего не сделала!

— Пока ты маленькая, — без улыбки пояснил волшебник.

— Я не собираюсь ничего делать!

— Пока ты маленькая, — повторил он.

— Я уже большая! — возмутилась Эрна. — Я сама коз дою, кур кормлю, стряпаю, дом обихаживаю!

Это тоже почему-то не возымело никакого действия. Невлин довёл девочку до какой-то низенькой двери с тяжёлым засовом, сдвинул его и втолкнул девочку внутрь. Там было темно и Невлин, подтолкнув Эрну дальше, зажёл масляный светильник над дверью. Эрна разглядела небольшую каморку с крошечным окошком под самым потолком. Невлин мог бы достать до него рукой, но Эрне высота казалась недосягаемой.

— Здесь ты будешь спать, — сказал Невлин, указывая на кровать — деревянный ящик с соломенным тюфяком. — Я принесу тебе одеяло. И поешь, ты ведь голодна, наверное.

— Я не хочу есть! — закричала Эрна, но Невлин, не обращая внимания на её крики, вышел из каморки. Девочка бросилась к двери, но проскрежетал засов. Оставшись одна, Эрна подумала, не заплакать ли ей, но решила, что сейчас не время. Виринея — и никакая она не тётя! — очень не любила дядю Виля. Она всем расскажет, что он её учил и все подумают, что Эрна плохая. Конечно, Виль злой и страшный. Но вот никогда же он не дёргал её так за руки, не тащил никуда насильно, не кричал на неё и не заставлял кланяться.

Мама рассказывала, что он её спасал. Прямо три раза спасал. И ничего не просил за это, а ведь они с мамой ссорились! Но Виринея что-то говорила...

Эрна напрягла память.

Волшебница говорила, что «этот убийца» её больше не побеспокоит.

Что это значило?

Девочка решила, что ждать возвращения Невлина она не будет.

Она подёргала дверь. Оглянулась на окно. Если поставить кровать стоймя, может быть, она сможет достать до окна... Но как залезть на кровать?

Подумав, Эрна решила, что лучше всё-таки дверь.

Девочка подёргала её. Засов держал крепко. Вот если бы удалось его как-то сдвинуть... мама могла дома передвигать предметы. А ещё она говорила, что в Серой пустоши легко колдуется. А она ведь ведьма! Она сможет!

Девочка зажмурилась, напряглась, но ничего не произошло. Как же это делается?.. Мама обращалась к каким-то силам, когда колдовала. Но ведь это было в её лесу, в их лесу. А здесь?

Ничего лучше не придумав, девочка прижалась к двери, потянулась мыслями вниз, к земле, из которой растёт ведьминская сила — сквозь каменный пол к тому, что не создано человеческими руками, — и, почувствовав, как что-то вроде бы откликается, направила усилия на дверь.

Сначала ничего не происходило.

Эрна зажмурилась сильнее и даже стиснула зубы. Что-то в самом деле выходило из земли, пробивало каменный пол и через Эрну тянулось к двери. Открыв глаза, девочка заорала от ужаса. Из каменного пола выходили зелёные побеги, проходили через тело девочки, выходили из её ладоней и впивались в дверь.

На крик сбежались люди, дверь попытались открыть, но девочка завопила ещё громче:

попытка сдвинуться с места причиняла ей чудовищную боль. Взрослые что-то говорили, спорили, даже кричали, пока, наконец, не раздался решительный голос Держателя Чаши, приказывающий всем разойтись. Сквозь дверь хлынул яркий белый свет и, как пламя, охватил фигуру девочки и призванный ею стебель. Эрне почудилось, что белый волшебник сжигает её заживо. Громче вопить уже не получалось, хотя девочка и старалась. Потом... всё закончилось. Исчезло сжигающее пламя, исчезла боль и, что важнее, исчез растущий из пола стебель. Эрна, не удержавшись, шлёпнулась на пол и едва успела отползти, чтобы её не стукнули дверью.

— В Белой башне запрещено колдовать, — сухо произнёс Держатель Чаши, сурово глядя на девочку. — На первый раз я тебя прощаю. Если ты ещё раз прибегнешь к своему проклятию, тебя выпорют и за тот раз, и за этот.

— Детей бить нельзя! — возмутилась Эрна, но её никто не хотел слушать. Держатель Чаш ушёл, Вириная, не глядя на девочку, прошла мимо, остался только Невлин с одеялом в одной руке и куском чёрного хлеба в другой.

— Что же ты натворила?.. — сокрушённо произнёс волшебник. — Зачем ты колдовала?

— Я к маме хочу!

— Перестань, — поморщился Невлин. — После твоей выходки...

— Да что я сделала?!

Невлин положил одеяло и хлеб на кровать и крепко взял девочку за плечи.

— Я повторю только один раз, — строго сказал он. — Колдовство — чёрная сила, которую дал обманутым людям Враг. Ты ещё слишком маленькая, чтобы понимать это. Тебя никто не воспитывал, это сразу видно. Нравы у нас строгие. Никто не будет терпеть твои капризы и твоё невежество.

— Меня воспитывали!

— Замолчи, — перебил её Невлин. — Говори только когда тебя спросят. Не смотри в глаза, пока не прикажут. Кланяйся, когда видишь старших.

— Но почему?!

— Таковы правила. Каждый белый волшебник и каждая волшебница подчиняется им.

— Но я не волшебница, я ведьма!

— Об этом забудь, — строго приказал Невлин. — Никто не позволит тебе пропасть.

— Но я не...

— Учеников, которые нарушают дисциплину, сурово наказывают.

— Но я...

— Замолчи. Отучайся возражать. В Белой башне своеволие не приветствуется.

Он сунул в руки девочке кусок хлеба. Она хотела было отказаться, но голод взял верх и она с жадностью принялась уплетать подачку. Хлеб был чёрствый и невкусный, но Эрна не сразу это заметила.

Волшебник наблюдал за ней, стоя у дверей.

— На сегодня это всё, — сказал он. — Утром получишь завтрак и указания. Насчёт твоей учёбы будет решено позднее. Мы редко имеем дело с такими, как ты.

— Но я не хочу учиться!

— Замолчи. Ты будешь учиться белой магии и станешь волшебницей.

— Но мама...

— Забудь о ней. Тебя ещё можно спасти, её уже нет.

Он погасил светильник и вышел прежде, чем Эрна успела разрыдаться.

Утром дверь отворилась без стука, но Эрна давно была на ногах. Виль поднимал её куда раньше. Накануне она долго рыдала и даже не заметила, как уснула. В каморку снова вошёл Невлин. Он принёс с собой поднос, на котором был стакан с водой, плошка с жиденькой кашей и маленький ломоть чёрного хлеба.

— Ешь, — приказал он, протягивая поднос. — До вечера больше ничего не получишь.

Это заставило Эрну поторопиться. Каша была сварена на воде и едва посолена. Хлеб оказался ещё черствее, чем накануне. Девочка хотела возмутиться, но покосилась на строгое лицо волшебника и промолчала.

— Наелась? — спросил Невлин, когда плошка опустела.

— Нет!

— Привыкай.

— А дядя Виль говорил, дети должны хорошо питаться.

— Тебе дали лучшее, что у нас было, — оборвал её Невлин.

Эрна скривилась.

— Молчи. Благодарю за то, что есть. Смирение — это добродетель.

— Мне надо на двор! — вместо ответа потребовала девочка.

— Зачем?

Эрна вытаращила глаза на непонятливого дядю и объяснила. Нелвил покраснел.

— Ты не должна обсуждать такие темы, тем более с мужчинами.

— Но ты сам спросил...

— Ты не должна говорить старшим «ты».

— А вот дядя...

— Ты не должна вспоминать убийцу, от которого тебя избавили.

Нелвил взял девочку за руку и повёл куда-то вглубь башни к чёрному ходу, у которого толпились одетые в белое женщины.

— Сестра моя Арела, — обратился он к одной из них, — позаботься о девочке.

Арела, темноволосая волшебница с рассечённой надвое правой бровью, взяла Эрну за свободную руку и пристально взглянула ей в глаза.

— Эта та маленькая ведьма, которая вчера перебудила всю башню? — безо всякого дружелюбия уточнила она.

— Да, она, — кивнул волшебник.

Он поклонился кому-то из толпы женщин и ушёл. Эрна немедленно дёрнулась, надеясь вырваться, но волшебница держала её крепко.

— Не глупи, ведьмочка, — сухо произнесла она. — Сейчас все взволнованы и тебе стоит вести себя потише. Твои братья и сёстры показали своё настоящее лицо.

— Мои — кто?! — распахнула глаза девочка.

— Наши враги, — нетерпеливо пояснила Арела. — Чёрные маги и ведьмы. Конечно, ты ещё слишком мала...

Девочка прикусила язык и благоразумно промолчала. Дверь распахнулась, но в неё никто не вошёл, только несколько волшебниц вышло, а ещё трое, и вместе с ними Арела, продвинулись к выходу.

Это повторилось немного позже и вот Арела вывела Эрну во двор.

Там оказалось, что всё-таки в Серой пустоши построены не только башни. В стороне стоял маленький неказистый сарайчик, окружённый живым кольцом из одетых в белое волшебниц. Они же образовывали живой коридор от дверей башни до входа в сарай и стояли очередь внутри этого коридора.

— Чего это они? — ляпнула Эрна. — Что там такое?

— А ты не понимаешь? — раздражённо спросила Арела.

— А зачем?..

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — оборвала её волшебница. — У нас это не принято.

Другие женщины и девушки среди собравшихся посматривали на Эрну с недобрый любопытством, но в самом деле ни о чём не спрашивали. Девочка поёжилась под их взглядами.

Вокруг белых волшебниц в раздражении кружили неряшливо одетые женщины и девушки.

Когда дверь сарайчика в очередной раз открылась, пятеро из них бросились на волшебниц и попытались пробиться к сарайчику, но тщетно. Те стояли насмерть, не подпуская соперниц.

— Довольно! — закричала самая старшая из неряшливых женщин. — Хватит этих глупостей! Белые, вы с ума сошли в своей башне?! Что за издевательство, вы здесь с рассвета и нас не пускаете!

— Это необходимо, — отрезала одна из волшебниц, немолодая седоволосая женщина. — Мы должны позаботиться о своей безопасности и о безопасности наших учениц.

— Да сколько можно?!

— Отдайте нам нашу сестру! — непреклонно потребовала седовласая волшебница. — Наша сестра Виринея ночью ушла в Чёрную башню к своему незаконному супругу и до сих пор не вернулась.

— Мы тут при чём?! — вытаращилась старшая из их противниц. — Мы в своей Бурой чёрным не указываем.

Эрна поняла, что это были ведьмы, которых белые волшебницы в приступе подозрительности оттеснили от нужника.

— А еда? — вскинулась Арела. — Мы уже который день не видим ничего, кроме жидкой каши!

— А вы за неё платили?! — разозлилась ведьма.

— Прежде вы нас ни о чём не спрашивали! — отозвалась соседка Арелы.

— Ах, прежде?! — вскипела старшая ведьма.

— Да что с ними, припадочными, разговаривать, — заговорила другая ведьма, помоложе. — Пусть подавятся своим нужником! Пусть в нём купаются!

Она плюнула себе на ладонь и швырнула плевок в сторону сарайчика. Что это было за колдовство, Эрна не разобралась, только волшебницы полыхнули белым светом — и ничего не произошло.

— Подите прочь! — закричала седовласая волшебница. — Наше терпение не безгранично!

Ведьмы с ворчанием отступили. Несколько из них отбежали куда-то за башню, но вскоре вернулись с лопатами и принялись копать яму недалеко от сарайчика. Эрна заметила,

что каждая волшебница, выходя из нужника, не уходила, а вставала в кольцо вокруг него или в коридор от башни до сарайчика. До заветных дверей было неблизко.

— Я сейчас описаюсь, — заявила девочка.

— Если ты это сделаешь, — хладнокровно ответила Арела, — мы наложим на тебя такое заклинание, что впредь ты будешь терпеть, пока не лопнешь.

— Но я...

— Она слишком мала, сестра Арела, — вмешалась другая волшебница. — Сёстры, пропустим дитя!

Кое-кто раздражённо проворчал что-то насчёт ведьм, о которых нечего заботиться, но всё большинство сжалились и Эрну пропустили вперёд. Внутри сарайчика было неожиданно чисто и пахло цветами. Эрна заглянула в яму, но там не было грязи. Сделав свои дела, Эрна вышла. В сарайчик вошла Арела и, морща нос, взмахнула широким рукавом. Вся грязь исчезла и с новой силой запахло сиренью. Эрна выпучила глаза, а дверь сарайчика захлопнулась. Девочка прикинула, не убежать ли ей сейчас, но волшебницы вокруг были такие злые и стояли так плотно, что она не рискнула.

У ведьм тем временем работа спорилась. Вырыв достаточно глубокую яму, они встали кругом неё и принялись колдовать. Что они делали, Эрна не поняла, но только вокруг ямы из утопанной земли пробились зелёные побеги и принялись разрастаться.

Арела снова больно схватила девочку за руку и повела её по живому коридору в башню. Ведьмы тем временем вырастили зелёные стены своего нужника и спорили, кто воспользуется им первой.

— А что случилось с тётей Виринеей? — рискнула спросить Эрна.

Про себя она решила, что предательница ей никакая не тётя, но понадеялась, что небольшая ложь смягчит Арелу. Так и получилось. Черты волшебницы слегка разгладились.

— Вириней в нарушении наших законов вышла замуж за чёрного мага. День ночь она неустанно трудилась, отвращая его сердце и деяния от зла. Её жертва всегда... — она махнула рукой. Эрна выпучила глаза. Она-то знала, что дядя Лонгин и тётя Вириней души друг в друге не чают. Но девочке достало ума промолчать. — Но стоило ей отлучиться... Недавно из Чёрной башни исчезли все преподаватели. Несколько дней ученики творили свои беззакония, а потом явился супруг Вириней и с ним какие-то чужие волшебники. Он объявил, что убил всех старших магов Чёрной башни и объявляет себя её владыкой. Те, кто пытался ему возражать, были жестоко наказаны.

Эрна, уже успевшая усвоить преподанные уроки, снова промолчала. Она не очень понимала, что такого мог сделать добрейший дядя Лонгин, что было бы хуже угрозы выпороть её за то, что она чуточку поколдовала и совсем немного ошиблась.

— И теперь каждый день, — продолжала Арела, не обращая на неё внимания, — крики под окнами. Читает свои проклятые лекции. Братья просили его не шуметь, а он заявил, мол, он рассказывает общие вещи, которые никому не зазорно послушать. Это о чёрной-то магии! С полудня всех учеников во двор выгоняет, устроил... как он это назвал... поле... полес... палестрой^[44]. Заставляет всех бегать, прыгать, драться... ещё и заклинание твердит... мен сана.^[45].. не помню. Здоровье пытается призывать. Видано ли дело, чтобы чёрная магия людей лечила! Ещё и ведьм там гоняет. С полудня и до самой ночи шум, гвалт...

Они как раз дошли до каморки, где держали Эрну, и Арела заглянула внутрь. Невлина там не было. Арела поудобней ухватила девочку за руку и пошла к лестнице на второй этаж.

— Вириней ночью к нему отправилась. Держатель Чаши поручил ей усювестить супруга,

чтобы он прекратил свои беззакония и восстановил прежний порядок. Ушла — и не вернулась. Братья пытались требовать её возвращения, но со стен им прокричали, мол, господин спит, а никакой Виринеи не видели. Что он с ней сделал — подумать страшно. Тогда Держатель Чаши приказал запереть двери башни и готовиться к худшему.

Эрна не очень поняла объяснения волшебницы, но кое-как разобралась, почему волшебницы так странно справляли свои дела.

Интересно, если дядя Лонгин не выпустил Виринею, это хорошо или плохо?

— Ведьмы тоже. Сперва держались. А потом он с ними поговорил — что уж сулил, чем пугал... совсем спятили. Раньше они еду на три башни готовили, а теперь жидкой каши еле допросишься. О деньгах заговорили — это ведьмы-то!

Эрна кивнула — по-прежнему молча. Мама тоже про деньги никогда не говорила и не любила слушать.

Арела провела её по второму этажу, открывая все двери и заглядывая в них, но Эрне подсмотреть не позволяла, пока, наконец, за очередной дверью не нашёлся Невлин. Это оказался таблиний Держателя Чаши. Эрна увидела там огромное зеркало, возле которого с простёртыми руками стоял хозяин таблиния. Невлин как раз подавал ему огромную чашу, до краёв полную светящейся водой. Держатель поднял её над головой и с размаху выплеснул содержимое на зеркало. Оно полыхнуло ярким белым светом, но ничего не показало. Арела почтительно кашлянула.

— Девочка, — сказала она, когда мужчины на неё посмотрели и толкнула Эрну, чтобы та поклонилась.

— Ах, да, — вспомнил Держатель. — Невлин, отведи ребёнка в комнату. Арела, подготовься.

— К чему? — настороженно спросила Эрна, почувывая что-то нехорошее. Арела отвесила ей подзатыльник, а мужчины сделали вид, что тут никто никого не спрашивал.

Невлин подошёл к девочке, взял её за руку и повёл прочь из таблиния.

— Ты не должна, — сказал он на лестнице, — открывать рот в присутствии старших. Поняла?

Эрна промолчала.

— Скажи: «поняла».

— Поняла, — буркнула Эрна.

— И не выказывай недовольства. Нечего возмущаться воспитанием, которое тебе дают для твоего же блага.

Он отвёл её в каморку, куда скоро подошла и Арела с какой-то тряпкой. Невлин как раз в тот момент говорил девочке:

— Тебя будут водить на двор два раза в день. Кроме того...

— Два раза?! — выпучила глаза девочка и тут же боязливо оглянулась на Арелу. Вот сейчас как заколдует, а потом Эрна лопнет!

— Я могу заколдовать ведро, — неуверенно произнесла волшебница.

— Позже, — нетерпеливо бросил Невлин и вышел из каморки. — Я подожду снаружи.

Вместо него вошла невысокая полная волшебница с огромными ножницами в руках. Эрна видела, такими в деревне стригли овец. Ей стало страшно.

— Поклонись сестре Наре, — потребовала Арела. Эрна неохотно повиновалась, за что получила ещё один тычок. Нара брезгливо оглядела девочку.

— Ведьма, — скривилась волшебница. — Раздёнся.

Эрна выпучила глаза и осталась стоять.

— Раздёнсья или тебя раздёнут силой, — повторила требование волшебница.

Эрна скинула платье.

— Сорочку тоже сними, — приказала Арела.

Девочке стало совсем не по себе, но бежать было некуда. Она сняла и сорочку, оставшись совершенно голой.

— Подойди сюда! — велела Нара. Эрна замешкалась и Арела её подтолкнула.

Нара вытянула перед собой руки, которые засветились, как показалось девочке, жутким мертвенным светом. Там, где этот свет касался кожи, возникала боль. Эрна дёрнулась и закричала.

— Её проклятие отвергает истинный свет, — сообщила Нара. — Ну-ка, ну-ка.

Она ткнула пальцем в плетённый браслет на руке девочки.

— Это мамино!

— Я так и думала, — кивнула Нара. — Сестра моя Арела...

Арела послушно сорвала с руки девочки браслет. Эрна протестующе завопила и получила затрещину.

— Ведьминых отметок на теле нет, — удовлетворённо сказала Нара. — Осталось одно.

Прежде, чем Эрна поняла, что для неё готовят, Нара схватила её за косу и ловко срезала этими ужасными овечьими ножницами. Критически оглядела получившийся результат.

— Этого мало. Надо сбрить, — сообщила она.

Эрна схватилась за голову и забилась в угол.

— Не надо! — закричала она. — Так нельзя! Нельзя! Мама говорила! Нельзя так с волосами! Так с девочками не поступают! Не надо! Мама! Мамочка! А-а-а-а!

— Очень сильное проклятие, — поморщилась Арела и силком вытащила девочку из угла. Эрна кусалась и царапалась, но взрослые волшебницы скрутили девочку и, достав откуда-то бритву, лишили маленькую ведьму остатков волос. Она так брыкалась, что волшебницы её несколько раз порезали и залили пол кровью.

— Проклятие и своеволие, — покачала головой Нара, магией заставляя раны закрыться. — Придётся много потрудиться, чтобы спасти это дитя.

После всех процедур Эрна уже ничего не хотела говорить. Чужая магия зудела под кожей, было больно и страшно. Арела кинула девочке тряпку, которая оказалась балахоном из небеленного полотна.

— Надень, — приказала она. — Одежда теплее тебе не понадобится, выходить из башни ты пока не будешь.

Она открыла дверь. Нара вышла и вместо неё вошёл Невлин с ведром. Эрна попятилась но волшебники просто поставили ведро в угол и Арела, наклонившись, что-то над ним прошептала. Потом Невлин воткнул в стену над ведром какую-то загогулину, тоже что-то сказал — и из загогулины полилась вода. Не долетая до ведра, она исчезала. Невлин вышел.

— Ты сможешь отправлять свои надобности в это ведро, — объяснила Арела. — Оно зачаровано на самоочищение. И умойся. Эта вода позволит тебе умываться и утолять жажду. А сейчас подумай над своим поведением.

Она собрала старую одежду девочки, разбросанные по полу волосы и вышла за дверь. Снаружи заскрипел засов.

Эрна забилась в угол, сжала изуродованную голову. Плакать больше не хотелось.

— Я сбегу, — с настоящей, уже взрослой злобой пообещала девочка. — Сбегу, вернусь

сюда и развалю Белую башню. А этих тёток побрею и убью! Будут знать!

Снаружи что-то жутко загромыхало. Эрна сперва сжалась в комок. Потом распрямилась. Это ответ? На её слова? Кто-то принял её клятву? Она теперь по-настоящему проклята?

Но потом снаружи раздался раздражённый голос. Он не кричал, но слышен был во всех трёх башнях и, наверное, долетал до самого края Пустоши.

— Когда здесь будет порядок?! Я спрашиваю, долго ещё это безобразие будет продолжаться? Я запретил натурные эксперименты без теоретической подготовки. Почему они до сих пор проводятся?! Так, ты, ты и ты — десять стадий^[46] бегом без отдыха, двести прыжков, потом вернётесь в башню. Кто не представит к вечеру обоснования своей ошибки, будет наказан. Кто не пробежит десять стадий, будет наказан.

Эрна узнала голос чёрного волшебника. Это был дядя Лонгин. Он был непривычно сердитый. Видимо, ему не понравилось как бумкнуло. А волшебник продолжал:

— Что?! Я могу вас оставить без присмотра?! Что вы тут устроили?! Ничего не желак слышать! Прекратите этот балаган, пока я не вмешался! Что?! Моя жена?! Вириная останется в моей башне, этот вопрос не обсуждается. Каша?! Какая ещё каша, обратитесь в Бурую башню. Нужник?! Враг вас побери! Вы и нужду без меня справиться не можете?!

Эрна прыснула в ладошку. Лонгин, видимо, куда-то шёл вокруг башен и раздавал указания то чуть приглушая голос, а то поднимая его снова.

— Ульберга! Я вас давно ищу. Что вы тут устроили?! Да к Заступнику этот нужник! Я спрашиваю, почему мне опять жалуются?! Почему ваши ученицы напали на обоз?! Я непонятно объяснил в прошлый раз?! Вы понимаете, что вашу дыру никто не трогал потому, что она никому не была нужна?! Вы представляете, что с нами будет, когда сюда придёт армия?! Вы представляете, что такое подготовленная армия?! Вы понимаете, что она уже здесь, в Тафелоне?! Болота?! Ах, болота! Да вы тут совсем мхом обросли, в ваших болотах! Думаете, подготовленный отряд тут не пройдёт?! Ну, так я вас огорчу! Ещё раз, Ульберга, повторяю. Ваши ученицы должны патрулировать Пустошь, а не травить обозы. Вы представляете себе смысл патрулирования? Нет? Ах, представляете! Кто на вас кричит?! Кому вы нужны, на вас кричать?! Я повторяю в последний раз: я с трудом договорился о неприкосновенности этого места. С большим трудом. Мне это не нужно. Но я взял на себя обязательства и намерен их выполнить. Итак. Патрулирование. Напоминаю, ваши ученицы, заметив посторонних в Пустоши, должны не нападать на него и не распугивать лошадей своими завываниями. Спуститься и в приличном виде, — вы понимаете, что такое приличный вид?! Волосы?! Да Заступник с вашими волосами! — одетыми они должны быть! Меня не интересует, как они это сделают! Итак, в приличном виде! Спуститься и проверить, есть ли у этих людей пропускная грамота. Вы понимаете, что такое пропускная грамота?! Ах, нет?! Зайдите ко мне вечером, я дам образец и вы передадите его своим ученицам. Итак, проверить грамоту! Если грамота есть, пропустить и больше не останавливать! Если грамоты нет, удержать на месте и послать одну из вас сюда. Вы поняли?! Я напоминаю, Ульберга, армия. Мне твёрдо пообещали, что Пустошь будет выжжена, башни разрушены и всех их обитателей будут судить церковным судом. Вы представляете, что такое церковный суд для таких как мы?! Представляете?! Тогда займитесь.

Он помолчал и уже тише добавил:

— Продовольствие нам будет доставляться до границ Пустоши, о большем я договориться не смог. Позаботьтесь о том, чтобы перетащить это сюда. Ах, да. Подумайте о

полезном занятии, которое могло бы... Что?! Деньги?! А кто вам предлагает деньги?! Вам предлагают хлеб, свечи, вино, мясо, полотно... продолжать? Я жду ответа послезавтра. Если он мне не понравится...

Он прошёл ещё куда-то и принялся говорить что-то непонятное про ограничения, от которых будто бы зависит магическое искусство.

Эрне быстро наскучило слушать Лонгина, она подняла голову и оглядела комнату. Её взгляд наткнулся... Эти гадкие тётки забыли тут свои жуткие ножницы! Эрна жадно их схватила. С оружием в руках она чувствовала себя гораздо увереннее. Потом девочка сникла. Куда она — даже с ножницами! — против толпы взрослых волшебников?! Но они пригодятся. Взгляд девочки метнулся по комнате. Она схватила тюфяк, зубами порвала нитку, которым его зашили, запихнула ножницы поглубже, кое-как затянула нитку, перетряхнула солому и положила тюфяк обратно. Услышав шаги, девочка забилась обратно в угол.

Заскрежетал засов.

Дверь открылась и в каморку заглянула Арела.

— Мы забыли здесь ножницы, — сказала она. — Ты их не видела? Только не лги!

— Видела! — дерзко ответила девочка. — Я выбросила их в ведро!

— Зачем?!

— Чтобы они пропали! И вы вместе с ними!

Арела заглянула в ведро, обошла комнату. Даже приподняла тюфяк. Но ножниц нигде не было. Эрна старалась не коситься на кровать, чтобы не выдать свой секрет. Она хорошо запихала ножницы в солому, они не брякнули и не попали волшебнице под руку.

— Не может быть, — пробормотала Арела и, ещё раз покосившись на девочку, вышла из каморки. Снова заскрежетал засов. Девочка мрачно улыбнулась своей маленькой победе и принялась думать.

Глава вторая

Белая башня

Получив вечером жидкую кашу, которая ещё и пригорела, и оттого противно воняла, Эрна решила. Её пока никто ничему не пытался учить, но долго ли это продлится? Белые волшебники, кажется, считали ведьм не совсем людьми и смотрели на Эрну как на кашку. А мама говорила, что магии учиться для колдуний вредно, может что-то испортиться в том, как соединяешься с природой. Ещё мама говорила, что волосы для ведьмы очень важны и, вспомнив об этом, Эрна провела рукой по своей изрезанной голове. Руки её сжались в кулак. Она им ещё покажет! Обязательно покажет!

Надо было что-то делать.

Колдовать, наверное, нельзя.

Почему так случилось, почему она проросла, непонятно. Может, место такое. Мама что-то говорила.

А ещё там, снаружи, дядя Лонгин. Вдруг он поможет?

Вчера Эрна сгоряча сулила добратся до дома пешком, одна и ночью, но сегодня немного остыла. Они забрали её волосы! Услышит ли её земля? Может, и не услышит.

Но дядя Виль говорил, что мама лишалась магии, и мама сказала, что это так и было. Мама же справилась! И она справится.

Дядя Лонгин её бить не будет. И у него есть еда! Он говорил, что есть. А дядя Лонгин врать не будет!

Может, он запер Виринею?

Может, они поссорились?

Ну, вдруг поссорились?

Может, он её маме вернёт.

Или накормит.

Ну, не будет же дядя Лонгин держать её вот так взаперти!

А если надо, она обещает, что у неё не бумкнет, вот!

Надо было как-то выбраться наружу.

Только вот как?

Эрна тоскливо оглядела комнату. Темнело, в окошко едва проникал свет, а светильник никто не стал заново зажигать. Здесь почти ничего не было, только кровать. А окно так высоко и такое маленькое, ей нипочём в него не пролезть, даже если она по стенам вскарабкается.

У неё есть ножницы. Но что она может? Не проковыряет же она им стену, чтобы выбраться наружу! А если выбраться в коридор? У Эрны заудела голова и она принялась расчёсывать поджившие благодаря магии ранки.

Стены были ужасно толстые. Ей ни за что... ни за что...

Нет, ей-то ни за что...

Но...

Эрна тихонько забормотала слова, которые Лонгин заставил её разучить. В каморке потемнело так, как если бы кто-то завесил окно плотным одеялом. Тьма казалась осязаемой. Девочка прислушалась, но никто ничего не почуял. Медленно, стараясь ничего не перепутать, она прошептала контр-заклинание. В каморке посветлело. Эрна выдохнула. Она

сдвинула кровать в сторону, вытащила из тюфяка ножницы и, усевшись поудобней, стала ковырять каменную кладку пола. Если вытащить этот большой камушек и вот эти два маленьких, то отверстие будет как раз для неё.

Эрна трудилась, пока не стемнело и какое-то время продолжала в темноте. Несколько раз ножницы соскальзывали и чуть было не ранили ей пальцы. Этого допустить было нельзя: волшебницы могли заметить и отобрать. Тогда Эрна убрала ножницы в тюфяк, укрылась одеялом и сама не заметила как уснула. Снилось ей тьма и ещё дядя Виль, который, как всегда, на что-то ругался.

Утром её разбудил Невлин, который принёс сухарь, велел умыться и идти с ним. Девочка с трудом разжевала подачку.

— А каша?! — спросила она.

— Нет каши, — хмуро ответил Невлин. — Во всей башне нет еды. Доела? Тогда пойдём. Он взял её за руку и почти потащил к лестнице.

— Они зря надеются нас сломить, — не то себе, не то Эрне сказал волшебник. — Наша сила только закаляется от лишений!

Эрна промолчала. Они тут совсем сумасшедшие! Ругаются, а у самих даже поесть нечего. А ведь дядя Лонгин говорил что-то. Про еду для тех, кто будет для него полезным!

Эрна вдруг подумала, что она-то не очень пока полезная и в испуге остановилась. Будет ли дядя Лонгин её кормить?! Невлин, не замечая этого, продолжал тащить девочку за собой.

— Не упираться, ведьминское отродье, — сердито проворчал он и втолкнул Эрну в ту же комнату, в которую вчера привела её Арела.

Там стоял такой же сердитый Держатель Чаши, который сверлил глазами зеркало. Зеркало было огромное, во всю стену, ни у кого такого нет! Кованая рама украшена узором с листиками и какими-то непонятными завитушками. В глубине комнаты стоял стол, на нём здоровая чаша, хрустальный шар и ещё какие-то штуковины.

— Я знаю, это называется астра... аса... астро-ля-бия! — вырвалось у Эрны и она ткнула в самую знакомую из них. Невлин отвесил ей подзатыльник.

— Верно, — хмуро произнёс Держатель Чаши. — А ты знаешь, для чего она нужна?

— Звёзды считать!

— Очень хорошо. А зачем надо считать звёзды?

Эрна растерялась. Она как-то не задумывалась. Дядя Лонгин считал всё, что ему попадалось на глаза. Звёзды на небе, гвозди в подкове, хлеб в кладовке, камни в мостовой (в Раноге была каменная мостовая) и даже, как тётя Ви... как Виринея говорила, чужие деньги. Люди даже нарочно звали дядю Лонгина, чтобы он им что-нибудь посчитал. Особенно деньги! Но иногда и звёзды тоже. Эрна всегда думала, что ему просто это нравится. Он ещё всё время изобретал какие-нибудь новые способы считать.

— Чтобы не потерялись? — неуверенно предположила девочка, когда молчание затянулось. Держатель Чаши хохотнул.

— Да, дитя, моя задача — следить, чтобы свет в людях не пропал, не погас и не затмевался. Чтобы люди не потерялись во тьме пороков. Мне говорили, что ты сметлива, понятлива и послушна. Это хорошо. Тебя будут учить белой магии и ты узнаешь то, о чём сейчас даже не догадываешься.

— А мама? — спросила Эрна, исподлобья глядя на волшебника. Тот нетерпеливо отмахнулся.

— Забудь о ней.

— Но я не хочу! Я хочу к маме! Мне не нужна белая магия!

Невлин больно ткнул девочку в плечо и она сдержала подступающий рёв.

— Я вижу, ты дерзка и своевольна, — покачал головой Держатель Чаши. — Что ж...

Невлин, уведи её. Пусть подумает в одиночестве.

Это Эрну устраивало.

Да-да, она подумает!

* * *

Настороженно прислушиваясь, Эрна продолжила расшатывать облюбованные ею камни и ковырять раствор вокруг них. За дверью кто-то ходил и разговаривал, но никто не думал остановиться возле её каморки. За этим занятием девочка гадала, сумеет ли она сделать всё как задумано или у неё тоже бумкнет? Но если у неё сильно бумкнет, наверное, остальное будет неважно.

Снаружи вскоре донёсся голос дяди Лонгина, хотя для него было рановато.

— Вы! Я к вам обращаюсь! И прекратите делать вид, что меня тут нет! Что?! Почему это я не должен?!. У вас тут, что, священные таинства?! Кто кощунствует, я?! Да в задницу ваш нужник, пропади он пропадом! Чтоб он в преисподнюю провалился вместе с вами!

Бумкнуло ещё громче вчерашнего, даже, кажется, башня покачнулась.

А дядя Лонгин, который вообще-то редко ругался и совсем никогда, если думал, что его могут услышать, разъярённо продолжал:

— Вы будете со мной говорить, когда я вам это приказываю! Я посылая к вашим дверям, мне не открыли! Какого Заступника вы напали на моих людей, проверяющих обоз?! Ведьмы?! Вас не касается, кем они были! Вы перепугали поставщиков, они подадут жалобу, мне придётся возмещать убытки, вы разворовали груз!.. Что?! Военная добыча?! Добыча, говорите вы?! Да вы хоть представляете себе?!.

Потом раздался грохот, звон, громкие женские крики, а после в окно донеслась противная вонь. Дядя Лонгин сломал нужник?! Или только расколдовал?

— Вас не касается, где моя жена, — уже спокойней сообщил дядя Лонгин. — И я требую выдать девочку, которую она с собой привезла. Это не ваш ребёнок и вы не имеете права... что?!

Он зло расхохотался.

— Вы доиграетесь, — зловеще посулил дядя Лонгин потом. — Ещё одно нападение на обоз — и бить будем насмерть. Если вы не вернёте похищенное...

Потом дяди Лонгина было не слышно, а вот громкие женские крики ещё долго доносились в окно. И воняло. Эрна, морщась, вернулась к работе.

* * *

Поздно вечером стало понятно, что ужин ей не полагается. Уже совсем стемнело, но никто не пришёл. Хотелось есть. Эрна никогда так много не голодала и теперь у неё сводило живот и мысли из головы как будто высасывались в пустоту. Девочка провозилась весь день. Тяжёлые ножницы несколько раз вырывались из рук и Эрна поранила пальцы, но ей удалось

выковырять камни из пола. Теперь надо было всё подготовить... и не проспать. Способа не проспать она не знала. Тело ломило от усталости, от неудобной позы, болели пальцы, зудела кожа головы. Эрна понимала, что уснёт сразу же, как ляжет на тюфяк. Или даже здесь на полу.

Это никуда не годилось.

Эрна откатила камни подальше. Света не хватало, ямку пришлось искать на ощупь. Так лучше или нет? Вот если бы она... если бы она...

Эрна взяла одеяло и принялась кромсать его ножницами. Часть ей и самой пригодится, и девочка старательно завязала углы на шее. Вышел тёплый плащ. А вот часть...

Эрна запихала одеяло в получившуюся ямку. Положила на него руки. Зажмурилась. Если она напутала, тут тааак бумкнет!

Или её утянет правда в преисподнюю.

Что с ней там сделают?

Будут мучить, как говорил священник?

Или приставят мучить других, она же ведьма, хоть и маленькая?

Или...

Эрна наклонилась пониже к ямке и прочитала заклинание дяди Лонгина. Одеяло исчезло. В ямке как будто стало темнее, чем было.

А вдруг ей показалось?!

«Миленький Освободитель! — взмолилась она. — Помоги мне выбраться! А я... а я... а я всегда буду в тебя верить! Миленький Освободитель, ну, пожалуйста! Я же ведьма, ты же должен мне помогать! Меня поймали злые люди, они не любят ведьм, они с тобой борются. А мне очень-очень нужно *Освобождение*! Ну, пожалуйста!»

Мама запрещала дяде Вилю рассказывать ей про *Освобождение*. Да и сам Виль не очень-то рвался, говорил, что он убийца, а не проповедник какой. Но ведь не Заступнику же ей молиться! Тот не помогает ведьмам!

Эрна решила.

Она набрала побольше воздуха и истошно заорала. Потом ещё и ещё раз, а потом хлопнула себя по губам на середине крика, чтобы он как будто оборвался. И затаилась возле двери.

Снаружи послышался шум, возмущённые и встревоженные голоса. Потом заскрежетал засов и дверь распахнулась так резко, что Эрну едва не ударило. Раздался стук кресала о камень и в каморке загорелся масляный светильник.

— Где ты? — раздался незнакомый женский голос. — Что за шут...

— Что здесь, сестра моя Иделла? — спросил Невлин.

— Когда вы проверяли девочку?! — ответила Иделла. — Вы видели, чем она занимается?! Тут прорыт подземный ход!

— Не могла она...

— Это же ведьма!

— Только три камня...

— Остальные, наверное, провалились вместе с ней! Вы слышали, как она кричала?!

Они помолчали.

— Она не могла далеко уйти, — решительно сказал Невлин. — Но нам сюда не пролезть...

— А если ей помогали снаружи?! Новый хозяин Чёрной башни мог и не то добавить к

своим незаконным деяниям.

— Кто пойдёт к Держателю Чаши? — спросил Невлин.

— Девочка поручена тебе, брат мой Невлин, — злорадно сказала Иделла.

— Дверь открыла ты, — возразил Невлин.

— Я пойду с тобой, — вздохнула Иделла.

Они вышли и — хвала Освободителю! — не догадались запереть дверь. Эрна бы заперла. Мало ли, вдруг из дыры кто-то бы вылез. И за дверью бы тоже проверила. И...

Снаружи магов о чём-то спросили, они ответили довольно громко о сбежавшей девочке, обозвали Эрну ведьминым отродьем и все вместе ушли.

Мешкать было некогда. Эрна осторожно выглянула в коридор. Там царил полумрак и никто её вроде не подстерегал. Сжав поудобней ножницы, Эрна тихонько прокралась в коридор. Наполовину ощупью она пробралась к лестнице и спряталась под ней.

* * *

Послышались новые шаги, снова крики, недовольные голоса, споры, разговоры, потом кто-то заговорил, что так вопить, как орала девочка, без причины невозможно и белые маги заспорили о том, что произошло. Мнения разделились. Одни думали, что Эрна проделала дыру в полу и провалилась и что нужно искать её в подвале, другие настаивали, что девочка теперь в преисподней, третьи — что в дыру выползла заколдованная ведьмочкой змея, проглотила её и уползла обратно в нору.

Ничего толком не решив, они заперли, наконец, каморку, и разошлись. Эрна ещё подождала — голод и волнение прогнали сон, — и выбралась из-за лестницы. Она вроде помнила, в какой стороне дверь. Всего несколько шагов — и свобода!

Эрна прокралась по коридору. Везде царил полумрак, но ей не надо было много света, чтобы что-то видеть. Виль поднимал её до света и заставлял собираться, не зажигая лучины, чтобы не разбудить ненароком мать. В темноте парадная дверь — две высокие створки, покрытые серебряным узором, — слегка мерцала. Она была закрыта на тяжёлый засов. Эрна осторожно коснулась металла, но ничего не произошло. Тогда она с усилием сдвинула засов. Тот поддался неожиданно легко. Видать, часто смазывали. Свобода была так близко... Эрна толкнула двери... те не двинулись с места. Потянула на себя. Ничего. Эрна толкала, пихала, даже попыталась удариться с разбега. Внимательно осмотрела и ощупала всё, до чего дотянулась. Обыскала какой-то старый бочонок возле низенькой тёмной от времени двери, с трудом дотащила до выхода (никто даже не услышал!), забралась на него и ощупала створки сверху.

Ничего.

Двери просто не хотели открываться.

Эрна села на бочонок и задумалась.

Может, поэтому дядя Лонгин и пришёл разговаривать с волшебниками возле нужника? Что в башню он попасть не может?

Может, дверь заколдована?

Эрна отволокла бочонок обратно. Виль приучил её к аккуратности, а ещё говорил что-то насчёт «не оставлять следов!». Бочонок, переползающий ночью с места на место — это очень подозрительно!

За дверь, к которой Эрна его вернула, приятно пахло свежим хлебом. Девочка заколебалась. Надо было пойти и проверить вторую дверь, но...

Волшебники наверняка сложили туда свою добычу!

А там хлеб! Свежий хлеб!

В животе у неё заурчало так громко, что Эрна испугалась, как бы на звук опять не сбежались белые маги.

Девочка потянула дверь. Та легко открылась. Эрна шагнула внутрь и... кубарем полетела по лестнице. Как ей удалось не заорать — этого она сама не поняла. Похоже, это был вход в подвал. В нём не было никакого света и Эрна заколебалась. Мама немножко могла это делать — у себя дома. Но Эрна не знала, как. Но здесь же Серая пустошь, мама говорила, здесь всё получается проще. Но...

Эрна бесполезно провела рукой по голове.

Они не оставили ей ни волоска!

Как можно колдовать, когда тебе сбрили волосы?! Они заплатят!

Тё... Вириная рассказывала, как вызвать свет.

Эрна выставила руки, напряглась... и ничего не произошло. Она попробовала ещё раз. И ещё.

Девочка устала и вспотела, но так и не смогла вызвать свет. Это означало, что она больше не была белой волшебницей даже на чуточку. Надо было что-то придумывать.

Она встала и ощупью нашла стену. Пошла, держась за неё. Было страшно, но очень уж хотелось есть. В подвале пахло сыростью, крысами и свежим хлебом. Рука провалилась в пустоту. Запах хлеба оставался где-то впереди. Дверь? Девочка прошла немного вперёд и снова нащупала стену. Ещё два таких провала — и нюх привёл Эрну в комнату, откуда вкусно пахло свежим хлебом. Всё так же ощупью она нашла мешок, нетерпеливо развязала его, вытащила свежую, мягкую ковригу и вцепилась в неё зубами. Было так вкусно! Даже дома не было так вкусно! В Латгавальде хлеб пекли серый, с отрубями, а тут белый, какой только господам подают! Эрна умяла ковригу так быстро, что даже сама не очень поняла, как это она закончилась. Достала вторую, отломилась здоровый кусок, съела его тоже и остановилась.

Надо было что-то делать. Она полезла шупать сваленные в комнате вещи. Нашла два мешка с хлебом и несколько бочонков. Внимательно обнюхала. От одного несло капустой. Эрна скривилась. Капусту она не любила, хотя в деревне не забалуешься, есть приходится что дают. Остальные бочки так просто по запаху не определялись. Эрна взялась за ножницы и принялась выковыривать крышки с бочек. Из одной пахло пчелиным воском. Это оказались свечи и Эрна обрадовалась. Ещё бы кресало найти. Почему, ну, почему дядя Лонгин не учил её разжигать огонь взглядом?! Вторая оказалась с вяленным мясом. Девочка обрадовалась ещё больше. Третий бочонок булькал и девочка решила его не трогать. Ещё расплескается...

А ещё Эрна нащупала отрезки полотна, плотного, но непривычно мягкого.

Девочка задумалась. А вдруг у неё не получится выйти из башни? Что тогда? Дядя Виле говорил, всегда надо наперёд думать и впрок запастись. А то, говорил, ну, сбежишь ты, ну, и околеешь с голоду, вот повезло-то!

Стараясь не очень разворошить вещи, она вытащила себе отрез, вооружилась ножницами и принялась за дело.

Ножницы успели затупиться, кромсать мягкую ткань было трудно, да и на ощупь

прикидывать, сколько отрезать, сколько оставить, было ужасно сложно. Кое-как она умудрилась откромсать примерно кусок такой длины, чтобы хватило на платье. Ну, наверное. Сложив его пополам, она принялась вырезать дырку для головы. Ножницы «зажёвывали» ткань, никак не хотели её прорезать. В конце концов Эрна проткнула дырку остриём и надорвала. Вроде получилось. Она скинула «плащ» из шерстяного одеяла, балахон и просунула голову в дырку. Пролезла она с трудом, но так даже лучше. Потом принялась за пояс. Пояс у неё вышел совсем плохо: где-то шириной в ладонь, а где-то едва в палец. Но вроде крепкий. Она подпоясала «платье», чтобы держалось, нащупала скинутый балахон, надела его и подпоясалась остатками получившейся у неё верёвки. Теперь плащ. Вот так. Теперь не холодно и противный грубый балахон не колет кожу. Из обрывков полотна она сделала себе что-то вроде платка и мешки, в которые запихала впрок хлеба, мяса и свечи.

Сколько времени она провела, прислушиваясь к ночной тишине и к возне крыс неподалёку, девочка не знала. Но утро, наверное, ещё не сейчас. Только... В темноте было сложно следить за тем, чтобы ничего не сдвинуть с места. Если это обнаружат... на кого подумают?

Она отломила кусок от ковриги и раскрошила там, где только что работала. Туда же кинула несколько кусочков мяса. Если крыс и отгоняет белое волшебство, они непременно явятся на приманку. Мама как-то говорила, что с этими тварями не может справиться ни колдовство, ни магия. Их можно только убить, но нельзя отвадить.

Закончив, Эрна отправилась к выходу из комнаты. Она наелась и её клонило в сон, но не здесь же! Проводя рукой по стене, девочка почувствовала холод металла и услышала звон. Цепи! Она ощупала находку. Из стены свисали цепи с кандалами на концах. Эрна поёжилась.

Вот так хорошие волшебники!

Шорохи за спиной стали громче. Эрне стало страшно и она побежала к выходу. Вдруг крысы захотят её съесть?! Мама говорила, голодные крысы... если он очень голодные... а эти, небось, ещё и волшебные, вон, сколько в башне живут! Девочка бежала и бежала, пока не ударилась с размаху о ступени лестницы. На глаза навернулись слезы и Эрна сердито их утёрла.

Она выбралась из подвала и заморгала в полумраке первого этажа, который после темноты показался ей ярким светом. Тут спрятаться негде, под лестницей днём всё прекрасно видно. Эрна припомнила, где находится задняя дверь и, не особенно надеясь на успех, попыталась её открыть.

Ничего.

Конечно.

Так и будут белые маги двери нараспашку держать.

Дождёшься от них.

Она пошла на второй этаж. Здесь она знала только ту комнату, где было зеркало. Осторожно толкнув её, Эрна заглянула внутрь. Никого не было, дверь не заперта, тускло светится волшебное зеркало. Даже странно. Тёт... Виринея говорила, что зеркало у неё простое, магию в него вкладывает волшебник. А тут... ведьмочка прокралась поближе, осторожно взглянула на гладкую поверхность. И покатила со смеху. Ну и чучело! Из-под балахона торчал неровно откромсанный угол чёрного «платья», платок был весь перекошен и с такими неровными краями, что и нарочно не сделаешь. Эрна немного похихикала, потом сложила свои узелки на пол и коснулась зеркала ладошками. Зажмурилась, стараясь

сосредоточиться на том, что хотела увидеть.

Зеркало отразило маму. Магда стояла в какой-то незнакомой комнате и, сцепив руки, смотрела на пламя свечи. Не то молилась, не то причитала, но губы у неё шевелились. Лицо у мамы было... было... Эрна не могла сказать, на что это похоже. Вот когда она всё время плакала, тогда, может быть... нет, и тогда было не так...

Девочка долго смотрела в лицо матери, пытаясь понять, как называется отчаяние, горе и решимость, которые отражались на лице ведьмы. Но таких слов Эрна ещё не знала.

Почему мама там? Что она делает? Это не их домик и не замок барона! Это какая-то чужая комната! Почему у неё такое лицо?! Почему она не спешит дочке на помощь?!

Изображение в зеркале помутнело и Магда исчезла. Эрна издала протестующий возглас, но тут в зеркале стало темно, а потом... потом...

Дядя Виль скрюченный лежал в какой-то теснящей каморке. По сравнению с ней та, где белые маги держали Эрну — королевские хоромы. На руках у него были цепи, руки и ноги стянуты верёвками. Девочка приглушённо закричала и зажала себе рот обеими руками. Кто же?!. Как же?!.

Эрна села на пол возле зеркала.

Вот почему дядя Виль не пришёл на помощь.

Вот на что намекала Вириная.

Она поймала его... но как?

Она говорила, что может следить только... только... белый волшебник может открыть только друга или врага. Но дядя Виль не был ни другом, ни врагом Вириной. Ему вообще на неё плевать было.

Тогда...

Вириная следила за ней, за Эрной.

Она предала своего... своего... предала дядю Виля, хотя и не хотела. Тётя Вириная... да будь она проклята!

Эрна сжала кулаки, потом прижалась к зеркалу и попыталась передать через него свою магическую силу туда, в ту каморку, где скорчился дядя Виль. Помочь ему, разорвать цепи, освободить...

Она аж заскрипела зубами от напряжения. Но... чуда не случилось. Чудес вообще не бывает, даже если ты волшебница.

Но, может, ещё не всё? Дядя Виль пока жив. Может, мама поехала его спасать? Вообще-то мама дядю Виля не любит, ворчит на него всё время. А дядя Виль маму всегда спасал! Столько раз спасал. А мама его? Неужто бросит?

Но почему у неё такое лицо?!

* * *

Эрна решительно поднялась на ноги, подхватила свои узелки. Выглянула в окно. Ночь перевалила за середину, но до утра было ещё далеко. Она собралась было выйти в коридор, но оглянулась на светящееся зеркало и спохватилась. На нём были ясно видны отпечатки её ладошек. Пришлось возвращаться и стирать. А то волшебники её сразу поймут!

Потом она осторожно выглянула в коридор. Там всё ещё царил тот же полумрак, что на первом этаже, и открытые двери всех помещений. Был там большой зал и несколько

зальчиков поменьше. И — лестницы. Эрна никогда таких и не видела, чтобы они закручивались как выюнок. Деваться было некуда, тут не спрячешься, и Эрна полезла выше. На третьем этаже света почти никакого не было, там стояли кровати, а кое-где просто валялись тюфяки. Лестница заканчивалась на третьем этаже и дальше не вела. К счастью, возле неё был коридор прямо к другой лестнице, теперь уже обвивающей что-то вроде серёдки башни. Девочка на цыпочках прокралась к ней и забралась повыше...

На следующем этаже было странно. Прямой коридор вывел её в круговой, но там не было ничего интересного, никаких окон, только входы во внутренние комнаты — открытые, без дверей. Там были свалены какие-то штуковины, колбы со странными жидкостями и мешки с порошками. В какой-то комнате лежали мечи, вот прямо так, сваленные кучей. И ещё Эрне показалось, что этот этаж поуже. Она побродила тут. Непонятно. Если сюда не полезут, здесь можно и спрятаться. А если полезут? К тому же спать тут неудобно. Хотя здесь было заметно теплее, чем внизу. Может, она сюда ещё вернётся.

Эрна дошла до прямого коридора и по нему — к внутренней колонне и обвивающей её лестнице. Поднялась на следующий этаж. Там она обнаружила такие же комнаты без дверей и ничего интересного, только тут были ещё прорези вроде бойниц во внешней стене. Выглянула, но снаружи пока не светлело. Эрна вернулась к лестнице... но ступени наверх были разобраны. Она растерялась. Белые маги забросили верхние этажи башни? Эрна задумалась, потом вспомнила, что ей что-то такое показалось этажом ниже...

Она спустилась. От винтовых лестниц кружилась голова. Обошла вокруг колонны и обнаружила ход внутрь. Сунулась туда. Девочке казалось, что она всю жизнь блуждает по этой проклятой башне. Она очень боялась, что от усталости подкосятся ноги, но старалась держаться. Увидела такую же лестницу, только по внутреннему краю... колодца? Было страшновато, но она полезла выше. Она же по деревьям лазить умеет! Её дядя Виль учил! А тут куда проще. Только вот мешки с едой тянули вниз всё сильнее.

Эрна полезла наверх, стараясь покрепче держаться за слишком высокие для неё перила. Она так была этим занята, что не сразу услышала шаги за спиной и оглянулась только услышав удивлённый возглас.

Обернулась и увидела несколькими витками ниже босого юношу в длинном белом балахоне. У юноши были очень удивлённые глаза. А ещё он держал в руках что-то вроде горшка с одной ручкой. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но у Эрны сдали нервы. Ничего хорошего ей встреча с белым волшебником не сулила. Надо бежать! Но куда?! На этой лестнице как на ладони! Надо скрыться с его глаз! Девочка затараторила заклинание дяди Лонгина. Что-то перепутала, поправилась, споткнулась и одним духом выпалила окончание. И только потом вспомнила, что дядя Лонгин же предупреждал...

Вместо того, чтобы залить весь колодец, тьма сгустилась в плотное облачко и полетела в сторону юноши. Тот выставил перед собой руки, послышалось знакомое потрескивание, Эрна совсем испугалась и закричала:

— Не надо!!!

Поздно.

Тьма и свет встретились.

БУМ!

Эрна завизжала и белкой взлетела на самый верх башни. Сама даже не заметила, как это получилось.

Снизу послышался сдавленный крик.

С самого верха она разглядела, что перила там, где стоял юноша, проломлены, а самого его нигде не видно.

У девочки подкосились ноги.

Он...

Он...

Нет...

— Этого не может быть, — прошептала Эрна, силясь разглядеть что-то на дне колодца. Там было так глубоко, что дна не видно. — Нет. Пожалуйста. Нет. Я не хотела!..

Но чудес не бывает.

Даже если ты волшебница.

Незнакомый юноша умер.

Она его убила.

К горлу подкатила тошнота. Эрну чуть не вырвало.

Откуда-то снизу раздались встревоженные крики. Эрна испугалась. Попадаться ни в коем случае нельзя! За такое её не то что выпорют, её там в подвале на цепь посадят! С крысами! Она поднялась по лестнице до самого верха и увидела выход на крышу, а на ней сияла маленькая белая башенка. Эрна открыла дверь, юркнула внутрь. Там пахло затхлостью и плесенью. И не было света. Она споткнулась обо что-то и чудом умудрилась не упасть. Заперла дверь (тут был засов!), на четвереньках, чтобы уже точно не падать, проползла внутрь и, наткнувшись, на что-то мягкое и вроде в углу, завернулась в это что-то и затихла.

Глава третья

Обычай

— Иргай говорит, — рассказывала Дака, ощипывая на привале подстреленную разведчиками птицу, — эта нежить — ух! Так и зыркает! По памяти так и шпарит. У того, говорит, мало добра, ему больше нужно, а у этого много. А тому детей кормить. Ткнула в кого-то. Корова, мол, завтра сдохнет. Ему лишняя нужна! Откуда ей знать?

Врени сидела рядом и потрошила птицу. Она усмехнулась.

— Она пьёт молоко у коров и коз. Кто-то говорил, и у людей даже может. А вместе с молоком высасывает жизнь. Пожадничала, небось, после раны-то.

— Всех оделила. Проводили крестьян-то. Завизжала, крыльями обернулась и улетела. Иргай говорит, подстрелить бы её, но раз уж обещал...

— Она не опасна, — отмахнулась цирюльница.

— А вот Иргай говорит, — не унималась Дака.

Врени вздохнула.

Она давно замечала у девушки признаки этой болезни, но деваться от Даки было некуда. Они въехали в Вилтин, их встретили люди графа и забрали и добычу, и пленных. Кое-кто из наёмников говорил, мол, только мы своё добро и видели, но остальные верили Увару, а Увар верил Клосу. Сама цирюльница не знала, что и думать. Ей не заплатили обещанные десять золотых, но обещали потом заплатить намного больше. А пока, вон, кормили вместе со всеми, да и то приставили птиц потрошить на первом же привале.

— Ты не веришь?! — мотнула косами Дака.

— Верю, — снова вздохнула Врени.

— Иргай сказал, нежить всегда опасна.

— Иргай, Иргай, — проворчала цирюльница. Они всего-то на день расстались с Иргаем а Дака только о нём и твердила, даже когда эти двое встретились и наговорились. — Замуж бы за него выходила, коли так нравится.

Дака зло сверкнула глазами.

— Выходи, выходи, — проворчала она, так ощипывая птицу, что её окружало облако. — Он тоже говорит — выходи.

Что Иргай тоже болен этой болезнью, Врени и не сомневалась.

— Так выходи, — повторила она. — Что мешает? Или родители его против?

— Ты не понимаешь! — яростно прошипела Дака. — Он тоже не понимает! Нельзя!

— Почему это? — устало вздохнула цирюльница.

— Ай, ты не поймёшь. Ты чужая.

Врени пожала плечами.

Дака помолчала, но вскоре ей стало невмоготу.

— Нельзя мне, — сказала она неохотно. — Кто за меня выкуп возьмёт?

— Какой выкуп? — в самом деле не поняла цирюльница.

— Обычай, — пояснила девушка. — Я знаю, ты не думай. У вас девушка сама за себя жениху выкуп платит. У нас не так.

— Это не выкуп, а приданое, — засмеялась Врени. — Её вклад в хозяйство.

Дака пожала плечами.

— А Фатей как же? — продолжала она делиться наболевшим.

— А что Фатей? — запуталась цирюльница. — Не ему же замуж идти.

Дака хрипло рассмеялась.

— Не обижай Фатея, не надо. По нашему обычаю, если я замуж пойду, ему в чужой шатёр идти, в чужой род входить. Наш род прекратится. Кто отцовский лук возьмёт? Кому отец меч передаст?

— А... — неопределённо потянула цирюльница. Дурацкие какие-то обычаи у этих людей.

— Мужчина должен выкуп принять! — зло мотнула косами Дака. — В моём роду есть мужчина! Фатей вырастет, выкуп возьмёт! А сейчас нельзя!

— Да будет ли Иргай столько ждать? — поразилась Врени. До мужчины мальчишке было ещё расти и расти.

— Пусть уходит, не заплачу! — сверкнула глазами Дака. В этом Врени не сомневалась. Заплакать не заплачет, а вот любую девушку, слишком близко подошедшую к её Иргая, может и зарезать.

— Ну, а другие ваши что? — подумав, поинтересовалась цирюльница. — Им тоже замуж нельзя?

— Почему? — удивилась Дака. — Им можно. Они выбирают.

— Они же без мужчин здесь.

Дака пожала плечами.

— Дома род остался. А они — нет. Их род теперь с нами. Теперь Увар их старший. Их же в степи схватили. Увар отбил. Он как отец им.

Врени послышалась нотка пренебрежения в голосе девушки, когда та говорила, что других схватили в степи.

— Тебя бы, небось, не схватили, — неодобрительно произнесла цирюльница.

Дака мотнула головой.

— Ха! Да если я на своей кобылке поскачу, тот всадник не родился, чтобы меня поймать в степи! — хвастливо заявила она.

От костра упала чёрная тень. Дака и Врени подняли головы. Иргай что-то сказал — как показалось цирюльнице, не на своём языке, а на родном для Даки.

Девушка вскочила, мотнула головой так, что косы хлестнули и её, и Иргая. Что-то ответила, тот возразил, тогда она закричала уже понятней:

— Ах вот ты как?! Уходи отсюда! И не приходи больше, слышишь?! Уходи! Не надо мне тебя!

Играй пожал плечами, повернулся и в самом деле пошёл прочь.

— И Фатею скажу, чтобы за тобой не ходил! — прокричала ему вслед девушка. — Не надо нам тебя, слышишь?!

Она села обратно и с новой яростью набросилась на птицу. В глазах девушки стояли злые слёзы. Расспрашивать её Врени не рискнула.

* * *

На следующем вечернем привале Увар напился вдрызг. Это было странно и ни на что не похоже. Наёмники косились на жоака и неодобрительно переговаривались, но прямо ему пока ничего не говорили. Он шатался по лагерю, невнятно на что-то жалуясь, мешая всем

работать, пока не наткнулся на Клоса. Рыцарь толкнул наёмника к своей палатке, клятвенно заверив, что обязательно его выслушает, и принялся сам расставлять караулы.

— Сейчас поход! — прошептала цирюльнице Дака. Сегодня была не их очередь заниматься готовкой, поэтому после того, как шатры были поставлены, раненые перевязаны, они могли отдыхать. — Он никогда так в походе не делал!

Врени пожала плечами. Что она могла сказать? Они отошли в сторону от лагеря и все встречные караульные провожали их внимательными взглядами. Далеко они не отходили, держались на виду, но Врени и этому радовалась. Ей никогда прежде не приходилось слышать в свой адрес «а если с тобой что-то случится» и сейчас это не слишком радовало.

— Не нравится мне всё это, — бросила цирюльница, имея в виду не Увара, а весь поход. — Зачем было Дитлин захватывать? Чего Клосу не сиделось?

— Чем плохо? — удивилась Дака. — Они же его обидели крепко. Он отомстил. Добычу взяли. Себя испытали. Хорошо!

— А теперь его союзники с братьями-заступниками большую войну начали, — не унималась Врени.

— Большая война — много добычи, — рассудила Дака.

— Или много смертей, — мрачно буркнула цирюльница.

— А ты вечно жить собралась? — удивилась девушка.

— Умирать на войне не хочется.

— Тогда побеждать будем, — засмеялась Дака.

Хрустнула ветка. Дака резко повернулась. Позади стоял Иргай.

— А, — сказала девушка и крепко взяла Врени за руку. — Пойдём. Никого там нет. Показалось.

— Ага, показалось, — закатила глаза цирюльница.

— Нечего одним по лесу ходить, — веско проговорил Иргай.

— Шумно стало, — сказала Дака. — Птицы тут громкие.

Цирюльницу внезапно осенило.

Она заставила Даку повернуться к Иргаю и толкнула к юноше.

— Не время сейчас ссориться, — буркнула цирюльница. — Поговорите как люди.

Дака вспыхнула и хотела возразить, но Иргай поймал её за руку.

Девушка мотнула головой, но промолчала, опустив взгляд. Врени мысленно вознесла хвалу Освободителю.

— А ты не ходи одна, — не забыл о цирюльнице Иргай. — В лагерь иди.

— Пойду-пойду, — не стала спорить Врени.

Иргай, не выпуская руки Даки, довёл цирюльницу до лагеря, но дальше они следить за ней не стали. Врени на это и рассчитывала. Дака никогда бы не дала цирюльнице подобраться к палатке Клоса и узнать всё-таки, почему Увар напился посреди похода.

* * *

— Что ты такое мелешь, — сердился Клос. — Какой Лотарин, что ты там забыл?

— Тес-тя, — заплетающимся языком отвечал наёмник. — Те-е-ес-тя. П-па-ас-ку-ду. Как он меня! Эх! Агнет-ту босой выгнал! Мне всы... всыпать велел! Эх!

— Какое всыпать? — разозлился Клос. — Какая ещё Агнета?

— Жена моя, — неожиданно внятно пояснил наёмник. — Дочь его. Старшая. Вот, решил за приданным навеститься.

— И как? — уточнил рыцарь. — Получил приданое?

— Да разве ж с него допросишься? Честить меня начал. Я-де и разбойник, я-де и подлец, я-де... Я стерпел. Но как он до Агнеты добрался... детишек наших уб... ублюдками назвал... Вот тут я не стерпел! Эх, вот уж и не стерпел я!

— И зачем было так напиваться в походе? — брезгливо спросил Клос.

— Так я всё думаю, — задумчиво признался Увар, — Агнета не заплачет ли? Ж-ж-жен... жен-щи-ны — они же т-та-кие... а он ей отец. Был.

— Был?!

— Так я же убил его, — объяснил наёмник. — Мы с ребятами его халупу быстро взяли. Уж полегче, чем Дитлин. Я с ним по-хорошему. А он?! Я-то ду-у-умал, раз он им грамоты дал, так признает. Приданое бы отдал по-хорошему.

— Кому дал грамоты? — устало спросил Клос.

— Дочкам своим. Агнете да Бертильде, невестке моей. Написал честь по чести. Что не какие-нибудь, а рыцарские дочери. И дети их — тоже.

— Знакомое имя, — усмехнулся Клос. — Бертильда. Братец Арне мой какой-то Бертильде стихи посвящал.

— Так это ж она! — обрадовался Увар. — Невестка моя. Её ж папаша следом за сестрицей выгнал, когда она в возраст вошла. Приданое не хотел отдавать. Паскуда.

— Погоди, — насторожился Клос. — Начни сначала.

— Тесть мой, — более или менее внятно пояснил Увар. — Рыцарь Крипп цур Лотарин. Мы с ребятами к нему наведались. А он моих детей...

— И ты его убил, — медленно произнёс Клос.

— Да мы там немного погорячились, — сознался наёмник.

— И ты всех в Лотарине убил? — ещё медленней спросил Клос.

— Да кого там убивать-то, — отмахнулся Увар. — Всех кнехтов у тестюшки — десятка не наберётся. А бабы...

— Ты их?..

— Да пальцем не тронул! — обиделся Увар. — Агнета б никогда не простила. Да и помню я их, ещё молоденькими.

— То есть ты захватил замок рыцаря цур Лотарина и убил его самого и его людей? — мрачно подытожил Клос.

— Так он мою жену!.. — возмутился Увар. — Детей моих!..

Клос что-то прорычал.

— Если б не война, — бросил он, — ты б нас этим в дерьме измазал, мститель!

— Так он детей моих!..

— Молчи уж. Или ещё не всё сказал?

— Баб мы зашугали, — рассудительно произнёс наёмник. — Тёщенька у родни какой-то была. Нас никто и не узнал бы. Из живых. Только вот мальчишка сбежал.

— Какой мальчишка?

— Так сын. Шурин мой, значит. У этого паскудника сын был. У меня старший чуть младше. Рука дрогнула, а он дёру. Лошадь увёл.

Клос что-то невнятно прорычал.

— Далеко не уйдёт, — успокоил его Увар. — Он на Серую пустошь с перепугу

ломанулся. Не утонет в болоте, так ведьмы зашекочут.

Клос выругался и шагнул к выходу из шатра. Врени отступила в ночь. Сделала несколько шагов, потом повернулась и пошла в другую сторону. *Она ничего не подслушивала. Её это не касается.*

Тем более, что её и правда это всё не касалось.

Какой-то убитый рыцарь, сбежавший мальчишка... Бертильда... Арне... хм. Арне — это, кажется, тот рыцарь, который стал оборотнем. А Бертильда — так, небось, ведьма Магда. Говорили на *встречах*, что она не из простых.

— Ты почему потерялась? — выскочила на неё маленькая Канит, самая младшая дочь Харлана. — Иргай сейчас петь будет. Дака сказала, тебя искать. Без тебя нельзя.

— Почему без меня нельзя? — не поняла цирюльница.

— Ты не слышала! — пояснила девочка.

Понятней не стало. Цирюльница покорно пошла за девочкой к костру.

Наёмники подвинулись, давая ей место. Кто-то сунул цирюльнице в руки кружку с дымящимся отваром трав. Она пригубила. Дака сидела поодаль и щёки её в свете костра казались алыми. Иргай как раз поднялся со своего места и запел. Голос его был неожиданно высокий и дребезжащий.

Рядом с Врени кто-то шевельнулся и она увидела Фатей. Мальчик вытянул шею, пожирая певца жадными глазами.

— Он поёт о древней славе, — неожиданно сказал он.

— А почему так... странно? — спросил рядом голос Клоса. Врени выругалась про себя: она не услышала, как подошёл рыцарь.

— Это песни моего народа, — объяснил мальчик.

— Твоего? — уточнил Клос. Перевёл взгляд с певца на мальчишку. — Так вы с ним разные народы?

— Разные, — нетерпеливо сказал Фатей. — Сегодня он поёт для Сагилла. На нашем языке.

— Для кого?

— Брат... — мальчишка задумался.

— Побратим его, — подсказал один из наёмников, сидящий с другой стороны от рыцаря. — Названный брат. И родной брат вот этого вот.

Он протянул руку мимо Клоса и хлопнул мальчишку по плечу. Тот аж присел от удара.

— Слушай его, рыцарь, — продолжил наёмник. — Фатей переведёт, как всё было.

Кто-то шикнул. Врени передала дальше кружку. Мальчишка отпил и запросто передал рыцарю. Тот от неожиданности принял кружку и тоже отпил.

В наступившей тишине голос Иргая, звенящий над костром, будоражил и неожиданно брал за душу.

— Он поёт, — тихо сказал Фатей, — о бое у переправы. Враги окружили наших воинов. Свистели стрелы. Но храбрый...

Он на одном дыхании выговорил какое-то совершенно непроизносимое имя и продолжил рассказ о славных подвигах героя. История оказалась грустной: в конце храбрый как-его-там погиб, прикрывая в бою товарища.

Безо всякой паузы Иргай начал новую песню. Фатей, раскрасневшийся не меньше сестры, продолжил переводить для рыцаря. Особым разнообразием песни не отличались. Другой герой погиб, когда защищали какую-то крепость. Подвиг оказался напрасен: воинов

предал трусливый начальник. Третий герой спасал коня. Чуть веселее оказалась песня про то, как налетели на какой-то город, сожгли дома, разграбили и увели в рабство женщин и детей. Потом Иргай замолчал. Выдержав паузу, он гортанно выкрикнул:

— Сагилл! Сагилл!

— Он зовёт брата, чтобы тот пришёл и услышал, — объяснил Фатей. — Он побратим, он не может не прийти. Год прошёл. Можно по имени звать.

Иргай запел громче прежнего. Видно было, что он вкладывает в своё странноватое пение душу. Наёмники, видимо, понимали этот язык, потому что принялись кивать, явно в самых захватывающих моментах истории.

— Мы ехали мимо деревни, — уже не переводил, а рассказывал мальчик. — Весь отряд. Там было мало людей. Дорога большая. Заехали. Было пусто. Большая деревня. Не было никого. Старушка. Поговорили. Показала дорогу. Короче. Лучше. Не поверили. Тогда — колдуны. Страшно было. Град с неба. Стрелы на лету гнили. Ветер. Крики. Туман. Отовсюду смерть. Сагилл один нашёл. Не обманулся. Дрался. Победил. Никто не видел. Один. Умер во тьме. Чары спали. Сагилл храбрец. Сагилла всегда будут помнить.

Дака вдруг дико вскрикнула. Она вскочила, рванула свои длинные косы и завопила:

— Сагилл! Ой, Сагилл!

С этим криком она ничком повалилась на землю и принялась кататься по ней, причитая, вскрикивая и раздирая на себе одежду. Другие девушки будто только этого и ждали. Они тоже схватили себя за волосы и подхватили плач и вой Даки. Наёмники смотрели на это безо всяких чувств. Не было ни раздражения, ни беспокойства, ни сочувствия. Будто такие вот картины в порядке вещей. Врени в смущении поднялась и шагнула к Даке. Это же надо так себя довести! Приступ какой-то. Чем теперь её отпаивать?.. Но цирюльницу остановила матушка Абистея.

— Оставь их, — посоветовала женщина. — Так по их обычаю полагается. Поплачут и успокоятся.

— Это она от горя так? — лягнула Врени. Матушка Абистея хмыкнула и сделала цирюльнице знак отойти вслед за ней от костра. Наёмники тоже расходились, аккуратно обходя катающихся по земле девушек.

— От горя, — невесело усмехнулась матушка Абистея, неодобрительно качая головой. — И по обряду. И от злости.

— От злости? — запуталась Врени.

— А ты думаешь, она по брату так убивается? Она его и не знала почти. Он мальчишкой ещё к нам прибился. А она с родителями росла. Моложе его.

— Объясни, — предложила цирюльница, недовольная недомолвками собеседницы.

— А чего там, — махнула рукой Абистея. — Она хотела, чтобы Сагилл собрал свой отряд, вернулся в их родной стан и всех её обидчиков наказал.

Она посмотрела на всё ещё плохо понимающую её цирюльницу и пояснила:

— Убил их всех, и мужчин, и женщин, а детей в рабство продал за море подальше. Чтобы и памяти от их племени не осталось.

Врени стало не по себе. Она по-другому посмотрела на воющую от горя девушку.

— Отряда у Сагилла не было, — продолжила матушка Абистея, — а не то бы его сестра или задразнила или зарезалась бы от злости, если б не поехал. А Увар сказал, наш отряд не станет всё племя убивать. Потом нам бы в степи жизни не было. А куда они против старшего? Вот Дака и растит Фатей. Она ему и сестра старшая, и жизнь в степи спасла.

Теперь вместо матери. Думает, вырастет Фатей, она его и заставит отомстить. Отряд не соберёт — вдвоём поедут.

— А Фатей знает?! — ахнула Врени.

— А куда ему деваться? Знает. Что он против старшей сестры скажет?

— А когда вырастет? Дака же говорила, он за неё должен выкуп принять. Он главное-то не станет?

— Она ему мать заменила, — строго пояснила Абистея. — Пока замуж не выйдет, будет его старше. Хоть до самой старости. Думаешь, ей хочется замуж? Жена мужа должна слушаться. Муж скажет — нет, она и не поедет никуда.

— А ты не хочешь, чтобы на ней Иргай женился? — заинтересовалась Врени.

— Почему не хочу? Хочу. Хорошая жена будет. Иргай сразу предлагал, как Сагилла отплакали. А она сказала, если их род умрёт, она зарежется. Тогда ведь мстить-то вроде как и не за что будет, если рода, которому обиду нанесли, не будет. Увар предлагал... — матушка Абистея махнула рукой, не договорив. — А Иргай сказал, ему такая строптивая невеста не нужна. Так год и ходят, друг на друга не глядят, весь отряд смеётся. Кабы он не так добр был бы, давно б...

Она снова махнула рукой.

— Да и молод пока. Своего шатра нет, своей доли в добыче. Куда ему спешить? Пусть тешатся.

Врени могла бы назвать много других слов, которые подходили Иргаю больше, чем «добр». Но всякая мать, наверное, видит своего сына самым лучшим, чего тут спорить?

— А тебе нужна такая невестка?

Абистея не поняла её и Врени поправилась:

— Дочь тебе такая зачем?

— Хорошая жена Иргаю будет. Мать его детям будет хорошая. Молоды только больно. А что строптивая, так у них в племени все девки бешеные.

Она помолчала и веско добавила:

— Вон в город тот приедем, Сетор, так гляди. Дела не будет, Дака удерёт и дома пожжёт в той деревне, где её брата обидели. До смерти не забудет и не простит. Хоть сейчас, хоть через сто лет, а отомстит. Они там все такие. У моей матери брат на такой женился. Знаю я их породу.

Врени поёжилась. Она таких людей не понимала и не принимала.

Матушка Абистея отвернулась от неё и пошла к всё ещё рыдающим девушкам. Наклонилась, что-то сказала. Дака как кошка вскочила на ноги. В свете затухающего костра блеснули на щеках дорожки слёз. Остальные девушки тоже встали.

— Спать иди, спать, — уже на понятном Врени языке проворчала матушка Абистея. — Наплакались.

Никто не спорил. Девушки разошлись.

— Завтра остальных поминать будем, — сказала Абистея цирюльнице.

— Остальных? — не поняла Врени.

— Думаешь, в том бою один Сагилл погиб? — хмыкнула матушка. — Обычай у нас разные.

— А откуда Иргай так их обычай знает? — заинтересовалась Врени.

— А почему бы ему не знать, если они с Сагиллом братались, и в племени он жил, только в другом, не в том, где Дака родилась. Всё он знает. А чего не знает, так по нашему

обычаю делает. Ты тоже спать иди. Завтра в седло до рассвета сядем.

Глава четвёртая

Перед осадой

В Сетор они въехали через день после поминания Сагилла. Врени зевала и чувствовала себя неважно: накануне наёмники поминали остальных погибших в том бою, почему-то тоже не как в Тафелоне принято, а по обычаю народа Харлана и матушки Абистеи. Может, из уважения к ним, может, привыкли за семь-то лет, а, может, им показалось, что так красивей. Врени особенно запомнилась диковинная не то пляска, не то пьяная драка, которую они устроили. А, ну, ещё как довольно-таки щуплый на вид Увар схватился с наёмником вдвое крупнее себя. Видно, хотел восстановить авторитет в отряде. Причём ещё умудрился победить, хотя Врени не очень поняла, как. Впрочем, матушка Абистея вскоре объявила, что женщинам нечего делать на этих поминках, мол, посидели — и хватит, — и всех разогнала. Судя по свежим лицам остальных женщин, они-то уснули. А цирюльнице очень мешали песни наёмников на всё том же языке Харлана и его семьи. Сначала воинственные, потом грустные, потом снова воинственные, а потом, судя по хохоту, и вовсе похабные.

Врени с отвращением посмотрела на наёмников. Они гуляли до поздней ночи, но лица у них были до отвращения свежие. Ей, конечно, всякое приходилось переживать, случалось и по две ночи не спать, но радости это никогда не доставляло.

А теперь они въезжали в Сетор.

Дорога была непривычной и неприятной: лес вокруг вырубил, ров, ещё недавно заваленный всякой дрянью, расширили и углубили, оставив всего один проход к воротам.

Наёмники были спокойны: они всегда отправляли вперёд разведчиков и теперь знали, что врагов вблизи города нет. Остальное пока было неважно, даже повешенные на стенах люди, на которых, кажется, никто, кроме цирюльницы, не обратил внимания. Город распахнул перед ними ворота и теперь отряд по-хозяйски въезжал на мостовую Сетора. Дака по-детски ахнула, разглядев каменные дома, довольно высокие в этой части города, и возвышающиеся вдаль шпили собора.

— Что это? — спросила она цирюльницу, показывая рукой.

— Это? — мельком взглянула Врени. — Это... ох... Храм Заступника. Понимаешь?

— Здесь живёт ваш бог? — спросила Дака.

Цирюльница оторопела.

— Нет, это не... он тут не живёт. К нему тут взывают.

— А-а-а, — закивала Дака, как зачарованная высматривая шпили храма. — Хорошо. Давай туда сходим? Или туда женщинам нельзя?

— Почему нельзя? — удивилась Врени. — Можно. Хочешь — пойдём.

— А что?.. — начала было Дака, но тут оказалось, что Иргай умудрился протиснуться мимо своих товарищей по узкой улице, где едва могли проехать два всадника, и сейчас знаком приказывал Врени выехать вперёд, уступив ему место возле Даки. Цирюльница пожалала плечами и послушалась. Иргай принялся что-то говорить девушке на своём языке.

Впереди улица расширялась и Врени смогла перебраться ближе к голове отряда. Горожан, видимо, разогнали заранее, потому что им никто не встречался... пока они не добрались до перекрёстка, где их ждали две всадницы с небольшим пешим отрядом за спиной. Кто-то из наёмников зашептался, осенил себя священным знаком, разглядев во

второй, которая была выше и худее, недавнюю гостью в Дитлине. Дамы были одеты в чёрное с серебром, головы их венчали островерхие эннены, с которых свешивались паутинно-тонкие вуали. У Веймы чёрная, у Норы — серебристая.

Клос спешился, подошёл к всадницам и помог спешиться жене. Супруги обменялись приветственным поцелуем. Вейма помедлила, тоже спрыгнула на землю и взяла под уздцы обеих лошадей.

— Что в городе? — деловито спросил Клос. Нора цеплялась за его руку и восторженно улыбалась ему.

— Пока спокойно, — сказала она. — Особенно когда повесили тех людей, которые на нас нападали, и кой-какой сброд.

Клос понимающе кивнул.

— Кто остался?

— Барон цур Ерсин, — пожал плечами Нора. — С ним почти все его кнехты. Твой отец защищает баронство Ерсин. Баронесса цур Кертиан обещала прикрыть Фирмин. Виф отправился туда. В городе ещё осталось два отряда аллгеймайнов и стражники Сетора. Ну, и, конечно, городское ополчение. Марила, моя дура, позвала своего брата, оказывается, хороший мастер. Это он... ах, да, тебя не звали... Словом, он делал стенобитные орудия, их показывали на турнире в первый день. Говорит, может на стены поставить.

Клос кивнул.

— Это все новости? — спросил он. Нора покачала головой.

— Мы посылали людей на разведку в Лабаниан. Они говорят... ещё три дня у нас есть. Потом... как решит граф.

Её голос дрогнул.

— Вернулись... не все.

— Погибли или захвачены? — быстро спросил Клос.

— Погибли, — отозвалась Нора.

— Тогда не так плохо. Что с запасами?

Нора покраснела.

— Я плохо в этом понимаю. Вейма говорит, хватит на полгода, если понадобится.

Клос покосился на вампиршу. Та кивнула.

— С водой не слишком хорошо, — сказала она. — Река снаружи города. Колодцев, правда, хватает... Хлеб в амбарах...

Врени их понимала. Она могла бы, прогулявшись по городу, высыпать в колодцы немножко своего порошка и оставить город без воды. Или поднести лучину к амбару. Так просто... Интересно, сколько заплатили бы за эту маленькую услугу граф цур Лабаниан и братья-заступники? Впрочем, Врени хорошо знала эту породу. От них ничего лучше петли на шею ждать не приходилось.

— Где нам разместиться? — спросил Клос.

— Вам оставили дом графа цур Дитлина, — хмуро усмехнулась Нора. — Раз уж ты захватил графство... Там достаточно места для твоего отряда, большие конюшни, а рядом ещё есть городские. Поместитесь все.

Клос снова кивнул.

— Ты поедешь со мной, — не то сказал, не то спросил он.

Нора вскинула на него удивлённый взгляд.

— Ты моя жена, — с нажимом сказал он. — Ты должна поселиться со мной под одной

крышей.

Нора помедлила и склонила свою увенчанную энненом голову.

— Ваша милость! — окликнула её вампирша. Клос повернулся к Вейме одновременно с женой.

— Называй её «ваша светлость», — приказал он.

— Но я не... — запротестовала баронесса. Вейма сообразила быстрее. Её глаза блеснули.

— Как прикажете, — поклонилась она. — *Ваша светлость*, что прикажете относительно свиты?

Нора задумалась.

— Нет, пожалуй, оставайтесь в доме Фирмина. Пришли мне служанку в дом Дитлина... двух служанок — и этого хватит.

— Будет исполнено, *ваша светлость*, — снова поклонилась вампирша, вскочила в седло и поскакала на северо-запад — туда, где над берегом реки возвышались дома-крепости баронов. Клос помог жене взобраться на её лошадь и сам тоже сел в седло. Прозвучала команда отряду двигаться дальше.

К Врени подъехал Иргай.

— Кто это? — отрывисто спросил он, кивая на идущую впереди серую в яблоках лошадку Норы.

— Её милость Нора, баронесса цур Фирмин, — ответила цирюльница. — Жена Клоса. Пока он не заварил кашу в Дитлине, была вроде как главная среди баронов.

— Она? — хмыкнул юноша с явным презрением в голосе.

— Её отец оставил править, когда уехал воевать в святые земли, — пояснила Врени. — Он, говорят, хороший вояка... если ты об этом.

Но Иргая, как выяснилось, интересовало совсем другое.

— Что за тряпки у них на головах? — спросил он. — У Норы и нежити?

— Шёлк, — удивилась вопросу Врени.

— Шёлк не такой.

Цирюльница припомнила цветастые юбки Даки и других девушек. Ну да, их материал был гораздо плотнее, чем вуали знатных женщин.

— Этот дороже, — пояснила Врени. — Намного.

Иргай кивнул сам себе. Цирюльница перехватила его взгляд и насторожилась.

— Ты же не собираешься убивать Вейму ради шарфа? — спросила она. Иргай недобро усмехнулся.

— Не из-за шарфа, — ответил он и принялся заворачивать свою лошадь, чтобы вернуться к Даке. — Мне чёрный не нужен.

* * *

Дом графа цур Дитлина был куда больше дома Фирмина. На улицу выходил только мрачный фасад, мелкие окна которого начинались под самым потолком третьего этажа. Всей красоты — только выбитый над входом золотой дракон — герб графа цур Дитлина. Перед наёмниками открылись тяжёлые ворота, ведущие во внутренний двор. Там всё выглядело по-другому. Дом представлял собой замкнутый квадрат. Во двор он смотрел

колоннами, поддерживающими этажи галерей. От реки под землёй были ещё в древности проложены трубы и поэтому во дворе бил фонтан, украшенный мраморной рыбой.

Наёмники при входе в дом разделились. Часть занялась лошадьми, часть вместе с Клосом прошла на третий этаж, женщины занялись комнатами и кухней, а детей под присмотром девушек отправили на второй этаж, чтобы не путались у взрослых под ногами.

Дети выбежали на галерею и с открытыми ртами смотрели на двор, на фонтан, на колонны и на приткнувшуюся в углу домовую церковь, чем-то напоминающую городской собор. Такое же летящее каменное кружево и шпиль, только маленькие, до второго этажа.

— Это что? — потянула цирюльницу за собой Дака.

— Храм Заступника, — отозвалась Врени. — Маленький, для дома.

— О-о-о! — восхитилась девушка. — Ты мне покажешь?

Врени передёрнула плечами. Только этого ей и не хватало.

— Пусть другой кто с тобой сходит, — предложила она уклончиво.

Наглазевшись на двор, дети вернулись в дом. Тут тоже было на что посмотреть. Комната за комнатой, какие с широкими дверями, какие и вовсе без дверей, на стенах парадные золочёные доспехи, пол с мраморной мозаикой, резная мебель, на стенах шпалеры со сложными сюжетами легенд и баллад, кое-где на потолке мозаика в виде всё того же золотого дракона. Дом Фирмина, несомненно, был попроще. Дети так и таращились с открытыми ртами, пока Васса, младшая сестра Иргая, не подкралась к Фатею и не сорвала у него с головы шапку. Тот возмущённо взвыл и бросился за девочкой, она, дразнясь, побежала от него — дальше и дальше, по переходящим друг в друга комнатам, которые так и манили бесконечностью переходов.

Приставленные к детям девушки, смеясь и ругаясь, побежали за ними.

Врени полубовалась исчезающими впереди косами Даки и тихонько спустилась вниз. Вляпываться в войну она не подписывалась. До прихода братьев-заступников времени хватает. Надо переодеться и уйти. Решить бы только, куда. На север, наверное. Да, на восток, в Вибк, а от него на север. Война, небось, пойдёт по югу да по востоку страны, на северо-западе её не затронет. А, может, вовсе уйти на Нагбарю? Каркать, правда, она не умеет, да и люди там странные.

Одно понятно — уходить надо да поскорее.

Цирюльница посмотрела на стражников у входа. Выпустят? Или начнутся расспросы? Пришла сюда с Уваром, лекарь опять же. Врени усмехнулась. Она вышла во двор и прошла в конюшню. Сказать, что ли, ребятам, что это — самое слабое место их обороны? А ну как враги и сюда прорвутся? Через эту конюшню что войти, что выйти — любой дурак сможет.

У самого выхода оказалось, что любой дурак не знал Иргая с его отвратительной манерой появляться, когда он меньше всего нужен.

— Ты куда? — грубо спросил он, хватая цирюльницу за руку.

— Прогуляться, — в тон ему ответила Врени.

Юноша смерил цирюльницу подозрительным взглядом. Врени стряхнула его руку и отвернулась. До двери оставался один шаг, а там посмотрим, поймают ли её этот мальчишка в лабиринте городских улиц.

— Погоди, — смягчился Иргай. — Даку дождёмся — вместе пойдём.

— С Дакой в другой раз, — отмахнулась цирюльница. — Дай мне одной побыть.

Она бы, может, и вывернулась, но тут прибежала Дака.

— Ты гулять? — просияла она, о чём-то перемигнувшись с Иргаем. — Пойдём,

покажешь мне город.

— Я не... — начала было Врени, но заметила, как подобрался Иргай. — Хорошо, пойдём.

— Жди! — потребовал Иргай и мгновенно исчез.

— Некогда мне ждать, — огрызнулась цирюльница, но Иргай почти сразу вернулся, вооружённый своим кривым клинком и сложным луком.

— Пойдём, — сказал он хмуро. Врени закатила глаза. Только этого ей не хватало!

* * *

Сетор выглядел... как обычно. И не как обычно. Возле домов баронов и так людей немного было, а там, дальше в город... то и дело попадались крестьяне. На первой же площади стояли наспех сколоченные амбары. Никто не слонялся без дела. Пару раз они наткнулись на патрулирующих город стражников, но спокойное «люди рыцаря Клоса» помогало пройти мимо без лишних вопросов. Простые люди на Врени с её спутниками косились, но старались не вглядываться и пробегали мимо, особенно если Иргай отвечал встречным подозрительным взглядом. Зато Дака веселилась как ребёнок. Её всё радовало — и каменная мостовая, и непривычно высокие дома, и непредсказуемые извивы улиц. Иргай заметно разрывался между тем, чтобы следить за безопасностью девушки и тем, чтобы караулить Врени. Цирюльница задумалась. Надо было избавиться от докучливых спутников. Самый простой вариант не подходил — по многим причинам. Но есть и другой.

За этими мыслями она чуть не пропустила крик «Поберегись!», раздавшийся сверху. В последний момент она схватила Даку за руку и прижала к стене — из окна над ними выплеснули помои. Иргай с кошачьей ловкостью отскочил сам.

— Не обращай внимания, — на всякий случай сказала Врени. — Нас же предупредили. Тут такой обычай, так что не зевайте.

Дака и Иргай обменялись быстрыми фразами, которые не стали переводить.

— Пойдём, — потянула цирюльницу за рукав девушка. — Дальше пойдём. В храм пойдём.

— Нет, — решительно ответила цирюльница. — Сейчас в храм не пойдём. На рынок пойдём.

Иргай и Дака снова переглянулись. Иргай кивнул.

— Хорошо, — согласилась Дака. — На рынок пойдём.

Едва ли не приплясывая, она двинулась дальше. Врени вздохнула. Нет, просто это не будет.

* * *

Рынок был неожиданно шумным. Мясом, конечно, торговали не здесь, а вот хлеб, репу найти было можно — как и кузнеца, горшечника, медника и других торговцев и ремесленников. В праздничный день здесь выступали бродячие жонглёры, но сегодня, конечно, людям было не до того. Врени постаралась забыть о своих спутниках и пошла по рядам, прицениваясь то к одному, то к другому, перебрасываясь с торговцами двумя

словами. Настроение в городе было боевое, очень ждали подкрепление, которое позволит отогнать зарвавшихся монахов от стен. Врени хмыкнула. Подкрепление-то пришло, но хватит ли его? У монахов было время подготовиться и собраться. Даже странно, что все так беспечны.

Иргай сначала ходил по пятам за Врени, но потом наткнулся на лавочку, в которой люди Братства Помощи продавали вещи, которые были оставлены их должниками в залог, да не смогли забрать. Вернее, наткнулась Дака и её громкое «О-о-о!» решило дело. Иргай заглянул внутрь и решительно ткнул пальцем. Выслушал ответ и знаком предложил Врени подойти ближе.

Цирюльница тоже заглянула. За прилавком на стене висели богатые плащи, платки, драгоценные пояса. Но Иргай ткнул, конечно, в белую с золотыми зёрнышками паутинку — заложенную какой-то знатной дамой вуаль.

— Спроси, что он хочет, — потребовал он. — Я куплю.

Торговец покачал головой.

— Я не знаю, из каких краёв приехало это чудо, но у него столько нет. Уходите-ка, не пугайте народ.

— Плохой купец, — нахмурился Иргай. — За что гонишь?

— Скажи ему, — вздохнула Врени.

Торговец пожал плечами и назвал цену. Цирюльница присвистнула и повернулась. Позади звякнуло. Торговец схватил деньги так быстро, что Врени едва успела их разглядеть, но это были хларские эскью, которыми богачи расплачивались и в Тафелоне, не имевшем собственного монетного двора.

Дака увивалась у дверей лавки, но Иргай убрал вуаль за пазуху и вышел с независимым видом. Девушка вгляделась в его лицо, на котором не отражалось ровным счётом ничего, и отвернулась.

Вскоре она нашла кое-что даже поинтересней вуали — на рынке продавались жареные пирожки. Запах у них был умопомрачительный, особенно если учесть, что позавтракали они довольно скудно. Врени тоже заглянула внутрь. В глубине лавки жена хозяина сама лепила и жарила пирожки, так что в их свежести сомневаться не приходилось. Дака остановилась, принюхалась.

— За два медяка отдам, — посулил пирожник. — Такой красавице пять за десять продам.

Врени хмыкнула. У пирожника губа не дура. Дака отвернулась от лавки. Иргай подошёл, что-то прикинул и швырнул пирожнику монету. Опять золотую. Других не было, что ли?..

— Все давай, — приказал юноша. Подошёл к Даке и протянул ей один пирожок. Девушка заулыбалась, кивнула, взяла пирожок и разломала пополам. — Для Фатея, да?

Дака засмеялась.

— Ешь целиком, — приказал Иргай. — Я на всех взял. Всем детям хватит и подружкам твоим.

Дака снова засмеялась и с жадностью вцепилась в пирожок. Иргай подумал и пихнул пирожок Врени. Цирюльница вздрогнула.

— Ешь, — приказал ей Иргай. Врени пожала плечами. Пирожок пах вкусно, а она в самом деле проголодалась.

— Спасибо, — ответила она, но юноша её уже не слушал.

Доев пирожок, цирюльница оглянулась. Она не наелась. Присмотрев лавку, где

молочница продавала сыры и простоквашу, подошла ближе, положила на прилавок три медяка. Молочница протянула ей стакан простокваши. Врени благодарно кивнула.

— Это что с тобой за страхолюдины? — спросила молочница. Цирюльница засмеялась.

— Люди Увара. Слышала про его отряд? Их господин Клос нанял, сюда привёл.

— Что, и девушку? — неодобрительно покачала головой молочница. Врени снова засмеялась.

— Невеста его, — пояснила она, кивая на Иргая.

— Да многих ли привёл господин Клос? — спросила молочница. Врени хмыкнула.

Такие сведения стоили денег, трепать на рынке их было глупо. Впрочем, торговка, кажется, просто любопытствовала... а, может, хотела понять, сможет ли город отбиться.

— Да уж порядочно, — неопределённо отозвалась цирюльница.

Молочница покачала головой.

— Что творится-то, а? — посетовала она. — Бароны ссорятся, монахи за оружие берутся. А страдает кто? Простой народ страдает!

— Братья-заступники никогда оружия и не опускали, — заметила Врени.

Молочница горестно поддакнула.

— Граф-то цур Лабаниан сказал, будто его здесь убить хотят, — поделилась она. — Людей своих собрал и уехал. А братья-заступники-то, слыхала?

— Я была далеко, — отозвалась Врени.

— Братья-заступники под городом так и рыщут! — рассказала молочница. — На деревни налетают, грабят людей, грозятся. Недавно люди барона-то цур Ерсина приехали, по пути деревню отбили. Кто-то в город переехал с припасами, а кого-то и не взяли. Да и здесь тоже. Пытались цены на хлеб задирать. Её милость-то, баронесса молодая. Ох, и злющая она! Но рассудила по справедливости. Разбойников-то этих велела повесить. Сынок мой в ополчение пошёл, день-деньской теперь...

Врени кто-то хлопнул по плечу. Она резко обернулась, не слушая больше болтовню молочницы. Надо же, как люди в победу верят.

— Вот уж не ждал тебя здесь встретить, Большеногая!

Перед ней стоял ражий детина со смутно знакомой рожей и нашивкой цеха цирюльников на рукаве. В прошлый раз у него в руках была дубинка.

— И тебе привет, — хмуро ответила цирюльница. — Хорошо, небось, дела идут? Вон какую рожу отъел.

Детина засмеялся.

— Хорошо — не хорошо, а только нас город нанимает, слыхала? Вперёд заплатили.

— Ещё бы, — «сочувственно» покивала Врени. — Мёртвым деньги не нужны.

— Да ты никак думаешь, братья-заступники город возьмут, — заухмылялся детина.

— Пусть господа думают, — пожала плечами Врени. Она знала, пусть и примерно, сколько человек в монастыре в Лабаниане и сколько людей у графа под рукой. Защитникам Сетора столько не собрать, а стены... что стены? Врени даже знала, где через них можно перебраться без всяких лестниц.

— Ты никак на ссору напрашиваешься, — нахмурился детина, больше задетый тоном Врени, чем её словами.

— Уж как тебе будет угодно, — снова пожала плечами женщина.

— Ну, как хочешь, — отвернулся детина. — У нас к тебе вопрос-то остался. Думал, если ты с нами, так не до него уже, а ты вон как. Штраф платить будешь?

Врени коротко ответила, где видала и соторский цех и их шграф. Детина совсем обиделся, но тут к ним подошёл Иргай.

— Ты его знаешь? — спросил юноша цирюльницу. — Твой друг?

— Впервые вижу, — отозвалась Врени. Детина уставился на Иргая, оценил его меч нож, с которым юноша вообще не расставался, и опасный блеск глаз. Сплюнул Врени под ноги и ушёл. Цирюльница задумчиво посмотрела вслед собрату по ремеслу.

Иргай напрягся, но, увидев, что Врени совершенно равнодушно рассматривает торговые ряды на рынке, промолчал.

— Чего он хотел? — спросила Дака.

— Язык почесать подходил, — отозвалась Врени.

— А что ты... зачем тебе платить? — спросила девушка. — Что такое шграф?

— Я без разрешения брила в этом городе, — пояснила Врени. — Людей, которые они решили не брить. Теперь хотят, чтобы я с ними поделилась.

— Почему? — не отставала Дака.

— Потому что они думают, что они главные в этом городе по вопросам, кого брить, кому обросшим ходить.

Дака звонко рассмеялась.

— Добро б мне хорошо заплатили, — добавила Врени. — А то мелочью всякой...

Она сунула руку в сумку, наугад там нащупала какую-то побрякушку, вытащила и показала Даке. Девушка восторженно ахнула. Это оказалась бронзовая застёжка в виде змейки. Вещица была удивительно тонкой работы, одна из немногих хороших среди того барахла, которое всучили цирюльнице нагбарцы. Вместо глаз были вставлены вечерние изумруды^[47]. Дака захлопала в ладоши. Иргай толкнул цирюльницу локтем и пристально посмотрел ей в глаза. Врени невесело усмехнулась. Не понять было сложно.

— Возьми, — протянула она застёжку Даке. — У меня много таких.

— О-о-о! — выдохнула девушка и жадно схватила подарок. Иргай быстрым движением достал из-за пазухи купленную вуаль и набросил на плечи невесте.

— Возьми, — коротко приказал он. — Будет что застегнуть.

Дака даже дышать перестала, прикалывая оба конца вуали к плечу, чтобы лучше держалась.

— Пусть они принесут тебе счастье, — невесело хмыкнула Врени. Вдруг её осенило и она, кивнув спутникам, прошла вперёд. Там, дальше по рынку в лавке, где торговали пряностями, в клетке сидела маленькая обезьянка и корчила уморительные рожи, но никому до неё не было дела. Дака как зачарованная уставилась на зверька. Иргай пошёл к ней. Врени притворилась, что тоже засмотрелась на обезьянку. Интересно, не додумается ли Иргай и её купить?.. Было бы очень забавно. Диковиной девицей заинтересовался и мальчишка-карманник, который потихоньку подбирался к ней поближе. Иргай тоже это заметил. Врени дождалась, когда мальчишка обнаглеет достаточно, и сделала шаг в сторону. Другой, третий. На рынке было полно народу... не так много, как в обычные дни, но достаточно. Врени нырнула в человеческое море, чтобы вынырнуть уже на другой улице.

Давай, мальчик. Сторожи Большеногую. В лесу ты, конечно, мастер. В степях, небось, и вовсе лучше всех. А ты попробуй в городе, где человек зажат между каменными и кирпичными стенами, а верхние этажи заслоняют солнце от нижних. Ищи. Крути головой. Не устеречь тебе Большеногую. Живите, думайте о подвигах, о сражениях. Без старой уродливой Врени.

Врени допустила ошибку. Это было понятно: даже такие, как она, не могут быть совсем одни. Даже ей надо было хоть на кого-то полагаться. Ей бы искать выход, но нет, она повернула к тому кабаку, где встречалась когда-то со *старшим братом*. Там можно узнать новости и рассказать свои, получить совет или новое задание. Там можно... Издалека Врени поняла, что безнадежно опоздала. Кабака больше не было. Выбиты двери, разломанные лавки, обломки козел и доски вместо столов. Копоть, грязь, давно засохшие лужи вина и крови. Никто не подсядет больше к ученице за стол, не пустит кругом монетку. Врени помедлила и всё-таки зашла внутрь. Как будто не всё ещё было ясно. Как будто ещё было на что надеяться.

Разгром, обрывки одежды, осколки, обломки, пятна крови. Врени прошла кабак насквозь и вышла с заднего хода. Натолкнулась на внимательный взгляд какого-то старичка, показавшегося ей смутно знакомым. Дедок сидел на чурбачке перед дверью в соседний дом и держал в руках начатое вязание. Клубок с воткнутыми туда спицами валялся на мостовой рядом.

— Ты чего тут ходишь? — спросил старичок. Врени не смогла разобрать, узнал он её или нет. Она его не слишком хорошо помнила.

— Да вот, — развела руками цирюльница, — уезжала, вернулась, а тут такое.

— В хорошенькое время вернуться вздумала, — хмыкнул дедок.

— Не я решала, — в тон ему ответила Врени.

— Родные у тебя тут были? — заинтересовался старик.

— Да нет, — протянула цирюльница, чьи родные остались в деревне под Вибком где-то в далёком прошлом. — Так, мимо проходила. Кто ж так кабак разрушил, а, дедушка? Неужто братья-заступники в город прорвались?

— Да нет, — махнул рукой старичок. — Это её милость баронесса-то фирминская приказала. Сперва на окраине на один трактир налетели. Говорят, там разбойники собирались! Их поймали да перевешали всех на стенах. Потом она ещё лиходеёв поймала, которые зерно воровать вздумали. Их следом на стенах развесили. И ещё душегубов, которые амбары поджечь пытались. Вот тогда сюда стража-то и заявила. Говорят, тут дружки тех разбойников собирались! Ну, да у её милости разговор короткий.

— Что, всех переловили? — равнодушно спросила цирюльница. Она начала вспоминать, почему лицо дедка показалось ей знакомым и это ей не понравилось. Ну да. Скупщик краденного. Кому надо было, из кабака выходил и скрёбся у его двери. Вот крыса!

— Да уж никто не убёг, — заухмылялся дедок. — Доченька, ты молодая, у тебя спина хорошо гнётся. Уж будь добра, не откажи, подай мне клубок, видишь, укатился.

— Прости, дедушка, прострел^[48] замучал, у самой спина не гнётся, — соврала цирюльница. Пусть эта крыса другую дуру ищет, ему спину подставлять! — Коли это не враги пожгли, так и то ладно. Им, господам-то, виднее, кого вешать.

Улыбка старика слегка поувяла, но Врени уже шагала прочь. На душе было паскудно. Проклятый город! Эх, да что там говорить. Проклинай — не проклинай, кричи — не кричи. Убитых уже не вернуть. И, полно, был ли среди них *старший брат*? Он мог давно уйти из Сетора. Мог затаиться. Мог просто не прийти в тот день в этот трижды проклятый кабак!

Правды уже не узнать.

Мелькнула безумная мысль и Врени аж зажмурилась, представляя, как, выбравшись из города, обойдёт его стены, вглядываясь покойникам в лица. Брр. Нет, не стоит и думать. Мёртвых не вернуть, а с живым её сведёт судьба. Да и что там... *Старший брат* был посвящённым. Если его убили, его душа давно освободилась от оков мира и сейчас там, где никто не сможет причинить ему вреда. Это ей, прикованной к миру, плохо и грустно, она осталась без совета и наставления. А ему хорошо. Значит, и ей нечего унывать. Оставалась самая малость — выбраться из обречённого города.

Врени прикинула. Самым простым и надёжным был перелаз через стену на окраине, как раз возле кабака, где собирались проклятые. Дойти так, чтобы не попасться патрулям, было не слишком трудно.

* * *

У перелаза Врени ждало новое разочарование. Его охраняли. И добро бы стражники, цирюльница бы только порадовалась. Не за себя — за город. За людей, которые в нём остались. Но дело было хуже некуда. Перелаз охраняла местная шушера. Эти рожи она тоже видела, хоть по именам и не помнила. Ничего хорошего от встречи с ними ждать не приходилось.

— Гляди, кто к нам пожаловал! — обрадовался один из них, с бритой башкой, одетый в дырявую бархатную куртку. Этого, кажись, звали Зяблик, Враг его знает, за что.

И он её — помнил.

— Нос-то, гляди, уже зажил, — усмехнулась цирюльница. Дело было плохо. Уйти невозможно, они бросятся как только она повернётся спиной. Идти вперёд тоже никак. Поневоле пожалеешь, что одна. Кричи — не кричи, на помощь прийти некому. — Чего тут забыли-то?

— Ха! — сплюнул второй, одноглазый, подходя ближе. — Про это место полгорода знает, кто попроще. Пятеро уже решили из города свалить по-тихому. Вон теперь... отдыхают.

— По ту сторону, чтобы не воняли, — подхватил Зяблик.

Врени засмеялась. Вот крысы!

— Хорошее дело, — сказала она. — Доходное, небось?

— Ты зубы не заговаривай, — посоветовал одноглазый, подходя ещё ближе. — Сама говори, зачем пожаловала?

— А вы не понимаете? — прикинулась дурочкой Врени. — Мне на ту сторону надо.

— Через ворота давай, — грубо ответил третий, с рыжей бородой и овчиной на плечах вместо плаща. — Нечего тебе тут шастать.

— Через ворота пусть дурочки ходят, — отозвалась цирюльница. — Так меня и выпустили.

— Видать наследить успела? — спросил Зяблик. Врени неопределённо хмыкнула. Скажешь «да» — донесут, скажешь «нет» — прирежут. Впрочем, её в любом случае прирежут. Стали бы они болтать, реши они её отпустить.

— Вы б лучше на пути не стояли, — посоветовала она. — За мной по пятам такие люди идут, мало не покажется, если догонят. Ни мне, ни вам.

— Ты и Ржаному Пню те же песни пела, — оборвал её Зяблик. Врени мысленно

выругалась. Зяблик, конечно, слабак, только вот дураком он не был. А Ржаной Пень трепло. Не ожидала от него.

— Ржаной Пень сам не уберётся, — жёстко ответила она. — Дураком не надо было быть.

— И с тобой не связываться, — подытожил Зяблик.

— Валить её надо скорее, — предложил одноглазый. — Мало ли кого она приведёт.

Врени попятилась. Она очень не любила драться, особенно одна и против троих. Подонки расхохотались. Зяблик подошёл поближе и картинно замахнулся. Дурак. Через мгновение он выл, заслоняя окровавленное лицо: цирюльница перечеркнула его бритвой. Теперь Врени ждала следующего, приготовив ланцет в левой руке, но они подходить не спешили, напротив, сделали полшага назад и потянули откуда-то дубинки, при виде которых у Врени зачесались рёбра.

Плохо дело.

У неё всего-то и шансов было, что проскользнуть между нападавшими и задать стрелача. А эти так держались...

Уверены, что Большеногая никуда не денется.

Она оглянулась вполоборота, чтобы не пропустить внезапный рывок нападавших. Сердце её упало. Сзади, помахивая дубинками и оттесняя её в угол стены, подходили ещё двое. Это была верная смерть, а ещё долгая и мучительная. Ублюдки. Врени сплюнула и выругалась.

Эти не раскроются. Такой дурак тут только Зяблик был, он ведь не убийца, даже не разбойник, просто воришка и болтун. Куда она с ланцетом да бритвой против дубинок?

Что-то басовито загудело, послышался резкий щелчок воздуха — и тупой удар раздался где-то за спиной первого громилы. Тут же — за спиной второго. Оба плашмя повалились в грязь, у каждого между лопаток торчало по стреле, тут же рухнул третий, получив стрелу в грудь. Остался только рыжебородый, который бросился бежать, и всё ещё воющий Зяблик. Ещё две стрелы одна за другой нашли свои цели.

Врени сглотнула, оглядывая пять трупов в грязи и не веря, что всё ещё жива. Перед ней стоял Иргай со своим сложным луком. Врени тоскливо оглянулась на перелаз.

— Стреляй, — тихо сказала она, не очень-то и надеясь, что её услышат. Она всё прочитала по его лицу, да и... Мальчишка понял, что она пыталась сбежать. Бросить их перед войной. Что она — не с ними. Он с самого начала её подозревал и выслеживал. И вот — догнал. Убедился. Давно, интересно, следом шёл?

Слова тут были не нужны. Вот она, а вот перелаз за спиной, куда она так и не попала. И лицо нагнавшего её мальчишки. Он не дрогнет и не передумает. Он и не сомневается, он этого просто не умеет — сомневаться.

Иргай услышал.

— Принеси стрелы, — приказал он. Врени повиновалась, не спрашивая, что он задумал. Из одноглазого стрелу пришлось вырезать. Врени обтёрла руки от крови одноглазого и Зяблика об одежду кого-то из убитых и подошла к наёмнику. Из-за спины Иргая выглядывала Дака с кривым ножом в руках. Глаза девушки горели как у кошки.

— Зачем ушла? — упрекнула она цирюльницу. — Мы думали, тебя убили.

Врени невесело усмехнулась.

Шансы ещё были. Если повезёт. Если покажется безобидной. Если Иргай подпустит её ближе. Если отвлечётся. Если, если, если...

Врени посмотрела на Даку, у которой невесомая вуаль слетела с головы и сейчас держалась на плече, приколотая бронзовой застёжкой с вечерними изумрудами. Посмотрела и поняла, почему Ржаной Пень, хоть и шкура продажная, но всё-таки был хорошим убийцей, а она, Врени — плохая. У него бы не дрогнула рука пробиться к свободе по трупам недавних товарищей. А Врени просто не могла.

— Что в руках прячешь, отдай, — приказал Иргай.

— Свяжешь? — спросила цирюльница.

— Так пойдёшь, — отозвался наёмник, отбирая стрелы. — Не беги. Убью. Дёрнешься...

— Я поняла, — отмахнулась Врени.

— Впереди иди, — приказал Иргай.

Врени снова покосилась на Даку. Юноша проследил за её взглядом и увиденное ему чем-то не понравилось. Он что-то резко сказал и нож из рук Даки исчез, хотя цирюльница так и не видела, куда девушка его спрятала.

— Погоди, — сказала Врени, внезапно спохватившись. Ей-то точно конец, а вот людям в Сеторе помирать, может, и не пора ещё. — Там, видишь?

Иргай хмыкнул. Покосился на Врени, на перелаз, на Даку, но оставить пленницу без присмотра не решился. Будь проклятая тем, чем должна быть, она бы убила Даку, как только Иргай отвернётся, или прикрылась бы ею, если не видела бы шанса убежать. Хотя кто её знает, Даку, небось, брыкалась бы как бешеная.

— Дорогу запомни, Увару расскажешь, — посоветовала цирюльница.

— Сам знаю, — огрызнулся Иргай. — Иди.

Глава пятая

Дорога в Пустошь

Магде снова повезло, будто ворожил кто. В Ордуле её там встретил Вир, который бегло выслушал ведьму, кнехтов, приехавших с ней, и гостеприимно предложил им погостить в замке. Новости об отце Сергиусе и бароне цур Абеларине его порадовали и он собрался сам съездить к монастырю. И убедиться, что опасности для Фирмина нет, и уговорить отца Сергиуса спешно идти к Сетору — если, конечно, монастырь будет взят. Впрочем, оборотень и не сомневался. Отряда вейцев достаточно, чтобы защитники любой крепости разбежались, не дожидаясь, когда пришедший с воинами легат отлучит их от церкви. Ведьму приняли как знатную даму. Слуги не только не возражали, но даже и не косились: любовница господина им, пожалуй, нравилась больше обеих его покойных жён и куда больше супруги шателена. Магда подозревала, что это потому, что она никогда ни от кого здесь ничего не требовала и даже не просила. Другие, наверное, потеряли бы к такой даме уважение, но у барона слуги были не гордые.

Вир со своей стороны сделал всё, чтобы гости хорошо отдохнули и даже не усомнились, что Магда — постоянная жительница замка. Он затеял оленью охоту и вечером устроил пир, на который заставил прийти и ведьму, причём разыскал что-то из платьев Веймы, которые та носила, притворяясь беременной, и которые оставалось только укоротить. Магда не протестовала, но с каждым днём волновалась всё больше и больше.

Виль.

Куда он делся?

Пошёл один в Серую пустошь?

Сбежал, бросив Эрну в плену?

Попался снова?

Где он, что с ним?

Что с её бедной девочкой?

Что с ней могут сделать в Белой башне?

* * *

На пятый день, накануне отъезда кнехтов, ей приснился дурной сон. Чудовище тянуло к ней когтистые лапы — вот-вот сомкнёт на горле.

Магда вскочила... попыталась... чья-то рука держала её за горло, а другая зажимала рот.

— Тихо, Маглейн, не дёргайся, — шепнул знакомый голос.

Ведьма с облегчением выдохнула и чуть не задохнулась.

— Проснулась? — спросил Виль. — Дёргаться не будешь? Кивни.

Магда кивнула и батрак выпустил её. Она жадно вдохнула ночной воздух.

— Как ты сюда попал?

— Дурацкий вопрос, Маглейн, — хмыкнул Виль. — А то ты не знаешь. За семь лет ничего и не изменилось вовсе.

— А...

— Долго *эти* здесь гостить собираются? — перебил её Виль. — Я опух, пока ждал. Ты

тут пируешь, а девчонку твою белые маги держат, а? Серый-то спятил, что ли, зачем их приваживал?

— Завтра уедут, — заверила Магда.

— Хорошо, — заявил убийца. — Как уедут, домой иди. Там поговорим.

— Виль, постой...

— Завтра, — отрезал батрак. — Серому-то много разболтала?

— Н-нет...

— Знаю я тебя, — усомнился Виль, но больше ничего говорить не стал. Как Магда ни напрягала слух, она не услышала ничего, кроме тихого скрипа. Зажигать свечу она не стала, только завернулась в одеяло и провалилась в глубокий сон без сновидений.

* * *

— Вот что, Маглейн, — говорил батрак следующим вечером на кухне ведьмино дома, — вот Освободитель свидетель — ещё раз такое отчебучишь — сниму ремень и выпорю, как тебя с детства не пороли.

— Меня не били в детстве, — отозвалась ведьма, слишком ошарашенная угрозой, чтобы всерьёз обидеться.

— Вот я и смотрю, — проворчал батрак. — Ты бы ещё герольда вперёд себя пустила. Чтоб никто не сомневался, кто ты и где тебя искать. Так наследить — это ещё надо постараться. Только дурак тебя не связал со старым Вилем, а дураков среди святош не водится.

— Я спасла тебе жизнь, — колко напомнила Магда. Батрак отмахнулся.

— Спасибо не ждёшь? Нет? Вот и умница, Маглейн. А теперь рассказывай всё с самого начала.

— Что рассказывать? — устало спросила ведьма. Она слишком хорошо знала Виля, чтобы пытаться его подгонять или упрекать в неблагодарности. С батрака случилось бы и зарезать там, на постоялом дворе.

— Дурочку не строй, Маглейн. Всё рассказывай.

Магда вздохнула и принялась рассказывать всё. Про зелья, про Аларда, про то, что рассказал ей умирающий Арне и про дорогу до Ортвина тоже. Виль очень внимательно слушал, только пару раз уточнил насчёт Денны и колдовства, которое использовала Магда. Потом громко, напоказ, подражая ведьме, вздохнул.

— Ты хочешь сказать, — нарочито медленно уточнил батрак, когда история подошла к концу, и Магда досказала всё про папского посланника, — что в Бурой башне учуяли твою девчонку потому что ты сделала её ведьмой и послала в город?

— Может, учуяли, — развела руками Магда, — может, кто-то наткнулся и заметил её дар.

— И хмырь-то твой, он на Эрну в городе наткнулся?

— Больше негде, — снова развела руками ведьма.

— И дорогу она ему смогла открыть потому что ты силой поделилась? — не унимался батрак.

— Выходит, что так, — подтвердила Магда, не понимая, куда Виль клонит.

— А силой ты поделилась потому, что углядела это в своём вонючем вареве?

— Ну да, — начала догадываться Магда.

— И в город в тот раз отправила, чтобы не мешала способ искать от меня избавиться, да?

— Ага, — отвела взгляд ведьма.

— Так выходит, ты сама всё это устроила, а, Маглейн?

— Выходит, — неохотно признала Магда. Виль снова вздохнул, словно сокрушённый глупостью собеседницы.

— Ты, конечно, ведьма, Маглейн, — сказал он, — но раз уж ты обещала меня во всём слушаться... последний раз говорю. Ещё раз без разрешения что-то сваришь, а паче того суетиться начнёшь...

— Я поняла, — перебила ведьма. — Ты меня выпорешь.

— Соображаешь, — одобрительно кивнул батрак. — А вляпаешься, зарежу без разговоров, поняла?

Магда отвернулась.

— Хочешь норов показывать, так я пойду, — напомнил батрак. — Ну?

— Поняла! — раздражённо отозвалась ведьма.

— Вот и молодец. Запомни: колдовать будешь, когда я велю. Ходить будешь только с разрешения. Дышать, если позволю. Сморгаться...

— Я поняла, — с нажимом повторила Магда.

— И не ершишь. Как дурить, так впереди всех, а как разгрести, так папаша Виль спасать должен.

— А по тебе, лучше бы тебя братья-заступники сожгли, так? — всё-таки огрызнулась ведьма.

— А по мне, кто-то обещал делать как папаша Виль велит, а сама спорит и спорит, — хладнокровно ответил батрак.

— Так вели уже что-нибудь! — не выдержала Магда. — Зачем ты со мной препираешься, когда надо...

— Суетиться, как ты привыкла, — подхватил Виль. — Ладно, пошутили — и хватит. Давай про Серую пустошь рассказывай. Почему туда никто, кроме магов, пробраться не может?

— Сам-то туда не пробовал? — усмехнулась Магда.

— Не надо было, вот и не пробовал. Не надоело спорить, а, Маглейн?

— Да ничего там особенного нет, — отмахнулась ведьма. — Болота там заколдованные. Сегодня здесь трясина, завтра в другой стороне. Огни болотные тоже заколдованные. Пристально посмотришь — и по ним куда-нибудь в бочаг забредёшь. Только на оборотней, говорят, и не действуют. Ну, и на нас с магами. Дорогу запомнить невозможно, всё ж меняется. И ученицы Бурой башни, что ни ночь, одежду скинут, мазями намажутся и носятся над Пустошью с воплями. Кто услышит — побежит. И лошади разбегутся.

— И ты так летала, а, Маглейн?

— И я, — хмыкнула ведьма.

— Посмотреть-то было на что?

— Я себя со стороны не видела, — холодно отозвалась ведьма. Её передёрнуло. Она припомнила, как Виль спасал ей семь лет назад, на *встрече*, когда он, чтобы потянуть время, расписывал суду проклятых её прелести.

— А сейчас так можешь?

— Голых баб давно не видел? — вспыхнула Магда.

— Дура ты, Маглейн. Кто обещал слушаться, а? Я тебе на каждом шагу должен это припоминать?

— Могу, — ответила ведьма. — Мазь-то простая. Но она только в Пустоши помогает.

— А в других местах?

— Если здесь намазаться, сны будут интересные, — пояснила Магда. — А если в Пустоши и вылететь за пределы, то сколько-то пролететь можно, а потом вниз идёшь. Быстро летела — камнем рухнешь, медленно — плавно снизишься.

— А кто у вас летал-то? Все ученики или только девки?

— Девки, — усмехнулась Магда. — Колдунов мало и они редко хорошо ворожат. Кто посильней из парней, те в магии идут. Потом, они волосы не отрастают. А, впрочем, не знаю. Но только ведьма может взлететь, у колдунов это редко получается, а когда получается, им носиться над Пустошью неинтересно. Но там и без них есть от чего испугаться.

— От чего, Маглейн?

— Белые маги нас стерегут, — отозвалась ведьма, не заметив вырвавшееся у неё «нас». — Они считают, мы людям вредим. Как налетим, бывает, на телегу или, если повезёт, на обоз даже, мороку наведём, на Пустоши-то это нетрудно, из тумана лепится... тут как тут они. Крик, шум, светом кидаются... только успевай уворачиваться. Люди-то разбегаются, хорошо, если живы останутся, не утопнут, лошадей попробуй собери потом, а белым магам и горя нет, они так своим волшебством увлекаются, что и не видят ничего вокруг. Тут чёрные появляются. Кто из людей не убежал, точно очокурится. Чёрные-то такое выделывают! Белых отвлекут, а мы всё с телеги похватаем — и домой.

— И ты хватала? — вкрадчиво поинтересовался батрак.

— А куда деваться? — не поняла вопроса ведьма. — Есть-то в Пустоши нечего, денег у нас не бывает. Что добудем, то и поедим. Мы на три башни еду готовили, приходилось крутиться.

— Ну и мразь же ты, Маглейн, — со странной смесью отвращения и насмешливого восхищения сказал батрак. Магда задохнулась, как будто он её ударил. — Добренькая, на козлёнка рука не поднимается, ворованная колбаса в глотке застревает... сама-то простых людей грабила, последнее отнимала.

Магда смутилась. Она никогда не задумывалась об этом. Так делали все девушки в Бурой башне.

— Да не померли бы они без бочки с капустой, — неуверенно отозвалась она.

— Конечно, нет, — охотно согласился Виль. — Они утонули в болоте. А потом от голоду умерли их маленькие дети.

— Какие дети, о чём ты?!

— Обычные, — как-то даже удивился вопросу батрак. — Которые ждали их дома. Небось, бедняки одни через вашу Пустошь-то ездили. Кому побыстрее продать надо и кто охрану нанять не может. Тебе голодать-то хоть раз приходилось, а, Маглейн?

Ведьма отвела взгляд.

— А от голода помирать не приходилось? — не отставал батрак.

— Жива, как видишь, — огрызнулась Магда.

Вместо ответа Виль хлопнул себя по колену и расхохотался.

— Подружка-то твоя белая — тоже ела с вами?

— Ну да, — растерялась Магда.

— Нос-то не воротила?

— С чего бы ей?

Виль расхохотался ещё громче.

— Значит, вы грабили людей, а белые маги потом жрали то, что вы из награбленного приготовили? Хорошо устроились, а?

Отсмеявшись, Виль с размаху хлопнул её по плечу.

— Не переживай, Маглейн, — «утешил» он. — Вы всё правильно делали. Прозревшие не коров лечить должны, а *слепым* показывать, в каком поганом месте их угораздило родиться. Мир — это зло, забыла?

— Слушай, ты!.. — вспыхнула Магда.

— Ладно, теперь о деле. Давай, готовь свою мазь. Ту, летучую.

— Зачем? — не поняла Магда.

— Ты ещё сидишь? — «удивился» батрак. — Думать я буду. А ты — делать, что тебе говорят.

Магда пожала плечами и приступила к работе. Если быть совсем честной, то Виль ни разу её не подводил, может, и сейчас...

* * *

— Пожрать ты, конечно, не приготовила, — заявил батрак ближе к ночи.

Магда подняла на него усталый взгляд. По его приказу она за вечер сделала «летучую мазь», противоядие к сонной траве (которую Виль тоже велел взять с собой), снадобье от синяков и царапин, успокаивающий настой, средство для поддержания сил и на всякий случай пару ядов. К утру всё, что нужно, должно было настояться, пропитаться, дойти и так далее. На еду у Магды не было ни сил, ни желания. Со двора, впрочем, давно аппетитно тянуло жареным мясом, но ведьма даже не задумывалась, что это было. Что-то делать было проще, чем сидеть и ждать или даже ехать, не зная, получится ли вообще задуманное и что будет, если не получится. Приготовление снадобий заняло все мысли ведьмы и она слегка даже приободрилась.

— Иди за стол, убогая, — проворчал Виль, выкладывая двух жареных цыплят и здоровенный ломоть хлеба. Спрашивать, откуда он это взял, ведьма не рискнула. — Как только до своих лет дожила, ума ни приложу. Ешь давай.

— А ты? — отважилась спросить Магда.

— Отравиться на пару с тобой не хочется, — равнодушно хмыкнул Виль, поймал испуганный взгляд собеседницы и расхохотался. — Поел я уже, дурочка!

* * *

— Значит, так, — деловито сказал батрак, когда цыплята были съедены и ведьма разлила по стаканам неплохое вино, которое приберегала для особенного случая. — Сейчас спи. До рассвета подниму, пойдём на север. Там кое-кого встретим. Всё поняла?

— А...

— Я спросил, ты всё поняла? — повторил батрак.

— Да, — смирилась Магда.

— Вот и умница. Будешь и дальше папашу Виля слушаться, глядишь, всё и обойдётся.

* * *

Они вышли, как Виль и обещал, до рассвета. Магда оделась в простое платье, сложила все зелья и снадобья, которые у неё были, в дорожную сумку, по привычке сунула туда кусок ветки старой яблони да рабочий нож. На этот раз Виль не возражал против того, чтобы пройти через лес напрямик, и они быстро дошли до переправы через Корбин. Магда надвинула на лоб платок, немного поколдовала, чтобы отвести глаза, благо, её лес был рядом. Виль соврал, что они брат и сестра из Дитлина, идут на заработки в Раног, потому что в Тамне таких, как они, много, и лишние рабочие руки уже не требуются. Магда выглядела настолько несчастной и замученной жизнью, что в историю батрака на переправе поверили. В Раног они, однако, не пошли.

— Хватит, Маглейн, не надрывайся, — сказал Виль, когда они отошли подальше от переправы и оставил позади какую-то развилку. — Здесь подождём.

— Кого?

— Увидишь, — хмуро бросил батрак.

— Может, объяснишь мне хоть что-то? — не выдержала ведьма.

— А что ты хочешь знать? — не понял Виль. — Делай что говорю, глядишь, Эрлейн и вытащим. Только без твоих шуток. Опоишь меня — прирежу.

— Второй раз эта шутка неинтересна, — пробормотала ведьма.

Вскоре по дороге загрохотала телега. Магда нехотя подняла взгляд...

— Куно?!

— Вдоль Корбина рыбаки идут, — лениво пояснил батрак, — до жилья далеко. Вон, парнишку наняли припасы им доставить. Рыба хорошо пошла.

— А ты откуда столько про них знаешь?! — поразилась Магда.

Виль закатил глаза.

— А ты глупее, чем я думал, Маглейн, — колко сказал он.

Куно остановил низкорослую лошадку, спрыгнул и бросился к ведьме. Она не видела парнишку с тех пор, как добралась до Ордулы.

— Меня Виль позвал, — не то признался, не то похвастался сын трактирщицы. — Говорит, вам помощь нужна!

— Запрыгивай, Маглейн, — предложил Виль. — А ты слазь, пешком пойдёшь, а то скотина надорвётся. Где ты эту сдыхоть нашёл?

— Ты не велел дома лошадей брать, — обижено отозвался мальчишка.

— Правильно, не велел. Ты хоть не болтал много?

— Нет, — ответил Куно.

Магда села на место Куно, взяла в руки вожжи. Лошадь неторопливо потащила груженную бочками телегу по дороге.

— Налево поворачивай, — приказал Виль. — Теперь слушайте оба. Куно, запомни, начнётся заварушка — беги к лесу. Понял?

— Я не побегу, — надулся Куно.

— Ноги сами понесут, — пробормотала Магда.

— Вот-вот, — поддакнул Виль. — Слушай, малец, что умные люди говорят. Ведьмы колдовством пугают. На лес смотри, чтобы в болото не кинуться. Не испугаешься, молодец, тогда уходи спокойно. В лес смотри, усёк?

— Усёк, — подтвердил Куно.

— Вот молодец. Да смотри, на голых ведьм не пялься. Глаза вытекут.

Куно поёжился.

— Далек в лес не забегай, ещё не хватало тебя потом разыскивать. Жди там.

— Долго ждать?

Виль что-то прикинул.

— Вечером дойдём. До утра провозимся... В полдень не вернёмся, тогда домой иди и всё забудь.

— А мне что скажешь? — спросила Магда, когда поняла, что Виль продолжать не собирается.

— Тебе потом скажу, — посулил батрак.

Дорога быстро довела их до краю Пустоши и повела их по берегу Корбина. С одной стороны — камыши, с другой — серая, мёртвая какая-то земля. Проклятое место.

— Если поймут, — сказал Виль, обращаясь к притихшему Куно, — скажешь, что заблудился, перепутал, свернул не туда. В остальном ври про рыбаков, понял?

— Да понял я всё, — проворчал Куно.

— Все вы понятливые, пока до дела не доходит, — буркнул батрак.

— Зачем ты Куно в это дело впутал? — спросила ведьма. — Я могла бы сама...

— Врать не умеешь, — не поворачивая головы, отозвался Виль и жестом заставил мальчишку промолчать. — Да и для тебя у меня другое дело будет.

— Какое? — заинтересовался Куно.

— Увидишь, — пообещал батрак.

Подул ветер.

— Дождь будет, — сказала ведьма, ёжась и поглядывая на небо. — Надо глубже в Пустошь заворачивать.

— Это ещё зачем? — буркнул Виль.

— Над Пустошью дождь не проливается, — пояснила Магда.

— Ведьмы разгоняют? — хмыкнул батрак.

— Место проклятое, — обронила Магда.

— Ну, коли проклятое, — потянул Виль и оглянулся вокруг. Никого не было, только ветер уныло свистел в камышах, да начало уже накрапывать. — Тогда давай-ка ты раздевайся, Маглейн.

— Что?! — изумлённо уставились на батрака и Магда, и Куно.

— Ты не рассуждай, ты же слушаться обещала, — настаивал батрак.

— Ты... ты не...

Виль издевательски хохотнул и сплюнул.

— Вот дура баба. Мазь твою летучую мы для кого брали? Для Куно? Или думаешь, мы потом Эрну намажем и из окна выкинем, чтобы улетала? Давай, мажься, пока никто над Пустошью не летает.

— Отвернитесь хоть, — проворчала Магда, понимая, что батрак над ней просто издевается.

— Ага, — кивнул батрак. — Сейчас отвернёмся, будем в одну точку смотреть, а к нам сзади как раз подберутся.

Ведьма вздохнула, прыгнула с телеги, перебросила вожжи Куно. Тот, разинув рот, смотрел на неё, не зная, не то отворачиваться, не то пользоваться случаем.

— А ты куда уставился, малец? — толкнул его батрак. — Ты вокруг смотри, вдруг ведьмы подлетают. А то ещё на белых волшебников можем нарваться.

Магда подобрала горсть земли, размяла в пальцах, крутанулась вокруг себя, рассыпая струи тумана. Ещё один оборот — и туман встал вокруг неё плотной стеной. В Пустоши всегда было просто колдовать.

К счастью, целиком себя обмазывать было ненужно. К несчастью, снадобье нужно было наносить на лопатки. В Бурой башне они помогали друг другу. Здесь помочь было некому.

— Маглеин, ты долго возиться будешь? — повысил голос батрак. — Или помощь нужна?

Это предложение очень даже помогло. Ведьма как представила себе, что батрак втирает ей в спину снадобье, так у неё сразу хватило и сил, и гибкости. Лопатки знакомо защипало. Мазь подействовала, можно было одеваться.

Набросив сорочку, Магда закуталась в тёплый плащ и развеяла туман.

— Давай, садись на телегу, — велел Виль мальчишке. — А теперь ты, Маглеин, слушай. Смотрите с Куно вперёд и не оглядывайтесь. Меня не высматривайте, поняла? От меня внимание отвлекай. Будут ведьмы, не дёргайся, вместе с Куно в лес валите. Если никто не появится — лети к башням, вымани их сюда. Всё поняла? Ничего больше не делай. Всё поняла?

— Да, — кивнула ошарашенная ведьма.

— Что поняла?

— Отвлекать от тебя внимание, — повторила Магда. — Не искать. Появятся ведьмы — убежать в лес. Не появятся — выманить сюда.

— Умница.

— А как выманить? — спросила Магда.

— Как знаешь, — отмахнулся батрак. — Скажи, что есть кого ограбить. Близко не подлетай, глядишь, и не узнают. Или не сразу. Или... что там за свет впереди?

— Белая башня, — пояснила ведьма. — Она магией светится.

— Ну, вот против света подлетай, тогда и не узнают. Нечего за собой «хвост» таскать. Всё поняла?

Магда покорно кивнула.

— А ты? — спросил Куно.

— Что я велел? — лениво спросил Виль.

Сын трактирщицы опешил, Магда отозвалась:

— Не оглядываться, не высматривать тебя.

— Растёшь на глазах, — одобрил Виль и отошёл в сторону.

— А куда ты?.. — завертел головой Куно, но Магда его одёрнула.

— Заворачивай глубже в Пустошь, — посоветовала она. На голову ведьме упала крупная капля, она посмотрела наверх, но увидела там только тучи. — И поскорее.

Они не искали специально, но вскоре наткнулись на накатанную телегами дорогу. Видать, тут многие заворачивали, чтобы проехать по самому краю, где уже нет дождя, но ещё нет обманных заколдованных болот.

— Виль странный какой-то, — сказал Куно, вертя головой в ожидании стаи подлетающих ведьм.

— Он всегда такой, — скупно отозвалась Магда. — Тебе-то чего дома не сиделось?

— А он в кабак пришёл, — охотно отозвался мальчишка.

— Что?! Днём?!

— Нет, ночью, — слегка удивлённо ответил Куно. — Постучался, ну, я его и впустил. Он сказал мать не будить. Потолковали.

— О чём это вы толковали? — заинтересовалась ведьма.

— Да о разном, — махнул рукой мальчишка. — Виль сказал, тебе помочь надо. Да я и сам знаю. Мать вон ругалась: Виля спасли, а девочку не вернули. Я и сам всё понимаю. На тебе ж лица не было всю дорогу. И сейчас ты...

— Делать тебе нечего, чужие лица разбирать, — отмахнулась ведьма.

— Ну, Виль и сказал, что делать, — продолжил Куно. Я у матери отпросился и в Раног. Там рядом деревня есть, Вейтефелдер, богато живут. Поторговался и купил всё, что Виль велел. Он мне и денег дал. Даже осталось. Он забрать разрешил.

— Щедрый, — усмехнулась ведьма. Проклятому убийце Медному Пауку, как и всем другим прозревшим, не нужны были деньги, для него это был такой же инструмент, как и те непонятные железки, которыми Виль, небось, взламывал замки.

— А он взаправду, что ли, убийца? Разбойник ещё, — не отставал Куно.

— Взаправду, — пожалала плечами ведьма. — Что, не похоже?

— Как будто нет. Разбойники, они же страшные. А Виль — он же, ну, свой.

— Это тебе он свой, — хмыкнула Магда. — Виль — он всякий. Давай не будем про него. Не дай Заступник, услышит.

— А ты же в Заступника не веришь, Магда? — тут же уцепился за новую тему Куно.

— Я ни в кого не верю, — мрачно отозвалась ведьма. — Надоело, изверилась.

— А как же? А когда плохо, что ты делаешь? А по праздникам?

— Когда могу — колдую. А когда не могу — тут и молитвы не помогут.

— А что поможет? — не отставал Куно.

— Люди, — подумав, ответила ведьма. — А иногда — и вовсе никто.

Она вздохнула. Куно испугано притих, потом снова завертел головой.

— Магда, а другие ведьмы — они какие?

— Всякие.

Лошадь медленно брела по дороге. В стороне, будто за прозрачной стеной, лил дождь, за ним уже смутно виднелся лес. Никакие ведьмы в небе не летали.

— А они красивые?

— Всякие, — повторила Магда.

— А правда, ну, что глаза вытекут?

— Если заметят, что пялишься, ещё и не то вытечет, — посулила ведьма.

Это со стороны кажется, что ведьмы голыми пляшут, чтобы простых людей соблазнять. На самом деле всё дело было в том, что колдовство, в отличие от волшебства, было чем-то очень природным и для некоторых заклинаний кожа должна была соприкоснуться с воздухом без преград. Летать, например, одетой было никак нельзя. Или вон волосы. Чуть как завяжешь, уберёшь, прикроешь — уже мешают. Магда даже с утра так свои уложила, чтобы, если надо, выдернуть гребень и распустить причёску. Словом, ведьмы терпеть не могли, когда на них пялились. Свои уже привыкли воспринимать наготу как рабочую одежду. А

чужим вечно объяснять приходилось.

— Что-то ведьм нет, — сказал Куно. — Тебе не пора ли лететь?

— Заскучал? — хмыкнула Магда.

Куно не ответил. Ведьма проследила за его взглядом и насторожилась. От башен к ним шло... шли объятые светом люди. Четверо белых волшебников. Мужчины. Странно, обычно ведьм останавливали волшебницы, мужчины потом присоединялись и то не всегда.

— Виль об этом не говорил, — нервно сказал Куно. — Что нам делать?

— Молчи про него, — предложила Магда. — Увидим.

— Остановимся? — спросил Куно.

— Ещё чего не хватало. Им надо, пусть догоняют. И...

— Что?

— Это белые маги. Они... не могут нападать на простых людей. Их волшебство помогает только против ведьм, чёрных магов и вампиров. Но если ты нападёшь на них первым, они найдут чем ответить.

— Больно надо, — пробурчал мальчишка.

Четвёрка магов дошла до их телеги. Один встал прямо на дороге и Куно натянул вожжи.

— Мир вам, добрые люди, — сказал один из них, плешивый волшебник в грязноватой хламиде.

— И вам здрасте, — отозвался Куно, неуклюже кланяясь.

— Откуда вы? — спросил плешивый.

Куно махнул рукой на север.

— Плохое тут место, — подошёл ближе высокий волшебник с редкими светлыми волосами. — Почему вы не поехали через озеро?

Магда и Куно переглянулись.

— Тётка воды боится, — нашёлся мальчишка, кивая на ведьму. Та с трудом сохранила серьёзное выражение лица.

— А куда вы путь держите? — не отставал плешивый.

Куно махнул рукой на юг.

— В Лотарин, — сообщила Магда, примерно помнившая, какие земли окружают Пустошь. Врать про рыбаков было бесполезно, они были слишком далеко от берега, а заблудиться в открытой местности невозможно. Этот ответ волшебникам почему-то не понравился.

— Зачем вам в Лотарин? — настороженно спросил плешивый.

Что особенно неприятно, оставшиеся двое, которые пока предпочитали помалкивать, подошли со стороны леса, так что и в лес-то не убежать.

— Не велено болтать, — почти честно ответил Куно, который порядком струхнул, но хорохорился. Все четверо волшебников слабо светились, только вот свет был какой-то неправильный. Тусклый, что ли? Поблекший, сероватый. А те, которые отрезали от леса, ещё и прятали что-то под длинными белыми плащами. Плащи, впрочем, тоже были какие-то поблекшие.

— В Лотарин, говорите... — повторил высокий.

Плешивый шагнул вперёд и, прежде чем Магда поняла, что он задумал, рванул в стороны плащ на её груди.

— Ведьма! — обличающе ткнул он в сорочку женщины.

Молчаливые маги обнажили мечи. Куно вытаращил глаза. Магда не удержалась от

усмешки. Так могла бы держать клинок она. Непривычной рукой, которую неприятно оттягивает тяжесть оружия. Видно, надеялись одним видом напугать. Сын трактирщицы кивнул на них. Ведьма пожала плечами. Что делать, было непонятно. Куно, сколько она знала, мечом тоже не шибко владел. Зато маги могут раскалить меч у человека в руках.

— Вы пойдёте с нами, — сказал плешивый тем неприязненным тоном, который всегда просыпался у белых волшебников при общении с ведьмами.

— Не надо, — поморщился высокий. — Пусть убираются откуда приехали.

— Нет, они нам пригодятся, — настаивал плешивый. — Может, проклятый захватчик согласится обменять жену на эту ведьму.

— Лонгин холоден и равнодушен, — покачал головой высокий, — ему нет дела до исполнителей. Он даже на девочку отказался менять нашу сестру Виринею.

— Если бы ты лучше следил за проклятым ведьминым отродьем, мы могли бы поторговаться, — раздражённо ответил плешивый.

— Если бы, — отмахнулся высокий. — Ладно, почему бы не попробовать?.. Ведьма, если ты не будешь колдовать, тебе ничего не грозит...

Магда истерически расхохоталась, скинула с себя плащ и осталась в одной сорочке. Это был один из немногих подарков барона, который ей по-настоящему нравился — рубашка из мягкого тонкого полотна, сквозь которое просвечивало её тело. Потом выдернула гребень и волосы рассыпались по плечам.

Маги с отвращением отвернулись, как будто увидели не молодую, всё ещё красивую женщину, а исчадь Преисподней. Ну да, именно поэтому с ведьмами приходили сражаться волшебницы. Мужчинам, видите ли, неприлично, да и страшно, вдруг колдунья зачарует, соблазнит и украдёт душу?.. Скоро они, конечно, опомнятся. Куно, напротив, остолбенело смотрел на ведьму. Магда рванула завязки, стягивающие широкий ворот. Сорочка упала к её ногам. Лопатки зашипало ещё сильнее, потом словно могучая сила влилась в ведьму из вечернего воздуха и Магда взмыла в воздух. Волшебники в самом деле опомнились и ведьме пришлось уворачиваться от раскалённых добела магических огней, которые они запустили ей вслед.

Глава шестая

Спасение

Эрна быстро потеряла счёт времени. Днём она пряталась в маленькой башенке на верху Белой башни, в которой было порядка не больше, чем в сарае её мамы, и куда никто никогда не заглядывал. Она вовсе не бездельничала, она была очень занята важным делом. Девочка плела и вязала верёвку. Эрна не торопилась. Дядя Виль учил, что никогда не надо спешить и суетиться. Всё надо обдумать, подготовить, выждать время и сделать как следует. Вот она и готовилась. Верёвка должна была быть длинной и крепкой. Падать тут высоко, а разбиваться в лепёшку девочке совсем не хотелось. Она не боялась смерти. Виль как-то заверил её, что такие маленькие дети, если умрут, снова родятся у своей мамы. Так что смерть — это не страшно, только заново всему учиться придётся. Эрна тогда уже знала, кто её папа, и ещё не знала, какой он плохой человек, но ей захотелось сказать Виллю приятное и она сказала, что хотела бы родиться его дочерью. Может, мама тогда бы меньше ругалась, что Виль хочет её учить. Прозревший тогда внимательно её выслушал и оценил слова ученицы по достоинству, но ответил, что это невозможно.

— *Маглейн моя сестра,* — серьёзно пояснил Виль. — *Придётся тебе поискать другого папашу.*

— *У вас же разные папа с мамой,* — недоверчиво уставилась на него девочка.

— *Разные,* — невесело усмехнулся Виль. — *Твоя мамаша в рыцарском замке росла, ручки тяжёлой работой не пачкала, а я в худшей хижине в деревне, с детства отцу помогал, горбатился.*

— *Вот видишь!* — торжествующе заявила девочка. — *Мама не твоя сестра!*

— *Сестра, сестра,* — засмеялся Виль. — *Постороннюю бабу давно б прирезал за её шуточки, а твоя мамаша, смотри, живёхонька.*

Эрна притихла, не понимая, шутит дядя или говорит всерьёз. Наверное, хорошо, что он отказался. Девочка смутно представляла, что мама не захочет, чтобы Виль стал папой её нового ребёнка. Даже если Виль обещает, что у них родится не какая-то чужая малявка, а снова Эрна. Потом девочке пришла в голову новая мысль.

— *А ты думаешь, если я умру, я смогу от папы родиться?*

— *Это вряд ли,* — покачал головой батрак. — *Мамаша твоя папашу твоего и близко не подпустит. Да и я б его лучше прикончил, если здесь появится.*

На этот раз Виль вроде не шутил и девочка испугалась за папу.

— *Это почему ещё?* — с вызовом спросила она.

— *Да потому что такое дерьмо, как твой папаша, с добром не всплывает,* — сплюнул учитель.

— *Неправда!* — обиделась Эрна.

— *Ничего, вырастешь — поймёшь, да поздно будет,* — посулил Виль.

От этого воспоминания у Эрны противно защемило в носу и она вся сморщилась. Ну уж нет! Она плакать не будет!

Виринея папу не убила. Что-то такое сказала возвышенное, о том, что на глазах дочери не будет, и отпустила. Сказала, если он не сдастся суду и его не накажут, через неделю ослепнет. Эрна бы лучше убила. Дядя Виль оказался прав. Папа предал маму снова, предал и свою дочь, которую нарочно обманул, чтобы продать подороже, а что его товарищи хотели с

мамой сделать, так лучше вообще не думать. Всё равно они мертвы. Жалко того оборотня. Вириная ему очень больно сделала. Может, он тоже умрёт. Интересно, когда и где он родится? И кем, рыцарем или оборотнем?

— *А если я умру, а родит меня не мама?* — спросила она Виля через несколько дней после первого разговора о смерти.

— *Будет у тебя другая мамаша,* — отозвался Виль. *Они тогда как раз порыбачили и теперь учитель сворачивал удочки.*

— *А ты меня найдёшь?*

— *Обязательно,* — посулил Виль.

— *А ты точно меня узнаешь?*

— *Да куда я денусь?*

— *А ты маме скажешь?*

— *Которой?*

Эрна задумалась.

— *А давай ты меня тогда украдёшь и маме вернёшь? Пожалуйста! Я не хочу у другой мамы расти!*

— *Посмотрим,* — неопределённо ответил батрак. — *Ты помирать-то не торопись. Ещё у этой мамашки поживёшь, да и мне меньше хлопот. Ищи тебя потом, разыскивай. Пошли домой, нечего весь день тут торчать.*

Эрна послушно побежала за ним и тут ей в голову пришла новая мысль:

— *А вдруг ты тоже умрёшь и меня не найдёшь?!*

— *Вот заладила, вдруг да если! Куда я от тебя денусь? Я ж тебя ещё ничему толком не выучил.*

Вспомнив этот разговор, Эрна шмыгнула носом и приободрилась. Дядя Виль не умрёт. Он её ещё не выучил.

Девочка содрала себе руки, сплетая и скручивая неподатливую ткань, которую наворовала в подвале и нарезала на длинные полосы. Можно было просто связать их между собой, но что-то девочке подсказывало, что скрученное надёжней. Каждую ночь она спускала верёвку с башни и вглядывалась в темноту. Пока было слишком коротко.

Ещё она по ночам шныряла по башне. Виль хорошо её обучил, а маги не догадались снять с девочки сшитые им кожаные башмаки, благодаря которым Эрна ходила совсем бесшумно. Батрак требовал от неё вести себя очень тихо, чтобы не будить маму, когда поднимал по утрам до рассвета. Нельзя было ни топтать, ни брякать, ни стучать, ни даже сопеть. Эрна могла вытащить яйца из-под курицы так, что она даже не кудахнет. Теперь ей это всё очень пригодилось.

Она всё-таки нашла огниво, нашла даже подсвечник, но свечу зажигала только в подвале и очень старалась не капать воском. Маги так и не догадались, кто их ограбил и потихоньку продолжает обворовывать. Эрне было ни чуточки не стыдно. Они сами воры, сами всё это украли у чёрных волшебников! И дураки, что не стерегут. Ещё девочка прокрадывалась к бывшей своей каморке, отодвигала засов. Маги забыли расколдовать ведро и воткнутую в стену рогульку, так что здесь можно было справиться нужду, хотя бы большую (для малой оставалась крыша Белой башни и надежда, что маги не заметят, что у них сверху нагажено) и запасть на день водой.

Ночные вылазки не всегда проходили гладко. Несколько раз Эрну чуть не застукали. Она быстро выучила все ниши и статуи на первом этаже, куда можно спрятаться на втором и

третьем и обнаружила кучу, в которое маги сваливали грязное бельё перед волшебной стиркой. Куча была удобная, мягкая, только один раз она в ней чуть не расчихалась.

С водой было трудно. Эрна перерыла всю башенку, но не нашла ничего похожего на флягу или даже чистое ведёрко. Только большую чашу на ножке, которую приходилось тащить обеими руками и два раза она даже её расплескала, когда услышала шаги и пришлось спешно прятаться. Тогда же Эрна прониклась презрением к белым магам. У них такая лужа здоровая, а они и не думают поискать, откуда она взялась! Хотя дядя Виль говорил Эрне, что надо быть осторожней. Может, они притворяются, чтобы она себя выдала?

Маги не притворялись.

Они действительно не придали значения разлившейся воде и вскоре Эрна осмелела. Кроме подвала, её очень интересовал второй этаж, на котором Держатель Чаши так и не запер комнату с волшебным зеркалом. Туда попасть было трудно: старый маг частенько оставался там по ночам и всё надеялся что-то углядеть. Один раз он пришёл туда после того, как Эрна уже всмотрелась в зеркало, и девочке пришлось срочно прятаться под столом. Тогда она подслушала, что Держатель ищет волшебную Чашу, из которой, по преданию, выливается истинный свет. Маги успели перерыть Белую башню сверху донизу ещё до того, как притащили сюда Эрну, но ничего не нашли, и теперь Держатель надеется найти своё сокровище с помощью волшебства. Беда была в том, что зеркало не показывало Серой пустоши и всего, что находится в Башнях — тоже. Эрна даже задумалась, не волшебную ли Чашу она наполняет водой, но ничего особенного в ней не было. Ну, большая, из белого какого-то металла, с прихотливым узором снаружи. Ужасно неудобная. Может, и та самая. Волшебники же по-простому не могут.

Когда девочке удавалось проскользнуть к зеркалу, оно показывало непонятное. Дядя Виль скоро перестал лежать в цепях, он то спал, то ходил и с кем-то разговаривал. Вокруг было темно, а дядя Виль говорил тихо и невнятно. Но он свободен! Его не убили! Что он делает, где и зачем — было непонятно. Но он жив!

А мама грустила. Плохо спала и во сне шептала её имя. Или вообще не спала. Тогда губы её шевелились беззвучно.

* * *

Той ночью у Эрны закончился хлеб. Она спустилась вниз, но пробраться в подвал быстро не получилось: волшебники сновали туда-сюда, что-то стаскивали вниз, спорили и даже роняли. Пришлось прятаться за статуей какой-то женщины в развевающемся платье и ждать, пока им надоест тут шастать. Эрна чуть не уснула стоя, пока они убрались, а потом ещё ждала, не придёт ли им в голову ещё зачем-нибудь спуститься. Но всё было тихо. Девочка юркнула за дверь, ведущую в подвал, спустилась вниз и зажгла свечу. Нашла комнату без дверей, куда маги стаскивали добычу. И тут эта самая добыча зашевелилась. Эрна чуть не заорала с перепугу и поспешно зажала себе рот рукой. Тёмная куча бочек и мешков шуршала, шевелилась и скрипела. Девочка сглотнула и перевела взгляд на свечу. Что бы там ни было, оно её увидит. Эрна собралась было потушить огонёк, но потом заставила себя шагнуть вперёд и поставить подсвечник на пол. Пламя трепетало, отклоняясь от двери, и вокруг него разливался золотистый свет. Девочка сделала шаг назад. Другой. Третий. Пока, наконец, её тень не перестала плясать на стене. Эрна затаилась у самой двери и стала ждать.

Ей страшно хотелось удрать, но она боялась, что, если она не узнает, что там за чудище, оно поймает её в коридорах после. А так Эрна, может, сумеет его убить. Или хотя бы узнает, как обмануть.

Куча ещё пошевелилась, а потом что-то пролетело и потушило свечу. Эрна пискнула, зажала рот и бросилась бежать.

* * *

Волшебники метали свои огни довольно-таки метко. Лети они чуть быстрее, ведьме было бы несдобровать, но она взмыла вверх, в отвратительное серое небо Пустоши, выше, как можно выше, и расхохоталась. То же колдовство, которое помогало ей летать, защищало и от холода, иначе ведьмы бы не могли бы пережить свои впечатляющие полёты. Вот потом, на земле, придётся худо. Но это потом. Магда посмотрела вниз. Маги всё ещё не отказались от мысли её сбить. Магда спустилась пониже: ей пришла в голову опасная мысль. *Виль велел Куно бежать в лес.* Волшебники легко поддались на старую, как мир, уловку, и позволили увести себя от телеги. Магда увлеклась и один из них чуть не сбил ведьму на землю. Куно в это время хозяйственно подобрал скинутую Магдой одежду, достал даже то, что она бросила в телеге, цапнул её сумку и, никем не замечаемый, побежал в лес. Ведьма расхохоталась ещё громче. Она успела забыть, каково это — летать, — и теперь наслаждалась ощущением прохладных воздушных струй, омывающих тело. Ветер трепал её длинные волосы, бросал их в лицо. Можно было взлететь ещё выше, пролететь сквозь отвратительную серую хмарь... туда, где перестает действовать колдовство. Некоторые так делали, чтобы насладиться мгновениями падения. У самой земли оно останавливалось. Страшно. Безумно. И возбуждало.

Магда никогда так не делала.

Она почти решилась. Сейчас, когда маги наблюдают за ней. Сейчас, когда они могут надеяться сбить её. Сейчас...

Ей показалось, что маги собираются оглянуться на телегу, а Куно ещё не добежал до леса, и она спустилась вниз. Снова увернулась, взмыла повыше и отлетела. Это было даже забавно.

Она вводила магов всё дальше от телеги, а потом поняла, что уже не видит Куно на Пустоши, и перестала спускаться. Волшебники столпились, с досадой глядя ей вслед. Похоже, они ругались, но ветер относил их слова в сторону. Наконец, им надоело, и они вернулись к телеге.

Странно... зачем она им понадобилась?..

Магда не могла решить, что ей делать теперь.

Виль не велел охранять телегу.

Стоило, наверное, сделать крюк и найти Куно в лесу. Магда поёжилась. Как только она спустится, она сразу прочувствует, как тут холодно. Ветер задувал нешуточно, а там же ещё дождь. Пока она ещё Куно найдёт, который утащил её вещи, а этот балбес ещё пялиться будет... Магде не слишком хотелось спускаться.

Что же ей делать?

Лететь к башням, выманивать ведьм?

Пытаться пробраться в Белую башню?

Может быть, удастся сделать это с воздуха?..

Никто никогда не мог это сделать.

Они пытались.

Виль сказал...

Виль не сказал, что ей делать, если ведьмы не появятся!

И тут появились ведьмы. Они летели высоко, выше Магды, их было всего трое. Молодые, даже юные, они образовали правильный треугольник прямо над Магдой, так что она оказалась бы в самом его центре. Две отрезали её от леса. Магда похолодела. Кожа покрылась мурашками. На лету говорить было практически невозможно, но действия были недвусмысленными. Они снижались так, чтобы прижать Магду к земле. Ей пришлось рвануться вниз, вперёд и снова вверх, вызываясь из их кольца. Но эти ведьмы были быстрее, они нагнали её и снова принялись теснить — вниз и вперёд. Магда снова увернулась. И ещё раз. И ещё. Она слишком поздно поняла, что её теснят к Башням, а ведь там силы их учениц усиливаются, а Магда так давно здесь не бывала!

Волосы на головах ведьм засветились, зашевелились, удлинились, потянулись друг к другу. Магда сделала ещё один рывок, чтобы не дать себя поймать натянутой между ведьмами сетью. Она так не умела, в её время так не делали. Кто знает, чем эти паршивки вымазали волосы? Может, это просто сеть, а, может, она заставляет замереть на месте, останавливает сердце, обжигает...

Если спуститься слишком низко, мазь перестанет действовать.

А внизу холодно.

Она в отчаянии металась по воздуху вокруг башен, когда вдруг услышала внизу знакомый голос.

Лонгин холоден и равнодушен.

Он даже на девочку отказался менять нашу сестру Виринею.

Лонгин.

Девочку.

Виринею.

— Лонгин! — завопила Магда, которую ведьмы гнали как раз на него.

Она всё-таки потеряла воздух, так у них называлось, когда мазь переставала действовать и летунья падала на землю.

К счастью, она была достаточно низко.

Ведьма упала на утоптанную землю, в кровь оборвала колени и руки и подняла взгляд на чёрного волшебника, который подошёл поближе с вежливым выражением лица.

Он взмахнул рукой и кто-то набросил на Магду плащ, а потом помог ей подняться.

— Наконец-то! — сказал Лонгин, бесстрастно глядя на кутающуюся в плащ ведьму. — Я, признаться, уже начал волноваться.

— Что?! — не поняла Магда.

Лонгин снова взмахнул рукой. К ней подошла молоденькая ведьмочка, которая держала в руках деревянный кубок, над которым вилась струйка пара. Под пристальным взглядом собравшихся у башни ведьм и волшебников Магда покорно поднесла кубок к губам и сделала глоток. Это было подогретое вино с какими-то пряностями. Ничего опасного в нём не было.

— Лонгин?! — спросила ведьма.

— Я давно тебя ждал, — пояснил волшебник. — Когда Виринея пришла и сказала, что привезла твою дочь...

Он развёл руками.

— Должен принести тебе свои извинения за её действия, — сказал он официальным голосом. — Что с тем мальчиком, Арне?

— Он умер, — сухо ответила ведьма. Лицо Лонгина омрачилось.

— Плохо дело.

— Это всё, что ты можешь сказать?!

Лонгин хмыкнул и потёр руки.

— Я полагаю, ты прибыла за Эрной, — сказал он вежливо.

— Где она?!

Лонгин кивнул на Белую башню.

— Эти сумасшедшие заперлись там и девочку отдавать отказываются, — сказал он. — По-моему, она у них сбежала.

— Как — сбежала?! Куда же она делась?!

— Прячется. Двери башни заколдованы, их не может открыть ни чёрный волшебник, ни колдун, ни ведьма.

Одна из преследовавших Магду ведьм (её было несложно узнать по золотистому оттенку светлых волос), закутанная в лёгкий плащ, подошла к волшебнику и что-то тихо сказала ему на ухо.

— Вот как, — отозвался Лонгин и перевёл взгляд на старую приятельницу. — Магда, это твою телегу белые волшебники грабят?

— Что делают?!

— Грабят, — терпеливо разъяснил волшебник. — Вернее, воруют целиком, вместе с лошадью.

— Мою, — подтвердила опарашенная ведьма. Мир сошёл с ума?! С каких пор белые волшебники что-то воруют?!

— Отлично, — удовлетворённо кивнул Лонгин и подозвал к себе какого-то важного толстого волшебника, который поодаль ждал, чем закончится разговор.

— Что у вас происходит? — беспомощно спросила Магда.

— У нас? — вскоре вернулся к ней Лонгин. — Небольшие затруднения. Но скоро вопрос будет решён, я так понимаю.

— А Эрна?!

— С ней всё будет в порядке, — заверил волшебник и снова отошёл отдать какое-то приказание. Сегодня он старательно понижал голос и было видно, что это требовало от него огромных усилий.

— Почему? — спросила Магда, когда Лонгин снова подошёл к ней. Он удивлённо моргнул. — Откуда ты можешь знать?!

— Я давно ждал тебя, — снова пояснил волшебник. — Зная тебя...

— Объясни!

Лонгин снисходительно улыбнулся.

— Видишь ли, мне нужен простой человек, который откроет двери Белой башни изнутри. Простой человек, не обладающий ни даром, ни проклятием. Белые волшебники, чтобы им провалиться, удивительно упрямые и неподкупные создания, и к тому же никого к себе не пускают, хотя последний подосланный мной человек был, уж поверь, более чем убедителен.

— Я тебя не понимаю, — пробормотала ведьма.

— Ты, наверное, переволновалась, — предположил Лонгин. — Видишь ли, я знаю повадки твоего друга, слышал и кое-что о его делах. Поэтому нам надо только немного подождать... кстати, ты голодна?

— Друга?!

Лонгин укоризненно покачал головой.

— Я говорю о том разбойнике, который тебя несколько раз спасал. Медном Пауке. После того, как ты не дала Эрлейн его ослепить, я не сомневался. Только не говори, что тебе не удалось его вытащить.

— Я, может, не стала, — криво улыбнулась ведьма.

— Брось, Магда, уж меня-то ты не обманешь. Лучше скажи, вы были вдвоём? Или с вами был кто-то ещё?

Магда попятилась, чувствуя взгляд Лонгина как если бы он царапал её кожу.

— Н-н-нет, никого...

Лонгин разочарованно поморщился. Снова взмахнул рукой. Рядом с ним немедленно оказались давешние ведьмочки: Магда узнала их по распушившимся волосам.

— Третий, видимо, ушёл в лес, — сообщил волшебник. — Поищите и приведите сюда.

— Зачем?! — вырвалось у Магды. Лонгин хмыкнул.

— Простое человеколюбие требует обогреть и накормить этого несчастного, — так укоризненно произнёс он, что Магда не поверила ему ни на медяк. — Ты тоже иди в Бурую башню. Мне надо подготовить своих людей, а тебе — поесть и согреться. Кстати, если ты хочешь спать...

— Нет!

— Тогда просто подожди. Когда всё будет готово, я тебе кое-что расскажу.

— Но, Лонгин...

— Потом, — отмахнулся он и ушёл. Незнакомые ведьмы подтолкнули Магду в сторону Бурой башни. Бежать было некуда.

* * *

Магде дали одеться, согреться, но разговаривать с ней не стали. Ведьмы Бурой башни сновали туда-сюда мимо неё, слишком занятые, чтобы обращать на Магду внимание.

Прошло не так уж много времени, прежде чем ведьмы привели Куно. Мальчишка шёл с зажмуренными глазами и девушки вели его под руки, иногда подталкивая так, чтобы он наткнулся на косяк или на стол.

В Бурой башне первый этаж был занят огромной кухней. Магда сидела за одним из столов и туда же ведьмочки подтолкнули Куно.

— Открывай глаза, — мягко сказала Магда.

— Это ты? — насторожено спросил мальчишка.

— Я. Открывай.

Куно осторожно приоткрыл один глаз, ничего страшного не обнаружил и открыл оба.

— Они как налетят! — шёпотом сказал он, вертя головой по сторонам. — А я подумал...

Магда устало вздохнула.

— Поешь, — предложила она.

Ведьмы поставили перед ними миску какого-то варева с двумя ложками и по бокалу подогретого вина.

— А ты? — всё ещё шёпотом спросил Куно.

— А я не хочу.

— Тогда и я есть не буду, — категорически заявил сын трактирщицы.

— Зря, — обронила Магда и потянулась за ложкой.

Куно посмотрел, как она неохотно ковыряет ложкой варево, потянулся за своей и принялся есть.

— А как они узнали, где меня искать? — спросил он.

— Колдовство, — пожалала плечами ведьма, слишком усталая, чтобы думать.

Что происходит?

Что Лонгин задумал?

Что задумал Виль?

Почему Лонгин его понимает, а она нет?

* * *

Магда без особенного желания выхлебала несколько ложек варева. Ничего, есть можно, особенно если не присматриваться, что ведьмы сюда намешали. Ограбили, что ли, кого-то на днях? Обычно в Бурой башне с посторонними делиться было нечем. Куно съел больше, но, когда к ним подошёл Лонгин, варева ещё оставалось довольно много. Чёрный волшебник рассеянно достал откуда-то ложку, придвинул к себе миску и начал есть. Рыженькая ведьмочка принесла ему бокал с тёмно-красной, почти чёрной жидкостью, из которого Лонгин отхлебнул и вернулся к вареву.

— Если ты увидишь своего зятя, Магда. — сказал волшебник, разламывая ковригу хорошего белого хлеба и протягивая своим сотрапезникам половину, — передай, что Лотарин ему не достанется.

— Увижу кого?!

Маг поморщился.

— Материнство на тебя плохо повлияло, ты совершенно перестала соображать, — сообщил он. Куно хихикнул и Лонгин поднял на него взгляд. — А, тебя я знаю, мальчик. Ты из деревни... как её?.. Лангавальд, кажется.

— Латгавальд, — поправил отчаянно трусящий Куно. — Я тебя вспомнил! Ты чёрный маг, у которого болят зубы! Тебя наш знахарь лечит. Ты с ним на тавлею кости кидаешь.

Лонгин хмыкнул, но поправлять не стал.

— Я говорил о твоём зяте, Магда, — вернулся он к прежней теме. — Уваре, кажется. Муже твоей сестры.

— Я не понимаю...

— Он побывал в Лотарине и убил твоего отца, — буднично объяснил волшебник. — Требовал выплатить приданое. Так вот, оно ему не достанется. Твой отец всё завещал своему сыну, Вилмосу.

— Отец умер?!

— Увы, — кивнул Лонгин, макая хлеб в остатки варева. — Его сыну удалось сбежать. Он прискакал прямо к нам в Пустошь и обменял отцовские владения на проклятие. Теперь

он ученик Бурой башни. Вообще, редкость среди юношей, обычно они обнаруживают способности к магии, но мальчик так и клокотал от ярости. Если хочешь, я велю его позвать.

— А мать?!

— Говорит, её не было дома. Впрочем, нападавшие вообще пощадили женщин. Что они собирались делать с твоим братом, он предпочёл не выяснять. Забавно, правда?

— Что забавно?!

— Ну, как же. Вырезать всех мужчин, но пощадить женщин — как-то бессмысленно. Если они хотели избавиться от свидетелей, следовало убить всех. А если не собирались, зачем начали?

Магду передёрнуло от этих рассуждений. Отец, который когда-то выгнал их из дома... как же так... как бессмысленно...

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?

— А? К слову пришлось, не обращай внимания. Ты пришла за Эрной. Как я уже говорил, она в Белой башне. Эти сапожники даже не могут удержать ребёнка под замком.

— Зачем тебе Белая башня?

— Мне? Да ни зачем, в общем-то. Там только три этажа построены по-человечески, а остальное скрепляли магией. Собственно, потому я и не пытаюсь её штурмовать. Она же упадёт нам на головы. Сапожники строили, лишь бы покрасивше да посложнее. Каменная спираль, магическая блокировка потоков, гармония нарушена, дисбаланс сил...

Лонгин углубился в свою науку и заговорил так непонятно, что Магда почувствовала, как соловееет, а глаза Куно стали совершенно круглыми.

— Словом, — подвёл итог своей речи Лонгин, — я полагаю, теперь мы можем идти. Прошу прощения, но ты мне нужна, а вот твоему спутнику лучше остаться здесь. Ему не причинят особенного вреда, если он будет вести себя разумно.

Куно вцепился в руку Магды.

— Нет! Я с ней пойду!

Ведьма просительно поглядела на Лонгина, тот раздражённо махнул рукой.

— Идите оба! Нет времени!

* * *

— Встань здесь, пожалуйста, — безукоризненно-вежливо попросил Магду Лонгин, поставив её на самой границе света, излучаемого башней. — А ты, мальчик, немного подальше.

Он указал Куно в тень и встал рядом.

— И что теперь? — громко прошептал мальчишка.

— Ждём, — отозвался волшебник. — Мои люди готовы, осталось немного.

— А что ты хочешь? — спросил Куно.

— Взять Белую башню, разумеется, — с заметным раздражением ответил Лонгин.

— Зачем? — не выдержала и Магда, оглядываясь на приятеля. Тот знакомым с юности жестом потёр руки.

— Смерть прежних преподавателей Чёрной башни сделала меня, увы, её хозяином. Поскольку деваться мне некуда, пришлось заняться обустройством этого паршивого местечка. Я не без труда договорился с ведьмами, но вот белые маги, эти сапожники от

науки, оказались крайне упрямыми. Я уже подумывал перебить их всех, но у них есть кое-какие недоступные мне области знания. Ловить их по одному бесполезно, эти упрямые болваны вообразят, что страдают за свои убеждения... а оставшиеся без колебания ими пожертвуют — тоже во имя убеждений. С кем угодно другим я мог бы перебить самых строптивых и договориться с оставшимися, но только не с белыми магами. Они, небось, предпочтут погибнуть все вместе. И тут появляетесь вы!

Магда похолодела. За любезной улыбкой мага крылось что-то ужасное.

* * *

Страшное чудище в два прыжка догнало Эрну и зажало рот своей лапищей... обычной человеческой рукой.

— Тихо, Эрлейн, это я, — прошептал такой знакомый и родной голос.

Всхлипнув, девочка прижалась к дяде Вилю.

— Мы ещё внутри, а не снаружи, — проворчал батрак. — Показывай, где тут выход.

— Он не открывается, — с трудом подавив рыдания, — пожаловалась Эрна. — Я пробовала! Несколько раз!

— Дай-ка и я попробую, — отозвался Виль. — И тихо!

Эрна довела учителя до парадных дверей. Они были закрыты на засов, который батрак легко отодвинул. Девочка захлопала глазами, а Виль осторожно, на пробу, толкнул дверь. Та распахнулась.

— Будь начеку, — предупредил батрак и вышел из башни. Эрна высунулась следом. Там не было никакой ловушки, зато всего в двадцати шагах стояла мама! Магда с надеждой вглядывалась в дверь Белой башни и, увидев дочь, кинулась к ней. Эрна бросилась ей навстречу, ловко увернувшись от руки Виля. Она уже не видела, как одетые в чёрное люди распахивают дверь настежь и один за другим забегают в башню.

* * *

Магда прижимала к себе спасённую дочь и покрывала её лицо поцелуями. Жива! Здорова! С ней!

— Мама, мамочка, мамуленька! — как заклинание твердила девочка. — Я так за тебя боялась! Я всё бродила и бродила, а верёвка такая короткая! А ты в зеркале такая грустная! Я совсем не плакала! Они такие злые! Мама, почему они нас не любят? Мамочка, я всё говорила им, а они не слушали! Они злые! А я не хотела! Мамочка, я только нечаянно его уронила! Там как бумкнет! Я не нарочно, правда! Ой, мама, не надо!

Поздно. Магда случайно задела и сорвала с головы дочери неровный самодельный платок. Увидела только начавшие отрастать волосы.

— Кто это сделал?! — прорычала она.

— Волшебницы! Они злые! Я только немножечко поколдовала, а они!..

Дядя Виль подошёл ближе и провёл рукой по коротким волосам девочки. Грязно выругался.

— Зачем? — коротко спросил он.

— Хотели лишить колдовской силы, — горько ответила вместо дочери Магда. — Попадись мне только эти твари!

— И как, у них получилось? — забеспокоился Виль, но Эрна его перебила:

— Не надо, мамочка, я сама их убью! Вырасту, поймаю, побрею тоже и убью! Вот увидишь!

— Ишь ты, убью! — заворчал Виль. — Кто ж тебе разрешит из мести убивать, скажи на милость?

— Что у тебя там бумкнуло? — подошёл к ним Лонгин.

— Дядя Лонгин! — обрадовалась девочка. — Смотри, что у меня есть!

Она полезла в мешок, который держала привязанным к поясу и в котором лежала украденная чаша. Вниз Эрна всегда тащила её в мешке, чтобы оставить руки свободными.

— Её белые маги искали, она им должна свет проливать, её Держатель держит, это такой дяденька, он её каждую ночь искал, а я нашла.

Лонгин принял подарок и засмеялся.

— Я много ждал от этих сапожников, но чтобы так!

Он наклонился к девочке.

— Священная чаша истинного света — это символ, — пояснил он. — Вроде как сказка. Чтобы лучше описывать, во что люди верят. Её никогда не существовало. А ты нашла церемониальную чашу. Её для красоты использовали в обрядах. Она не волшебная.

Лонгин повернулся к взрослым и объяснил им:

— Вместе с Чёрной башней мне достались архивы. Мы их разбирали... Пришлось заставлять нерадивых учеников сидеть над записями, а потом за ними ещё и проверять. Та ещё работёнка. Но было и кое-что интересное. Никогда бы не подумал, что эти сапожники поверят в ими же придуманный образ и начнут искать!

— Так она не настоящая? — разочаровано спросила Эрна. — А я думала, если выберусь, тебе подарю, а ты мне за это поможешь вернуться к маме!

— Ты и так с мамой, — напомнил волшебник, напряжённо глядя на дверь Белой башни.

— Ой, а ты учеников архивами наказывал? — спохватилась Эрна. — А в Белой башне думали, что ты их мучаешь!

— Это нерационально, — рассеянно отозвался Лонгин. — Так что у тебя бумкнуло?

— Я не хотела! Я иду, а он там смотрит! Я хотела спрятаться! Ты говорил не тараторить, но я так боялась! Он смотрит! И темнота на него как кинется! А он свет зажёт! Я кричала «не надо»! А он не слушал. А потом как бумкнет! И всё. Он упал в колодец. Там лестницы вокруг него были. А я не хотела! Он сам! Я говорила — не надо! Он сам, правда? Сам же?

— Кто — он? — спросила Магда.

— Волшебник! Молодой такой! Он с горшком на лестнице был! А я там была! Он же мог рассказать! Я только хотела, чтобы он меня не видел!

Лонгин расхохотался.

— То есть ты убила этого волшебника? — спросила Магда.

— Он сам! — захныкала Эрна.

Виль ухмылялся.

— Плохая работа, — безжалостно сообщил он, не обращая внимания на слёзы в глазах девочки. — Убила случайно, кто ж так делает? Небось ещё и повторить не сможешь, если понадобится.

Лонгин перестал хохотать и старательно посерьёзnel.

— Ну, что, тебя можно поздравить с первым выигранным магическим поединком, — торжественно заявил он.

Потом повернулся, подозвал к себе толстяка в богатых, расшитым золотом одеждах и сказал:

— Эти сапожники не пускали учеников на мои лекции и вот результат. А я говорил, что в замкнутом помещении нельзя применять заведомо антагонистичные заклинания.

Толстяк ответил что-то непонятное, что-то о зависимости между вложенным усилием, настроением мага и получившимся взрывом, и понял его только Лонгин.

— Так ему и надо, — решила для себя Магда. — Не плачь из-за него, золотко!

— Чего мы ждём? — вмешался в разговор магов Виль. — Что ты ещё задумал?

— Ничего особенного, — рассеянно отозвался Лонгин. — Я послал учеников... у меня есть разработанные заклинания, которые могут блокировать белую магию... правда, недолго. Но это должно помочь. Тем более, что они прошли хотя бы некоторую подготовку...

Он задумчиво посмотрел на дверь башни и повысил голос.

— Начинайте! — приказал он. — Быстро!

Снаружи ничего не происходило, только нарастало напряжение. Виль оглянулся по сторонам.

— Что тут у вас ещё есть, кроме башен? — спросил он. — Вон там что?

В тени Чёрной и Бурой башен прятались какие-то невысокие строения. Сарай, хижина, даже какие-то домики и непонятное длинное одноэтажное строение.

— А, — махнул рукой Лонгин. — Там конюшни, сарай, а вот это страшилище — тут спальни белых магов. Раньше они там жили.

Он усмехнулся.

— А потом появился я.

Он поманил пальцем Куно и шагнул в сторону Белой башни, откуда уже доносились женский визг, ругань, проклятия, стоны, стук и грохот. Куно беспомощно оглянулся на Магду, та ответила ему таким же рассеянным взглядом.

— Иди сюда, мальчик, — мягко попросил Лонгин.

К юноше подошла закутанная в плащ ведьмочка и подтолкнула его в сторону чёрного мага. Куно подошёл к Лонгину. Тот положил руку ему на плечо и повернулся к Белой башне.

— Слушайте меня! — сказал Лонгин вроде бы без напряжения, но у стоящего рядом Куно зазвенело в ушах. — С вами говорит хозяин этой земли! Я заблокировал вашу магию и могу отдать приказ убить вас всех прямо сейчас или выгнать вас за пределы Пустоши! Я могу уничтожить всю Белую башню одним движением руки и мне плевать, сколько из вас погребёт под обломками! Если хотите жить, выходите по одному! Мои люди присмотрят, чтобы вы не делали глупостей. Я сохраню вам жизнь, если вы признаете мою власть и поклянетесь мне подчиняться.

Из башни никто не ответил, только шум стал громче и добавилось мужских ругательств и стонов.

— Очень хорошо! — продолжал Лонгин. — Я ждал этого от вас. Глупо, но благородно. Тогда слушайте, что я вам скажу! Вот человек! Простой человек, крестьянин, далёкий от магии и колдовства. Мои люди поймали его возле Пустоши. Я убью его на ваших глазах и смерть его будет медленна и мучительна. Если вы не сдадитесь сегодня, завтра здесь будут стоять десять человек. Женщины, дети и старики и каждый будет убит у вас на глазах.

Он что-то сделал и Куно упал на колени, а после издал такой крик, что у Магды застыла кровь в жилах. Она рванулась к волшебнику, но Виль её удержал.

— Спокойно, Маглейн, — ухмыльнулся батрак. — Если что, убить твоего приятеля мы всегда успеем.

— Что я скажу его матери?! — простонала ведьма.

— Подожди, — не отпустил её Виль.

Лонгин сделал что-то ещё и голова мальчишки мотнулась как от удара.

— Не надо, пожалуйста! — закричала Эрна.

Волшебник не обратил на неё никакого внимания.

— Не суетись, Эрлейн, — взял её за руку Виль.

— Но он мучает Куно! — задёргалась Эрна.

— Тс-с! — шикнул на неё учитель. — Не мешай дяде.

— Но...

— Тихо, я сказал!

Пока они препирались, Держатель Чаши, видимо, добрался до выхода из Белой башни. Был он, как и в тот день, когда его впервые увидела Эрна, одет в длинную белую рубашку, из-под которой торчали голые ноги, только поверх закутался в одеяло. Несмотря на свой смешной вид, белый маг старался держаться гордо и величественно.

— Остановись! — сказал он Лонгину. — Не трогай его. Мы... мы сдаёмся.

— Вот и хорошо, — кивнул Лонгин. — Я требую, чтобы ты дал мне клятву повиноваться мне и признал меня хозяином Белой башни, а также всех её жителей.

— Я всё сделаю, но ты должен поклясться в ответ... — начал было Держатель Чаши.

— Победённые не ставят условий, — отмахнулся Лонгин. — Приноси клятву или мальчишка умрёт.

Держатель Чаши посмотрел на Куно и увиденное его, видимо, впечатлило.

— Я знаю, ты хотел дать мне последний бой, — слегка смягчился Лонгин. — Но напрасно. Моя смерть ничего не изменит в вашей участи. Твоя — тем более. Всё будет так, как я сказал. Ну же!

Старик склонил голову.

Виль сплюнул.

— Быстро же он сломался, — сказал он Магде.

— Ты поклянёшься своей магией, даром, который есть у тебя и который ты разделяешь со своими соратниками и учениками, своей жизнью и жизнью твоих людей, а также Заступником и Создателем, — педантично перечислял Лонгин, — что признаёшь меня своим господином, признаёшь мою власть над Серой пустошью, обязуешься мне повиноваться и привести к покорности своих людей, обязуешься соблюдать законы, которые я установлю, а до того подчиняться моим распоряжениям и правилам.

— Мои люди не будут творить зло! — вскинулся белый волшебник.

— Я не спрашиваю тебя, что будут творить твои люди, — лениво ответил Лонгин. — Я говорю тебе, как ты можешь сохранить им жизнь. Им — и многим ни в чём не повинным людям, которые...

— Остановись! Я согласен.

— Тогда клянись.

Лонгин скусающе выслушал, как старик, запинаясь, произносит слова присяги, потом потребовал привести к нему главных магов белой башни и выслушал их клятвы. Потом

подозвал к себе одного из своих учеников, перед которым парил в воздухе стол без ножек. На столе стояла чернильница с воткнутым пером и лежал лист пергамента.

— Сейлан выслушает остальных и запишет имена поклявшихся. Все они должны подчиниться мне. Если кого-то не будет в этом списке к утру, он умрёт, как только мы его обнаружим. И, возможно, умрёт кто-нибудь другой. Вы поняли?

Он вздёрнул на ноги всё ещё стоящего на коленях Куно и отошёл от белых магов. Когда Магда увидела лицо мальчишки, она ахнула. Оно было всё залито кровью.

— Что ты с ним сделал?!

— Нерационально, — поморщился Лонгин. — Если ты считаешь, что я могу замучить человека исключительно ради удовольствия, с твоей стороны глупо на меня так кричать. Эй, кто-нибудь! Дайте этому мальчику чем обтереться!

— Так что ты сделал-то? — заинтересовался Виль. — Чего он так вопил?

Лонгин мальчишески улыбнулся.

— Всего лишь сунул ему за шиворот ледышку.

Виль снова сплюнул.

— Великий маг! Властитель Пустоши! — передразнил он.

— Никогда не претендовал на то, чтобы считаться великим магом. Впрочем, я и не ждал, что вы сможете оценить заклинание, вынимающее воду из воздуха и переводящее её в твёрдое состояние.

— А откуда кровь? — спросила Эрна.

— Ах, это? Это не такое интересное заклинание. Всего лишь локальное изменение...

Дальше было непонятно. Что-то про кровь, жилы, древние трубы, по которым текла вода (в некоторых городах они до сих пор действуют!) и заморского дяденьку-волшебника, который мог бы объяснить строение человеческого тела гораздо лучше, чем Лонгин.

— Одним словом, элементарное заклинание, — подытожил он. — Разумеется, мне не составило бы труда осуществить свою угрозу, однако условием, которое мне было поставлено, было соблюдение магами законов Тафелона. Боюсь, пытки соседей законами Тафелона не одобряются.

Куно шархнулся в сторону.

— Уведите его умыться, — приказал Лонгин, бросив взгляд на лицо мальчишки. Две ведьмочки цепко взяли Куно под руки и повели в сторону Бурой башни.

— Да ты притворялся! — догадалась Эрна. — А зачем?

Лонгин улыбнулся.

— Обычно считается, что иллюзиями занимаемся мы, — сказал он. — Но...

Он сделал такое движение рукой, словно кого-то поймал, а потом разжал ладонь. На ней шевелила крылышками алая бабочка. Эрна ахнула. Лонгин потрянул ладонью и насекомое исчезло.

— А есть другие иллюзии, — продолжил волшебник. — Например, вера в то, что церемониальная чаша поможет против зла. Или убеждение, что страшный чёрный маг ест детей на завтрак...

— Но ты же не ешь? — на всякий случай уточнила Эрна. Лонгин серьёзно покачал головой.

Он перевёл взгляд на Белую башню. Что-то в ней по-прежнему его притягивало.

— Немедленно выводите всех! — повысил он голос. — Кто будет сопротивляться, вышвыривайте! Быстро, я сказал.

— А что?.. — заинтересовалась Эрна, но Лонгин, не слушая, что-то считал про себя. Из башни чёрные волшебники в самом деле выталкивали и вышвыривали белых. Девушки и женщины кутались в покрывала, визжали и вырывались. Лонгин продолжил бесстрастно считать.

— Дальше уводите! — приказал он, ненадолго прервавшись.

Белых магов продолжили толкать в сторону от башни. Лонгин досчитал и кивнул сам себе. Раздался грохот и верхние этажи Белой башни, такие красивые, воздушные, словно созданные из света, обрушились внутрь.

— Что и требовалось доказать, — кивнул сам себе Лонгин и повернулся к Магде и Вилю. — Я полагаю, вы устали, но, к сожалению, не могу предложить вам ночлега. Однако могу предложить еды и питья сколько пожелаете.

— Иными словами, открыли тебе башню и пшли вон? — «перевёл» Виль.

— Иными словами, я не могу уследить за всем, что здесь будет твориться в ближайшее время, — сказал Лонгин. — И присматривать за вами мне недосуг.

Он повернулся к Эрне.

— Я должен извиниться перед тобой за свою жену, — сказал он совершенно серьёзно.

— А где она? — боязливо спросила Эрна.

— Она наказана, — всё так же серьёзно ответил маг. — Но если ты и твоя мама не будете жаловаться, думаю, когда-нибудь я её прощу.

— А я нет! — решительно отозвалась девочка. — Она меня украла!

— Я знаю, — кивнул Лонгин. — Понимаю, тебе здесь не понравилось, но лет через пять, я надеюсь, ты сюда вернёшься и согласишься пройти обучение.

— Я не знаю, — ответила девочка.

— Там видно будет, — пожал плечами Лонгин. — Только обязательно попроси тётю Вейму объяснить тебе квадравиум.

— Квадри... чего?!

— Она знает. Она расскажет тебе о связи счёта, неба и музыки. Без этого учиться магии бесполезно.

— А почему башня рухнула? — спросила девочка.

— Вот вернёшься и я объясню.

— А ты любую башню можешь обрушить? — заинтересовался до того молчавший Виль. Волшебник покачал головой.

— В Пустоши легко колдовать, но всё-таки нет. Просто я заблокировал белую магию, а башня была построена с помощью волшебства.

— А как ты её заблокировал? — нахмурился Виль. — Сам небось не полез, здесь остался.

— Я разработал теорию, но вам она не будет интересна, — вежливо улыбнулся Лонгин. — А полезли те, кто пока сам теорию разработать не в состоянии.

Он оглянулся на толпу магов и нахмурился.

— Я должен идти, — вздохнул он. — Вашего мальчика вам вернут в целости и... ах, да, телегу с лошастью! Припасы, к сожалению, остались под обломками. Но, если вы хотите, я могу выплатить вам компенсацию... лучше через год, конечно...

— Ничего нам не надо, — оборвал его Виль. — Иди уже, твоё темнейшество.

Лонгин засмеялся и действительно ушёл, зато ведьмочки вернули им Куно, вещи, которые были при мальчишке, когда его поймали, и подвели телегу с конём. Ещё одна

девушка принесла припасов в дорогу.

— Магда! — возбуждённо заявил Куно. — Я там чуть не обделался! Я думал, он меня сейчас на кусочки нарежет!

— Не ругайся при ребёнке, — потребовала Магда. Эрна захихикала.

— Мы теперь домой? — спросила девочка.

— Куно — да, — отозвался батрак. — А нам пока туда рановато.

— Я хочу домой! — топнула ногой Эрна.

— Мало ли чего ты хочешь, — хмыкнул Виль. — А твоя мамаша себе на хвост святош посадила.

— Ты с ума сошёл, — сказала Магда. — Чего ты хочешь? Меня ждёт сын и...

— И твоему сыну будет очень весело посмотреть, как его мамашу жгут на костре, — перебил Виль.

— Да что ты несёшь, никто меня не...

— Маглейн, замолчи. Если ты такая дурочка, которая верит каждому святоше на слово, то радуйся, что у тебя есть кое-кто поумнее. Домой мы не пойдём.

— Но я не...

Эрна громко зевнула.

— Ребёнку надо поесть, — настаивала Магда. — Ей надо спать. Ей нужно...

— Маглейн, — очень устало произнёс Виль, — или ты делаешь как велит папаша Виль или в следующий раз тебя спасает кто-нибудь другой.

Магда беспомощно оглянулась по сторонам, но совета было ждать не от кого.

— Мааам, — потянула Эрна и снова зевнула.

— Хочешь, напиши своему барону, — смягчился Виль. — Утихнет тут всё — вернёшься.

— А куда вы собрались? — вылез Куно. Виль бросил на него косой взгляд.

— А вот с Маглейн тебя до края Пустоши проводим, она ж дорогу, небось, видит, а там на север повернём.

Магда посмотрела на дочь, на Виля. До сих пор он никогда не ошибался... и даже не обманывал. *Он вернул ей дочь.* Сердце заныло от тоски. *Леон. Львёнок!* Она вздохнула и пошла к тому магу с летающим столиком выпрашивать пергамент и перо. Надо было в самом деле передать барону письмо, может, он поверит ей на слово, что она... а что она? В то, что Виль поведёт её на север, ведьма не верила.

Глава седьмая

Испытание

Высшие посвящённые учили своих младших братьев и сестёр не только резать младенцев и не задавать лишних вопросов. В долгое и подчас жестокое обучение входило ещё умение вызывать у себя полную отрешённость от мира. Прозревший в таком состоянии казался безучастным к своей судьбе, к происходящему вокруг него... он не боялся, не чувствовал боли или жалости. Его можно было резать на кусочки — он не дрогнет, не закричит и не выдаст себя. Можно пытаться при нём его друзей, близких — он не пошевелится, не отведёт взгляда. Это состояние не было оуплением, напротив, свободный от страстей разум был готов действовать, перебирал возможности к спасению и мог воспользоваться малейшей лазейкой. Каким бы плохим учителем ни был Ржаной Пень, это умение он во Врени вколотил как следует и к дому Дитлина цирюльница подошла с таким отрешённым лицом, что с неё в пору было писать святую. Она не питала надежд по поводу своей участи. Иргай поймал её у самого перелаза. Он знал, что она собиралась сбежать. Учитывая войну... вряд ли наёмники поглядят её по головке и скажут, что всё понимают.

Иргай уже собрался втолкнуть в двери свою пленницу, как вдруг послышался ужасный крик. Врени чуть не растеряла свою отрешённость. Не от громкости, разумеется, а от того, кто закричал.

— Врени! Сестрица! — вопила Марила, углядев цирюльницу с другого конца улицы. Не успел никто и глазом моргнуть, как сумасшедшая налетела с криками и карканьем.

— Кто такая? — нахмурился Иргай, отталкивая Марилу.

— Кто такая?! Кто я такая?! Да ты кто такой?! Что она тебе сделала?! Ты знаешь, кто она такая?!

— Она предательница, — отрезал Иргай. — Уходи. Я тебя не знаю.

— Меня знает баронесса! — возмутилась Марила.

— Я не знаю никакой баронессы, — отмахнулся Иргай. — Уходи пока жива.

— Пока я жива?! Да я... да ты... да я только закричу, от тебя одни косточки останутся!

Иргай не выдержал. Увар велел наёмникам не ввязываться в драки с местными, к тому же Марила была столь явно безумна, что поднимать на неё руку казалось юноше позором.

— Кто она такая? — встряхнул он за плечо цирюльницу. Врени не ответила. — Откуда она тебя знает?! Отвечай?!

— Ты что с ней сделал?! — громче прежнего закричала сумасшедшая. — Почему она у тебя такая?!

— Он ничего не делал! — вылезла вперёд Дака. — Она сама такая стала!

— А ты кто такая?! — повернулась к ней Марила.

— Я Дака, — растерялась девушка. — Я пришла с Уваром.

— Увара я знаю! — обрадовалась Марила. — Ему мой брат мечи и самострелы продал. Знаешь его? Хрольф.

— Хрольфа не знаю, — пожалала плечами Дака. — Издалека видела.

Иргай что-то резко произнёс. Дака мотнула головой и косы хлестнули по её плечам.

— У нас подходить к чужим не принято, — пояснила она Мариле, как будто кто-то требовал у неё перевода. — Ты знаешь Врени? Кто она тебе?

— Знаю! — заявила сумасшедшая. — Она сестра моя названная. Она мне ноги лечила.

Браслетик подарила, хочешь покажу? А что это у тебя такое красивенькое?

Иргай шагнул вперёд и хлопнул Марилу по тянущимся к застёжке рукам.

— Не твоё, — коротко сказал он.

— Фу-ты-ну-ты, — скривилась сумасшедшая. — Жадина! Отпусти Врени!

— Старшие пусть решают.

Как раз в этот момент в доме Дитлина открылась дверь и появился Берток, один из старших в отряде Увара.

— Вот ты где, — сказал он, хмуро глядя на Иргая. — Кто тебе разрешил уходить?

Юноша вспыхнул и кивнул на Врени.

— Эта сбежать хотела, — пояснил он.

Берток покосился на Врени, потом его взгляд наткнулся на Даку. Лицо наёмника помрачнело.

— Живо в дом. Все трое.

— Эй! — запротестовала Марила. — Она ни в чём не виновата!

— А ты кто такая? — спросил седой наёмник.

— Я — Марила. Я дура её милости, которая теперь её светлость!

— Какая ещё светлость? — не понял Берток.

— Нора цур Фирмин, — надулась Марила. — У неё ещё муж такой смешной. Клосом кличут. Она не велела над ним шутить, представляешь?!

— Клос, говоришь... иди-ка ты, дура её милости. Не до тебя сейчас. Видишь, война.

— Да ты... да я... да...

Марила неожиданно развернулась и побежала прочь. Врени вяло удивилась. В то, что сумасшедшая ей поможет, она, конечно, не верила, но и то, что Марила так быстро отступилась, было странно.

— В дом, — приказал Берток. — Эту в подвал, сам иди к отцу. Дака пусть идёт к Абистее. Только вас сейчас не хватало.

Иргай втолкнул Врени в дом. Дака замешкалась.

— Что же ты молчишь?! — спросила она Иргая. — Что же ты не сказал?! Мы Врени где видели?!

— Где вы её видели? — остановился Берток.

Иргай многословно ответил на своём языке, потом кивнул на Врени и добавил:

— Она их знала. Сговориться пыталась.

— Покажешь дорогу, — решил Берток. — Эй! Большеногая! Что молчишь?!

— А что говорить? — с трудом разлепила губы Врени. — Врать прикажешь?

— Кто были те люди?

— Мразь, — так же бесчувственно уронила цирюльница. — Воры и убийцы.

— Что у тебя за дела с ними?

— Приходилось встречаться.

— Зачем бродила по городу?

— Повидать кой-кого хотела.

— Зачем?

— А это уж моё дело, — хладнокровно ответила цирюльница. Надо, наверное, было что-то врать, объяснять, что к чему, но желания изощряться не было. Иргай видел её у перелаза. Это не объяснить, не оправдать. А, может, она просто слишком устала. Какая разница, когда умирать? Братья-заступники возьмут город, их много и они никогда ничего

не делают без подготовки, значит, стянули сюда достаточно сил.

— В подвал её, — решил Берток. — Дыру покажешь и к отцу. Пусть сам тебя выдерет. Удумал тоже, по городу перед сражением одному ходить. А ты...

Дака мотнула косами и сверкнула бешеными глазами. Все в отряде знали, что пороть девиц из её народа невозможно — часа спокойны не будут, сперва обидчика зарежут, потом сами зарежутся.

— Иди к Абистее, — вздохнул Берток. — Пусть она сама с тобой поговорит.

* * *

Для любви время было неподходящее и всё же Нора была счастлива, заполучив мужа целым и невредимым. Рана его практически зажила, а сам он неуловимо и в то же время ощутимо изменился. Стал как-то... старше? Сильнее? Она провожала мальчика, который только играл в рыцаря. К ней вернулся мужчина.

— Отдохни, — предложила она, когда слуги ушли, унеся с собой и пропылённую потную одежду рыцаря, и бадью с грязной водой после мытья.

Клос усмехнулся.

— Разве что самую малость, — сказал он, привлекая к себе жену. — А то штурм проспим.

Нора с довольной улыбкой прижалась к нему.

— Надо ехать сейчас в ратушу, — задумчиво сказал Клос... — Пошли пока кого-нибудь к барону цур Ерсину, чтобы он приехал туда же и собрал там капитанов остальных отрядов.

Нора послушно поднялась и, выглянув в коридор, кликнула слугу. Отдав все приказания она вернулась к мужу и хотела снова сесть рядом с ним, но он её остановил.

— Ты ничего мне рассказать не хочешь? — спросил он жену.

— О чём? — не поняла Нора.

— Самые твои ближние слуги — вампир и оборотень, — пояснил рыцарь. — Странновато для верной дочери церкви.

— Это всё отец! — вспыхнула баронесса.

Клос понимающе кивнул.

— Твой батюшка всегда был странным человеком, но, говорят, в людях не ошибался. Тогда расскажи мне о том, чего он не знает.

— Я не понимаю...

— А я уверен, ты меня прекрасно поняла с самого начала, — настаивал Клос. — Думаешь, муж у тебя такой дурак, что им можно вертеть как угодно? Ну?

— Я не...

— Я жду правды. Пока ещё — жду. Ну?

Нора вздохнула.

— Я изучаю чёрную магию, — призналась она и даже зажмурилась от страха. Сейчас Клос встанет и скажет, что не будет защищать жену, добровольно принявшую на себя проклятье.

Клос расхохотался.

— Всего-то? — весело спросил он. Нора осторожно приоткрыла сначала один глаз, потом оба. Её муж по-прежнему сидел на постели, а не стоял в дверях, и весело

ухмылялся. — Я уж думал... погоди, и как ты её изучаешь? Пляски всякие нагишом, свальный грех...

Нора побагровела от гнева.

— Нет!

— Тогда зачем ты этим занималась? — поднял брови рыцарь.

— Я хотела власти, — неохотно призналась баронесса. Клос снова расхохотался. — Мне надоело, что в совете меня оскорбляют, называют безродной девчонкой и не хотят прислушиваться к моему мнению.

— И как? — уточнил рыцарь. — Много ли власти ты получила?

Нора раздражённо передёрнула плечами.

— Учитель говорит, что учиться надо постепенно, — раздражённо призналась она. — Заставляет меня повторять логику, арифметику, геометрию, учить древние языки...

Рыцарь отмахнулся.

— Потом обсудим твои занятия и твоего учителя. А сейчас...

Договорить им не дали. В коридоре послышался громкий крик, споры, звук поспешных шагов...

И вот дверь в покои Клоса распахнулась. В комнату влетела взъерошенная Марила, за которой проскользнул брат Полди.

— Это что же такое творится, а, сестрица баронесса?! — подбоченилась Марила. — Это за что же люди твоего муженька Врени-то схватили?! Где он ещё таких выкопал — как есть чучела и одеты не по-нашему, и говорят как телега скрипит! Меня к тебе пускать не хотели!

— Ты кто такая? — поднялся на ноги Клос. Он смутно помнил эту странную женщину, но не обращал прежде на неё внимания.

— Я Марила!

— Это моя дура, — тихонько пояснила Нора, делая сумасшедшей знаки, чтобы уходила. — Брат Полди, зачем ты пришёл?

— Марила сказала, что Врени схватили, — пояснил монах, — и я пришёл, чтобы ручаться за её доброту и чистые помыслы.

Клос молча поднял брови.

— А ты кто такой?

— Я из ордена братьев Камня, — слегка поклонился монах, — отцу-приору... я хотел сказать, легату святейшего папы отцу Сергиусу было угодно приблизить меня к себе.

— Он книжки рисует! — вылезла Марила. — Он Книгу Врага написал! Страшную!

— Я понял, — кивнул рыцарь. — Монах, малюющий картинки в книжках, и сумасшедшая. И вы ручаетесь за моего лекаря. А что с ней случилось?

— Её человек схватил! — пояснила Марила. — С луком! Станным таким! И с ним ещё девка с косами. Как зыркнет! Как головой мотнёт! Косами так по плечам и хлещет! Говорит, Врени предательница! А это неправда!

— Ваши люди, господин Клос, — вежливо сказал брат Полди, едва Марила замолчала, — заявили, что Врени пыталась сбежать через дыру в стене, но её остановили какие-то преступники, которых расстрелял ваш человек, когда они пытались убить Врени. Ваши люди утверждают, что она обманула того самого вашего наёмника и скрылась и он с трудом её выследил. Им кажется, что она пыталась кому-то продать ваши секреты.

«Господин Клос» передёрнул плечами и покосился на жену. Та ответила ему не менее растерянным взглядом.

— Эта женщина — не мой вассал, — сказала Нора.

— И не мой, — кивнул Клос. — Её нанял Вир, чтобы она поставила меня на ноги перед боем. Дело своё знает, но угрюма и сварлива. Вир часто ловил её на подслушивании. И она всё норовила уйти одна из лагеря. Харлан говорил, что его сын Иргай не доверяет ей, а у Иргая, хоть он и молод, чутьё на людей.

— А вы ей заплатили?! — ткнула в него пальцем Марила. Клос растерялся ещё больше.

— С ней Вир разговаривал...

— Не заплатили! — торжествующе выкрикнула Марила. — Зачем она на вас даром работать будет?!

— У нас война, — нахмурилась Нора.

— У вас война, — поправила сумасшедшая. — Она-то тут при чём? Ты и сама, сестрица твоя светлость, хоть бы медяк Врени дала! А когда она у тебя раненых перевязывала? А ты спросила её, хочет ли она пленников лечить?

— Но они же и её тоже пришли убивать, — растерялась Нора.

— Что же, ей каждого, кто её не любит, лечить?!

— Вейма выделила ей долю в добыче, — припомнил вдруг Клос.

— И где теперь эта добыча? — не отставала сумасшедшая.

— В Вилтине, — раздражённо ответил рыцарь.

— А Врени о ней знает?! А ты обещал, что отдашь?

— Об этом знает каждый в отряде! — рассердился Клос. — Нора! Убери от меня свою дуру!

— Не знает, не знает, не знает! — запрыгала на одной ножке Марила.

— Врени — самая добрая и честная женщина из всех, кого я знаю, — мягко произнёс брат Полди, что в устах монаха звучало по меньшей мере странно. — Она никогда не отказывала в помощи больному или раненому, никогда не бросала дела на полпути, всегда проявляла доброту, милосердие и сострадание к ближнему. Её угрюмый нрав не обманывает никого, кроме неё самой. Если Заступник не освещает её пути, то я и не знаю, кто мог бы уповать на Его помощь. Врени неспособна ни обмануть, ни предать, она верна более, чем если бы её связывали обеты и клятвы.

— Какая пышная похвала, — нахмурился Клос. — Мне недосуг сейчас разбираться. Сейчас я иду в ратушу, потом на стены, а потом... потом будет видно. Нора, ты идёшь со мной?

* * *

Врени наскоро обыскали и втолкнули в какую-то комнату в подвале. Цепей и кандалов здесь не было, что уже радовало, но не было и окна. Ничего не было, кроме ржавого ведра в углу. Как только дверь захлопнули, стало темно как в преисподней. Цирюльница села на пол и погрузилась в себя. Снаружи доносились крики, издалека было слышно Марилу, Даку, каких-то кнехтов, слуг и наёмников Увара. Они ругались и кричали, кто-то ходил туда-сюда мимо дверей... Безнадёжно. Не стоило и думать о спасении. Врени и не думала. Все звуки скользили по краю её сознания, едва ли отражаясь в нём.

Не сейчас.

Сколько прошло времени?

Она не знала. Один раз открылась дверь и ей принесли еды и питья, освещая темницу принесёнными из коридора факелами. Кто принёс? Врени не заметила и этого. Зато заметила, что их было двое и нечего и думать свалить вошедшего с ног и проложить себе путь к свободе.

Время текло, текло и текло...

Шаги за дверью остановились, послышался женский голос, после чего шаги удалились и заскрипел тяжёлый засов. Цирюльница лениво подняла голову. Перед ней стояла Вейма в своём чёрном платье. Пламя факела за её спиной придавало вампирше тревожно-алые контуры, так что она казалась выходцем прямо из Преисподней.

— Нас никто не слышит, — тихо сказала Вейма. — Ты ничего не хочешь мне сказать?

Под злобным взглядом угольно-чёрных глаз отрешённость, в которую закуталась цирюльница, дала трещину. Сердце сжалось в груди.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — выдохнула Врени.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — кивнула Вейма.

Её взгляд проникал в самую душу, заставляя снова проживать ту злополучную прогулку по Сетору, разгромленный кабак, бандитов у перелаза... За мгновение до воспоминания о побоище вампирша отвела взгляд и фыркнула.

— Ты сглупила, — жёстко произнесла она и Врени поняла, что надежда была напрасна.

— Зачем ты пришла? — хмуро спросила цирюльница.

— Тот смешной мальчик с луком болтает, что ты хотела предать нас, — пояснила вампирша. — Я пришла узнать — кому.

Врени пожалала плечами. Предательницей она себя не чувствовала. Её верность принадлежала одному человеку и это был не Клос, не Увар и уж тем более не Вейма.

— В любом случае, ты не успела, — заявила вампирша. Врени снова пожалала плечами. — Я не видела твоего учителя и не знаю, где он и что с ним. Ты ничего не хочешь мне больше сказать?

— Верю в *Освобождение*, сестра, — произнесла цирюльница.

— Но я — нет, — холодно заметила Вейма и шагнула назад. Дверь захлопнулась и Врени оказалась в крошечной тьме.

Время потекло дальше — тягуче и медленно, как патока. В нём вязли звуки, доносившиеся из коридора, и крики, которые, видимо, звучали над головой, на первом этаже, и снова принесённая еда, и что-то тащили со сдавленными ругательствами, и снова шаги, шум, снова крики и...

А потом всё стихло. Шаги в коридоре, которые цирюльница ощущала так остро, как будто они проходились по ней, исчезли. Врени поднялась на ноги, нашла ощупью дверь и прижалась к ней ухом. Ничего и никого. Впервые за ту вечность, которую она провела, полностью забыв о себе.

Она села на пол и сняла башмак. Какие глупые они здесь! Кто же, обыскивая, не снимает башмаки?! Засов был деревянный. Врени сняла правый башмак. В нём была спрятана пилка — не такая уж и маленькая! — припасённая цирюльницей как раз на такой случай.

Ржаной Пень учил её и этому, учил, запирая в самых тесных и неудобных местах и грозя, что не выпустит, если сама не выберется на волю. Приноровиться было трудно, пилку держать было неудобно, но Врени, сжав зубы, работала, время от времени прерываясь на то, чтобы прислушаться. Снаружи было тихо. Кто-нибудь достаточно хитрый мог бы двигаться

одновременно с шумом, замирая, когда цирюльница переводила дух. Кто-нибудь достаточно хитрый мог к ней подобраться.

Но чутьё говорило Врени, что дом был пуст. Ни одного человека не осталось на всех его этажах и от этого почему-то было жутко.

Ещё одна вечность, покороче, пожалуй, предыдущей, прошла за работой. Врени открыла дверь, разминая натёртые пальцы. Там было липко: где-то она рассадилла руку до крови, но это не имело значения. Они забрали её сумку, забрали ланцет и бритву... надо было...

Пламя факелов испуганно дёрнулось, когда от стены отделилась тень. Врени пробрало холодом, хотя встреченный... человек?.. был ниже и легче её. Тень отвесила ей танцующий поклон.

— Приблизим *Освобождение*, сестра! — задорно поприветствовал её знакомый голос.

— Липп?! — ахнула Врени.

— Сестричка... — укоризненно произнёс вампир.

— Верю в *Освобождение*, брат, — поспешно отозвалась проклятая. — Как ты сюда попал?!

— Пригласили, — подмигнул Липп. — Я прибыл с важной новостью... ты не это ищешь?..

Одной рукой он протягивал сумку цирюльницы. Врени жадно её схватила. Обыскали, конечно, всё перетряхнули, но, кажется, ничего не пропало, даже заветный мешочек с чёрным порошком в потайном кармане. Потом она подняла взгляд на вампира и наконец разглядела во второй его руке свои ланцет и бритву. Схватила и их. Липп молча ждал, пока она рассудит нехитрое своё оружие по одежде.

— Что за новость? — наконец спросила цирюльница.

— Братья-заступники пошли на штурм на рассвете, — пояснил вампир. — Им удалось быстро подобраться к городу.

— И тебе поверили?!

— Сестричка! Конечно, поверили, это чистая правда!

— А почему ты сейчас здесь?

— Ты же не думаешь, что я буду сражаться со всеми на стенах? — подмигнул вампир. — Я ускакал передать послание отцу Сергиусу.

— И удрал?

— Ты как-то странно ко мне относишься, — засмеялся Липп. — Я всё передал. И вернулся.

— Зачем?

— За тобой, разумеется.

Врени попятилась, пока не упёрлась в стену.

— Зачем?!

— Кое-кто хочет тебя видеть, — подмигнул вампир. — Пошли, тут недалеко.

Цирюльница бросила на вампира косой взгляд, который рассмешил его ещё больше. Он стоял за дверью и слушал, как она пытается выбраться. Он пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей.

...но он нашёл и принёс ей сумку...

Врени решительно зашагала за вампиром, который вывел её через конюшни, аккуратно отворив, а потом заперев укреплённую дверь.

— Куда ты меня ведёшь? — спросила Врени, когда Липп зашагал по улице дальше.

Вокруг никого не было и только издалека доносился тревожный шум... то ли крики, то ли звон, то ли грохот...

— Увидишь, — небрежно бросил вампир через плечо. — Не отставай. Я укрываю нас мороком, а это не просто днём и в чужом городе. И не пытайся сбежать, мне лень тратить на тебя лишние силы.

Пожав плечами, цирюльница повиновалась. Делать было нечего, с вампирами не поспоришь.

* * *

Липп привёл её к разрушенному кабаку, тому самому, где она была... вчера? Сколько прошло времени, она не знала. С издевательским поклоном пропустил вперёд и остановился в проёме с сорванной дверью. Врени вошла и не поверила своим глазам. За столом, который кто-то удосужился поднять и заново водрузить на козлы, сидел...

Сердце пропустило удар.

Старший брат пустил по столу монету, та покатила по кругу. Врени подошла и прихлопнула монету ладонью.

— Верю в *Освобождение*, брат, — хрипло сказала цирюльница. Она всё ещё не верила в чудо.

— Жду *Освобождения*, сестра, — знакомо отозвался друг и наставник. Он помедлил и стянул капюшон. Поднял лицо к ученице, впервые в жизни позволяя разглядеть себя. Он оказался... обычным. Узкое лицо, холодные голубые глаза, длинный тонкий нос, губ не видно под рыжеватыми усами. Человек как человек.

— Я думала, тебя отправили к Освободителю, — сказала Врени, садясь напротив прозревшего.

— Ещё не время, — отозвался он.

— Ты послал... *этого*?

— Эй, я всё слышу! — возмутился вампир от дверей.

— Попросил тебя привести, — слегка улыбнулся *старший брат*.

— Зачем?

— Дело есть.

Врени подняла ладонь и посмотрела на монету. Серебро. Немой^[49] вейский гоккир с вычеканенной раскрытой ладонью. Это означало простое дело, на один день, даже меньше, без особенной подготовки и стараний.

— Кого убить? — без улыбки спросила Врени.

— Твоего знакомца, — отозвался прозревший. — Рыцаря Клоса.

Врени отдернула руку так, словно монета раскалилась от одних этих слов.

— Липп тебе немного поможет, — пояснил *старший брат*, не замечая реакции женщины. — Сделает так, что они забудут, что поймали тебя за побегом. Подойдёшь, скажешь, что хочешь передать важную новость... он на стенах сейчас. Главное — не дай ему свалиться или вскрикнуть. Успеешь отойти прежде, чем они спохватятся.

— Зачем? — в упор спросила цирюльница. *Старший брат* покачал головой.

— Он не младенец. Не дитя, не женщина, не больной. Это дело тебя не опозорит. Он стал опасен для нас. Слышала? Его называют «ваша светлость». Придёт время — и мы будем

говорить про него «его высочество»...

Он помедлил, глядя на некрасивое лицо ученицы своими холодными голубыми глазами.

— Или не придёт, — усмехнулся он. — Благодаря тебе. Мы не можем позволить Тафелону вернуть Дюка.

— Мы?!

— Мы. Прозревшие. Ты знаешь, что только в Тафелоне мы можем ещё ходить свободно, не боясь, что лучших из нас сожгут на костре? К тому же тебе ли его жалеть? Он не заплатил тебе за помощь, а вскоре, того и гляди, велит повесить.

Врени глубоко вздохнула, а после толкнула монету по столу в сторону наставника.

— Нет, — твёрдо сказала она. — Я этого не сделаю.

Он толкнул монету обратно.

— Речь идёт о твоём посвящении, ученица. Тебе пора научиться послушанию.

Врени встала, вызывающе взглянула на вампира, который так и стоял в дверях.

— Нет.

— Ты отказываешься от высшего посвящения? — поднял рыжие брови наставник.

— Не такой ценой.

— С посвящением не торгуются, — нахмурился *старший брат*. — Или ты пройдёшь испытание и примешь высшее посвящение или не пройдёшь — и примешь малое.

Малое посвящение означало немедленную смерть. Проповедники налагали его особым обрядом и, если человек, скажем, больной или смертельно раненный, не умирал сам, его морили голодом до скорой кончины. Убийцы давали малое посвящение ударом ножа, который убивал тело и освобождал душу.

Врени расправила плечи. Снова покосилась на Липпа.

А ещё малое посвящение мог дать вампир — высосав всю кровь своей жертвы. И это редко бывало приятно.

Убей Клоса, предлагали ей. Убей — или умрёшь.

— Я готова, — сказала Врени спокойно. — Надеюсь, ты убьёшь меня сам.

Она не сказать чтобы так уж любила рыцаря. Пожалуй, он ей даже был неприятен. Но вложить все свои силы в исцеление, в то, чтобы вернуть силу его рукам — и перечеркнуть это ударом ножа... долг лекаря — лечить. Если ты лечишь — ты не убиваешь.

— Нет, — покачал головой *старший брат*. — Это сделает он.

Липп клыкасто ухмыльнулся и облизнулся так выразительно, что Врени невольно сглотнула.

— Я давно этого хотел, — заявил вампир, глядя на цирюльницу с откровенной страстью. С голодом, от которого Врени невольно попятилась. — На этот раз твой дружок не прервёт нас своими молитвами.

— Решайся, — подтолкнул цирюльницу *старший брат*. — Ты ещё успеваешь взять задание.

Врени взяла монету. Задумчиво подкинула её на ладони, а после запустила в вампира. Тот текуче уклонился, скользнул к цирюльнице и крепко — будто не пальцы, а кандалы сжались — взял её за запястья.

— Ты сделала выбор, — промурлыкал Липп. — Я рад.

Врени бесполезно рванулась, тщетно пытаясь уклониться от смертельного поцелуя вампира. Холодные губы коснулись её шеи... и ничего не произошло.

Когда перед глазами развеялся туман и перестали прыгать звёздочки, Врени потёрла

шею. Ничего. За столом по-прежнему сидел *старший брат*, а вампир так и стоял в дверном проёме. Будто и не было ничего. Будто почудилось.

— Что же, — спокойно произнёс старший брат. — Это испытание ты прошла. Такое решение будет стоять тебе твоего дара.

— Дара? — не поняла цирюльница.

— Ты не можешь быть лекарем и убийцей одновременно, — терпеливо пояснил прозревший. — Ты выбрала жизнь. Так тому и быть.

— Но... — замялась Врени.

— Хочешь передумать? — поднял рыжие брови *старший брат*. — Ещё не поздно.

— Нет!

— Тогда продолжим.

— Но Клос!..

— А что Клос? — удивился прозревший. — Он сейчас на стенах. Ты знаешь, что штурм уже начался?

— Уже?! Но говорили же... три дня...

— Ошиблись, — коротко ответил прозревший. — Братья-заступники — хитрые твари. Но наш разговор ещё не закончен. Садись.

Врени послушно вернулась за стол. *Старший брат* отцепил от пояса флягу, открыл, сделал плоток и протянул ученице. Врени отпила. Вино было отвратительное, кислило и даже, кажется, горчило. Она вернула флягу наставнику.

— Я знаю, — мягче, чем прежде, заговорил *старший брат*, — как ты устала. Ты хочешь уйти отсюда, вернуться на дорогу, быть свободной...

Врени не заметила, как вампир скользнул ей за спину, ощутила только холодное прикосновение его рук. Липп положил пальцы ей на виски и начал мягко массировать голову... шею... плечи...

Глава восьмая

Посвящение

Она оттолкнула руки вампира — он не пытался ей помешать — встала и вышла из кабака. Добралась до знакомого перелаза... там никого не было — ни разбойников, ни стражников. Растяпы! У стен особенно слышен был страшный шум идущего поблизости боя. Цирюльница выбралась наружу и огляделась. Хотелось бы ей уметь, как Медному Пауку, оставаться всегда незаметной!

Но, кажется, повезло.

Она чуть не споткнулась о валявшихся у стены покойников. Они были обобраны дочиста и Врени не стала над ними наклоняться. Надо было спешить. Добежать до леса по открытой местности. Раньше лес подступал к стенам, но перед штурмом его вырубил. Бежать пришлось долго, но счастье было на её стороне. Не ворожит ли ей по-прежнему вампир?..

...дорога до Раного была долгой, но Врени наслаждалась каждым мгновением. Она снова была одна, снова мерила путь своими ногами. Ночевала или в лесу, завернувшись в плащ, или в крестьянских домах, куда то просилась ради Заступника, то предлагала свои услуги. Кто победил под Сетором, она не знала. Стоило уходить в Нагбарю, по уму бы вообще в Раног не заглядывать, но цирюльница не могла удержаться. Раног был её любимым городом, здесь больше всего знакомых, даже, наверное, друзей... Приятелей, с которыми приятно обменяться новостями, перекинуться парой слов... и которых без колебаний оставляешь за спиной.

...Большеногая толкнула дверь, вошла в знакомый кабак, привычно заняла любимое место в углу, опёрлась спиной на стену. Закрывает глаза. Когда она их откроет, кто-нибудь из завсегдатаев поставит ей кружку сидра и спросит о новостях. А потом...

— Приблизим Освобождение, сестричка! — прозвучал рядом ненавистный голос. Врени выругалась и неохотно открыла глаза.

— Верю в Освобождение, брат, — зло произнесла она. — Чего надо?

— Узнаю нашу Врени, — расплылся в улыбке вампир, поднялся на ноги и исчез.

— Что за шутки? — рассердилась цирюльница. — Где ты?!

Холодные руки легли ей на плечи, скользнули к голове, вынуждая смотреть прямо перед собой, и Врени увидела напротив голубые глаза под рыжими бровями.

— Что вы здесь делаете?.. — хотела спросить она, но горло сжал спазм, а потом...

Перед ней были стены Сетора.

Глаза не сразу привыкли к тому, что видели, всё прыгало и расплывалось...

Люди носились туда-сюда, кто-то подносил стрелы расставленным по стене стрелкам, кто-то волок здоровенный чан со смолой, кто-то — тяжёлый мешок. Из разорванного угла высыпался песок.

Крик, шум, грохот, скрип, стоны раненых и убитых...

Свистели стрелы, летали тяжёлые камни, то тут, то там вспыхивали огни зарождающихся пожаров, доносились глухие удары... Таран?

Кровь, грязь, вонь и чад. Где-то огонь занялся всерьёз и туда поспешили люди с вёдрами. Кто-то кричал приказы охрипшим уже голосом.

Врени перевела взгляд и увидела, как здоровый детина в одежде воинствующего брата-заступника перебирается с осадной лестницы на стену и заносит топор над?..

— Нет!

Никто её не слышал, никто не смотрел в её сторону. Брат Полди широко раскрытыми глазами — что он там делал, дурень?! — встречал свою смерть... в груди детины расцвела стрела и кто-то с ругательствами схватил монаха за руку, оттаскивая от опасного места, а кто-то другой с усилием отталкивал тяжёлую лестницу от стены.

Врени попыталась проследить за ним взглядом... почему она стоит?! Почему она не может сдвинуться с места, подбежать к нему?! Но брат Полди пропал, а цирюльница увидела Даку, у которой злым кошачьим огнём горели глаза. Она стояла в угловой башне и, закусив губу, стреляла из слишком тугого для неё отцовского лука. Руки девушки дрожали от напряжения, но она стреляла и стреляла. Её брата нигде не было видно.

Врени моргнула и перед её взглядом очутилась Марила, которая, плача от боли и усталости, тащила мешок с песком к воротам.

А в это время Хрольф раздавал указания людям, стреляющим из машин, похожих на огромные самострелы, и на нападавших летели... камни, подумала цирюльница, но, попадая, они разбивались и поджигали огромные щиты на колёсах ^[50], из-за которых летели вражеские стрелы.

...и Врени увидела, что творится снаружи.

Люди — столько их не встретишь и в базарный день!

Вон там — монахи, а там — кнехты и рыцари Лабаниана, а вот эта толпа — крестьяне, которых спешно вооружили братья-заступники и погнали перед собой.

Таран, защищённый двускатной крышей, бился в ворота города.

Взгляд Врени метнулся куда-то в сторону — и она увидела, как отряд братьев-заступников рвётся в город через наспех заделанный перелаз, а люди с гербом Сетора на плече и топорами в руках пытаются их остановить. Трубят трубы с обеих сторон и к перелазу бегут и бегут люди.

Снова движение — таран выбил ворота и толпа атакующих полилась в город как единая, вязкая, но неумолимо выдавливающаяся жидкость. Их встретила такая же толпа... кажется, это были люди барона цур Ерсина. Жаркое дыхание, ругань, пот заливают глаза... вскрики и стоны, вопли ярости и боли.

Снова пение труб... откуда-то со стороны прискакали всадники. Знакомые фигуры. На нападавших посыпались стрелы, пускаемые из самострелов и причудливых сложных луков. Пригнанные братьями-заступниками крестьяне дрогнули и побежали, всадники помчались было за ними, но...

Снова город. Нападавшие уже были внутри, уже прошли узкий коридор между башнями у ворот и сейчас разворачивались для нападения.

Перелаз, у которого лежали трупы погибших горожан, а братья-заступники врываются в никем не защищаемый город.

Вонь.

Дым.

Женские крики.

Пронзительный детский плач, который внезапно оборвался.

Стены, на которых многие защитники лежали, пронзённые стрелами или с проломленными головами.

Кровь. Чад. Беспорядок.

Штурм.

Сетор был обречён.

Врени металась взглядом по разворачивающейся перед ней картине побоища.

Полди?

Марила?

Дака?

Где они?!

Никого из них она не видела — ни живыми, ни мёртвыми.

Какая-то башня была вся в огне. Та самая? Другая?

В дыму не разобрать.

Снова запели трубы. Как-то... иначе. Не так.

Издали, догадалась Врени.

Из далёкого леса выходила толпа... толпа... новый отряд! Неужели мало того, что есть?! Да, братья-заступники и граф цур Лабаниан подготовились к атаке, нашли такие силы... как наивно Нора и Клос... полно, живы ли они?.. Как наивно они собирали свои жалкие силы. Всё было напрасно, всё бессмысленно, всё...

Отряд — человек сто, не больше, — развернул полотнище знамени и оно весело затрепетало на ветру. На сине-алом фоне — золотой священный знак, венчающий серебряное древо. Это был... это был...

Пришедший отряд — тяжело вооружённые воины, одетые в странные жёлто-синие накидки поверх доспехов и такие же штаны, — поднял знамя самого святейшего папы.

Из-за их спин выехал всадник — тщедушный человечек на сером рыцарском коне. То тут, то там бой затихал, все ждали, чью сторону примут люди, посланные святейшим папой.

— Остановитесь, безумные! — неожиданно громко закричал человечек. — Прекратите проливать братскую кровь! Я голос Святейшего Папы, и я объявляю — братья-заступники предали вас, и проклятие ожидает того, кто поднимет оружие в их защиту!

Запели трубы и вейцы — это были они — двинулись в сторону города.

Первыми сдали нервы у пригнанных под стены крестьян Лабаниана. Побросав оружие, они бросились наутёк. Братья-заступники, напротив, сплотили ряды. Они пытались останавливать бегущих крестьян, но всё было тщетно.

Врени снова моргнула и, кажется, ненадолго прикрыла глаза. Когда она их открыла, прошло уже... сколько-то времени. Солнце сместилось на небосклоне, прорвавшихся в город врагов ловили и кого добивали, кого связывали... взгляд её снова сместился. Оставив стены Сетора далеко позади, по полю, не разбирая дороги, бежали люди. Оружия нет, только кто-то сжимал обломок меча, не помня, кажется, что держит в руках. Иной махал руками, а другой прикрывал голову и косился на небо, словно ожидал гнева Создателя. За ними с победным гиканьем мчался конный отряд с голубыми шарфами на шлемах. Врени узнала в одном из всадников Иргая — он грозил убегающим людям плетью, но отряд проскакал мимо, дальше...

Десятка два братьев-заступников... Эти не бежали, шли быстрым шагом, берегли дыхание, оружие даже не думали бросать. Когда всадники были уже близко, монахи остановились, построились и упёрли копыта в землю. Конный отряд вломился в пеший, им не защититься в этом последнем бою... всадники срубают наконечники копий, кто-то размахивает верёвочной петлёй... не о таких ли рассказывали Иргай и Дака — тогда, в лесу?.. Обречённые, монахи не сдавались и не отступали. Иргай замахнулся своим кривым мечом, его противник попытался достать наёмника копьём, промахнулся и...

Врени аж зажмурилась.

А когда открыла глаза...

Видения пропали.

Она сидела за столом в разгромленном кабаке, напротив неё сидел *старший брат*, а за спиной всё ещё стоял вампир. На губах ещё горчило вино. Что туда подмешали?..

Цирюльница выругалась.

— Зачем вы это сделали? — спросила она, совладав со своим голосом. Перед глазами все ещё стояло бледнеющее лицо Иргая, в ушах звенели предсмертные стоны.

— Выбирай, — предложил ей наставник. — Ты хотела уйти, ты хотела покоя. Пока мы тут сидели — штурм закончился. Братья-заступники проиграли. Липп выведет тебя. Ты хотела податься в Раног? Это будет несложно. Вернёшься к прежней жизни. Будешь свободна.

— А... — поперхнулась вопросом Врени.

— Ты хочешь спросить, правду ли тебе показали. Правду. А тот бой, где ранили твоего бешеного приятеля, идёт прямо сейчас.

— Но как?..

Наставник невесело улыбнулся.

— Тебе лучше не знать, ученица. Когда-нибудь потом, когда ты будешь готова сама давать высшее посвящение...

Высшее посвящение мог дать только один из *общих старших братьев*... или одна из *общих сестёр*, конечно. Обычный посвящённый мог дать только малое. Так значит... так... неужели?!

— Выбирай, — повторил учитель.

Врени не ответила. Она вспоминала почему-то вчерашний день... казалось, это было в другой жизни... Иргай, преисполненный подозрений, напряжённый, сердитый... Дака, сияющая от детского восторга. Вот Иргай угощает её пирожками... Вот накидывает ей на плечи невесомую паутинку — шёлковую вуаль...

Вот опускает лук, перебив противников Велти. Вот...

Он мог убить её.

Он не доверял ей.

Она шла с ними, жила, пела, пила, ела и смеялась...

Сейчас при ней была её сумка.

Выбирай.

Выбирай...

Врени вспомнила вчерашний день — но всё перечеркнула рана, которую получил мальчишка. Так глупо — он отразил сам удар и задела-то его нечаянно... но с кишками наружу его не довезти до города. И он не дождётся лекаря. И...

Как же глупо...

— Я должна быть там, — сказала цирюльница.

Наставник понимающе улыбнулся.

— Мир есть зло, — напомнил он. — Привязанности — часть этого зла.

— Мне плевать!

— Он выслеживал тебя, помешал сбежать от войны, — продолжил наставник.

— Мне плевать!

Врени в отчаянии оглянулась по сторонам... наткнулась на вампира и схватила его за руку с такой силой, что Липп не сразу сумел высвободить пальцы.

— Верю в *Освобождение*, брат! — взмолилась цирюльница. — Прошу тебя!

Светло-карие глаза застыли. Потом в них что-то мелькнуло.

— Ты хочешь, чтобы я поработал твоей лошадью, сестричка? — спросил кровосос.

— Верю в *Освобождение*, брат! — настойчиво повторила Врени. — Прошу тебя! Может быть, я ещё успею...

Вампир медленно улыбнулся, показывая свои клыки — очень длинные, очень белые и очень острые.

— Есть только одна цена, — ответил он.

Врени молча рванула завязки ворота и чуть отвернула голову. Зажмуривать глаза она не стала. Светлые глаза сверкнули торжеством. Снова прикосновение холодных губ, двойной укол, словно кожу пронзили маленькие булавки, и зашумело в голове и потемнело в глазах, а потом...

...в памяти всплыла та ночь, когда она впервые попала на встречу проклятых... все были пьяны, многие — без одежды, — и возбуждённый во всех смыслах проповедник кричал, что только отдавшись на волю похоти они смогут ощутить истинную свободу тел... Врени не помнила, сколько их тогда было... мужчины, женщины, красивые и уродливые... наутро пришло похмелье и отвращение. Сейчас в её памяти всплывало каждое отвратительное мгновение.

...и другая ночь, когда она заступила дорогу... как же его звали?.. тело молило о ласках, но в его глазах только отвращение и стыд. И она предложила сыграть в кости... у неё были тогда фальшивые кости... но его лицо, преисполненное муки, когда он склонился над ней, чтобы выплатить условленную ставку... любила ли она его?.. или только хотела?.. Та ночь перечеркнула всё.

... и третья, ещё раньше, та, о которой она не хотела вспоминать... пьяный хозяин на постоялом дворе... тогда она ещё не была проклятой... потом она вернулась. Как он кричал! Как горел его дом...

...и...

Видения, стыдные, отвратительные, мерзкие, все полные похоти — её или других людей, — накатывали, заставляя сердце стучать всё быстрее и чаще, а тело корчиться от омерзения и напрасной злости.

И за всем этим — глаза. Светло-карие глаза. В которых светится злоба и мудрость скорпиона. Жизнь вытекала из неё — капля за каплей — вместе с кровью, которую тянул и тянул из неё вампир.

А потом...

Врени перестала чувствовать тело. Она словно сделалась невесомой, лёгкой как пушинка — и поняла, что умирает.

*Вампир обманул её.
Она не успеет помочь.
Она опоздает...*

Вампир поставил её на ноги.

— Стоять можешь, сестричка? — весело спросил он. Саднила шея. Кружилась голова.

— Могу, — упрямо ответила цирюльница, но обращалась она уже к воздуху. Вампир исчез.

* * *

...она появилась из неоткуда, когда бой с отступающими уже закончился и наёмники принялись считать потери. Грубо выругавшись, расстелила плащ и осторожно уложила туда раненного Иргая. С помощью Стодола и Нифана, старших сыновей Харлана, стащила с мальчишки кольчугу. Разрезала одежду и принялась за дело.

Хвала Освободителю, никто не пытался спорить и лезть под руку. Время. Весь вопрос во времени. С такой раной Иргай бы не дождался лекаря из города. С такой раной его бы не довели.

Мальчишка, белый как полотно, сжимал кулаки, сжимал зубы, в которые цирюльница успела сунуть ремень, шипел какие-то ругательства... потом глаза его закатились и он потерял сознание. Так лучше.

Закончив с ним, Врени даже не подняла глаз. Кто-то всё время был рядом, кто-то даже помогал, слушая её злые короткие приказы.

— Что стоите?! — закричала она. — Давайте сюда следующего.

История последняя, заключительная

Власть

Клос стоял в табличии своего тестя над его картой и задумчиво ругался. Дело было не так хорошо, как хотелось бы. Скверно было дело. Сетор они отстояли, но потери... Пусть барон цур Ерсин хлопал его по плечу и бормотал что-то о неизбежности, о смерти в бою и славе, потери Клосу решительно не нравились. У него были слишком мало людей под началом, чтобы позволить себе лишиться хоть кого-то из них.

Оборона была спланирована бездарно.

Чего ещё ждать?

Барон цур Ерсин привык, что за него цур Фирмин и цур Вилтин думают, Нора в жизни ничего не обороняла, а горожане... этот трижды проклятый перелаз ещё... Почему про него никто не знал, кроме сомнительной бабы, навязанной ему Виrom?! Почему не доложили толком?.. Клос сгоряча кричал, что повесит бургомистра за состояние города и стен, что четвертует разведчиков, которые рассказывали, что войско Лабаниана будет тут только через три дня, потом насилу успокоился, всех отослал, явился в дом Фирмина и стал разглядывать тестеву карту.

Почему его не было в совете, когда они распределяли силы? Почему у него нет места в совете и права там говорить? Какой дурак мог додуматься расплыть все силы по углам, оставив Сетор почти беззащитным?! Проклятье, если бы не отец Сергиус со своими вейцами и посланием святейшего папы... отец Сергиус ещё... со своими идеями, предложениями... и Братство Помощи... Всё сомнительно и смутно.

Главное было сделано. Завтра они выступят в Лабаниан. Вир прислал половину гарнизона Фирмина — отец Сергиус заверил его, что барон цур Абеларин не посмеет выступить против остатков союза. Сейчас этот трус слишком занят — уехал организовывать помолвку своей старшей внучки с малолетним наследником Хардвина, который до того воспитывался братьями-заступниками, родичами своей матери... Во всяком случае, Вир послал половину гарнизона и с ними ещё маленький отряд от рыцаря цур Ортвина. Люди Увара пострадали меньше, чем могли бы, и удалось разыскать и отправить сюда ещё два отряда аллгеймайнов в дополнение к тем двум, которые оставались в городе.

Беда в том, что люди Вилтина и Кертиана, а, кроме них ещё Тиллиана и Ладвина вовсе не были в бою. Они не устали, зато вполне могли собраться... ну, нет, Лабаниан принадлежит тому, кто добыл в бою графа! Клос хорошо помнил, что обещал отдать своим людям пятую долю добычи. А своё слово он был намерен сдержать.

Рыцарь задумчиво потёр подбородок и это напомнило ему о цирюльнице Врени. Странная женщина. То пытается сбежать, то бросается спасать Иргая... Та смешная девчонка, которая всё время зыркала и мотала косами, потом долго висла у цирюльницы на шее и клялась небесами отплатить за доброту. Наёмники ещё что-то говорили о свадьбе, которую закатыт — но это потом, а сначала надо взять Лабаниан. Конечно, это будет несложно, только вот как его поделить?.. людей мало, людей.

Клос хмуро оглядел карту. Владения цур Тиллиана и цур Ладвина не давали ему покоя.

Хорошо, что у него есть такая жена, как Нора. Едва закончились бои, она со своей чёрной магией... как её там... квадривиум... словом, принялась что-то считать, распределять и приказывать и даже умудрилась наладить лечение раненых и исправление

порушенного врагами. Один из амбаров сгорел, потушить не успели. Квартал кожевников тоже. Отец Сергиус сказал, что деньги на восстановление выделит церковь — отняв у монастыря братьев-заступников — но в остальном дал понять, что ни монастыря, ни монастырских земель баронам не видать. Поди поспорь с ним! Его вейцам и драться не пришлось, все при виде них обделались, а уж когда отец Сергиус заговорил про проклятье...

Отряд вейцев — это, конечно, хороший аргумент.

Легат привёл его в помощь Норе, которая была правительницей, главной в совете баронов, когда отец Сергиус уезжал в Нагбарю.

Хорошо, что Нора так любит мужа и так хочет порадовать. Хорошо, что у Норы есть маленькая тайна, которую она так хочет скрыть. Зачем ей отряд вейцев? А вот Клосу он очень нужен.

Начать всё-таки с Лабаниана, вдруг решил рыцарь. Выйти первыми... нет, разумеется, выйти вместе со всеми, иначе это будет слишком похоже на измену, но пойти первыми. Отец Сергиус поддержит, а, значит, поддержат и вейцы. Разве не он, не Клос возглавил оборону Сетора? Разве не он пленил в честном бою графа цур Лабаниана? Разве не ему сдались оба графских сына и трое зятьёв? Взять с собой писаря из Братства Помощи... жаль, что Вейма не выносит крови, она действительно хороша в счёте... надо будет спросить отца Сергиуса, кого он порекомендует. Или всё-таки взять её? На месте растолкать и пусть займётся делом...

Клос снова почесал подбородок. Барон цур Тиллиан и граф цур Ладвин пусть заткнутся. Они сами вышли из совета. С волей святейшего папы и отрядом вейцев они спорить не станут. А остальным надо намекнуть, что они ошиблись и эта ошибка могла стоить им Сетора и — Норы.

Рыцарь сжал зубы. Когда начался штурм, он никак не мог взять в толк, куда девать жену. Оставить в доме? Но он не мог оставить с ней ни одного человека, все нужны на стенах. Взять с собой? Но кто мог ручаться, что шальная стрела не сделает его вдовцом? А если брат, то в одежде ли знатной дамы, когда в случае поражения её ждали братья-заступники, пытки и костёр? Эти мерзавцы умели быть злопамятны! Или простой женщины и тогда любой из прорвавшихся в город захватчиков мог сделать с ней такое, о чём и думать-то не хотелось. Нора нашла себе дело, но весь бой он до боли стискивал зубы, заслышав где-то женский крик. Заступник был милостив. Они же почти сдали город, монахи прорвались через ту проклятую дыру в стене... повезло ещё, там были неудобные подходы, большой отряд не мог зайти сразу, но хватило и малого, чтобы ударить в спины защищавшим ворота.

Если бы батюшка оставил бы своих людей! Не хватало самой малости. Если бы у барона цур Ерсина были бы разведчики поумнее!

Если бы, если бы, если бы.

Они победили. Чудом Заступника, но победили. По всем храмам возносятся благодарственные молитвы, отец Сергиус проповедует посреди города... победа. За неё было дорого заплачено, но вот она.

Клос сам, не зовя слуг, прикрыл карту тяжёлой крышкой и вышел из таблина. Впереди был долгий путь, но игра стоила свеч.

Месяц спустя Клос, тяжело ступая, вошёл в зал дома Фирмина, где проходил совет баронов. Лабаниан был взят, имущество графа привезено в Сетор, посчитано и учтено, сам граф с семьёй сидел взаперти, его крестьян пограбили только самую малость и быстро остановились, город отстраивался, дождались возвращения уехавших баронов... и вот созвали совет. Говоря по чести, совет могли собрать ещё две недели назад, но Нора, умница, потянула время, не задавая лишних вопросов. Стоило, конечно, её во всё посвятить... Но могла ли Нора ничем не выдать секрет, молчать две недели, вести себя как ни в чём ни бывало?.. Её решили оставить в неведении. А вот Вейма, её придворная дама — знала. Её помощь была... бесполезна. И в этом тоже.

Клоса на совет позвали особо, как и отца Сергиуса, кстати, только легат прибыл ещё до начала, а рыцарь опоздал. И это тоже было частью замысла.

— Бароны, — начал Клос ещё в дверях, — приветствую всех вас и прошу простить меня за опоздание.

— Где ты был? — спросил граф цур Вилтин, по праву отца не утруждая себя формулами вежливости.

«Отлично, — подумал Клос. — Спасибо, батюшка, что сделал первый ход. Начнём».

— Тренировал своих новых бойцов, — честно ответил рыцарь. Увар пустил клич по своим старинным знакомым и к Сетору стеклись наёмники, желающие встать под начало рыцаря Клоса. Это была идея не только Клоса с Уваром, во всяком случае, отец Сергиус на первый же намёк заверил, что Братство Помощи выделит деньги для новых наёмников... и не потребует платы. Не лучший вариант. Потом придётся платить куда больше, чем получил... но это потом, потом. А пока нужны люди. Много людей.

— Ты разве граф?! — приподнялся со своего места цур Тиллиан. Ещё бы, его земли в двух шагах от Сетора, только обойти по краю Ерсин — и вот он, Тиллиан! — По какому праву ты собираешь свою армию, мальчишка?!

Клос сжал зубы, но сдержался.

«Мальчишка!»

Неудивительно, что Нора была готова прибегнуть к чёрной магии, лишь бы добиться должного к себе отношения. Вон, сидит, вся красная от злости, не знает, чем их заткнуть. Ничего, он им покажет свою магию. Посмотрим, кто теперь будет смеяться.

— Когда вы захотите обратиться ко мне, *ваша милость*, — вежливо произнёс рыцарь, — называйте меня графом цур Дитлином, ибо эти земли мои по праву.

Граф Ладвин удержал барона цур Тиллиана и заговорил сам.

— Хорошо, — поспешил он заверить, — пусть ты граф. Но даже граф не может увеличивать армию, не спросив согласия совета.

Клос чуть не расхохотался ему в лицо. Из-за этих двух дураков распался союз, а теперь они требуют, чтобы к ним прислушивались! Барон цур Абеларин, вон, тоже ёрзает. Ещё немного — и тоже потребует слова, предатель!

Спокойней. Спокойней. Сейчас главное — осторожность и хитрость.

— Ваша милость, без сомнения, правы, — отвечал Клос, придав своему лицу выражение наивности, — Но я думал о будущем. Известно ли вам, что граф цур Лабаниан держал армию на границах с Хларией и всю её привёл под стены Сетора? Сейчас, когда мы не можем знать, доверять ли людям Лабаниана... а в Хларию, без сомнения, уже дошла весть о том, что наши границы беззащитны...

Вот теперь их проняло! Всех, даже отца и союзников.

— Почему ты ничего не сказал нам? — спросил граф цур Вилтин.

— Батюшка, я думал, вы все знаете, — ответил рыцарь. — Ведь вы так давно заботитесь о благе Тафелона...

Между бровями графа залегла едва заметная тень. Граф цур Вилтин понял, что сын над ним издевается, но решил промолчать. Клос не то чтобы хотел оскорбить баронов. Но он не мог им простить, что они разбежались, бросив его защищать Сетор и не оставив ему достаточно людей... не оставив надежды на победу.

— Что ты предлагаешь, мальчик? — спросила баронесса цур Кертиан. Клос пожал своими широкими плечами.

— Я полагал взять на себя защиту Лабаниана, — просто ответил рыцарь. — Раз мне выпало счастье сразить владетеля графства в бою, это мой долг и моё право. Когда я соберу достаточное войско, я выдвинусь со своими людьми на западную границу Тафелона — с вашего благословения...

Непроизнесённое «...или без него» повисло в воздухе между ними. Бароны переглянулись.

— Клос, — мягко произнёс цур Вилтин, — ты смелый и отважный юноша, прекрасный рыцарь и я горжусь тобой. Но не слишком ли большую ношу ты на себя возлагаешь?..

Клос снова пожал плечами.

— Я полагал своим долгом защитить Тафелон от опасности, — упрямо выговорил он.

— Твои люди прекрасно себя показали в бою, — подхватила баронесса цур Кертиан, — но они куда больше подходят для нападения, чем для охраны границ. У хларского короля большая армия, более опытная, чем отряд наёмников.

Граф цур Вилтин шепнул что-то на ухо цур Ерсину.

— Содержать войско — тяжёлая обязанность, — вступил в беседу барон. — Тебе ещё не приходилось с этим сталкиваться... чуть только недоплатишь — они бунтуют.

Клос опустил плечи как бы сдаваясь.

— Но я полагал... — неуверенно заговорил он. — Как же... Хлария... опасность...

— Каждый из нас, — произнесла баронесса цур Кертиан, старательно смягчая свой слишком грубый для женщины голос, — будет рад выделить отряд самых опытных своих бойцов для защиты нашей общей границы.

Клос старательно покивал, но потом «внезапно» вспыхнул новым подозрением.

— Вы хотите отделаться от меня?! — спросил он, обводя взглядом собравшихся. Выслушал общие заверения, что нет, ни в коем случае. С папским посланником, который явно ему благоволил, и отрядом вейцев за спиной рыцарь мог позволить себе и не такую игру. — Я понимаю, когда опасность грозила Сетору, когда граф цур Лабаниан с братьями-заступниками был готов вторгнуться в страну, кроме меня, было некому защитить город. А теперь...

— На что тебе Лабаниан? — брякнул вдруг прямолинейный цур Ерсин. — Он далеко и от Фирмина, и от Дитлина. Бери Корбиниан! Весь!

В зале стало очень тихо. Корбиниан был разорён дважды. Войной Ублюдка и потом, на памяти старшего поколения, разбойниками. Погуляли там и оборотни, которые после ушли на восток, за Пустошь. Не сравнить с прекрасными, хорошо управляемыми владениями графа цур Лабаниана. Пусть дороги там плохие, но поля плодородные, растут виноградники, налажена жизнь... крестьянам приходится туго, но подати они платят хорошие. А Корбиниан распустился. Вир, а за ним Арне, подати собирали едва-едва, лишь бы совет

отвязался. Только и памяти, что там когда-то жил сам Дюк.

Эх, Арне, Арне. Как же так глупо, в лесу от рук кучки разбойников?..

Клос покачал головой.

— И берега Корбина в дар моей жене, — сказал он словно бы в раздумьи. Это не вызвало ни протеста, ни удивления, разве что самую малость. Берега Корбина — какая мелочь! Да они с одной стороны и так принадлежат Фирмину, а с другой — Корбиниану! Но ведь оставалась ещё сторона Ранога и Пустошь... Раньше рыбаки то и дело подбирались с восточной стороны, лишь бы не платить. Действительно, мелочь. Но эта мелочь означала подати с рыбаков, стекающихся к озеру со всей страны. Теперь им никуда не деться. А ещё плату с тех, кто захочет пересечь страну из Тамна в Раног или обратно.

— Быть по сему, — поспешно согласился граф цур Вилтин. Не ожидал, небось, от сына, что тот начнёт что-то требовать. Теперь Клосу с женой принадлежало пол-Тафелона, его центр, его ядро. Но мало получить обещание, надо ещё заставить его выполнить.

— Бароны, — тонким голосом произнесла Нора. — Если все согласны с этим решением...

Ей ответил нестройный гул. Конечно, согласны. Мальчишке кинули кусок и он утихомирится, а там уж пускай попробует выжать хоть что-то из Корбиниана и истощённого Дитлина.

— Если все согласны, мы должны обсудить добычу, привезённую из замка графа цур Лабаниана. Вот здесь список, составленный...

Список составила Вейма, в который раз восхитив Клоса своей дотошностью, точностью и блестящей памятью. Она учла всё, проследила за тем, чтобы вывезти всё до последней монетки, до последней ложечки, а потом так же тщательно проверила всё в Сеторе. Если таковы все вампиры, их следовало привлекать на службу!

— Я предлагаю, — произнесла юная баронесса тем же тоненьким, сорванным во время осады голосом — она руководила женщинами и детьми, помогавшими бойцам на стенах, — все ценности должны быть распределены между защитниками города. Бароны цур Ерсин, цур Фирмин и рыцарь Клос.

— Подожди, — нахмурилась баронесса цур Кертиан. — Графство Лабаниан брали мои люди, люди графа цур Вилтина, барона цур Ерсина и отряд, который прислал нам на помощь святейший папа.

— Святейший папа не нуждается в плате, — вежливо произнёс отец Сергиус. — Он сделал это в благодарность баронессе цур Фирмин за помощь, которую она оказала мне и которая позволила спасти жизнь святейшему папе. Но вы забыли рыцаря Клоса и мужество его отряда. Мне кажется, будет справедливо поделить отнятое у графа цур Лабаниана имущество между вами пятерыми.

— Пятерыми?! — удивилась баронесса цур Кертиан, потом перевела взгляд с легата на Нору, а с Нору на Клоса. — Ах да, пятерыми.

— Я позволила себе позвать людей Братства Помощи, — продолжила Нора, — чтобы они оценили все ценности и выплатили нам их полную стоимость, которую мы сможем поделить на три... простите меня! На пять частей.

— Ты много на себя берёшь, девочка, — покачала головой баронесса цур Кертиан.

— Простите! — охотно покаялась Нора. — Мне, конечно, следовало разделить между нами драгоценности покойной графини, подушки, одежду, утварь...

— Помолчи! — хлопнула по столу баронесса цур Кертиан. — Распорядилась и

распорядилась. Что теперь-то говорить?..

— Тогда... — начала было Нора, но осеклась. Отец Сергиус подал знак, что хочет говорить.

— Святейший папа, — начал легат, — не собирается вмешиваться в дела Тафелона, но вот уже много лет ваша страна удивляет соседей. Мирская власть приходит в руки государя от Заступника и именем Заступника правит король, князь или дюк. В вашей же стране нет покоя, потому что нет помазанного правителя. Слабость, гордыня, надменность, жадность... малейшая ошибка одного из вас — и вы снова окажетесь втянуты в междоусобную войну. С севера на вас глядит Нагбария, с запада — Хлария. На востоке гнездо *проклятых*, разрушающих всё, что вы строите. Всё от того, что нет центра, нет того, кто связал бы вас воедино... того, кто заключил бы договор... быть может, даже с оборотнями, тревожащими ваши земли своими набегами. Уже и в Хларии, и в Нагбарии, и в Итнии за перевалом поговаривают, что есть у них люди, связанные с древним родом вашего Дюка узами крови, и не пришла ли пора возложить на себя вашу корону. Бароны! Я слушал вас и молчал, но видел, что совет ваш погряз в недоверии друг к другу. Вам нужен Дюк, коронованный по вашему обычаю, человек достойный, который по справедливости наградит верных ему и без страха покарает предателей.

Взгляд, который отец Сергиус бросил сперва на цур Абеларина, а потом на цур Тиллиана с цур Ладвином, их не порадовал.

— А чего рассуждать? — поспешил подняться на ноги барон цур Абеларин. — Зачем лукавить? Мы знаем друг друга, мы знаем, что возвышение любого из нас вызовет подозрение и ревность остальных. Вот человек, который думает не о себе, а о Тафелоне! Он первый заговорил о том, что граф цур Лабаниан обнажил свои границы перед Хларией! А разве не он бросил только что завоёванные земли, чтобы спасти Сетор? Он родич графу цур Вилтину и барону цур Фирмину, но никогда не унаследует их владений. В конце концов, разве не для того мы отдали ему Корбиниан?

Барон цур Тиллиан и граф цур Ладвин переглянулись, потом посмотрели на Клоса. Он ответил им сумрачным взглядом. Сейчас у него было достаточно людей, чтобы захватить их земли по одному. Откровенно говоря, так он и собирался сделать — если его поддержат вейцы и святейший папа.

— Я согласен, — кивнул барон цур Тиллиан. — Рыцарь... я хотел сказать, граф цур Дитлин показал себя как будущий Дюк. Он уже сейчас думает обо всех нас.

— Я тоже так думаю, — поспешно поддержал его граф цур Ладвин. — Он достоин носить корону Дюка.

— И так думаю! — согласился с родичами барон цур Ерсин. Ещё бы он не согласился, уж он-то видел Клоса в деле! Если бы не рыцарь, оборона Сетора, подготовленная бароном, провалилась бы ещё раньше.

Граф цур Вилтин и баронесса цур Кертиан внимательно посмотрели на Нору. Она сидела в своём кресле вся раскрасневшаяся от волнения и влюблённо смотрела на мужа. Ждать от Фирмина возражений не приходилось.

— Звучит неплохо, — вынужденно согласился граф цур Вилтин, не зная, радоваться ли за сына или огорчаться переменам, которые уводили у него из-под носа власть, — но чтобы все эти люди в Хларии, Нагбарии и в Итнии оставили свои притязания, мы должны как-то доказать, что Клос не самозванец и власть его от Заступника, а не только от людей.

Баронесса цур Кертиан всплеснула руками, поняв, что осталась в меньшинстве.

— Всё у вас гладко выходит! — гаркнула она. — А барон цур Фирмин?! Может, рано вы его хороните?! Что же, он вернётся — и что вы ему скажете?!

— Я сделаю его своим коннетаблем и первым советником, — ляпнул Клос.

Никто не заметил, как Вейма, которая сидела возле своей госпожи и вела записи этого собрания, подняла голову и впилась глазами в дверь. Через пару мгновения та распахнулась. В зал вошёл барон цур Фирмин собственной персоной.

— Отец! — выдохнула стремительно бледнеющая Нора. Клос тоже слегка побелел, но твёрдо взглянул в глаза тестя.

— Благодарю, — ответил старый барон, снимая с руки пропылённую перчатку. Все ждали, что он швырнёт её мальчишке в лицо и весь этот фарс прекратится... но цур Фирмин снял вторую, опустил на колени и вложил свои руки в ладони зятя. Клос наклонился, поднял барона и они обменялись поцелуем.

Все зашептались, удивлённые и испуганные. Старый барон, ещё недавний правитель союза баронов Тафелона, принёс оммаж новому Дюку.

— Алмарик! — воскликнула баронесса цур Кертнан. — Старый лис! Признавайся, ты всё это подстроил?!

— Кларамонда, я сердечно рад вернуться на родину целым и невредимым и найти свою страну не разорванной на куски, — ответил цур Фирмин. В глазах его прятался смех. — Полагаю, нам пришла пора измениться, вот что я могу сказать про своего сюзерена.

Неизвестно, что сказала бы баронесса, но тут Нора подбежала к отцу и бросилась ему на грудь. Барон, прежде не допускавший открытого выражения чувств, любовно обнял дочь и одарил отеческим поцелуем. Неохотно выпустив дочь из объятий, он подошёл к легату и обменялся с ним рукопожатиями.

— Отец Сергиус?.. — всё же уточнил цур Фирмин.

— Он самый, — широко улыбнулся легат. — Я надеюсь, у нас будет время поговорить о святых землях и вашем походе?

— Непременно, — заверил барон и повернулся к остальным.

— Разыграно неплохо, — нахмурился граф цур Вилтин, понимая, что его собственный сын сговорился за его спиной с его же, графа, старым другом, и вместе они его обошли. — Но я не шутил, когда говорил, что Клос должен подтвердить свои притязания.

— Корона, — немедленно ответил барон цур Фирмин. Он вчера добрался до Сетора, тайно снёсся с отцом Сергиусом и зятем, и вместе с ними составил план сегодняшнего заседания. Оно полностью отвечало их общим намерениям. Нору во все детали посвящать не стали: боялись, что она не выдержит душевного напряжения. — Корона Дюка, которая пропала, когда пала Гандула. В последний раз её видели на голове Старого Дюка за день до его смерти.

— Её надо найти, — предложил барон цур Ерсин.

— Всенепременно, — согласился цур Фирмин. — Мы пошлём за Виром, его семья хранила Гандулу испокон веков, возможно, он что-то сможет нам сказать. А сейчас, мне кажется, моя дочь хочет позвать всех нас на пир по случаю моего возвращения.

Нора, всё ещё смертельно бледная, поспешно закивала. К барону подошла Вейма, успевшая переписать все решения, принятые советом.

— Я предлагаю нам всем подписаться, — произнёс цур Фирмин, проглядев поднесённый список. — Полагаю, все мы согласны и с пленением графа цур Лабаниана и его семьи, и с тем, что земли графа должны быть разделены между Кертнаном, Вилтином и

Ерсином, и с тем, что к Норе переходят во владения берега Корбина, а к Клосу — завоёванный им Дитлин, а также Корбиниан, который передаётся ему в личное владение?.. Кроме того, отряды аллгеймайнов отныне подчиняются нашему новому Дюку... и мне, как его коннетаблю. У нас как раз есть время перед пиром принести оммаж Дюку Клосу. И завтра мы сможем обсудить новый статус городов.

Все обомлели, глядя, как барон цур Фирмин выводит ровную подпись под документом, меняющим всё в Тафелоне. Под документом, который навсегда отбирает у них власть.

— Я почти за большую честь для себя, — вступил в разговор отец Сергиус, — короновать вашего правителя в главном храме Сетора, который он так доблестно отстаивал.

Больше возражений не было ни у кого. Голосом отца Сергиуса говорил сам святейший папа.

* * *

Врени сидела рядом с братом Полди во дворе дома Фирмина, в той его части, где открывался вид на реку. Сидела и смотрела на текущую мимо воду. Монах смотрел дальше, на величественный лес за рекой, на небо... когда был уверен, что Врени не видит, поглядывал и на неё. Цирюльница молчала. Она для того и приходила сюда, чтобы побыть в тишине и покое, в обществе единственного человека, который не имел привычки трещать без умолку. Брат Полди, она знала, по вечерам рисует наброски, из которых отберёт картинки для своих новых книжек. Надо бы его отругать: сидеть при свечах — чего доброго без глаз останется. Цирюльнице было лень. Ругай его, не ругай, всё одно по-своему сделает. Или сказать, что ли, тому монаху-прощельге, он богатый... пусть подарит брату Полди изумруд, чтоб смотрел сквозь него и восстанавливал зрение?..

За спиной послышались прихрамывающие шаги. Ну, вот, помяни Врага!..

Отец Сергиус, не чинясь, уселся рядом с Врени и надолго устался на реку. Брат Полди начал было вставать, но легат махнул ему рукой, и монах остался на месте. Врени хотела уйти, но она слишком хорошо понимала, что бежать тут бесполезно. Хватит. Она уже убегала.

— Почему ты вернулась? — спросил отец Сергиус, когда ожидание стало нестерпимым. Врени пожалала плечами.

— Я не из твоей паствы, монах, не тебе меня исповедовать.

Дерзкий ответ. Очень дерзкий. Другой на месте легата отправил бы цирюльницу на костёр за такие слова. Но отец Сергиус лишь улыбнулся.

— Почему ты вернулась? — повторил он свой вопрос. Врени вздохнула. Он ведь не отвяжется.

— Потому что кто-то должен был остаться.

— Ты была не единственным лекарем в Сеторе, — напомнил легат.

— Расскажи это Иргаю, — фыркнула цирюльница. — Расскажи Увару. Много им было радости от цирюльников Сетора?

— Говорят, этот мальчик тебя подозревал, выслеживал, не дал сбежать, когда ты хотела...

— Он спас мне жизнь, — упрямо ответила Врени, но прозвучало это так неторжественно... как если бы она сказала: «Он накормил меня пирожком». Пирожок,

кстати, был вкусный.

— Я полагал, что твои братья и сёстры это не ценят.

— Мои братья и сёстры ценят, когда человек идёт тем путём, который их выбрал, — ответила Врени. Она и сама плохо понимала, как можно дать высшее посвящение лекарю, который принял решение отказаться от дара смерти и нести исцеление. Было в этом что-то неправильное. Но и *старший брат* у неё был тоже необычный. — Я отказалась от своей слабости.

— И что теперь? — не отставал отец Сергиус. Врени покосилась на брата Полди. Вздохнула, вспоминая кабаки Ранога.

— Я уйду с теми, кому я нужна. А там посмотрим.

— Ты будешь проповедовать? — уточнил легат.

— Это не то, в чём стоит исповедоваться перед тобой, а, монах? — хрипло расхохоталась цирюльница. — Нет, я буду нести свою веру делом. Ну как? Ты ещё не решился погреть мои старые косточки?

— Врени, не говори так, — взмолился брат Полди.

— Лечить людей, не давая им покинуть мир, который, по-твоему, есть зло? — в раздумьи уточнил отец Сергиус, не обращая внимания ни на брата Полди, ни на издёвку цирюльницы.

— Умирая, мы не покидаем этот мир, — строго ответила Врени. — Мы только покидаем своих близких и перечёркиваем всё, что поняли, пока были живы. А душа по-прежнему заперта в мире, обречена страдать снова и снова. Смерть не есть благо, она только часть муки, на которую обрёк нас Создатель. Смерть, раны, болезни...

— Врени, пожалуйста, — простонал брат Полди. Цирюльница вдруг ухмыльнулась.

— *Вас* обрёк, — поправилась она. — Я теперь свободна.

— Разве ты не можешь заболеть? — поднял брови отец Сергиус.

— Не имеет значения, что происходит с моим телом. Моя душа свободна и однажды покинет этот мир навсегда.

Она вдруг покосилась на брата Полди.

— Но тебя мне будет не хватать, — призналась она. — Я ещё не встречала таких чистых людей и, надеюсь, не встречу.

Полди хотел ответить, но от волнения не смог вымолвить ни слова и молча протянул цирюльнице руку. Врени сжала её, потом оттолкнула и отвернулась.

Неловкий момент оборвала Марила. Сумасшедшая, почти насильно одетая как полагается придворной даме будущей герцогини, пришла искать цирюльницу. Была она вся перепачканная и шла босиком. Врени невольно улыбнулась.

— Вот ты где, сестрица! — заявила Марила, усаживаясь рядом. На мужчин она не обращала внимания. — Ты спляшешь на моей свадьбе?

— Куда я денусь?.. — вздохнула цирюльница.

— Ты не рада? — захлопала глазами сумасшедшая.

Мюр так и остался в Тафелоне. Поступил оруженосцем к Виру, уверяя, что тот «храбрый воин, очень храбрый, такой жена страшный не бояться!» и что ему, Мюру, есть чему поучиться у шателена Ордулы. Сейчас он был в Фирмине, но вскорости, похоже, приедет. Господа что-то затевали, что-то вряд ли хорошее для прозревших, но повлиять на это Врени не могла.

Она отказалась от дара убийцы...

— Рада, — завершила Врени, когда Марила повторила вопрос. — Очень за тебя рада.

— А я вот не знаю, — призналась сумасшедшая. Цирюльница насторожилась. Сейчас разорвёт помолвку, додумается снова за Врени ходить и хныкать! — Хотела посоветоваться...

Она огляделась по сторонам, по-прежнему игнорируя монахов. Брат Полди смотрел на неё с жалостью, отец Сергиус — с плохо скрываемым смехом.

— Мой дружок не знает ведь, что я ворона! — свистящим шёпотом призналась Марила. — Как ты думаешь, сестрица, может, сказать ему? Нехорошо мужа обманывать...

Врени закашлялась и отец Сергиус, опережая Марилу, от души хлопнул её по спине. Рука у легата оказалась тяжёлая, даром что на вид такой щуплый человек.

— Я думаю, не стоит, — с трудом выговорила цирюльница. — Ты прекрасно притворяешься.

— Один рыцарь, — ни к кому не обращаясь, произнёс брат Полди, — однажды нашёл в лесу дом, где танцевали прекрасные девушки. Он вошёл внутрь и они разбежались — все, кроме одной, самой младшей и самой красивой. Он взял её за руку и попросил стать его женой... она согласилась, но добавила, что он должен никогда её ни о чём не спрашивать и не пытаться за ней подглядывать. Они поженились, у них родились дети, счастье их было безмерно... но потом рыцарь задумался...

Монах замолчал и Марила под села поближе. Отец Сергиус улыбался: видать, знал эту историю.

— Каждую неделю, в один и тот же день, когда все женщины были в церкви, прекрасная жена того рыцаря ненадолго пропадала... а потом объявлялась снова. Рыцарь пытался выведать её секрет, но она не желала его понимать... и тогда он притворился, что идёт в церковь, а сам незаметно спрятался... Оставшись одна, женщина сбросила одежды и обратилась в огромную змею. Своим змеиным жалом она облизывала лица детей, их глаза и уши, свивалась вокруг них и что-то шипела. Рыцарь не выдержал. Он выхватил меч и бросился на чудовище...

Сумасшедшая ахнула.

— Но змея вылетела в окно, — невозмутимо закончил брат Полди. — Больше он никогда её не видел.

— Вылетела?! — переспросила Врени. — Змея?!

— Ну да, — как ни в чём ни бывало подтвердил монах. — Но люди рассказывали, что она не раз являлась своим детям, помогая им волшебством и советом, и выросли они не такими, как обычные люди. [\[51\]](#)

— Брат Полди хотел сказать, — вмешался отец Сергиус, губы которого подозрительно подрагивали, — что ты должна скрывать свою природу, чтобы не лишиться любви и доверия своего супруга.

Марила глубоко задумалась.

* * *

Барон цур Фирмин задумчиво разглядывал записку, которую ему передал слабоумный сынок трактирщицы из Латгавальда. Куно ничего толком не объяснил, даже когда барон в сердцах пригрозил ему пытками. Какие-то батраки, голые ведьмы, ледышки, телеги... вздор!

Всё, что мальчишка сумел объяснить: кто-то украл у Магды дочь и женщина ушла за ней. Дочь спасла, но, опасаясь чего-то, не вернулась. Звучало это загадочно, но вполне правдоподобно. Магда действительно чего-то опасалась, берегла девочку, едва соглашалась с ней расстаться хоть на денёк, только изредка отсылая её к друзьям-волшебникам в Раног или доверяя трактирщице, в доме которой вечно от детей ступить некуда. Да и почерк... ведьма доверяла ему свои письма, она писала сестре, пока та не убралась вместе с мужем из Тафелона, всё тем же друзьям в Раног... словом, барон прекрасно знал её почерк. Это была она. Но куда она делась, почему сбежала, почему никто не удержал, не проследил... Впору самому обращаться к волшебству, чтобы её разыскали. Не колеблясь, бросила даже сына!

В дверь постучали и слуга доложил о госте. Барон цур Фирмин находился в своём замке, Ордуле, и отец Сергиус, чьи письма так помогли ему в святых землях перехитрить предателей братьев-заступников, обещал приехать к нему и привезти человека, с которым, по словам легата, Тафелону очень надо было договориться. Отец Сергиус оказался чрезвычайно странным человеком. Если бы не его преданность церкви, барон цур Фирмин бы даже сказал — беспринципным. Не было такого грешника, такого преступника или еретика, которого бы легат не был бы готов оправдать, если видел в том выгоду. Не для себя — и то счастье. Для церкви.

Барон спрятал записку. Он ждал гостей в таблинни: из намёков отца Сергиуса было ясно, что в этом разговоре может понадобиться карта Тафелона.

* * *

... этого человека он знал, видел пару раз возле Магды. Чуть располневший горожанин в длинных чёрных одеждах, темноволосый, но светлоглазый... он отвесил поклон, слишком небрежный для простолюдина, который встречается с коннетаблем Тафелона... барон встретил его взгляд. В глазах горожанина светился ум и мрачная непреклонная воля. Следом за ним зашёл отец Сергиус и осенил барона священным знаком.

— Это магистр Лонгин, — представил легат.

— Магистр-счетовод, — криво ухмыльнулся горожанин.

Барон цур Фирмин кивнул. Он что-то слышал об этом человеке — если, конечно, это был тот самый магистр-счетовод, личность почти легендарная. Его приглашали к себе городские гильдии по всему Тафелону, когда приходила пора платить налоги или когда возникало подозрение, что кто-то ворует, да мало ли других причин?.. И не было такого обманщика, такого хитреца, которого он не мог бы выявить, если только брался колдовать с цифрами и документами. Магистром он был настоящим, получил это звание когда-то в раногском университете, а магистром-счетоводом его прозвали за впечатляющее искусство. Многие люди молились на его исключительный дар, но многие и проклинали.

— Да-да, — ответил горожанин мыслям барона. — Это я сам собственной персоной. Отец Сергиус заверил меня, что мы должны поговорить — и вот я здесь.

— Вы хотите проверить счета Фирмина? — уточнил барон, обращаясь к легату.

— А что, это мысль! — оживился Лонгин, не давая ответить легату. — Я мог бы предложить...

Он оглядел небогатое убранство таблинни и закончил:

— ...за умеренную плату. Не только здесь, но и по всем баронствам. То, что я видел в

Братстве Помощи...

— Не сейчас, — мягко произнёс отец Сергиус. Барон цур Фирмин молча ждал, пока этот странный человек скажет, с чем он явился. Не похоже, чтобы он хотел просить милости, хотя... кто знает?..

— Ах, да! — спохватился магистр. — Ваша милость, я хотел бы обратиться к вам с просьбой...

Всё-таки милости. Как скучно.

— Я тебя слушаю, — заверил барон. — Чего ты желаешь?

— Правосудия, — отозвался Лонгин.

— Обратись в суд своего города, — посоветовал цур Фирмин. — Или тебя обидел один из баронов?

— Нет, ваша милость, — с вкрадчивостью, тем более неприятной, что она была явно не свойственна этому человеку, ответил горожанин. — Но вы поймёте, что выслушать меня должны именно вы.

— Должен?

— Если вы желаете что-то узнать о своей... э-э-э... я имею в виду ведьму Магду, то, полагаю, вам лучше меня выслушать.

На лице барона не дрогнул ни один мускул.

— Что тебе известно?

— Правосудие, ваша милость, — напомнил горожанин. — Я прошу, чтобы вы дали слово выслушать меня беспристрастно, даже если в разговоре будут затронуты близкие вам люди — но не только в этом случае.

— Хорошо, — кивнул барон. — Я обещаю тебе правосудие. Ты хочешь рассказать о преступлении или тебя кто-то притесняет?

— Я хочу рассказать о преступлениях, — кивнул горожанин. — И начать я хочу со смерти рыцаря Арне, сына графа цур Вилтина.

— Ты знаешь, кто его убил? — против воли заинтересовался барон.

— Да, — кивнул Лонгин. — Моя жена.

Он немного помолчал, с кривой улыбкой глядя на удивлённое лицо барона.

— Поэтому я и прошу вас о правосудии, ваша милость, — объяснил он. — Моя жена — белая волшебница и не думала повредить бедному юноше. Она использовала против него свою магию, которая поражает только проклятых... Нет закона, который запрещал бы убить оборотня.

— Оборотня?!

— Юный Арне был смертельно ранен семь лет назад, — пояснил горожанин. — Чтобы залечить его раны, ведьма Магда сделала его оборотнем. Недавно несчастный рыцарь попал под действие белой магии моей жены. Она, к сожалению, не знала, что, снимая с юноши проклятье, заставит раны открыться.

— Кто-нибудь может это подтвердить? — нахмурился барон.

— Ведьма Магда, — отозвался горожанин, всё ещё криво ухмыляясь. Его можно было понять: Магда пропала и где искать её — неизвестно. — Полагаю, кто-нибудь в ваших краях... знахарь, скорее всего. И, разумеется, о ране всё известно вашему шателену. Вы ведь знали... о его второй шкуре?

Отвечать на эту шпильку барон не стал.

— Твоя жена не должна покидать пределов страны, — сказал он сухо. — Ты прав, нет

закона, который бы осуждал её действия... если они таковы, как ты описываешь. Но граф цур Вилтин...

— Я потому и прошу вашего правосудия, — отозвался Лонгин. — И, кроме того...

Он нервным движением потёр руки и переглянулся с отцом Сергиусом. Тот ободряюще кивнул.

— Видите ли, ваша милость... — заново начал горожанин. — Правосудие не может быть чем-то, что обещано в запертой комнате в обмен на сведения, которые вам так нужны... правосудие должно работать всегда, кто бы его не вершил.

— Не понимаю, к чему ты клонишь! — прервал его барон.

— Магистр Лонгин хочет предложить вам кодекс, которому должны будут подчиняться волшебники и ведьмы, — объяснил отец Сергиус. — Кодекс законов, который будет регулировать отношения между людьми, которые...

— Неодарённые, — вставил Лонгин.

— Между неодарёнными и волшебниками.

— Если этот кодекс будет принят в Тафелоне, — вкрадчиво произнёс Лонгин, — применение магии будет караться, если приносит вред, и награждаться, если приносит пользу, и оборотень будет так же защищён законом, как и любой другой... рыцарь.

— Я подумаю, — пообещал барон. Мысль была... интересная. Но что-то не давало барону покоя. Имя... ситуация... он недавно приехал и ещё не вник во все дела даже в своих владениях, не говоря уже обо всей стране.

— Видите ли, — снова потёр руки горожанин, — я хотел бы... придать законный статус Серой пустоши, интересы которой я имею честь представлять. Дело в том, что с недавнего времени эти земли принадлежат мне.

— По какому праву? — нахмурился барон.

— По праву сильного, — слегка развёл руками горожанин, — по тому же, по какому ваш зять занял Дитлин. Видите ли, ваша милость, я победил волшебников Чёрной башни и теперь она моя.

— Я разговаривал с магистром Лонгином после его победы, — вмешался отец Сергиус, — и убедил его взвалить на себя это бремя.

От барона не укрылось, что волшебник поморщился. Видно, бремя оказалось тяжеловато.

— Братство Помощи ссудило магистра деньгами, — продолжил пояснения легат, — и это позволило остановить грабежи, которыми славилась Пустошь. Теперь мы надеемся проложить дорогу с юга, с перевала за Сюдосом, на север, а также есть кое-какие мысли о дороге с запада на восток. Сейчас, когда волшебники согласились оказывать путникам всяческую поддержку...

— Но за Пустошью земли оборотней, — нахмурился барон.

— Да, земли оборотней, — кивнул легат, — а за ними живут язычники, к которым иногда вторгаются нагбарцы, а ещё дальше — богатые и обширные земли, но до них мало кто добирается. Увар, капитан отряда, служащего вашему зятю, рассказал много интересного о тех краях.

Увар... барон что-то о нём слышал. Кажется, это тот наёмник, который по приказу Вира присоединился к самозванцу, а после скрылся... ну да, в самом деле на востоке. Действительно интересно... а ещё интересней то, что рассказывал Вир... земли оборотней, а за ними земли язычников...

— Увар, — усмехнулся волшебник. — Что же... тогда я хочу рассказать об ещё одном преступлении.

— Говори, — коротко приказал цур Фирмин.

— Убит рыцарь Крипп цур Лотарин.

Барону не нужно было подсказок, это имя он отлично помнил. Отец Магды. Вздорный человек.

— Надеюсь, на этот раз не твоя жена? — изволил пошутить барон.

— Нет, ваша милость, — улыбнулся на шутку Лонгин, — его убил Увар, его собственный зять... муж старшей дочери рыцаря... насколько я помню, они повздорили из-за приданого.

— Ты неплохо осведомлён, маг. Откуда тебе известно?

— Мне рассказал об этом Вилмос, сын Криппа. Он единственный из мужчин уцелел тогда.

— И чего же ты хочешь? Наказать Увара?

— О нет, ваша милость, не думаю, чтобы вы стали наказывать человека, который принёс вашему зятю победу. Я лишь хочу, чтобы за мной остался Лотарин, который Вилмос унаследовал, а после передал мне в дар.

— Ты принял в дар рыцарские земли?!

— Почему бы и нет, ваша милость? — хладнокровно спросил волшебник. — Я бы и не брал, но юный Вилмос так настаивал... договор составлен по всей форме... и ни я, ни мои люди не претендуют на рыцарское звание. Только на земли.

— Да зачем они тебе?! Тебе мало Серой пустоши?

— Серая пустошь, ваша милость — проклятая земля, где ничего не растёт, зато... м-м-м... не буду вас утомлять... словом, случается множество удивительных и опасных вещей. Наши ученики не представляют себе, как их колдовство или магия будут отзываться в м-м-м... обычных землях. Мне удалось установить, что магический фон... м-м-м... впрочем, вам это будет неинтересно. Одним словом, близость Лотарина к Серой пустоши привела к тому, что... м-м-м... колдовать там сложнее, чем где бы то ни было. Я полагаю, нам удастся это сохранить... и таким образом Лотарин станет идеальным местом для проверки новых заклинаний и зелий.

Закончив эту тираду, в ходе которой он то и дело поглядывал на отца Сергиуса, маг снова потёр руки. Теперь, кажется, торжествуя.

— А люди, которые живут в Лотарине?! — рассердился барон.

— О, им будет не тяжелее, чем тем, кто живёт возле, скажем, Ранога. В конце концов, среди заклинаний есть и полезные, а пятерых ведьм достаточно, чтобы вылечить всю скотину даже в такой инертной... прошу прощения... глухой к колдовству местности, как Лотарин. Взвинчивать подати мы не собираемся.

— Я вижу, ты всё продумал, — отметил барон.

— Вашего возвращения ждали, ваша милость, — поклонился волшебник. Что-то было неправильное и в поклоне, и в интонациях этого человека... Как будто он играл какую-то роль, ему не свойственную.

— Отцу Сергиусу твои начинания кажутся полезными, — кивнул барон на легата. — Но ты можешь мне назвать хоть одну причину, по которой я должен согласиться на столь многие перемены?

— Охотно, ваша милость, — снова поклонился волшебник. — Мне известно, куда ушла

ведьма Магда, и я могу вам это открыть.

— И ты рассчитываешь, что за эту услугу я должен буду...

— Нет, ваша милость, — дерзко перебил барона волшебник. — Я рассчитываю, что вы поймёте, что всё, что я предлагаю, послужит на благо Тафелона... что же касается сведений... я бы сказал, что это дружеская услуга, но не осмеливаюсь оскорбить вас... примите их в дар как доказательство чистоты моих намерений.

Он немного помолчал и добавил:

— Мне удалось подчинить Белую башню... их магия позволяет увидеть в зеркале друга... или врага... кроме того, мы сейчас совместно работаем над способами закрыться от подобного поиска... и над тем, как обойти подобную защиту. Я полагаю, закон, который заставит магов записывать, кто и зачем к ним обращался, будет весьма полезен... сегодня, я узнавал, никаких записей не ведётся. Я уже не говорю о налогах и вкладе в благоустройство города, которые пока с волшебников не требуются вовсе.

Барон смерил волшебника задумчивым взглядом. Тот спокойно выдержал это и снова потёр руки.

— Вижу, ты много разговаривал с отцом Сергиусом, — усмехнулся барон. — Говори, что тебе известно.

Волшебник выпрямился, расправил плечи. В светлых глазах сверкнуло тёмное торжество.

— Прежде, чем я перейду к вопросу о том, куда делась из ваших владений ведьма... которой вы оказывали милостивое покровительство... я должен сделать ещё одно признание.

Барон насторожился. Лонгин словно сбросил какую-то маску, которую невесть зачем надел и... что? Нацепил новую? Стал самим собой? По его голосу было ясно: он в курсе личных дел барона и мог бы многое рассказать... кому угодно. Опасный и неприятный человек. От такого надо или избавляться или держать к себе как можно ближе.

— Говори, — нетерпеливо бросил барон.

— Вскоре после вашего отъезда ко мне обратилась ваша дочь, её милость Нора цур Фирмин. Полагаю, теперь мы должны говорить о ней «её высочество герцогиня»?.. Она попросила научить её... чёрной магии, ваша милость. Так никогда не делается: человек не может быть и властителем, и магом... однако она была настойчива и я был вынужден согласиться. Если пожелаете, я привезу контракт, который она подписала... вы сможете сами убедиться, что в нём нет ничего порочащего ни её, ни вашу честь... ваша милость.

Это был хороший удар, барон не мог не признать. Договор, подписанный рукой Норы! Что эта девчонка удумала?! И волшебник хранит его где-то в тайне... да, он хорошо подготовился к разговору. Даже интересно, что он начал не с него, а ведь этот аргумент был самым главным.

— Отец Сергиус, — продолжил Лонгин, кивая на легата, — заверил меня, что в занятиях её милостью Норой магией нет ничего противоречащего заветам церкви. Разумеется, после того, как в Тафелоне будет принят кодекс, регулирующий занятия магией и отношения между волшебниками и неударёнными, действия Норы будут не только разумны, но и полностью законны. Сейчас против неё говорит только обычай — как ваш, так и наш.

Барон сдержал усмешку. Волшебник считает его туповатым рыцарем, раз так подробно раскрывает свои намерения. Но такое заблуждение может быть на руку... а может и нет.

— Чему ты её учил? — спросил цур Фирмин.

— О, ничему, что могло бы бросить на неё тень... мне пришлось подтянуть вашу дочь по квадривиуму... она безобразно забросила занятия, выйдя замуж... несколько мёртвых языков, без которых невозможно ни прочесть книги, которые я рекомендую, ни составить своё заклинание... немного теории... вынужден вас огорчить, ваша дочь проявила прискорбно мало интереса к теории... что до практики... видите ли, моя метода включает в себя длительную и планомерную подготовку... однако её милость способна видеть на расстоянии, превышающем человеческие возможности... любопытное заклинание с использованием перемены векторов при преломлении воздуха... есть аналогичное заклинание, усиливающее слух... я надеюсь, она сумеет вывести его самостоятельно при минимальной подсказке с моей стороны... видите ли, моя метода предполагает постепенное развитие у ученика самостоятельного мышления... я лишь направляю, а они...

Отец Сергиус кашлянул. Лонгин вздрогнул и потёр руки.

— Боюсь, я утомил вас своими рассуждениями, — сделал он небрежный жест. — Словом, занятия вашей дочери ни в коей мере не могут её унижить.

— Я видел их, — вставил отец Сергиус, — и могу подтвердить.

Барон нахмурился. Он не любил, когда его загоняли в угол.

— Так вот, — сменил тему волшебник. — Ведьма Магда. Насколько я знаю её и её спутника... он говорил о севере, но это, конечно, обманный ход. Мне говорили, у вас есть карта... ах, да, вот она.

Лонгин повёл рукой и крышка стола, под которой скрывалась карта Тафелона, сделалась прозрачной.

— Сюда, — указал он на восток. — Это единственное разумное направление в их случае.

— Спутника?.. — спокойно спросил барон. Лонгин понимающе улыбнулся.

— Я не рассчитываю, что вы поверите мне на слово, ваша милость, — произнёс он с большим сочувствием. — Но могу вас заверить, что Магда очень не хотела уходить... но если бы она осталась, она лишилась бы дочери навсегда.

— Но кто был её спутником? — мягко спросил отец Сергиус.

— Разумеется, её названный брат, — отозвался волшебник, задумчиво водя пальцем по ставшей прозрачной крышке над картой. Было видно, что дальнейший разговор стал ему неинтересен. — Что?.. Ах, да! Магда... Видите ли, среди... тех, кто, надеюсь, недолго ещё будет оставаться вне закона, часто... случается, что мы заменяем кровное родство, с которым нам пришлось порвать, названным. Человек, который увёл Магду с собой, заменил ей брата... старшего брата, которого у неё никогда не было. Он много помогал ей... и спас её дочь, рискнув ради неё жизнью и здоровьем. У нас принято слушаться своих *старших братьев*.

Что-то в его словах смущало барона... лгал ли волшебник? Сказать было трудно. Определённо что-то не договаривал. Но какой ему резон защищать Магду? Лонгин тем временем повернулся к отцу Сергиусу.

— Гляди, — уже не чинясь, предложил он, тыча в какую-то точку на востоке карты. — Вот здесь, по краю... если сдвинуть глубже, нам придётся фиксировать расположение ловушек, а это пере... кхм... испортит всю систему, уж поверь мне. Зато здесь мы можем, как дополнительную помощь, защищать путников от дождя и снега... собственно, они у нас никогда не идут. Поперечная дорога, конечно, сложнее... я пока подумаю, что с ней можно

сделать. А вот тут, смотри... да, это Лотарин... в замке... хм... посмотрим... я предлагаю замок снести, стены расширить, сделать здесь лагерь для моих людей... вот, гляди... а здесь вот пришли ко мне людей из Братства Помощи... я полагаю, здесь надо выстроить постоянный двор... ещё нужно сделать крепость для охраны... и, может, по окраинам Лотарина поставить башни... м-м-м... нет, конечно, мы башню сносить не будем, мы её надстроим. С помощью тех заклинаний можно будет просматривать местность, поэтому никакие враги или там разбойники неожиданно не нападут... я говорил с ведьмами... они нашли, наконец, кое-что интересное, что могли бы...

— Кхм! — прервал его барон. Волшебник распрямылся и удивлённо посмотрел на него. Потом покосился на отца Сергиуса и хлопнул по крышке ладонью. Она немедленно потеряла свою прозрачность.

— Простите моего друга, — улыбнулся легат, — он иногда увлекается. Лонгин, а этому заклинанию, которое усиливает зрение, можно обучить неодарённых людей?

— Обучить? — удивился Лонгин. — Но зачем? Мой друг Просперо, да ты его и сам знаешь, давно занялся созданием подзорной трубы, усиливающей зрение на основе одной только естественной магии, то есть применяя и комбинируя свойства вещей безо всяких заклинаний и обращения к дару. Он нашёл записи брата Ружеро из Ютании, был такой монах нищенствующего ордена, если не ошибаюсь... разобрался в них, усовершенствовал и...

Он что-то пробормотал и достал из воздуха металлическую трубку, которую протянул отцу Сергиусу, на ходу показывая, как держать и каким концом прикладывать к глазу. Отец Сергиус подошёл к окну и посмотрел сквозь эту трубку.

— Удивительно! — проговорил он спустя некоторое время и протянул трубку барону. Тот повторил действия легата... лес, окружавший замок, приблизился так, будто рос во дворе, и барон даже разглядел сидящего на ветке дятла.

— Мы могли бы сделать таких несколько штук, — небрежно заметил волшебник. — Просперо как раз сейчас помогает мне в Серой пустоши... но, полагаю, вы понимаете, что изготовление подходящего стекла, шлифовка до появления нужных свойств... сама тайна, в конце концов... это всё стоит денег.

Он дождался, когда барон оторвётся от наблюдения за лесом, и хлопнул в ладоши. Трубка растаяла в воздухе.

— Это пока только иллюзия, — извиняющимся голосом заметил он. — Я не рискнул перевозить единственный образец, тем более, что он принадлежит самому Просперо. Но, если вам угодно...

— Мы обсудим это, — посулил барон. Волшебник небрежно кивнул, уже не пытаясь изображать почтение.

— Если ваша милость отдаст приказ, я мог бы отправить юристам в Раног проект кодекса, о котором мы говорили, — деловито предложил он. — И я хотел бы получить бумагу за вашей подписью или подписью вашего зятя, которая бы закрепила мои права на Лотарин.

— Я распоряжусь, — пообещал барон. Ему не слишком понравился этот странный и переменчивый человек, но предложения он вносил дельные... к тому же мог оказаться и полезен. — Но подзорные трубы должны учитываться и продаваться только сюда.

Лонгин кивнул.

— Я прослежу за этим, ваша милость, — пообещал он.

— А тебе не нужен отряд для защиты Лотарина? — уточнил легат. Волшебник пожал плечами.

— Я бы предпочёл, чтобы ты распорядился перестроить церковь и прислать в неё своего священника, — отозвался он. — С защитой мы справимся и сами.

* * *

Новый Дюк, не дожидаясь коронации, объезжал свои владения. Остановившись у рыцарей, он, снисходя к их небогатому быту, отсылал большую часть своей свиты, приезжая в города, брал её с собой, и людям приходилось кормить целую ораву слуг, придворных, шутов и кнехтов. Всё это время отряд Увара был при нём, возвышенный до положения личной гвардии Дюка. Клос не забывал набирать и новых людей и по весне отослал Увара в завоёванный Дитлин вместе с людьми, которые должны были привести замок в порядок и подготовить к новому господину. Сам Клос остался под Сетором. Город претендовал на роль столицы нового герцогства — проследить за строительством замка между Сетором и Вибком, небольшим городом в нескольких часах езды.

Первое время наёмники отдыхали, обживали графский замок, но вот все дела были переделаны, и у Увара нашлось время вспомнить о приданом жены. Это сразу испортило ему настроение. Владения покойного тестя захватил себе какой-то колдунишка, взявший под покровительство недобитого щенка.

Лонгин подошёл к охране Лотарина творчески — по мнению всех знавших его людей. По мнению Увара, волшебник сделал самое поганое, что только мог придумать человек.

Пока Увар сражался за Сетор и захватывал Лабаниан, пока бароны решали судьбу Тафелона, Лонгин не сидел сложа руки. Он согнал крестьян, приставил к ним своих людей и окружил весь Лотарин забором, причём доски умудрился пропитать каким-то негорючим составом, изобретённым одним из его коллег. Когда в Дитлин приехали наёмники, Лонгин отправил на защиту Лотарина... белых волшебниц, специально отобрав самых юных и красивых девушек. Наёмники, приехавшие взять своё, увидели противников, с которыми и воевать-то стыдно. Худенькие, чуть ли не прозрачные девочки, с огромными глазищами тарацились на них и жалобными голосами уговаривали уходить, потому что, ну, вот так получилось, их заставили охранять эту землю и стоять девочки намерены до последнего. Стоило подойти ближе, как волшебницы начинали светиться раскалённым белым светом, который слепил глаза, и от которого не было защиты. Выманить девчонок не получалось. Один из самых ретивых ребят, Матьяс, попробовал сбить одну из девчонок тупой стрелой — издали, не приближаясь, чтобы не достали своим свечением... девчонку сбил, молодец. Падая, она полыхнула особенно ярким светом, волшебницы принялись петь жалобные песни, а Матьяс ослеп в то же мгновение. Врени, которая осталась-таки в отряде, потом неделю промывала его глаза целебным настоем, страшно ругалась и категорически требовала «оставить волшебниц в покое, пока мы тут все не ослепли и не оглохли». От их пения — пронзительными жалобными голосками — действительно свербил в ушах.

Сыновья Харлана посулили снять девчонок верёвочными петлями... но проклятущие волшебницы как чувствовали и успевали прятаться ровно в тот миг, когда их должна была спутать верёвка. А после вылазили и снова начинали светиться.

Разумеется, будь на их месте хоть мальчишки, Увар бы давно озверел и приказал бы

перебить подобный гарнизон. Но воевать с девками не поднималась рука, а зашугать их никак не получалось. Позже прибыл гонец от барона цур Фирмина, где Лотарин именем коннетабля Тафелона и нового Дюка объявлялся собственностью волшебников, а любые попытки его захватить — преступлением против короны. Увар тогда высказал гонцу всё, что он думает по поводу такой короны и хотел даже напиться, но его удержала жена.

* * *

Вир специально поехал через Лотарин — до него дошли слухи о творящемся там безобразии. Забор действительно был и пришлось заложить здоровый крюк — на оборотня белая магия действовала сильнее, чем на простого человека. Со стороны Дитлина он заметил девичью фигурку снаружи забора и подъехал поближе.

Перед оградой, стояла, уперев руки в бока, Дака и ругала волшебниц на трёх языках, из которых девушки понимали только один. Глаза девушки были закрыты чёрной повязкой, а волосы скрыты под сложно закрученным синим платком. Ещё в конце осени она согласилась выйти замуж за Иргая, во многом под влиянием Врени, которая устала от капризов подруги. Услышав конские шаги, Дака сорвала повязку и, щурясь от яркого света, взгляделась в лицо Вира.

— Серый, да? — спросила она, улыбаясь покровителю своего отряда. — Здравствуй, Серый! Уж очень тебя Увар вспоминает! А тебя всё нет.

— Вот он я, приехал, — засмеялся Вир и соскочил с коня. Дака кивнула. — Здравствуй. Зачем с ними ругаешься?

Он кивнул на забор, с которого светящиеся девушки затянули новую жалобную песню. От их тоненьких голосков звенело в ушах.

— А как с ними не ругаться? — упёрла руки в бока женщина. — Ты ведь слышал? Увара не пускают! Светятся! Зачем светятся, скажи?

Она засмеялась.

— Мы по очереди сюда ходим. Все девушки, женщины, все ходим. Ругаемся. Врени не ходит, Врени на нас ругается. Бойтся, ослепнем. Говорит, нечего с ними связываться.

— Тогда зачем? — заинтересовался Вир.

— Как — зачем? — удивилась Дака. — Пока я тут ругаюсь, они светятся. День светятся, ночь светятся. Потом дрова закончатся, погаснут. Вот тут-то я им волосы-то и повывдёргиваю!

Вир покачал головой. Он ничего не знал о том, откуда черпают волшебники свою силу. Может, и правда, «дрова закончатся». А, может, и нет.

— Некогда мне с тобой, — отвернулась Дака. — А то они отдыхать станут. Эй, вы! Волосы распустили, распоясались, стыда у вас нет! Выставили себя в рубашках, неужто и возразить некому? Ах вы...

Вир вскочил на коня и поехал дальше. Чуть поодаль он увидел небольшую ложбинку, в которой уютно устроился Иргай. Юноша лениво жевал травинку и смотрел в небо. На оборотня он даже не покосился, и Вир понял, что Иргай давно его приметил.

* * *

Едва Вир отъехал подальше, как за спиной запели трубы и он остановился, предвкушая новое зрелище. Предчувствия его не обманули. Часть забора исчезла, как будто её никогда и не было и из Лотарина выехал одетое в чёрное всадник, горделиво восседающий на чёрном коне, больше похожем на исчадие преисподней, чем на животное. Его окружали четверо девчонок, все как одна в белом, с распущенными светлыми волосами, все сидели на белоснежных конях. Кони эти были в пору рыцарям, но девчонки, казалось, без труда с ними справлялись. Когда немного проехали по дороге в Дитлин, забор за их спинами восстановился. Всадник кашлянул, девчонки подняли глаза к небу и обречёнными голосами пропели:

— Дайте дорогу властителю Серой пустоши!

Вир заинтересованно придержал коня. Они ещё немного проехали и девчонки повторили:

— Дайте дорогу властителю Серой пустоши!

Оборотень присмотрелся. Да, всё верно. Через десять шагов они закричали снова. И ещё через десять. Вир почувствовал, что ещё немного — и он сойдёт с ума. А всадник ничего, держался, только уголки губ время от времени болезненно подрагивали.

— Дайте дорогу властителю Серой пустоши!

Вир заметил Иргая, который, обрадованный тем, что у него появился враг, с которым не стыдно сразиться, натянул свой любимый лук и послал во «властителя Пустоши» стрелу... та не долетела пяди до всадника, как будто завязла в воздухе... девчонки запоздало засветились белым светом и Вир с проклятиями заслонил лицо.

— Прекратить! — прикрикнул всадник, вынимая стрелу из воздуха. Девушки погасли, а всадник улыбнулся, повёл по стреле пальцами и что-то шепнул. А после сломал и выкинул обломки. Стрела, которую Иргай держал наготове, собираясь наложить на тетиву, сломалась с громким треском. Он заглянул в колчан... сломаны были все стрелы.

— Извини, дружок, — развёл руками маг. Иргай выругался и схватился за меч. — Серый, это твой человек?

— Это из отряда Увара, — пояснил Вир. — Лонгин! Так это ты тот страшный колдун, который держит в страхе всю округу?

— По всей видимости, — отозвался волшебник и спрыгнул со своего чудовищного коня. Вир тоже спешил и они обменялись рукопожатиями.

— Иргай, оставь его в покое, — приказал Вир, не слишком надеясь, что мальчишка послушается. — Я с ним договорюсь.

Иргай разъярённо высypал из колчана сломанные стрелы и отвернулся.

— Что я могу сказать?... — обратился к сопровождавшим его девчонкам волшебник. — Плохо, очень плохо. Скорость, методы... немедленно домой, все четверо, найдёте там... впрочем, нет. Идите к себе в комнаты и почитайте учебник. Я вами займусь позже. Ах, да! Если я задержусь — по пять стадий бегом каждая, потом отдых и ещё по пять стадий. Двести прыжков, отдых после каждых пятидесяти. Если не сможете пересказать учебник — будете наказаны. Всё, убирайтесь, быстро!

На глазах у девчонок выступили слёзы, но спорить они не осмелились и покорно повернули обратно.

— Видал? — повернулся к Виру маг. — Представь себе, когда я это предложил в Чёрной башне, никто даже не улыбнулся! Нет, им в самом деле казалось, что это подчеркнёт моё положение! Будь на то их воля, так мне бы пришлось тащить этих дурынд на поводках.

— Так ты действительно подчинил Белую башню? — уточнил Вир.

— Я её разрушил, — поправил Лонгин. — И получил на шею этот курятник. Старшие закатывают глаза и ничего не делают. Младшие закатывают глаза и делать пытаются. Чувства юмора нет ни у тех, ни у других, а эти девицы ещё подозревают, что в наказание я буду с ними спать, и до дрожи боятся.

— А ты что же? — захохотал оборотень.

— Я женат, — добродетельно напомнил волшебник. — К тому же не понимаю, за какие мои грехи я должен спать с самыми бестолковыми девицами в Пустоши? Почему ведьмы не распускают слухов, что я буду спать с ними в награду?

Вир расхохотался сильнее прежнего и ему пришлось успокаивать своего коня.

— Намекни, — посоветовал он волшебнику.

— Лучше я посулю их сожрать, — пообещал Лонгин и вскочил на коня. — Живыми и без соли.

Он скривился.

— Ты ехал в Дитлин? Составишь мне компанию?

— Охотно, — взлетел в седло оборотень. — А что у тебя там за дело?

— Решил отдать должное упорству его людей, — туманно пояснил волшебник. — К тому же, полагаю... тебя интересует проход через Серую пустошь?

Вир смерил Лонгина пристальным взглядом.

— Ты многое знаешь в своей Чёрной башне, волшебник.

— Только то, что меня касается. Я надеюсь, ты обеспечишь мою неприкосновенность? Откровенно говоря, заклинание защиты — штука одноразовая, а возобновляется долго и неприятно.

* * *

Врени страшно не нравилась затея Даки. Она боялась, что волшебницы выжгут молодой женщине глаза и на этот раз вернуть зрение не получится. Дака отмахивалась. Цирюльницу поражала и восхищала беспечная манера наёмников по отношению ко всему тому, что она привыкла опасаться и не любить. Оборотни — пригрозим хвост отрезать, присмирят. Вампиры? Подстрелим. Белая магия? Задразним. Девчонкам-волшебницам, конечно, очень повезло, что владения этого дурного рыцаря, которого прошлой осенью пришиб Увар, не стоили того, чтобы ради них всерьёз драться. Повезло и в том, что наёмники были сытые, ленивые после долгого отдыха, иначе страшно подумать, что с они могли бы сделать с этими дурочками. А так?.. Ребята только плевались да бранили ушлого волшебника, который выставил перед собой такой жалкий щит. Ну, и женщины, конечно, всё надеялись переругать девчонок. Глупо с их стороны, конечно. Силу белым волшебницам даёт сознание своей правоты. Чем больше их бранишь, тем крепче их вера. Кто-то из парней попытался сменить девушек отряда и смутить магичек сальными шуточками. Это была очень неудачная идея и он потом ещё неделю мялся, не решался рассказать Врени, чем теперь болеет, чтобы она его вылечила. Врени-то промолчала, да кто-то подслушал и над бедолагой смеялся весь отряд. Зато и желающих больше не находилось.

Осенью, как только Врени удалось поставить Иргая на ноги, Дака со слезами опустилась перед ней на колени и, называя старшей сестрой, предложила свою жизнь в

благодарность за спасение жениха. Сказала, что цирюльница может приказывать — Дака сделает что угодно. В ответ Врени, которой надоели фанаберии подруги, действительно приказала — подняться на ноги, никогда таких фокусов не выкидывать... и вообще, выходила бы ты замуж. Надоело, мол, на вас с Иргаем смотреть, как вы носы друг от друга воротите. Дака слов на ветер не бросала. Она нашла Иргая и объявила ему, что завтра свадьба. Иргай достаточно знал свою своенравную возлюбленную, чтобы не спорить, и пошёл к родителям. И только через несколько недель до Врени дошло ещё одно обстоятельство. Это обстоятельство подало голос в начале весны. По Даке до самой зимы было ничего не заметно и вопрос, когда же они успели, остался произнесённым. Харлан, конечно, сыну хотел всыпать, но постыдился, всё-таки женатый человек, сам отец теперь... А Дака осталась совершенно счастлива и довольна и мужем, и сыном — крупным здоровым мальчишкой, — и даже с братом сумела как-то схитрить, чтобы ему не идти в чужой шатёр, а сохранить права на отцовский меч.

В тот день Врени всё высматривала, когда вернётся Дака (доверившая сына бабушке) и поэтому первой заметила Виру и с ним одетого в чёрное всадника на чёрном коне. Слишком мощном для горожанина, а одет этот человек был именно как горожанин. Когда он подъехал ближе, Врени показалось, что узнала это лицо. Видела на *встречах*.

Подумав, цирюльница пошла искать Увара и нашла его в господском доме замка — он сидел в зале на первом этаже и играл в кости с Харланом. Она встала неподалёку, достала бритву, ремень и принялась её точить, будто бы занята делом. Мужчины её не заметили. С тех пор, как она приняла высшее посвящение, у неё появился дар: никто и никогда не спрашивал, как она тут очутилась, что здесь забыла и вообще зачем околачивается рядом. Всегда и во всём её присутствие казалось уместно. Не совсем то же, что дар незаметности, который получил Медный Паук, но тоже неплохо.

* * *

Гости вошли в зал. Вир оставил своего спутника у дверей и подошёл к Увару. Обменявшись рукопожатиями с ним и Харланом, он сделал знак приятелю.

— Уйди пока, Харлан, — немедленно приказал Увар. — Позови всех старших сюда.

— Будет дело? — расплылся в улыбке Харлан.

— Будет! — отозвался оборотень и наёмник ушёл.

— Это то самое? — коротко спросил Увар. Вир кивнул. — Добро. Давно пора.

— Я пошлю к вам Вейму... Клос её от себя не отпускает, мне в пору ревновать. Говорит, считает здорово. Но для тебя отпустит. Посидите, прикиньте, что нужно. Братство Помощи оплатит всё. Даже с запасом.

— Добро, — повторил Увар.

— Для всех — вы едете искать корону Дюка, — пояснил Вир. — Её забрали из развалин мои бра... оборотни, которые жили в Корбиниане. Мне удалось выяснить, что они продали её язычникам... отдали в качестве откупного, когда те поймали кого-то из них за грабёж. Дальше следы теряются. Как добудете — дело ваше. Украдёте, отберёте, купите — неважно. Но много не наследите.

Он хлопнул Увара по плечу.

— Ты едешь послом Тафелона! Если понадобится.

— А на самом деле? — ухмыльнулся наёмник. Врени расхохоталась, глядя, как он расправляет свои не слишком широкие плечи и приосанивается.

— А на самом деле Братство Помощи желает проложить дорогу на восток. Ты же говорил, что там, за язычниками лежат богатые земли, где найдётся с кем поторговать.

— Лежат, — почесал затылок наёмник. — Лежать-то они лежат, да только как их взять?..

— Об этом не думай, — перебил Вир. — Твоё дело — пути разведать. Где пройти можно, а где прокладывать надо. Кого купить можно, кого — с соседом стравить, а с кем нам самим придётся подраться.

— Добро, — в который раз повторил Увар. — Это дело по мне! А корона?

— И корону ищи, — приказал оборотень. Если надо — посылайте за деньгами. На краю Пустоши вас будут ждать и доставят столько, сколько понадобится.

Наёмник скривился.

— Пустошь... это где всем заправляет тот чёрный ублюдок...

Вир предупреждающе кашлянул. Оставленный у дверей горожанин хмыкнул и подошёл к ним.

— Лонгин, к вашим услугам, — издевательски поклонился он, сверху вниз глядя на наёмника.

Тот отпрянул.

— Ты зачем его привёл?!

— Тихо! — рыкнул оборотень.

— А я ведь пришёл с предложением мира, — укоризненно покачал головой волшебник.

— Да какого ещё... в... на... мира?!

— Обычного, — улыбнулся Лонгин. — Ты представляешь интересы своей жены и её сестры, верно? Я — сына покойного рыцаря и его вдовы. По закону и обычаю, если есть сыновья, то дочери наследуют имущество матери, но не отца... какая незадача — мать ещё жива... не хочешь её тоже убить? Нет?.. Как странно...

— Серый, ты зачем его притащил?! — вспыхнул раскрасневшийся Увар.

— Выслушай его, — попросил оборотень. — Лонгин, прошу, ближе к делу.

— Я пытаюсь сказать, — с обманчивой мягкостью произнёс волшебник, — что почтенная Куниберта, матушка Вилмоса и его сестёр, узнав о судьбе мужа и выборе сына, попросилась к нам... в услужение. А поскольку жители Серой пустоши не могут владеть имуществом... юридически она мертва. И я пришёл предложить Увару...

— Погоди, — перебил Вир. — Как это — не могут? У тебя же дом в Раногe.

— Дом в Раногe, вернее, земля под ним и деньги на строительство любезно выделены мне магистратом в обмен на кое-какие услуги, — пояснил волшебник. — Формально я им не владею.

— Не пойму, куда ты вертишь, — буркнул Увар.

— Я пришёл сказать, что ты можешь забрать все драгоценности Куниберты, женскую утварь, платья и прочее женское имущество. С твоей сестрой Магдой... как там её?.. ах, да, Бертильдой!.. считаешься сам. Когда найдёшь.

Увар забыл обо всём и так и впился взглядом в волшебника.

— Бертильда?! Ты... что ты знаешь о ней?! Ты знаешь, где она?!

— Догадываюсь, — ответил Лонгин. — Да, я помогу тебе её найти. Ты же об этом хотел попросить?

— С чего ты такой добренький? — нахмурился Увар. Лонгин закатил глаза.

— Я злой волшебник, который ест детей на завтрак, а девиц на ужин! — раздражённо заявил он. Врени с трудом удержалась от смеха. — Могу я в качестве развлечения позволить себе доброе дело?! Я тоже человек и хочу отдыхать!

— Брось шутить, — потребовал Вир. — Увару и так не до смеха.

— О, простите, — ещё сильнее рассердился волшебник. — Как же это я не подумал?..

Он отвернулся от своих собеседников, нарочито выдохнул, вздохнул и снова повернулся к ним.

— Начнём сначала, — предложил волшебник. — Ко мне обратился отец Сергиус с просьбой способствовать этому вашему походу. Поскольку наша тяжба с Уваром может быть препятствием для этого и поскольку мне даром не нужно барахло, которое валяется в замке Лотарина, я решил совместить приятное с полезным. Я планирую перестроить башню и сделать множество других переделок. Так что или Увар заберёт себе весь этот хлам или я выброшу его в канаву. Полагаю, Агнете... сестру Магды зовут Агнета, не так ли?.. как и самой Магде будет приятно заполучить вещи их матушки.

— А что ты про Куниберту болтал? — набычился Увар. Лонгин пожал плечами.

— Чистую правду. Она жива и здорова, если тебя это интересует, но слегка... словом, собирается посвятить остаток своей жизни сыну. Я не стал спорить. Я сам женат и знаю, что пререкаться с женщинами — это дорога в могилу. В конце концов, должен же в Пустоши быть хоть один здравомыслящий человек, кроме меня!

— Помешавшаяся вдова рыцаря — это, по-твоему, здравомыслящий человек? — хохотнул Вир.

— О, ты бы посмотрел на остальных! — в тон ему отозвался Лонгин. — Впрочем, неважно. Если ты, Увар, согласен, то я готов сегодня или завтра тебе всё передать, а там — жду тебя в Пустоши. Припасы и прочее вам доставят на её восточный край, нет смысла возить туда-сюда.

— А Бертильда? — спросил Увар.

— Бертильда?.. Ах, да! С Магдой всё в порядке. Жива, здорова... перезимовала в какой-то глухой деревушке. Теперь двигается дальше. Думаю, вы её нагоните, она не торопится, подолгу живёт на одном месте, потом идёт дальше.

— Куда идёт?! — вспыхнул Увар.

— А я не сказал?.. — удивился Лонгин. — На восток. Через земли язычников.

* * *

Барон цур Фирмин защёлкал огнём об кресало, высекая искру. Вспыхнул трут и барон зажгёт свечу. Бережно достал записку от Магды, развернул и в который раз перечитал то, что там написано. Всего два слова, которые убеждали больше многоречивых заверений волшебника. Всего два слова.

«Я вернусь».

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Рис — мальчик (церковный язык).

Терна — колыбель цивилизации, город, в котором живёт тернский папа, глава церкви.

Барон — здесь обобщённое название феодала, у которого в вассалитете есть другие феодалы, то есть в союз баронов входят как дворяне, носящие баронский (самый низший) титул, так и графы, и марграфы.

Табелон — название страны, в которой происходит основное действие романа.

Дюк — то же самое, что и герцог. Здесь: верховный правитель. Подробнее см. «Ведьмина дорога».

Шателен — управляющий замком феодала в его отсутствие. Чаще всего принадлежал к низшим ступеням благородного сословия.

Таблиний — в древности часть дома, отгороженная от садика с одной стороны и общей залы с другой занавесками, в которой хозяин дома занимался делами и хранил документы на досках-таблицах. Здесь — кабинет.

Фенрих — то же, что и знаменщик или прапорщик, только в войске барона. Самый низший командный чин в бою.

«...держался за священный знак» священный знак — здесь — знак договора верующих с Заступником, который миряне носят на теле, а духовенство — поверх одежды

«...осенил себя священным знаком» священный знак — здесь — движение руки, обводящее фигуру священного знака, символизирует договор верующего с Заступником.

Скрипторий — мастерская по переписке рукописей, преимущественно в монастырях.

В старину вязание было мужской работой.

Тавлея — расчерченная доска для игры. Речь идёт об игре, родственной нардам, где от броска костей зависит, на сколько ходов игрок может передвинуть фишки. Игра требует как логики и расчёта, так и слепой удачи.

Почечуй — неприличная болезнь, поражающая как мужчин, так и женщин, возникает по разным причинам, как от безделья, так и от тяжёлой работы

Выбритый затылок — один из вариантов тонзуры. Братья камня выбривают не макушку, а затылок, оставляя волосы спереди такими же, как у мирян.

Жонглёр — уличный артист, певец, танцор, акробат и шут.

Кнехт — простой боец феодальной армии, самый низший, некомандный чин

Рыцарское платье — узкое платье без рукавов, стягиваемое по бокам шнуровкой и надеваемое поверх нижнего платья. Как и рыцарская рубашка, была гербовых цветов своей хозяйки или её сюзерена

Эннен — высокий головной убор на каркасе, здесь — конусовидной формы.

Переярок — волк-подросток, уже не волчонок, но ещё не матерый волк.

Стихи А.В. Лазарфельда, «Опус N 1»

Признанные старшие дети знати как правило получали имя, начинающееся с «А». Атала означает «благородная»

Резаный медяк — монета, у которой обрезали края, чтобы за меньшее количество меди купить столько же, сколько за нормальную монету. Если человека ловили на том, что он обрезает края у монет, ему отрубали руку.

Жилы здесь имеются в виду связки.

Эта и другие истории навеяны «Книжечей наших забав», Р.Шмараков (но не взяты дословно).

Постельничий — здесь — слуга, отвечающий за качество постели и, более широко, спальни своего господина. Среди его обязанностей было хранить постель господина от колдовства и волшебства

— лейн — ласкательный суффикс в Тафелоне как для мужских, так и женских имён

Алгеймайны (здесь) — отряды, собранные баронами со всей страны, подчиняющиеся непосредственно совету баронов, а не какому-то одному феодалу

Баллиста — что-то вроде огромного арбалета (строго говоря, всё наоборот, это арбалет — ручная баллиста); катапульта — метательное орудие, где груз ложился в гигантскую ложку (есть и другие значения, например, катапульта как любое метательное орудие); требуше, он же требушет — камнемёт, действующий по принципу гигантской пращи.

Комтур — здесь — командир отряда братьев-рыцарей в воинствующем ордене

Легат — личный посланец Святейшего папы.

По вере прозревших душа человека после смерти рождалась заново, потому что души людей пойманы Создателем и заперты в мир.

Физант — богатая империя на пути к святым землям, славится своей культурой.

Тривиум и квадривиум — составляющие семи свободных искусств. Тривиум включает в себя грамматику, логику и риторику, квадривиум — арифметику, математику, музыку и астрономию.

Ютания — страна на северо-западе, лежащая за Хларией через пролив

Лельфы — народ, властвующий в святых землях. Обычно о них говорят просто «неверные».

Шоссы — составляющая часть средневековых штанов, нечто вроде чулок, доходивших иногда до промежности и крепившихся к поясу брэ, одежде, исполнявшей роль мужского нижнего белья. Место соединения шосс прикрывалось рубашкой и прочей верхней одеждой.

Полторные мечи, они же полтораручные, то есть такие, которые допускают как одноручный, так и двуручный хват.

Сангва — кровь, холе — желчь. Согласно древним теориям строения тела, человек состоит из четырёх жидкостей, иначе соков: сангвы, холе, флегмы (слизи) и меланхоле (чёрной желчи), которые должны находиться в равновесии. Если равновесие нарушалось, человек заболел

Имеется в виду тонзура, которая у братьев Ордена Камня отличалась от тонзур других орденов.

Головная лошадь — та, на которой едет всадник, в то время как заводная идёт, привязанная к головной.

Утренний дар — подарок, который муж вручал жене наутро после свадьбы. В некоторых случаях жена могла сама говорить о том, что желает в дар, и отказ мужа подчас приводил к разрыву между супругами

Вейция — горная страна на юго-западе от Тафелона и юго-западе от Хларии. Славится в первую очередь наёмниками

Палестра — частная гимнастическая школа для подростков в Древней Греции.

Речь идёт о старинной фразе — *Mens sana in corpore sano*, в здоровом теле здоровый дух

Стадия — древняя мера длины. Одна стадия равнялась примерно 200 метрам.

Вечерние изумруды — хризолиты.

Прострел — народное название ишиаса, боль в спине.

Немая монета — то есть монета без надписей, только с изображением

«Огромные щиты на колёсах, из-за которых летели вражеские стрелы» такие щиты назывались мантелеты.

За основу рассказанной Полди сказки взята легенда о Мелюзине.